

ВОЗРОЖДЕНИЕ
КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

ИЛИ

ПЕРВЫЙ ВѢКЪ ГУМАНИЗМА.

Соч. Георга Фойгта.

Перевелъ со 2-го нѣмецкаго изданія, передѣланнаго авторомъ,

И. П. РАССАДИНЪ.

СЪ ПРЕДСЛОВИЕМЪ И АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

Т О М Ъ І І .

Изданіе Н. М. Салдатенкова.

МОСКВА.

Типографія М. П. Щепкина, Средняя Кисловка, д. Волговыхъ.

1885.

И. П. Рассадинъ.

(Некрологъ).

Корректурa послѣднихъ листовъ настоящаго тома была отправлена его переводчику около половины юня нынѣшняго года. Иванъ Петровичъ чувствовалъ себя такъ плохо, что не могъ уже приняться за нее. Черезъ нѣсколько дней его не стало. Въ лицѣ И. П. русская литература лишилась одного изъ самыхъ честныхъ и образованныхъ труженниковъ и искусныхъ посредниковъ между русской и западной наукой. И. П. происходилъ изъ мѣщанской семьи и родился въ Москвѣ въ 1832 г. Отецъ его, человѣкъ умный и честный, хотя нѣсколько суровый, всю жизнь завѣдывалъ дѣлами разныхъ лицъ и подъ старость добился обеспеченнаго положенія. Какъ большинство людей, пробившихъ себѣ дорогу собственнымъ трудомъ и энергій, онъ былъ крутаго нрава и не сносилъ никакихъ противорѣчій. Вся семья передъ нимъ дрожала, и мало ласки видѣли отъ него дѣти. Понимая цѣну образованія, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ дать хорошее образование своимъ дѣтямъ. И. П. былъ имъ помѣщенъ во 2-ю Московскую гимназію, гдѣ подъ руководствомъ А. Н. Робера прекрасно изучилъ классическіе языки. Окончивъ съ успѣхомъ курсъ наукъ въ гимназіи, И. П. поступилъ въ 1852 г. на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета; слушалъ Грановскаго, Кудрявцева, Леонтьева и др. Какое свѣтлое воспоминаніе оставило въ душѣ И. П. пребываніе въ университетѣ всего лучше видно изъ прекрасной статьи его На могилѣ наставника, написанной въ го-

довщину смерти Грановскаго. (Русскій Курьеръ, 1879 г., 6 октября). На студенческой скамьѣ И. П. преимущественно занимался исторіей и древними языками и считался въ средѣ своихъ товарищей лучшимъ знатокомъ латинскаго и греческаго языковъ. Покойный П. М. Леонтьевъ съ свойственной ему проницательностью еще на первыхъ курсахъ намѣтилъ И. П., а съ третьяго курса пригласилъ его въ сотрудники по изданію латино-русскаго словаря. Всѣ товарищи И. П. думали, что профессоръ готовитъ его себѣ въ преемники и заранѣе поздравляли его съ этимъ отличіемъ. Не чуждъ былъ этихъ розовыхъ надеждъ и самъ И. П., но судьба рѣшила иначе. Для научныхъ занятій нужно спокойствіе духа, а его-то и не было. Тяжелыя семейныя обстоятельства, о которыхъ мы не имѣемъ права распространяться, дали первый толчекъ къ развитію въ покойномъ той болѣзни русскихъ писателей, которая преждевременно отняла у русской литературы Помяловскаго, Рѣшетникова, Левитова, Алмазова и многихъ другихъ. Подобно всѣмъ этимъ писателямъ, И. П. сталъ искать забвенія въ винѣ, бросилъ заниматься, мало посѣщалъ лекціи и окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ. Пробывъ около двухъ лѣтъ учителемъ русскаго языка во 2-ой Московской гимназій, И. П. вышелъ въ отставку и предался своимъ любимымъ занятіямъ, хотя уже безъ всякой надежды найти достойное примѣненіе ихъ на профессорской кафедрѣ. Жилъ онъ въ это время уроками и переводной работой въ газетѣ Н. Ф. Павлова „Наше Время“. Къ этой порѣ относится его переводъ первой части Плутарховыхъ жизнеописаній съ греческаго, которая была издана обществомъ распространенія полезныхъ книгъ подъ редакціей В. И. Герье, и перваго тома Исторіи Греціи Курціуса, изданнаго, если не ошибаемся, г. Поповымъ. Въ половинѣ шестидесятихъ годовъ судьба забросила И. П. на Кавказъ, гдѣ онъ былъ около десяти лѣтъ учителемъ древнихъ языковъ сначала въ Тифлисской, а потомъ въ Кутаисской гимназій. Тутъ онъ перевелъ извѣстное сочиненіе Гуля и Конера *Das Leben der Griechen und Römer*, оставшееся, къ сожалѣнію, не изданнымъ. Несчастная женитьба выгнала И. П. съ Кавказа. Съ тѣхъ поръ и до конца своей жизни онъ не оставлялъ Москвы, перебивался то частными уроками, то ра-

боталь въ Русской Мысли, Русскомъ Курьерѣ и Русскихъ Вѣдомостяхъ. Въ послѣдніе года своей жизни И. П. сталъ заниматься переводами научныхъ сочиненій для издательской фирмы К. Т. Солдатенкова, и въ этой работѣ нашель свое удовлетвореніе. Я живо помню тотъ восторгъ, съ которымъ онъ принялъ извѣстіе, что переводъ Драматургіи Лессинга порученъ ему. „Нужно, чтобъ переводъ Лессинга былъ его достоинъ“—сказалъ онъ по этому поводу и съ юношескимъ жаромъ принялся за работу. Воспользовавшись всѣмъ, что сдѣлала германская наука, работавшая надъ Лессингомъ, И. П. снабдилъ свой переводъ обстоятельными примѣчаніями, благодаря которымъ это классическое произведеніе нѣмецкой критики стало вполне доступнымъ публикѣ. Кромѣ перевода Гамбургской драматургіи И. П. перевелъ извѣстное сочиненіе Куно-Фишера о Лессингѣ. Послѣднимъ его трудомъ былъ переводъ сочиненія Фойгта Возрожденіе классической древности въ двухъ томахъ, за окончаніемъ котораго его застала смерть.

Когда припоминаешь главныя событія жизни этого даровитаго русскаго неудачника, невольно возстаетъ въ воображеніи его оригинальная, худая, нервная фигура съ своимъ единственнымъ глазомъ, который былъ такъ выразителенъ, когда свѣтился умомъ, ироніей или съ доброй лаской останавливался на собесѣдникѣ. Какъ человекъ, И. П. отличался благородствомъ и независимостью характера; какъ товарищъ, онъ готовъ былъ отдать послѣдній грошъ нуждающемуся пріятелю. Участвуя изъ за куска насущнаго хлѣба въ различныхъ изданіяхъ, покойный всегда оставался вѣренъ лучшимъ стремленіямъ шестидесятыхъ годовъ, хранилъ, какъ зѣницу ока, достоинство своего пера и ни разу не написалъ строки, въ которой ему пришлось бы впослѣдствіи раскаиваться. Мы глубоко убѣждены, что смерть И. П. горько отзовется въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его, что у нихъ долго сохранится въ памяти и прямота его характера, и его своеобразный юморъ, и его благородное любящее сердце.

Н. Стороженно.

КНИГА ПЯТАЯ.

Гуманизмъ при папскомъ дворѣ. Эпоха Николая V. Занятія гелленизмомъ.

Церковь во всѣ времена сознавала, что она есть созданіе духа и что авторитетъ ея зиждется на духовныхъ силахъ. Поэтому она считала мощное слово своимъ прямымъ орудіемъ для борьбы съ противниками. Чтобы защищать вѣру, назидать и проповѣдывать, уже отцы Церкви не пренебрегали и искусствами, заимствованными у язычниковъ, краснорѣчіемъ и риторикою. Задачею воинствующей церкви всегда было—имѣть въ своей власти самое могучее слово. Великіе папы іерархической эпохи сами искусно владѣли рѣчью, духовенство и монахи писали полемическія сочиненія, наконецъ міряне, хорошо владѣвшіе слогами, привлекались къ дѣятельности при папскомъ дворѣ. Если Петръ де Винеа, какъ ловкій риторъ, состоялъ на службѣ у императора изъ дома Гогенштауфеновъ, то противники его, папы, старались заручиться подобными же силами и отстаивать свою политику орудіемъ слова. Къ тому же они поддерживали старинную славу папской канцеляріи, которая всегда считалась лучшею въ свѣтѣ, даже образцовою. Уже въ письмахъ великихъ папъ Иннокентіевъ господствуетъ изящная латынь и рѣчь, болѣе правильная въ грамматическомъ отношеніи. Римскій дворъ долженъ былъ поддерживать свою репутацію разсадника и школы хорошаго церковнаго языка ¹⁾).

Но неизбѣжно должны были обнаружиться другія послѣдствія этого стремленія, когда римская церковь приобщила, въ качествѣ сотрудниковъ, къ своимъ богословамъ и канонистамъ также поклонниковъ вновь воз-

¹⁾ Delisle въ *Bibliothèque de l'école des chartes* Sér. IV T. IV, Paris 1858 p. 30.

рожденной древности. Въ большинствѣ случаевъ они были и остались полуязычниками, служили церкви и получали отъ нея содержаніе, но сердце ихъ не лежало къ ней. Здѣсь они должны были составлять не просто только украшеніе, какъ при дворахъ разныхъ государей и владѣтельныхъ особъ: здѣсь ихъ образъ мыслей, всегда свободный по религіознымъ вопросамъ, проникалъ какъ ядъ въ самый организмъ церкви. Но, какъ мы увидимъ, съ одной стороны настоятельная потребность вести борьбу, а съ другой безпечность римскаго двора заставили его привлечь къ себѣ этихъ модныхъ язычниковъ и посвятить въ свои тайны. Наконецъ гуманизмъ побѣдоносно занялъ папскій престолъ въ лицѣ духовныхъ особъ, которыя предавались усерднѣе новымъ наукамъ, чѣмъ дѣлу церкви.

Междоусобныя войны въ церкви, великій расколъ и соборы по вопросу о преобразованіи духовенства повели главнымъ образомъ къ тому, что новымъ бойцамъ и героямъ слова открытъ былъ доступъ къ римскому двору. Парижскіе доктора и магистры, а вскорѣ и представители схоластической мудрости во всѣхъ университетахъ приняли живое участіе въ церковной борьбѣ, сдѣлались рѣшителями несогласій и судьями. Съ этихъ поръ и папамъ нужны были новые ратоборцы, и они были не особенно добросовѣстны и осторожны въ выборѣ ихъ. Это эпоха появленія цѣлой литературы памфлетовъ и полемическихъ сочиненій, и языкъ ихъ становится общедоступнѣе, полемическій тонъ оживленнѣе и язвительнѣе. Тутъ были нужны люди, которые бы занимались писаніемъ ругательныхъ инвективъ какъ особымъ искусствомъ.

У папъ было простое средство пристроить гуманиста при своемъ дворѣ. Ему давали должность писца (*scriptorium*), или секретаря въ канцеляріи или въ аббревиатурѣ. Хотя всѣ должности по своему характеру были непрочны, зависѣли отъ милости папы или кардинала вице-канцлера, однако пожизненность ихъ стала обычаемъ. Онѣ считались прочными мѣстами, и ихъ нужно было покупать. Мѣсто секретаря стоило около 700 гульденовъ. Мѣсто писца (*scriptor*), которое, конечно, было гораздо ниже, но за то считалось прочнѣе, стоило около 1000 гульденовъ. Въ случаѣ преклонной старости папы или его болѣзни, во время войны или бѣдствій церкви цѣна на эти мѣста падала, но при новой перемѣнѣ условій снова поднималась. Однако большая часть секретарей нѣсколько лѣтъ занимались каноническимъ правомъ, и обыкновенно только такіе и достигали высшаго положенія протонотаріевъ. Вообще служащіе въ канцеляріи не были равны между собою. Простой переписчикъ, который обыкновенно только заготовлялъ бумаги по готовымъ формамъ, всю жизнь оставался второстепеннымъ чиновникомъ и получалъ скудное содержаніе. Напротивъ, человекъ, пользовавшійся милостями, ловкій и старательный, которому довѣрялись болѣе серьезные

дѣла, который писалъ письма къ государямъ и прелатамъ, сочинялъ полемическія статьи, нерѣдко достигалъ высокаго и вліятельнаго положенія. Сверхъ того ему представлялось множество случаевъ пользоваться дозволенными и секретными посторонними доходами. Секретарь легко становился человѣкомъ зажиточнымъ, или по крайней мѣрѣ обеспеченнымъ и хорошо содержалъ свою семью. А если онъ рѣшался вступить въ духовное званіе, то ему отирывалась легкая возможность получать лучшія мѣста, даже высшія церковныя должности. По своей профессіи онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ кардиналами и епископами; его рабочая комната была въ папскомъ дворцѣ. Сънапою онъ бесѣдовалъ лично въ извѣстные дни, поѣтому легко становился близкимъ человѣкомъ и довѣреннымъ лицомъ своего повелителя. Не одинъ кардиналъ началъ свое положеніе скромною долею писца въ папской канцеляріи ¹⁾.

Гуманисты поступали въ папскую канцелярію съ разными цѣлями. Большая часть ихъ, конечно, искала содержанія, потому что довольно трудно было найти выгодную сферу дѣятельности для своихъ талантовъ. Если они женились, это ихъ привязывало къ ихъ должности, и они старались извлечь изъ нея возможные выгоды. А если рѣшались принять посвященіе, то церковь содержала ихъ гораздо лучше, а для ихъ честолюбія открывалась перспектива возвышенія. Но этотъ путь избирали лишь немногіе, въ большинствѣ же случаевъ гуманисты питали отвращеніе къ духовному званію, хотя имъ приходилось довольствоваться конкубинами. Они вполне свыкались съ дѣлами и переносили всякія невзгоды, лишь бы заработать побольше денегъ и современемъ удалиться на покой. Другіе брали на себя лишь нѣкоторыя дѣла, часто отлучались въ отпускъ, или жили при дворѣ какъ люди свободные, конечно, въ ущербъ своей выслугѣ, которая всегда цѣнилась мѣрою труда. Были даже почетные секретари, которые только носили этотъ титулъ, а сами жили во Флоренціи или въ другихъ мѣстахъ. Ихъ рѣдко удовлетворяла эта должность: они чувствовали въ себѣ призваніе къ высшимъ трудамъ, а не къ изученію дѣлъ и дѣловыхъ формъ. Они всегда готовы были предпочесть независимое положеніе придворнаго поэта или по крайней мѣрѣ вліятельнаго государственнаго

¹⁾ Есть нѣкоторыя данныя по вопросу объ официальномъ положеніи секретарей въ полемическомъ сочиненіи Якова Волатерранца въ *Analecta litt.* vol. I, Romae 1772, p. 122. 124. Но напрасно стали бы мы искать свѣдѣній объ этомъ у *Bonamicus de claris pontificiarum epistolarum scriptoribus*, edit. alt. Romae 1770. И свѣдѣнія о лицахъ собраны только изъ печатной литературы; они неполны и нельзя ручаться за ихъ достоверность. Нѣкоторыя данныя извлечены изъ ватиканскихъ регестъ митрополита *Marini degli archiatri pontifici*. 2 voll. Roma 1784. Какъ легко можно бы было пополнить и расширить эти свѣдѣнія въ Римѣ.

канцлера. Должность пиеца гуманисты во всякомъ случаѣ занимали лишь изъ крайности, пока не явились папы, которые, подобно свѣтскимъ владѣтельнымъ меценатамъ, требовали немногаго отъ ученыхъ секретарей, но за то щедро награждали ихъ за ихъ литературные труды.

Сочли, что разные папы не менѣе пяти разъ предлагали П е т р а р к ъ должность секретаря, и могло бы послѣ этого назаться, что они придавали большое значеніе услугамъ прославленнаго писателя. Но, насколько мы знаемъ, секретарство и труды, съ нимъ связанные, постоянно предлагались ему тогда, когда онъ искалъ новыхъ бенефіцій при авиньонскомъ дворѣ. Такое положеніе, которое заставляло его неотлучно жить въ городѣ, казалось ему рабствомъ. Въ тому же при испытаніи его дѣловаго слога, которому онъ подвергся въ 1352 г., оказалось, что его возвышенная, философская рѣчь не годится для канцеляріи. Однако Петрарку глубоко оскорбилъ упрекъ кардинала Талеярана, что онъ не умѣетъ писать ясно, вразумительно для каждаго читающаго, хотя прелать сказалъ это по-дружески. Это тѣмъ болѣе было обидно, что и папа Климентъ VI указывалъ на тѣ же недостатки его слога. Поэтъ объявилъ, что для него унижительно писать «лошнымъ слогомъ» законниковъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно отзывается съ пренебреженіемъ о должностяхъ при папскомъ дворѣ и пожималъ плечами, глядя на «стадо людей, называемыхъ папскими писцами, про которыхъ мы знаемъ, что они скорѣе усердные труженики, чѣмъ люди даровитые». Онъ даже видѣлъ особое право на славу въ томъ, что отклонилъ отъ себя должность, ведущую къ обогащенію, и остался вѣренъ своему стремленію къ «честной бѣдности». Петрарка даже отказался бы, по его словамъ, и отъ епископской каедрѣ, потому что ставить свободу выше всякихъ сокровищъ. По обыкновенію своему Боккаччо, какъ вѣрный оруженосецъ, держался того же взгляда и пренебрегалъ должностями у папы, какъ рабствомъ ¹⁾.

Всѣ первые гуманисты, получившіе приглашеніе отъ римскаго двора, даже авиньонскаго, были тосканцы по происхожденію, флорентинцы по образованію. Это не случайность. Старинная слава флорентинскихъ нотаріальныхъ школъ стала еще громче съ тѣхъ поръ, какъ Флоренцію признали виѣстѣ и средоточіемъ лучшаго и возвышеннаго латинскаго языка. Вообще же говоря, и тосканецъ далеко не охотно покидалъ кругъ образованныхъ друзей своей родины.

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. XIII, 4. 5. XIV, 1. 2. XX, 14. epist. var. 55. epist. var. epist. rer. 55. senil. I, 1. 2. 3. XV, 6. (Opp. p. 1058). *Apologia contra anonymi Galli calumnias: mihi qui episcopatum nolo quique eum gradum, saepe olim mihi non oblatum modo, sed ingestum semper recusavi, praeferens cunctis opibus libertatem etc.*—Boccaccio *Lettere* p. 147.

Первый истинный гуманистъ, поступившій секретаремъ къ папскому двору, даже, по видимому, исавный этой должности былъ З а н о б и да Страда. Онъ, какъ мы помнимъ, когда-то по совѣту Петрарки бросилъ рабскую долю учителя въ латинской школѣ во Флоренціи и искалъ въ Неаполѣ независимаго положенія придворнаго поэта, въ качествѣ придворнаго и секретаря у Акчіайоли. Какъ онъ ни льстилъ послѣднему, однако, по видимому, ему пришлось вести жалкую жизнь въ Неаполѣ. Въ концѣ 1358 г. или въ началѣ 1359 г. папа Иннокентій VI назначилъ его протонотаріемъ и секретаремъ по отдѣлу развѣшеній. Конечно, Петрарка смотрѣлъ на это какъ на повышение, но бранилъ своего поклонника за то, что онъ, изъ за постыдныхъ богатствъ и почестей, отказался отъ свободнаго научнаго труда и домогался должности при вавилонскомъ дворѣ. Наставникъ даже совѣтовалъ ему опять отказаться и снова стать на путь высшей славы ¹⁾. За nobi, отрешившись отъ поэтическихъ плановъ, совсѣмъ отдался должностнымъ занятіямъ и скончилъ такіа богатства, о какихъ прежде и не помышлялъ. Онъ былъ назначенъ папскимъ капелланомъ и имѣлъ возможность доставить своему брату Андрею мѣсто «пріора» во Флоренціи. Конечно, вмѣстѣ съ этимъ муза его умолкла. Письма его въ прозѣ и стихахъ, о которыхъ съ похвалою отзывается Филельфо, конечно, относятся еще ко времени его жизни во Флоренціи. Переводы одного отдѣла нравственныхъ сочиненій св. Григорія и его толкованій на книгу Іова на народный языкъ, вѣроятно, сдѣланы имъ въ Неаполѣ. Но все это, должно быть, утрачено по небрежности его наследниковъ. До насъ дошло развѣ немногое, кромѣ грамотъ за цѣлый годъ, которыя онъ писалъ отъ имени римскаго первосвященника. Почти всѣ онъ имѣютъ важное политическое значеніе, написаны отличныиъ слогомъ, хотя и дѣловымъ, подчасъ снабжены высокопарными воззваніями. Однако на нихъ уже ясно отпечатлѣлось вліяніе новой школы, которая такимъ образомъ получаетъ право гражданства въ папской канцеляріи. Но смерть похитила секретаря, увѣнчанныя поэтическими лаврами, въ Авиньонѣ, на 49-мъ г. жизни ²⁾.

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. XX, 14 отъ 9 февраля (1359), epist. rer. senil. VI, 5. 6 (которыя указано у Фразассети надлежащее мѣсто и они отнесены къ 1359 г.).

²⁾ Ср. томъ I стр. 153, 154, 416—418. Bossasio Lettere p. 189 Philippi Villani libes de civ. Florent. fam. civibus ed. Galloiti p. 16. Книжка Zanobi da Strada Notizie storiche raccolte dal P. S. M. C. P. Firenze 1878 есть сборъ самыхъ обычныхъ исторій. Registrum literarum apost. Innocentii papae sexti—anno sui pontificatus mense editarum et compilatarum per magistrum Zanobium, 250 папскихъ посланій отъ 5 января до 29 декабря 1361 г., у Martene et Durand Thesaurus novus anecdotorum, Lutet. Paris. 1717, p. 843 seq. Здѣсь есть также на стр. 891 грамота относительно брата секретаря. Сохраненію этихъ писемъ мы, быть можетъ, обязаны Акчіайоли, который послѣ его смерти хлопоталъ объ

Папа Урбанъ V пригласилъ въ Авиньонъ въ 1365 г. въ секретари друга друга Петрарки, Франческо Бруни, который прежде преподавалъ реторику во Флоренции. Петрарка не разъ писалъ къ нему и охотно пользовался его услугами при погонѣ за бенефіціями. Въ то время Бруни велъ оживленную переписку съ Салютато. Хотя мы и не знаемъ никакихъ сочиненій его, однако онъ, по видимому, вполне принадлежалъ къ гуманистическимъ кружкамъ. Онъ служилъ нѣсколькимъ папамъ и состарился при римскомъ дворѣ, но жаловался на тяжесть труда и на малое вознагражденіе ¹⁾.

Такъ точно и Салютато прослужилъ нѣсколько времени при римскомъ дворѣ раньше, чѣмъ приглашенъ былъ занять почетную должность во Флоренціи. Но мы уже выше говорили о томъ, что въ Авиньонѣ онъ совсѣмъ не могъ ужиться, а въ Римѣ тоже пробылъ недолго ²⁾. Для такого стойкаго человѣка жизнь при папскомъ дворѣ была невыносима. Въ то же время онъ—последній изъ гуманистовъ, служившій еще въ Авиньонѣ. Въ Италиі у нихъ все таки была родина, Римъ—классическая почва для ихъ любимыхъ идей, и сочувственно относились они только къ римскимъ папамъ. При римскомъ дворѣ гуманисты собираются съ начала XV в.: въ большемъ числѣ, и многіе изъ нихъ находятъ въ этой службѣ свое призваніе.

Поджіо былъ первый изъ нихъ, и ни одинъ изъ его ученыхъ современниковъ не прослужилъ столько лѣтъ при римскомъ дворѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ сношеніяхъ съ нимъ. Онъ оставилъ его въ 1453 г. послѣ полувѣковаго служенія, хотя съ нѣкоторыми перерывами. А десятилѣтіемъ раньше при немъ умерло больше пятидесяти кардиналовъ ³⁾. Поэтому Поджіо могъ назвать себя старшимъ придворнымъ, ветераномъ куріи. Сколько видѣлъ онъ переворотовъ въ церкви, какія превратности въ судьбѣ папъ во время раскола и собо-

ихъ расстрѣ. См. Tanfani Nicc. Acciaiuoli p. 201. Тамъ могло случиться, что у Theiner Codex dipl. dominiі tom. 8. Ledit T. II, не приведено ни одного документа за этотъ годъ первосвященства. М. (magister) de Strata, который по Amati въ Archivio stor. Ital. Ser. III T. III p. I скрѣпляетъ регистры Григорія XII (1406—1490), конечно, уже не Заноби.

¹⁾ Въ документѣ отъ 1 сентября 1365 г. у Hortis G. Voetaci ambasciatore in Avignone, Trieste 1875, p. 55 онъ является мѣсто съ Bonamico флорентинскимъ посланцемъ къ папѣ. Здѣсь онъ называется еще наставникомъ, а не секретаремъ, на что слѣдуетъ обратить вниманіе при опредѣленіи времени писемъ Петрарки. О его положеніи во Флоренціи ср. Тамъ I стр. 315. Salutati Epist. ed. Mehus Praef. p. XXIII: здѣсь онъ въ письмѣ Салютато отъ 14 апрѣля 1380 г. является старикомъ. Другое его письмо къ нему отъ 1371 г. Ibid. epist. 31, также у Baluzius Miscell. T. IV p. 511.

²⁾ Тамъ I стр. 183.

³⁾ Тамъ говорятъ онъ въ своемъ Oratio in funere cardinalis S. Crucis ad. fin. (Opp. p. 269).

ровъ! Однако сердце его никогда не лежало ни къ церкви, ни къ одному изъ папъ. Секретарь смотрѣлъ на римскій дворъ какъ на доходную статью, а своею настоящею родиною считалъ Флоренцію. Поэтому его положеніе въ Римѣ было исключительное. Тутъ проявляются другія черты характера этого многосторонняго человѣка, достойнаго вниманія, которыхъ поэтому мы раньше и не касались.

Проведши юность въ бѣдности и лишеніяхъ, пользуясь благосклонностью Салютато и Никколи, Поджіо устроился въ Римѣ 23-хъ лѣтъ отъ роду. Съ этого начиналъ свое поприще не одинъ бѣдный литераторъ. Онъ былъ домашнимъ секретаремъ кардинала Ландульфо Марамальдо, архіепископа барійскаго. Положеніе это было, вѣроятно не блестящее, такъ какъ прелать не былъ признанъ кардиналомъ, да и на архіепископскую кафедру явились соперники. Но чрезъ нѣскольکو времени счастъе улыбнулось молодому человѣку: по рекомендаціи одного придворнаго, дружнаго съ Салютато, папа Бенедиктъ IX назначилъ его писцомъ (*scriptor*), должность выгодная и для его лѣтъ весьма почтенная ¹⁾. Это мѣсто было постоянное, и Поджіо занималъ его при восьми папахъ, хотя не всегда завѣдывалъ дѣлами ²⁾. Къ этому присоединялись небольшія побочныя должности. При Іоаннѣ XXIII онъ называется тоже писцомъ; потомъ одинъ изъ папъ далъ ему еще право на адвокатуру ³⁾.

Черезъ десять лѣтъ усердной работы, когда констанцская буря грозила всему прежнему папству, когда Іоаннъ XXIII лишился всего, когда дѣла и доходы, сильно разстроившіеся уже во время раскола, совсѣмъ остановились, казальось, и счастливая звѣзда Поджіо готова

¹⁾ Самъ Поджіо говоритъ въ надгробной рѣчи Бруни въ его *Epist. ges. Mehus* p. CXX, что онъ пріѣхалъ въ Римъ въ первосвященство Бонифація IX и paulo post quam accesserat сдѣланъ *scriptor*, anno post (послѣ пріѣзда?) Бонифацій умеръ († 1 октября 1404 г.). Стало быть, онъ пріѣхалъ осенью 1403 г. Съ этимъ согласно то, что барійскій кардиналъ велѣлъ Поджіо написать письмо къ Мазо дельи Альбизци, на которое послѣдній отвѣчалъ 5 февраля 1404 г. (*stilo communi*). Этотъ отвѣтъ въ *Commissioni di Rinaldo degli Albizzi ed Guasti* vol. I p. 66. Однако Поджіо былъ назначенъ чиновникомъ между февралемъ и 1 октября 1404 г., или по крайней мѣрѣ немного раньше. Салютато поздравляетъ его 23 декабря (1404 г.) Оба его письма у *Shepherd Vita di Poggio trad. Tonelli T. II. Append. num. III. V*, а къ Поджіо въ *Salutati Epist. ed. Rigacci P. I. epist. 76. и Marini vol. II p. 127* не нашелъ въ ватиканскихъ регестяхъ другихъ данныхъ о первомъ назначеніи Поджіо.

²⁾ Онъ отказался отъ него по *Marini* I. c. 15 мая 1453, стало быть незадолго до своего отъѣзда во Флоренцію.

³⁾ *Marini* I. c. Благодарственную рѣчь, *quod in advocacionis officio a pontifice adscriptus fuerit*, упоминаютъ *Saxius* p. 127 и *Bandini Catal. cod. lat. bibl. Laurent. T. III p. 498*. А къ должности *in penitentiaria* (исправительный дожъ), по видимому, относится *Poggius epist. II, 2 и XII, 27*, гдѣ онъ сообщаетъ Каллисту, что онъ былъ въ должности при четырехъ папахъ.

была закатиться. Какъ ни плодотворно воспользовался онъ своимъ досугомъ въ Констанцѣ, однако думалъ уже переменить карьеру. Онъ надѣялся устроиться въ Англии, но, какъ оказалось, обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Поджіо слышалъ правда, что Мартинъ V, папа, выбранный въ Констанцѣ, противъ ожиданія возвратился въ Римъ. Но ему въ то же время писали, что многіе чиновники оставятъ службу при римскомъ дворѣ, потому что она даетъ очень плохой доходъ. Священникомъ ему не хотѣлось быть, а другаго ничего не имѣлось въ виду. Профессорское мѣсто во Флоренціи съ жалованьемъ по 600 гульденовъ въ годъ было ему по душѣ, но чрезъ ходатайство Никколи его нельзя было получить—можетъ быть потому, что Поджіо не годился въ преемники Гварино: слабо зналъ греческій языкъ. Оставалось одно—опять воротиться къ прежней должности «и опять зарабатывать пропитаніе письменною работою». Благодаря кардиналу Риччи, открывалась возможность получить мѣсто секретаря. Но какъ оно ни было почетно, все таки это не была желанная «свобода», а напротивъ «начало новаго рабства». Приходилось рѣшиться и на это. Въ февралѣ 1423 г. онъ былъ снова въ Римѣ, а въ маѣ ему безъ всякихъ околичностей поручена была должность секретаря. Папа принялъ его милостиво и давалъ блистательныя обѣщанія. Поджіо опять наложилъ на себя прежнее бремя. Его доходы, конечно, связанные съ исполненіемъ двухъ должностей, стали обильнѣе, такъ какъ папскій престолъ утвердился прочно при строгомъ управленіи папы изъ фамиліи Колоннъ. Онъ однако все еще мечталъ современемъ сбросить съ себя это бремя, когда купить домъ, садъ, виноградники, и будетъ имѣть средства для безбѣднаго существованія. Но Поджіо не хотѣлъ взять на себя новой работы, прибавившейся со смертію его товарища Бартоломмео да Монтенульчано, хотя этимъ путемъ могъ скорѣе обогатиться. Такимъ образомъ ему пришлось еще много лѣтъ исправлять двѣ должности, и его считали не только человѣкомъ зажиточнымъ, а прямо богачемъ ¹⁾.

Съ восшествіемъ на папскій престолъ Евгенія IV и съ открытіемъ базельскаго собора положеніе римскаго первосвященника снова оказалось шаткимъ. Но папа, прогнанный изъ Рима, все таки остался въ Италіи. Поджіо было лестно слѣдовать за нимъ и во Флоренцію. Онъ женился и нашелъ новое счастье въ семейной жизни. Конечно, секретарь жаловался, что его не цѣнятъ и не награждаютъ такъ, какъ бы слѣдовало награждать такого опытнаго литератора и за-

¹⁾ Poggius epist. I, 11. 17. 22. II, 1. 2. 3. III, 23, 39. Веспассиано ошибается, говоря, что сначала онъ былъ секретаремъ, потомъ писцомъ: *in modo che con queste dua dignità tenne ornata e laudabil vita.*

служеннаго придворнаго. Но онъ легко могъ обойтись и безъ службы ¹⁾. На дѣло о преобразованіяхъ, задуманное на базельскомъ соборѣ, онъ смотрѣлъ неодобрительно. Но споръ этотъ далъ ему случай выказать свои дарованія. Папы весьма желали имѣть столь находчиваго и искуснаго писателя, какъ онъ, владѣвшаго такимъ бойкимъ слономъ, умѣвшаго такъ очернить и осмѣять. Поджіо былъ всего менѣе фанатическій сторонникъ церкви, но до мозга костей папскій придворный, жившій доходами отъ куріи, обогатившійся благодаря ей. Поэтому онъ отстаивалъ ея дѣло даже съ личнымъ озлобленіемъ.

У насъ нѣтъ полемическаго сочиненія, написаннаго Поджіо противъ базельскаго собора по порученію папы. Его строгая набожность, по его словамъ, заставила его нѣсколько смягчить бранчивый тонъ. Но мы можемъ читать инвективу, направленную противъ папы Феликса V, возведеннаго на престолъ соборомъ, хотя не знаемъ, первая ли это ея редакція, въ какой она была составлена вскорѣ послѣ избранія антипапы, или смягченная, которая еще разъ была обработана послѣ восшествія на престолъ папы Николая V ²⁾. Богословскихъ и каноническихъ трактатовъ противъ собора и его папы было достаточно, и Поджіо не прибавилъ къ нимъ своего. Онъ написалъ инвективу, т. е. документъ позорящій и ругательный. Не раздумывая хорошенько положенія дѣла ³⁾, онъ ограничился бранчивыми возгласами, но въ этомъ отношеніи превзошелъ все, что было писано въ полемическомъ духѣ за соборъ и противъ собора. Папу Феликса авторъ называлъ кровожаднымъ волкомъ въ овечьей шкурѣ, золотымъ тельцомъ, воздвигнутымъ на поруганіе вѣры скопищемъ людей пропащихъ, подобныхъ ему, вторымъ Магометомъ, который вводитъ новую, неслыханную, гнусную ересь, гадкимъ чудовищемъ, сыномъ сатаны, прожорливымъ дракономъ и т. д. Отцы собора называются отступниками, развратниками, кровосмѣсителями, грабителями, мошенниками, святотатцами, врагами Бога и высшихъ властей, сборищемъ преступныхъ и закоренѣлыхъ фарисеевъ, а ихъ постановленія—рѣшеніями пьяницъ и полоумнымъ бредомъ.—И въ надгробной рѣчи въ честь кардинала

¹⁾ *Epist. VII, 11* отъ 28 апрѣля (1438 г.): *Jam eo in statu sum, ut etiammi quaestus spes. desit, mihi et meis satis sit ad id quod superest vital.*

²⁾ *Poggius epist. VIII, 15* посылаетъ архіепископу миланскому отъ 24 февраля (1440 г.) копію *duarum epistolarum quas nomine pontificis scripsi contra Basilienses et idolum illud* (папа Феликсъ), въ IX, 20 онъ пишетъ врачу Пьеру Томази, что издалъ *puper oratiunculam contra Infelicem*, и письмо это отъ 11 ноября 1417 г. Инвектива напечатана въ *Opp. p. 155 seq.*

³⁾ На нѣкоторые очевидныя ошибки въ немъ я указалъ въ моемъ сочиненіи *Leves Sylvio Bd. I s. 172 note 2.*

Джуліано Чезарини, написанной въ 1444 г., который нѣсколько лѣтъ былъ предсѣдателемъ и духовнымъ главою базельскаго собора, онъ далъ волю своему влеченію. А въ панегирикѣ кардиналу вовсе не ретати вставилъ инвективу противъ отцовъ базельскаго собора, въ которой называетъ ихъ волокитами, обжорами, пьяницами, а соборъ—хоромъ ночныхъ совѣ. Съ удивительною находчивостью изливаетъ онъ цѣлый потокъ подобныхъ ругательствъ ¹⁾.

Часы досуга Поджіо умѣлъ проводить инымъ образомъ. Въ это время онъ съ такимъ другомъ, какъ Антоніо Лоски, бродилъ по развалинамъ вѣчнаго города, удивляясь ихъ величавости, скорбя о постепенномъ ихъ истребленіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ доискиваясь и значенія ихъ. Глубокое чувство, съ которымъ размышлялъ и мечталъ надъ ними Петрарка, соединялось съ желаніемъ изучать ихъ, воодушевлявшимъ Колю и Чиріако. Ему помогала въ этомъ случаѣ его образованная опытность, удача на открытія, долгое пребываніе въ городѣ и теплое участіе образованныхъ друзей. Когда въ Римъ пріѣзжали художники, Брунеллеско, Донателло и Гиберти, желая измѣрить и срисовать древній циркъ, термы, храмы и базилики, разыскивать статуи, медали и камни, то Поджіо, безъ сомнѣнія, былъ ихъ проводникомъ, помощникомъ и истолкователемъ ²⁾. Онъ уже освоился съ Римомъ, сжился съ нимъ, былъ хорошо знакомъ съ его исторіею и питалъ уваженіе ко всякой древности, гдѣ только видѣлъ слѣды ея. Когда-то онъ разыскивалъ въ сокровенныхъ мѣстахъ древнихъ римскихъ писателей и пріюбщая ихъ какъ новыхъ свидѣтелей древняго Рима. Теперь о томъ же говорили и свидѣтельствовали ему и эти разрушающіеся храмы, галереи, термы, театры, водопроводы, ворота, дворцы и триумфальныя арки. Онъ старался разгадать ихъ назначеніе по надписямъ, сохранившимся на нихъ. Въ умѣ его возникалъ обильный міръ идей, когда онъ сидѣлъ на мраморномъ обломкѣ тарпейскаго укрѣпленія, среди разрушенныхъ колоннъ, и смотрѣлъ на Капитолій, нѣкогда воспѣтый *Виргиліемъ*. Теперь онъ поросъ травой и терніемъ, и Поджіо представлялъ себѣ, что когда-то чувствовалъ Гай Марій, сидя на развалинахъ *Каррагена*. Громадный Римъ, лежащій у ногъ его, казался ему какъ бы тлѣющимъ трупомъ исполина, властитель вселенной—обреченнымъ на жалкое рабство. Онъ коротко ознакомился съ развалинами; онъ нераздѣльно слился съ его изслѣдованіями древностей. Поджіо говорить про себя, что хотя онъ съ юныхъ лѣтъ жилъ въ Римѣ, однако къ его удивленію каждый день все ему представляется новымъ, и онъ

¹⁾ *Oratio in funere Juliani de Caesarinis* § 7, 8 въ *Specil. Roman.* Т. X р. 378 seq. Тамъ же въ сочиненіи de variet. fortunae lib. III р. 99.

²⁾ Eug. Müntz въ *Révue archéol.* 1879 р. 49. 50. Ambros. Travers. *Epist.* VIII, 12.

оживаетъ духомъ при видѣ этихъ сооруженій ¹⁾). Плоды своихъ изысканій онъ сообщалъ въ перечнѣ развалинъ древняго Рима. И этотъ перечень, какъ образецъ тѣлности всего земнаго, авторъ помѣстилъ въ сочиненіи, поднесенномъ въ даръ папѣ Николаю V ²⁾).

Какъ прежде, когда Поджіо отыскивалъ классиковъ въ монастыряхъ Германіи и Франціи, такъ и теперь онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что нужно по крайней мѣрѣ спасти для воспоминаній то, что на его глазахъ рушилось, даже варварски уничтожалось ³⁾). Подлѣ церкви Св. Дѣвы *Santa Margherita* еще гордо возвышался среди развалинъ величавый портикъ. Но Поджіо видѣлъ, что многія колонны его были сброшены внизъ и шли на известку. Когда тамъ разводили деревья, то найдена была исполнская статуя Рекубанса. Но сбѣжалась толпа народа смотрѣть на нее, и владѣлецъ съ досады велѣлъ опять засыпать ее землемъ. Изящный надгробный памятникъ Цециліи Метеллы на Аппіевой дорогѣ Поджіо видѣлъ еще вполне сохранившимся, но видѣлъ, какъ большая часть его пошла на известку. Онъ возмущался тѣмъ, что въ Капитоліи, въ который съ триумфомъ входили столько императоровъ, были заложены виноградники и отведено мѣсто для свозки нечистотъ. И дѣло безпощаднаго разрушенія все подвигалось впередъ. Поджіо постоянно указываетъ на гнусный обычай разорять остатки древности, обращая ихъ въ матеріалъ для добыванія извести. Онъ обвиняетъ въ томъ не только невѣжественныхъ горожанъ, но и самого папу Евгенія IV. Мы знаемъ, что когда послѣдній взоспелъ на престолъ, то предоставилъ архитектору при постройкѣ своего дворца подвозить мраморъ изъ античныхъ зданій ⁴⁾). «Мраморъ, пишетъ въ 1443 г. одинъ флорентинскій купецъ изъ дома Альберти, здѣсь въ Римѣ жгутъ цѣлый день на известку; это возмутительно» ⁵⁾). Папы, вы-

1) Poggius epist. IX, ed. Tonelli, также у Bart. Facius de vir. illustr. ed. Mehus p. 96.

2) Poggii Bracciolini Florentini historici de varichate fortunae libri quatuor — editi et notis illustrati a Dom Georgio Lutet. Paris. 1723. Часть первой книги, *Urbis Romae descriptio*, есть также въ Poggii Opp. p. 131 и въ *Codex urbis Romae topographicus* ed. Urlichs, Wigseburgi 1871 p. 235. Написалъ ли эту часть книги Поджіо еще въ послѣдній годъ первосвященства Николая V, какъ онъ, по видимому, намекаетъ p. 5, или только диалогъ, не знаемъ. Цѣлое сочиненіе посвящено Николаю V.

3) Почти въ то же время, когда Поджіо пріѣхалъ въ Римъ, Хризолоръ писалъ сравненіе между древнимъ Римомъ и новымъ. (Томъ I, стр. 210). По его описанію можно было бы думать, что онъ видѣлъ Римъ въ его древнемъ великолѣпіи, если бы этому не противорѣчили сѣтованія Петрарки.

4) *De maris antiquis existentias, ubi fuit Sessa antiquae*. Указаніе магистру Philippus Johannis de Picis sculptor marmorum отъ 10 октября 1431 г. въ *Archivio Stor. Ital. Ser. III. T. III P. I p. 212*.

5) У Fabronius Cosmi vita vol. II p. 165.

педніе изъ среды гуманистовъ, столь же повинны въ этомъ грѣхѣ, какъ и монахъ Евгений IV. Вскорѣ намъ придется разсказывать о томъ, какимъ ужаснымъ губителемъ древнихъ зданій былъ прославленный папа Николай V, обуреваемый страстью къ сооружеціямъ, которому Поджіо посвятилъ свою книгу. Пій II въ молодыхъ лѣтахъ выражалъ такое же негодованіе, какъ Петрарка, Поджіо и Бьондо ¹⁾. Онъ подтвердилъ буллою прежнія угрозы отлученіемъ отъ церкви и денежнымъ штрафомъ за разрушеніе развалинъ безъ дозволенія папы. Но и самъ не стѣсняясь велѣлъ брать травертинъ для своихъ построекъ изъ Колизея, Капитолія и другихъ зданій ²⁾.

Поджіо взывалъ о сожалѣніи къ остаткамъ древности и указывалъ на ихъ безопадное истребленіе. Этотъ голосъ не остался безъ отклика, потому что Поджіо всѣ боялись. Во время своихъ поѣздокъ по Церковной области онъ искалъ повсюду развалинъ древнихъ построекъ и сообщалъ потомъ Никколи, что онъ нашелъ во Фраскати, Гроттаферрата или Альбано ³⁾. При этомъ цѣлью его было главнымъ образомъ собраніе надписей. Мы уже знаемъ, какъ подстрелялъ его къ этому Салютато, какъ онъ отыскалъ и увезъ старинную коллекцію аламанискаго монаха, какъ основалъ собственное собраніе, которое недавно вновь отыскано благодаря счастливой случайности и въ немъ сохранилось много надписей, которыя иначе могли погибнуть ⁴⁾. Изъ писемъ собирателя къ Никколи мы узнаемъ и время, и обстоятельства его находокъ и видимъ, съ какимъ усердіемъ онъ это дѣлаетъ, не боясь никакихъ трудовъ. Сначала Поджіо посылаетъ своему другу надписи, найденныя близъ Тиволи, потомъ надгробную надпись, открытую по дорогѣ въ Остію на берегу Тибра. Въ 1427 г. Козьма Медичи былъ въ Римѣ. Поджіо съѣздилъ съ нимъ въ гавань, но не нашелъ тамъ ничего. Плодотворнѣе была другая поѣздка, предпринятая въ слѣдующемъ году съ Бартоломео да Монтепульчано въ

¹⁾ Часто находятъ въ рукописяхъ его стихи, напечатанные также у Mabillon *Museum Ital.* T. I p. 97:

Oblectat, me, Roma, tuas spectare ruinas,
Ex cuius lapsu gloria prisca patet.
Sed tuus hic populus muris defossa vetustis
Calcis in obsequium marmora dura coquit.
Impia ter centum, si sic gens egerit annos
Nullum hic indicium nobilitatis erit.

²⁾ Булла отъ 28 апрѣля 1462 г. у Theiner *Cod. dipl. dominii temp. S. sedis T. III*, p. 422. Ср. Müntz *Les arts à la cour des papes P. I*, p. 266 P. II, p. 7.

³⁾ Poggius *epist.* IV, 13.

⁴⁾ Ср. томъ I, стр. 249. 250.

Ферентино. Тамъ онъ увидалъ одну надпись на крѣпостной башнѣ, но такъ какъ она была высоко, то ее трудно было прочесть; притомъ она закрыта была кустами, и матеріалъ отчасти обсыпался. Двѣ дѣвушки, шедшія мимо, посмотрѣли съ удивленіемъ на страннаго изслѣдователя и своими шутками усладили его труды. Тамъ найдена была и другая надпись, надъ которой Поджіо пришлось проработать нѣсколько часовъ на полуденномъ жару. Вскорѣ послѣ этого онъ добылъ въ Римѣ на Тибуртинскихъ воротахъ еще одну надпись, на которую еще раньше обратилъ вниманіе, но она была совсѣмъ закрыта плющемъ и другою растительностію. Здѣсь сначала нужно было положить много труда на очистку стѣны, что Поджіо тоже сдѣлалъ болтая и смѣясь съ проходившими мимо дѣвушками. Всѣ эти надписи были посланы къ Никколи и включены въ собраніе ¹⁾).

Поджіо и въ Римѣ былъ душею общества, когда въ кружкѣ близкихъ друзей слышались и смѣлыя остроты, и нескромныя рѣчи. Люди образованные и остроумные собирались въ отдаленномъ помѣщеніи самаго папскаго дворца по окончаніи дневныхъ трудовъ. Тутъ они умною и веселою бесѣдою вознаграждали себя за сухія канцелярскія занятія. Тутъ болтали, смѣялись, пили вино, рассказывали разные веселые анекдоты, рѣзвились, не щадили никого, даже его святѣйшество папу Мартина V. Тутъ былъ Антоніо Лоски, который забылъ и про грамматику и про Цицерона и вполнѣ отдавался своему юмору. Тутъ былъ поэтъ Агапито Ченчи де' Рустичи, молодой человѣкъ, бойкій и охотникъ пошутить. Но героемъ нескромныхъ разсказовъ, кромѣ самого Поджіо, называютъ нѣкоего Рацелло изъ Болоньи, вообще неизвѣстнаго намъ. Изъ «Фацецій» Поджіо мы знаемъ, около какихъ темъ вертѣлся разговоръ. Онъ счелъ эти анекдоты стоящими того, чтобы ихъ собрать и изложить хорошимъ латинскимъ языкомъ. Тутъ рѣчь идетъ о распутныхъ кардиналахъ и нахальныхъ духовникахъ, о мужьяхъ - рогносцахъ и развратныхъ женахъ, о глупыхъ попахъ и хитрыхъ францисканцахъ, о разумныхъ и простоватыхъ врачахъ, о Данте и Филельфо, о соблазнительныхъ и неопытныхъ дѣвицахъ, глухыхъ крестьянахъ и остроумныхъ шарлатанахъ. Тутъ есть замысловатая изреченія и невинныя шутки, но въ большинствѣ

¹⁾ Теперь мы читаемъ ихъ во второй его части въ *Corpus inscr. Lat.* vol. VI P. I ed. Vogtman et Henzen p. XXXII. XXXIX. XL, гдѣ ихъ можно легко узнать также по мѣстамъ находки. № 84, по сигламъ h. a. l. r., которыхъ не понималъ Поджіо. Къ соматѣнію Генцень упустилъ изъ виду свидѣтельства въ письмахъ Поджіо; это ep. III, 12 (тоже въ числѣ писемъ Ambros. Travers. epist. XXV, 42) III, 19. 20. 21. 22. ed Tonelli.

это — скандальныя нарушенія супружеской вѣрности и грубыя сальности, пестрое сборище разныхъ разсказовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе часто наперерывъ передаются нестѣсняющимися собесѣдниками. Частію они перешли по преданію, или подслушаны въ жизни, частію взяты изъ книгъ, частію наконецъ выдуманы подъ веселую руку. Таковы были вечернія развлеченія папскихъ секретарей, изъ подъ пера которыхъ выходили торжественныя буллы и серьезные граматки. Они называли свое веселое общество, собиравшееся въ Латеранѣ и не щадившее въ своемъ юмористическомъ настроеніи ни мирянъ, ни духовенство, *bugiale*, мастерскою лжи ¹⁾.

Если бы Поджіо находилъ что нибудь неприличное въ этомъ препровожденіи времени, то, конечно, легко могъ бы и не рассказывать объ этомъ. Но онъ, какъ гуманистъ, любилъ остроты и веселья выдумки, и не заботился ни о церкви, ни о нравственности. Также точно и записывая факціи, онъ радъ былъ, что изложеніе подобныхъ шутокъ легко укладывается въ формы латинской рѣчи ²⁾.

Далѣе примѣръ Поджіо показываетъ, до чего уже безземельны были противъ новой литературы прежніе руководители общественнаго мнѣнія, нищенствующіе монахи. Евгений IV, папа-монахъ, окруженный блюстителями устава всѣхъ орденовъ, не особенно былъ расположенъ къ Поджіо. Но послѣдній не обращалъ на это вниманія, тѣмъ болѣе, что и не ожидалъ особыхъ милостей отъ этого celestialца. А какъ его сторонникъ въ борьбѣ изъ-за собора, какъ человѣкъ необходимый въ качествѣ памфлетиста, онъ чувствовалъ свое положеніе твердымъ. Монахи-блюстители съ своимъ святошествомъ стали противны ему съ тѣхъ поръ, какъ получили силу и вліяніе при римскомъ дворѣ.

Во Флоренціи онъ былъ друженъ съ Траверсари, генераломъ Камальдульскаго ордена, который тоже былъ ревностный поборникъ наблюденія за исполненіемъ устава. Тамъ онъ поддерживалъ мирныя отношенія съ простыми миноритами. Но въ Римѣ всѣ эти монахи или вызывали въ немъ желчное настроеніе, или насмѣшку. Почти во всѣхъ его сочиненіяхъ — объ нихъ намъ еще придется говорить — монахи служатъ предметомъ шутокъ, или язвительныхъ насмѣшекъ. А у нихъ не было сильнаго оружія для борьбы съ нимъ. Они должны были бранить его иногда частнымъ образомъ, а онъ, художникъ этого дѣла, платилъ имъ за это разомъ, притомъ публично, путемъ литературы.

¹⁾ Poggius Conclusiones Libri Facetiarum (Opp. p. 491). Онъ самъ объясняетъ слово *bugiale*: mendaciorum veluti officina.

²⁾ Ibid. Praefat. (Opp. p. 420).

Если они объявляли его врагом вѣры и гонителемъ вѣрующихъ, то онъ съ величайшимъ презрѣніемъ отзывался о слѣпой, нерадивой черни, которая только и понимаетъ, что крики тупоумныхъ монаховъ, а не высокую мудрость древняго міра. А прямо признать себя принадлежащимъ къ подобной черни постыдился бы каждый честный человекъ при римскомъ дворѣ, каждый прелатъ: все таки эти монахи несомнѣнно принадлежали къ воинствующей церкви.

Поджіо первый гуманистъ, счумѣвшій долго прослужить и прожить при римскомъ дворѣ. Въ то же время онъ представляетъ собою воплощенное противорѣчіе между классическою древностью и іерархіею. Дѣло не дошло до враждебныхъ столкновений лишь благодаря равнодушію гуманистовъ къ религии и церкви съ одной стороны, и ослабѣвшей энергіи этой церкви съ другой. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, какъ гуманисты, все болѣе стекаясь въ Римъ, ведутъ къ прогрессивному вторженію древности въ нѣдра іерархіи.

Когда Поджіо отправился къ римскому двору, то старшій по лѣтамъ другъ его, Ліонардо Бруни, подобно ему выросшій въ бѣдности и призрѣнный Салютато, выразилъ желаніе оставить занятія правомъ и тоже искать почетнаго положенія въ Римѣ. Поджіо удалось подѣйствовать на папу Иннокентія VII чрезъ вліятельныхъ доброжелателей, которыхъ онъ вскорѣ нашель, также благодаря письмамъ его друга, наконецъ съ помощью рекомендаціи Салютато. Поджіо письмомъ пригласилъ Бруни въ Римъ, а когда онъ пріѣхалъ 24 марта 1405 г., то былъ вскорѣ назначенъ секретаремъ ¹⁾. Онъ служилъ папамъ Григорію XII, Александру V и Іоанну XXIII, однако не примѣнился къ придворной жизни при превратностяхъ ея во время раскола, при разныхъ разъѣздахъ, трепетѣ и бѣгствѣ римскаго двора. Онъ былъ уже не такъ молодъ, да и не такъ гибокъ, какъ Поджіо. Вообще это былъ человекъ болѣе серьезный, даже грустный и мрачный, который не могъ легко относиться къ превратностямъ судьбы и шаткому положенію дѣлъ и доходовъ. Въ то же время это былъ закоренѣлый флорентинецъ, который не могъ отвыкнуть отъ своей духовной родины, забыть Никколи и товарищей по школѣ Хризолора. Ему постоянно желалось, чтобы его снова отозвали во Флоренцію. Конечно, урѣзанная

¹⁾ Ср. Томъ I, стр. 285 слл. *Bruni epist. I, 1. 3. rec. Mehus. Salutati epist. I, 2 ed. Riggaci, тождественное съ epist. 30 ed. Mehus. Poggii Oratio funebris in obitu Leonardi Aretini* при изданіи писемъ послѣдняго у Mehus p. CXX. Такъ изъ письма отъ 17 сент. 1406 г. въ *Commissioni di Rinaldo degli Albizzi* описывается, что онъ завѣдуетъ отдѣломъ *expeditio litterarum*. Дальнѣйшая судьба Бруни при римскомъ дворѣ разсказана нами по его письмамъ, изъ которыхъ Mehus *Vita Leon. Brunii* передъ письмами p. I и Mazzucheli *Scritt d'Italii* vol. II T. IV p. 2198 приводятъ наиболѣе существенное.

должность канцлера, предложенная ему въ ноябрѣ 1410 г., могла привязать его только на два мѣсяца. Тогда онъ счелъ за лучшее вернуться къ Іоанну XXIII, у котораго по крайней мѣрѣ, можно было нажить деньги ¹⁾! Духовное званіе было ему вовсе не по душѣ, какъ и Поджіо, да и стало недоступнымъ послѣ женитьбы на аретинкѣ. Съ папою Іоанномъ онъ развѣзжалъ послѣ этого по Италіи, потомъ отправился въ Констанць, гдѣ опять встрѣтился съ Хризолоромъ. Когда же положеніе его папы становилось все болѣе шаткимъ, а бѣгствомъ своимъ изъ города онъ ввелъ въ бѣду и своихъ приверженцевъ, то Бруни воротился на родину, уже довольно богатымъ челоукомъ, чтобы на досугѣ выжидать лучшаго времени. Жизнь при римскомъ дворѣ послѣ десятилѣтнихъ скитаній опротивѣла ему, какъ и Салютато, не только по множеству дѣлъ, которыя онъ во Флоренціи охотно взялъ на себя, но и потому, что не находилъ въ ней почетнаго положенія, соотвѣтствовавшаго его стоическому идеалу. Когда Мартинъ V пріѣзжалъ во Флоренцію, то Бруни ничѣмъ нельзя было убѣдить — снова поступить на службу къ папѣ.

Болѣе важное значеніе имѣло поступленіе въ папскую канцелярію Антоніо Лоски. Правда, про отца его отзываются какъ про выдающагося доктора правъ, но самъ онъ всегда былъ только магистромъ, ученымъ и поэтомъ. Лоски и въ Миланѣ былъ секретаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придворнымъ поэтомъ ²⁾. Но въ Римѣ онъ является придворнымъ, для котораго служба была истиннымъ призваніемъ, который исполнялъ ее со времени своего поступленія при Григоріи XII до самой смерти при шести папахъ, былъ на соборахъ Пизанскомъ ³⁾ и Констанцскомъ, нисколько не думая о перемѣнѣ своего положенія. Онъ рано счумѣлъ обезпечить себя бенефиціями, которыя впрочемъ не помѣшали ему жениться. Такъ же точно счумѣлъ онъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ нѣсколько придворныхъ должностей, но затѣмъ, чтобы усердно исполнять ихъ. Свою грамматическую ученость и цецероновское краснорѣчіе онъ привелъ въ гармонію съ служебнымъ дѣломъ, даже извлекъ изъ нихъ пользу для него. При римскомъ дворѣ Лоски сдѣлался важнымъ лицомъ, однако больше всего любилъ находиться въ обществѣ такихъ друзей, какъ Поджіо, Ченчи и Бруни. Къ этимъ даннымъ о личности секретаря прибавимъ и то обстоятельство, что извѣстія, добытыя изъ ватиканскаго архива, проливаютъ болѣе яркій свѣтъ на дѣятельность подобнаго придворнаго.

¹⁾ Cuius pontificatus quaestuosissimus fuit, говоритъ Поджіо въ oratio funebr.

²⁾ См. томъ I, стр. 460.

³⁾ Его вообще неизвѣстная Oratio ad utramque collegium cardinalium pro unienda ecclesia in concilio Pisano уязана въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. II p. 217.

Прежде чѣмъ Лоски былъ выбранъ въ секретари Григоріемъ XII, онъ, по видимому, являлся въ Римѣ съ ходатайствомъ къ разнымъ лицамъ ¹⁾. А потомъ онъ сдѣлался близкимъ лицомъ папы, его *familiaris*, титулъ, которымъ постоянно называютъ его и послѣдующіе папы. Это показываетъ, что онъ пользовался у нихъ личнымъ довѣріемъ. Отъ папы Александра V онъ получилъ еще должность (*scrittoria*) «за услуги, оказанныя имъ апостольскому престолу». Кромѣ того Іоаннъ XXIII 1 января 1412 г. назначилъ его нотаріусомъ, и въ этой должности онъ является на Констанцскомъ соборѣ, а 22 іюля также аббревиаторомъ. Далѣе въ 1410 г. онъ далъ ему десятую долю доходовъ, а въ 1413 лень. При этомъ папѣ можно было хорошо выслужиться. Лоски послѣдовалъ за нимъ въ Констанць, но оставилъ этотъ городъ, какъ и Бруни, въ маѣ 1415 г., когда дѣло его папы было рѣшено не въ пользу послѣдняго. Правда, Мартинъ V, при новомъ устройствѣ римскаго двора, опять назначилъ его своимъ секретаремъ 12 декабря 1418 г., но Лоски, по видимому, воротился въ Римъ не раньше 1421 г. Онъ уже былъ старъ и умеръ въ первосвященство Евгенія IV въ 1441 г. ²⁾.

Лоски былъ при римскомъ дворѣ не простымъ составителемъ буллъ и грамотъ; это видно уже изъ того, что къ его услугамъ часто прибѣгаютъ по политическимъ дѣламъ. При Іоаннѣ XXIII онъ ѣздилъ нунціемъ въ Германию и другія страны. Папа Мартинъ V посылалъ его посломъ въ Миланъ и вторично къ королю Сигизмунду въ Буду, за что онъ возведенъ былъ въ пфальцграфы. И при римскомъ дворѣ онъ велъ часто переговоры чисто политическаго характера отъ имени своего повелителя ³⁾. Онъ былъ придворнымъ чиновникомъ не только по должности, но и по преданности своимъ повелителямъ. Римъ {сталъ для него родиною, особенно когда онъ, какъ изгнанныкъ, не могъ явиться въ Виченцу, мѣсто своего рожденія, а къ Милану относился

¹⁾ Въ письмѣ изъ Рима отъ 25 октября 1406 г. у Saxius *v. vita e. s. scritti di Ant. Loschi, Padova 1858 p. 161* онъ пишетъ *properantissime, dum ad recessum festino*. А въ письмѣ отъ 23 іюля 1406 г. *ibid. p. 160* его еще не называютъ секретаремъ, но уже называютъ въ разговорѣ Григорія XII отъ 1 января 1407 г. *ibid. p. 182*.

²⁾ Marini vol. I p. 137, p. vol. II p. 103, 110. Schio p. 100, 104, 177, 182—187, Смерть Лоски опредѣляетъ Schio p. 122 съ возможною точностію: 22 мая 1441 г. составлено имъ завѣщаніе; 28 сентября 1441 г. Барбаро пишетъ (*epist. 83 ed. Quirini*) сыну Франческо Лоски о собраніи сочиненій покойнаго, при чемъ предполагается раньше письмо соблазнительнаго характера.

³⁾ Schio p. 184, 109. О посольствѣ въ Миланъ упоминаетъ Poggius *Hist. Florent. op. Muratori Scriptt. T. XX p. 327*. О немъ часто упоминается какъ о ходатаѣ по дѣламъ въ Римѣ въ *Commissioni di Rinaldo degli Albizzi vol. II p. 179—192*. Его прежнее посольство въ Римъ по порученію даме Микеле Стено у Quirini *Diatriba. p. 209*.

равнодушно. Лоски и свою музу посвятилъ на служеніе дѣлу, составивъ новую книгу формъ для придворныхъ дѣлъ. Поэтъ хотѣлъ излагать бумаги возвышеннымъ слогомъ Цицерона, какъ раньше его поступалъ Салютато, нѣкогда его личный доброжелатель, который облагородилъ канцелярскій слогъ. Правда, Лоски не могъ побороть представившихся затрудненій, зависѣвшихъ отъ юридическаго характера самыхъ формъ, но несомнѣнно оживилъ латинскій языкъ въ тѣхъ документахъ, которые съ того времени исходили отъ римскаго двора и по своему качеству менѣе были связаны юридическою латынью ¹⁾. Флавіо Бьондо, одинъ изъ самыхъ способныхъ и дѣятельныхъ секретарей младшаго поколѣнія, признаетъ себя ученикомъ Лоски въ канцелярской практикѣ ²⁾.

Ученыя сочиненія и множество стихотвореній Лоски, по видимому, почти всѣ относятся къ тому времени, когда еще занятія въ канцеляріи и аббревіатурѣ не утомили его. Но по своему направленію онъ вполнѣ принадлежалъ къ кружку товарищей, образовавшихъ себя на чтеніи древнихъ писателей и поэтовъ. Онъ никогда не былъ благочестивымъ смиренникомъ, подобно Маффео Веджіо или Грегорио Корраро, и, не смотря на богатые доходы, не былъ жаднымъ копилелемъ денегъ какъ Бруни. Лучшими друзьями его были веселые собесѣдники *bugiale*, въ особенности Поджіо и Ченчи. Имѣя этихъ людей, онъ называлъ Римъ истинною родиною образованія и краснорѣчія ³⁾. Щедрое угощеніе, великолѣпныя вина и пышные пиры были до такой степени въ его вкусѣ, что Поджіо почти готовъ былъ называть его мотомъ. Онъ изображаетъ намъ одну вакханалію въ саду у Лоски, въ которой дѣло началось съ серьезныхъ и образованныхъ разговоровъ, продолжалось шутками и смѣхомъ, а кончилось громкими криками и сумасбродствами. Это былъ тотъ кружокъ папскихъ секретарей, въ который Валла переноситъ свои діалоги о наслажденіи. Къ сожалѣнію, воспоминанія о Лоски не написаны Поджіо. Онъ хотѣлъ сочинить панегирикъ покойному другу, но отказался отъ этой мысли, когда и Ченчи заявилъ претензію на это право дружбы, а потомъ оба они замолкли, какъ нѣкогда послѣ смерти Хризолора.

¹⁾ *Faciis de vir illustr.* p. 3: *Scriptis item exempla quaedam et veluti formulas, quibus romana curia in scribendo uterchor, quae etiam ab eruditistimis viris in usum recepta sunt.* Книга эта не сдѣлалась извѣстною. Быть можетъ, часть ея есть въ *Formularum instrumentorum, quibus Curia Roman etc.*, указанная у *Lamius Catal. bibl. Riccardi* p. 198.

²⁾ Въ письмѣ къ Галеацио Сфорци онъ говоритъ (1458) въ *Cod. ms. F. 66.* Кор. публ. библ. въ Дрезд. fol. 88: *Antonio Loscho Vicentino, viro eloquentissimo habui. Громкую хвалу воздаетъ онъ ему и въ Italia illustr.* p. 370.

³⁾ Письмо Филельфо къ нему отъ 19 апрѣля 1429 г.

У насъ нѣтъ живой характеристики личности секретаря, тѣмъ болѣе что самъ онъ не собиралъ своихъ писемъ ¹⁾).

При Александрѣ V въ числѣ секретарей является тотъ Джіакомо да Скарпаріа, котораго мы знаемъ какъ поклонника Салютато и одного изъ первыхъ, увлеченныхъ въ Византію желаніемъ изучить греческій языкъ. Воротившись оттуда, онъ продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ Хризолора, перевелъ нѣсколько біографій Плутарха, а главное космографію Птоломея—работа громадная для того времени, прославившая его. Будучи папскимъ секретаремъ, онъ поднесъ ее въ даръ своему папѣ въ 1410 г. Но съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слышно; есть только извѣстіе, что онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ ²⁾).

И поэтъ Бенедетто да Пиліо, назвавшійся такъ по мѣсту своего рожденія, тоже служилъ писцомъ и аббревиаторомъ у Мартина V. Потомъ онъ жилъ въ Болоньѣ и оттуда сопровождалъ кардинала Аннибальди на Констанцскій соборъ. По его участи мы видимъ, какая опасность грозила Бруни и Лоски, если бы они благоразумно не уклонились послѣ бѣгства своего папы. Когда кардиналъ послѣдовалъ за папою съ своими близкими людьми, то Бенедетто 5 апрѣля 1415 г. былъ схваченъ и надолго запертъ въ башню, гдѣ рассказывалъ о своей жизни въ элегіяхъ (*Tristia*) и изливалъ тоску по своимъ друзьямъ-гуманистамъ, жившимъ за Альпами. Когда буря миновала и ему улыбулась свобода, и у Мартина V мы находимъ его снова секретаремъ. Но судьба его замѣчательнѣе его же поэтическихъ и прозаическихъ произведеній, изъ которыхъ становится понятнымъ, почему его имя не упоминается гуманистами ³⁾).

Въ первосвященство Іоанна XXIII поступилъ секретаремъ Агапито Ченчи де' Рустичи, еще молодой человекъ, родомъ римлянинъ. Учителемъ его въ латинскомъ краснорѣчьи былъ въ Римѣ Франческо да Фьяно, о которомъ онъ съ благодарностью и похвалою вспоминаетъ

¹⁾ Poggius epist. II, 8. III, 32. XIII, 1.

²⁾ Ср. томъ I, стр. 212—212. Marini vol. II p. 103. Bandini Catal. codd. lat. Laurent. T. II p. 67. Незавѣстно, слѣдуетъ ли считать въ числѣ папскихъ секретарей Гаспариню да Варзицу. Изъ его ad Alex. V Pont. gratulatoria carmina и ad Alex. V oratio congratulatoria, о которой упоминаетъ Tomasinus Bibl. Patav. Ms. p. 128, 131 этого еще нельзя заключить. Marini vol. I, 241 считаетъ его также секретаремъ Мартина V, но это также несогласно съ обстоятельствами жизни Гаспариню, насколько мы знаемъ ихъ изъ писемъ.

³⁾ Marini vol. II p. 102. Wattenbach Benedictus de Pilca... въ сочиненіи къ дню основанія Гейдельбергскаго собранія филологовъ 1856 г. сдѣлалъ сообщеніе изъ его Libellus roemagis, которая сохранилась въ сборникѣ вѣнской придворной бібліотеки и обнародовалъ письмо его въ Anzeiger für Kund der Deutschen Vorzeih 1879. Nr. 8.

какъ о поэтѣ и прозаикѣ, хотя онъ вообще мало извѣстенъ. Потому онъ усердно учился у Хризолора, котораго чтилъ съ юношескимъ восторгомъ¹⁾. Но съ хорошимъ знаніемъ греческаго языка и литературы и съ изящнымъ латинскимъ слогомъ въ стихахъ и прозѣ онъ соединялъ основательное знаніе права и получилъ въ Падуѣ степень доктора обоихъ правъ²⁾. Такимъ образомъ примѣръ его показываетъ, какъ такой двойной запасъ знаній помогалъ получать должности, доходы и почетъ.

Подобно своему другу Поджіо, Ченчи поѣхалъ съ папою въ Констанць, гдѣ ему вскорѣ пришлось стоять у гроба Хризолора. Потому онъ принималъ дѣятельное участіе въ литературныхъ открытіяхъ и перевелъ Похвалу Бахусу ритора Аристида, потому что содержаніе его показалось ему весьма подходящимъ къ странѣ разгульных варваровъ. Папа Мартинъ V, въ первые же дни по своемъ восшествіи на престолъ, 28 ноября 1417 г., назначилъ его секретаремъ, но и должность писца осталась при немъ. При Евгеніи IV онъ опять является секретаремъ, а Николай V кромѣ этого сдѣлалъ его аудиторомъ въ rota. Въ лицѣ Пія II вступилъ на папскій престолъ его старинный другъ, который тотчасъ же сдѣлалъ его своимъ близкимъ человѣкомъ, потомъ референдаріемъ, въ 1460 г. епископомъ анконскимъ, а въ 1463 г. ввѣрилъ ему болѣе богатую епископію въ Камерино. Мы не знаемъ, былъ ли онъ когданибудь женатъ или овдовѣлъ. Изъ властнаго отзыва Поджіо, что онъ знакомъ по опыту съ воспитаніемъ дѣтей, этого еще не слѣдуетъ³⁾. Полагали, что Ченчи былъ бы возведенъ въ санъ кардинала, если бы смерть не похитила его покровителя и друга Пія II. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и онъ послѣдовалъ за нимъ⁴⁾.

Въ ранней юности Ченчи во многихъ отношеніяхъ сочувствовалъ Поджіо. И его поѣтическая душа огорчалась истребленіемъ развалинъ древняго Рима, и онъ былъ веселымъ и дѣяющимъ жизнь собесѣдникомъ *bugiale*, и онъ считался человѣкомъ, любившимъ заработать побольше денегъ и копить ихъ. Но всему этому нисколько не противорѣчить то явленіе, что въ позднѣйшіе годы онъ сталъ скупъ на

1) Въ предисловіи къ переводу у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Medic. Laurent. T. III p. 374 онъ называетъ его homo sin culla dubitatione dirinus.

2) Такъ въ одномъ документѣ 1451 г. въ университетской книгѣ Лейпцига изд. Штубера Nr. 108 онъ названъ *utriusque juris doctor* и ведетъ одно дѣло, какъ назначенный папою *causarum auditor*.

3) Poggius epist. VIII, 5 ed. Tonelli.

4) Marini vol. II p. 137. 138. Pius II Comment. p. 100. 196. 329. Campanus Vita Pii II ap. Muratori Scriptt. T. II P. I p. 284.

слова и замкнуть въ себя ¹⁾. Его высоко цѣнили какъ писателя, а въ особенности Пій II, который сдѣлался его другомъ ²⁾. Но изящныя ли канцелярскія работы его удостоивались такой чести, или онъ мало заботился о распространеніи своихъ произведеній, только и Веспасіано не зналъ его собственно литературныхъ трудовъ. Мы знаемъ лишь два небольшіе перевода съ греческаго, сообщеніе, составленное имъ для своего наставника о Сантъ-Галленской библиотекѣ (и находившихъ, сдѣланныхъ въ ней, увлекательную рѣчь, сказанную императору Сигизмунду въ Римѣ послѣ его вѣнчанія императорскою короною, и торжественный гимнъ въ духѣ Сафо, пропѣтый въ 1462 г., когда Пій II въ торжественной процессіи принялъ главу св. Андрея ³⁾). Правда, эти сочиненія вполне достойны похвалъ, расточаемыхъ Ченчи, но какъ писатель и поэтъ онъ столь же неплодovitъ, какъ напр. Ауриспа.

Папою Мартиномъ V, избраннымъ на базельскомъ соборѣ, придворные были довольны, потому что при немъ имъ опять открылась возможность зарабатывать много денегъ. Въ Церковной области снова водворились миръ и покорность, въ Римѣ—безопасность, въ церкви послѣ смутъ и бурь, вызванныхъ расколомъ и соборомъ, единство и подчиненіе, западное христіанство нѣкоторое время тѣшечно сопротивлялось, но потомъ опять стало спокойно смотрѣть на эксплуатацію своихъ кошележковъ римскими канцелярскими, а для служащихъ въ нихъ это было «золотой вѣкъ» ⁴⁾. Поэтому къ личности папы они относились довольно равнодушно. Рассказывали между собою удивительныя исторіи, какъ онъ уменьшилъ содержаніе своей духовной семьѣ, давалъ сырую рыбу вмѣсто вареной, жалѣя масла, какъ въ церквахъ тайкомъ задувалъ восковыя свѣчи, находя, что онѣ горятъ даромъ и т. п. ⁵⁾. Но Поджіо замѣчаетъ, что его скупость не вредила никому, т. е. не вредила самому Поджіо, ⁶⁾. Но онъ сомнѣвался, издавать ли ему свой разговоръ о скупости при жизни Мартина V, не заподозрять ли его въ томъ, что онъ писалъ противъ самаго папы ⁷⁾. Однако послѣдній былъ въ явномъ заблужденіи, если тоже хотѣлъ бы дѣлать большіе заказы у золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ткачей ковровъ и пр., быть можетъ, вызываемые необходимою вновь украсить дворецъ и дворецъ. Въ

¹⁾ Vespasiano Cencio Romano: Fu uomo di poche parole, di natura mite e freddo.

²⁾ Comment. p. 100: cum et prosa eleganter scribere et carmen facere promissionem fuit, p. 196: incertum iuris interpret, an orator vel poeta praeclearior.

³⁾ Объ этомъ сообщеніи см. томъ I стр. 240. Рѣчь въ cod. ms. 179 лейпц. унив. библ. fol. III. Гимнъ включенъ Пиемъ въ его комментарий.

⁴⁾ Poggius de variet. fort. Lib. III p. 85.

⁵⁾ Joh. jov. Pontanus de liberalitate l. c. p. 7.

⁶⁾ Poggius l. c. p. 86.

⁷⁾ Poggius epist. III, 24. 35. IV, 6 ed. Tonelli.

наукъ Мартинъ V, по видимому, мало тяготѣлъ. Его правленіе было краткимъ временемъ реставраціи, во время которой папство старалось собрать свои разсѣянные силы, чтобы имѣть возможность устоять противъ военныхъ смуть въ Италіи и смуть среди западныхъ народовъ, вызванныхъ соборами. Изъ кардиналовъ только двое могли считаться покровителями гуманизма, Бранда и Чезарини. Но первый почти всегда былъ въ отсутствіи, какъ легатъ, а послѣдній—настолько бѣденъ, что отъ него нельзя было ожидать большихъ подарковъ.

Однако уже и при этомъ папѣ скромные чиновники канцеляріи, секретаріи и нотаріусы, стали заявлять болѣе гордыя притязанія съ тѣхъ поръ, какъ эти должности начали занимать такіе извѣстные люди, какъ Поджіо, Бруни, Лоски и Ченчи. Они не хотѣли оставаться въ подчиненномъ положеніи. Прежде всего тотчасъ же по восшествіи на престолъ Мартинъ V, слѣдовательно еще въ Констанцѣ, а потомъ во время обѣденъ и процессій эти лица заявили притязаніе на высшее положеніе передъ адвокатами консисторіи. При этихъ торжествахъ они хотѣли быть ближе къ папѣ, чего, по видимому, и достигли. Поджіо взялся за перо въ защиту своего сословія и предложилъ свое полемическое сочиненіе на судъ кардиналовъ. Онъ никакъ не могъ помириться съ тою мыслию, что такой человекъ, какъ онъ, долженъ уступать «площаднымъ крикунамъ», «таможеннымъ чиновникамъ, которые надеждываютъ глотку изъ за одной корысти». Хотя Бруни уже не принадлежалъ къ римскому двору, однако и онъ, подстрекаемый Поджіо, энергически защищалъ честь секретарей. «Вѣдь въ этой должности, писалъ онъ папѣ,—говорю это безъ всякой заносчивости,—служатъ нѣсколько лицъ, отличившихся въ наукѣ и краснорѣчіи, которыми римскому престолу слѣдовало бы гордиться¹⁾». За Поджіо и Бруни раздались голоса Лоски, Бондо и Ауриспы. На базельскомъ соборѣ протонотаріи хотѣли даже идти впереди епископовъ и при этомъ тоже отчасти ссылались на характеръ своей должности, которая приближала ихъ къ особѣ папы, а отчасти и на то, что такіе таланты, какіе нужны для этого занятія, рѣдки²⁾. Они не выиграли дѣла, но не устрашились пристрастнаго рѣшенія собора и возобновили споръ о преимуществахъ на конгрессѣ, собиравшемся по поводу войны съ турками въ Мантуѣ. Здѣсь Пій II, который когда-то самъ служилъ секретаремъ; въ общемъ смыслѣ рѣшилъ дѣло въ пользу епископовъ, но четверо такъ называемыхъ почетныхъ протонотаріевъ получили мѣсто непосредственно за папою, къ которому они

¹⁾ Leon. Bruni epist. V, 5.

²⁾ Aenas Sylvius Commenti de concil. Basil. (in opere: Pius II a calamitibus vindicatus) ed. Fea p. 68.

раньше должны были пробираться въ качествѣ составителей и чтецовъ апостольскихъ буллъ и грамотъ. Но они должны были занимать это положеніе только въ консисторіи, а не въ церкви и не во время праздничныхъ процессій ¹⁾. По своему характеру споръ этотъ, въ которомъ съ перваго взгляда рѣчь шла только объ этикетѣ, былъ борьбою гуманистовъ съ докторами каноническаго права и противъ значенія духовенства.

Нельзя, конечно, сказать того, чтобы Мартинъ V предпочиталъ секретарей-гуманистовъ лицамъ, получившимъ юридическое образованіе. Когда онъ назначилъ секретаремъ Ченчи, то послѣдній былъ образованнымъ юристомъ, а гуманистомъ лишь какъ бы мимоходомъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о Бартоломео Аррагаци да Монтепульчiano, который сдѣлался довѣреннымъ лицомъ папы и вліятельнымъ человѣкомъ при его дворѣ. Однако и онъ былъ прежде всего юристъ и дѣловой человѣкъ. Но и Бартоломео учился немного по гречески у Хризолора, писалъ стихи на латинскомъ языкѣ для собственнаго удовольствія и очень любилъ общество такихъ людей, какъ Поджіо и Ченчи. Онъ былъ любитель и собиратель классическихъ книгъ и въ Констанцѣ воспользовался свободнымъ временемъ для разыскиванія новыхъ классиковъ вѣстѣ съ Поджіо, которыхъ онъ переписывалъ самъ ²⁾. Мы не знаемъ, въ какой должности онъ пріѣхалъ въ Констанцъ, вѣроятно, во второстепенной. И онъ, подобно Бруни, не дождался окончанія собора, но удалился во Флоренцію, чтобы тамъ вполне посвятить себя изученію права ³⁾. Стало быть, Мартинъ V назначилъ его секретаремъ уже въ Италиі, потому протонотаріемъ и наконецъ единственнымъ референдаріемъ (докладчикомъ), положеніе почетное въ кабинетѣ папы, которое сдѣлало его весьма важнымъ лицомъ ⁴⁾. И при Евгеніи IV онъ былъ заваленъ дѣлами и получалъ большіе доходы ⁵⁾. Однако Монтепульчiano постоянно поддерживаетъ дружескія сношенія съ поэтами и гуманистами при римскомъ дворѣ, особенно съ Поджіо. Послѣдній выбираетъ сценою своихъ застольныхъ бесѣдъ объ алчности виноградникъ Бартоломео на Латеранѣ, куда послѣдній пригласилъ его съ Лоски

¹⁾ Булла отъ 12 іюня 1459 г. въ Bullar. Roman. ed. Cherubini, Pii II const. IV, также у Baovius Annal. oecel. 1459 § 24. Cf. Pii II Comment. p. 64. Сравни мою книгу *Vinea Silvio de Piccolomini*. Bd. III S 551.

²⁾ Ср. Т. I стр. 221 — 222. Изъ письма Поджіо III, 12 видно, какъ впоследствии Бартоломео старался достать старинную рукопись Луcretіи.

³⁾ Wattenbach *Benedictus de Pilea* a. 0.

⁴⁾ *Aeneas Sylvius de vir. clar.* XVI. Письма Филельфо къ Трапедино отъ 25 іюля 1460 г. и въ Паризію отъ 31 октября 1464 г.

⁵⁾ Мы это знаемъ изъ письма Поджіо *epist.* III, 39.

и Ченчи. Указываютъ также на сборникъ стихотвореній Бартоломео ¹⁾, но стихи, которые мы читаемъ, темны и неизящны, такъ что намъ понятно, почему они остались неизвѣстными. Однако человекъ съ положеніемъ, богатаго и любимаго въ обществѣ, легко признають поэтомъ, если онъ написалъ стихи и любить слушать похвальные отзывы.

Этимъ объясняются тѣ разнорѣчивыя сужденія о немъ, какъ объ ученомъ и поэтѣ, какія раздаются послѣ его смерти. Онъ умеръ въ июлѣ 1429 г. ²⁾. Какъ человекъ богатый, желая передать потомству свое имя поэта, онъ заказалъ себѣ въ завѣщаніи сдѣлать великолѣпный надгробный памятникъ, который ему должны были соорудить первоклассные художники на родинѣ его, въ Монтепульчано. Памятникъ соорудилъ Микелоццо, а Донателло изваялъ два барельефа ³⁾. Странную эпитафію въ гекзаметрахъ написалъ Антоніо Лоски ⁴⁾. Когда Ліонардо Бруни случайно проѣзжалъ мимо и видѣлъ куски мрамора, привезенные для памятника въ Монтепульчано, то онъ излил цѣлый градъ насмѣшекъ, въ письмѣ къ Поджіо, надъ суетнымъ поэтомъ, за которымъ (не признавалъ никакихъ дарованій и учености ⁵⁾). За это Бруни упрекали въ высокомеріи и неуваженіи къ памяти покойнаго. А когда впоследствии бенедиктинецъ Джироламо Альотти опять сталъ смѣяться надъ Бруни, «который отлично умѣетъ набрасываться на людей, въ особенности когда они умерли», то все таки Поджіо, Ауриспа, Ченчи, Бьондо и Марсупини втайнѣ радовались этому наказанію гордаго канцлера ⁶⁾. Впрочемъ, быть можетъ, обѣ стороны были правы.

Евгеній IV, преемникъ Мартина на папскомъ престолѣ, вышелъ изъ венеціанскаго монастыря и сохранилъ нѣкоторыя добродѣтели монаха, въ особенности безупречный, умѣренный образъ жизни. Въ лѣта ранней юности онъ пѣлъ псалмы и сочинялъ молитвенники и несравненно болѣе заботился о спасеніи своей души, чѣмъ объ

1) У Lamius Catal. bibl. Riccard. p. 60 Descriptio mortis formosissimae invenulae Bartolomeae de Matukianis de Bononia per Barth. de Montepolciano находится въ мюнхенскомъ кодексѣ (Catal. codd. lat. T. II P. II p. 207).

2) Поджіо (epist. III, 37 отъ 9 июля 1427) получалъ только что извѣстіе о смерти его въ Ананья. Годъ подтверждается и надгробною надписью.

3) Остатки послѣднихъ хранятся тамъ же. Gaye Carteggio T. I p. 118.

4) У Lamius I. c. Valla Opp. p. 353.

5) Leon Bruni epist. VI, 5 rec. Mehus. Въ письмѣ, въ сомнѣнію не помѣченномъ числомъ, говорится: An tu illum poetam credis fuisse, qui nullam neque scientiam neque doctrinam cognovit, stultitia vero ac vanitate omnes omnino homines superavit?

6) Aliottus epist. I, 15 отъ 1439 г. къ Поджіо, котораго несомнѣнное отношеніе къ неназванному Бруни онъ старался опровергнуть рѣбно. — Быть можетъ, можно отнести къ числу гуманистовъ при дворѣ Мартина V и скриптора Джіованни де'Кривелли, работавшаго по римской исторіи. Но мы знаемъ только заглавіе къ Valentini Bibli. ms. ad. S. Marc. T. VI p. 35.

образованіи. Гуманистическія вліянія не проникли въ его келью; его не коснулось даже желаніе славы въ потомствѣ, заставлявшее въ то время усиленно биться столь многія сердца. Во время первыхъ лѣтъ правленія ему трудно было удержаться на папскомъ престолѣ: борьба его съ сторонниками Колонны и тѣ войны, въ которыя вовлекли папу его неопытность въ дѣлахъ политическихъ и изъ которыхъ одна вызывала другую, а преимущественно потрясеніе власти галликанскою доктриною и ея органомъ, базельскимъ соборомъ, едва давали ему время перевести духъ. Народный мятежъ прогналъ его изъ Рима, базельскій соборъ низложилъ, а антипапа грозилъ. Ему часто приходилось такъ круто, что онъ не могъ бы содержать и своего двора безъ помощи союзниковъ флорентинцевъ. Въ то время, какъ онъ долженъ былъ ввѣрить дѣло завоеванія и управленія Церковной области въ руки предводителей наемныхъ полчищъ и воинственныхъ кардиналовъ, его личность была окружена монахами. Такъ называемое преобразование монастырей, наблюденіе за исполненіемъ устава—вотъ что только и вызывало исключительно его участіе. Какъ муравьи, выражаясь словами Поджіо, ползали вокругъ его престола минориты-блюстители, народъ хлопотливый, лицемѣрный. Папа по цѣлымъ часамъ слушалъ ихъ болтовню, въ ихъ кругу чувствовалъ себя вполне спокойнымъ и счастливымъ ¹⁾. Поэтому и Траверсари, который у своихъ Камальдуловъ поддерживалъ наблюденіе, былъ въ милости у папы. Когда онъ принесъ ему въ даръ сочиненіе Іоанна Златоуста и жизнь его, переведенныя съ греческаго языка, то Евгенийъ милостиво принялъ ихъ, даже прослушалъ нѣкоторые мѣста. Но даже и Траверсари замѣтилъ, что это въ сущности мало занимаетъ его ²⁾. А когда онъ представилъ ему бѣдныхъ грековъ, которыя уже начали большими толпами выселяться въ Италію, то для Евгения это былъ вопросъ церковной политики, а къ греческой литературѣ онъ отнесся равнодушно ³⁾.

Но и этотъ папа не могъ избѣжать гуманистическихъ вліяній той эпохи, хотя лично они мало касались его. Его дипломатическая церковная борьба заставила принять на службу искуснаго литератора, потому что противники его нападали съ этимъ орудіемъ. Нѣкоторые гуманисты были также допущены ко двору по рекомендаціи кардиналовъ. Въ этой святой коллегіи уже пробудилось стремленіе къ изученію древности, или, быть можетъ, мода на меценатство стала сильнѣе, чѣмъ при предшественникахъ Евгения IV. Пьеро Барбо,

¹⁾ Poggius Dialog. c. hypocrisin l c. Veaspasiano. Eugenio IV papa.

²⁾ Томъ I стр. 292. Ambros. Camald. Hedoerporicon. p. 10. 11. 68. Письмо Траверсари къ его брату Джироламо у Bandini Catal. eodd. lat. bibl. Medec. Laurent. T. III p. 517.

³⁾ Ambros. Travers. epist. I, 19. II, 29 et al. rec. Canasto.

племянникъ папы и кардиналъ въ Санъ Марко, былъ поклонникомъ древности, по крайней мѣрѣ настолько, что съ большимъ усердіемъ собиралъ античные рѣзные камни и монеты, хотя, конечно, больше изъ любви къ драгоценностямъ¹⁾. Просперо Колонна былъ тоже поклонникомъ изученія исторіи и антиварныхъ наукъ и обладателемъ бібліотеки. Поджіо посвятилъ ему свои востольныя бесѣды о скупости, несомнѣнный признавъ, что въ этомъ порокѣ онъ былъ безгрѣшенъ по мнѣнію литераторовъ. Быть можетъ, онъ сдѣлался бы знаменитымъ меценатомъ, если бы его не слишкомъ занимали другіе интересы какъ главу партіи²⁾. Противникомъ его въ коллегіи и въ городѣ былъ Джіордано Орсини. Онъ, повидимому, значительно превосходилъ его въ любви къ наукѣ и искусству. Парадную залу въ его дворцѣ украшала картина, изображавшая сивиллъ, съ надписями, по смыслу которыхъ, пророчества ихъ относили къ Иисусу Христу. И онъ собиралъ бібліотеку латинскихъ классиковъ и даже греческія книги, хотя самъ не зналъ греческаго языка. На собраніе рѣдкостей кардиналъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни денегъ. Особенно гордился онъ космографіею Птолемея, прибрѣтенною во Франціи, но когда Траверсари разсмотрѣлъ ее, то оказалось, что это вовсе не старинная рукопись³⁾. Мы помнимъ, что изъ Германіи онъ получилъ великолѣпный списокъ комедій Плавта и самъ пытался исправить испорченный текстъ новыхъ пьесъ⁴⁾. Въ качествѣ протектора миноритскаго ордена у него не было недостатка въ искусныхъ людяхъ, которые хлопотали для него въ чужихъ земляхъ. Онъ былъ въ сношеніяхъ съ римскими гуманистами, въ особенности съ Поджіо и Лоски, и особенно сочувствовалъ Траверсари⁵⁾. Даже такой ученый богословъ и знатокъ права, какъ Доменико да Капраника, тоже читалъ Сенеку и по крайней мѣрѣ относился доброжелательно къ болѣе серьезнымъ литераторамъ. Онъ также написалъ не мало сочиненій, конечно, не въ духѣ гуманистовъ, но и не въ чисто схоластическомъ. Изъ его нравственно-богословскихъ трактатовъ въ рукописяхъ часто встрѣчается трактатъ Объ искусствѣ хорошо умереть⁶⁾. Но выше всѣхъ кардиналовъ былъ Никколо д'Альбергати, самый преданный привер-

1) Aeneas Silvius Comment. in Anton. Panorm. II, 12. Card. Papiens. Comment. p. 371. Raphael. Volaterr. lib. XXII p. 817.

2) Blondus Italia illustr. p. 325.

3) Объ этомъ говорится въ письмѣ кардинала къ Траверсари, epist. XXIV, 4 rec. Canneto. Geographiam ptolemaes, magna labore magnaue impensa iam pridem ex Gallia addurtam penes me habeo.

4) Ср. томъ I стр. 241.

5) Foggius epist. XI, 41. Ambros. Travers. epist. VIII, 42. XIII, 22.

6) Bonamicus de clar. pontif. epist. scriptoribus p. 138. 139. Другое сочиненіе у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III p. 637.

женецъ папы и предать по истинѣ святой жизни, въ то же время дружелюбный покровитель ученыхъ и гуманистовъ. Его расположеніемъ пользовались не только будущій папа Николай V, но также Эней Сильвій Пикколомини, впоследствии папа Пій II, даѣе Поджіо, Филельфо и Манетти. Греческій кардиналъ Виссаріонъ правда еще не открывалъ своего литературнаго двора, но былъ уже заступникомъ всѣхъ боѣе ученыхъ грековъ, которые по какому бы то ни было случаю обращались къ римскому двору.

Двоихъ изъ кардиналовъ папы Евгенія можно отнести не только къ покровителямъ и любителямъ новой литературы, но прямо къ гуманистамъ. Въ пользу Джуліано Чезарини, кумира базельскаго собора, который потомъ былъ важнымъ лицомъ и при дворѣ Евгенія, говорятъ его рѣчи и письма ¹⁾. И Джерардо Ландриани, епископъ лодійскій, былъ тоже образецъ церковной особы, извѣстной не только за щедратаго мецената гуманистовъ, но жившей съ ними какъ съ равными себѣ. Если онъ былъ во Флоренціи, то лучшимъ его собесѣдникомъ былъ Поджіо. Послѣдній приглашалъ его къ себѣ на завтраки вмѣстѣ съ Никколи, Бруни и Марсуппини. Поджіо посвятилъ ему свою книгу о дворянствѣ. Пользовавшійся дурною славою авторъ Гермафродита называлъ его «нашъ полубогъ», или «выше боговъ» и часто посѣщалъ его въ Лоди. У него была богатая бібліотека классиковъ и между ними нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ. Когда онъ нашелъ въ Лоди превосходный списокъ риторическихъ сочиненій Цицерона, то счастье выпало на долю челоуѣку достойному, который понималъ дѣло и съ радостью ухватился за находку ²⁾. Его ученость хвалить не даромъ. Епископъ по-дружески спорилъ съ Поджіо по одному грамматическому вопросу, который первый разработалъ съ большимъ знаніемъ дѣла и обставилъ многими примѣрами изъ древнихъ писателей. Рѣчи его, говоренныя въ Базелѣ передъ соборомъ и въ качествѣ посла королю англійскому, считались изящными художественными произведеніями и списывались ³⁾. Если были такіе люди при римскомъ дворѣ, то къ нему и безъ поощренія со стороны папы имѣли доступъ знанія, любимыя гуманистами.

Прежде всего правленіе папы Евгенія IV было далеко не прибыльно и не привлекательно для его придворныхъ, такъ какъ они жили доходами отъ дѣлъ. Бури, бушевавшія въ Римѣ и Церковной области

¹⁾ О немъ ср. Voigt. Enea Silvio de' Piccolomini Bd. I, S. 49 ff. 212 ff.

²⁾ См. томъ I стр. 229.

³⁾ Poggius epist. V, 15. VIII, 31. 39 ed. Tonelli. Beccatelli epist. Gall. I, 37. 39. II, 7. 29. IV, 10. Bruni epist. VIII, 8 ed. Mehus. Базельская рѣчь въ Catal. codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II P. III. p. 277, а англійская у Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 242.

и вызванныя неразумными поступками папы съ Колоннами, повели къ его изгнанію. А война съ миланскимъ деспотомъ и особенно грозная оппозиція базельскаго собора поколебали его авторитетъ. Если реформаціонные соборы въ Пизѣ и Констанцѣ во всякомъ случаѣ кончились низложеніемъ римскихъ епископовъ, то того же ожидали и отъ базельскаго собора. Большинство кардиналовъ и епископы даже покинули папу и ожидали, что изъ Базеля возсіяетъ новое свѣтило. Къ этому высшему судилищу обращались всѣ, кто искалъ церковнаго сана, должности, бенефиціи, велъ процессъ или хлопоталъ о разрѣшеніи. Дѣла при курии остановились, а по временамъ и почти совсѣмъ прекращались. Многія изъ чиновниковъ по невѣрности или по нуждѣ оставляли своего повелителя или удалялись въ ожиданіи. Это время было временемъ испытанія и для секретарей-гуманистовъ. Хотя такіе люди, какъ Лоски и Ченчи, не перешли на сторону приверженцевъ базельскаго собора, однако почти скрываются отъ насъ. Отъ Поджіо мы только и слышимъ, что жалобы на невольное бездѣйствіе и отсутствіе заработковъ. «У насъ дѣла идутъ какъ нельзя хуже», пишетъ онъ уже въ январѣ 1433 г. изъ Рима. За этимъ однако послѣдовало бѣгство папы изъ Рима. И еще въ 1442 г. плакался Поджіо, что римскій дворъ такъ истощенъ, какъ будто доживаетъ послѣдніе дни ¹⁾. Но это было и поворотнымъ пунктомъ. Счастье снова улыбнулось Евгению IV, а дѣла антипапы стали явно клониться къ упадку. Этимъ объясняется, почему самые знаменитые гуманисты не стремились къ курии, что въ послѣдней занимали должности большею частію молодые люди, или такіе, которые находили лучшимъ взять плохое мѣсто, чѣмъ никакого.

Первый, кого папа привлекъ въ канцелярію еще на высотѣ своего могущества и чисто изъ nepотизма, былъ одинъ молодой венеціанецъ, отецъ котораго былъ его двоюродный братъ и братъ стараго кардинала С. Гризоно, незаконнаго сына Григорія XII, Григоріо Корраро. Онъ вышелъ изъ воспитательнаго пріюта Витторіно да Фельтре и былъ его любимымъ ученикомъ. Уже въ школѣ, ознакомившись съ Виргиліемъ и Гораціемъ и научившись писать стихи, онъ обнаружилъ необычайную плодовитость какъ поэтъ, притомъ въ разныхъ родахъ. Поэтому Витторіно питалъ надежду, что онъ будетъ вторымъ Виргиліемъ. Большая поэма, написанная гекзаметрами, которую онъ посвятилъ своему брату Андрею ко дню его

¹⁾ Poggius epist. V, 4. 10. 16. Онъ пишетъ (VIII, 12) отъ 11 октября 1442 г.: Curiae vero non idem, qui prior, status, quae ita examinata est, ut extremum spiritum ducere videatur.—Antea curiae opibus susteabar, nunc plane algeo, nil opis perripieus ab ea.

свадьбы, имѣла темою воспитаніе дѣтей, о которомъ юноша говорилъ съ такимъ же глубокомысліемъ, какъ Франческо Барбаро о бракѣ. Въ шести сатирахъ, посвященныхъ своему учителю, бичевались людскіе пороки и слабости. Миоъ о Терезѣ и Прокнѣ онъ перенѣлъ въ трагедію, надъ которою плакалъ старый Витторіано больше отъ радости, чѣмъ отъ ея трогательности. Массу другихъ стиховъ, которые юный поэтъ производилъ каждый день, онъ впоследствии сжегъ, потому что въ нихъ рѣчь шла о любви или подобныхъ ей предметахъ ¹⁾. Корраро перевелъ также на латинскій языкъ нѣсколько басенъ Эзопа. Корраро явился къ своему дядѣ въ Римъ въ 1429 г. поэтомъ и полуязычникомъ, гордый своимъ классическимъ образованіемъ, талантомъ и славою. Онъ готовился жениться. Его идеалами были Плавтъ, Виргилій, Горацій и Цицеронъ, а собесѣдниками Лоски, Ченчи и Поджіо. Старый кардиналъ, человекъ не лишенный учености, привлекъ его къ изученію духовной литературы. Последняя сдѣлала его серьезнѣе, и чѣмъ больше Корраро посвящалъ себя ей, тѣмъ больше осваивался съ мыслью посвятить себя служенію Богу. Корраро принялъ первое посвященіе по совѣту папы Мартина, которому посвятилъ одно лирическое стихотвореніе. Но только послѣ одинадцатилѣтней душевной борьбы онъ окончательно рѣшился посвятить себя церкви. Однако онъ полагалъ, что прежде надобно заботиться о томъ, чтобы Богъ простилъ его, такъ какъ къ духовному званію его привлекала больше любовь къ церковнымъ наукамъ, чѣмъ любовь къ нему, и что въ сердцѣ все еще таилось влеченіе къ язычникамъ. Онъ бросилъ въ огонь стихотворенія непристойнаго содержанія и замѣнилъ ихъ другими религіознаго характера, подобно тому, какъ одно стихотвореніе Горація онъ обратилъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ стихотвореніе во славу Иисуса Христа ²⁾. По видимому, онъ даже восторгался прелестями монашеской жизни, по крайней мѣрѣ настолько, что увлекалъ другихъ. Много читалось его посланіе къ Цециліи Гонзага, которая родилась въ то время, когда Корраро воспитывался въ саза *giocosa*. Она, подобно своимъ братьямъ, выросла на чтеніи латинскихъ классиковъ и уже писала стихи на латинскомъ языкѣ. Потому она пожелала принять постриженіе не смотря на сопротивленіе отца. Въ этомъ намѣреніи ее окончательно утвердилъ Корраро. Онъ совѣтовалъ ей совсѣмъ не читать свѣтскихъ писателей, въ особенности поэтовъ. Авторъ посланія знаетъ по опыту, что они отвлекаютъ умъ отъ божественныхъ наукъ. Въмѣсто Виргилія онъ совѣтовалъ ей

¹⁾ Aliottus epist. II, 4 къ Корраро: quod molle aliquid saperent, utpote in ipsa pueritia abs te confecta. Bucolicum carmen, вообще намъ неизвѣстное, Альотти еще читалъ.

²⁾ Gentis humanae pater et redemptor etc. согласно Horat. carm. I, 12 v. 49.

изучать псалтирь, а вмѣсто Цицерона—Евангеліе ¹⁾). Съ подобнымъ же увѣщательнымъ посланіемъ обратился Корраро и къ одному юношѣ, поступившему въ Картезіанскій монастырь. Самъ онъ никогда не дѣлалъ этого шага.

Въ жизни этого неофита есть черта противорѣчія, которая, насколько мы знаемъ, носитъ скорѣе свѣтскій характеръ. Въ 1431 г. папа Евгений IV назначилъ его протонотаріемъ, и этотъ титулъ Корраро носилъ до самой своей смерти. Но слѣдовъ его официальной дѣятельности не оказывается. Напротивъ, мы встрѣчаемъ юнаго поэта въ свитѣ его дяди на базельскомъ соборѣ. Тамъ 11 октября 1433 г. онъ встрѣтилъ прибывшаго императора Сигизмунда латинскою рѣчью отъ имени собранія, написанною цвѣтистымъ слогомъ гуманистовъ, которую много хвалили. Но ораторъ вовсе не защищалъ дѣла своего благодѣтеля папы, напротивъ предостерегалъ императора противъ его навѣтовъ ²⁾). Потомъ вмѣстѣ съ римскимъ дворомъ онъ былъ во Флоренціи, гдѣ всего больше любилъ посѣщать бібліотеку Никколи и находиться въ обществѣ его и его литературныхъ друзей. Муза его смолкла послѣ монолога, въ которомъ онъ обращается къ Богу, вскорѣ послѣ смерти дяди въ 1445 г. и еще разъ даетъ отчетъ о своемъ обращеніи. Мы также ничего не знаемъ о его занятіяхъ духовною литературою, и въ кружкѣ гуманистовъ больше нѣтъ рѣчи о немъ. Мы знаемъ только, что поэтъ умеръ 19 ноября 1464 г. въ своей богатой коммендѣ, аббатствѣ С. Зеноне въ Веронѣ. Корраро представляетъ собою рѣдкій примѣръ того, какъ человекъ, воспитавшійся на античной литературѣ, порываетъ связи съ нею и съ тѣхъ поръ какъ бы сходитъ со сцены, замкнувшись въ болѣе тѣсный кругъ идей ³⁾).

Непотизмъ и доходы, выдвинувшіе Корраро, по истинѣ не усладили жизнь его товарищу по должности, Флавіо Бьондо. Ему было 35 лѣтъ отъ роду, и онъ уже былъ женатъ, когда долженъ былъ покинуть свой отечественный городъ Форли, вслѣдствіе неудавшагося возстанія противъ фамиліи Орделаффи, и искать мѣста въ изгнаніи. Судя по его учености и тому направленію, по которому онъ шелъ впослѣдствіи, можно думать, что онъ имѣлъ общественное положеніе въ родѣ городского писца. Правовѣдѣніе было чуждо ему и высшей школы онъ, по видимому, никогда не посѣщалъ. Правда, онъ хва-

¹⁾ Это посланіе отъ 5 августа (1440 г.) напечатано у Martene et Durand Vett. Scriptt. ampliss. Collectio T. III p. 829 seq. и въ числѣ писемъ Ambros. Travers. epist. XXV, 20.

²⁾ Ср. Aschbach. Geschichte Kaiser Sigmund's Bd. IV s. 131.

³⁾ Vespasiano Gregorio protonotario apostolico. Обильныя свѣдѣнія о немъ, особенно объ его юношескихъ годахъ и обращеніи см. въ Soliloquium ad. Deum у Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 110—134.

лить своего наставника Джіованни Баллистраріо изъ Кремоны, который посвятилъ его въ тайны грамматики, реторики и поэзіи, но послѣдній никогда не пользовался извѣстностью въ литературѣ. Бьондо, вѣроятно, принадлежалъ къ числу тѣхъ не рѣдкихъ самоучекъ, которымъ чтеніе Ливія внушило любовь къ древности и которые потомъ постепенно расширяютъ кругъ своихъ свѣдѣній. Онъ былъ, очевидно, уже хорошимъ знатокомъ древности и литературы, когда въ 1422 г., будучи въ Миланѣ по дѣламъ своего отечественнаго города, разобралъ Цицеронова Брута, найденнаго въ Лоди, и сообщилъ ученому міру ¹⁾. Вскорѣ потомъ мы встрѣчаемъ изгнанника въ Венеціи. Тамъ Бьондо подружился съ Франческо Барбаро, который былъ на десять лѣтъ моложе его, и дружба ихъ, по видимому, ненарушимо продолжалась до конца жизни послѣдняго. Неизвѣстно, занималъ ли Бьондо въ Венеціи какую нибудь должность, какъ можно думать на основаніи того обстоятельства, что онъ получилъ право гражданства благодаря посредничеству Барбаро ²⁾. Мы не знаемъ также, принялъ ли онъ предложеніе Барбаро, который посланъ былъ преторомъ въ Бергамо въ 1430 г. Онъ хотѣлъ сдѣлать его своимъ секретаремъ. Тогда Бьондо устремилъ свои помыслы къ римскому двору. Но только при Евгеніи IV онъ былъ сдѣланъ нотаріусомъ папской камеры, а черезъ годъ съ небольшимъ—папскимъ секретаремъ, къ чему вполнѣдствіи, когда дворъ былъ во Флоренціи, присоединилась *scrittoria* ³⁾.

Съ тѣхъ поръ какъ Барбаро поступилъ на службу къ папскому двору, онъ оставался въ ней при четырехъ папахъ, до конца своей жизни, и всегда былъ усерденъ. Всегда признавали его основательное знакомство съ дѣлами, умѣнье вести политическіе переговоры, которые нерѣдко поручались ему, и онъ былъ одинъ изъ немногихъ, которые остались вѣрны папѣ, прогнанному изъ Рима и жившему гостемъ во Флоренціи. Онъ сохранилъ неизмѣнную вѣрность долгу и дѣлилъ бѣдность своего повелителя. Бьондо посвятилъ папѣ Евгенію свое первое обширное сочиненіе антикварнаго характера, *Roma instaurata* (Возобновленный Римъ), сравненіе древняго Рима съ новымъ. Это было именно въ то время, когда послѣ возстановленія мира папа-

¹⁾ См. томъ I стр. 280.

²⁾ Говорятъ, онъ былъ городскимъ писцомъ. Но это недоразумѣніе, къ которому легко могло повести письмо Барбаро отъ 22 іюня 1430 г., сообщенное Вильмансомъ въ *Gött. Gel. Anz.* 1879 s. 1433.

³⁾ Эти данныя вывелъ Вильмансъ при сужденіи о цѣнной диссертациі Альфреда Мазіуса *Flavio Biondo, Sein Leben und seine Werke Leipzig 1879* изъ документовъ папскаго архива. Тогдашній камерленго папы былъ его племянникъ кардиналъ Франческо Кондольери. Вѣроятно, Барбаро рекомендовалъ Бьондо въ Флоренцію.

опять вошелъ въ вѣчный городъ и счастье снова улыбнулось ему. Вообще неизвѣстно о другихъ посвященіяхъ сочиненій этому папѣ монаху. Авторъ имѣлъ полное право сказать, что при тяжелой обязанности, на него возложенной, вовсе не желаніе награды побуждало его къ обширнымъ ученымъ трудамъ. Онъ не умѣлъ заискивать расположение у государей и знатныхъ лицъ путемъ лести и посвященій. При томъ по своимъ талантамъ это былъ неутомимый собиратель матеріала, компилирующій, его и приводящій въ порядокъ, а вовсе не блестящій представитель изящной словесности. Стиховъ Бьондо никогда не писалъ. Изложеніе его сочиненій находили не художественнымъ, прозу безцвѣтною и сухою, хотя недостатокъ краснорѣчія и риторическихъ украшеній легко могъ замѣняться искренностью тона, которою проникнуты его сочиненія. А его письма въ которыхъ онъ свободнѣе отъ массы историческаго и антикварнаго матеріала, живы и прелестны¹⁾. Какъ знатокъ и изобразитель римской древности, Бьондо, безспорно, стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ, и намъ еще придется говорить о его литературныхъ заслугахъ. Но мы понимаемъ и причину, по которой заслуги писателя не оцѣнены по достоинству. Какъ общественный дѣятель, онъ былъ скромнѣе, простѣе, кротокъ и трудолюбивѣе, а потому не особенно выдавался. Ученый этотъ, по видимому, держался въ сторонѣ отъ общества и пирушекъ Поджіо, Ченчи и Лоски, развязная нескромность которыхъ не согласовалась съ серьезнымъ характеромъ его и положеніемъ семьянина. Онъ былъ чуждъ всякихъ кружковъ, въ которыхъ гуманисты возводили другъ друга въ знаменитости, и о нихъ рѣдко упоминается въ его письмахъ. Бьондо у всѣхъ пользовался уваженіемъ, и у него едва-ли были враги, но не было и щедрыхъ доброжелателей, которые бы ждали отъ него прославленія своего имени. Епископъ Торчелльскій мѣтко примѣнилъ къ нему выраженіе римскаго сатирика Ювенала *probitas laudatur et alget* (честность хвалятъ, но сама она страдаетъ²⁾). Потомство отнеслось къ нему справедливѣе; оно обильно воспользовалось его трудами.

Вскорѣ послѣ Бьондо—мы лишь приблизительно можемъ опредѣлить время—секретаремъ при римскомъ дворѣ является Лапо да Кастиллоніо, ученикъ Филельфо. Безъ сомнѣнія, какъ знатокъ греческаго языка, его пригласили въ виду предстоящихъ переговоровъ съ

1) Онъ не собиралъ ихъ въ строгомъ порядкѣ. Его сынъ послѣ его смерти собралъ 35 писемъ, которыя я знаю по Cod. ms. F. 66 королевской публичной бібліотеки въ Дрезденѣ. Изъ пользовался и Мазіусъ, приложившій къ своему труду списокъ корреспондентовъ.

2) Его письмо отъ 1462 г. у Мазіуса стр. 19 прим. 5.

Византию о соединеніи церквей. Онъ писалъ изящнымъ слогомъ на латинскомъ языкѣ, былъ основательнымъ знатокомъ греческаго и отлично перевелъ нѣсколько сочиненій Плутарха, Лукіана, Демосоена и Исократы. А такъ какъ, не смотря на его неблестящія личныя качества и бѣдность, онъ пользовался большимъ уваженіемъ у такихъ людей, какъ Бруни, Траверсари и Филельфо, то ему предсказывали блестящую будущность. Но Бьондо умеръ въ ранней юности въ Феррарѣ отъ чумы во время засѣданій собора. Тамъ онъ незадолго до смерти написалъ въ разговорной формѣ сочиненіе въ защиту римской курии отъ ея враговъ, нашедшее большой кругъ читателей, но до сихъ поръ не напечатанное ¹⁾. Оно, конечно, относится къ категоріи полемическихъ сочиненій, которыя были вызваны нападками базельскаго собора и для которыхъ съ обѣихъ сторонъ охотно пользовались бойкою риторикою новыхъ художниковъ рѣчи.

Вѣроятно, и Ауриспа былъ приглашенъ въ секретари какъ ученый, хорошо владѣвшій греческимъ языкомъ. Папа, конечно, познакомился съ нимъ еще во Флоренціи. Вѣроятно, не легко было найти нужныхъ людей, которые могли бы служить писателями и переводчиками при переговорахъ и преніяхъ съ греками. Ауриспа отправляемъ былъ нунціемъ къ королю Кастильскому, въ Сіану и Венецію, что вполне согласовалось съ его постоянною страстью къ путешествіямъ и перемѣнѣ впечатлѣній. Онъ и при слѣдующихъ папахъ не отказывался отъ секретарства, но такъ какъ владѣлъ хорошими бенефиціями и не особенно нуждался въ доходахъ, то всегда работалъ въ канцеляріи по временамъ, смотря по желанію. Это видно изъ множества его отпусковъ и паспортовъ, хранящихся въ ватиканскомъ архивѣ, а также по долговременнымъ отлучкамъ для покойной жизни въ Феррарѣ, куда онъ отправлялся, когда ему было не по душѣ въ Римѣ ²⁾.

Около того же времени, какъ и Ауриспа, въ папскую придворную канцелярію поступилъ юный Эрмолао Барбаро, племянникъ знаменитаго Франческо, вѣроятно, рано вдохновленный послѣднимъ къ изученію древности. Нѣкогда онъ вращался во Флоренціи въ кружкѣ Никколи и Траверсари, и они-то внушили ему любовь къ занятіямъ греческимъ языкомъ. Барбаро усовершенствовался потомъ въ школѣ

¹⁾ Ср. томъ I стр. 338. О сочиненіи *de commedia curiae Romanae* упоминаетъ Aliottus *epist.* IV, 49. VI, 59. Извлеченіе изъ него касательно греговъ, явившихся на соборъ, у Hodus *de Grecis illustr.* p. 30. Другія сочиненія у Negri *Istoria d. Scritt. Florent.* p. 344. На три тома его неопечатанныхъ сочиненій указываетъ Вильмансъ стр. 1491. Объ его личности см. *Vespasiano Lupo di Castiglioni*.

²⁾ *Marini* vol. II p. 142. 143. Время назначенія секретаремъ мы и тутъ не узнаемъ; только уже въ 1437 г. о немъ упоминаютъ, какъ о секретарѣ, по случаю посольства въ Испанію.

Гварино, перевелъ нѣсколько басень Эзопа и подарилъ Траверсари въ знакъ благодарнаго воспоминанія. Это былъ первый плодъ его знаний. Потомъ въ Падуѣ онъ основательно изучалъ права. Папа тотчасъ же назначилъ Барбаро апостольскимъ протонотаріемъ, и этимъ, подобно Корраро, онъ былъ обязанъ своему знатному происхожденію. Мы не знаемъ, работалъ ли онъ когда нибудь въ канцеляріи. Для людей, подобныхъ ему, это назначеніе открывало доступъ къ высшимъ духовнымъ должностямъ. Уже въ 1437 г. ему представлялась возможность занять епископскую кафедру въ Бергамо, но она отдана была другому лицу. Это раздражило Эрмолао, и онъ покинулъ было римскій дворъ, но въ 1443 успокоился, получивъ епископію въ Тревизо, а впоследствии, будучи епископомъ, составилъ себѣ громкое имя въ литературѣ, хотя изъ его сочиненій напечатаны весьма немногія ¹⁾.

Подобное же поприще, благодаря nepотизму, прошелъ при папѣ родомъ изъ Венеціи землякъ Барбаро, Пьеро дель Монте, тоже ученикъ Гварино, учившійся и греческому языку. Возведенный быстро въ должность протонотарія, какъ венеціанецъ, онъ исполнялъ разныя порученія политическаго характера на базельскомъ соборѣ, былъ посылаемъ коллекторомъ въ Англію въ 1442 г. и сдѣланъ епископомъ брешіанскимъ. Но у насъ нѣтъ никакихъ его литературныхъ произведеній кромѣ нравственнаго діалога, въ которомъ собесѣдниками являются Гварино, его наставникъ, Франческо Барбаро и Андреа Джуліано ²⁾.

Во Флоренціи прижкнулъ къ римскому двору Андреа Фьокко, каноникъ своего отечественнаго города, назначенный Евгеніемъ IV секретаремъ и вмѣстѣ писцомъ (scriptor). Это ученый антикварій, нимало не повинный въ томъ, что его книга о римскихъ жрецахъ и должностныхъ лицахъ, посвященная кардиналу Брандѣ, поздѣйшими издателями была приписана почтенному Фенестеллѣ и что его честное имя до новѣйшихъ временъ пятнали позорнымъ названіемъ дерзкаго плагиатора ³⁾.

¹⁾ Подробно говорить о немъ Agostini Scritt. Viniz. p. 229 e seg. Едва ли однако вѣроятно, что онъ родился около 1410 г. Посвященіе басень Эзопа Траверсари въ его Epist. XXIV, 19 гес. Саппето отъ 1 октября 1422 г., но изъ него видно, что онъ былъ во Флоренціи раньше, чѣмъ учился у Гварино. Въ такомъ случаѣ въ бібліотекѣ Никколи онъ былъ просто ребенкомъ-чудомъ. Протонотаріемъ онъ первый разъ названъ въ Franc. Barbarus epist. 29 отъ 12 сентября 1437 г. Точнѣ нельзя опредѣлить времени его назначенія.

²⁾ Rosmini Vita di Guarino vol. III p. 35. Poggius epist. VI, 18 ed. Tonelli называетъ его уже 18 іюля (1437 г.) протонотаріемъ.

³⁾ Эту ошибку замѣтилъ уже Апостола Зено въ Giornale de'letterati d'Italia t. XI, Venezia 1712 p. 335. Ср. Lamius Catal. codd. ms. bibl. Riccard. p. 29. Блондусъ, который въ своемъ сочиненіи de romana locutione отъ 1 апрѣля 1435 г. (Cod. ms. Dresd. F. 66 fol. 63) уже называетъ этого Andrea Florentinus секретаремъ, называетъ его

Карло Марсуппини носилъ всегда званіе папскаго секретаря лишь какъ почетный титулъ и, быть можетъ, не составилъ въ канцеляріи ни одного документа. Когда онъ былъ назначенъ, то былъ еще профессоромъ въ флорентинскомъ университетѣ, а когда былъ канцлеромъ, то его считали занимающимъ должность при папѣ, которую могъ бы, конечно, и исполнять, если бы пожелалъ переселиться въ Римъ¹⁾.

Маффео Веджіо изъ Лоди мы встрѣчаемъ уже какъ поэта въ Миланѣ, гдѣ онъ напрасно старался найти мѣсто или протекцію при дворѣ и избиралъ для своей полу-свѣтской, полу-языческой музы разные сюжеты, даже неприличные²⁾. Оба періода его жизни, гуманистическо-поэтическій и благочестиво-созерцательный, рѣзко отличаются между собою, хотя между ними есть нѣкоторая духовная связь. Старый грамматикъ, учившій его въ Миланѣ, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ повелъ Веджіо слушать проповѣдь брата Бернардино изъ Сіэны, когда послѣдній явился туда въ 1418 г., и хотя Маффео едва понималъ смыслъ его словъ о наказаніи и покаяніи, однако образъ величаваго народнаго оратора навсегда запечатлѣлся въ его памяти³⁾. Съ другой стороны онъ безъ всякаго вліянія со стороны почувствовалъ пламенную любовь къ древнимъ поэтамъ. Виргилій сталъ для него кумиромъ, а единственнымъ желаніемъ—посвятить всю свою жизнь поэзіи. Но, подобно многимъ изъ своихъ сверстниковъ, молодой человекъ могъ лишь втайнѣ восторгаться ими. Отецъ будущаго поэта заставлялъ его заниматься ненавистной діалектикою, а потомъ правомъ, которое онъ изучалъ

также въ *Italia illustr.* p. 35: *Andreas Floccus apostolicus secretarius canonicusque Florentinus, vir optimus eloquentia et edito de magistratibus opere.* Также въ большей части рукописей, насколько онъ извѣстенъ, прямо названо его имя. Имя же Фенестеллы я знаю только по списку, указанному въ *Giornale stor. d. archivi Tosc.* vol. VII p. 147 урбинской библиотеки. Въ самой книгѣ есть частыя указанія на время изданія; сюда же относятся въ сочиненіи de sacerdot. cap. V сравненіе сана жреца flamen съ степенями христіанской церковной іерархіи.

1) Первый разъ я встрѣтилъ его имя въ *Kyriaci Ancon. Itinerarium* подъ 18 октяб. 1417 г. p. 6 ed. Mehus, какъ doctissimus et optimus secretarius папы, а потомъ также въ завѣщаніи Поджіо 19 октября 1443 г.: *Summi pontificis secretarius et civis Florentinus.*

2) Ср. томъ I стр. 438. Сочиненія Поджіо, вѣроятно, напечатаны въ Лоди въ 1491 и 1593 гг., также въ *Bibliotheca patrum maxima* T. XXVI. Я пользуюсь изданіемъ: *Marhei Vegii Laudensis Opuscula sacra, quae reperiri potuerunt, omnia. Nunc primum simul in Germania typis evulgata*—въ *Magna Bibliotheca veterum patrum* T. XV, Coloniae 1622, p. 838 seq. Въ немъ есть между прочимъ и большія сочиненія въ прозѣ. Но нѣтъ книги de rebus antiquis memorabilibus Basilicae S. Petri Romae, обнародованной въ *Acta Sancto-rum* (Bolland.) Junii T. VII sen Pars II Supplementi (illustr. a C. Janningo), Antuerp. 1717. Введеніе Янинга, трактующее о жизни Веджіо и его сочиненіяхъ, не больше какъ компиляція послѣдняго. *Vignati Elogio di Maffeo Vegio, Lodi 1855*, я знаю только по заглавію.

3) Тамъ разсказываетъ онъ въ своей *Vita S. Bernardini* въ *Acta Sancti. die XX Maii* T. V p. 287.

въ Павіи приблизительно съ 1431 г. Но его не привлекало правовѣдѣніе, хотя онъ любилъ древнихъ римскихъ юристовъ, какъ людей умныхъ и краснорѣчивыхъ. Веджіо достойнымъ образомъ закончилъ эти занятія, написавъ книгу *de verborum significatione* (о значеніи словъ)—словарь, извлеченный изъ трудовъ древнихъ правовѣдцовъ, и посвятилъ миланскому архіепископу Бартоломео Капра ¹⁾).

При этомъ Веджіо съ молодыхъ лѣтъ былъ чрезвычайно плодотворнымъ поэтомъ, которому не казались недоступными никакія возвышенные сюжеты эпоса и лирики. Особеннымъ сочувствіемъ пользовалась его поэма, воспѣвавшая послѣдніе подвиги Энея и его смерть. Онъ смѣло назвалъ свое произведеніе XIII-ю пѣснью Энеиды. Въ болѣе краткой героической поэмѣ повѣствовалося о смерти Астіанакса, а въ большой, въ 4 книгахъ, излагался мифъ о золотомъ рунѣ ²⁾. Двѣ книги двустихій поэтъ посвятилъ Марсуппини, который считался образцовымъ писателемъ элегій и эпиграммъ и превосходно отплатилъ за подарокъ ³⁾. Часто также упоминается о «сельскихъ поэмахъ» (идилліяхъ), которыя Веджіо сочинилъ въ 1431 г. въ деревнѣ. Но его поэтическія произведенія пользовались великою славою лишь въ дружескомъ кружкѣ. Имъ не доставало легкости, плавности стиха и вообще отдѣлки; онъ увлекался тѣмъ, что стихи легко давались ему ⁴⁾.

Веджіо не могъ пріобрѣсть себѣ положеніе на своей ломбардской родинѣ, не смотря на множество стиховъ; тутъ онъ постоянно оставался только поэтомъ, которому улыбалась муза, но не судьба. Послѣдняя стала мало по малу благосклоннѣе къ нему, когда онъ переселился къ римскому двору. Григорій IV назначилъ его датаріемъ незадолго до 1441 г. ⁵⁾, что дало ему возможность поселиться въ папскомъ дворцѣ, но немного больше того. Потомъ онъ былъ сдѣланъ аббревиаторомъ и каноникомъ С. Пьетро ⁶⁾, а къ дальнѣйшимъ почестямъ и доходамъ, по

¹⁾ Одну рукопись съ посвященіемъ изъ Павіи 15 марта 1433 г. указываетъ Saxius р. 406, другую Valentinelli Bibl. ms. ad. S. Marci Venet. T. III p. 31. Vespasiano Maffeo Vegio § 1 называетъ этотъ *Vocabulista*—*opera molto laudata*.

²⁾ Всѣ три поэмы есть въ Opp. p. 955 seq. Быть можетъ, *Valleris aurei libri IV* самая ранняя, какъ Марсуппини намекаетъ въ *Carmina ill. poet. Ital. T. VI p. 284*.

³⁾ L. c. p. 281. Mazzuchelli *Scritt. d'Italia* vol. I P. II p. 1005.

⁴⁾ Любопытно сужденіе Беккаделли *epist. Gall. IV, 24*. Такъ какъ онъ былъ въ отличной дружбѣ съ Веджіо, то сдерживается и только предсказываетъ молодому поэту хорошую будущность, *modo sibi tantum non indulgeat. Cortesius de hom. doct. ed. Galletti p. 226* называетъ его *ingeniosus, sed aliquanto turgidior, necdum satis politus*. Мы не можемъ судить о немъ, потому что этихъ поэмъ нѣтъ.

⁵⁾ Въ этой должности, и только въ этой упоминаетъ о немъ *Cyriacus Ancon. Itiner. p. 10* въ октябрѣ 1441 г. Что онъ былъ датаріемъ уже при Мартинѣ V, достаточно опровергнуто у Saxius *Hist. lit. typis Mediol. p. 334. 335. 405*.

⁶⁾ Объ этомъ мы узнаемъ изъ письма Джованни Кампизіо къ Энею Сильвію отъ 7 февраля 1444 г., на которое Эней отвѣчаетъ 25 іюня. Это письма 96 и 117 по моему перечню.

видимому, не нашель доступа. Тогда онъ еще принадлежалъ къ бѣлому духовенству, но уже стоялъ на пути къ обращенію. Раньше этого поэтъ страстно предавался изученію языческихъ наукъ, а теперь его поразили сочиненія блаженнаго Августина, въ особенности «краснорѣчивая и усладительная книга Признаній», которая со времени Петрарки многихъ привела къ набожному созерцанію внутренняго человѣка. Теперь Августинъ сдѣлался для него тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде Virgilій; онъ внушилъ ему любовь къ серьезному изученію церковной литературы и къ благочестивой жизни. Веджіо посвятилъ себя ему и своей матери Моникѣ, и послѣдней все болѣе и болѣе воздавалъ мистическое почитаніе. Онъ написалъ три книги о жизни и смерти блаженной Моники, сочинилъ службу въ честь ея, а вторую въ память перенесенія ея праха изъ Остіи въ Римъ, гдѣ онъ былъ ввѣренъ августинцамъ-отшельникамъ ¹⁾. Онъ дѣятельно участвовалъ и въ сооруженіи памятника. Наконецъ Веджіо сдѣлалъ послѣдній шагъ: онъ пожертвовалъ свое имущество Богу, поступилъ въ орденъ августинцевъ, блюстителей устава, и былъ похороненъ въ капеллѣ блаженной Моники въ 1458 г. Нѣтъ сомнѣнія, что прежній безпечный и даже нескромный поэтъ сдѣлался человекомъ искренно и глубоко благочестивымъ. Его безупречная жизнь, цѣломудріе и набожность хвалять и внѣ его ордена ²⁾. Сочиненія Веджіо чужды всякаго нескромнаго и непріятнаго оттѣнка, даже когда онъ оглядывается на свое прошлое.

Личности Веджіо придаетъ особый интересъ та черта, что муза его, покинувши источники Аганиппы, по выраженію его друга Пиколомини, не умолкла, какъ муза Корраро; напротивъ онъ посвятилъ ее, какъ и свою остальную жизнь, на пользу религіи и церкви. Значительное число его произведеній относится именно къ этому второму періоду ея. Такова много читавшаяся книга О воспитаніи, содержащая въ себѣ въ то же время нравственныя наставленія для юношества. Такъ какъ намъ еще придется говорить объ этомъ выдающемся произведеніи, то здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что Веджіо старается согласить мудрость классиковъ съ ученіемъ священнаго Писанія и церковныхъ писателей. Онъ совѣтуетъ читать Virgilія, Саллюстія и Квинтиліана для образованія ума, но излагаетъ и собственныя религіозныя воззрѣнія и воздаетъ хвалу Богу. Въ книгѣ О стойкости въ монашеской жизни авторъ обращается къ своимъ сестрамъ, которыя молодыми дѣвушками приняли постриженіе подъ именами Елисаветы и Моники. Здѣсь уже вѣетъ монастырскимъ духомъ, хотя авторъ въ то время еще не былъ монахомъ. Но онъ прославляетъ эту жизнь, какъ самую совершенную. Веджіо уже не хочетъ больше

¹⁾ Последнее извѣстіе у Jac. Phil. Bergomas Suppl. chron. fol. 162.

²⁾ Laur. Valla Opp. p. 342. Vespasiano Maffeo Vegio § 1. 2.

слышать объ Овидіи и Гораціи, общается сестрамъ вмѣсто невѣрнаго въ бракѣ Юпитера воспѣвать хвалу дѣвственности ¹⁾. Что содержатъ въ себѣ разсужденія о послѣднихъ четырехъ моментахъ человѣческой жизни, о смерти, страшномъ судѣ, адѣ и раѣ, видно изъ самаго заглавія ²⁾. Бернардино Сиэнскій и Николло да Толентино, жизнь которыхъ написалъ Веджіо, главы и основатели ордена францисканцевъ, блюстители устава, которыхъ считали самыми благочестивыми людьми своего времени. Единственная религиозная поэма, для которой Веджіо снова возсѣлъ на Пегаса и прибѣгъ къ гекзаметру, усвоенному раньше ³⁾, была Антоніада въ IV книгахъ, которую авторъ посвятилъ Евгенію IV. Но онъ не хотѣлъ въ началѣ обращаться къ Апполону, или къ кому либо изъ языческихъ боговъ, а призвалъ Христа. Поэтъ не хочетъ воспѣвать ложные вымыслы, подобно древнимъ поэтамъ, а подобно святому отшельнику побораетъ похоти плоти и духа.

Весьма понятно, что поэмы Веджіо, его трактаты и житія святыхъ вскорѣ были забыты, тѣмъ болѣе, что его проза лишена была силы, точности, живости и красоты. За то онъ соорудилъ прочный памятникъ своему каноникату при соборѣ св. Петра въ сочиненіи о древностяхъ базилики. Здѣсь его классическія знанія принесли пользу при изслѣдованіи средневѣковой церковной исторіи. Правда, Поджіо и Бьондо раньше Веджіо обратили вниманіе на топографію, памятники и надписи классическаго Рима, разыскивали древности и спасали ихъ. Но нашъ авторъ примѣнилъ это направленіе къ самой уважаемой святынѣ, церкви, которой самъ принадлежалъ, въ то время, когда ее стали разрушать и перестраивать. За нимъ всегда останется та заслуга, что онъ первый сталъ разрабатывать научнымъ путемъ церковныя древности.

Такимъ образомъ при Евгеніи IV къ римскому двору поступаетъ замѣчательно много гуманистовъ, особенно, если принять во вниманіе, что личный интересъ папы тутъ не игралъ роли. Если новая школа стилистовъ всюду проникала въ нотаріатъ, то и курія не противилась этому. Также же духомъ времени объясняется и тотъ фактъ, что при этомъ папѣ мы встрѣчаемъ въ Римѣ двухъ наставниковъ греческаго языка.

Римскій университетъ, впоследствии такъ называемый *sapienza*, тоже принадлежалъ къ новымъ учрежденіямъ такого рода, судьба ко-

¹⁾ Трактатъ de perseverantia religionis въ концѣ помѣченъ такъ: Romae apud S. Petrum XIII. Junii 1448. О сестрахъ монахиняхъ упоминаетъ в Valla l. c.

²⁾ Эти трактаты, именно озаглавленные *Philalethes*, в странное, но весьма распространенное *Disputatio inter Solem, Terram et Aurum* есть въ Opp. Указанный у *Zacharias Bibl. Pistor.* p. 6 de foelicitate et miseria Dialogus, кажется, не напечатанъ.

³⁾ О псалмахъ пованнскихъ, или Давидовыхъ, переложенныхъ имъ въ латинскіе стихи, мы только слышимъ, но ихъ нѣтъ у насъ.

торых колебалась между быть, быть на половину и не быть. Основатель его, Бонифаций VIII, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ преподаваніе каноническаго права и богословія и, дѣйствительно, по объѣмъ этимъ наукамъ Римъ имѣлъ по временамъ достойныхъ преподавателей. Но сначала, въ первые семьдесятъ лѣтъ, во время пребыванія папъ въ Авіньонѣ и во время раскола, объ университетѣ почти совсѣмъ забыли. Лишь около 1370 г. о немъ вспомнили, потому что не было юристовъ для практической дѣятельности. Рѣшено было пригласить троихъ преподавателей правъ и назначить имъ по 200 золотыхъ гульденовъ жалованья, также магистра грамматики и логики съ жалованьемъ до 40 гульденовъ ¹⁾. Но мы не знаемъ, состоялось ли это. Потомъ Иннокентій VII вознамѣрился возобновить университетъ. Онъ объявилъ, что изученіе наукъ и искусствъ составляетъ лучшее украшеніе города, и даже общалъ преподавателя греческаго языка, который будеть объяснять греческихъ писателей. Вѣроятно, при этомъ имѣли въ виду Хризолома, достоинства котораго папѣ могли хвалить такіе люди, какъ Поджіо и Бруни. Было ли что нибудь сдѣлано, тоже неизвѣстно. Папа умеръ черезъ два мѣсяца послѣ своего заявленія, и мы прямо узнаемъ, что все дѣло тотчасъ же остановилось ²⁾. Черезъ нѣсколько лѣтъ Хризолоръ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Римъ и даже преподавалъ тамъ, но не какъ университетскій профессоръ, получавшій жалованье, такъ какъ университетъ, по всей вѣроятности, былъ закрытъ.

И послѣ возстановленія папской власти при Мартинѣ V нѣтъ рѣчи объ университетѣ. Тѣмъ больше чести Евгенію IV, что онъ въ первый же годъ своего первосвященства рѣшился возобновить всѣ факультеты, опредѣлилъ права преподавателей и студентовъ и предоставилъ нужные доходы ³⁾. Гражданское право преподавалъ Антоніо Розелли изъ Ареццо, были призваны также въ Римъ декретисты—Ивоне Копполи и знаменитый Людовико Понтано ⁴⁾. Какъ ни неблагоприятно отзывались потомъ на университетѣ смуты въ Церковной области и бури, бушевавшія въ Констанцѣ, онъ однако устоялъ и впослѣдствіи, даже достигъ нѣкотораго процвѣтанія, когда кардиналъ Вителлески сильною рукою возстановилъ порядокъ.

¹⁾ Ахтъ, наметенъ папское распоряженіе, сдѣланное по предложенію консерваторовъ, безъ числа, у Rosmini Storia dell'università degli studj di Roma vol. I p. 271. Тамъ идетъ рѣчь о studium generale propter defectum doctorum iam collapsum.

²⁾ Булла отъ 1 сентября 1406 г. у Raynaldus Annal. l. eccl. 1406 n. 2, Папа говоритъ о huiusmodi studia per longissima spatia hactenus intermissa. Theodoricus de Niem De schismate, Norimb. 1332, lib. II cap. 39: Generale studium in ipsa urbe renovavit, quod eo defuncto statim evanuit.

³⁾ Его булла отъ 10 октября 1431 г. у Renazzi p. 274.

⁴⁾ Renazzi p. 128. 277.

Конечно, нельзя ожидать, чтобы и гуманизм принималъ долю участія въ этомъ процвѣтаніи. Стремленія этой школы были слишкомъ далеки отъ направленія университета. Притомъ послѣдній былъ не настолько обширенъ и разностороненъ, чтобы допустить преподаваніе этихъ отраслей, составлявшихъ предметъ роскоши. Но, по видимому, при папѣ Евгеніи были люди, которые могли преподавать греческій языкъ и латинскую реторику. Такъ со временъ папы Мартина въ Римѣ жилъ Ринуччи да Кастильоне ¹⁾, бывшій въ Византіи вмѣстѣ съ Ауриспою. Тамъ онъ выучился греческому языку и приобрѣлъ много книгъ. Когда онъ воротился на родину, то Траверсари познакомился съ нимъ во Флоренціи. Послѣднему онъ показался безсвязнымъ болтуномъ, который то обвинялъ грековъ въ вѣроломствѣ, то расхваливалъ ихъ гуманность и потому упрекалъ тосканцевъ въ зависти, въ особенности же Бруни называлъ пагубою всякихъ занятій науками. То Ринуччи увлекался изученіемъ древности, то увѣрялъ, что не можетъ раскрыть книги безъ того, чтобы у него не заболѣла голова. Онъ предлагалъ частнымъ образомъ учить греческому языку всѣхъ желающихъ, но также увѣрялъ, что готовъ дѣлать что угодно, лишь бы не вымаливать хлѣбъ учительствомъ ²⁾. Онъ потомъ уѣхалъ въ Римъ и училъ тамъ изъ дружбы нѣкоторыхъ частнымъ образомъ греческому языку, а также и преподавалъ публично въ университетѣ. Молодой Валла былъ его ученикомъ. А когда Поджіо сталъ заниматься греческимъ языкомъ въ 1425 г., то въ часы досуга посѣщалъ Ринуччи, читалъ съ нимъ Горгія и учился у него. Онъ хвалилъ ученость симпатичнаго друга, но находилъ, что греческій языкъ онъ знаетъ лучше, чѣмъ латинскій. Николай V сдѣлалъ потомъ Ринуччи своимъ секретаремъ ³⁾.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и Георгій Трапезунтскій уже преподавалъ въ Римѣ при папѣ Евгеніи. Онъ принадлежалъ къ числу немногихъ грековъ, которые выучились на итальянской почвѣ хорошему латинскому языку и реторикѣ, а потому могли преподавать высшій курсъ. Горгія сдѣлалъ опытъ въ Венеціи, но Барбаро рекомендовалъ его римскому двору, такъ какъ вскорѣ должны были открыться переговоры о соединеніи Церквей. Грекъ этотъ давно уже обратился къ «католической истинѣ», поэтому предложилъ папѣ свое сотрудничество въ дѣлѣ соединенія. А когда онъ пріѣхалъ во Флоренцію съ семьею, то сталъ преподавать въ тамошнемъ университетѣ

¹⁾ Самъ себя онъ называетъ томе аретинцемъ; быть можетъ, онъ воспитывался въ Ареццо.

²⁾ Ambros Travers. epist. VIII, 28 къ Никколи отъ 1423 г

³⁾ Valla Antidot. in Pogium lib. II. IV (Opp. p. 286. 335). Когда онъ тамъ говоритъ: Vinutius, qui si meliore valetudine esset, adhuc legeret, то этимъ указываетъ на его продолжительную преподавательскую дѣятельность. Poggius epist. II, 35 IV, 5 ed. Tonelli.

не только греческій языкъ, но также реторику и діалектику, для изученія которыхъ составилъ руководства. Далѣе онъ перевелъ во время собора, съѣзжавшагося по вопросу о соединеніи Церкви, сочиненіе Василія Великаго о божескомъ достоинствѣ Сына и исхожденіи св. Духа, написалъ и собственное разсужденіе о религіозныхъ заблужденіяхъ своихъ соотечественниковъ, какъ раньше его Хризостомъ, въ одно время съ нимъ Виссаріонъ, а послѣ него Аргиропуло ¹⁾. Хотя, по видимому, къ его услугамъ въ церковныхъ дѣлахъ прибѣгали лишь въ неважныхъ случаяхъ, однако онъ пользовался большимъ вѣсомъ какъ наставникъ. Папа сдѣлалъ его своимъ секретаремъ и далъ одному изъ его сыновей *scrittoria* (должность писца). А когда его государь оставилъ Флоренцію, то Георгій Трапезунтскій посѣдовалъ за его дворомъ въ Римѣ, гдѣ продолжалъ свою наставническую дѣятельность съ большимъ успѣхомъ, даже въ греческомъ языкѣ, реторикѣ и экзегезѣ римскихъ писателей считался великимъ знатокомъ дѣла, пока его не вытѣснилъ Валла своимъ соперничествомъ ²⁾.

Здѣсь кстати упомянуть о старинномъ и знаменитомъ болонскомъ университетѣ и показать его участіе въ гуманистическихъ стремленіяхъ. При этомъ окажется то же явленіе, которое мы уже встрѣтили въ Падуѣ и Павіи, именно что представители прежнихъ наукъ отнеслись безъ предразсудка и зависти къ новой наукѣ древностей, никогда не препятствовали ей успѣхамъ и не нападали на нее. Но новые грамматики и риторы съ своей стороны не могли ужиться рядомъ съ поклонниками выгодныхъ наукъ и доставить своей специальности права гражданства въ кругу традиціонныхъ учрежденій. Гуманисты казались большею частію какими-то странствующими искусниками, которые нѣсколько времени пробовали счастья въ Болоньѣ, а потомъ отправились дальше. Причина этому заключалась не въ однихъ ихъ личныхъ свойствахъ, а также и въ неустойчивости той области, которую эти «поэты и ораторы» называли то наукою, то искусствомъ.

Значеніе Болоньи всегда основывалось на ея обширныхъ юридическихъ школахъ, и процвѣтаніе университета всегда обуславливалось

¹⁾ Предисловіе къ переводу сочиненія Василія Великаго, написанное Виссаріономъ, въ которомъ онъ обращается къ папѣ, см. у Vast *Le cardinal Bessarion*, Paris 1878, p. 169. 450.

²⁾ Ср. томъ I стр. 339, 392. Рѣчь Георгія Трапезунтскаго въ папѣ Евгенію de laudibus eius въ *Tabulae codd. ms. bibl. Palat. Vindob.* vol. I p. 81 была говорена послѣ его прѣзда во Флоренцію. Уже Marini vol. II. p. 136 предполагалъ, что папа Евгений назначилъ его секретаремъ, потому что папа Каликстъ въ 1457 г. называетъ его своимъ *et nonnullorum praedecessorum* секретаремъ, а пошлительно сообщаетъ это *Vespasiano Giorgio Trabisonda* § 2. Его преподавательскіе успѣхи въ Римѣ хвалитъ *Blondus Italia Illustr.* p. 346.

степенью прочности правительственной системы и тѣмъ строгимъ порядкомъ, въ которомъ совершались ученые занятія и жили студенты. Еще Петрарка полагалъ, что онъ въ свои учебные годы, проведенные тамъ же, пережилъ доброе старое время, зажиточное состояніе города, порядокъ гражданской и студенческой жизни, блескъ предместныхъ празднествъ и славу великихъ наставниковъ, которыхъ онъ сравнивалъ съ древними юрисконсультами. Онъ видѣлъ, какъ нагрянула война, началась борьба партій, стало усиливаться огрубѣніе нравовъ, явилось покодѣніе невѣжественныхъ докторовъ¹⁾. По временамъ это могло случаться, но общій приговоръ несправедливъ въ томъ отношеніи, что въ Болоньѣ постоянно и съ успѣхомъ старались приглашать въ университетъ лучшихъ юристовъ, какіе только были, а что еще труднѣе—на долгое время удерживать ихъ. Петрарка видѣлъ также, что тамъ прочно основывались профессора его собственной школы и въ размѣрахъ гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ въ другихъ университетахъ. Это свидѣтельствуетъ о той многосторонности и свѣжести жизни, какая развилась въ Болоньѣ не смотря на неблагоприятныя временныя условія.

Первый гуманистъ, постоянно преподававшій новую реторику въ Болоньѣ, былъ Пьетро да Муліо, другъ Петрарки и Боккачіо, который впрочемъ, кажется, не оставилъ ни одного выдающагося труда. Въ молодые годы, когда онъ былъ учителемъ Салютато, онъ былъ еще, вѣроятно, далеко отъ университета, какъ простой школьный учитель. Но съ 1371 г. до самой смерти, постигшей его въ 1382 г., Муліо служилъ профессоромъ въ университетѣ и былъ однимъ изъ его украшеній²⁾. Правда, онъ получалъ всего 50 гульденовъ жалованья, тогда какъ первому декретисту и первому цивилисту платили каждому по 400. А что онъ зналъ по гречески и былъ тѣмъ единственнымъ знатокомъ греческаго языка, о которомъ говорить Петрарка, мы сильно сомнѣваемся. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о природномъ грекѣ, одномъ изъ тѣхъ, которые жили въ разныхъ мѣстахъ Италіи и занимались преподаваніемъ. Такъ въ Болоньѣ съ 1382 г. мы встрѣчаемъ двухъ грековъ съ острова Кипра, которые впрочемъ преподавали не греческій языкъ, а астрономію³⁾.

¹⁾ Petrarca epist. rer. senil. X, 2. Между прочимъ въ epist. rer. senil. VII, 1 онъ хвалитъ Урбана V за то, что этотъ папа заботится объ университетѣ и старается расширить его.

²⁾ Ср. томъ I стр. 182, 336. Theiner Cod. dipl. dom. temp. s. sedis T. III p. 517. Colla Storia dello Studio di Padova vol. IV p. 79 e seg. Cronica di Bologna ap. Muratori Scriptt. S. XVIII p. 524 говорить по случаю его смерти: il quale era dottore in grammatica, e fu uno de' grandi valentuomini etc.

³⁾ Malagola Della Vita di Aut. Urceo p. 32.

Наряду съ Пьетро пользовался значеніемъ въ Болоньѣ Бенвенуто Рамбальди да Имола, поклонникъ Петрарки и Боккачіо, другъ Салютато, ученикъ Джіованни да Равенна. Наиболѣе извѣстенъ его комментарий къ Божественной Комедіи, который безъ сомнѣнія составленъ былъ изъ лекцій, читанныхъ объ этой поэзіи въ университетѣ въ 1375 г. Но онъ писалъ также комментарии къ Валерію Максиму, къ Лукану и эклогами Петрарки, можетъ быть, составившіяся такимъ же образомъ. Бьондо называлъ его первымъ грамматикомъ того времени въ Италіи, и мы должны высоко ставить его дѣятельность, хотя она и покрыта мракомъ¹⁾.

Въ эпоху Салютато и въ Болоньѣ былъ человекъ подобный ему и дружный съ нимъ, Пеллегрино Замбеккари, вышедшій изъ нотаріата; онъ былъ канцлеромъ городской общины съ 1391 по 1399 г. Подобно своему флорентинскому другу, и онъ съ молодыхъ лѣтъ посвящалъ себя поэзи на народномъ нарѣчьи и латинскому языку. Послѣднимъ онъ пользовался въ своихъ официальныхъ бумагахъ и въ философской перепискѣ съ такими людьми, какъ Салютато и Верджеріо. Вѣроятно, онъ принадлежитъ еще къ числу тѣхъ лицъ, которыя въ молодые годы воодушевились славой и примѣромъ Петрарки; но его сочиненій нѣтъ, а значеніе видится на выдающемся положеніи въ ряду самыхъ раннихъ канцлеровъ-гуманистовъ²⁾. Кромѣ его вполне принадлежалъ университету магистръ Бартоломео де Реньо — такъ онъ называлъ себя потому, что былъ родомъ изъ Апуліи. Въ качествѣ профессора реторики въ Болоньѣ, которую никогда не оставялъ, онъ цѣлые годы объяснялъ Virgilіа, Horatіa, Ovidіa, Lucana, Statia, Persia, Juvenala, Plauti и Terentia, читалъ лекціи о сочиненіяхъ Цицерона, Валерія Максима и Ливія. Онъ обмѣнивался также съ Салютато длинными латинскими стихотвореніями, которыя доставили обоимъ имена поэтовъ, но мало славы. Однако если принять во вниманіе то сильное вліяніе на умы, какое можетъ имѣть усердный наставникъ, преподающій долгіе годы въ цвѣтущемъ университетѣ новую и привлекательную науку, развѣ его не слѣдуетъ считать свѣтиломъ литературы? Можетъ быть, смерть его заставила riformatori университета пригласить въ 1411 г. Гаспаріно Варзицу, но приглашеніе осталось безъ успѣха. Во всякомъ случаѣ это

¹⁾ Ср. томъ I стр. 497—498. *Blondus Italia illustr.* p. 351. Tamburini къ его *Commentario* p. IV. VI. Педаггическій комментарий къ *Bucolicum carmen* Петрарки есть въ приложеніи къ *Opp. Venet.* 1503 Петрарки.

²⁾ *Malagola* I. c. p. 31. Не доказано того, что Замбеккари зналъ греческій языкъ, и извѣстіе объ этомъ вѣроятно произошло отъ того, что его сѣзжали съ Франческо Замбеккари, который жилъ цѣлыми вѣками поэма. *Salutatius epist.* 17 ed. Мелуа писано въ къ болонскому канцлеру.

служить доказательствомъ, что уже не считали изученіе древности и новую реторику такими второстепенными знаніями, безъ которыхъ можно обойтись ¹⁾).

Однако дѣятельность гуманистовъ въ Болоньѣ снова пріостановилась на нѣкоторое время, а это не удивительно. Вѣдь наставниковъ выдающихся было немного, и требованія со временъ Салютато значительно повысились. Теперь уже больше не довольствовались учителемъ-поэтомъ, который даже не зналъ чистой латыни и законовъ метрики и не понималъ ни слова по гречески. Съ тѣхъ поръ какъ въ теченіи 20 лѣтъ кафедре реторики и поэзіи была постоянно занята, мы встрѣчаемъ преподавателями лучшихъ профессоровъ, и это начинается какъ разъ съ того времени, когда университетъ вообще оживился и въ Болоньѣ преподавалъ такой декретистъ, какъ Джіованни да Имола, комментировавшій и весь *Corpus iuris*. А у р и с п а первый былъ тамъ признанъ, по видимому, стилистомъ и хорошо зналъ по гречески. Онъ только что воротился изъ Византіи и пріѣхалъ въ Болонью. Ученый стремился мыслями во Флоренцію и желалъ спокойнаго досуга, а вовсе не кафедры. Но такъ какъ онъ былъ въ нуждѣ и его уговорили преподавать греческій языкъ въ Болоньѣ, то онъ заключилъ условіе на первый годъ съ 1423 г. до половины августа 1424 г., по видимому, безъ жалованья. Но у него не было ни усердія, ни знаній, нужныхъ для преподавателя, а потому не было и слушателей. «Я обязался здѣсь преподавать греческій языкъ, пишеть онъ въ началѣ зимняго семестра, но не только не нахожу къ этому случая, а даже и уши столь далеки отъ гуманистическихъ наукъ, что мнѣ противно тутъ оставаться» ²⁾). Конечно, это отъ него самого зависѣло, если первый наставникъ, начавшій преподаваніе греческаго языка въ Болоньѣ, потерпѣлъ неудачу. Но этимъ не смутились. Вскорѣ является природный грекъ Ѳедоръ съ острова Крита, бывшій въ 1425 и 1426 г. преемникомъ Ауриспы, вообще личность неизвѣстная ³⁾. Его мѣсто, если не ошибаемся, занялъ Г в а р и н о, но больше года и онъ, вѣроятно, не преподавалъ въ Болоньѣ, а потому мы не

¹⁾ Одно стихотвореніе Бартоломео де Реньо въ 90 гекзаметрахъ указываетъ Bandini Bibl. Leor. Laurent. T. II p. 431. Стихотвореніе Салютато въ нему у Zacharias Iter litt. p. 338. Сюда относится, конечно, *Salutati epist.* 2 ed. Mehus. Объ его преподавательской дѣятельности говорятъ Бедиттусъ де Пилео въ своихъ *Tristia*; ср. Wattenbach *Ben. di Pil.* въ *Festschr. zur Begründung der Heidelberger Philologenversammlung 1865*. Тогда (въ 1415 г.) магистра Бартоломео уже не было на свѣтѣ. — *Gasp. Barzizii Opp. ed. Furiotto p. 128.*

²⁾ Письмо въ числѣ писемъ *Ambros. Travers. XXIV, 55.*

³⁾ *Malagola p. 39.* Я не знаю откуда взято это извѣстіе.

должны удивляться, если ничего не знаемъ о плодахъ его педагогической дѣятельности ¹⁾.

Быть можетъ, самъ Гварино рекомендовалъ въ качествѣ своего преемника молодого Франческо Филельфо, который недавно воротился изъ Византіи и не нашелъ въ Венеціи во время чумы ни мѣста, ни друзей. Хотя онъ въ то время еще едва ли что нибудь сдѣлалъ, кромѣ того, что выучился греческому языку между греками, однако мечталъ о славѣ и дѣйствовалъ съ громадною самоувѣренностью. Она не повредила ему, напротивъ произвела обаяніе на другихъ и внушила уваженіе къ его наукѣ. Когда онъ явился въ Болонью въ 1428 г., то былъ убѣжденъ, что весь городъ готовится привѣтствовать новое чудо свѣта. Папскій легатъ, кардиналъ д'Аллеманъ, тоже поклонникъ новаго одушевленнаго краснорѣчія, пожелалъ тотчасъ же видѣть его и принялъ съ почетомъ. Его пригласили на годъ читать реторику и нравственную философію. О греческомъ языкѣ при этомъ не было рѣчи, быть можетъ, потому, что онъ не принадлежалъ къ числу ординарныхъ предметовъ, правильно оплачиваемыхъ жалованьемъ. Было дѣломъ неслыханнымъ, что Филельфо назначили 300 дукатовъ жалованья, къ которымъ легатъ изъ собственныхъ средствъ прибавилъ 150. Вообще же профессорамъ реторики и нравственной философіи платили отъ 40 до 50 дукатовъ. Но заносчивыя притязанія и высокомеріе Филельфо поставили его гораздо выше толпы странствующихъ наставниковъ, которымъ обыкновенно поручалось это дѣло. Хотя въ флорентинскихъ кружкахъ напередъ говорили, что Болонья самое неподходящее мѣсто для преподаванія реторики, однако Филельфо и послѣ открытія семестра былъ поддержанъ сочувствіемъ слушателей. Для него было большою честью, когда ему предложили говорить торжественную рѣчь отъ имени юрисконсультовъ по случаю присяги новому претору 9 іюля 1428 г. ²⁾. Онъ былъ вполнѣ доволенъ и счастливъ. Но политическій горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивался мрачными тучами. Уже въ маѣ ожидали возстанія противъ папскаго владычества. Въ ночь на 1 августа оно вспыхнуло. Подеста и легатъ были захвачены, и

¹⁾ Что онъ вообще преподавалъ въ Болоньѣ, слѣдуетъ изъ свидѣтельства Janus Raponius Silva rapenug. v. 401 seq., гдѣ Болонья упомянута послѣ Флоренціи. Но съ этимъ не слѣдуетъ ставить въ связь болѣе раннее пребываніе Гварино въ Болоньѣ, засвидѣтельствованное Leon. Bruni epist. III, 14. 15. ed. Mehus и относящееся къ 1410 г. Только за этимъ слѣдовало приглашеніе Гварино во Флоренцію. Напротивъ рѣшаетъ вопросъ то, что Филельфо получалъ первое извѣстіе о томъ, что его желаютъ въ Болоньѣ, чрезъ Гварино, безъ сомнѣнія изъ Болоньи, на что онъ отвѣчалъ Гварино письмомъ отъ 21 декабря 1427 (вольфенб. спис. fol. 5). Хотѣли именно узнать, желаетъ ли онъ быть преемникомъ Гварино.

²⁾ Oratio pro sanctissimo (!) iuriconsultorum ordine etc. у Zacharias Iter litt. p. 25.

последняго прогнали. Папа Мартинъ издалъ интердиктъ противъ города, въ которомъ продолжались смятеніе и борьба съ оружіемъ въ рукахъ. Это было тяжелымъ ударомъ для музы Филельфо и его положенія, хотя собственно республиканцы не тревожили его. Онъ окончилъ переговоры, начатыя въ это время съ флорентинцами, и въ началѣ апрѣля 1429 г. оставилъ Болонью. Хотя онъ всего годъ преподавалъ въ этомъ городѣ, однако приобрѣлъ въ короткое время такой авторитетъ, какимъ не пользовался никто изъ гуманистовъ. Черезъ десять лѣтъ, когда Филельфо уже изъ Сіэны обѣщалъ герцогу Филиппу переселиться въ Миланъ, въ Болоньѣ сочли нужнымъ пригласить его на время, хотя онъ не могъ посвятить городу вполне академическаго семестра а только время отъ 1 января до 1 юля 1439 г. И за это полугодіе ему назначили 450 дукатовъ жалованья, чего, какъ онъ утверждалъ, еще не бывало ни въ Болоньѣ, ни въ другихъ городахъ Италіи. Дѣйствительно, нѣтъ примѣра, чтобы самыя знаменитые профессора каноническаго права получали когда нибудь больше 800 дукатовъ въ годъ ¹⁾).

Тѣ наставники, которые преподавали въ Падуѣ гуманныя науки послѣ Филельфо, были далеко ниже его. Сначала опять обязался на годъ кандіотъ Федоръ. Потомъ, какъ и во многихъ другихъ городахъ раньше, тамъ попыталъ счастья безпріютный Томмазо Сенека и возвращался туда впоследствии не одинъ разъ ²⁾). Но преподавателя, не знавшаго по гречески, брали лишь въ крайности. Лапо да Кастильонкио младшій, лучшій изъ учениковъ Филельфо, тоже преподавалъ гуманныя науки въ Болоньѣ раньше 1437 г. ³⁾. Въ промежутокъ отъ 1438 г. до 1456 г. катедра греческаго языка совсѣмъ осиротѣла ⁴⁾. Баттиста Гварино преподавалъ спустя цѣлое полугодіе послѣ своего отца и былъ нѣкогда его преемникомъ по катедрѣ реторики и піитики; въ лицѣ его является достойный представитель этихъ отраслей ⁵⁾). Но

¹⁾ См. т. I стр. 323. Письма Филельфо къ Ауриспѣ отъ 23 февраля, 4 апрѣля, 27 мая, къ Джустиніани отъ 1 іюня, къ Палла Строцца отъ 30 авг., къ Ауриспѣ отъ 13 сент. 1428 г., къ Барбаро отъ 7 апрѣля 1429 г., къ болонскому сенату и народу отъ 13 сент. и къ Бенкеделли отъ 13 сент. 1438 г., къ Като Сакко отъ 13 февр. 1439 г. Ambros. Travers. epist. V, 14. XXIV, 30. О послѣднемъ приглашеніи Филельфо въ Болонью 1471 г. см. Malagola I. c. p. 58. 430.

²⁾ Ср. томъ I стр. 530.

³⁾ Ср. томъ I стр. 338. Vandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III p. 358 приводитъ извлеченіе изъ его *Oratio Bononiae habita in suo legendi initio*, въ которой убѣждаетъ юношество идти, подъ его руководствомъ, по стопамъ вождей гуманизма.

⁴⁾ Malagola p. 41 по rotuli, въ которыхъ перечислены профессора университета; но они начинаются только съ 1438 г.

⁵⁾ Malagola p. 62. Письмо, въ которомъ старый Гварино сообщаетъ объ этомъ приглашеніи Поджіо, у Shephers Vita di Poggio trad. Tonelli T. II App. n. XXX.

всѣ они не могли утвердиться здѣсь на долгое время. Болонскій университетъ вообще страдалъ отъ смуть и неурядиць, которыя господствовали среди граждавъ со времени Филельфо и которыя въ состояннн были подавить лишь энергическіе легаты).

23 февраля 1447 г. братья-блюстители напутствовали въ послѣднее странствіе папу Евгенія IV, и онъ вскорѣ умеръ. Для гуманистовъ это событіе не имѣло значенія. Но подобно электрическому удару поразило всѣхъ извѣстіе о томъ, что 6 марта въ конклавѣ въ С. Маріа Сопра Минерва былъ провозглашенъ папою болонскій кардиналъ. Онъ былъ извѣстенъ весьма многимъ, многіе называли его другомъ, когда онъ былъ еще бѣднымъ магистромъ, и теперь всѣ съ увѣренностью предсказывали, что съ этимъ властителемъ, который нѣкогда принадлежалъ имъ, начнется золотой вѣкъ литературы.

Говоря о флорентинскихъ любителяхъ книгъ, мы уже упоминали о молодомъ Томмазо Парентучелли который взошелъ теперь на папскій престолъ подъ именемъ Николая V. А теперь мы должны еще разъ рассказать исторію его прошлой жизни и образованія ²⁾. Его родители были люди бѣдные и ничтожные. Увѣряютъ, что онъ собственно родился въ Пизѣ въ 1398 г., но такъ какъ семья долго жила въ

1) Janus Rannonius поэтому шутить въ epigr. I, 266:

Quae poterat dici studiosa Bononia quondam,
Nunc eadem dici seditiosa potest.

Подобнымъ же образомъ Blondus Italia illustr. p. 352.

2) Первый, кто еще при жизни папы началъ писать его биографію и издалъ первую книгу въ 1453 г. съ пропусками, былъ Франческо Филельфо. Онъ прямо говорить объ этомъ въ письмахъ къ Биаджіо Гиллани отъ 23 января 1462 г. и отъ 9 ноября 1464 г. Но во второй книгѣ, въ которой предполагалось рассказать всю жизнь папы, онъ не приступалъ. Книги этой, бывшей чистымъ панегирикомъ, не осталось и слѣда. Впрочемъ онъ самъ уваживалъ на нее въ своихъ сочиненіяхъ (Vita Nicolai V summi pontificis). Indagini S. libreria Visc. Sforz. App. alla parte I p. 9. Потомъ Манетти написалъ Vita Nicolai V въ 4 книгахъ; она напечатана у Муратори Scriptt. T. III. Прибавимъ къ этому краткую, но весьма хорошую и поучительную биографію Веспавіано. Изъ новѣйшихъ имѣютъ значеніе Vita Nicolai V Romae 1742 г., написанная Dom. Georgius, именно въ своемъ литературномъ отдѣлѣ, такъ какъ авторъ пользовался рукописями ватиканской бібліотеки. Тоже самое слѣдуетъ сказать про Zanelli Il pontefice Nicolò V e il risorgimento delle lettere, delle arti e delle scienze in Italia. Roma 1855. О вѣнскихъ событіяхъ жизни и правленіи папы ср. G. Voigt Enea Silvio de Piccolomini Bd. I S. 401—409.

лигурийскомъ городкѣ : Сарзана, гдѣ родилась его мать, то обыкновенно его называли прямо Томмазо изъ Сарзаны, не обращая вниманія на настоящее мѣсто его рожденія и фамилію. Онъ еще въ ранней юности изучалъ богословіе въ Болоньѣ, но не могъ тамъ оставаться. Чтобы пріобрѣсти средства къ жизни, Томмазо отправился во Флоренцію и два года занимался тамъ обученіемъ дѣтей—первый годъ въ домѣ Ринальдо дельи Альбици, а второй у Палла де' Строцци. Жизнь въ этихъ знатныхъ семьяхъ произвела громадное вліяніе на его дѣятельность и образъ мыслей. Онъ возвратился въ Болонью, получилъ степень магистра богословія, потомъ поступилъ на службу къ Никколо д' Альбергати, болонскому епископу. Папа Мартинъ вскорѣ сдѣлалъ послѣдняго кардиналомъ С. Кроче. Это былъ второй рѣшительный моментъ въ жизни Томмазо. Въ теченіи двадцати лѣтъ, до самой смерти этого прелата, онъ былъ его постояннымъ спутникомъ, его вѣрнымъ служителемъ, домоправителемъ и экономомъ его духовной семьи ¹⁾. Альбергати, котораго церковь признала блаженнымъ, дѣйствительно, можно принять за образецъ духовныхъ и монашескихъ добродѣтелей, и имъ могли гордиться братья Картезианцы ²⁾. Но тотъ же самый человекъ, который носилъ власяницу и спалъ на кучѣ хвороста, въ то же время—фактъ трудно объяснимый—былъ покровителемъ образованныхъ людей и поддерживалъ постоянныя сношенія со многими новѣйшими язычниками, даже съ Поджіо и Филельфо. Парентучелли занималъ средину между этими крайностями. Всего лучше свидѣтельствуетъ о благочестіи кардинала тотъ фактъ, что такой честный человекъ, чуждый всякаго лицемерія, какъ Парентучелли, многіе годы пользовался его непоколебимымъ довѣріемъ. А въ пользу послѣдняго краснорѣчивѣе всякаго панегирика говоритъ то обстоятельство, что онъ усердно служилъ кардиналу, до самой смерти покойна старика, удручаемаго болѣзнями. А сдѣлавшись папою, въ знакъ почтительной признательности, принялъ имя покойнаго благодѣтеля.

Если кардиналъ, человекъ съ монашескимъ образованіемъ, все таки покровительствовалъ гуманистамъ, то Парентучелли открывалъ доступъ къ его расположенію, и при его посредствѣ кардиналъ оказывалъ свою щедрость. Поэтому Томмазо снискалъ уваженіе у лите-

¹⁾ Это, конечно, было положеніе довѣреннаго лица, но не особенно почетное. Джіов. Кавальканти въ *Istorie Fiorentine* vol. II, Firenze 1839, p. 299 называетъ его въ шутку: *maestro delle mazerie* (начальникъ домашней утвари). Обыкновенно ему не дается никакого титула, а просто его называютъ Томмазо изъ Сарзаны, какъ напр. въ самыхъ раннихъ упоминаніяхъ *Ambros Traversa. epist. VIII, 1. 41*, гдѣ онъ называется его *vir modestissimus atque studiosus, nunc magister Thomas*, какъ въ 1427 г. въ *Commissioni di Rinaldo degli Albizzi* vol. III p. 129.

²⁾ Литературу о немъ см. въ *Enea Silvio Bd. I s. 84*.

раторовъ. Еще въ 1427 г. Филельфо, отличавшійся замѣчательнымъ инстинктомъ въ подобныхъ случаяхъ, называлъ молодого Томмазо изъ Сарзаны своимъ другомъ; онъ очень хорошо зналъ, что кардиналъ любить, когда хвалить его секретаря и домоправителя ¹⁾).

Альбергати жилъ тоже во Флоренціи съ своею духовною семьею, когда папа Евгенийъ бѣжалъ туда изъ мятежнаго Рима (1434 г.). Такимъ образомъ Парентучелли опять встрѣтился съ флорентинскими учеными и покровителями, и высокое положеніе его поведителя доставило ему легкій доступъ въ ихъ кружки. По близости дворца, подлѣ С. Маріа Новедла, гдѣ жилъ папа, обыкновенно собирались придворные образованные люди, между которыми главнымъ былъ Поджіо, и флорентинскіе ученые для дружескихъ и литературныхъ бесѣдъ. Тутъ были Бруни, Марсупини, Траверсари, Манетти, Ауриспа и др. Въ этомъ обществѣ Парентучелли пользовался хорошимъ приѣмомъ и былъ не послѣднимъ, когда возникали горячіе споры. Или онъ посѣщалъ академію въ С. Спирито, чтобы съ такими людьми, какъ Ванджелеста да Пиза, поспорить о богословскихъ и философскихъ предметахъ ²⁾). Девять лѣтъ, считая и кратковременное пребываніе въ Болоньѣ и Феррарѣ, римскій дворъ пробылъ во Флоренціи, и его служащіе стали здѣсь какъ дома. Въ это время и самъ Томмазо былъ близокъ съ помянутыми учеными, также съ Медичи и Никколи, отчасти даже былъ друженъ. Тогда онъ пристрастился ко всему тому, что увлекало флорентинскихъ гуманистовъ. На него обратили вниманіе и при римскомъ дворѣ. Томмазо принималъ участіе въ дѣлахъ собора и пускалъ въ ходъ свою богословскую диалектику противъ греческихъ заблужденій. До сихъ поръ у него не было ни одной бенефиціи, а теперь папа назначилъ его субдіакономъ римскаго престола съ 300 дукатовъ дохода; кромѣ того онъ получилъ должность архидіакона, съ которою не соединено было никакой пастырской обязанности ³⁾). Когда его поведитель умеръ отъ мучительной болѣзни (9 мая 1443 г.), то Парентучелли ни къ кому не пожелалъ поступать на службу. Вслѣдствіе поѣздокъ въ Германию, въ качествѣ легата, которыя папа поручалъ ему и результатамъ которыхъ было распаденіе опаснаго союза курфирстовъ, Евгенийъ IV назначилъ его епископомъ болонскимъ, а вскорѣ послѣ этого

1) Письма Филельфо къ Томмазо отъ 19 и 31 декабря 1427 г., отъ 1 октября 1432 г. и отъ 20 марта 1433 г. Во второмъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ Томмазо: *qui speculum es imitaeque et probitatis et gravitatis*, а въ послѣднемъ называетъ его *кардиналу vir perhumanus et eruditus*.

2) *Vespasiano Nicola V papa* § 5. *Ser Filippo di Ser Ugolino* § 4. *Vangelista da Piga*.

3) *Vespasiano Nicola V* § 6. 10. Архидіаконство, по словамъ біографіи у *Muratori Scriptt. T. XXV p. 275* было въ Феррарѣ, а въ изданіи Мая конечно по ошибкѣ напечатано: *in Francia*.

и кардиналомъ. Онъ все еще былъ человекъ бѣдный, такъ какъ ничего не получалъ въ Болоньѣ, потому что послѣдняя тогда не повиновалась церкви. Чтобы помочь его крайней нуждѣ, папа долженъ былъ назначить его своимъ вицекамераріемъ ¹⁾.

Именно въ такой бѣдности, сопутствовавшей ему до папскаго престола, мы должны искать причину того явленія, что на престолѣ онъ сдѣлался такимъ привѣтливимъ меценатомъ и щедрымъ. Во Флоренціи всего возвышеннѣе казались ему тѣ блестящія формы, въ какихъ являлась тамъ наука и искусство, а всего униженнѣе, когда писатели и художники терпѣли нужду. Онъ и тогда уже говорилъ, что на постройки и на книги готовъ истратить все свои деньги. Парентучелли нашелъ въ лицѣ Козьмы Медичи такого мецената, который умѣлъ помогать любезно и не задѣвая чести, и теперь къ этому идеалу стремились самые завѣтные помыслы и мечты будущаго папы.

Только по своему темпераменту они различались. У Козьмы хватало терпѣнія спокойно сидеть отпрыскъ, цвѣтовъ и плодовъ котораго онъ, быть можетъ, не дождется. Но не таковъ былъ папа. Онъ хотѣлъ, чтобы все быстро цвѣло и созрѣвало. Толщій, невысокій востроносый человекъ съ черными сверкающими глазами оживалъ и весь обращался въ страсть, когда заходила рѣчь объ одной изъ его любимыхъ темъ, когда одинъ изъ его служителей не понималъ его по первому намеку или самъ онъ въ спорѣ встрѣчалъ противорѣчіе. Онъ всегда желалъ быть правымъ и былъ самолюбивъ. Поэтому Николай V охотнѣе принималъ къ себѣ въ услуженіе французовъ и нѣмцевъ, чѣмъ итальянцевъ; первыхъ онъ считалъ мягче. Кто не могъ спокойно переносить его вспышекъ, тотъ для него не годился. Римляне объясняли эти выходы влияніемъ вина, которое онъ, дѣйствительно, не въ мѣру любилъ со времени восшествія на папскій престолъ. Онъ становился самъ не свой, когда не ощущалъ наслажденія жизнью и бодрости. Его торопливая и ныкая бесѣда служила яснымъ признакомъ, что онъ былъ доволенъ, но онъ говорилъ такъ добродушно и, уже будучи кардиналомъ и папою, такъ мягко, что на него никто не долженъ былъ обижаться. Будучи еще епископомъ, Парентучелли былъ врагъ всякаго стѣснительнаго церемоніала, такъ что приходящій къ нему могъ тотчасъ же садиться рядомъ съ нимъ, какого бы званія ни былъ. Онъ тоже удерживалъ своего гостя, желая поболтать съ нимъ, подольше развлечься, а когда послѣдній уходилъ, то хозяинъ провожалъ его до самой двери. Папа былъ чуждъ всякаго притворства и лицемерія ²⁾, отдавался людямъ всею душою и прощалъ имъ

¹⁾ Vespasiano l. c. § 11. 12.

²⁾ Vespasiano § 8 особенно ставитъ это на видъ: Era uno uomo aperto, largo, senza sapere fingere o simulare, e nemico di tutti quegli che simulavano o fingevano.

нѣкоторые недостатки, если только они были откровенны. Напротивъ этотъ человѣкъ относился съ непреодолимымъ недовѣріемъ къ каждому, кто былъ скрытенъ и казался какъ бы на сторожѣ. Эти люди лишали его хорошаго расположенія духа. У Парентучелли всегда замѣчалась склонность давать скоро и отъ души, чего у него просили. Въ подобномъ случаѣ онъ не могъ размышлять и соображать: онъ радовался радостью человѣка, получавшаго желаемое. Парентучелли прослылъ щедрымъ раньше, чѣмъ могъ оправдать эту молву.

Чтобы составить себѣ понятіе объ умственныхъ способностяхъ Парентучелли и объ его научномъ образованіи, мы должны оставить безъ вниманія всѣ тѣ похвалы, которыми осыпали его какъ папу. Слѣдую имъ, его ученость и таланты были безпредѣльны. Въ молодые годы будущій папа считался за ученаго богослова. Его пониманіе было такъ же быстро и поспѣшно, какъ и его темпераментъ. Книги онъ пробѣгалъ съ быстротою молніи и удерживалъ изъ нихъ многое, что ему было особенно полезно въ спорахъ и въ бесѣдѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ живыхъ людей, у которыхъ то, что они воспринимають учась, не сливалось съ ихъ существомъ, которые послѣ быстрого обихода снова должны возобновлять это въ своей памяти такъ или иначе. Когда онъ говорилъ, какъ напр. на флорентинскомъ соборѣ или будучи легатомъ, то можно было удивляться запасу его свѣдѣній. Что этотъ человѣкъ зналъ, тѣмъ постоянно обладалъ, но что сообщалъ, того было достаточно лишь для минутной потребности. Вотъ почему папа не считалъ стоящими письменнаго изложенія свои богословскія толкованія и рѣчи: въ сочиненіи трактатовъ его превзошли бы многіе. Это былъ вообще человѣкъ только воспримчивый, который могъ наслаждаться литературнымъ произведеніемъ, но самъ написать ничего не могъ. У насъ есть лишь одно его письмо, и замѣчательно, что именно это письмо ясно показываетъ, почему оно единственное или, по крайней мѣрѣ, одно изъ немногихъ. Писано оно къ Никколи¹⁾. Томмазо извиняется, что часто грѣшитъ противъ правила вѣжливости, не отвѣчая на полученные письма. Онъ относитъ себя въ шутку къ числу тѣхъ людей, которые желаютъ считаться образованными, но, сознавая свою неспособность, лучше готовы молчаніемъ поддержать доброе мнѣніе о себѣ, чѣмъ испортить его выступивъ на сцену. Мы видимъ, что онъ не довѣрялъ себѣ, какъ писателю, и это единственное письмо показываетъ, насколько ему чужда была та легкость изложенія и тѣ цвѣты краснорѣчія, какіе были въ ходу вообще въ флорентинскихъ кружкахъ. Въ этомъ отношеніи Парентучелли былъ сходенъ съ Никколи: и онъ очень хоро-

¹⁾ Оно есть въ письмахъ Ambros. Travers. XXV, 3.

шо зналъ, какія требованія предъявляются къ гуманистическимъ пронаведеніямъ, такъ что не могъ себя обманывать насчетъ своихъ дарованій. Только Никколи старался тщательно скрывать этотъ недостатокъ, а Парентучелли былъ и въ этомъ отношеніи добросовѣстанъ.

Нельзя отрицать того, что лучшею его чертою, какъ и его друзей, Траверсари и Никколи, было стремленіе собирать рукописи, приводить ихъ въ порядокъ и исправлять. Еще въ молодости онъ весьма охотно жертвовалъ своими небольшими деньгами на книги. Чтобы покупать книги, а другія списывать и украшать миниатюрами, онъ часто занималъ больше, чѣмъ могъ заплатить. Въ библиотекѣ бѣднаго магистра между прочимъ красовались сочиненія блаженнаго Августина въ двѣнадцать красивыхъ томахъ ¹⁾. Онъ особенно старался собрать письма его, находившіяся въ разныхъ рукописяхъ и, въ своей великой радости, собралъ ихъ 216. Эту услугу оказывалъ онъ именно Августину, любимцу Петрарри, Никколи и вообще старшихъ гуманистовъ ²⁾. Каждый разъ, какъ онъ отправлялся легатомъ вмѣстѣ съ своимъ кардиналомъ, онъ привозилъ разные сочиненія, а особенно изъ Франціи, еще неизвѣстныя итальянской республикѣ ученыхъ, какъ напр. проповѣди Льва Великаго, сборникъ толкованій Фомы Аквинскаго на Евангеліе отъ Маттея, также нѣкоторыя сочиненія Ириней и Теофила. Мы уже раньше разсказали о томъ, какъ онъ нашелъ въ Германіи полный экземпляръ сочиненій Тертуліана и тотчасъ же послалъ его Никколи, какъ драгоценное сокровище ³⁾. И изъ приведеннаго нами письма видно, что Томмазо искалъ въ монастырскихъ библиотекахъ творенія отцовъ Церкви и вступалъ въ сношенія съ разными лицами, чтобы снимать копии и слѣдить разные списки. Самъ онъ писалъ красивымъ почеркомъ и снабжалъ рукописи, принадлежавшія ему, толкованіями на поляхъ и обвѣнченіями главъ. Очевидно, его всего болѣе воодушевлялъ примѣръ такихъ людей, какъ Никколи и Траверсари, и онъ былъ авторитетомъ не по научнымъ и литературнымъ вопросамъ, а по библиографическимъ и библиотечнымъ. Это именно былъ такой человекъ, каковаго желалъ имѣть Козьма Медичи для составленія росписи книгъ, которыя могли бы служить украшеніемъ монастырской библиотеки. Теперь богатые средства основателя Козьмы и охота къ собиранію Никколи сосредоточились въ одномъ лицѣ, и это лицо заняло папскій престолъ.

¹⁾ Ambros. Travers. epist. XIII, 18. Vespasiano § 7.

²⁾ Въ своемъ библиотечномъ канонѣ (см. томъ I стр. 374) онъ говоритъ объ Августинѣ: *Epistolarum quas scripsit incertus est numerus, tamen hucusque... 216 ex diversis voluminibus collegi.*

³⁾ Томъ I стр. 244.

Николай V началъ первосвященствовать во время, самое удобное для осуществленія его желаній и стремленій. Вазельскія бури стихли, и римскій престолъ снова утвердился прочно. Савойскій антипапа, насучивъ тревоженіями, обманутый и колпунутый свѣтскими государями, сложилъ свою тиару къ стопамъ римскаго владыки, самый соборъ разошелся, требованій реформы было уже не слышно. Правда, во временахъ французскіе короли находили нужнымъ изъ политическихъ видовъ пугать римскихъ придворныхъ призракомъ новаго собора, а въ Германіи курфирсты и прелаты слегка составляли заговоры. Но завѣтная политика римскаго двора легко отражала эти угрозы. Съ одной стороны нападкама никто не придавалъ серьезнаго значенія, а съ другой конкордаты и партія императора, единомышленнаго съ папою, парализовали вслїя соединенныя усилія противниковъ. За полувѣною борьбою, за громкими криками и требованіями церковныхъ преобразованій во главѣ и членахъ послѣдовало утомленіе, реакція. Она была такъ рѣшительна и невозмутима, что охватила даже и папу, который вступилъ на престолъ съ благими мыслями о реформахъ.

Если усилія идеологовъ не удаются, то всегда бываетъ естественнымъ слѣдствіемъ противоположное явленіе, къ какому приводятъ всѣ міровыя движенія, торопливое и зазорное стремленіе къ наживѣ и наслажденію. Какъ прежде энергично ратовали противъ злоупотребленій римскаго двора, такъ теперь спѣшили къ нимъ, чтобы по старому кривыми путями добиваться епископствъ, разныхъ мѣстъ и бенефичій. Теперь, послѣ долгаго отлива, снова настало время прилива для кардиналовъ-протекторовъ, адвокатовъ, для цѣлой массы чиновниковъ и для папской казны. вмѣсто того, чтобы предсказывать торжество антихриста и гибель церкви, рѣшились предоставить судьбу ея Всевышнему и относиться къ ней такъ, какъ она есть.

Войны въ Италіи, конечно, еще продолжались. Но папа держался всторонѣ отъ нихъ; онъ спокойнo смотрѣлъ, какъ разныя государства разоряли другъ друга съ помощью наемныхъ войскъ и почти гибли, не достигши никакой цѣли. Онъ даже тайномъ поддерживалъ раздоры подъ маскою посредника, только для того, чтобы Церковная область наслаждалась благами мира. Какъ частный человекъ, онъ былъ врякъ и откровененъ, но теперь велъ эту фальшивую игру съ такимъ искусствомъ, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ничего не замѣчали даже самыя опытные политики, какъ Козьма Медичи, Франческо Сфорца и даже члены совѣта республики св. Марка. Обстоятельства благоприятствовали ему, и онъ благоразумно пользовался ими, желая доставить себѣ мирный досугъ, какой былъ желателенъ для его завѣтныхъ стремленій. Этого наслажденія досугомъ не нарушило даже и извѣстіе о паденіи Константинополя.

Юбилейный 1450-й г., къ празднованію котораго папа Николай такъ тщательно приготовился, былъ какъ бы торжествомъ возстановленія папской власти. Конечно, не одна только набожная вѣра влекла тысячи людей изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ къ подножію престола св. Петра. Однако все таки Римъ представлялся средоточіемъ вселенной, и всѣ чтли величіе его духовнаго владыки. Вѣрующіе охотно, безъ рошота, следи обильныя приношенія стовсюду и наполняли папскую казну, которая никогда не была въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, какъ въ то время. Всѣ извѣстія согласны относительно быстраго повышенія доходовъ, и въ одинъ банкъ дома Медичи была положена въ то время сумма въ 100.000 гульденовъ золотомъ ¹⁾.

Папа, нося въ душѣ идеалъ Козьмы Медичи, теперь обладалъ такими же богатствами, какъ онъ. Но то, что поступало въ папскую казну, попадало въ его руки и опять уходило на художественія и научныя предпріятія. При римскомъ дворѣ господствовали теперь великолѣпіе и роскошь въ силу того закона, по которому нослѣ пережитыхъ опасностей люди стремятся вдвойнѣ насладиться благами жизни. Но они были и личною страстью этого папы. Долго жилъ онъ въ бѣдности и скромно; въ весьма короткое время, именно въ два года, онъ прошелъ степени епископа и кардинала и наконецъ сдѣлался папою. То обстоятельство, что онъ столь быстро получалъ средства для роскошной жизни, увлекало этого воспримчиваго человѣка. Папа отрѣшился отъ воспоминаній о серьезномъ обликѣ подвижника Альбергати. Онъ хотѣлъ быть римскимъ Козьмою Медичи и сдѣлать изъ Рима вторую, болѣе величавую Флоренцію. Николай V по своей спѣшности не различалъ того, чѣмъ онъ обязанъ церкви, отъ того, насколько папа имѣетъ право удовлетворять своимъ личнымъ вкусамъ. Онъ даже никогда и не думалъ объ этомъ. Онъ чувствовалъ только, что его идеалъ не лишентъ возвышеннаго характера, и съ полною энергіею отдавался его осуществленію.

Если всякій цѣнилъ вдвойнѣ тѣхъ государей, которые умѣли быть Августами и меценатами въ одномъ лицѣ и находить Гомера для прославленія своихъ подвиговъ, который бы увѣковѣчилъ ихъ славу, то почему же и ему, въ рукахъ котораго были ключи отъ небеснаго блаженства, противъ истиннаго безсмертія не желать и безсмертія въ потомствѣ? Эта идея, самое заманчивое наслѣдіе классическаго язычества, снова ожила въ умахъ вмѣстѣ съ изученіемъ древнихъ поэтовъ и вообще писателей и незамѣтно отгѣснила на второй планъ христіанскія воззрѣнія. Блестящимъ доказательствомъ торжества ея слу-

1) Vespasiano § 19.

жить то, что она въ лицѣ папъ появилась на папскомъ престолѣ и придала ему на долгое время особую окраску.

Такимъ образомъ въ стремленіи къ посмертной славѣ мы должны искать объясненія дѣятельности этого папы, блеска его двора, его пышныхъ построекъ, его покровительства ученымъ и поэтамъ, наконецъ основанія библиотеки. Его стремленіямъ нимаго не удивлялись въ то время: онъ хотѣлъ, по признанію одного изъ его біографовъ — панегиристовъ, воздвигнуть себѣ прочные, даже вѣчные памятники, потому что «пламенно желалъ славы» ¹⁾.

Подобно свѣтскимъ государямъ своего времени, папа Николай ввелъ при римскомъ дворѣ великолѣпіе и роскошь. Кто видѣлъ послѣдній при Евгеніи IV, тотъ замѣчалъ громадную разницу: тогда, говоритъ флорентинецъ Веспасіано, еще не было той пышности при римскомъ дворѣ, какая господствуетъ теперь ²⁾. Съ этихъ поръ прелаты и служители ихъ являлись къ папѣ не иначе какъ въ шелковыхъ одѣяннѣхъ, шитыхъ золотомъ, комнаты ватиканскаго дворца были украшены великолѣпными коврами, убранствомъ всякаго рода и наполнены золотыми сосудами. Папская митра была украшена слоновою костью, и самъ папа былъ величественнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Великія церковныя торжества все болѣе принимали характеръ пышныхъ придворныхъ празднествъ. Римскіе храмы должны были дѣйствовать на чувства вѣрующихъ не только своими гробницами и мощами, но также и коврами, шитыми золотомъ, и драгоценною утварью, чтобы величіе апостольскаго престола отражалось и въ блескѣ земнаго величія и церковь являлась силою торжествующею ³⁾.

Римскіе императоры возвѣстили потомству о славѣ своего господства надъ міромъ пышными постройками, и оно съ благоговѣніемъ останавливалось передъ развалинами послѣднихъ. Когда эпоха императоровъ ожила въ воспоминаніи потомковъ, Висконти и Сфорцы въ Миланѣ, Эсте въ Феррарѣ, Гонзаги въ Мантуѣ стали сооружать величественныя зданія, но величественнѣе всѣхъ Медичи во Флоренціи. Въ сущности они строили даже церкви и монастыри для прославленія своего имени, а не къ славѣ Божіей, Дѣвы Маріи и святыхъ. Украшеніе зданіями новаго Рима относится къ эпохѣ Николая V. А его преемники почти въ теченіи цѣлаго столѣтія шли по пути, предназначающему имъ и приведшему къ эпохѣ процвѣтанія пластическихъ искусствъ при Юліи II и Львѣ X.

¹⁾ Manetti Vita Nicolai V p. 925.

²⁾ Nicola V Papa § V. Веспасіано писалъ это при Павлѣ II, который въ этомъ случаѣ былъ прямымъ продолжателемъ системы Николая V.

³⁾ S. Antoninus Chronicon P. III tit. XXII cap. XII in princ. Aeneas Sylvius Europa cap. 58. Manetti l. c. p. 923.

Если Николай V является великимъ строителемъ своего времени, то помимо его любви къ великолѣпю нѣтъ руководило и другое побужденіе. Въ сущности онъ былъ человѣкъ робкій, боявшійся малѣйшаго шума оружія и призрака народнаго возстанія. Его тревожная жизнь въ мятежной Болоньѣ, участь его преемниковъ, смуты, происходившія раньше его избранія, а въ особенности заговоръ Поркари, о которомъ мы вскорѣ будемъ говорить, внушали ему необычайный страхъ. Этимъ объясняется его стремленіе оградить себя и свою власть стѣнами и укрѣпленіями. Первою его задачею было возстановить гражданыя стѣны вокругъ Рима. Потому онъ намѣревался отдѣлить крѣпкою стѣною всю ту часть, гдѣ находился его дворецъ, какъ папскую, *vicus sigillaris*, отъ воротъ замка св. Ангела до стѣны собора св. Петра, такъ чтобы папскій дворецъ, вдвойнѣ обезпеченный второю окружною стѣною и башнями, имѣлъ видъ крѣпости въ укрѣпленіи. Здѣсь долженъ былъ жить спокойно, не опасаясь никакого нападенія, весь римскій дворъ съ его служителями, ремесленниками и кузнецами. Уже были заложены фундаменты и обозначены тѣ мѣста, гдѣ должны были возвышаться башни. И всѣ прочія постройки въ городѣ были расположены такъ, чтобы могли служить цитаделями. Было возстановлено въ Церковной Области множество укрѣпленныхъ замковъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены въ то же время безопасныя лѣтнія резиденціи для папы. Такъ заботился послѣдній о своей личной безопасности и своихъ окружающихъ на случай войны или возстанія ¹⁾.

Во главѣ построекъ, задуманныхъ Николаемъ V, которыми онъ хотѣлъ превзойти Медичи, стоитъ возобновленіе храма св. Петра по плану, который, какъ съ удивленіемъ увѣряетъ біографъ папы, сдѣлалъ бы базилику верховныхъ апостоловъ, будь она кончена, выше всѣхъ зданій въ мірѣ. И ватиканскій дворецъ былъ весь выстроенъ вновь, съ пышными залами и особымъ кабинетомъ (*studio*) для папы, въ которомъ онъ помѣстилъ свою частную бібліотеку. Мысль о великолѣпномъ убранствѣ новыхъ помѣщеній, по видимому, долгіе годы занимала папу и дала работу цѣлому ряду художниковъ. Наконецъ тѣ сорокъ пунктовъ (*stationes*), которые были основаны

¹⁾ Platina Vita Nicolai V (edit. s. l. 1664) p. 613, Медали, выбитыя при немъ и изображающія часть новой городской стѣны съ надписью Felix Roma, см. у Bonanni Nomism. Pontif. T. p. 51. То мѣсто въ стихотвореніи Джузеппе Бринни, въ которомъ онъ воспѣваетъ эти постройки, у Ranke, Die röm. Päpste Bd. III 6 Aufl. Analecken s. 3:

Arces fortificat muris turrimque superbam
 Extrait.... ne quis tyrannus ab alma
 Quemque armis valeat papam depellere Roma

папоу Григоріємъ Великимъ и надъ возобновленіемъ которыхъ уже трудились Мартинъ V и Евгеній IV, были украшены новыми, болѣе великолѣпными постройками. Трудно было бы перечислить всѣ тѣ церкви, монастыри, виллы и водопроводы, которые были сооружены вновь. Папа былъ занятъ цѣлою массою плановъ и проектовъ, окруженъ цѣлою толпою архитекторовъ, строителей, ваятелей, художниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, торговцевъ коврами и всякаго рода мастерами. Конечно, его восьмилѣтняго правленія не хватило на то, чтобы привести въ исполненіе всѣ эти замыслы. Но уже тѣ скромныя предпріятія, которыя были выполнены, и приготовленія къ болѣе грандіознымъ, остановившимся за его смертію, возбуждали удивленіе современниковъ. Подобно тому, какъ замокъ св. Ангела превосходитъ выотою—постройки древнихъ римскихъ императоровъ, по словамъ Пликомина, такъ сооруженія Николая V превосходятъ все, что было произведено въ новое время. Если бы его постройки, лежація въ настоящее время въ развалинахъ, могли быть доведены до конца, то онъ не уступалъ бы въ великолѣпіи ни одному сооруженію древнихъ императоровъ. Поэтъ Бриппи готовъ утверждать, что всѣ папы въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія не выстроили въ Римѣ столькохъ замковъ, дворцовъ и крѣпостей, сколько одинъ Николай V ¹⁾.

Страсть папы къ постройкамъ была еще неудержимѣе съ тѣхъ поръ, какъ со времени юбилейнаго года всѣ касомъ были обильно снабжены. Она обнаруживается и въ его неразборчивомъ, даже варварскомъ отношеніи къ созданіямъ языческой и христіанской древности. Какимъ образомъ было возможно, что именно этотъ папа, человекъ умный и чтившій памятники, многосторонне образованный, вращавшійся среди такихъ образованныхъ людей, какъ Поджіо и Бьомдо, столь почтительно относившихся ко всякой древности, такъ вандалски поступилъ съ остатками этой древности! Какія бури времени выдержала почтенная базилика св. Константина до той эпохи, когда именно папа, боготворимый гуманистами, принялся разрушать ее, желая замѣнить новою постройкою по собственному вкусу! Со времени Петрарки поклонники древности, и Поджіо громче всѣхъ, жаловались на то, что развалины древняго Рима постыдно истребляются невѣждами для до-

¹⁾ Aeneas Sylvius Historia Frederici III ed. Kollar p. 138. 282; Europa cap. 58. О постройкахъ Николая V весьма подробно говорить Манетти p. 930—940. Platina Vita Nicolai V. Далѣе Petrus de Godis Dialogon de conjuratione Porcaria, изданіе Perlbach, Greifswald 1879, s. 26. Прибавимъ къ этому работу Мюнца, кѣнему по содержанию въ ней матеріалу и не тщательной критикѣ его, Les arts à la cour des papes pendant le XV-e et le XVI-e siècle, la Paris 1878 p. 68 seq. Здѣсь есть и стихи Бриппи p. 73. Любопытна оцѣнка труда Мюнца, сдѣланная Книгелемъ въ Augsburger Allg. Zeitung 23 и 28 іюля 1879 г.

быванія каменной и извести. Но ни одинъ изъ невѣждъ не производилъ такихъ опустошеній, какъ этотъ прославленный меценатъ гуманистовъ и художниковъ. Въ одинъ годъ было вывезено больше 2500 возовъ травертина изъ Колизея, отъ S. Maria Nuova, съ форума, изъ большаго цирка, съ авентинскаго холма — для новыхъ папскихъ построекъ. Гораздо больше, чѣмъ когда нибудь, шло на известку ирамора, доставленнаго въ Римъ древними императорами. Самому папѣ, по видимому, это ни мало не казалось страннымъ. Лишь мимоходомъ слышимъ мы жалобы отъ Бьондо и Веджіо. Поджіо обратился съ словами увѣщанія къ папѣ чрезъ любимца его Пьеро де Нечето, только тогда уже, когда оставилъ Римъ. Онъ совѣтовалъ ему оставить раззорительную страсть къ постройкамъ ¹⁾, но не хотѣлъ высказать этого папѣ прямо. Поджіо ни словомъ не упоминаетъ о расхищеніи остатковъ древности. Мы почти готовы думать, что ему жаль только денегъ, которые папа потратилъ не на пособіе литераторамъ. Не будь у насъ въ рукахъ счетовъ казначейства, мы никогда не узнали бы отъ свидѣтелей, состоявшихъ на жалованьи, что этотъ папа обратилъ въ развалины Колизей.

Неумѣренная страсть папы къ постройкамъ и расточительная любовь къ пышности вызвали сильное порицаніе у современниковъ. Это мы знаемъ и изъ оправданія его біографа Манетти, которое онъ заставляетъ папу высказать кардиналамъ уже на смертномъ одрѣ ²⁾. Онъ имѣлъ основаніе считать необходимыми укрѣпленія замка, потому что соборъ св. Петра и дворецъ папы слѣдовало обезпечить отъ нападенія внѣшнихъ враговъ, быть можетъ, даже турокъ и мятежныхъ римлянъ. Николай V могъ оправдывать улучшение домашняго быта придворныхъ, если ихъ спальныя комнаты будутъ устроены такъ, что въ нихъ не могутъ проникнуть «ни разумныя, ни неразумныя твари, кромѣ пернатыхъ». Папа могъ говорить, что величіе и достоинство Рима должны производить и внѣшнее впечатлѣніе на людей и т. п. Но не извѣстно, чтобы до слуха его доходили когда нибудь упреки, и мы не думаемъ, чтобы Николай V, ослѣпленный своимъ самолюбіемъ и поклоненіемъ льстецовъ, унизился до оправданія. Онъ дѣйствовалъ какъ бы по горячности инстинктивнаго влеченія, воодушевленный тѣми идеями, которыми восторгался въ юныя годы во Флоренціи, счастливый въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ

¹⁾ *Epist. XI, 6 ed. Tonelli* отъ 25 июля (1453 г., подъ впечатлѣніемъ вѣдѣтія о паденіи Константинополя): *ut cesset ab impensa aedificandi, quam, ut tecum vera loquar, omnes modo culpant hoc tempore, sed detestantur*, Онъ имѣетъ это, по его словамъ, для того, чтобы папа *culpam et infamiam fugere possit et laudem consequi*.

²⁾ *Vita Nicolai V p. 949—952*.

искусства и наука одѣлалась потребностью жизни. Дѣйствительно, для искусства было весьма благопріятно, когда мастерскія въ Римѣ, Флоренціи, Венеціи и Парижѣ стали получать большіе заказы, когда художественныя силы Италіи и Фландріи нашли для себя почву дѣятельности. Повтому и исторія искусствъ прославила имя Николая V. Но папу побуждала къ постройкамъ не любовь къ искусству, а любовь къ пышности, жажда славы и безсмертія въ потомствѣ, владѣвшая умами столь многихъ его современниковъ. И онъ, быть можетъ, не вполне сознавая этого, вращаясь въ сферѣ языческихъ идей, былъ преемникомъ не только Христа и Апостоловъ, но и древнихъ римскихъ цезарей. Навѣрное, ни одинъ изъ римскихъ папъ раньше его не ставилъ такъ беззащитно на первомъ планѣ собственную личность, не потворствовалъ такъ своимъ вкусамъ и прихотямъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что Николай V былъ тоже первымъ папою, вѣрное изображеніе котораго далъ намъ писецъ его канцеляріи, Андреа Гвачччалотти изъ Прато ¹⁾.

Тотъ самый Римъ, который папа задумалъ превратить въ метрополию искусствъ и наукъ, показалъ ему и свои республиканскія тенденціи. Именно величайшему изъ меценатовъ грозило появленіе новаго Кола, который вышелъ изъ среды флорентинскихъ друзей папы, призракъ античной республики, могущій повести къ его низверженію и гибели. Народные трибуны и поборники свободы, появившіеся въ Римѣ отъ времени до времени изъ знати, исходили постоянно отъ представлений, заимствованныхъ у Ливія, и хотѣли снова возвратитъ законныя права римскому сенату и народу. Безъ сомнѣнія, фамилія Колонинъ задумала послѣднее восстаніе, во время котораго папа Евгенийъ былъ запертъ въ церкви и едва спасъ свою жизнь постыднымъ бѣгствомъ. Но и тогда революція вспыхнула при кликахъ свободы, и зачинщики ея хотѣли низвергнуть власть духовенства.

Уже въ то время среди этихъ волненій игралъ выдающуюся роль юный римскій рыцарь и гражданинъ, Стефано де' Поркари, происшедшій изъ знатнаго рода, по своему образованію и направленію отъявленный врагъ духовенства и республиканецъ въ душѣ, не такой пустой мечтатель, какъ Кола, но человекъ смѣлый и энергичный. Онъ еще тогда готовъ былъ дать приличное положеніе папѣ въ свободной общинѣ. Замѣчательно, что онъ обязанъ былъ Флоренціи если не образованіемъ, то направленіемъ своего ума. Тамъ Поркари нѣсколько

¹⁾ О немъ есть нѣсколько свидѣній у *Georgius Vita Nicolai quinti* p. 163 и прекрасный критическій трудъ Юліуса Фридендурга (Берлинъ, 1857). Но замѣчательно, что Евгенийъ Миринъ въ *Revue archéol.* 1879 p. 69 не нашелъ ни одного доказательства въ пользу того, что папа Николай V обращалъ вниманіе на произведенія скульптуры.

равъ исправлялъ должность *capitano del popolo* въ 1427 и 1428 гг. въ которую обыкновенно избирали чужеземцевъ. Но онъ, по видимому, и прежде, и послѣ этого любилъ жить въ городѣ на Арно. Поркари особенно любилъ вращаться въ гуманистическихъ кружкахъ, среди такихъ людей, какъ Поджіо и Чиріано изъ Анконы. Но особенною дружбою республиканецъ былъ связанъ съ Траверсари, въ письмахъ котораго о немъ часто упоминается съ уваженіемъ и похвалою. Самъ Поркари писалъ свои письма въ духѣ гуманистовъ, и если онъ не игралъ видной роли между ними, то радъ былъ и тому, что его стремленія удостоивались похвалы ¹⁾. У насъ есть также одно латинское стихотвореніе, въ которомъ онъ прославлялъ Чиріано анконскаго; вообще его по временамъ называютъ поэтомъ ²⁾. Пространныя рѣчи, говорившіяся Поркари въ торжественныхъ случаяхъ на народномъ языкѣ въ качествѣ *capitano del popolo*, распространялись какъ образцы риторическаго искусства, подобно такимъ же рѣчамъ Бруни и Манетти ³⁾. Во Флоренціи его просто называли Порчіо; вѣроятно, самъ онъ видѣлъ въ этой переимѣнѣ своего имени приобщеніе себя къ роду Катонъ. Его никогда, даже и послѣ гибели во время заговора, не принимали во Флоренціи за разрушителя въ родѣ Катилины, какъ впоследствии думали о немъ римскіе придворные ⁴⁾.

Послѣ продолжительныхъ поѣздокъ во Францію и Германію, послѣ того, какъ Поркари вдоволь видѣлъ свѣтъ, онъ воротился въ 1431 г. въ Римъ ⁵⁾. Мы не знаемъ, что онъ тамъ дѣлалъ и какое принималъ участіе въ революціи 1434 г. Потомъ Поркари, по видимому, пытался примирить бѣжавшаго папу съ возставшими римлянами. Въ сентябрѣ этого года онъ имѣлъ аудіенцію у Евгенія IV; но они разстались не пришедши ни къ какому соглашенію. И тогда еще Траверсари вовсе не смотрѣлъ на молодаго рыцаря, какъ на мятежника, и желалъ, чтобы папа послѣдовалъ его благоразумному совѣту ⁶⁾. Потомъ и въ Сіенѣ

¹⁾ Мы читаемъ два его письма къ письмамъ Ambros. Travers. XXIV, 27. 28 rec. Canaleto. Траверсари пишетъ ему *epist. VI, 14: Accerpi Suavisimas littera, tuas vetustatem mire sapientes etc.*

²⁾ Это, безъ сомнѣнія, Romanus Portius quidam poeta въ Kyriaci Itinerar. ed. Mehus p. 14. Розини Vita di Filelfo T. I p 55 упоминаетъ о веронскомъ кодексѣ, въ которомъ рядомъ съ соченіями Цицерона, Петрарки, Бруни и Филельфо есть нѣкоторыя (рѣчи?) Поркари,

³⁾ У Lamius Catal. bibl. Riccard. p. 180 и Zacharias. Iter litt. p. 28. Девять сохранившихся рѣчей изъ 17 издавъ Манци въ Testi di lingua inediti, Roma 1816. Ср. Tommasini p. 94.

⁴⁾ Въ пользу этого говорить уже дружба съ Траверсари. Buoninsegni Storia della città di Firenze p. 102 называетъ его *cavalier gentile e valentuomo ed eloquente e di grand' animo*. Пріятельскіе Поджіо въ его *epist. V, 5 ed. Tonelli*.

⁵⁾ Тамъ его встрѣтилъ Траверсари, какъ сообщаетъ въ *Hodoeporicon* p. 11.

⁶⁾ Ambros. Travers. *epist. III, 7. 10.*

Поркари занималъ такое же положеніе, какъ во Флоренціи ¹⁾. Съ этихъ поръ въ теченіи многихъ лѣтъ о немъ ничего не слышно. Въ Римѣ онъ едва ли оставался подъ строгою системою управленія Вителлески и Спаранно. Быть можетъ, въ это время онъ обѣдняя, за-должалъ и сошелся съ сомнительными личностями. Поркари выступилъ на сцену вскорѣ послѣ смерти папы Евгенія, во время конклава. Онъ собралъ въ Арачели шайку людей, готовыхъ на всякое предпріятіе, держалъ къ нимъ пламенные рѣчи, считая позоромъ, что потомки древнихъ римлянъ стали рабами поповъ. Настало время, по словамъ оратора, свергнуть это иго и снова возстановить свободу. Затѣвалось уже возстаніе, но нѣкоторые прелаты успѣли склонить на свою сторону народъ и успокоили его, обѣщая избавленіе отъ нѣкоторыхъ податей. Когда на конклавѣ былъ избранъ папою Николай V, то онъ съ замѣчательною снисходительностію отнесся къ Поркари, именно простилъ его, вѣроятно, по старому знакомству во Флоренціи, или потому, что не желалъ строго смотрѣть на то, что произошло во время конклава. Поркари былъ удаленъ въ почетное изгнаніе въ Болонью, гдѣ каждый день долженъ былъ являться къ легату, кардиналу Виссаріону, но при этомъ получалъ даже вспоможеніе изъ папской казны.

Изгнанный республиканецъ задумалъ настоящій заговоръ, которымъ руководствовалъ изъ Болоньи. Матеріалъ для этого въ Римѣ былъ всегда наготовѣ, какъ скоро во главѣ движенія становился человекъ рѣшительный. Тамъ прежде всего было много обѣднѣвшей знати и такъ называемыхъ рыцарей, пособниковъ Колоннъ и Орсини во время ихъ раздоровъ. Это были настоящіе бандиты и всякаго рода искатели приключеній. Вѣроятно, въ подобной пестрой толпѣ были и люди, дѣйствительно, мечтавшіе о свободѣ. Прежде всего слѣдовало рассчитывать на робкую столичную чернь, когда дойдетъ дѣло до грабежа. Рѣшительный ударъ, къ которому готовился самъ Поркари, на этотъ разъ слѣдовало наносить быстро. Въ праздникъ Вознесенья 1453 г., когда папа съ кардиналами будетъ совершать торжественное Богослуженіе въ храмѣ св. Петра, намѣревались поджечь находившіяся по близости конюшни, а во время суматохи заговорщики, по приказанію Поркари, около 700 чел., ворвутся въ соборъ съ крикомъ: «да здравствуетъ народъ и свобода!», схватятъ и скуютъ папу, его любимца Пьеро да Ночето и побьютъ ненавистныхъ прелатовъ, потомъ разгонятъ дворъ и сдѣлаютъ Римъ свѣтскою республикою. Но еще ночью наканунѣ папа получилъ изъ Болоньи извѣстіе о бѣгствѣ Поркари. Зачинщики заговора были схвачены, самъ Поркари взятъ и повѣшенъ 9 января

¹⁾ Триверсари пишетъ epist. I, 20 изъ Сіены отъ 5 апрѣля 1435 г., что онъ вчера его посѣтилъ cl. Romanus eques Stephanus Porcius prae factus irbis huus.

съ пятью соучастниками въ башнѣ замка св. Ангела. Потому еще двѣнадцать человѣкъ подверглись той же участи, хотя было извѣстно, что заговорщиковъ было гораздо больше. Но, по видимому, не хотѣли производить слишкомъ строгаго слѣдствія, потому что оно обнаружало бы участіе въ заговорѣ фамиліи Колонна. Поржари откровенно сознался передъ смертью, что онъ хотѣлъ возвратитъ Риму его древнюю свободу, отнявъ городъ у духовенства. Говорятъ, его послѣднія слова были: «О мой народъ, сегодня умираетъ твой освободитель!»¹⁾

Конечно, этотъ римскій рыцарь, человѣкъ ловкій, пылкій и энергичный, составлялъ прямую противоположность съ пугливымъ папою, собирателемъ книгъ и любителемъ искусствъ, хотя оба они выросли на одной гуманистической почвѣ. Писатели, окружающіе папу и пользовавшіеся его милостями, нисколько не сочувствовали предпріятію Петrarки, какъ нѣкогда Петрарка сочувствовалъ трибуну. Поэтому и папѣ не приходило на мысль объяснять порывы къ свободѣ занятіями древностию. Противъ этихъ затѣй онъ охранялъ себя стражею, стѣнами и башнями, а ученымъ и поэтамъ никогда не отказывалъ въ свободѣ—мыслить и мечтать.

Уже въ первые дни своего нервосвященства папа Николай показлъ, насколько ему дорога Флоренція и воспоминаніе о тамошнихъ друзьяхъ. Онъ оказался весьма признательнымъ къ Бозымъ Медичи.

¹⁾ Источники заговора большею частію отличаются придворнымъ отгнкомъ. Это прежде всего—письма Л. Б. Альберти у Muratori Scriptt. T. XXV p. 309; это просто письмо, писанное во Флоренцію, въ Tabulae codd. m. bibl. Vindob vol. III p. 288 и поштенное такъ: Римъ 14 января 1453 г. Еще письмо Стефано Калчиа и неизвестнаго отъ 16 января, сообщенныя Томмазини въ Documenti relativi a Stefano Porcari в Archivio della Societa Romana di storia patria vol. III, Roma 1879 p. 65, 105. На безискусственное, но не лишнее претензій сочиненіе Пьетро де'Годи уже обратили вниманіе Georgius p. 129 и Манци, и оба слѣдовали той же ватиканской рукописи. Потому оно было издано, конечно безъ нея, подъ заглавіемъ: Petri de' Godis Vicentini Dialogon de coniguratione Porcaria. Aus einen Königsberger Handschrift herarag. v. Perlbach. Greifswald 1879. Томмазини p. 69 доказала, что авторъ былъ юристъ. Поэтому у Мюнца I. c. p. 213 въ 1458 г. является раньше аудиторомъ Калчиа III. Данное и блѣдное стихотвореніе (376 гексам.) Юсифа В. (ripus) теперь издано вполнѣ у Томмазини p. III seq. Значеніе его ничтожно, а стихи плохи. Но оно обнаруживаетъ образъ мыслей лѣтываго придворнаго. Этотъ говорить о Римѣ v. 199.

Ergo quid antiquam libertatem anxia queris?
An tua libertas, qua stat nunc perfungeris, exstat
Parvo tibi?

Напротивъ Porcaria римскаго поэта Ораціо, упоминаемыя Zeno Diss. Voss. T. I. p. 212, еще не изданы. На другіе источники, гдѣ часто говорится о заговорѣ Поржари, я указалъ въ Enea Silvio Bd. I s. 400. Bd. II s. 115. Ср. также Gregorovius Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter Bd. VII Stuttgart. 1870 s. 10 Off.

который и для него сдѣлалъ добро; за это папа назначилъ его хранителемъ церковныхъ доходовъ. Чтобы почтить флорентинскихъ пословъ, въ числѣ которыхъ были такіе люди, какъ Андриоло Абчайоли, Алессандро дельи Алессандри, Пьеро ди Козимо де' Медичи, Нери ди Джинно Капони, Джанноццо Питти, онъ далъ имъ аудіенцію въ публичномъ засѣданіи консисторіи, гдѣ вообще принимались послы императоровъ и королей. Во время другой аудіенціи онъ замѣтилъ въ числѣ ожидающихъ книгопродавца Веспасіано, лавка котораго во Флоренціи была сборнымъ мѣстомъ ученыхъ и который былъ для нихъ совѣтникомъ и помощникомъ. Папа тотчасъ же закрылъ аудіенцію и велѣлъ оставить его одного съ старымъ знакомымъ. Потомъ онъ сказалъ съ улыбкою: «А что, Веспасіано, не поразило ли это нѣкоторыхъ гордецовъ и повѣрили ли флорентинцы, что простой духовный, прежде звонившій въ колокола, теперь сдѣлался старшимъ епископомъ?»¹⁾

Едва лишь распространился по Италиі слухъ о возвышеніи Парентучелли на папскій престолъ, какъ отовсюду стали стекаться въ Римъ ученые и образованные люди и предлагать ему свои услуги. А другіе раньше этого наводили справки. Нѣкоторые явились послами отъ омовъ новелителей, которые думали оказать папѣ желанный почетъ выборомъ такихъ представителей. Такъ отъ имени герцога Миланскаго Филиппа явился Гвинифорте Варанца; въ своемъ обращеніи къ папѣ онъ далъ понять, что вовсе не раздѣляетъ отношенія къ церкви своего государя, который единомышленъ съ отцами базельскаго собора, и предпочелъ бы мѣсто при римскомъ дворѣ²⁾. Отъ имени короля Неаполитанскаго явился Беккаделли, и авторъ Гермафродита нисколько не былъ непріятель³⁾. Папѣ представился также и другъ послѣдняго, Бартоломмео Фаціо, переславши ему напередъ свою книгу de hominis excellentia⁴⁾. Не было никого, кто бы, по крайней мѣрѣ, не поздравилъ папу и не поручилъ себя его расположенію. Въ такихъ случаяхъ люди питаютъ и слишкомъ пылкія надежды часто горько разочаровываются. Ученые, достигшіе вліянія и могущества, не всегда дѣлались меценатами для равныхъ себѣ. Но папа Николай не былъ ученымъ по профессіи; у него не существовало любимаго предмета занятій. Какъ многосвѣдущій дилеттантъ, онъ интересовался всѣмъ.

¹⁾ Manetti § 15. Vespasiano Nicola V. § 18. 19.

²⁾ Guinif. Bapzizii Oratt. et Epist. ed. Furiotto P. II p. 39. Въ своей рѣчи онъ прямо говорить: *Suscipe, quaeso, tuoque in grege annuere.* Подпись *epist. XI, 15* свидѣтельствуетъ, что впоследствии онъ былъ папскимъ секретаремъ.

³⁾ Его рѣчь къ папѣ у Bandini Catal. codd. Int. bibl. Laurent. T. III p. 632.

⁴⁾ Письмо его Джанджанакко Спиноллѣ у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 372.

Эней Сильвий говорить про него ¹⁾, что онъ былъ посвященъ во всё свободныя искусства, знакомъ былъ съ философами, историками, поэтами, космографами и богословами. Ему даже не были чужды гражданское право и медицина. Конечно, это отзывается панегирикомъ, но правда, что папа Николай имѣлъ многосторонніе интересы, конечно, безъ стремленія проникать въ глубь предмета, такъ какъ въ сущности онъ былъ больше любителемъ книгъ, чѣмъ науки. На дедованія онъ былъ не особенно требователенъ; напротивъ онъ больше любилъ талантъ, чѣмъ гений. Николай V мало цѣнилъ стихи, рѣчи и самостоятельныя статьи нравственно-философскаго и антикварнаго содержания, которыми особенно гордились гуманисты. Онъ любилъ труды критическіе и грамматическіе, всего же больше переводы съ греческаго языка. Папа желалъ, чтобы сочиненія древнихъ писателей, исправленные тексты, комментаріи и переводы наполняли и украшали его библіотеку. При этомъ, конечно, онъ не пренебрегалъ и духовными писателями. Поэтому онъ радъ былъ каждому ученому, основательно знавшему греческій языкъ и готовому писать книги въ духъ Николая V.

Этотъ покровитель всегда имѣлъ наготовѣ кошелекъ съ нѣсколькими цехинами и щедро награждалъ достойнаго изъ своихъ рукъ ²⁾. И, конечно, у него всего находились трудолюбивые работники. При дворѣ папы въ особенности много явилось второстепенныхъ дѣятелей, и нѣкоторые пользовались у него большимъ вѣсомъ, тогда какъ въ ученomъ мѣрѣ ихъ едва знали по именамъ. Николаю V хвалили за то, что онъ не торговалъ придворными должностями и бенефіціями, какъ это дѣлали его предшественники ³⁾. Но онъ раздавалъ ихъ литераторамъ, которые работали больше для библіотеки, чѣмъ для канцеляріи, или для церкви ⁴⁾. Поджію шутилъ надъ тѣмъ, что папа набралъ цѣлый отрядъ, даже цѣлый легионъ секретарей, съ которыми, пожалуй, можно отразить турокъ ⁵⁾. Когда однажды Николаю V замѣтили, что въ Римѣ есть еще нѣсколько хорошихъ писателей, которыхъ онъ не знаетъ, то онъ не хотѣлъ этому вѣрить: иначе они бы явились къ нему, такъ какъ онъ обыкновенно хорошо принималъ и плохихъ поэтовъ ⁶⁾. Замѣтна была очень рѣзкая перемена въ сравненіи съ первосвященствомъ Евгенія IV. При послѣднемъ ключами св. Петра тайкомъ

1) Въ отчетѣ о посольствѣ 1447 г. у Baluzius Miscell. T. VII в Muratori Scriptt. T. III P. II.

2) Vespasiano l. c. p. 27.

3) Raphael Volaterr. Lib. XXII p. 815.

4) Platina l. c. p. 613.

5) Epist. XII, 8 ed. Tonelli.

6) Hermolaus Barharus Praefat. in Castigationes Plinianas. Basileae, 1534.

завладѣли окружавшіе его монахи, и лишь нѣкоторые кардиналы пользовались самостоятельностью и вліяніемъ. Теперь преобладающимъ сословіемъ при папскомъ дворѣ сразу сдѣлались ученые, и въ сущности главными изъ нихъ были тѣ переводчики, слогъ которыхъ особенно нравился папѣ. Во время чумы, посѣтившей Римъ въ юбилейный годъ и потомъ возвращавшейся лѣтомъ въ слѣдующіе годы, папа, опасаясь за свою жизнь, оставилъ Ватиканъ и основалъ резиденцію въ Санъ Фабріано. Онъ не покинулъ своихъ переписчиковъ и переводчиковъ, а взялъ ихъ съ собою, тогда какъ подъ страхомъ смертной казни никто, являвшійся изъ Рима, не смѣлъ на семь миль приближаться къ Санъ Фабріано. Лишь нѣкоторые привилегированные кардиналы могли тамъ жить, но и они могли держать при себѣ не больше четверыхъ служителей ¹⁾.

Былъ только одинъ человекъ при римскомъ дворѣ, котораго можно было считать любимцемъ папы. Это Пьеро да Ночето, секретарь и кубикларій папы, въ то же время протонотарій у грамотъ и разрѣшеній. Николай V не былъ въ близкихъ отношеніяхъ ни съ однимъ кардиналомъ, не любилъ вліянія и препятствій. Его даже стѣсняла и та мысль, будто онъ править чрезъ всемогущаго министра. Пьеро вмѣстѣ съ нимъ прошелъ поприще въ домѣ Альбергати, былъ человекъ скромный, которому, какъ женатому, была закрыта перспектива дальнѣйшихъ повышеній, и который при папѣ занималъ почти такую же должность, какую послѣдній при Альбергати. Онъ былъ правою рукою папы и вмѣстѣ съ тѣмъ его вѣрнымъ, преданнымъ слугою, вовсе не ученый и не образованный, но, какъ старый придворный, привыкъ къ обращенію съ этими людьми, старинный другъ Поджіо и Энея Сильвія Пикколомини; поэтому послѣдніе часто упоминаютъ о немъ въ письмахъ ²⁾. Мы встречаемъ тутъ совершенно иное явленіе, чѣмъ вообще водится при дворахъ меценатовъ. Послѣдніе считали литераторовъ своими совѣтниками, и взглядъ ихъ замѣнялъ ихъ собственный: у Франческо Сфорцы былъ Симонетти, у Борзо Эсте — Казелла. А ученый папа ввѣрилъ церковныя дѣла простому секретарю, и расположенія его искали послы и дѣловые люди, а съ придворными литераторами Николай V сносился прямо. Папа былъ независимъ въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ писателями, и послѣдніе были довольны, потому что трудно было облаку затмить для нихъ солнце.

¹⁾ По двумъ извѣстіямъ, посланнымъ прокураторомъ нѣмецкаго ордена къ великому магистру, въ архивѣ, Кёнигсбергскомъ cf. Manetti p. 928.

²⁾ О его поприщѣ есть подробности у Marini vol. II p. 147 и у Poggiali Memorie per la storia lett. di Piacenza vol. II, Piacenza 1879 p. 3 e seg. Въ должности папскаго кубикларія о немъ упоминается въ одномъ документѣ отъ 19 марта 1454 г. у Zacharias Bibl. Pistor. p. 34.

Мы всего лучше увидимъ, въ какихъ отношеніяхъ находился папа къ своимъ придворнымъ ученымъ и каково было ихъ положеніе, если обратимъ вниманіе на болѣе выдающіяся личности. Тутъ мы встрѣтимъ многихъ старыхъ знакомыхъ, перемѣнившихъ свою прежнюю дѣятельность на болѣе заманчивую подъ покровомъ папы. И здѣсь слѣдуетъ поставить на первый планъ флорентинцевъ, которымъ самъ папа оказывалъ предпочтеніе. Теперь папа готовъ бы былъ пригласить къ себѣ въ Римъ весь тотъ кружокъ флорентинскихъ друзей, которому онъ былъ обязанъ лучшими минутами въ своей жизни! Но Никколи, Траверсари и Бруни уже не было въ живыхъ. Марсуппини былъ канцлеромъ республики и, разумѣется, согласенъ былъ лучше остаться въ своемъ почетномъ положеніи, чѣмъ связывать свою судьбу съ судьбою папы, который какъ человѣкъ, былъ смертенъ. Немного уже осталось лучшихъ людей: Поджіо, Манетти, Альберти;—согласно взгляду Парентучелли, мы должны причислить къ нимъ и книгопродавца Веспасіано. Но папа оказывалъ милости и менѣе знаменитымъ людямъ, которые въ далекомъ городѣ принадлежали къ кружку Козьмы Медичи.

Главою придворныхъ гуманистовъ былъ Поджіо, въ то же время одинъ изъ самыхъ старинныхъ литературныхъ друзей папы, пользовавшійся также расположеніемъ Альбергати. Подобно Николаю V, мысленно онъ постоянно жилъ во Флоренціи, и въ Римѣ между ними снова завязались сношенія ¹⁾. Поджіо могъ положительно доказать, что онъ глубоко уважалъ Парантучелли еще раньше, чѣмъ онъ сдѣлался сперва кардиналомъ, а потомъ папою. Послѣдній былъ простымъ епископомъ и бѣдникомъ, когда Поджіо въ 1446 г. посвятилъ ему свой діалогъ о несчастной жизни государей ²⁾. Конечно, это первая литературная почесть, оказанная будущему папѣ.

Какъ только этотъ другъ взошелъ на папскій престолъ, Поджіо обратился къ нему съ поздравленіемъ, въ которомъ явился представителемъ всей республики ученыхъ и при этомъ, конечно, не забывъ и себя. Послѣ нѣкоторыхъ утонченныхъ похвалъ и изящныхъ философскихъ выраженій онъ приступилъ и къ настоящей задачѣ. «Я прошу тебя, святѣйшій отецъ, да не изгладится у тебя воспоминаніе о тѣхъ старыхъ друзьяхъ, въ числѣ которыхъ осмѣливаюсь назвать и себя. Ты, разумѣется, очень хорошо знаешь, что общность занятій и благородныхъ обычаевъ скрѣпляетъ узы дружбы.—Въ числѣ твоихъ

¹⁾ Около 1427 г. Poggius epist. IX, 19 ed. Tonelli.

²⁾ Въ изданіяхъ выше предисловія къ этому трактату написано просто: ad claris. virum Thomam, подлинъ въ Cod. ms. lat. 70 мюнхенской придворной бібліотеки fol. 303: ad Thomam de Sarzano и съ посвященіемъ: Magnifico domino meo Cancellario pro tunc existente in dieta frankfordensi a. domini 1446. О посвященіи Поджіо упоминаетъ и въ Prooem. Historiae de varietate fortunae p. 3.

другихъ попеченій вспомни и о старыхъ друзьяхъ, къ которымъ и я принадлежу, оказывай имъ помощь, не допусти ихъ бѣдствовать, будь благосклоненъ къ людямъ образованнымъ! Позаботься о томъ, чтобы было много людей, подобныхъ тебѣ, чтобы въ этой области твоего господства основанъ былъ рассадникъ добродѣтелей, чтобы въ эту эпоху процвѣтали свободныя искусства, какъ въ вѣкъ Сатурна (!), они, которыя въ теченіи времени почти угасли и пришли въ забвеніе.— Вѣдь отъ кого намъ ждать имъ поддержки, если не поможешь намъ ты, котораго они вскормили своей грудью, какъ свое любимое дитя! Да, святѣйшій отецъ, изученіе наукъ было въ упадкѣ и знаменитые ученые были въ пренебреженіи дольше того, чѣмъ было согласно съ справедливостью и ихъ достоинствомъ. Поэтому и рвеніе къ наукамъ охладѣло. Гдѣ не оказываютъ почета добродѣтели и не награждаютъ ее, тамъ никто не чувствуетъ поощренія ее воздѣлывать.—Отъ тебя одного, святѣйшій отецъ, ждутъ того, чѣмъ многіе пренебрегли. Пусть другіе дѣлаютъ другое, тебѣ одному приличествуетъ честь и призваніе возстановить прежнее достоинство и почетное положеніе занятій науками и ученыхъ.—Повторяю еще разъ, пусть между другими твоими заботами будетъ первою, святѣйшій отецъ,—забота о томъ, чтобы поднять и возвысить ученыхъ, оживить благороднѣйшія искусства, и доказать, что ты сталъ выше только саномъ, а духъ твой остался тотъ же. Это твоя настоящая задача, подвигъ, достойный твоего имени и славы; онъ будетъ великолѣпнымъ плодомъ твоего первосвященства. Этимъ ты заслужишь вѣчную награду отъ Бога, безсмертную хвалу у людей. Но такъ какъ ты и самъ нагрѣваешься это сдѣлать, святѣйшій отецъ, то теперь я прошу тебя въ особенности объ одномъ: вспомни и о твоёмъ Поджіо, который въ теченіи столь давнихъ лѣтъ былъ такъ искренно преданъ твоей добродѣтели, чтилъ тебя всегда преимущественно передъ другими и любилъ! Я уже ветеранъ при римскомъ дворѣ, такъ какъ служу ему сорокъ лѣтъ и однако по истинѣ съ меньшими выгодами, чѣмъ могъ бы ожидать человекъ, не совсѣмъ чуждый добродѣтели и гуманистическихъ наукъ. Мнѣ бы пора уже, какъ выслуженному воину, по обычаю древнихъ, удалиться въ деревню, дать покой тѣлу и работать только умомъ. Если я не достигну этого, благодаря твоему расположенію, то не знаю, у кого долженъ просить этой милости» ¹⁾).

Все то, что говорилъ Поджіо о высшемъ призваніи папы, послѣдній самъ вполне сознавалъ. Но онъ не устроилъ для него желаннаго покоя, и Поджіо долженъ былъ дѣлать для него переводы, хотя при

¹⁾ Poggii Orat. ad Summum Pont. Nicolaum V (Opp. p. 287—292). Въ рукоп. рѣчь посвящена 1 мая 1447 г., а въ лейпцигскомъ изданіи. 2-мъ. Ср. Poggius epist. IX, 16. 17. 18.

его слабыхъ свѣдѣнiяхъ въ греческомъ языкѣ ему приходилось или обращаться за помощью къ какому нибудь греку, или переводить весьма свободно, описанiями. Однако, вѣроятно, папа помогъ той бѣдѣ, на которую онъ такъ жаловался: вскорѣ послѣ этого старый придворный заявляетъ, что благодаря щедрости папы онъ забылъ о нуждѣ и примирился съ своею судьбою. Его не принуждали слѣдовать за дворомъ, когда послѣднiй лѣтомъ 1449 г. переселялся изъ одного замка въ другой, спасаясь отъ чумы. Онъ проводилъ время на своей виллѣ въ Террановѣ, «отдыхая тѣломъ и духомъ», занимаясь своимъ хозяйствомъ, садами и книгами, вспоминая на почетномъ досугѣ о папѣ, которому былъ обязанъ имъ¹⁾.

Первое свое большое сочиненiе, нравственно-философскiй трактатъ объ измѣнчивости судьбы, Поджіо посвятилъ не кому другому, какъ папѣ. Но мы должны здѣсь главнымъ образомъ упомянуть объ его полемическомъ сочиненiи, которое онъ написалъ, очевидно, по порученiю главы церкви, именно объ его инвективѣ противъ базельскаго антипапы Феликса. Она писана была въ такое время, когда Николой V старался изгладить послѣднiе слѣды базельскихъ смуть, быт-можетъ, именно тогда, когда Феликсъ V рѣшился изъ Мозани приказать къ своему суду «нѣкоего Томмазо Каландрини изъ Сарзаны», который осмѣлился взойти на папскiй престолъ и называться Николаемъ V²⁾.

Если Поджіо былъ служителемъ римскаго двора, то такая писательская услуга имѣла гораздо болѣе значенiя, чѣмъ составленiе однообразныхъ буллъ и разрѣшенiй. Вообще теперь онъ могъ свободнѣе предаваться своимъ наклонностямъ, чѣмъ при папѣ Евгенiи IV. Съ восшествiемъ на престолъ папы-гуманиста исчезла и толпа босоногихъ лицемѣрныхъ святошъ, которые всегда сердили Поджіо, когда нишлись вокругъ подобно муравьямъ, по его выраженiю, выпрашивая милостей и привилегiй и интригуя другъ противъ друга. Въ сочиненiи противъ лицемѣрiя, о которомъ намъ еще придется говорить, Поджіо могъ не стѣсняясь заклеймить дворъ Евгенiя, какъ гнѣздо лицемѣрiя, и сказать любезно новому папѣ, что при немъ это зло вывелось. Онъ не побоялся довольно открыто заподозрить въ лицемѣрiи и всѣхъ предшественниковъ Николая V въ сочиненiи, посвященномъ ему³⁾. Известно, что папа

¹⁾ Prologus in Histor. discept. conviv. ad Prosperum Cardinalem de Columna (Opp. p. 32). Poggius epist. X, 2. 4. 5 ed. Tonelli.

²⁾ Поджіо въ epist. IX, 20 отъ 11 ноября 1447 г. говорить, что онъ издалъ *puper oratiunculam contra Infelicem*.

³⁾ De var. fort. p. 88 онъ говорить объ Евгенiи IV: *Ego in eo plures virtutes fuisse cognovi, sive verae fuerint, sive, ut multi objiciunt, fictae.*

скорѣе терпѣлъ смѣлыхъ вольнодумцевъ, чѣмъ людей, слѣтна заподозрѣнныхъ въ мнимой святости, что нищенствующіе монахи ему нужны были лишь для того, чтобы съ помощью ихъ проповѣдей о походѣ противъ турокъ наполнялась казна, но онъ не допускалъ ихъ къ себѣ, какъ Евгеній IV, покровитель монаховъ, благодѣтелей устава.

Поджіо сталъ при римскомъ дворѣ богатымъ человекомъ; но въ то же время 73-лѣтнимъ старикомъ, когда былъ приглашенъ на мѣсто канцлера во Флоренцію, и скорѣе, отложивши въ сторону дѣла, предался литературному досугу. Почти пятьдесятъ лѣтъ прослужилъ онъ папамъ и никогда ничего не получалъ отъ своихъ должностей, промѣ награды. Папы мелькнули передъ нимъ какъ блуждающія тѣни; ему пришлось покинуть Римъ какъ разъ при единственномъ папѣ, который былъ ему по душѣ. Онъ приобрѣлъ въ Римѣ много друзей и пережилъ, конечно, тоже многихъ. Хотя Римъ для него никогда не былъ настоящей родиною, все таки онъ умѣлъ и тамъ хорошо устроить свою жизнь; но при этомъ тосканская почва никогда не была чуждою для Поджіо. Папа неохотно расстался съ нимъ. Поджіо сдѣлалъ свою должность скриптора 15 мая 1453 г., а секретарство оставилъ за собою, какъ почетный титулъ, до самой смерти¹⁾. Папа предлагалъ ему, въ случаѣ, если бы ему не понравилась жизнь во Флоренціи, опять занять свое прежнее положеніе при римскомъ дворѣ, даже при прощаньи предсказывалъ ему, что онъ и года не вынесетъ отъ флорентинскихъ сплетенъ и передрыгъ. Поэтому Поджіо могъ надѣяться оставить хорошую память о себѣ у своего доброжелателя и даже въ отдаленіи пользоваться плодами этой дружбы, къ которымъ онъ отъ времени до времени простиралъ руки съ мольбою. Но съ теченіемъ времени о немъ, повидимому, забыли. Онъ узналъ, что папа тратитъ все больше и больше денегъ на постройки, что у него явились новые совѣтники, что онъ «опошлилъ» должность секретаря множествомъ назначеній, почтилъ богатыми денежными подарками и его враговъ, какъ напр. Филельфо, да и Валла назначенъ секретаремъ. Такимъ образомъ для него невозможенъ возвратъ къ римскому двору. Въ сердитый часъ онъ грозилъ направить свое перо противъ папы, что, можетъ быть, принесетъ ему большую прибыль. Такимъ образомъ въ грустной старости курія стала ему чуждою, да и новое положеніе во Флоренціи вкорѣ стало тяготить²⁾.

¹⁾ Marini vol. II p. 127 приводитъ числа по регестамъ, но онъ забылъ, что была Калиста III отъ 20 апрѣля 1455 г., которая Поджіо назначенъ секретаремъ, только свидѣтельствуетъ о почетномъ титулѣ. Въ своемъ похвальному посланіи (epist. III, 27) Поджіо прямо проситъ даму дать ему *dignitas officii, id non quaeritur, sed honoris conservandi gratia cupio*.

²⁾ Poggius epist. XI, 6. 15. 19.

Подобно Поджіо, и Марсуппини, сохранилъ до конца жизни почетный титулъ секретаря. Онъ былъ тоже одинъ изъ прежнихъ знакомыхъ папы. Андреа Фьокко продолжалъ исполнять должность секретаря и посвятилъ папѣ сочиненіе по римской исторіи ¹⁾. Но впервые открылъ поприще Николай V для флорентинца Леонардо Дати, который когда-то учился греческому языку подъ руководствомъ Траверсари и писалъ не мало стиховъ, хотя постоянно брался за странные сюжеты. Папа назначилъ его секретаремъ 7 мая 1450 г. ²⁾. До тѣхъ поръ это былъ жалкій стихоплетъ изъ числа тѣхъ, которымъ ничто не удается и о которыхъ никто не желаетъ знать. Траверсари напрасно нѣсколько лѣтъ старался пристроить его у кардинала Джіордано Орсини, вообще благосклоннаго къ гуманистамъ ³⁾. Потомъ Дати короткое время былъ секретаремъ у кардинала Франческо Кондольмери, незаконнаго сына Евгенія IV, но не удостоился расположенія папы, хотя посвятилъ ему свою, конечно, ужасную трагедію Гіемпсалъ ⁴⁾. Еще въ 1445 г. онъ былъ только поэтомъ, но, по видимому, получилъ небольшую бенефицію ⁵⁾. Если папа Николай обезпечилъ его, то это, конечно, объясняется лишь старымъ знакомствомъ, такъ какъ Дати совѣтъ не годился для службы при римскомъ дворѣ. Онъ сохранилъ свою должность при папахъ Калликсетѣ и Пій, а преемникъ послѣдняго, Павелъ II, назначилъ его въ 1467 г. даже епископомъ въ Массу. Но сочиненія его не пользовались славой, хотя нѣкоторые считали поэта авторомъ изящныхъ писемъ. Въ особенности не высоко цѣнили его папа Николай V; это видно изъ того, что Дати не поручалось никакихъ переводовъ, да и знанія греческаго языка, приобретеннаго имъ въ молодые годы, было недостаточно для этого ⁶⁾.

Напротивъ Джіановцо Манетти былъ какъ разъ по душѣ папѣ. Подобно ему, онъ былъ свѣдущъ въ философіи и богословіи, и оба

¹⁾ См. выше стр. 34. Объ его *Historia ab adolescentia C. Julii Caesaris* упоминаетъ *Lamius Catal. codd. ms. Bibl. Riccard.* p. 29.

²⁾ *Marini* vol. II p. 147. Ср. томъ I стр. 271.

³⁾ Въ первомъ рекомендательномъ письмѣ къ кардиналу отъ 1 февраля 1433 г. (epist. II, 8 гас. Caputo) онъ называетъ его *invenio optimum et amicissimum, argutissime ingenii et prompti*. По *epist. XIII, 22* отъ 12 февр. 1438 г. онъ хлопоталъ все о томъ же дѣлѣ.

⁴⁾ Къ этому времени относится его стихотвореніе къ Чиріако анконскому, помѣщенное въ его *Itinerar.* p. 5. Ср. примѣчаніе Меруса *ibid.* p. XXXIII. XXXVI. О Гіемпсалѣ см. *Chassang Des essais dramatiques* p. 77.

⁵⁾ *Allottius* epist. II, 24 называетъ его 17 июля 1445 г. своимъ *compresbyter*.

⁶⁾ Письмо Фидельфе къ нему отъ 29 октября 1464 г. *Allottius* epist. V, 59. VI, 13. *Vegetiano Vesovo di Massa. Marini* vol. II p. 147. 159. О его странной зацѣлѣ поности Пій II будто бы переведенное съ Фрусскаго сочиненіе П. Вибени *op. G. Voigt. Enea Silvio Bd. III S. 612*. Однако Веспасіано, по видимому, смотритъ на эту книгу не какъ на подлогъ, но какъ на остроумную компіляцію.

больше пропитаны академическимъ духомъ Санто-Спирито, чѣмъ гуманизмомъ. Манетти вполнѣ усвоилъ себѣ языки греческій и еврейскій, а папа считался также хорошимъ стилистомъ и отличнымъ ораторомъ. Безъ сомнѣнiя, они были знакомы между собою уже много лѣтъ и, быть можетъ, вели споры на площади во Флоренціи и въ монастырѣ Санто-Спирито. Еще въ 1445 г. будущій папа, въ то время епископъ болонскій, возвратившись изъ посольства въ Неаполь, встрѣтилъ своего друга въ Римѣ. Вскорѣ послѣ того они видѣлись во Флоренціи и поддерживали взаимныя сношенія. Когда Манетти уѣхалъ, то епископъ сказалъ окружающимъ его, что это такой человѣкъ, равнаго которому не могла бы указать древняя римская республика ¹⁾. Когда флорентинцы отправили первое посольство съ поздравленіемъ къ новому папѣ, то казалось естественнымъ приобщить къ нему Манетти и поручить ему сказать латинскую рѣчь. Мы уже знаемъ, что папа оказалъ особую честь этому посольству, принявъ его въ публичномъ засѣданіи консисторіи. Это заставило Манетти приготовить боаѣе длинную рѣчь. Онъ составилъ ее, заперся, заучилъ на память и повторилъ нѣсколько разъ своему писцу. Въ консисторіи на трехъ скамьяхъ засѣдали длинными рядами кардиналы и зала была полна народа. Въ числѣ слушателей былъ и Веспасіано, сообщившій намъ объ этомъ. Манетти сначала говорилъ тихо, потомъ возвысилъ голосъ, такъ что его могли слышать и тѣ, кто стоялъ далеко. Онъ старался избѣжать многорѣчія и былъ того мнѣнiя, что высокое положеніе папы превышаетъ всѣ мѣры человѣческаго краснорѣчія. Но ораторъ осыпалъ папу самыми восторженными похвалами. Если всякое избраніе папы дѣло Божественное, говорилъ онъ, то это послѣднее боаѣе Божественно, даже самое Божественное изъ всѣхъ. Къ этому «Божественному» возвеличенію онъ возвращался потомъ три раза ²⁾. Николай V никогда еще не былъ предметомъ такихъ лестныхъ похвалъ, а теперь передъ нимъ и о немъ говорилъ ученый, котораго онъ считалъ первымъ между современниками, говорилъ высокопарной латынью съ сильными превосходными степенями. Онъ слушалъ закрывъ глаза и съ такимъ умиленіемъ, что одинъ изъ близко стоявшихъ придворныхъ счелъ нужнымъ слегка толкнуть его въ плечо, полагая, что его святѣйшество заснулъ. Но это опасеніе перешло въ изумленіе, когда папа отвѣчалъ остроумно на каждый изъ отдѣловъ, на которые распадалась рѣчь Манетти. Рѣчь флорентинскаго оратора,

1) Vespasiano Nicola V § 9. Comment. di Manetti p. 33. 34.

2) Мы находимъ эту рѣчь у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 716 seq. Веспасіано говоритъ, что она продолжалась часъ съ четвертью. Если только она не была распространена ораторомъ при произношеніи, то мы можемъ дать ей всего полчаса.

или лучше сказать этотъ новый при римскомъ дворѣ родъ торжественныхъ рѣчей сдѣлался предметомъ городскихъ толковъ. Присутствовавшіе флорентинцы жали руку Манетти, благодаря за ту честь, какую онъ доставилъ ихъ отечественному городу. Венеціанскіе кардиналы, завидя этому, тотчасъ же сообщили о такомъ случаѣ дожу и переслали ему рѣчь Манетти, чтобы и изъ Венеціи былъ присоединенъ къ посольству ученый ораторъ ¹⁾).

Въ 1451 г. Манетти возвращался изъ посольства съ политическою цѣлью отъ короля Неаполитанскаго Альфонса и пробылъ нѣсколько времени въ Римѣ. Папа сдѣлалъ ему неожиданную любезность, 29 іюля назначивъ его папскимъ секретаремъ ²⁾). Сначала это было больше ничего какъ простая почестъ. Манетти еще не думалъ отказаться отъ своихъ занятій и отъ политической дѣятельности во Флоренціи. Но уже въ 1453 г., когда нерасположеніе лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, ясно обнаружилось въ повышеніи налоговъ и злостныхъ обвиненіяхъ, онъ оставилъ отечество и сталъ искать милости царственнаго друга. Николай V тотчасъ же пригласилъ Манетти остаться у него и для приличнаго устройства его жизни назначилъ ему содержание въ 600 дукатовъ. Это такое положеніе, съ которымъ можно было сравнить развѣ только положеніе Филельфо при Миланскомъ дворѣ, или Беккаделли при Неаполитанскомъ. Конечно, Манетти не исполнялъ никакой работы по должности. Но такъ какъ, по его словамъ, всѣ кругомъ его были заняты литературными трудами, то и онъ не хотѣлъ даромъ получать жалованья и жить правдно, а потому задумалъ два большія предпріятія—апологію христіанства, направленную противъ евреевъ и язычниковъ, которую предполагалось раздѣлить на 20 книгъ, и новый переводъ всего Св. Писанія съ обоихъ первоначальныхъ языковъ. Къ сожалѣнію, папа рано умеръ, такъ что не могъ достойно наградить автора по окончаніи этихъ громадныхъ трудовъ, которые и не были выполнены по первоначальному плану. Однако Манетти добросовѣстно исполнилъ долгъ признательности передъ своимъ щедрымъ благодѣтелемъ. Послѣдній уже умеръ, когда Манетти написалъ его біографію и прославилъ его. Хотя должность секретаря почетно предоставили ему и папы Каликстъ и Пій, но содержанія не дали. Поэтому онъ принялъ болѣе блестящее положеніе, предложенное ему королемъ Неаполитанскимъ Альфонсомъ ³⁾).

¹⁾ *Vespasiano Comment. di Manetti* p. 37—41. Онъ прямо говоритъ, что самъ все это видѣлъ и слышалъ.

²⁾ Число по *Marini* vol. I p. 146. *Vespasiano* l. c. p. 63.

³⁾ Изъ труда *Vespasiano Comment. di Manetti* p. 77. 78 не видно ясно, когда Манетти переселился въ Римъ. А самъ онъ говоритъ въ *Vita Nicolai V*, что это случилось

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Леоне Баттиста Альберти находился въ очень близкихъ отношеніяхъ къ папѣ Николаю, и весьма возможно, что при его архитектурныхъ предпріятіяхъ онъ былъ его руководителемъ. Но эта оригинальная личность теряется для насъ изъ виду въ Римѣ, точно такъ же, какъ она замѣчательнымъ образомъ отступала на задній планъ въ дѣятельности гуманистовъ. Онъ не велъ оживленной переписки, и въ письмахъ гуманистовъ о немъ почти не упоминается. Веспасіано, вообще знакомый со всѣмъ литературнымъ міромъ, по видимому, не былъ съ нимъ близокъ. Даже въ документахъ и счетахъ нельзя было найти никакихъ данныхъ касательно его дѣятельности при постройкахъ. Только по скуднымъ замѣткамъ можно заключить, что съ 1451 по 1453 г. Альберти жилъ въ Римѣ. Но, можетъ быть, онъ былъ близъ папы во все время его правленія ¹⁾. Не много знаемъ мы и объ его участіи въ предпріятіяхъ папы, именно что подъ его указаніемъ былъ правленъ и украшенъ фронтонъ Треви, что громадная перестройка храма св. Петра была расположена по его совѣту. Личныя его сношенія съ папою не оставили никакихъ слѣдовъ въ литературѣ, но основательно предполагали, что щедрое обогащеніе Альберти бенефіціями было наградою, которую папа далъ своему архитектору ²⁾.

А у р и с п у и Ринуччи, когда-то виѣстѣ возвратившихся изъ Византіи, по ихъ направленію мы готовы считать полу-флорентинцами. Относительно Ауриспы извѣстно, что онъ былъ близокъ къ Парентучелли еще въ 1424 г., когда преподавалъ въ Болоньѣ, и онъ могъ сослаться на то, что еще раньше его восшествія на папскій престолъ посвятилъ ему одинъ изъ своихъ небольшихъ переводовъ ³⁾. Секретарство его было подтверждено въ 1447 г. Однако Ауриспа не торопился пріѣздомъ въ Римъ. Съ тѣхъ поръ какъ папа Евгений предо-

въ 7-й годъ его первосвященства. Подміо epist. XI, 7 ed. Tonelli рекомендовалъ его Пьеро да Ночето, говоря, что онъ отправляется въ Римъ, ut se exerseat vel in officio secretariatus vel in obsequiis domini nostri. Письмо не помѣчено числомъ, но въ сборникѣ слѣдуетъ за письмомъ отъ 25 іюля 1453 г. Буллы Калиста III и Пія II по отношенію къ Манетти напечатаны какъ документы къ комментаріямъ Манетти у Веспасіано стр. 152. 153.

¹⁾ Въ 1451 г. Альберти написалъ въ Римѣ Момуса, см. томъ I стр. 344. Въ 1452 г. онъ похвалялъ папѣ свои книги de architectura, какъ сообщаетъ Matthias Palmerius Opus de temporibus suis въ Rerum Italic. Scriptores (ed. Tartini) T. I ad a. 1452. 14 января 1453 г. онъ сообщалъ о заговорѣ Поррари, жива въ это время въ Римѣ. См. выше стр. 62, примѣчаніе 1.

²⁾ Ср. Müntz l. c. p. 84. 156. Janitschek Die Gesellschaft der Renaissance in Italien and die Kunst. Stuttg. 1879 s. 117.

³⁾ Письмо Ауриспы къ Траверсари отъ 11 іюня (1424) въ Ambros. Travers. epist. XXIV, 51. Въ посвященіи Пьерола Ауриспа говоритъ: non mercede ductus tibi in minoribus existenti aliqua traduxi tuoque nomini adscripsi.

ставилъ ему эту должность, онъ являлся при римскомъ дворѣ лишь для разнообразія, или когда хотѣлъ искать новыхъ бенефицій, и много работалъ въ канцеляріи. Хотя ему въ то время было уже восемьдесятъ лѣтъ, однако онъ по прежнему былъ охотникъ до путешествій и до перемѣны мѣстопробыванія. Поэтому ему, вѣроятно, было весьма по душѣ, когда лѣтомъ 1449 г., въ то время какъ въ Римѣ и кругомъ въ его окрестностяхъ на далекое разстояніе свирѣпствовала чума, папа съ немногими придворными переѣзжалъ изъ замка въ замокъ «какъ Скиоъ», по выраженію Поджіо. Когда онъ заперся въ Фабріано, гдѣ воздухъ находили самымъ чистымъ, то старый Ауриспа единственный изъ секретарей остался при немъ. Онъ работалъ мало, да и дѣла были въ такомъ положеніи, что представляли немного выгодъ ¹⁾. Онъ большею частію наслаждался досугомъ придворнаго ученаго. Ауриспа былъ совѣтникомъ папы по книжному дѣлу, устраивалъ для него покупки въ Венеціи, перевелъ одно небольшое сочиненіе съ греческаго языка и поднесъ его въ даръ своему благодѣтелю ²⁾. Послѣдній, по видимому, щедро отблагодарилъ его. Въ 1449 г. онъ далъ ему аббатство въ Сициліи, въ 1451 г. другое, болѣе богатое, а въ 1453 г. узаконилъ его сына и двухъ дочерей, прижитыхъ Ауриспою въ конкубинатѣ съ служанкою, далъ также денегъ для сына и на приданое дочерей ³⁾. Но въ это же году Ауриспа опять отправился странствовать, и мы не знаемъ, когда онъ воротился въ Римъ. Конечно, въ первый годъ правленія папы Каликста онъ былъ еще разъ при римскомъ дворѣ и писалъ разрѣшенія для этого папы, прежде чѣмъ въ послѣдній разъ удалился на покой въ Феррару почти девяноста лѣтъ отъ роду ⁴⁾.

Ринуччи да Кастильоне мы уже встрѣтили наставникомъ въ римскомъ университетѣ. Когда папа Николай назначилъ его секретаремъ ⁵⁾, то эта милость выпала на долю знакомцу прежнихъ лѣтъ. И Ринуччи раньше перевелъ небольшія сочиненія съ греческаго языка, и наконецъ въ то время, когда Парентучелли былъ мардиналомъ, басни Эвопа

¹⁾ Poggius epist. X, 1. 3. 5. XII, 11 ed. Tonelli. Что Ауриспа въ 1450 г. опять былъ въ Феррарѣ, видно изъ письма Филельфо къ нему отъ 26 ноября этого года.

²⁾ Это была Hieroclis philosophi in versus Pythagorae aureos Espositio. Посвященіе у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. II p. 155 и у Mittarelli l. c. p. S2.

³⁾ См. т. I стр. 509. Marini vol. II p. 143. Этотъ сынъ Ауриспы не есть ли Jo. Aurispa Romanus, о которомъ мы читаемъ стихотвореніе у Zingerle de carminibus lat. saec. XV et XVI enertis, Oeniponti 1880 p. 97?

⁴⁾ Грамоты съ его подписью отъ 5, 18 и 19 января 1456 г. у Vespasiano Comenti. di Manetti p. 153 и у Ronchini въ Archivio Stor. Sicil. N. S. anno I, Palermo 1876 p. 345.

⁵⁾ Онъ былъ уже во всякомъ случаѣ секретаремъ, когда Поджіо въ 1453, оставилъ Римъ, потому что въ epist. XI, 6 называется его своимъ товарищемъ.

съ его жизнеописаніемъ. Для папы онъ перевалъ только подложныя письма Гиппократъ. Не болѣе важнаго порученія въ этомъ родѣ Ринуччи не удостоивали, безъ сомнѣнія, потому что слогъ его не соответствовало вкусу папы ¹⁾). Поэтому намъ понятно, что папа назначилъ секретаремъ такого человѣка, какъ Никколо Сагундино, но не желалъ имѣть его литературныхъ работъ ²⁾).

Изъ прежнихъ секретарей, состоявшихъ въ должности при восшествіи на престолъ папы Николая, самымъ выдающимся по учености былъ Флавіо Бьондо. Мы уже видѣли, что его привилегированное положеніе при Евгени IV зависѣло отъ личныхъ отношеній. Дѣло не въ томъ, что Бьондо принадлежалъ къ тогдашнимъ бюстителемъ за исполненіемъ правилъ. Папѣ была дорога его мирная и скромная преданность въ тяжелыя времена. Онъ собственно не принадлежалъ къ кружку флорентинскихъ друзей, но былъ уважаемъ ими и не былъ противникомъ ихъ стремленій. Какъ же случилось, что Николай V относился съ пренебреженіемъ къ Бьондо, даже съ замѣтною немилостью? Положительной причины мы не знаемъ. Пикколомини, который очень хорошо зналъ дѣла римскаго двора, отдѣльвается общимъ замѣчаніемъ, что папа рѣдко возвышаетъ того, кого любилъ его предшественникъ ³⁾). Вѣроятно, отчасти справедливо слѣдующее соображеніе. Прежніе придворные, не принадлежавшіе къ друзьямъ юности папы, очевидно, оставались въ тѣни передъ тѣми, которыхъ онъ самъ призвалъ. И Ченчи игралъ при Николаѣ V невидную роль; а о Грегорио Корраро и Маффео Веджіо, двухъ благочестивыхъ людей, въ его правленіе почти нѣтъ и рѣчи. Есть слухъ о противникѣ, нанадки котораго отравили Бьондо жизнь при папскомъ дворѣ ⁴⁾). Имѣло, конечно, значеніе и увеличеніе числа секретарей, вызвавшее насмѣшки и жалобы у Поджіо. Чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ меньше выпадало работы и случая выслужиться на долю каждаго, а Бьондо жилъ литературными трудами съ многочисленною семьею. Конечно, папа лично не былъ имъ недоволенъ; нельзя также допустить и того, чтобы онъ лишь въ даномъ случаѣ слушалъ злыхъ наушниковъ. Поэтому мы должны искать причины невниманія къ Бьондо въ характерѣ его научнаго направленія.

¹⁾ Подробности у Georgius Vita Nicolai V p. 195. Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 518. 653, гдѣ упоминается о переводѣ Душанова разговора, сделанномъ Ринуччи.

²⁾ Magini vol. II p. 136. Ср. томъ I стр. 394.

³⁾ Eugora cap. 58.

⁴⁾ Masius s. 22 предполагается, что это былъ Георгій Трапезунтскій. Въ такомъ случаѣ они, вѣроятно, помирились, а иначе непонятно, каковы образцы у Franc. Barbatus erist. 194 отъ 5 ноября 1453 именно Бьондо представляетъ Георгія Критскаго, т. е. такъ наз. Трапезунтскаго.

Бьондо былъ собственно изслѣдователь исторіи и древностей, работалъ съ добросовѣстнымъ трудолюбіемъ и громадною начитанностью: по источникамъ и умѣлъ искусно пользоваться своимъ матеріаломъ. Свое сочиненіе *Roma instaurata* онъ посвятилъ уже папѣ Евгенію и издалъ большую часть декадъ. Но именно этимъ работамъ папа вовсе не сочувствовалъ. Было также не трудно отыскать недостатки въ сочиненіяхъ Бьондо. Онъ самъ сознается, что былъ несчастенъ въ усвоеніи греческаго языка ¹⁾. Если ему, какъ историку, нужно было имѣть дѣло съ греческими писателями, то онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи переводовъ. Конечно, въ глазахъ папы Николая Бьондо уже потому стоялъ ниже западныхъ ученыхъ, которые знали нѣсколько по гречески, и грековъ, которые знали порядочно латинскій языкъ. Онъ не могъ дѣлать переводовъ, которые для папы были именно самыми важными вкладами въ литературу. Бьондо правда нѣкогда первый съ пламеннымъ усердіемъ списалъ Цицеронова Брута съ стараго лодійскаго еписка и снова подарилъ эту книгу Италіи, также принималъ участіе въ исправленіи Ливія. Но онъ, конечно, не принадлежалъ къ числу лицъ, умѣющихъ заняться новымъ пересмотромъ классиковъ, сдѣлать ихъ по тогдашнему болѣе вразумительными и такимъ образомъ увеличить бібліотеку. У Цицерона онъ весьма мало научился краснорѣчію. Быть можетъ, его простой нравъ противорѣчилъ стремленію къ изяществу формъ, а официальныя занятія и механическая работа, какая неизбѣжна при всякомъ историческомъ изученіи, мѣшали усвоить болѣе изящную латынь и игривость выраженія, которыми гордился его вѣкъ. Онъ очень хорошо видѣлъ тѣ преимущества, которыми отличались передъ нимъ другіе. Вообще люди, приближающіеся къ старости, относятся ко всему новому не сочувственно и съ предубѣжденіемъ, но онъ съ трогательнымъ отчужденіемъ смотрѣлъ на расцвѣтъ новыхъ школъ въ Италіи, «въ которыхъ пріятно видѣть, какъ ученики не только по окончаніи курса, но уже и тогда, когда они декламируютъ и ищутъ подъ руководствомъ учителя, превосходить своихъ наставниковъ въ устномъ и письменномъ краснорѣчьи». Какъ легко достались вѣнки славы Поджіо и Филельфо и какъ трудно было это для Бьондо, и наконецъ онъ самъ себя высказалъ сочувственное слово!

Слѣдуетъ поставить на видъ еще одно обстоятельство. Бьондо не умѣлъ льстить, употребляя искусные обороты, или загромождая рѣчь превосходными степенями. Онъ не льстилъ и Евгенію IV. Ученый защищалъ его дѣло съ пылкостью и усердіемъ и доказалъ базельскимъ

¹⁾ *Historiarum ab inclinatione Romanorum dec. I lib. IV in princip.* (Opp. Basil. 1558); *Vespasiano Biondo* §: ebbe qualche notizia delle lettere greche.

противникамъ, что папа велѣдотвіе крайности и оскорбленій былъ вынужденъ на тѣ поступки, которые они объясняли его упрямствомъ. Онъ и папѣ Николаю не воздавалъ много почета, кромѣ того, что исполнялъ свою обязанность. У него также не хватало ловкости поставить себя въ хорошія отношенія съ людьми, имѣвшими влияние на папу. Такимъ образомъ Бьондо молча переносилъ пренебреженіе въ теченіи двухъ лѣтъ. А когда лѣтомъ 1449 г. чума прогнала изъ города римскій дворъ и разбѣяла по разнымъ мѣстамъ, и всѣ служебныя занятія приостановились, то онъ началъ присиивать себѣ другое мѣсто. Но, увидѣвъ, что его надежды рушились, Бьондо опять воротился къ римскому двору и опять оставилъ его и напрасно снова искалъ случая пристроиться. Онъ то жилъ на какой нибудь виллѣ, то мы встречаемъ его въ Феррарѣ, Равеннѣ, Неаполѣ; вѣроятно, онъ и въ другихъ мѣстахъ ожидалъ поворота своей судьбы къ лучшему. Уже шестидесяти лѣтъ отъ роду, обремененный большимъ семействомъ, теперь повтъ снова странствовалъ, какъ прежде въ юные годы послѣ изгнанія изъ Форли ¹⁾. Однако въ концѣ концовъ ему не оставалось въ 1453 г. ничего другаго, какъ опять воротиться въ Римъ къ своей должности. Секретарства своего онъ ни въ какомъ случаѣ не лишился и собственно не былъ въ немилости у папы. Послѣдній даже далъ небольшую должность старшему его сыну Гаспаро въ регистратурѣ, въ которой ему приходилось заниматься сличеніемъ регестъ ²⁾. Теперь была кончена и *Italia illustrata* Бьондо, и авторъ поднесъ ее въ даръ папѣ съ разными вставками, которыя онъ сдѣлалъ въ назначенномъ ему экземплярѣ для прославленія его ³⁾. Онъ узналъ, что папа остался доволенъ его книгою ⁴⁾. Но и послѣ этого Бьондо остался такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ, и щедрая въ такихъ случаяхъ рука папы не дала ему ничего. Съ трудомъ заработавъ онъ настолько средствъ, что могъ дать тщательное образованіе своимъ сыновьямъ и пристроить съ приличнымъ приданымъ дочерей. Ученый кончилъ свою трудолюбивую жизнь 4 июня 1463 г. «бѣднякомъ, какъ прилично мудрецу». Папа Пій II почтилъ этого достойнаго

¹⁾ Poggius epist. X, 3. 5. Masius s. 23 ff. Къ этому присоединяется извѣстіе изъ папскихъ регестъ, сообщаемое Вильмансомъ въ *Gött. Gel. Anz.* 1879 s. 1500.

²⁾ По подписи въ концѣ книгъ регестъ. *Archivio Stor. Ital. Ser. III P. I Firenze* 1866, p. 178.

³⁾ Такъ только и объясняется то обстоятельство, что эти примѣчанія есть въ копіи, списанной Валентинелли *Bibl. ms ad S. Marci Venet. T. VI p. 104.* тогда какъ въ печатномъ оттискѣ ихъ нѣтъ. Довольно странно, что въ послѣднемъ даже при упоминаніи о Сарзанѣ ни слова не говорится о папѣ.

⁴⁾ *Franc. Barbarus epist.* 194. 314 ed. Quirino.

человѣка воспоминаніемъ въ своихъ комментаріяхъ и оцѣнилъ его труды, хотя выразился недобрительно объ ихъ содержаніи и слогѣ ¹⁾).

Папа Николай V мало обращалъ вниманія на церковные вопросы, какъ скоро принималъ въ соображеніе литературныя заслуги. Это главнымъ образомъ видно изъ того-положенія, какое занялъ при его дворѣ Лоренцо Валла. При Евгениі IV онъ не смѣлъ явиться въ Римъ, какъ покорно и искусно ни оправдывался передъ папою ²⁾). Теперь вмѣстѣ съ монахами, заповнившими дворъ Евгениа, устранены были и тѣ личныя и литературныя недоразумѣнія, какія возбуждалъ Валла. Правда, мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ, что папа Николай пригласилъ его къ себѣ, да это и само по себѣ невѣроятно, потому что въ такомъ случаѣ онъ назначилъ бы ему жалованье. Мы не знаемъ также и о ихъ прежнихъ сношеніяхъ. Самъ Валла указываетъ на кардинала Виссаріона, какъ на лицо, по совѣту или при посредствѣ котораго онъ переселился въ Римъ ³⁾). Безъ сомнѣнія, онъ раньше увѣрился въ благосклонномъ приѣмѣ. Филельфо считалъ непонятнымъ, почему Валла рѣшился промѣнять обезпеченное и почетное положеніе у такого государя, какъ король Альфонсъ, на невѣрное при римскомъ дворѣ ⁴⁾). Мы можемъ только догадываться о тѣхъ побужденіяхъ, какія руководили имъ. Въ Римѣ жили его родные, и потому самый городъ былъ для него второю родиною. Неаполитанскій дворъ сталъ для него неприятенъ вслѣдствіе раздоровъ съ Беккаделли и Фаціо: онъ понималъ, что его лишь глубоко уважають, а настоящій любимецъ государя—Беккаделли. А въ случаѣ нужды онъ тамъ всегда имѣлъ пріютъ. Такимъ образомъ явился въ Римъ еще въ 1447 г. Валла, авторъ книги О наслажденіи, полемическаго сочиненія противъ дара Константина, діалога о профессіи монаховъ, порицатель блаженнаго Иеронима, онъ, наругавшійся надъ нищенствующими монахами и инвизиціею, обвиненный въ томъ, что имѣетъ вольнодумные и презрительные взгляды на религіозное преданіе и на основы церкви. Однако вовсе не слышно, чтобъ его тревожили враги-монахи, чтобъ отъ него требовали чего нибудь въ родѣ отреченія или объясненія, или было бы упомянуто о предосудительности его сочиненій въ отношеніи церкви.

¹⁾ Pii II Comment. p. 130.

²⁾ См. т. I стр. 436.

³⁾ Antidot. in Pogium lib. IV (Opp. p. 340): vir. de me optime meritis et qui, ut Romam venire, mihi autor oxit.

⁴⁾ Письмо Филельфо къ Валлѣ отъ 18 февраля 1451 г. Нельзя допускать того, что Филельфо въ то время только что узналъ о переселеніи Валлы; онъ не былъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ:

Съ другой стороны однако, по видимому, папа нашелъ неудобнымъ надѣлять такого человѣка, какъ Валла, придворными должностями и бенефиціями, которыя, конечно, могъ дать ему, такъ какъ Валла былъ холостъ и, вѣроятно, въ то время готовъ принять посвященіе. 10 ноября 1448 г. онъ былъ назначенъ папскимъ писцомъ и другой должности не получалъ при папѣ Николаѣ. Правда, въ 1453 г. ему хотѣли дать мѣсто секретаря, и объ этомъ хлопоталъ у папы другъ его Тортелло. Дѣлу помѣшали, насколько мы знаемъ, не духовныя лица, а его литературные враги. Фаціо изъ Неаполя заключилъ дружескій союзъ съ Поджіо и по мѣрѣ силъ уговаривалъ его разстроить планы его соперника. Поджіо спрятался за Пьеро да Ночето, любимца папы, и грозилъ своимъ гнѣвомъ, если папа сдастся на эту назойливую просьбу ¹⁾. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при жизни папы Мартина, 24-хъ лѣтній Валла искалъ должности секретаря, и тогда тоже Поджіо помѣшалъ ему сообщая съ Антоніо Лоски ²⁾. Теперь ему оставалось утѣшиться тѣмъ извѣстіемъ кардинала Кузы, что папа любитъ его больше, чѣмъ до сихъ поръ показалъ это на дѣлѣ. А на умѣстное возраженіе Валлы, что онъ не принимаетъ его въ число своихъ секретарей, кардиналъ отвѣчалъ, что есть люди, недоброжелательные къ нему, но все это еще удалится ³⁾. Это уладилось лишь при преемникѣ папы Николая V, а послѣдній ограничился частнымъ изъявленіемъ своего благоволенія.

Валлѣ было поручено перевести Фукидиду, конечно, работа почетная и трудная: сочиненія этого писателя находились въ жалкомъ видѣ, такъ что ихъ трудно было понимать и передать языкомъ Саллюстія или Ливія, какъ того желалъ папа. При томъ же Валла былъ не первостепенный гелленистъ и, по видимому, только въ Римѣ опять усердно принялся за изученіе греческаго языка ⁴⁾. Когда онъ поднесъ папѣ латинскаго Фукидиду въ 1452 г., то Николай V собственно далъ ему въ награду 500 скуди ⁵⁾.

Болѣе соответствовала талантамъ этого ученаго вторая обработка Красотъ; онъ посвятилъ ихъ Тортелло, который стоялъ къ папѣ ближе всѣхъ литераторовъ. Все то, что говорилось въ посвященіи, говорилось все равно что самому папѣ. Тамъ между прочимъ читаемъ: «Гдѣ въ теченіи вѣковъ являлся болѣе славный и достойный похвалы мужъ, чѣмъ нашъ общій отецъ и первосвященникъ Николай

¹⁾ Письмо Фаціо къ Поджіо въ *Facius de vir. illustr.* p. 81. *Poggius epist.* XI, 15. 25.

²⁾ *Valla Antid. in Pogium lib. IV* (Opp. p. 352).

³⁾ *ibid.* p. 340.

⁴⁾ Это можно заключить по его раннимъ сочиненіямъ, также по исторіи, которую сообщаетъ *Jov. Pontanus de principe* (Opp. Lib. I fol. 91).

⁵⁾ *Valla Antid. in Pogium lib. IV* (Opp. p. 335).

У! Можно бы было также сказать, что онъ избранъ въ этотъ санъ приговоромъ мудрѣйшихъ людей, что онъ рожденъ для него. Богъ намъ даровалъ его и удостоилъ нашъ вѣкъ особаго благодѣянія. Если дни папы будутъ сохранены для насъ, то счастлива будетъ судьба грядущихъ поколѣній, насколько люди въ состояніи судить. Нельзя рѣшить, что блистательнѣе, добродѣтели ли его или высокое положеніе въ средѣ людей. А относительно его добродѣтелей нельзя опредѣлить, которой слѣдуетъ отдать преимущество передъ другими, если вообще какая либо изъ нихъ выдается, а не каждая обнимаетъ собою всѣ остальные. Но всякій можетъ въ высшей мѣрѣ приписать ему ту добродѣтель, какую самъ наиболѣе чтить, какъ мы съ тобою проищательность ума во всемъ, а особенно въ наукахъ.— Божественна по истинѣ быстрота и глубина его ума. Какъ часто бесѣдовалъ онъ съ нами и съ другими учеными о научныхъ предметахъ, оставивъ обычныя дѣла! Умолчу о томъ, какою возвышенностью, красотою и обиліемъ знаній отличается его рѣчь, какъ онъ освоился съ разными отраслями наукъ, какъ гуманистическихъ, именно съ исторіею, грамматикою, риторикою, философіею, лѣгитимикою и метрикою, такъ и духовныхъ, съ богословіемъ, правами и тою наукою, которую греки называютъ метафизикою. Нѣтъ ничего столь возвышеннаго или тайнаго, что было бы недоступно ему, нѣтъ ничего въ наукахъ—и это еще удивительнѣе,—столь мелочнаго и непріятнаго, что бы отъ него укрылось. Поэтому никогда миѣ не приходится такого желанія молчать и только наблюдать, какъ въ то время, когда онъ говоритъ».

Валла высказываетъ Тортелло свое желаніе, чтобы послѣдній не показывалъ папѣ этого посвященія; похвала эта предназначается, по его словамъ не только для него, но и для другихъ читателей. Какъ древніе украшали изображеніемъ божества триумфальную арку или колонну, такъ и онъ хотѣлъ во главѣ своего труда дать мѣсто изображенію Николая У, чтобы лучами его озарялся и самый трудъ. Насколько серьезное значеніе придавалъ онъ своей просьбѣ, обнаруживаетъ другое желаніе, выраженное въ началѣ этого посвященія, именно чтобы книга эта нашла мѣсто въ папской библіотекѣ, и если онъ когда нибудь раскроетъ ее, то это будетъ самою высшею наградою автору за его трудолюбіе ¹⁾.

Кромѣ того Валла желалъ также поступить преподавателемъ въ римскій университетъ, какимъ нѣкогда былъ въ Павіи ²⁾. До тѣхъ поръ тамъ одинъ Георгій Трапезунтскій занималъ кафедру реторики и

¹⁾ Посвященіе Красотъ Тортелло см. въ Vallae Opp. p. 1.

²⁾ Ср. томъ I стр. 472.

краснорѣчія и не безъ успѣха. Съ лѣта 1450 г. Валла явился соперникомъ ему. Онъ неоднократно увѣряетъ насъ, что началъ это соперничество лишь для прославленія Квинтилиана, къ которому грекъ относился обыкновенно съ пренебреженіемъ вслѣдствіе крайняго пристрастія къ Цицерону. А Валла еще въ юношескомъ своемъ сочиненіи всегда ставилъ его, какъ наставника въ реторикѣ, выше Цицерона и особенно высоко цѣнилъ. При помощи нѣкоторыхъ кардиналовъ Валла получилъ въ университетѣ такое же жалованье, какъ и его соперникъ. Послѣ полугодія грекъ добровольно отказался отъ каѳедры и вполне оставилъ поле битвы за Валлою, и послѣдній съ честью оставался на немъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Замѣчательно, что папа ничего не зналъ объ университетскомъ его преподаваніи: по словамъ наставника, ему не понравилось бы, что его чиновникъ занимается и другими дѣлами кромѣ порученныхъ ему переводовъ ¹⁾.

Странно, что для Валлы время почестей и отличій настало только при папѣ Каликстѣ, который лично нимало не интересовался его учеными трудами. Благодаря ему Валла уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлался секретаремъ, получилъ множество каноникатовъ при римскихъ церквахъ—и самый лучший при С. Джіовани и въ Латеранѣ ²⁾. По видимому, онъ нашелъ себѣ доброжелателей и почитателей среди самыхъ выдающихся кардиналовъ; такіе люди, какъ Виссаріонъ и Николай Буза, были постоянно его друзьями. Притомъ все болѣе возрастало уваженіе къ его уму и учености, а особенно къ его сочиненію Красоты. Но дни Валлы были уже сочтены: онъ умеръ всего пятидесяти лѣтъ отъ роду 1 августа 1457 г. Его похоронили въ латеранскомъ храмѣ, каноникомъ котораго онъ былъ; тамъ еще Паоло Джіовіо видѣлъ его надгробный памятникъ изъ мрамора съ его изображеніемъ и похвальною надписью, по правую сторону отъ входа. Памятникъ этотъ былъ разрушенъ во время поправки церкви при Климентѣ VIII. На надгробный камень, употребленный для устилки мостовой, безъ всякаго уваженія къ памяти Валлы, первый обратилъ вниманіе изслѣдователь древности и критикъ, достойный покойнаго, Нибуръ, и спасъ его отъ гибели ³⁾.

Упомянутый нами Джіовани и Тортелло, котораго мы видѣли другомъ Валлы и вліятельнымъ лицомъ при дворѣ папы Николая, родился въ Ареццо, на родинѣ столь многихъ ученыхъ и поэтовъ гуманистической эпохи. Онъ былъ обязанъ лучшими плодами своего обра-

¹⁾ Antid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 335. 348).

²⁾ Marini vol. I p. 241.

³⁾ Jovius Elogia doctor. viror. 13. Его чтеніе года смерти, безспорно, единственно вѣрное. Надпись у Цумпта стр. 403. Объ участіи Нибура я сообщаю по его чтеніямъ о римскихъ древностяхъ, изд. Излеромъ, Berlin 1858, S. 11.

зованія Флоренціи. Такъ можно заключить уже по его литературной дѣятельности, даже если бы мы не знали, что тамъ онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Ліонардо Бруни ¹⁾). Вѣроятно, онъ зналъ еще Траверсари и Никколи, а у Филельфо могъ учиться греческому языку. Но чтобы черпать знанія изъ болѣе обильнаго источника, Тортелло отправился въ Грецію, занимался также въ Болоньѣ философіею и богословіемъ съ такимъ усердіемъ, что по объѣмъ этимъ наукамъ получилъ степень магистра. Около 1445 г. онъ былъ священникомъ собора своего роднаго города, но не могъ тамъ оставаться, а отправился сначала во Флоренцію, а отуда въ Римъ искать высшей должности при папскомъ дворѣ ²⁾). Но мы не знаемъ, достигъ ли онъ чего нибудь при папѣ Евгеніи, хотя поднесъ ему въ даръ жизнь св. Аванасія, переведенную на латинскій языкъ ³⁾).

Николай V особенно любилъ именно такихъ людей, которые соединяли богословское образованіе съ классическимъ, были грамматики и гелленисты, имѣли страсть къ пересмотру текстовъ и книгамъ. Вѣроятно, онъ зналъ уже Тортелло во Флоренціи или въ Болоньѣ. Но послѣдній, по видимому, опять прибылъ въ Римъ только въ 1448 г., 31 мая 1449 г. сдѣланъ былъ кубикларіемъ папы, а потомъ скорѣе назначенъ субдіакономъ ⁴⁾). Уже будучи камераріемъ, онъ стоялъ очень близко къ папѣ, а еще болѣе потому, что Николай V сдѣлалъ его хранителемъ своей бібліотеки, своихъ самыхъ дорогихъ сокровищъ. Тортелло въ то же время былъ правителемъ дѣлъ и корреспондентомъ, завѣдывалъ сношеніями папы съ литераторами, переводчиками, книгопродавцами и переписчиками, въ особенности съ тѣми, которые не жили въ Римѣ, и былъ самымъ вліятельнымъ его совѣтникомъ въ этихъ дѣлахъ, какимъ Пьеро да Ночето былъ въ дѣлахъ церковныхъ. Его тактъ, гуманность, привлекательная скромность и отсутствіе зависти заслуживаютъ общую похвалу, а равно и то, что онъ умѣлъ держаться въ сторонѣ отъ раздоровъ и клеветъ литературнаго кружка. Кромѣ того Тортелло былъ замѣчательный писатель. Его сочиненіе о правописаніи, надъ которымъ онъ давно уже работалъ и которое созрѣвало при постоянномъ участіи папы, которому впоследствии и посвящено, долго еще считалось весьма полезнымъ трудомъ. Въ сущности это былъ словарь для переписчиковъ и исправителей текста, энциклопедія, историческія, мѣологическія и географическія

¹⁾ Leon. Bruni epist. IX, 9 rec. Mehus отъ 1441 г.

²⁾ Aliottus epist. II. 38. 39. 45 отъ 13 и 14 декабря 1445 г.

³⁾ О немъ упоминаютъ Jac. Phil. Bergomas Suppl. Chron. fol. 283 и Jovius l. c. 108.

⁴⁾ Aliottus epist. III, 21. IV, 4. Первое письмо, въ которомъ поздравляетъ Achionnu, quod apud Pontificem migraris, не помѣчено, но помѣчено въ числѣ писемъ за 1448 годъ. Marini vol. II p. 338.

свѣдѣнія которой были нужны для пониманія и поправки текстовъ древнихъ писателей. Въ особенности полезно было то, что тутъ были расположены въ алфавитномъ порядкѣ слова, происходящія изъ греческаго языка, письменное употребленіе которыхъ было такъ искажено и непонятно даже для человѣка, свѣдущаго въ этомъ языкѣ. Это былъ трудъ какъ разъ ему же Николи, любителей книгъ вообще и папы Николая въ особенности ¹⁾).

Мы уже выше упоминали о томъ, что поэтъ Бриппи въ преклонныхъ лѣтахъ оставилъ свой родной Миланъ, гдѣ онъ былъ каноникомъ, чтобы занять при дворѣ папы Николая должность начальника регистратуры ²⁾. А помимо того папа, по видутому, не обратилъ на него вниманія, даже не тронуть былъ его благонамѣреннымъ, но жалкимъ стихотвореніемъ, написаннымъ по поводу заговора Поркари. Папа, навѣрное, совсѣмъ не зналъ о его стихахъ въ честь св. Алексѣя, св. Клары и другихъ, въ заключеніи которыхъ онъ каждый разъ поручалъ себя чествуемому или чествуемой. Поэтъ вообще не имѣлъ большаго значенія на его взглядъ ³⁾. Только у Каликста III удостоился онъ большей милости; умеръ 22 августа 1457 г. и похороненъ въ С. Алессіо ⁴⁾.

Изъ Милана прибылъ также къ римскому двору Пьеръ Кандидо Дечембріо. Онъ занималъ приличное положеніе при послѣднихъ Висконти, и оно отравлено было только враждою съ Филельфо. Потомъ онъ явился горячимъ республиканцемъ, но при поворотѣ дѣлъ оказался въ необходимости оставить новый дворъ Сфорцы и свою родину. Николай V ласково принялъ этого многосторонняго дѣятеля; хотя онъ писалъ не особенно изящною латынью, но зналъ по-гречески, и папа далъ ему должность секретаря и потомъ главный надзоръ надъ аббревиатурами. Онъ также поручилъ ему переводъ Аппіана, который Дечембріо сдѣлалъ быстро, но слабо. Дечембріо работалъ нѣкоторое

¹⁾ *Blondus Italia illustr.* p. 309. *Aeneas Europa* cap. 5S. *Vespasiano Giov. Tortello.* Книга эта была издана нѣсколько разъ, и изданія указаны у Фабриціуса и др. У меня было изданіе *Tortelli Commentariorum Grammaticorum de orthographia dictionum e Graecis tractatum Opus*, Vicentiae 1479. Посвященіе Николаю V, у *Bandini bibl. Leop. Laurent.* T. I 498.

²⁾ Томъ I стр. 463. Валла упоминаетъ о немъ, *Antid. in Poggiu IV*, какъ о *paralis regesii graecae*, хотя въ ватиканскомъ архивѣ не осталось слѣдовъ его дѣятельности.

³⁾ О стихотвореніяхъ въ честь святыхъ ер. *Endlicher Catal. codd. phil. bibl. Vindob.* p. 269. *Mehus Vita Ambr. Triv.* p. 78. О времени его смерти на надгробномъ камнѣ *Tommasini l. c.* 81. 84. 85.

⁴⁾ Мы не знаемъ, оказалъ ли онъ милость нищенствующему поэту Порчелло, хотя послѣдній однажды по совѣту Веджіо воспѣлъ «Оному Магистру» подобно прочимъ (*Carmina ill. poet. ital.* T. VIII p. 514). Вѣроятно, онъ дозволялъ ему возвратиться въ Римъ, что было запрещено папою Евгениемъ IV. См. томъ I стр. 450.

время въ канцеляріи и при Калистѣ III, а потомъ уже въ старости воротился въ Миланъ, гдѣ забыли объ его республиканскихъ грѣхахъ ¹⁾.

Но и въ Римѣ Дечембріо постигла та же участь: онъ встрѣтился съ Филельфо. Послѣдній, подобно Поджіо, зналъ папу еще въ домѣ Альбергати и сказалъ ему нѣсколько лестныхъ словъ, какъ и всѣмъ, кто могъ быть ему полезнымъ въ данное время или въ будущемъ. Когда Парентучелли вышло на долю скромное мѣсто субдіакона съ 300 дукатовъ содержанія, то Филельфо уже видѣлъ въ немъ любимца папы, который легко можетъ достигъ болѣе высокаго положенія, и потому просилъ его въ этомъ случаѣ не забыть дружбы ²⁾. Когда онъ вззошелъ на престолъ св. Петра, то Филельфо обратился къ нему съ поздравительнымъ посланіемъ. Теперь онъ ссылался на ихъ прежнюю дружбу, когда онъ самъ назадъ тому лѣтъ двадцать преподавалъ въ Болоньѣ, и Парентучелли, почти сверстникъ ему, учился тамъ же. Потому ли были весьма коротки отношенія между знаменитымъ профессоромъ реторики и бѣднымъ богословомъ? Далѣе онъ спрашивалъ его, не таилась ли въ сердцѣ его съ тѣхъ поръ постоянно любовь къ нему, Филельфо; съ своей стороны онъ увѣрялъ, что его довѣріе и уваженіе къ Парентучелли неизмовѣрно возрастало съ каждымъ днемъ. Было упомянуто и о благочестивомъ Альбергати, для котораго Парентучелли былъ какъ бы сыномъ, а Филельфо дорогимъ другомъ ³⁾. За этимъ письмомъ тотчасъ же послѣдовало предложеніе папы: пусть Филельфо пріѣдетъ въ Римъ; тамъ онъ можетъ рассчитывать на мѣсто и на всяческое расположеніе. Конечно, секретарство, которое другіе считали для себя великимъ даромъ, было слишкомъ низко для гордаго Филельфо, и онъ мечталъ о чемъ либо повыше.

Именно въ это время ему снова пришла въ голову странная мысль, однажды уже занимавшая его. Еще когда умерла его первая жена Теодора, дочь Іоанна Хризолора, онъ задумывалъ оставить мірскія

¹⁾ Вѣроятно, Дечембріо вступилъ въ должность въ 1449 г. Но нѣтъ положительныхъ извѣстій ни объ этомъ, ни о времени, когда онъ сдѣлалъ *magister brevium*. Одно рѣшеніе, подписанное имъ 7 декабря 1450 г. въ Appiani Hist. Rom. ed. Mendelssohn. vol. I Lips. 1879 p. XXII. Согласно Saxius Hist. lit. typ. Mediol. p. 298 въ книгѣ его писемъ есть грамоты отъ имени папы къ королямъ и владѣтельнымъ лицамъ. Franc. Barbari op. 226 ed. Quirino. Marini vol. II p. 147. О позднѣйшей жизни Дечембріо въ Миланѣ см. томъ I стр. 459.

²⁾ Ср. его письма къ нему отъ 6 и 9 октября 1440 г. Первое письмо къ нему отъ 19 декабря 1428 г.

³⁾ Письмо Филельфо къ папѣ Николаю отъ 8 апрѣля 1447 г. 6 марта Конклавъ провозгласилъ его избраніе. Приглашеніе папы послѣдовало чрезъ Джіов. Тосканеллу, бывшаго учителя Филельфо.

заботы и суеты и поступить въ духовное званіе. Онъ сообщалъ объ этомъ желаніи папѣ Евгенію и просилъ «причислить его къ своей паствѣ». Тогда онъ могъ бы исполнить свое намѣреніе и безъ папы. Мы понимаемъ, что Филельфо желалъ только промѣнить свое блестящее свѣтское положеніе на болѣе блестящее среди духовенства. Евгеній IV не далъ Филельфо никакого отвѣта: конечно, мысль поэта казалась ему безразсудною и нелѣпою. Послѣдній тоже отказался отъ нея и женился на Орсинѣ Оснага, благородной миланской дѣвицѣ, которая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ къ его многочисленной кучѣ дѣтей отъ перваго брака и незаконныхъ подарила ему еще трехъ дочерей и одного сына.

Злая судьба хотѣла, чтобы именно въ то время, когда въ Миланѣ безчинствовали республиканскія партіи и грозили разрушить всякій гражданскій порядокъ, умерла и Орсина. Овдовѣвшаго поэта опять осынила благочестивая мысль. Но теперь дѣло было уже не такъ просто: двоекратный бракъ по каноническому праву служить препятствіемъ къ посвященію, и его можно устранить только папскимъ разрѣшеніемъ. О немъ-то и просилъ Филельфо Николая V, на котораго онъ надѣялся больше, чѣмъ на его предшественника, что онъ откроетъ доступъ къ духовнымъ должностямъ такому знаменитому ученому. Было дѣломъ неслыханнымъ, чтобы подобнаго рода просьба подавалась папѣ написанная гекзаметромъ. Филельфо присоединялъ оба стихотворенія, въ которыхъ просилъ о желаемомъ разрѣшеніи, къ своимъ сатирамъ ¹⁾, въ первыхъ книгахъ которыхъ мы читаемъ самыя злобныя нападки на его враговъ, Козьму Медичи, Никколи, Поджіо и другихъ. Теперь онъ увѣрялъ, что съ дѣтства питалъ пламенное желаніе отречься отъ суетнаго міра и вполнѣ посвятить себя Христу, котораго онъ, замѣтимъ мимоходомъ, называетъ владыкою Олимпа. Тогда его муза, дотолѣ блуждавшая лишь въ мрачныхъ долинахъ, вознесетъ свой голосъ до самыхъ горнихъ высотъ и будетъ прославлять Николая V и папскій престолъ. Плотскія вождедѣнія онъ смирилъ чистыми помыслами и постами, къ тому же они угасли съ лѣтами. Онъ готовъ идти на всякую борьбу и на смерть за папскій престолъ съ усердіемъ и смиреніемъ, куда только ему укажутъ. И самое имя Филельфо для грядущихъ поколѣній будетъ не малымъ поощреніемъ и образцомъ въ торжеству вѣры.

Мы уже слышали отъ Филельфо много заявленій во время его пребыванія во Флоренціи и Миланѣ, свидѣтельствующихъ о его гор-

¹⁾ Это Satyr. dec. IX, fec. 8 и dec. X, fec. 4 — къ папѣ. О времени я замѣчаю по порядку сатиры. Крайній предѣлъ опредѣляется тою замѣткою, которая есть и въ отпискахъ въ концѣ сатиры, что Филельфо далъ имъ послѣднюю отдѣлку 1 декабря 1448 года.

дыкъ замыслахъ. Но въ этихъ сатирахъ онъ высказываетъ особенно смѣлую мысль. Поэтъ не шутилъ вбилъ себѣ въ голову, что папа можетъ сдѣлать его по малой мѣрѣ кардиналомъ, а въ такомъ случаѣ для него откроется путь и къ папскому престолу. Тогда онъ обезпечитъ и самъ себя и своихъ дѣтей. Мы должны только взять въ расчетъ тѣ намѣренія, которыя онъ приписываетъ папѣ Николаю, и немного знать Филельфо, чтобы понять, какіе воздушные замки онъ строилъ. По его словамъ, папа не захочетъ поставить его въ ряды воинствующей церкви простымъ солдатомъ. Какая тамъ польза отъ него? Повиноваться онъ давно уже привыкъ; чтеніе священнаго писанія и величайшихъ отцевъ Церкви на языкахъ латинскомъ и греческомъ посвятило его въ глубокія тайны вѣры. Поэтому папа долженъ указать опредѣленное положеніе которое намѣренъ ему предоставить (чтобы Филельфо зналъ, что ему дѣлать. Онъ желаетъ всегда и ежедневно быть въ общеніи съ нимъ ¹⁾).

Вѣроятно, Николай V смѣялся надъ кардиналомъ-поэтомъ съ кучею дѣтей и не удостоилъ его отвѣта. Филельфо напрасно ждалъ и мучился нетерпѣніемъ; онъ оставилъ мысль о красной шляпѣ и женился въ третій разъ.

Въ 1453 г. Филельфо не безъ труда удалось выпросить себѣ отпущекъ у своего повелителя, герцога миланскаго: онъ хотѣлъ поднести въ даръ королю Неаполитанскому Альфонсу томъ своихъ сатиръ, въ которомъ теперь было 10.000 стиховъ. Два года уже носился онъ съ этою мыслию ²⁾. Трудно допустить, чтобы герцогъ Франческо не отпускалъ его путешествовать изъ страха, какъ бы его придворный поэтъ не измѣнилъ ему. Но послѣдній не хотѣлъ ѣхать моремъ и оставалъ въ сторонѣ флорентинскую область, въ

¹⁾ At postquam sanctae statuis me, maxime Praesul,
Scribere millia, scribas, precor, ordine certo.
Nam quid grande potest obitu gregarius ullum
Miles opus, qui, dicta modo imperiumquo capessat?...
Da, Pater, ut toto tibi pectore iungar et omne
Tecum tempus agam.

Онъ просилъ еще Евгения IV: iungat gregi suo per florea prata. Что онъ разумѣлъ подъ этимъ, видно и изъ позднѣйшихъ обращеній. Лодовико Кривели въ писемъ спрашивалъ его, почему же Николай V не сдѣлалъ его епископомъ или кардиналомъ, если такъ высоко его цѣнить. На это Филельфо возражалъ въ полемическихъ сочиненіяхъ отъ 1 августа 1465 г., смотря на дѣло серьезно, что папа не могъ этого сдѣлать, потому что онъ, Филельфо, уже два раза былъ желать. Этихъ объясненій и слова Фонтаны въ его апологій Филельфо у Saxius p. 227, что папа далъ бы ему красную шапку. nisi dignatus fuisset.

²⁾ Его письмо къ Никколо Чеба отъ 15 февраля 1451 г.

которой ему послѣ приговора объ изгнаніи грозили отнятіемъ языка. Поэтому Филельфо давно уже велъ переговоры съ Козмою Медичи, съ которыми ему очень хотѣлось помириться ¹⁾). Наконецъ пришли къ соглашенію, которое давало путешественнику возможность проѣхать чрезъ флорентинскую область. Передъ своею поѣздкою онъ собралъ съ миланскихъ друзей дань за увѣковѣченіе ихъ имени, чтобы заручиться средствами, потомъ получилъ ее съ тѣхъ владѣтельныхъ лицъ, чрезъ владѣнія которыхъ проѣзжалъ и резиденціи которыхъ почтилъ своимъ посѣщеніемъ. 18 іюля, вскорѣ послѣ полудня, вѣхалъ онъ усталый въ Римъ. Съ самой юности своей не видалъ онъ вѣчнаго города ²⁾), однако удостоилъ его легкаго обзора и намѣревался на другой день рано утромъ отправиться въ Неаполь. Безъ сомнѣнія, отъ папы онъ не добился ничего. Филельфо еще въ Миланѣ выразился такъ, что папа, правда, кажется ему человѣкомъ съ научнымъ образованіемъ, но въ немъ замѣтны слѣды подчиненнаго положенія, — намекъ на тѣ двадцать лѣтъ, которыя онъ провелъ въ зависимости у Альбергати. Онъ предполагалъ, что эти слова были переданы папѣ его врагомъ Дечембрио, и онъ старался показать, что это клевета ³⁾). Поэтому онъ не хотѣлъ представляться папѣ. Но распространилась молва объ его пріѣздѣ. Утромъ, только что Филельфо хотѣлъ уѣзжать, явился съ поздравленіемъ Флавіо Бьондо и не могъ надивиться тому, что поэтъ намѣревался привѣтствовать папу уже послѣ своего возвращенія. Николай V еще вечеромъ накануне говорилъ много и милостиво о Филельфо и называлъ его своимъ другомъ. Однако Филельфо не вѣрилъ. Только тогда уже онъ согласился явиться къ его святѣйшеству, когда пришелъ Пьеро да Ночето и шути повелъ его подъ руку.

Папа Николай былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ забылъ всѣ тѣ непріятности, какія Филельфо причинилъ его флорентинскимъ друзьямъ, и тѣ предложенія, какія дѣлалъ ему самому. Поэтъ не могъ желать лучшаго и болѣе дружественнаго приема. «Ну, мессеръ Франческо, обратился къ нему папа, Мы удивлялись, что вы здѣсь въ Римѣ и не посѣтили насъ!» Филельфо оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ воспользоваться для этого своимъ обратнымъ проѣздомъ. Но папа тотчасъ же спросилъ о его трудахъ и, услышавъ о толстомъ томѣ сатиръ, непременно желалъ ихъ прочесть. Цѣлыхъ девять дней

¹⁾ См. томъ I стр. 335.

²⁾ Что онъ однажды былъ въ Римѣ, это видно изъ его писемъ къ Перлеоне отъ 13 августа 1437 г. и къ Чеба отъ 15 февраля 1457 г.

³⁾ Его письмо къ Траннедино отъ 12 марта 1453 г. Онъ рѣшилъ: *Nicolaum quintum mihi videri doctissime eruditum, sed adhuc sapere famulatum*

долженъ былъ Филельфо провести въ Римѣ, пока верховный пастыръ всѣхъ вѣрующихъ съ удовольствіемъ знакомился со всѣми зазорными происшествіями по его книгѣ ¹⁾). Возвращая ее, папа рассыпался въ лестныхъ похвалахъ, долго говорилъ о томъ времени, когда они въ первый разъ познакомились, о ихъ судьбѣ и потомъ въ мягкихъ выраженіяхъ упрекалъ поэта въ томъ, что онъ не принявъ мѣста при римскомъ дворѣ, которое папа велѣлъ предложить ему тотчасъ же послѣ своего восшествія на престолъ. Филельфо отвѣчалъ, что обязанъ слишкомъ большой признательностью герцогу миланскому. Тогда папа сдѣлалъ ему новое предложеніе, сказавъ, что надѣется выпросить его отъ любезнаго герцога, какъ подарокъ, и дать ему должность секретаря съ вознагражденіемъ въ 600 дукатовъ. Пусть Филельфо только общается въ свободное время перевести какое нибудь хорошее сочиненіе съ греческаго языка. Конечно, о красной шапкѣ не могло быть и рѣчи. На прощаньи папа вручилъ ему кошелекъ съ 500 дукатами, прибавивъ: «Вотъ, мессеръ Франческо, эти деньги я даю вамъ на продовольствіе во время пути!» Филельфо благодарилъ тысячу разъ, а папа прибавилъ къ этому залогу возобновленной дружбы, что онъ намѣренъ въ теченіи трехъ лѣтъ заботиться о немъ, чтобы ни онъ, ни дѣти его никогда не терпѣли нужды ²⁾).

Назначеніе папскимъ секретаремъ послѣдовало 1 сентября 1453 г. Но его святѣйшество имѣлъ планъ, съ которымъ и умеръ, заручивъ Филельфо для перевода поэмъ Гомера, о чемъ мы сообщимъ больше подробностей впоследствии.

Какое впечатлѣніе произвело на римскихъ литераторовъ то обстоятельство, что папа оказалъ расположеніе ненавистному Филельфо! Рѣчь о 500 дукатахъ переходила изъ устъ въ уста, а также и слухъ о назначеніи секретаремъ. Дечембрю, его прежній соперникъ, кипѣлъ злобою отъ зависти, Поджіо досадовалъ ³⁾). Но счастливый поэтъ, столь легко возвратившій себѣ благосклонность щедрого мецената проѣздомъ, рѣшился воспользоваться ею. По возвращеніи въ Миланъ онъ тотчасъ же послалъ папѣ переводъ спартанскихъ изрѣченій Плутарха съ посвященіемъ, наполненнымъ искусно разчитанною лестью. «Всѣ достойные люди являются къ тебѣ. Всѣ, отличающіеся умомъ,

¹⁾ Письмо Филельфо къ Никколо д' Арцинольди, миланскому совѣтнику, изъ Рима отъ 25 іюля 1453 г. *Vespasiano Nicola V Papa* § 27, *T. Filelfo* § 3.

²⁾ Письмо Филельфо къ Лодовіко Кривелли отъ 1 августа 1463 г. *Vespasiano II. cc.*
³⁾ Ср. письмо Пьера Кандидо (Дечембрю) къ Поджіо отъ 11 августа 1453 г. и отвѣтъ Поджіо у Rosmini *Vita di Filelfo* T III p. 150, также Poggius *epist* XI 15 ed. Tonelli.

краснорѣчіемъ или какимъ либо изъ изящныхъ искусствъ, стекаются къ тебѣ. А ты, какъ человѣкъ великодушный и щедрый, никѣмъ не пренебрегаешь, всѣхъ охотно принимаешь, всѣмъ оказываешь величайшую щедрость. — Ты всѣмъ приносишь пользу какъ примѣромъ твоей жизни, такъ и твоимъ великодушіемъ на подарки¹⁾. Въѣздъ съ тѣмъ Филельфо задумалъ болѣе обширное произведеніе, которое, по его соображенію, будетъ еще пріятнѣе папѣ. Именно онъ намѣревался написать біографію папы и послалъ ему первую книгу. До насъ это сочиненіе не дошло, но мы знаемъ его широковѣщательный тонъ, который Филельфо въ этихъ случаяхъ обыкновенно доводилъ до нелѣпности. Впослѣдствіи враги его увѣряли, будто папа призналъ книгу такою вздорною, что бросилъ въ огонь въ присутствіи автора, съ презрѣніемъ далъ ему награду и запретилъ писать дальше²⁾. Все это — очевидная ложь, такъ какъ Филельфо писалъ это сочиненіе уже послѣ своего возвращенія въ Миланъ и съ тѣхъ поръ больше не видался съ папою. Мы однако полагаемъ, что папѣ Николаю вмѣсто пошлой лести Филельфо гораздо пріятнѣе было бы имѣть переводъ. Если поэтъ къ первой книгѣ не прибавилъ второй, то причиною былъ или холодный пріемъ, оказанный посланію, или смерть папы, которая могла охладить пылкое чувство благодарности въ душѣ Филельфо³⁾. Впрочемъ Николай V для него навсегда остался идеаломъ папы, и онъ указывалъ на него, какъ на образецъ, слѣдовавшимъ четверымъ его преемникамъ.

Если мы изъ группы итальянскихъ ученыхъ, собравшихся при дворѣ Николая V, указали только на болѣе выдающіяся имена, то это еще важнѣе относительно грековъ, нашедшихъ себѣ у него убѣжище. До сихъ поръ намъ представлялся случай только мимоходомъ упоминать о гелленской литературѣ, пробужденной отъ сна. То вліяніе, какое вновь открытая греческая образованность произвела на умы въ первую эпоху, т. е. приблизительно со временъ Петrarки до

¹⁾ Это Praefatio приложено къ изданіямъ рѣчей Филельфо, также напечатано у Sakhius p. 533 и у Mifarelli p. 885.

²⁾ Это извѣстіе, взятое изъ инвентивъ, которое мы читаемъ въ письмѣ Горо Долли къ павійскому кардиналу, притомъ въ сочиненіяхъ послѣдняго, напечатанныхъ съ Pii II, Comment. etc. Francofurti, 1614, p. 493. Ср. вышеупомянутое письмо Филельфо къ Кривелли.

³⁾ Ср. выше стр. 53 пр. 4 оба письма Филельфо къ Гилини.

Николая V, собственно не велико. Лишь слабо и въ отдаленіи гелленскій духъ началъ дѣйствовать на латинскихъ гуманистовъ, и съ трудомъ достигались успѣхи въ познаніи и ознакомленіи съ нею. Отчего же усвоеніе его, начатое Петраркою и Салютато съ такимъ пламеннымъ рвеніемъ, совершалось однако столь медленно? Была ли слаба среда, призванная къ общенію съ нимъ, умерли ли духовныя силы византійско-греческаго міра? Или Западъ слишкомъ сталъ чуждъ духа древней Эллады, такъ что не могъ быстро освоиться съ нимъ, и гуманизмъ Италіи съ его преимущественно риторско-стилистическимъ образованіемъ былъ не подходящимъ сосудомъ для воспріятія новыхъ началъ? По видимому, романскій міръ, въ теченіи вѣковъ проникнутый и руководимый духомъ церкви, утратилъ воспримчивость къ новой духовной культурѣ, такъ какъ рѣчь шла не объ одномъ только чуждомъ языкѣ. Въ противномъ случаѣ одушевленіе, особенно сильное у тѣхъ, которые лишь съ предчувствіемъ взирали на страну грековъ, гораздо скорѣе привело бы къ успѣхамъ.

У насъ еще не изслѣдованъ вопросъ о томъ, насколько и съ какою оцѣнкою продолжала существовать древняя гелленская литература въ самой византійской имперіи. Но она все таки сохранилась въ довольно почтенныхъ остаткахъ въ то время, когда была перенесена на Западъ. Съ VI вѣка едвали въ византійскомъ государствѣ памятниковъ ея погибло болѣе, чѣмъ памятниковъ римской литературы у народовъ романскихъ. Среди грековъ языкъ древней Эллады никогда не былъ чуждымъ, непонятнымъ. Постоянное мѣстопробываніе двора и его резиденціи, а также и школьное преподаваніе поддерживали древнюю литературу. По крайней мѣрѣ они способствовали ея существованію точно такъ же, какъ римскіе поэты, историки и философы на западѣ продолжали сохраняться въ средѣ духовныхъ лицъ, монаховъ, учителей и нѣкоторыхъ ученыхъ. Конечно, преобладало богословіе, остановившееся въ своей неподвижности, которая осталась ея характеристическою чертою на западѣ несравненно долѣе, потому что схоластика и всякаго рода мистическія ученія представляли для него новую пищу и создавали поприще для умственной дѣятельности. Отъ неоплатоническихъ ученій тамъ нельзя было ожидать никакихъ плодотворныхъ началъ. Даже для лучшихъ умовъ они были почти игрушкою и не знакомили съ древностью. Для людей этого направленія, конечно, изреченія Сивиллы и Гермесъ Трисмегистъ были выше Гомера и Платона. Но даже незадолго до появленія итальянскихъ гуманистовъ въ Греціи все еще списывались и читались такіе писатели, какъ Эврипидъ, Ксенофонтъ, Страбонъ, Плутархъ и Адрианъ ¹⁾). Восточная римская имперія была все таки

¹⁾ См. перечень подобныхъ рукописей у Gardbhausen Gric. chische Paläographie Leipzig 1979, s. 356 ff.

въ состояніи послать на западъ Хриволора, Георгія Трапезунтскаго, Федора Газскаго, Виссаріона и Константина Ласкариса, людей съ гуманистическимъ направленіемъ и образованіемъ.

Насколько почва на западѣ готова была къ воспріятію сокровищъ гелленской литературы? Правда, можно утверждать, что тамъ она не была никогда совершенно чуждою, что въ особенности греческій языкъ во всѣ эпохи такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ могъ указать нѣкоторыхъ знатоковъ и любителей. Но знаніе еще не всегда нераздѣльно съ умственнымъ вліяніемъ, а въ особенности такое, которое прививаетъ новую вѣтвь къ корню латинскаго образованія. Римъ, гдѣ нѣкогда гелленскимъ духомъ были проникнуты лучшіе слои общества, гдѣ онъ составлялъ принадлежность моднаго образованія, теперь далеко отринувъ его отъ себя со времени раздѣленія церквей. Въ Италіи были еще мѣстами духовныя лица, знавшія по гречески, и «грамматики», учившіе этому языку. Въ то время, когда Павелъ діаконъ, вѣроятно, учился этому языку въ Павіи, онъ находилъ въ Италіи еще многихъ подобныхъ себѣ. Но вмѣстѣ съ паденіемъ Лангобардскаго королевства, повидимому, заглохла и эта вѣтвь знаній. И въ первое Возрожденіе, которое началось при Карлѣ Великомъ и снова кончилось приблизительно съ Карломъ Лысымъ, гелленизмъ тоже принималъ нѣкоторое участіе въ умственномъ движеніи. Въ особенности въ школахъ ирландцевъ, у Седулія Скота и Іоанна Скота мы встрѣчаемъ преподаваніе греческаго языка, хотя онъ служилъ только роскошью да и то, конечно, не часто ¹⁾. Нѣкоторые писатели стараются пріобрѣсти покрайней мѣрѣ внѣшній лоскъ греческаго образованія, употребляя нѣкоторыя греческія слова, щеголяя греческими фразами и заглавіями сочиненій. Дипломатическія и общественныя сношенія съ Византією вели постоянно къ нѣкоторому умственному соприсношенію, и нѣкоторые греки переселялись на западъ. Поэтому не удивительно, когда Видукинъ рассказываетъ намъ объ одномъ норвежскомъ монахѣ, который могъ кое-что читать королю Конраду на греческомъ языкѣ ²⁾, или когда Германъ Контрактусъ восхваляется въ Рейхенау за то, что тоже понималъ по-гречески. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ знаніе языка остается бесплоднымъ. Оно служитъ при случаѣ средствомъ для сношеній, но не ключемъ къ знакомству съ греческою литературою.

Съ эпохи крестовыхъ походовъ, конечно, сношенія съ греческимъ Востокомъ стали оживленнѣе, но на литературныя сношенія мы не

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ у Эберта *Geschichte der Literatur des Mittelalters* Bd. II Leipzig 1880.

²⁾ *Res gestae Sax.* III, 2.

можемъ указать. Даже ученые знаменитости не сознавали потребности расширить свои знанія въ этомъ направленіи. Ни Абелардь, ни Іоаннь Салисберійскій не знали по гречески, равно какъ и Гербертъ, жившій раньше ихъ ¹⁾. Они даже не выразили желанія приблизиться къ этому источнику познаній. Первый, отъ кого мы, по крайней мѣрѣ, слышимъ жалобу на то, что незнаніе греческаго языка наноситъ вредъ и изученію латинскаго, это—Ричардь де Бѣри, современникъ Петрарки. Онъ досталъ для своихъ учениковъ грамматики—латинскую и еврейскую, хотя понималъ, что эти языки можно усвоить только при помощи учителей. Но онъ стремился не къ классикамъ древняго міра, а полагалъ только, что нельзя понимать древнихъ церковныхъ писателей безъ греческаго языка ²⁾.

Въ Сициліи и Калабріи продолжалъ еще жить греческій языкъ, вѣроятно, непрерывно. Это фактъ извѣстный, который является передъ нами наглядно во времена норманскихъ королей и Гогенштауфеновъ. Манфредъ поручилъ одному сицилійцу, Бартоломео изъ Мессины, перевести этику Аристотеля на латинскій языкъ. Въ монастыряхъ базилианъ, основанныхъ въ видѣ убѣжищъ для грековъ и постоянно бывшихъ въ сношеніяхъ съ греками, продолжались до извѣстной степени и занятія греческимъ языкомъ, какъ доказываютъ ихъ книги. Но они были слишкомъ изолированы, такъ что не могли имѣть никакого вліянія на западное челоуѣчество ³⁾.

Этимъ разрывомъ живой связи между греками и латинянами объясняется и то обстоятельство, что переводная литература находится въ весьма печальномъ положеніи. Хотя Западъ снова познакомился съ Аристотелемъ, открывшимъ для него новые пути учености, однако долгое время и изъ его сочиненій были переведены только сочиненія по логикѣ Боэціемъ, а касательно другихъ сочиненій пользовались латинскою передачею арабскихъ переводовъ. Даже и въ то время, когда Аристотель прямо былъ признанъ «философомъ», лишь по временамъ возникаетъ мысль о вѣрномъ переводѣ его сочиненій съ греческаго подлинника. Изъ разговоровъ Платона знали собственно только Тимея въ неполной передачѣ Халкидія. Если и были латинскіе переводы нѣкоторыхъ другихъ разговоровъ, то они встрѣчались очень

¹⁾ Cp. Schaarschmidt Iohannes Saresberiensis, Leipzig 1862, S. 109 ff.

²⁾ Richardus de Bury Philobiblion cap. 10.

³⁾ Въ бенедиктинскомъ абатствѣ Гротта Феррата, въ римской кампанѣ тоже были греческія книги. Когда Траверсари осматривалъ ихъ въ 1432 г., то нашелъ, что они обветшала, покрыты пылью и вообще въ жалкомъ видѣ. Онъ не нашелъ почти ничего такого, чего бы не было и въ другихъ мѣстахъ. Ambros. Travers. epist. VIII, 42. Podoericon p. 11.

рѣдко и въ немногихъ экземплярахъ ¹⁾. А однако какъ часто отцы Церкви ссылались на Платона! Вся же остальная свѣтская литература гелленовъ для латинянъ была какъ бы похоронена и забыта. Правда, одно время около половины XIV в. былъ въ Италіи монахъ миноритъ Анджело де Чингуло, который «принялъ греческій языкъ отъ Бога» и употреблялъ свои свѣдѣнія на переводы. Но онъ переводилъ не классиковъ, а творенія Іоанна Златоуста, одно сочиненіе такъ называемаго Климака, аббата Синайскаго, и разговоръ святаго Макарія ²⁾.

Этотъ монахъ, насколько извѣстно, былъ уже современникомъ Петрарки. Тутъ мы видимъ, изъ какого мрака и безвѣстности извлечь онъ гелленскую литературу, произнесши надъ нею слово освобожденія. Уже первый человѣкъ съ греческимъ образованіемъ, занимавшійся тѣмъ же предметомъ, Калабриецъ Барлаамъ, внушилъ ему мысль овладѣть греческимъ языкомъ и его духовными сокровищами, которыя служили образцами для Цицерона и Виргилія. Мы знаемъ, что онъ остановился на началахъ грамматики и что усердіе его охладѣло въ виду потребности—въ качествѣ ученика искать себѣ учителя. Но искра Прометеева огня запала въ его душу и, разгорѣвшись яркимъ пламенемъ, воспламенила сотни и тысячи умовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ греческаго Гомера, съ тѣхъ поръ, какъ явился Пилато и перевелъ его поэмы во Флоренціи, на итальянской почвѣ была основана новая родина для гелленскаго духа. Конечно, въ началѣ предѣлы ея были еще незначительны. Боккаціо поразительно мало научился греческому языку, несмотря на то, что цѣлые годы былъ въ общеніи съ Пилато. Онъ никогда не могъ читать греческихъ писателей. Поэтъ едва умѣлъ справиться со стихомъ Гомера или объяснить этимологически какое нибудь греческое слово. Но онъ старается примѣнить къ дѣлу свои скромныя познанія въ греческой мудрости. Онъ подалъ мысль о переводѣ поэмъ Гомера, и благодаря ему былъ

¹⁾ См. Schaarschmidt l. c. S. 114.

²⁾ Bartolomeus Pisanus Opus conformi tatum, Mediol. 1513, lib. I. fruct. II fol. 107.—Исторія дальнѣйшаго существованія греческой литературы въ латинскіе средніе вѣка, которая, конечно, потребовала бы большой начитанности, принадлежитъ къ числу ріа desideria науки. Здѣсь можно указать только на начатки этого дѣла. Совершенно лишень критики и неудовлетворительнъ трудъ Gradenigo въ Miscellanea di varie oregette T. VIII Venet. 1744, p. 1 e seg., достоинъ вниманія въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, Tiraboschi T. V p. 674 и Baldelli Vita di Boccacci. Illustraz. I p. 221 e seg. Написанное на премію сочиненіе Релана Sur l'étude du grec et des langues orientales en occident pendant le moyen âge, Paris 1849 не являлось въ печати. Cramer de graecis mediі aevi Studiis P. I. II, двѣ стральзундскія гимназическія программы 1848 и 1850 гг. — еще лучшее, что у насъ есть, потому что Gidel Nouvelles études sur la littérature grecque moderne, Paris 1878 p. 1—278 составлены поверхностно по второстепеннымъ источникамъ.

приглашенъ въ флорентинскій университетъ первый наставникъ греческаго языка. Тамъ онъ распространялъ ту плодотворную мысль, которую потомъ вполне развила его младшій другъ Салютато, хлопотавшій о приглашеніи Хризолора ¹⁾).

Когда въ 1360 г. Петрарка написалъ свое посланіе къ Гомеру, воодушевленный переводомъ гомерическихъ поэмъ, который сдѣлалъ Пилато, то онъ думалъ о томъ, сколько есть въ Италіи людей, которыхъ онъ можетъ назвать друзьями великаго пѣвца. Во Флоренціи онъ нашелъ троихъ или четверыхъ, въ Болоньѣ одного, въ Веронѣ двоихъ, въ Сульмонѣ одного, въ Мантуѣ тоже одного, а въ Римѣ ровно никого. По своему пристрастію къ мистической таинственности поэтъ не говоритъ намъ, разумѣть ли онъ простыхъ поклонниковъ Гомера, или знатоковъ греческаго языка. Но намъ слѣдуетъ допустить послѣднее, такъ какъ онъ не упоминаетъ о Миланѣ, гдѣ самъ жилъ въ то время. Ученые старались открыть эти личности и указали на Боккаціо, Нелли, Салютато, Франческо Бруни, Фра Тебальдо да Каза, Пьетро да Мульо, Заноби да Страда, Гульельмо да Пастренго, Римальдо да Вилла-Франки и Марко Барбато ²⁾. Помимо Боккаціо, котораго, конечно, нельзя считать въ числѣ знатоковъ греческаго языка, и развѣ Тебальдо, который былъ простой переписчикъ, изъ названныхъ лицъ ни объ одномъ нельзя доказать, что они знали даже греческія буквы. Приходится думать о второстепенныхъ личностяхъ, которые случайно знали (по-гречески, какъ упомянутый нами братъ Анджеоло, которому Богъ даровалъ это знаніе, или какой нибудь другой неизвѣстный грамматикъ, или греки и тотъ калабриецъ, котораго судьба занесла въ латинскій міръ ³⁾).

Если что во время Петрарки и впоследствии служило существенною помѣхою между греками и латинянами, то это было—различіе вѣроисповѣданій. Въ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ оно было не такъ ощутительно, но эти сношенія не были и средствомъ умственного сближенія, такъ какъ посредницею при нихъ была *lingua franca*. Никто не учился по-гречески для того, чтобы вести дѣла на востокъ. Но именно образованные умы раздѣляли многовѣковой расколъ, упорная приверженность догматамъ и стойкость въ вѣрѣ со стороны грековъ, надменность и ненависть къ еретикамъ со стороны латинянъ. И у тѣхъ и у другихъ они усилились до племен-

¹⁾ См. томъ I, стр. 335. О свидѣніяхъ Боккаціо въ греческомъ языкѣ см. *Hortis Studj s. opere lat. del Boccaccio* p. 369 e seq. *Körting Boccaccio* S. 376 ff.

²⁾ *Petrarca epist.* XXVI, 12 отъ 9 октября 1360 г. Изъ объяснителей назову только послѣднихъ: Тирабоски, Фракассетти и *Hörtis* l. c. p. 368.

³⁾ Оба уроженца Кипра, упомянутые на стр. 42, показываютъ намъ, какъ легко это случалось.

наго отвращенія. Даже Петрарка, въ другихъ случаяхъ не обращавшій вниманіе на ереси, для котораго древняя Эллада свѣтилась во мракѣ вѣковъ какъ поэтическая звѣзда, не относится къ грѣкамъ своего времени какъ Филэлленъ, напротивъ поражаетъ насъ своею холодною ненавистью къ нимъ ¹⁾. Первые провозвѣстники греческой учености, съ которыми онъ пришелъ къ соприкосновенію, неспособны были устроить дружественную духовную связь.

Мы уже упоминали о томъ грекѣ Барлаамо, у котораго Петрарка началъ учиться по-гречески ²⁾. Онъ былъ не природный грекъ, а происходилъ изъ калабрійскаго мѣстечка Семинара недалеко отъ Реджіо и сначала назывался Бернардо, а потомъ принялъ имя Барлаамо, когда вступилъ въ орденъ св. Василія. Но потомъ онъ рано отправился на востокъ, едва ли для того, чтобы учиться по гречески и быть въ состояніи читать Аристотеля въ подлинникѣ, но влекомый честолюбіемъ и желая отличиться ученостью и достигъ высшихъ степеней въ церковной іерархіи. Онъ отправился въ Этолію, оттуда въ Салоники, которыя въ то время были средоточіемъ ученыхъ занятій, наконецъ въ Константинополь, гдѣ въ 1331 г. былъ сдѣланъ настоятелемъ одного монастыря. Здѣсь у него возникъ тянувшійся цѣлые годы споръ съ аеонскими монахи о великомъ вопросѣ греческаго богословія, о свѣтѣ съ горы Фавора, именно божественный ли это свѣтъ или только подобный божественному. Этими Барлаамо возбудилъ такую ненависть противъ себя, что долженъ былъ оставить Константинополь и вернуться въ Салоники. Потомъ съ 1333 г. онъ участвовалъ въ переговорахъ о воссоединеніи греческой церкви съ латинскою. Именно во время одной такой миссіи Петрарка познакомился съ нимъ въ Авиньонѣ и содѣйствовалъ тому, что Барлаамо былъ назначенъ епископомъ въ Джераче.

Барлаамо прежде всего считался богословомъ. Его обращеніе и время его трудно опредѣлить, тѣмъ болѣе, что изъ его полемическихъ сочиненій напечатаны лишь немногія. Повидимому, онъ сначала принадлежалъ къ католическому вѣроисповѣданію и защищалъ его противъ греческаго ученія, принялъ потомъ послѣднее въ Греціи и писалъ уже противъ латинянъ, и наконецъ, послѣ того, какъ пришелъ въ соприкосновеніе съ папами, сталъ опять защищать съ запальчивостію новообращеннаго правовѣрное римское ученіе о главен-

¹⁾ Особенно въ письмѣ къ генуэзскому дожу и совѣту, въ которомъ онъ въ 1352 г. поздравляетъ республику съ побѣдою надъ Венецианцами и говоритъ *de fallacibus atque inertibus graeculis, поглотившихъ при этомъ (epist. rer. famil. XVI, 5): infame illud imperiam sedemque illam errorum vestris manibus eversum iri cupio.*

²⁾ См. томъ I стр. 48.

ствѣ римской церкви и исхожденіи св. Духа отъ Отца и отъ Сына. Кромѣ того онъ написалъ множество сочиненій по нравственной философіи, арифметикѣ, геометріи и музыкѣ. Онъ былъ такимъ образомъ ученый въ греческомъ духѣ, но его сочиненія, написанныя на латинскомъ языкѣ или переведенныя на него, не мало читались и на западѣ, какъ доказываютъ сохранившіяся рукописи ¹⁾.

Мы вполне понимаемъ, почему не пользовались болѣе глубокимъ сочувствіемъ Петрарки ни подобный человекъ, ни подобная ученость. Сочиненій его онъ не удостоиваетъ упоминанія, и лишь съ удивленіемъ вспоминаетъ о томъ обстоятельстве, что полугреку совсѣмъ не удалось освоиться съ латинскимъ краснорѣчіемъ и риторикою ²⁾. Но поэтъ долженъ сознаться, что самъ онъ оказалъ мало успѣховъ въ греческомъ языкѣ, такъ мало, что учебныя занятія съ Барлаамомъ не произвели никакого благотворнаго вліянія на его произведенія. Поэтому онъ не сталъ искать себѣ учителя, когда грекъ оставилъ Авиньонъ и удалился на свою калабрійскую епископію. Конечно, у него Петрарка могъ основательно (научиться греческому языку. Но есть основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы монахъ могъ ознакомить его съ классическою литературою. Однако Боккачіо кое-чему научился у него, велъ ли съ нимъ сношенія въ Неаполѣ, или только пользовался замѣтками, которыя Барлаамъ сообщилъ усердному собирателю Паоло да Перуджіа ³⁾. Память о своей дѣятельности этотъ базилианскій монахъ оставилъ не столько благодаря своимъ сочиненіямъ, сколько вліянію на Петрарку и Боккачіо.

Это же слѣдуетъ сказать и о Леонціо Пилато, который сверхъ того былъ не такой ученый, какъ Барлаамъ. Петрарка и его считалъ за калабрійца родомъ и совершенно справедливо. Но такъ какъ онъ хотѣлъ, чтобъ его признавали въ Италіи за природнаго грека, то утверждалъ, что родился въ Салоникахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, учился въ высшей школѣ, подобно Барлааму, котораго Пилато называлъ своимъ наставникомъ ⁴⁾. Онъ, конечно, понималъ ученый греческій

¹⁾ О его жизни и сочиненіяхъ см. Mazzuchelli *Scrittori d'Italia* vol. II P. 368. Fabricius *Bibl. graeca* ed. Harless vol. XI p. 462. Рукописи его греческихъ сочиненій у Zanetti *Graeca D. Marci Bibl.* p. 142. 145. 152. *Iriatre Reg. bibl. Matrit. codd. graec.* ms. vol. I p. 280 seq. *Cyrrillus Codd. graeci ms. reg. bibl. Borbon.* T. II p. 343.

²⁾ *Petrarca epist. rer. famil.* XVIII, 2 (отъ 1354 г.): *Sed. erat ille vir, ut locupletissimus graecae, sic romanae facundiae pauperrimus, et qui ingenio agilis, enunciandis tamen affertibus laboraret.*

³⁾ *Genealogia Deor. lib. XV cap. 6.* Въ пользу перваго обстоятельства говорить то, что онъ называетъ его *corpore passillum*. Онъ упоминаетъ и объ его сочиненіяхъ, хотя не видалъ ихъ.

⁴⁾ Анонимъ, писавшій изъ Болоньи письмо къ Петраркѣ отъ имени Гомера (*epist. rer. famil.* XXIV, 12) — быть можетъ, это Салютато, — конечно, по ошибкѣ, вмѣсто *Thessalonicensis* написалъ *Thessalu*. Раньше Петрарка считалъ Пилато византійцемъ.

языкъ, но, разумѣется, не былъ знатокомъ его и незнакомъ съ древними классиками, а по латыни выражался какъ средневѣковой монахъ. Замыслы о воссоединеніи церквей, по видимому, и его увлекли въ Италію, а оттуда въ Авиньонъ, какъ и другихъ, старавшихся найти счастье на этомъ поприщѣ. Боккачіо уговаривалъ его прѣхать во Флоренцію, и въ теченіи трехъ лѣтъ онъ жилъ въ его домѣ гостемъ, хотя для хозяина вовсе не казался привлекательнымъ натянутый и угрюмый полугрекъ съ своими нечесанными волосами и нечистою бородою. Поэтъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобы пристроить Пилато при университетѣ наставникомъ греческаго языка съ опредѣленнымъ жалованьемъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что послѣдній публично объяснял Гомера, но учениковъ, которыми бы онъ руководилъ, мы не можемъ указать; вѣроятно, это были тѣ трое, на которыхъ намекаетъ Петрарка, какъ на друзей Гомера во Флоренціи. Но Боккачіо, какъ онъ говоритъ съ гордостью, вообще мало свойственною ему, первый изъ итальянцевъ слушалъ объясненія Гомера у своего гостя, хотя усвоилъ невѣроятно мало, не смотря на продолжительность времени и горячую преданность дѣлу. Онъ тщательно записывалъ всѣ тѣ объясненія, которыя сообщалъ ему греческій наставникъ. Какого рода были эти объясненія и съ какою дерзостью невѣжественный преподаватель удовлетворялъ любознательности своего ученика, показываютъ нечѣпости, встрѣчающіяся въ міеологіи Боккачіо, при чемъ послѣдній ссылается на авторитетъ Пилато. Если напр. ученикъ спрашивалъ, отчего (происходитъ имя Ахиллеса, то мудрый грекъ отвѣчалъ ему: отъ слова α — $\chi\iota\lambda\acute{o}\varsigma$, такъ что Ахиллесъ есть человѣкъ, выросшій безъ пищи ¹⁾).

Пилато имѣетъ значеніе вовсе не въ силу своей преподавательской дѣятельности, а страсти къ ученію обоихъ друзей, которые пригласили его. Въ своемъ трогательномъ усердіи готовый на всякія жертвы, Боккачіо воспользовался пребываніемъ этого граесculus, чтобы заставить его сдѣлать переводъ Гомера. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Петраркѣ. Еще тогда, когда онъ получилъ греческій экземпляръ поэмъ Гомера а

¹⁾ Ср. томъ I стр. 50. 162. Boccacius de geneal. deor. XV, 6. 7. Я не понимаю, почему не хотѣтъ принять за время прибытія Пилато во Флоренцію начало 1360 г. Epist. var. 25 Петрарки отъ 18 августа и epist. rog. famil. XXIV, 12 отъ 9 октября 1360 ясно показываютъ, что Пилато только что принялся за переводъ Гомера, и Петрарка получилъ пробу его. Почему онъ не могъ быть начать вскорѣ послѣ его прибытія въ домъ Боккачіо? Не знаю также, почему Франсассетти, Landau Boccaccio s. 188. 189 и Körtling Boccaccio s. 262 ff. допускаютъ путешествіе Боккачіо въ Авиньонъ и его встрѣчу съ Пилато въ Венеціи. Его слова qui Leontium Pilatum a Venetiis occidentum Babylonem-quaerentem a longa peregrinatione meis flexi conciliis, объясняются и простою перешною.—Что Пилато лѣтомъ 1363 г. (sub aestatis exitum) опять покинулъ Италію, совершенно вѣрно указываетъ Гаспари въ Zeitschrift f. roman. Philologie 1879 s. 585.

отъ Сигероса, онъ всему свѣту оповѣстилъ о своемъ восторженномъ почитаніи пѣвца, котораго не понималъ. Съ Пилато онъ тоже познакомился еще раньше и поручилъ ему перевести начало *Иліады* прозою. Но не принялъ къ себѣ сожителемъ поэтъ суроваго, неопрытнаго и ворчливаго византійца: такимъ онъ считалъ его въ то время. Ему уже и то досадно было, что Пилато былъ очань непонятливъ при изученіи латинскаго языка и нимаго не интересовался римскою литературою, что шутки Теренція вызывали у него развѣ пошлую улыбку. «Этотъ Лео (левъ), говоритъ онъ, играя словами, дѣйствительно, во всѣхъ отношеніяхъ большая скотина ¹⁾». Но все таки онъ не прочь былъ издалека поддерживать литературное предпріятіе Боккачіо, чтобы потомъ присвоить эту заслугу исключительно себѣ. Переводъ, сдѣланный стихъ въ стихъ, слово въ слово, какъ для учениковъ, подобно работѣ Дивія Андроника, конечно, не давалъ никакого понятія о достоинствахъ поэта, но все таки извѣстное знакомство съ содержаніемъ поэмы; а еще хуже то, что самъ Пилато часто совсѣмъ не понималъ Гомера и не особенно былъ сидень въ латинскомъ языкѣ. Когда спустя нѣсколько лѣтъ и переводъ, и копія, назначенная для Петрарки, были готовы ²⁾, то оба итальянскіе ученые могли хоть что нибудь изъ содержанія гомеровыхъ пѣсень приобщить къ сокровищницѣ своихъ знаній и передать латинскому міру. Дальнѣйшаго распространенія этотъ жалкій переводъ не имѣлъ ³⁾. Страніе друзей пересадить такимъ образомъ творенія Гомера на итадьянскую почву кажется намъ важнѣе дѣятельности переводчика.

Года черезъ три Пилато не могъ уже оставаться во Флоренціи и отправился чрезъ Венецію въ Византію, обильно снабженный поруче-

¹⁾ Къ нему и его дальнѣйшему переводу относятся *epist. ger. senil.* III, 6. V, 1. VI, 1. 2 Петрарки. Вѣроятно, въ присутствіи же Петрарки Пилато слушалъ обзядю и сказалъ съ пренебреженіемъ: «Я не могу выносить этихъ шутокъ Латинянь (*epist. ger. senil.* VII, 1).

²⁾ Изъ экземпляровъ Петрарки, находящихся теперь въ Парижѣ и описанныхъ у *De-lisle Le cabinet des manuscrits de la bibl. imp.* T. I p. 140, мы видимъ впрочемъ, какъ поздно, они были кончены. *Иліада* явилась только въ 1369 г., при украшеніи *Одиссея* Петрарки умеръ.

³⁾ Выдержки изъ него у *Bandini Catal, codd. lat. bibl. Laurent.* T. IV p. 160, у *Mohus Vita Amrbo.* Travers. p. 273, у *Baldelli Vita di Boccaccio* p. 264, у *Bernaus Rentas versionum Homericarum.* Bonnae 1850. Потомъ *Hortis Studj s. opere lat. dei Boccaccio* p. 543 e seq. сообщалъ первыя пѣсни *Иліады* и *Одиссея*. Здѣсь для образца приводимъ только первые стихи:

*Iram sane Dea Pelidae Achillis
Corruptibilem, quae innumerabilis Graecis dolores posuit, et
Virum mihi pande, Musa, multimodum qui volde multum
Erravit postquam sacram civitatem Troiae depraedatus fuit etc.*

ніями Петрарки — купить ему Софокла, Эврипида и другихъ греческихъ классиковъ. Между прочимъ его отъездъ ни въ комъ не вызвалъ сожалѣнія. Въ Греціи, думалъ Петрарка, этотъ человѣкъ, разгнѣванный въ Италиі грека, разужбѣтся, явится итальянцемъ. Дѣйствительно узнали, что онъ, сильно ругавшій въ Италиі Западъ и латинянъ, въ Константинополь разбринилъ этотъ городъ и восхвалялъ Италию какъ рай. Но озлобленіе Петрарки смогло при извѣстіи объ ужасномъ концѣ этого искателя приключеній. Когда онъ опять переправлялся изъ Византіи въ Италию, то ударъ молніи убилъ его на борту корабля, уже въ виду Адриатическаго залива ¹⁾).

До тѣхъ поръ занятіе греческимъ языкомъ подвигались впередъ туго, далеко не съ такою быстротою, съ какою латинское краснорѣчіе совершало свое торжественное шествіе по апенинскому полуострову. Если бы то удивленіе, съ которымъ древніе римляне относились къ грекамъ, не служило постоянно новымъ поощряющимъ началомъ, то тѣ представители учености, которые впервые явились въ Италию, конечно, не въ состояніи были бы разрушить давнишнее предубѣжденіе противъ этихъ еретиковъ. Дѣла были въ такомъ же положеніи, какъ въ древнемъ Римѣ: тутъ презирали этихъ *graeculi* — насмѣшливое названіе, которое любилъ повторять еще Петрарка, — но все еще по прежнему уважали ихъ великихъ предковъ. Плоды, оставленные на западъ дѣятельностью Барлаамо и Пилато, были ничтожны, но благодаря Петраркѣ и Боккачіо и они заронили плодотворное сѣмя, которое должно было вырасти въ будущемъ.

Только спустя поколѣніе послѣ Пилато опять явился греческій наставникъ въ Италиі, Эммануилъ Хризолоръ. Но какъ однако восприимчивѣе и плодороднѣе стала литературная почва, которую онъ нашелъ въ Италиі! Впрочемъ и то надобно замѣтить, что онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ тѣ калабрійскіе богословы. Это былъ, дѣйствительно, византіецъ, игралъ важную роль и въ самой Византіи и былъ знаменитымъ наставникомъ, однимъ изъ послѣднихъ столповъ

Лѣтъ черезъ 80 Валла зналъ только о двухъ экземплярахъ Илиады: одинъ въ библиотекѣ Никколи во Флоренціи, другой въ Миланѣ (см. Indagini s. libreria Visc. Sforza. P. I p. 16. 123). конечно, принадлежавшіе когда-то Боккачіо и Петраркѣ Valla. *Invent. in Bart. Fascium lib. IV* (Opp. p. 622) Парижская рукопись, происходящая изъ Павіи, несомнѣнно, тождественна съ прежнею миланскою. Одиссея въ Падуѣ (Tomasinus *Bibl. Patav. Manusc. p. 24 Zeno Diss. Voss. T. I p. 212*) ошибочно приписана Хризолору. Сообразно съ этимъ и, вѣроятно, списанный съ нея экземпляръ въ Бреславлѣ, о которомъ сообщаетъ Haase *Miscell. philol. lib. IV (Index lecti. hiem. in univ. Vratisl. 1862) p. 6.*

¹⁾ Petrarca *epist. ger. senil. VI, 1* По счисленію у Кёртинга *Vossaeccio s. 263* Пилато погибъ въ концѣ 1366 г.

древняго греческаго образованія, продолжавшаго еще свое существованіе въ риторскихъ школахъ, въ дѣйствительности знавшій именно то, чему у него желали учиться въ Италіи,—далѣе такой человекъ, который могъ говорить по латыни не по одной необходимости, и также любилъ римскую литературу и краснорѣчіе. Поэтому къ нему тотчасъ же примкнули лучшіе люди и съ радостью сдѣлались его учениками, Гварино, Роберто де' Росси, Бруни, Ченчи и другіе. Онъ тоже перешелъ въ латинскую вѣру ¹⁾, но его безкорыстная дѣятельность въ пользу его угнетаемаго отечества и императора заставили уважать его, а безукоризненный образъ жизни и философское величіе вызвали почетъ со стороны учениковъ и друзей, который пережилъ самую смерть его. Хризолоръ былъ, дѣйствительно, человекъ преданный гуманистическимъ наукамъ и гуманизму, а не только наставникъ греческаго языка.

Около времени пизанскаго собора явился къ римскому двору въ Болоньѣ греческій посолъ, по имени Іоаннъ; онъ гордился своимъ роскошнымъ костюмомъ, который постоянно мѣнялъ, и служилъ лишь предметомъ насмѣшекъ для придворныхъ. Когда Ліонардо Бруни освѣдомлялся, привезъ ли онъ также греческія книги, то оказалось, что онѣ, оставлены дома, какъ слишкомъ тяжелый товаръ. Съ другой стороны тамъ пользовался значеніемъ молодой Гварино Веронскій, который, можетъ быть, служилъ посредникомъ при сношеніяхъ съ этимъ посломъ и приобрѣлъ въ Византіи знаніе языка и множество книгъ ²⁾. Въ такомъ положеніи остались отношенія между природными греками и латинянами, учащимися по гречески. Послѣдніе уже не ждали, пока явится въ Италію обѣдѣвшій грекъ и начнетъ тамъ преподаваніе. Они искали греческой мудрости въ самомъ источникѣ ея, въ Византіи.

Первый, кого благородная жажда знаній увлекла за море, первый паломникъ, отправившійся на классическую почву, на которой звучалъ языкъ Эллады, былъ именно Гварино, уже совершенно зрѣлый молодой человекъ, по положенію своему бѣдный школьный учитель, едва зарабатывавшій себѣ насущное пропитаніе. Такъ какъ онъ слышалъ похвальные отзывы о той школѣ, которую содержалъ Эммануилъ Хризолоръ въ Византіи, то съ радостью согласился на предложеніе венеціанскаго купца Паоло Зено—взять его туда съ собою, и былъ принятъ въ домѣ желаннаго наставника въ качествѣ слуги. Послѣ

¹⁾ Nodius de Graecis ill. p. 20 упоминаетъ о его полемическомъ сочиненіи объ исхоженіи Святаго Духа въ смыслъ латинскаго ученія, сохранившемся въ рукописи въ Парижѣ. Вообще же о Хризолорѣ подробнѣе говорено въ первомъ томѣ стр. 210—218.

²⁾ Leon. Bruni epist. III, 14. 15 rec. Mehus.

его отъѣзда онъ сталъ учиться у младшаго Хризолога, Іоанна, достойнаго своего дяди, учился въ теченіи пяти лѣтъ и еще разъ прошелъ ученическое поприще ¹⁾. Онъ ни слова не говоритъ о томъ, какихъ трудовъ и лишеній стоило ему жить тамъ, но объ этомъ позволяетъ догадываться бѣдность, съ которою ему приходилось бороться въ болѣе молодые годы. И при этомъ Гварино нашелъ возможность привезти съ собою еще значительный запасъ книгъ! Мы упоминаемъ здѣсь и о томъ Джіакомо да Скарпаріа, который такъ скоро рѣшился сопровождать въ Византію стараго Кидонія, чтобы въ его школѣ учиться греческому языку. Упомянемъ и объ Ауриспѣ, который отправился туда же, чтобы употребить все свое состояніе на греческія книги и привезти ихъ въ нѣсколькихъ сундукахъ въ Италію ²⁾.

Франческо Филельфо провелъ около семи лѣтъ въ Византіи частію ученикомъ, частію въ качествѣ переводчика. И онъ собственно учился у Хризолога, а послѣ его смерти у Хризокожжа, гдѣ его товарищемъ по ученью былъ знаменитый послѣдствіи Виссаріонъ. Но онъ не придавалъ особой цѣны тому, чему выучился у этихъ наставниковъ, хотя отзывается съ нѣкоторымъ уваженіемъ о своемъ тестѣ и сознавался, что онъ познакомилъ его съ литературою. Если чего онъ достигъ, по его словамъ, то достигъ не въ жалкихъ школахъ, но своимъ трудолюбіемъ и узналъ изъ книгъ, а чисто аттическому языку научился большею частію у своей жены Θεодоры. Тамъ, говорилъ онъ, только въ знатныхъ фамиліяхъ, мало мѣшающихся съ чернью, сохраняется во всей чистотѣ литературный языкъ. Мы видимъ, что Филельфо приобрѣлъ въ Византіи и отъ византійцевъ не столько ученость, сколько навыкъ къ разговору, что и онъ считалъ такого человѣка, какъ Эммануилъ Хризолоръ, рѣдкимъ явленіемъ. Онъ признавалъ себя обязаннымъ не своимъ греческимъ наставникамъ, а Гварино, который приобрѣлъ свои лучшія познанія тоже самоучкою ³⁾.

Страсть къ ученію и воодушевленіе итальянскихъ гуманистовъ, въ связи съ ихъ несравненно болѣе основательною грамматическою подготовкою, вскорѣ дали возможность западнымъ ученикамъ обходиться безъ византійскихъ школъ. Подію не сдѣлалъ особенныхъ успѣховъ

¹⁾ Поэтому онъ говоритъ въ письмѣ къ Леонардо Джустиніани у Нодіус р. 63: sub utroque Chrysologia quantulumcumque opera impendi. И въ письмѣ, сообщенномъ у Воссини Vita di Guarino vol. II р. 165, онъ съ уваженіемъ вспоминаетъ о младшемъ Хризолорѣ, котораго прямо называетъ племянникомъ старшаго. Ср. томъ I стр. 319.

²⁾ См. томъ I стр. 322.

³⁾ Ср. томъ I стр. 320. Письма Филельфо къ Перлеоне отъ 13 апрѣля 1441 г., къ Виссаріону отъ 23 января 1448 г., къ Лоренцо Медичи отъ 29 мая 1473 г. Письмо къ Гварино на греческомъ языкѣ отъ 22 ноября (1439 г.), въ вольфенбютельскомъ кодексѣ fol. 15. 40.

въ греческомъ языкѣ во Флоренціи. Но страсть, пылавшая въ его груди, влекла его къ большому, чѣмъ онъ могъ научиться даже у Эммануила Хризолора. Въ Лондонѣ, гдѣ никто не могъ оказать ему помощи, она снова овладѣла имъ. Его тревожила та мысль, что онъ долженъ изучать Аристотеля на чуждомъ языкѣ, и онъ страшно мучился, желая читать его въ подлинникѣ, хотя сознавалъ, что очень мало подвигается впередъ. Воротившись въ Римъ, онъ не скучалъ тѣмъ, что ему въ свободные часы приходилось дѣлать длинный путь къ Ринуччи, у котораго онъ слушалъ объясненіе Горгія ¹⁾. Валла учился греческому языку у Ауриспы и Ринуччи, которые оба не были хорошими наставниками. Правда, Валла и не сдѣлался выдающимся гелленистомъ. А когда онъ рассказываетъ, какъ часто глаза его наполнялись слезами и голосъ замиралъ, когда онъ въ первый разъ читалъ Одиссею, то подобнаго рода чувство стоитъ выше всякой мудрости, какою можно научиться въ Византіи: тамъ еще менѣе были знакомы съ древнимъ пѣвцомъ ²⁾.

Не легко получить свѣдѣнія о способѣ преподаванія въ умиравшей восточной имперіи. Итальянцы, какъ Филельфо, вѣроятно, отзываются о немъ слишкомъ рѣзко, потому что хлопочуть лишь о томъ, чему желали такъ научиться. Но ясно, что немногіе наставники даже и въ Византіи обладали еще классическимъ образованіемъ и что преподаваніе греческой грамматики было неосновательно. Когда Перлеоне, ученикъ Филельфо, пожелалъ тамъ усовершенствоваться, то наставникъ могъ ему рекомендовать только Аргиропуло, который въ то время пріѣхалъ на западъ. Но для этого надобно было принаровиться къ его крутому, почти несносному нраву. Въ другихъ общественныхъ школахъ, по мнѣнію Филельфо, учили пустякамъ, а о грамматикѣ, количествѣ слоговъ и удареніи нельзя было получить никакого понятія, и гомеровскаго нарѣчія не зналъ никто. Этому Аргиропуло поручилъ Филельфо и своего единственнаго сына Джіаммаріо. Кромѣ Византіи, въ которой еще только и можно было слышать чистый языкъ, классическія науки вообще считались невозможными. Когда хотѣлъ посѣтить Морею другой ученикъ Филельфо, Сассоло да Прато, любимецъ Витторино, такъ какъ онъ слышалъ о мудромъ старцѣ Гемистѣ Плетонѣ, то Филельфо старался усиленно отклонить его отъ этого намѣренія. По его словамъ, тамъ языкъ совершенно испорченъ, а нравы варварскіе ³⁾. Теперь мы понимаемъ, почему полуученные греки, бѣжавшіе толпами на западъ, большею частію для того, чтобы

¹⁾ См. выше стр. 40. Poggius epist. I, 8. 11. 18 II, 35 ed. Tonelli.

²⁾ Valla Opp. p. 425.

³⁾ Письма Филельфо къ Перлеоне отъ 13 апрѣля 1441 г. (a magistris ludi quo publice docentur, plena sunt nugarum omnia) и къ Сассоло отъ 8 іюня 1441 г.

зарабатывать средства къ жизни нерепишою, были въ такомъ пренебреженіи и наполняли приписки къ своимъ книгамъ жалобами на судьбу ¹⁾).

Соборъ по поводу воссоединенія церквей, открытый въ Феррарѣ въ 1438 г., засѣданія котораго потомъ продолжались во Флоренціи, поставилъ и итальянскій литературный міръ въ продолжительное и плодотворное соприкосновеніе съ византійскимъ. Тогда на западъ въ первый разъ ближе ознакомились съ византійскимъ дворомъ и съ богословскою ученостью этихъ грековъ. Между ними, собственно говоря, была только одна литературная знаменитость, міровой мудрецъ и платоникъ Георгій Гемистъ Плетонъ: Виссаріонъ еще не пользовался особеннымъ значеніемъ и прибрѣлъ его уже въ Италиі. Кромѣ того, въ числѣ ихъ были и люди, могущіе вести богословскіе споры, но вообще эти почтенные греки служили только предметомъ насмѣшекъ для гуманистовъ. Нельзя было равнодушно относиться къ самой ихъ наружности, какъ ее изображаетъ намъ юный Лапо да Кастильонкіо: одни были съ бородами, доходившими чуть не до пояса, съ грубыми, кудрявыми и нечесаными волосами, другіе съ короткими обстриженными бородами, полубстриженными волосами на головахъ и съ крашеными бровями. Они большею частію, по словамъ Лапо, смотрѣли такъ странно, что и не смотря ни на какое горе нельзя было бы удержаться отъ смѣха ²⁾).

Соборъ пришелся въ такое время, когда гуманизмъ въ Италиі былъ еще въ цвѣтущей порѣ своихъ юношескихъ силъ. Многіе лучшіе его представители были привлечены прямо къ службѣ на соборѣ, для литературной обработки матеріала, для переводовъ, для посредничества при личныхъ сношеніяхъ и преніяхъ. Природныхъ грековъ, способныхъ къ этому дѣлу, почти не было, но нашлось достаточное число итальянскихъ гуманистовъ, которые владѣли обоими языками. Когда соборъ былъ окончательно перенесенъ во Флоренцію, и императоръ жилъ тамъ съ своимъ дворомъ и со множествомъ архіепископовъ и епископовъ больше восьми мѣсяцевъ, то они находились въ самомъ средоточіи гуманистической дѣятельности. И императору Іоанну Палеологу, и папѣ Евгенію IV хотѣлось привлечь Филельфо въ качествѣ посредника при занятіяхъ собора. Но тогда онъ не смѣлъ оставить Сіаны, боясь, что сдѣлается жертвою коварства Медичи и другихъ своихъ враговъ. А во Флоренцію онъ совсѣмъ не могъ показаться ³⁾. Потомъ ихъ усерд-

¹⁾ Ср. Gardthausen Griechische Paläographie s. 306 ff., гдѣ приведенъ цѣлый рядъ ихъ.

²⁾ Изъ его рукописнаго tractatus de curiae commodis у Hodus p. 30.

³⁾ Письма Филельфо къ императору и къ папѣ Евгенію отъ 21 августа и 3 сентября 1438 г.

ными и опытными помощниками были Гварино и Ауриспа, жившіе въ Феррарѣ и потомъ послѣдовавшіе за отцами собора во Флоренцію. Мы охотно вѣримъ первому, что со времени прибытія грековъ у него не было и часа свободнаго ¹⁾. Официальнымъ переводчикомъ при переговорахъ, выбраннымъ папою въ эту должность, былъ Никколо Сагундио изъ Негропонта, человекъ больше дѣловой, чѣмъ ученый ²⁾. Напротивъ Траверсари, генералъ Камальдильскаго ордена, былъ душою богословскихъ совѣщаній. Онъ постоянно смотрѣлъ на воссоединеніе греческихъ еретиковъ съ Римомъ какъ на достославную задачу папъ и какъ на свою собственную. Такъ онъ былъ отправленъ въ Венецію встрѣчать императора и патриарха и постоянно трудился въ Феррарѣ и Флоренціи. Конечно, и онъ, не смотря на свою любовь къ древнимъ отцамъ Церкви, писавшимъ по гречески, былъ недоволенъ этими упрямыми и тупоумными византійцами, которые тянули переговоры до безконечности. Но онъ еще дожилъ до конца собора и составилъ актъ воссоединенія 5 іюля 1439 г. на обоихъ языкахъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ похищенъ смертію ³⁾.

Мы не обращаемъ вниманія на то, какіе мотивы рѣшали дѣло при догматическихъ спорахъ о *Filioque* (и отъ Сына), о главенствѣ римской церкви и объ опрѣсновахъ. Византійцы наконецъ сдѣлали уступки въ виду помощи, обѣщанной ихъ угрожаемой имперіи, почета отдѣльнымъ лицамъ, денегъ и приказанія своего императора. Дѣло воссоединенія не осуществилось, хотя въ жертву ему принесено было прежнее исповѣданіе. Гораздо любопытнѣе и плодотворнѣе по послѣдствіямъ было продолжавшееся рядомъ съ этимъ соперничество между греческими и латинскими учеными. Такъ какъ греки въ особенности гордились своею философіею, то борьба велась подъ знаменами Аристотеля и Платона.

Конечно, фактъ несомнѣнный, что Платонъ замѣчательно поздно былъ понятъ и оцѣненъ на западѣ. Но совершенно ошибочно приписывается эта заслуга грекамъ, будто они первые ознакомили съ нимъ, — тѣмъ грекамъ, которые бѣжали изъ Константинополя, осажденнаго и потомъ взятаго турками. Тѣ греки сами не знали Платона, а напротивъ тѣмъ, что они выдавали за платонизмъ, только помѣшали усвоенію истиннаго Платонова ученія. Латинскіе гуманисты здѣсь сами искали пути къ познанію и нашли его. О высочомъ достоинствѣ Платона

¹⁾ Его письмо къ Барбаро въ числѣ его писемъ ed. Quirino epist. 69 см. томъ I стр. 502.

²⁾ Письмо Перлеоне къ нему въ *Miscellanea di varie operette* T. II p. 43. См. томъ I стр. 394.

³⁾ Ср. Wolfgang von Goethe *Bessarion* I s. 143 ff. Ambros. Traversarii epist. XIII, 20.

возвѣстилъ міру Петрарка больше по предчувствію, потому что не зналъ его; онъ хотѣлъ этимъ преодолѣть общее поклоненіе Аристотелю. У него было 16 платоновскихъ сочиненій, но эти книги только возбуждали въ немъ восторженное чувство, но ничего не говорили его уму. Боккаччо хотѣлъ позаботиться о переводѣ этихъ сочиненій на латинскій языкъ, но желаніе его не осуществилось ¹⁾. Однако тутъ кроется плодотворная мысль. Ліонардо Бруни, ученикъ Хризолора, перевелъ уже нѣсколько платоновскихъ разговоровъ своимъ яснымъ и изящнымъ латинскимъ языкомъ.

Прославленнымъ героемъ между греческими учеными, пріѣхавшими въ свѣтъ императора въ Феррару и во Флоренцію, былъ Георгій Гемистъ Плетонъ, родомъ византиецъ, но жившій въ лаконскомъ городѣ Мизитръ. Я не могу рѣшить вопроса о томъ, принялъ ли онъ имена Гемистъ и Плетонъ дѣйствительно только на западѣ, можетъ быть потому, что въ немъ совмѣстилась мудрость времени и что одно изъ нихъ напоминало имя Платона. Это былъ 83-хъ лѣтній старецъ, крайне почтенный съ своими сѣдинами, но сохранившій пылкость юноши, когда ему приходилось говорить о своихъ платоническихъ идеяхъ. Земляки называли его просто мудрецомъ. Но и на итальянцевъ онъ, по видимому, производилъ сильное впечатлѣніе, когда бывалъ на обѣдѣ у кардинала Чезарини или вращался въ кружкѣ Козьмы Медичи и рѣчь заходила о философскихъ вопросахъ. Хотя онъ внутренно былъ чуждъ греческой церкви, однако неблагоприятно относился къ мысли о воссоединеніи и былъ открытымъ порицателемъ если не Аристотеля, въ чемъ его обвиняли, то несомнѣнно западной схоластики, опиравшейся на этого философа. Плетонъ былъ главою греческихъ мистиковъ, которые вели свое происхожденіе отъ неоплатонизма и теперь подъ знаменемъ Платона выступили противъ латинянъ, окруженные ореоломъ глубокомысленнаго тайнаго ученія.

Еще десятилѣтіемъ раньше Плетонъ въ своихъ Положеніяхъ ²⁾ развилъ основы новой философской религіи и новаго общественнаго устройства и сгруппировалъ около себя кружокъ «избранныхъ», къ которому принадлежалъ и его ученикъ Виссаріонъ. Въ этой книгѣ проповѣдывалось мистическое богословіе, которое онъ выработалъ на основѣ неоплатонизма и противопоставилъ — христіанству съ гордымъ сознаніемъ высшей мудрости, а политическое и социальное устройство

¹⁾ См. томъ I стр. 79 слл. Petrarca epist. var. 25 ed. Fracassetti.

²⁾ Πλήθωνος νόμων συγγραφῆς τὰ σωζόμενα par Alexandre, Paris 1858, съ предвосходнымъ Notice préliminaire. Fritz Schultze Georgios Gemisthos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen, Iena 1874. Также подъ заглавіемъ: Geschichte der Philosophie der Renaissance Bd. 1.

хотѣлъ измѣнить по образцу устройства древней Лаконіи, насколько оно извѣстно изъ Плутархова Ликурга. Своими руководителями изъ числа законодателей и мудрецовъ онъ считаетъ прежде всего Зороастра, потомъ Эвмолпа, который учредилъ у Аѳинянъ элевзинскія таинства, Миноса Критскаго, Ликурга, Ифита, Нуму, индійскихъ браминовъ и мидійскихъ маговъ. Къ числу этихъ наставниковъ присоединяются Пифагоръ, Платонъ, Парменидъ, Тимей, Платархъ, Порфирій и Ямвлихъ ¹⁾. Но истинный источникъ его мудрости, изъ котораго онъ черпалъ обильно и притомъ самое важное, это—Проклъ; но онъ не упоминаетъ о немъ, въ честь его и упрекаетъ противникъ его. критикъ Геннадій ²⁾. Оттуда и ведетъ свое начало философскій политизмъ, который прикрывалъ аллегорическими образами языческихъ боговъ отъ Зевса до Гекаты и излагалъ неоплатоническую теургію и демонологию въ хаотическомъ обилии темныхъ образовъ. Однако и эта новая религія не чужда была чувственныхъ представленій, правильнаго культа и обрядовъ. Такъ въ послѣдствіи и Толендъ, не смотря на противоположность церкви, въ своемъ Пантеистиконѣ снова возвратился къ церковной обрядности. Плетонъ въ этомъ отношеніи сознавалъ вполне свою самобытность, однако сквозь его Положенія всюду проглядываютъ обряды греческой церкви. Мысль снова ввести въ употребленіе аттической календарь есть забава, лишенная всякой игры воображенія. За то онъ сочинилъ сборникъ длинныхъ и скучныхъ воззваній и сухихъ гимновъ къ отдѣльнымъ божествамъ гексаметромъ, при произношеніи которыхъ слѣдовало поднимать руки и преклонять колѣна.

Мы не имѣемъ извѣстій, да и не думаемъ, чтобы Плетонъ и въ Италіи проповѣдывалъ свою новую религію. Безъ сомнѣнія, на его взглядъ, латиняне были столь необразованные варвары, что въ средѣ ихъ нельзя было набирать эзотериковъ. Однако ему, по видимому, удалось окружить свою личность ореоломъ мистическаго глубокомыслія. Языкъ Платона на западѣ былъ извѣстенъ лишь немногимъ и то не вполне, и о неоплатонизмѣ вообще никто не зналъ. Уже по этому одному легко обманывались, думая, что эти греки съ своею непонятною терминологіею и полуязыческою мудростію не были приверженцами Академіи. Объ истинномъ Платонѣ Лионардо Бруни, безъ сомнѣнія, зналъ гораздо больше, чѣмъ всѣ они, а въ особенности чѣмъ Плетонъ, который, по видимому, былъ короче знакомъ съ своими собственными сочиненіями, чѣмъ съ сочиненіями Зороастра или Пифагора. Хотя соотечественники его при своемъ мудрствованіи въ духѣ Платона и брали на себя важный видъ, подобно египетскимъ жрецамъ, однако

¹⁾ P. 30. 33 ed. Alexandre.

²⁾ Въ письмѣ къ визарху Юсифу у Alexandre Appendice p. 419. 423. 424.

вовсе не пользовались значеніемъ. Одинъ Плетонъ, которому лѣта давали право на санъ патріарха, когда соборъ закрылся и когда онъ еще имѣлъ совѣщаніе съ Филельфо въ Болоньѣ, увезъ свою славу опять въ Пелопоннезъ, гдѣ и умеръ въ глубокой старости въ 1450 г. ¹⁾.

Именно въ противоположность этимъ грекамъ и въ спорѣ съ ними Аристотель и у итальянскихъ гуманистовъ снова получилъ то значеніе, которое нѣкогда пытался поколебать Петрарка. Такъ какъ греки выдавали себя за платониковъ, то именно поэтому латиняне защищали Аристотеля. Еще въ Феррарѣ слава греческой философіи потерпѣла сильное пораженіе, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію итальянца: конечно извѣстно, каковы бывають побѣды въ спорахъ. Именно Уго Бенци изъ Сіэны, знаменитый врачъ, а въ то же время и искусный діалектикъ, пригласилъ ученѣйшихъ изъ греческихъ гостей на веселую пирушку, на которой присутствовали также итальянскіе гуманисты и маркграфъ Никколо д'Эсте. Когда пирушка кончилась и столы были убраны, то умный хозяинъ умѣлъ направить разговоръ на тѣ именно положенія, въ которыхъ Платонъ и Аристотель всего болѣе расходились между собою. Онъ объявилъ, что готовъ защищать какую угодно сторону, на которую нападуть греки, будетъ ли это Академія или школа перипатетиковъ. Греки приняли вызовъ. Нѣсколько часовъ длился оживленный диспутъ. Когда наконецъ Бенци своими доводами и краснорѣчіемъ заставилъ замолчать греческихъ философовъ одного за другимъ, тогда было очевидно, говорить нашъ итальянскій свидѣтель, «что латиняне, которые давно превосходили грековъ въ военномъ искусствѣ и славѣ оружія, въ нашъ вѣкъ превосходятъ и въ наукахъ и во всѣхъ отрасляхъ учености» ²⁾.

Вѣроятно, Бенци не понималъ по гречески, а о философіи Платона зналъ не больше того, что могъ почерпнуть изъ сочиненій Цицерона или изъ отцовъ Церкви. Это былъ настоящій діалектическій турниръ. Напротивъ во Флоренціи были люди, которые дѣйствительно могли читать Платона и понимали его, въ особенности Бруни и Марсуппини; тамъ греки пользовались еще меньшимъ уваженіемъ. Въ этомъ городѣ было довольно много споровъ изъ за Платона и Аристотеля. Такъ заключаемъ мы изъ того, что во Флоренціи Плетонъ написалъ свое

¹⁾ А не въ 1452, какъ донавываетъ Шультце I. с. з. 106. Что онъ былъ въ Болоньѣ отъ 1 января до 1 июня 1438 г., я заключаю изъ греческаго письма Филельфо къ нему въ вольфенбюттельскомъ кодексѣ fol. 41. Письмо безъ числа, но Филельфо говорить, что онъ еще раньше любилъ его въ Болоньѣ за его добродѣтель и мудрость, а это можетъ относиться только къ тому времени, когда самъ онъ во второй разъ преподавалъ тамъ.

²⁾ Aeneas Sylvius Europa cap. 52.

разсужденіе о различіи между обоими философами¹⁾). Оно повело къ безчисленнымъ спорамъ, которые однако²⁾— черта характерическая — происходили у грековъ между собою, почти безъ участія со стороны латинянь.

Но ученіе престарѣлаго Платона не прошло безслѣдно на Западѣ. Искра его запала въ воспримчивые умы. Во Флоренціи Козьма Медичи, конечно, дилеттантъ, но такой, который интересовался всѣмъ, что ему казалось возвышеннымъ или глубокомысленнымъ, часто слышалъ, какъ «второй Платонъ» спорилъ о «платоновскихъ мистеріяхъ». Ему казалось, что Западъ еще не созрѣлъ для воспріятія этой высшей мудрости. Онъ представлялъ себѣ «родъ академіи», въ которой она со временемъ будетъ изучаться, и назначалъ мудрецомъ будущаго— сына своего врача, Марсиліо Фичино, которому въ то время было всего шесть лѣтъ. Козьма велѣлъ тщательно воспитывать его и старался собрать всѣ сочиненія Платона и Плотина. Когда питомецъ его уже былъ 30 лѣтъ, то въ 1463 г. онъ поручилъ ему перевести и объяснить сначала Гермеса Трисмегиста, а потомъ нѣкоторыя сочиненія Платона. Плотина Медичи откладывалъ до того времени, когда его философъ вполне возмужаетъ, но не дожидъ до этого срока. Однако онъ заставилъ Фичино на своей виллѣ въ Карреджи прочесть себѣ лекцію о сочиненіяхъ философа. Юноша вполне послѣдовалъ примѣру грековъ: онъ убѣдился, что божественный Плотинъ первый разоблачилъ теологію божественнаго Платона и «тайны древнихъ», что онѣ вполне согласуются съ христіанскимъ ученіемъ, что или Платонъ снова ожилъ въ Плотинѣ, по ученію пнеагорейцевъ, или оба они были вдохновлены тѣмъ же благимъ существомъ. Такимъ образомъ онъ явился на западѣ основателемъ мистической философской школы, главою которой впоследствии былъ Нико да Мирандола³⁾).

Но это была специальная отрасль, которая процвѣтала, собственно говоря, въ позднѣйшую эпоху и то на короткое время. Платонъ пользовался уваженіемъ своихъ земляковъ, но былъ одинокимъ явленіемъ среди нихъ. Изъ числа грековъ, переселившихся въ Италію, у него едва ли были приверженцы. Слава этого мудреца не доставила имъ почета. Напротивъ дѣла ихъ шли въ той же мѣрѣ хуже, въ какой распространялось въ Италіи знакомство съ ихъ языкомъ и литерату-

1) Περὶ ὧν Ἀριστοτέλης πρὸς Πλάτωνα διαρίσεται. См. Fr. Schultze s. 80.

2) Marsilli Ficini Prooemium къ переводу Платона, съ его Exhortatio ad auditores et legentes Plotinum, оба перепечатаны изъ edit. princ. у Botfield Prefaces p. 600 seq. Vespasiano Cosimo de'Medici § 27. Fabronius Magni Cosmi vita p. 136. vol. II p. 226.— И то, что было говорено о платоновскихъ изученіяхъ Николая Кузанскаго, относится къ неоплатонической философіи. Ср. рассказы будущаго аперійскаго епископа, который жилъ шесть лѣтъ въ его домѣ, въ предисловіи къ Апулею у Ботфильда Prefaces p. 68.

рою. Когда они являлись все большими толпами и по большей части обвинявшими, то вполне охладѣло и то благоговѣніе, съ которымъ въ началѣ относились къ этимъ потомкамъ Гомеровыхъ героическихъ родовъ и древнихъ Афинянь. Какъ всё видѣли, они не могли отказаться отъ византійской заносчивости, хотя жили на счетъ благодарній другихъ. Они были угрюмы и капризны, потому что теперь у нихъ не было тѣхъ удобствъ жизни, къ какимъ они привыкли, и должны были скитаться, учить и лѣстить знатнымъ. Полагали, что имъ слѣдовало бы примѣняться скромно къ обычаямъ своей новой родины, обстричь свои безобразныя бороды и оставить свою глупую кичливость. Кромѣ того греки оказались замѣчательно неспособными выучиться латинскому языку и народному итальянскому. Съ первымъ освоились лишь немногіе и то послѣ многолѣтнихъ усилій и едва трое или четверо могли выражаться на немъ бѣгло и изящно. Такимъ латинянамъ, которые съ пламеннымъ усердіемъ изучали ихъ языкъ и торопливо спѣшили овладѣть самыми разнообразными сокровищами греческой литературы, они казались людьми лѣнивыми и ограниченными. Тяжелый характеръ византійцевъ плохо согласовался съ итальянскою подвижностью. Уже во время папы Евгенія замѣтно охладѣло у итальянцевъ желаніе поддерживать этихъ греческихъ переселенцевъ, большею частію людей неспособныхъ, которые главнымъ образомъ сосредоточивались во Флоренціи.

При папѣ Николаѣ настало еще разъ счастливое позднее лѣто и для греческихъ изгнаниковъ, хотя кратковременное. Можно было употреблять въ качествѣ переписчиковъ книгъ тѣхъ изъ нихъ, которые могли сносно писать. Главою и покровителемъ всѣхъ, грековъ поселившихся въ Италиі, сдѣлался кардиналъ В и с с а р і о н ъ ¹⁾. О его молодыхъ годахъ,

¹⁾ Bessarionis Opera omnia ed. Migne (Patrologiae graecae T. CLXI) Paris 1866 содержать въ себѣ не все, что было напечатано отдѣльно, а только болѣе крупныя философскія сочиненія. — Биографическій матеріалъ болѣею частію малаго достоинства. Таковъ: Bart. Platina Panegyricus in laudem Bessarionis, написанный при жизни кардинала, часто печатавшійся съ его Vitae pontificum, томѣ Paris. 1530, потомъ у Бёрнера de doctis hom. Graecis p. 81 и Migne p. CIII. Упоминаемая у Hodus p. 152 Oratio in laudem, хранящаяся въ рукописи въ венеціанской бібліотекѣ кардинала, конечно, принадлежить перу Платины. Michaelis Apostolii Byz. Oratio funebris in Bessarionem ed Fulleborn, Lips. 1793 и у Migne p. CXXVII есть такая же декламация, написанная грекомъ на греческомъ языкѣ. Гораздо выше по своему достоинству, особенно въ отношеніи прошлой жизни кардинала въ Греціи, это—Oratio habita in fonere Reverendissimi Cardinalis Graeci. v. I. et a. 6 Bl. 4°. Этотъ печатный оттискъ, по видимому, очень рѣдокъ, однако есть въ вѣнской придворной бібліотекѣ и въ мюнхенской, изземляромъ которой и могъ пользоваться. Malvasia велѣлъ отпечатать его или рукопись въ Compendio Storico della basilica de' dodici apostoli di Roma, Roma 1665, p. 255, но и эта книга у насъ составляетъ рѣдкость. Оба codd. Vatic. 2741 и 3920 сообщаютъ эту рѣчь, имѣ

Такъ какъ греки явились въ Италию просить помощи, то, благодаря обстоятельствамъ, готовы были за хорошее возмездіе присоединиться къ догматамъ римской церкви. Однако сперва начались длинныя ученые пренія потому ли, что греческое духовенство не было такъ безусловно согласно на перемѣну вѣры, какъ императоръ, или потому, что хотѣли только сохранить наружную стойкость. Наконецъ Виссаріонъ, горячо спорившій съ латинянами, подалъ добрый примѣръ своимъ землякамъ: онъ былъ первый, убѣдившійся въ правильности догмата объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, въ торжественномъ засѣданіи собора изложилъ свое исповѣданіе и не могъ достаточно восхвалять для назиданія грековъ то усердіе къ религіи, которое воодушевляетъ римскую Церковь¹⁾. Своего прежняго сподвижника въ борьбѣ, Марка, архіепископа Эфесскаго, онъ называлъ сумасшедшимъ и злымъ человѣкомъ, наущаемымъ злыми духами. На первыхъ порахъ наградою новообращенному былъ подарокъ въ 600 скуди. Когда потомъ сочли нужнымъ, по заключеніи собора, дать мѣста новымъ братьямъ по вѣрѣ въ святой коллегіи, то по совѣту кардиналовъ Чезарини и Капраники нашъ Виссаріонъ и смиренный митрополитъ Кіевскій были возведены въ санъ кардиналовъ²⁾.

Оба эти кардинала вскорѣ составляли единственный трофей, оставшійся отъ засѣданій собора, которыя закончились во Флоренціи. По своему положенію они могли хлопотать при римскомъ дворѣ о томъ, чтобы стѣсненнымъ византійцамъ оказана была помощь. Кіевскій митрополитъ Исидоръ часто подвергался опасности быть изрубленнымъ турецкими саблями, но всегда успѣвалъ во время спастись, наконецъ сталъ старъ и слабъ и удалился въ свое скромное убѣжище. Подобно ему, и Виссаріонъ былъ неутомимымъ ходатаемъ за грековъ, и въ его воображеніи рисовалась величественная картина крестовыхъ походовъ и упорныхъ битвъ съ турками. Но когда при Каликстѣ III и Піи II дѣйствительно сталъ пробуждаться интересъ къ этому дѣлу, то всѣ его хлопоты обратились въ ничто и окончились, по обыкновенію, забавно. Мало по малу онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что его дѣятельность должна ограничиться областью литературы.

Его земляки, *graeculi esurientes* (голодные греки), переселявшіеся большими массами въ Италию и раньше паденія Византіи и послѣ того, вели жалкую борьбу за существованіе. Но Виссаріонъ былъ такъ счастливъ, что ему не было основаній бояться матеріальной

¹⁾ Ambros. Travers. epist. II, 19.

²⁾ Raynaldus Annal. eccl. 1438 п. 17. 1439 п. 12. 1462. п. 72. 73. Сочиненіе Виссаріона de processione Spiritus Sancti въ его Opp. ed. Migne, часто встрѣчается въ переводѣ Архидіа, есть у Bzovius Annal. eccles. 1440 § 1—15.

нужды, и онъ даже могъ облегчать нужды другихъ. Онъ собралъ около себя кружокъ греческихъ и итальянскихъ ученыхъ, которые сопровождали его, какъ преданные кліенты, если онъ утромъ отправлялся изъ своего дворца на Квириналъ въ Ватиканъ, или за завтракомъ у него спорили о богословскихъ предметахъ. Въ обращеніи съ людьми кардиналъ легче другихъ грековъ научился говорить на латинскомъ языкѣ свободно и плавно, хотя не особенно изящно. Грековъ Виссаріонъ привязывалъ къ себѣ своимъ патриотическимъ сочувствіемъ и всегда былъ ходатаемъ за нихъ передъ римскимъ престоломъ. Зажиточный прелатъ былъ чуждъ и той тяжелой эпохондріи, которой вообще не любили въ византіяцахъ, а свойственная грекамъ надменность уступила мѣсто вѣжливости, привѣтливости и тщеславію, которое все таки было гораздо сноснѣе. Литераторамъ было не трудно льстить ему, и за ихъ похвалы Виссаріонъ платилъ расположеніемъ и милостями. Особою славою пользовались его пирушки, на которыя онъ собиралъ своихъ ученыхъ друзей ¹⁾. Въ сущности онъ былъ чловѣкъ добродушный и весьма обходительный, а чѣмъ дѣлался старше, тѣмъ болѣе усмивалось въ литературныхъ кружкахъ уваженіе къ греческому кардиналу съ его длинною сѣдою бородою и большими густыми бровями.

Во время Евгенія IV литературный кружокъ, собиравшійся около Виссаріона, конечно, соотвѣтствовалъ его ограниченнымъ доходамъ. Съ Николаемъ V у него не было никакихъ болѣе тѣсныхъ сношеній ²⁾ и, по видимому, вслѣдствіе однородности стремленій между ними существовало даже нѣкотораго рода соперничество. Когда Болонья, изъ всѣхъ городовъ Церковной Области наиболѣе склонная къ возмущенію, вслѣдствіе договора опять сдѣлалась резиденцію папскаго намѣстника, то папа Николай назначилъ греческаго кардинала легатомъ этой провинціи и, слѣдовательно, почетнымъ образомъ удалилъ его изъ Рима. Пять лѣтъ провелъ Виссаріонъ въ Болоньѣ, конечно, не имѣя возможности особенно вмѣшиваться въ общественныя дѣла, которыя остались въ рукахъ фамиліи Бентивольи ³⁾. Городъ былъ едва успокоенъ, и легатъ могъ приложить свое попеченіе къ университету, который пришелъ въ полнѣйшій упадокъ во время граждан-

¹⁾ Gaspar Veronensis ap. Muratori Scriptt. T. III P. II p. 1032.

²⁾ Однако слѣдуетъ упомянуть о томъ, что Виссаріонъ нѣкогда посвятилъ Томмазо да Сарзано переводъ небольшой бесѣды Василія, когда будущій папа былъ еще Sacrae paginae magister.

³⁾ Время опредѣляется указами приводимыми, у Gardenigo l. c. p. 150 и у Migne p. СХХI. Первый отъ 27 февраля 1450 г., послѣдній отъ 21 марта 1455 г. Вскорѣ послѣ извѣстія о смерти Николая V (24 марта 1455 г.). Виссаріонъ отправился для конклава въ Римъ и уже не воротился въ Болонью.

скихъ междоусобій. Онъ заботился о возстановленіи зданій и учрежденій, о приглашеніи хорошихъ наставниковъ и о лучшемъ ихъ вознагражденіи. Въ Болоньѣ мы уже встрѣчаемъ нѣкоторыхъ гуманистовъ въ свитѣ легата, небольшой пріютъ музъ, который конечно былъ ничто въ сравненіи съ болѣе блестящимъ пріютомъ папы. Навсегда сохранилось воспоминаніе о томъ, что Виссаріонъ едва не сдѣлался папою послѣ смерти Николая V. Въ одну ночь онъ былъ кандидатомъ значительной партіи въ конклавѣ, именно тѣхъ кардиналовъ, которые желали выбрать папою челоуѣка, не пользовавшагося большимъ значеніемъ и безъ политическихъ симпатій, но утромъ получило перевѣсъ то мнѣніе, что не слѣдуетъ возводить на папскій престолъ новообращеннаго, и ему былъ предпочтенъ старый Борджіа, взошедшій на престолъ подъ именемъ Каликста III. При немъ и при Піи II Виссаріонъ дѣятельно участвовалъ въ приготовленіяхъ къ крестовому походу, которому предстояло снова освободить его родину. Со времени смерти Піи II, приближаясь къ старости и мучимый каменною болѣзнью, онъ отдался вполне своимъ книгамъ, ученымъ занятіямъ и бесѣдамъ съ греками и латинянами, которыхъ онъ, какъ старикъ, собралъ въ значительномъ числѣ вокругъ себя и былъ положительно средоточіемъ литературной дѣятельности. Въ преклонной старости принялъ онъ на себя важное, но безуспѣшное порученіе во Францію и на возвратномъ пути умеръ въ Равеннѣ, 19 ноября 1472 г.

Богословскія сочиненія Виссаріона почти все относятся къ спорамъ по поводу раздѣленія церквей и Filioque и въ то же время представляютъ собою неутѣшительную апологію его перемѣны вѣры. Когда спустя десять лѣтъ послѣ завоеванія Константинополя, онъ принялъ санъ патріарха этой области и обнародовалъ окружное посланіе къ греческимъ общинамъ вѣрующихъ, чтобы привлечь ихъ въ нѣдра римской церкви, то указывалъ своимъ землякамъ на эти сочиненія и на свой личный примѣръ. Онъ говорилъ о ночахъ, проведенныхъ имъ безъ сна въ размышленіяхъ и изслѣдованіяхъ вопроса о происхожденіи Святаго Духа и о томъ, какъ онъ наконецъ не могъ отвратить очей отъ истины. Патріархъ полагаетъ, что греки изъ гордости его личными достоинствами должны чтить его пастырскій посохъ и оставить свою старую вѣру. Такимъ образомъ все его богословіе сводится къ одному этому догмату, къ которому онъ перешелъ во Флоренціи и которому обязанъ былъ своимъ счастьемъ въ жизни. Но онъ писалъ также рѣчи, легенды и тому подобныя сочиненія. Намъ еще придется упомянуть о томъ его сочиненіи, которое онъ издалъ въ защиту Платона въ философскомъ спорѣ. Тая въ сердцѣ страстную любовь къ предмету поклоненія своей юности, Виссаріонъ

полагалъ однако, что, какъ кардиналъ римской церкви, онъ обязанъ оказывать уваженіе и Аристотелю. Мы поговоримъ впоследствии и объ его переводахъ съ греческаго, пользовавшихся большимъ значеніемъ. Ему ставили въ заслугу, что онъ вполне овладѣлъ латинскимъ языкомъ, съ которымъ раньше былъ совсѣмъ незнакомъ, хотя не могъ и потомъ легко и краснорѣчиво объясняться на немъ. Самъ кардиналъ былъ того мнѣнія, что грекамъ никогда не удастся достичь въ латинской рѣчи того же изящества, какого достигаютъ природные латиняне, и приводилъ въ доказательство свои собственные сочиненія. Но ему дѣлаетъ честь, что онъ и въ этой области искалъ посредства, которое внушали ему происхожденіе и положеніе ¹⁾.

Виссаріонъ, какъ одинъ изъ библіомановъ того времени, оказалъ чelовѣчеству и другую заслугу, которую и теперь еще съ благодарностью признаетъ за нимъ не одинъ изслѣдователь. Весьма понятно, что и въ этой сферѣ его спеціальностью была греческая литература. Кардиналъ самъ рассказываетъ, какъ онъ съ юношескихъ лѣтъ съ большимъ усердіемъ хлопоталъ о приобрѣтеніи книгъ и въ то время долженъ былъ большую часть ихъ списывать своею рукою. Вѣроятно, охота къ собиранію книгъ пробудилась у него во Флоренціи, гдѣ сильно дѣйствовалъ живой примѣръ Никколи и Медичи, а со времени паденія Константинополя къ этому присоединилось и благородное патріотическое чувство. Когда его отечество погубило подъ ударами варваровъ, то онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, спасти отъ гибели произведенія ума древнихъ грековъ и потому съ особеннымъ усердіемъ отыскивалъ болѣе рѣдкія изъ нихъ, которыя трудно было достать. Едва ли онъ получилъ большой запасъ ихъ изъ Греціи и съ острововъ; связи его съ родиною стали, конечно, слабѣе со времени его религіознаго обращенія. За то папа поручилъ Виссаріону въ 1446 г. надзоръ за базилианскими монастырями Италіи, и этимъ положеніемъ кардиналъ по видимому, энергически воспользовался для своихъ любимыхъ цѣлей. Онъ приобрѣлъ особенно много греческихъ книгъ въ монастырѣ св. Николая въ апулійскомъ городѣ Казоли недалеко отъ Отранто, гдѣ аббатъ Никетасъ былъ вполне преданъ ему. Въ числѣ найденныхъ сокровищъ были нѣкоторыя произведенія греческой литературы, дотолѣ неизвѣстныя. По видимому, онъ бралъ старинныя книги и изъ другихъ монастырей, подвѣдомственныхъ ему, и даже нюрнбергскіе камальдулы знали его за покупателя.

¹⁾ Его письмо къ Ласкарису у Nodius p. 177. Обзоръ сочиненій Виссаріона, даже тѣхъ, которыя не напечатаны у Мегуса, да и вообще не напечатаны, есть у Фабриціуса Bibl. graeca T. X, у Бѣрнера p. 70—80. Капранига въ своей рѣчи приводитъ и нѣкоторыя такія, которыя до сихъ поръ были неизвѣстны.

Книгопродавец Веспазіано хвалитъ также кардинала за покровительство, оказывавшееся имъ переписчикамъ книгъ, постоянно трудившимся для него надъ воспроизведеніемъ книгъ латинскихъ, а тѣмъ болѣе греческихъ. Это были преимущественно бѣдные греческіе священники, которые такимъ трудомъ снискивали себѣ пропитаніе вдали отъ родины; въ томъ числѣ были и такіе люди, которыхъ можно было причислить къ кружку ученыхъ. Мы знакомимся съ ними по ихъ припискамъ, въ которыхъ они нерѣдко изливали свои жалобы на изгнанничество. Тутъ былъ ученый послѣдователь Аристотеля, Іоаннъ Аргиропуло, призваніе котораго было, несомнѣнно, гораздо выше занятія переписчика ¹⁾, кандіотъ Іоаннъ Розосъ, имя котораго мы встрѣчаемъ подъ многими произведеніями классической литературы, Микхалъ Апостолій, который потомъ сочинилъ надгробное слово своему благодѣтелю, Дмитрій Сгуропуло, Іоаннъ Плузіаденъ, переписавшій для кардинала сочиненія Геродота, Фукидида и исторію Ксенофонта, Козьма Монахъ, Георгій Зангаропуло, далѣе не названный по имени лакедемонянинъ, который самъ себя называлъ человѣкомъ, «гонимымъ Эриніями (фуріями)». Всѣ эти новыя книги должны были переписываться на лучшемъ пергаментѣ, нормальными буквами и снабжаться прекрасными миниатюрами и вензелемъ кардинала, совершенно въ такомъ же духѣ, въ какомъ украшали свои книги владѣтельные любители ²⁾.

Самъ Виссаріонъ, подарившій свои книги венеціанской республикѣ, насчитываетъ число ихъ, со включеніемъ латинскихъ, до 900 томовъ, цѣнностью на 15.000 дукатовъ ³⁾. Его собраніе въ то время было, безъ сомнѣнія, самое богатое греческими рукописями на западѣ, и вообще церковной и прозаической литературѣ отведено въ немъ значительное мѣсто. Поэзіи же оказано было поразительно мало почета. Это объясняется исключительно философско-богословскимъ характеромъ образованія кардинала. Гезіодъ и Пиндаръ, по видимому, были севѣмъ незнакомы ему, а изъ драматической литературы у него были только 4 трагедіи Софокла, тогда какъ Мечичи давно уже, благодаря Ауриспѣ, имѣли всѣ семь и три комедіи Аристофана. Такъ оправдывается замѣчаніе Филельфо насчетъ Виссаріона: онъ не зналъ, что у грековъ кто нибудь увлекался стихами ⁴⁾.

¹⁾ См. томъ I стр. 339.

²⁾ См. Zanetti Graeca D. Marci Bibl. p. 111. 113. 116. 137. 174. 183. Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marsi Venet. T. I p. 12.

³⁾ Онъ принимаетъ при этомъ, конечно, въ расчетъ покупку и переписку. Поэтому Платина впадаетъ въ риторическое преувеличеніе, говоря, что онъ скупилъ греческихъ книгъ на 30,000 дукатовъ.

⁴⁾ Письмо Филельфо въ Джироламо Кастелло отъ 7 апрѣля 1458 г. Списокъ книгъ Виссаріона, съ которыми сначала были недостаточно знакомы по Монфокону, составленъ удовлетворительнѣе по кодексу Riccardica у Migne p. 702.

По странному капризу Виссаріонъ подарилъ свои сокровища, которыя онъ собиралъ столь долго и столь усердно, венеціанской республикѣ. Онъ какъ бы умышленно выказалъ пренебреженію ко всѣмъ центрамъ латинской литературной дѣятельности. Кардиналъ, по видимому, прервалъ всякія сношенія съ Флоренціею, мѣстою своего обращенія, гдѣ никогда особенно не уважали грековъ, а въ Римѣ, его постоянномъ мѣстопребываніи, вѣроятно, съ нимъ случилось что нибудь непріятное. На Венецію же онъ смотрѣлъ какъ на естественную посредницу между Западомъ и греческимъ Востокомъ, какъ на вторую Византію. Здѣсь, по его словамъ, сходятся люди всѣхъ націй, Здѣсь обыкновенно высаживаются пріѣзжіе греки. И самъ онъ тутъ же въ первый разъ вступилъ на западную почву, былъ съ почетомъ принятъ и впоследствии и причисленъ къ гражданамъ республики. Къ упомянутому рѣшенію кардинала въ особенности побудилъ Паоло Морозини. Виссаріонъ выговорилъ только одно условіе, чтобы для библіотеки было устроено приличное помѣщеніе, чтобы она была названа принадлежащею св. Марку и хранилась на общее пользованіе всѣхъ занимающихся наукою. Синьорія съ радостью приняла этотъ драгоценный подарокъ, и еще при жизни кардинала пришли изъ Рима 30 ящиковъ и были переданы прокураторамъ св. Марка. Но республика не оказала никакого дальнѣйшаго участія къ этому дѣлу; тамошнее государство никогда особенно не интересовалось литературою. Еще въ 1490 г. слышатся жалобы, что книги остаются по прежнему въ ящикахъ и портятся. Уже гораздо позднѣе библіотека св. Марка, главнымъ украшеніемъ которой стали книги греческаго кардинала, сдѣлалась благодарнымъ пріютомъ для плодовъ ученаго трудолюбія ¹⁾.

Такъ какъ Виссаріонъ лишь мало по малу пріобрѣталъ латинское образованіе, первое основаніе которому было положено въ Падуѣ, то тѣмъ менѣе онъ могъ обойтись безъ хорошихъ латинистовъ, которые у него служили секретарями и собесѣдниками. Но въ началѣ мы не встрѣчаемъ въ ихъ средѣ людей, пользовавшихся литературною извѣстностью. Ихъ гораздо сильнѣе привлекалъ къ себѣ римскій дворъ, особенно при Николаѣ V, чѣмъ служба у кардинала, который въ кругу подобныхъ себѣ считался человѣкомъ бѣднымъ. Венеціанецъ Лауро

¹⁾ Посланіе Виссаріона къ дожу Христофору Моро и венеціанскому совѣту будто бы изъ Витербо отъ 4 или 31 мая, часто печаталось у Бёрнера р. 101, у I. A. Schmid De bibliothecis p. 67, у Migne p. 700, у Valentinelli l. c. p. 16, гдѣ за вѣрное опредѣленіе времени считается 1648 г. pridie calendas junias (наканунѣ 1 июня). Но съ этимъ несогласно то обстоятельство, что постановленіе синьорія у Agostini Scritt Viniz. T. I p. XXXII уже сдѣлано 23 марта 1468 г.

Квирина, который на востокъ вполне усвоилъ себѣ и греческій языкъ. долго былъ его ближнимъ человѣкомъ ¹⁾). И про Гаспаро да Вольтерра, бывшаго у него секретаремъ по части сочиненія писемъ, прямо говорятъ, что онъ хорошо зналъ греческій языкъ. А именно это и требовалось для подобной службы, тѣмъ болѣе, что въ домѣ Виссаріона говорили больше по гречески, чѣмъ по латыни ²⁾). Въ позднѣйшее время наиболѣе выдающимися знаменитостями изъ числа латинскихъ собесѣдниковъ кардинала могли быть Платина, авторъ біографій папъ, и Домиціо да Кальдіеро. Но въ качествѣ ученаго стоитъ выше всѣхъ ихъ молодой человѣкъ, который провелъ лучшіе годы своего образованія у Виссаріона и, пользуясь его покровительствомъ, достигъ высокаго положенія среди духовенства. Это любимецъ изъ числа литераторовъ, Николо Перотти.

Онъ родился въ 1430 г. въ благородной, но обѣднѣвшей семьѣ и могъ похвалиться родствомъ съ своимъ землякомъ, знаменитымъ юристомъ Бартоло ³⁾). Перотти обязанъ былъ своимъ первымъ знакомленіемъ съ свободными искусствами Никколо Вольпе изъ Виенцы, котораго онъ хвалилъ и какъ поэта. Кроме того онъ называетъ своимъ наставникомъ даже Витторино да Фельтре, но въ такомъ случаѣ пользовался его уроками еще мальчикомъ, потому что Витторино уже умеръ въ 1446 г. ⁴⁾). Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, содѣйствовавшихъ умственному образованію Перотти, онъ не называетъ Гварино. Отъ Веспасіано мы узнаемъ, что подъ его руководствомъ онъ учился нѣсколько времени въ Феррарѣ, что его, какъ молодаго человѣка, принялъ къ себѣ въ домъ знатный англичанинъ Уильямъ Грей, впоследствии епископъ Элійскій, тоже желавшій докончить свое образованіе у Гварино. И этотъ покровитель щедро снабжалъ его разными пособиями для занятій. Когда Грей получилъ отъ своего короля порученіе отправиться въ Римъ въ качествѣ прокуратора короны, то онъ взялъ съ собою молодаго Перотти и сумѣлъ найти для него мѣсто у Виссаріона, такъ какъ юноша желалъ получить основательное знакомство съ греческимъ языкомъ. То извѣстіе, что Перотти прослужилъ въ

¹⁾ Впрочемъ въ пользу этого имѣ известно только одно свидѣтельство у *Vespasiano Cardinale Niceno* § 4.

²⁾ *Blondus Italia illustr.* p. 307. Судя по формѣ. *Volaterra.... nunc Casparis nostri patria, qui.... Bessarionis epistola* можно бы предположить это о сынѣ Гаспаро, однако о немъ говорится, что онъ родился въ Форли.

³⁾ Это извѣстіе сообщаетъ *Blondus* въ письмѣ къ Гору Лолли въ *Cod. ms. Dresd.* fol. 110.

⁴⁾ Эти данныя узнаемъ изъ инвективы Перотти противъ Поджіо въ *Miscellanea di varie operette* T. VIII p. 181. Годъ его рожденія опредѣляется тѣмъ замѣчаніемъ, что Перотти шелъ 24-й годъ, когда умеръ Франческо Барбаро.

этомъ домѣ двадцать лѣтъ, вполне согласуется съ собственными его воспоминаніями изъ юношеской поры ¹⁾. Перотти переселился въ Болонью съ Виссаріономъ, который въ то время былъ сдѣланъ легатомъ въ этомъ городѣ. Онъ занималъ или вскорѣ занялъ мѣсто домоправителя, и чрезъ его руки шли свѣтскія дѣла кардинала. Это—положеніе близкаго лица, какое нѣкогда Парентучелли столь много лѣтъ занималъ у кардинала Альбергати. Въ то же время Перотти былъ для своего мецената, собирателя книгъ, тѣмъ же, чѣмъ Тортелло для папы. Въ Болоньѣ онъ, вѣроятно, выказалъ неимовѣрную дѣятельность. Перотти былъ еще ученикомъ и по лѣтамъ, и по степени своего образованія, продолжалъ свои занятія въ университетѣ и съ такимъ усердіемъ изучалъ богословіе, что впоследствии могъ отличаться и на поприщѣ богословской литературы. Съ еще болѣею любовью занимался онъ день и ночь греческимъ языкомъ, и случай къ этому въ домѣ Виссаріона былъ гораздо удобнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Въ то же время уже съ 1451 г. онъ преподавалъ въ университетѣ реторику и поэзію. Когда король Фридрихъ III въ январѣ 1452 г. отправлялся въ Римъ для коронаванія императорскою короною и бракосочетанія и проѣзжалъ чрезъ Болонью, то юный Перотти держалъ изящную привѣтственную рѣчь отъ имени города. За это ему данъ былъ дипломъ поэта, патентъ на санъ пфальцграфа и титулъ королевскаго совѣтника ²⁾. Но онъ составилъ себѣ карьеру тѣмъ, что папа Николай поручилъ ему переводъ Поливія. Когда переводчикъ прислалъ ему первую книгу, то всѣ чрезмѣрно хвалили легкость и изящество языка, и никто не замѣчалъ, что эти достоинства пріобрѣтены въ ущербъ Поливію, котораго молодой гелленистъ рѣдко понималъ и потому относился къ нему свободно, чтобы только краснорѣчиво передать на латинскій языкъ. Папа выразилъ ему полнѣйшую признательность, увѣрялъ, что прочелъ съ большимъ удовольствіемъ всю книгу, и поощрялъ хорошаго стилиста къ продолженію. И слѣдующія книги, а также небольшое сочиненіе о метрикахъ были приняты очень милостиво ³⁾. Перотти это ободрило къ дальнѣйшимъ переводамъ небольшихъ сочиненій, и онъ поднесъ ихъ въ даръ папѣ, именно сочиненіе Эпиктета о нравственности и небольшой трудъ Паутарха о частіи римлянъ ⁴⁾. Переводчикъ былъ назначенъ папскимъ секретаремъ, а Виссаріонъ постарался доставить ему нѣсколько не-

1) *Vespasiano Cardinale Niceno* § 4, *Vescovo Sipontino* § 1. *Vescovo d'Elly* § 2.

2) Рѣчь у *Alb. de Eyb. Margarita poetica. Norimb. 1472 fol. 414.* См. *G. Voigt Pius II Bd. II s. 38.*

3) Папскія грамоты отъ 29 августа 1452 г. и 3 января 1454 г. и письмо Перотти къ Тортелло отъ 13 ноября 1433 г. у *Georgius Vita Nicolai V p. 206. 207. 183.*

4) *Georgius p. 183. Endlicher Catal. codd. phil. lat. bibl. Vindob. p. 201.*

большихъ бенефицій. Исполнялъ ли онъ дѣйствительно должность секретаря и когда переселился въ Римъ, мы не знаемъ, но, по видимому, до самой смерти папы оставался въ домѣ своего покровителя-грека.

При папѣ Валиктѣ Перотти былъ уже важнымъ духовнымъ лицомъ, которому поручались посольства, и всѣ ожидали, что онъ займетъ болѣе высокое положеніе ¹⁾. Пій II, по рекомендаціи Виссаріона, назначилъ его въ 1458 г. епископомъ синоптскимъ, но онъ остался въ Римѣ въ кружкѣ своихъ литературныхъ друзей. Съ 1465 г. онъ занялся дѣлами церковнаго управленія и былъ легатомъ въ Умбріи, Сполето и Перуджѣ. Ученымъ досугомъ Перотти наслаждался на виллѣ Чентинера близъ роднаго Сассоферрато, расположенной въ прелестной мѣстности, среди зелени, и отсюда омываемой водою. Тамъ находились его книги по духовной литературѣ, тамъ онъ отдыхалъ отъ дѣловыхъ занятій и посвящалъ время исключительно филологическимъ трудамъ. Послѣдніе вмѣстѣ съ годами становились суше, но въ то же время серьезнѣе и основательнѣе тѣхъ, какіе онъ издавалъ въ юности, когда сознавалъ въ себѣ таланты оратора и поэта. Убѣжище своей музы онъ назвалъ Фуджикура, и въ этомъ *Sans-souci* умеръ 13 декабря 1486 г.; здѣсь же покоится и прахъ его, а не въ соборѣ его епископіи ²⁾.

Будь собраны сочиненія Перотти, онъ оказался бы такимъ же плодовитымъ писателемъ, какъ напр. Поджіо или Валла. Но многія изъ нихъ осталась не напечатанными, другія изданы отдѣльными оттисками. Въ годы ранней юности, какъ часто дѣлали питомцы Витторино и Гварино, онъ посвящалъ свои силы стилистикѣ и риторикѣ и занимался также краснорѣчіемъ, которымъ составилъ себѣ имя. Перотти, вѣроятно, писалъ не мало рѣчей и стиховъ, но всѣ его поэтическія произведенія потеряны и забыты. Изъ 28 рѣчей извѣстна только одна. Множество писемъ, которыя онъ собиралъ и распредѣлялъ по группамъ, сохранились, кажется, только въ одной рукописи, и изъ нея не было напечатано ничего. Разсужденія Перотти и сочиненія полемическія были мало распространены. Изъ переводовъ обратилъ на себя вниманіе только переводъ Поливія, и то едва ли за-

¹⁾ Грамота Каликста III отъ 1456 г., въ силу которой Перотти посылають «по дѣламъ церкви въ разныя страны», разумѣется, по дѣламъ вѣстоваго похода противъ турокъ, у Bonamicus de clar. pontif. epist. scriptt. p. 154.

²⁾ *Jovius Elogia doctor. viror.* 18. Стихотвореніе поэта *Petrus Myrteus de villa Nicolai Perotti* есть въ *Carmina ill. poet. Ital. T. VI* p. 408. Биографія Перотти, написанная В. Гофманномъ, помѣщена въ *Allg. Encykl. S. v. Perottus*: въ исторической части много ошибокъ, благодаря плохимъ источникамъ, въ литературной — цѣннымъ указаніямъ.

служенное; не смотря на плавность и красоту его латыни оказывается, что смѣлый переводчикъ, хотя и жившій въ домѣ Виссаріона, не сдѣлая основательнымъ гелленистомъ. А пишетъ онъ какъ человекъ, выучившійся въ школѣ стилистикъ и усвоившій ее, но излагаетъ содержание не рельефно, такъ что въ слогѣ не отражается живая личность писателя. Ему не достаетъ бойкости, силы и остроумія ¹⁾).

На свою настоящую почву онъ вступилъ было собственно въ Болоню, но лучшіе плоды ума его созрѣли уже въ позднѣйшіе годы, когда положеніе Перотти дозволило ему вполне предаваться своимъ склонностямъ, помимо заработка и меценатовъ. Хотя и поэтъ, увѣнчанный лаврами, онъ былъ по призванію не изящный писатель, а ученый филологъ. Его метрика, присланная папѣ въ 1453 г., вызвала сочувствіе къ его заслугамъ; еще во время книгопечатанія она была любимую книгою. Ученый этотъ первый старался извлечь ее изъ чтенія римскихъ писателей и привести въ ученую систему. Но еще больше извѣстности принесла ему латинская учебная грамматика, которую онъ составилъ въ Витербо собственно для своего племянника Пирро. Она пережила его на цѣлое поколѣніе во множествѣ оттисковъ и удостоилась еще похвалы Эразма Роттердамскаго, такъ какъ сообщала не только элементы языка, но и заключала въ себѣ руководство къ изящному краснорѣчію и риторикѣ. На послѣдокъ, на закатѣ своего жизненнаго поприща, пользуясь досугомъ въ Фуджигура, онъ обработалъ громадное ученое сочиненіе, изданное послѣ смерти Перотти его племянникомъ Пирро подъ заглавіемъ *Cognoscitiae* (Рогъ изобилія). Это комментарий къ Марціалу, въ которомъ авторъ старался исправить его текстъ, въ то же время по громадному собранію матеріала, опередившему на цѣлый вѣкъ голландскаго филолога (Эразма), была сокровищницею латинскаго языка и свѣдѣній по наукѣ о римскихъ древностяхъ по всѣмъ ея отраслямъ. Тутъ Перотти вращался въ родственной ему области, хотя, какъ епископъ, не могъ издать своего сочиненія, посвященнаго изученію нескромнаго поэта. Конечно, ни у Николая V, ни у Виссаріона онъ не составилъ бы себѣ блестящей карьеры этимъ сочиненіемъ ²⁾).

¹⁾ Какъ и вообще, я привожу съ удовольствіемъ сужденіе Cortsius de hom. doct. ed. Galetti p. 232: *Huius in orationibus sermo est non inquinatus, et multa habet oratoria ornamenta. Scripsit etiam pleraque toleranda.*

²⁾ Перотти самъ до извѣстнаго времени (1454 г.) перечисляетъ свои сочиненія въ *Epistola ad Jacobum Constantium de ratione studiorum suorum*, которое издалъ Mai въ *Classicorum autorum e Vaticanis codd. edit.* T. III, отчасти также Endlicher l. c. p. 226. Биографическими данными этого посланія я тоже не могъ воспользоваться, какъ и Гофманъ. Кромѣ его перечня сочиненій см. *Fabricius Bibl. lat. med. et inf. aet. ed. Mancii* T. V p. 122.

Трапезунтскій говорилъ о самомъ себѣ съ забавнымъ высокомеріемъ: и самъ Гварино, по его словамъ, долженъ сознаться, что онъ пишетъ по латыни столь искусно и оригинально, будто родился въ Римѣ и живетъ въ вѣкъ Цицерона. Это была первая распря ученаго грека за которою слѣдовало много другихъ. Скоро, благодаря ей, о немъ распространилась невыгодная молва. Поджіо, который самъ спорилъ съ Гварино по поводу Сципіона и Цезаря и высоко цѣнилъ Георгія Трапезунтскаго, думалъ однако, что ему бы слѣдовало употребить свои таланты на болѣе благородное дѣло. А по поводу того обстоятельства, что грекъ приписалъ сочиненіе Агазоне прямо Гварино, онъ выразился двусмысленно ¹⁾. Вскорѣ мы расскажем о томъ, какъ именно Поджіо пришлось имѣть самое непріятное столкновеніе съ Георгіемъ.

Барбаро давно указалъ римскому двору на греческаго ученаго какъ на человѣка, особенно пригоднаго для цѣлей церковнаго соединенія, который усердно преданъ римской вѣрѣ и готовъ выступить въ борьбу за нее. Выше мы рассказывали о томъ, какъ онъ во время собора, совѣщавшагося по вопросу о соединеніи Церквей, явился во Флоренцію, сдѣланъ былъ папскимъ секретаремъ, а потомъ профессоромъ въ римскомъ университетѣ ²⁾. Пока живъ былъ папа Евгений, онъ съ великою честью держался на кафедрѣ логики и діалектики, а въ особенности ресторики и краснорѣчія. Преподавалъ ли онъ и греческій языкъ, мы не знаемъ; въ Римѣ къ нему не было никакого влеченія и намъ не указываютъ ни одного его ученика по греческому языку. Вообще онъ, по видимому, зарабатывалъ скудные средства для своего существованія.

Вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ Николая V и для него просіяло новое солнце. Изъ университета, какъ мы уже знаемъ, онъ былъ вытѣсненъ Валлою, такъ что въ концѣ лѣтняго семестра 1450 г. добровольно отказался отъ должности преподавателя. Но этотъ отказъ отъ наставничества, по видимому, мало огорчалъ его, а что онъ удалился вслѣдствіе соперничества, это, быть можетъ, было только мнѣніе Валлы. Вмѣсто того для Георгія открылся новый и болѣе обильный источникъ пріобрѣтеній въ дѣятельности переводчика, такъ какъ папа поручалъ ему работы этого рода. Онъ оказался самымъ подходящимъ человѣкомъ для исполненія любимыхъ задачъ Николая V, готовымъ къ услугамъ какъ по части духовной, такъ и свѣтской литературы грековъ. Притомъ Георгій вполнѣ

¹⁾ Non recte consulti esse videtur. Poggius epist. VI, 21 ed. Tonelli отъ 22 сент. (1437 г.). Poleмическія сочиненія до сихъ поръ извѣстны только по рукописямъ благодаря Zeno Diss. voss. T. II p. 19 seq. и Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 83 seq.

²⁾ См. стр. 40.

владѣль изящною латинскою рѣчью и работалъ быстро, такъ что не заставлялъ нетерпѣливаго мецената долго ждать. Намъ весьма понятно, что грекъ этотъ нѣсколько лѣтъ былъ литературнымъ любимцемъ папы. Вообще переводчику часто приходится искать себѣ милостивца, который бы достойнымъ образомъ платилъ за его посвященія, да и папа Николай обыкновенно поручалъ своимъ придворнымъ небольшіе труды. Но Георгій Трапезунтскій былъ почти заваленъ работою, какъ будто папа желалъ, чтобы всѣ переводныя книги выходили изъ подъ его пера. Первый его переводъ, именно переводъ книгъ Евсевія Приготовленіе къ Евангелію, папа принялъ тотчасъ же съ необыкновеннымъ восторгомъ. «Бери, бери! Ты не всегда встрѣтишь Николая», говорилъ онъ, неожиданно даря ему большую сумму денегъ, такъ что Георгій совсѣмъ растерялся. Папа еще не имѣлъ понятія о томъ, до какой степени эта работа лишена была всякихъ достоинствъ. Затѣмъ слѣдовало сочиненіе Кирилла о Св. Троицѣ, также его толкованіе на Евангеліе Іоанна, далѣе бесѣды Іоанна Златоуста. Все это было переведено слишкомъ вольно и недобросовѣстно, чтобъ легко объяснить, потому что наемный труженикъ не зналъ надъ собою никакого контроля. И переводъ сочиненія Аристотеля о животныхъ, которому предшествовалъ переводъ его-же Реторики, былъ сдѣланъ раньше 1450 г. въ теченіи двухъ лѣтъ вмѣстѣ съ названными нами трудами ¹⁾. Потомъ, по желанію папы, переведено было сочиненіе Платона О законахъ и поднесено въ даръ благосклонному покровителю. Въ 1451 г. было дано новое порученіе относительно главнаго произведенія Птолемея, такъ называемаго Альмагеста, съ относящимися къ нему старинными толкованіями. Въ началѣ декабря объ работы были кончены, но вопіющая къ небу безсовѣстность переводчика была на этотъ разъ такъ очевидна, что папа разразился негодованіемъ, и все счастье Георгія Трапезунтскаго рушилось ²⁾.

Раньше уже были высказаны сильныя сомнѣнія касательно перевода Евсевія; вѣроятно, папа дозволилъ переводчику пропускать нѣкоторые мѣста, противорѣчившія истинному ученію о Тріединствѣ. Но оказалось, что переводчикъ смѣло и произвольно выпускалъ многое, что ему не нравилось, въ другихъ мѣстахъ дѣлалъ вставки и перемѣщалъ цѣлыя отдѣлы. Виссаріонъ и Перотти указали папѣ на подобныя искаженія.

1) Онъ самъ говоритъ о нихъ вмѣстѣ въ письмѣ къ Барбаро отъ 27 апрѣля 1450 г.

2) Его письмо къ Барбаро отъ 5 декабря 1451 г. Franc. Barbari epist. 198 ed. Quirino. Что чаша допнула на Альмагестъ, говорятъ Георгій и въ экземплярѣ Ambrosiana у Safius p. 157: propter quos (commentarios) postea me destruxit, ut scedulae ostendunt per ignorantissimum Jacobum Cremonensem appositae. Вѣроятно, этому Якову папа далъ книгу для исправленія.

скаго языка, подобно Виссаріону и Георгію Трапезунтскому. Поэтому и ему ничево другаго не оставалось, какъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ еще равъ сѣсть на ученическую скамью въ школъ Витторино. При сосредоточеніи своихъ занятій и онъ въ три года такъ усвоилъ себѣ латинскій языкъ, что не только свободно владѣлъ имъ, но даже изумлялъ знаніемъ его тонкостей и искусныхъ риторическихъ оборотовъ Ѳеодоръ, безъ сомнѣнія, принялъ вѣроисповѣданіе римской церкви, но, даже и будучи священникомъ, не заявлялъ о перемѣнѣ вѣры въ особомъ полемическомъ сочиненіи объ исхожденіи Св. Духа подобно другимъ своимъ соотечественникамъ. Ему была оказана особая честь. Именно, едва покончивъ съ латинскою школою, Ѳеодоръ Газскій былъ приглашенъ профессоромъ греческаго языка во вновь открытый феррарскій университетъ, вѣроятно, по рекомендаціи Гварино. и во Флоренціи тоже вскорѣ стали имѣть его въ виду ¹⁾. Въ то время онъ еще думалъ возвратиться въ Грецію, но, по видимому, даже и не видалъ своей родины. Рѣшительнымъ событіемъ и въ его жизни было то обстоятельство, что папа Николай V около 1450 г. звалъ его въ Римъ на кафедру философіи съ приличнымъ жалованьемъ, которую онъ и занималъ впоследствии долгіе годы. Но мы не слышимъ особенно похвальныхъ отзывовъ объ его тамошней наставнической дѣятельности, какъ и въ Феррарѣ. Папа и отъ него требовалъ главнымъ образомъ переводовъ. Онъ поручилъ ему перевести механическія задачи Аристотеля, потомъ Исторію животныхъ; послѣднее сочиненіе перевелъ уже раньше его Георгій Трапезунтскій, который теперь почувствовалъ непримиримую ненависть къ Ѳеодору. По видимому, послѣдній уже въ то время началъ переводить и сочиненіе Теофраста о растеніяхъ. Впоследствии онъ исполнилъ изрядное количество подобныхъ работъ. Хотя потомъ и находили, что его переводы не заслуживаютъ вполне той славы, какою пользуются, что онъ перевелъ Аристотеля весьма красивымъ слогомъ, но въ ущербъ вѣрности, но въ свое время онъ пользовался большимъ

Te quoque Turciacae fugientem viucla catenae
Eicccit patrio Thessalonica tuo.

Но эти стихи лишь издалика смотрять на утраченное отечество друга. Напротивъ письмо Филельфо къ Ѳеодору въ вольфенб. кодексѣ fol. II, относящееся къ веснѣ 1441 г., такъ какъ авторъ желаетъ отъ него слышать о поведеніи своего сына въ Византіи, предполагаетъ его тамъ, какъ и другія греческія письма, къ соматнію, непомятаннымъ. См. томъ I стр. 338. 516. Потомъ желаніе Ѳеодора получить какое нибудь мѣсто въ Италіи, о которомъ Филельфо говоритъ въ письмѣ къ Като Сакко отъ 25 октября 1440 г., было выражено еще въ Византіи. Проще предположить, что Ѳеодоръ отправился тотчасъ же въ Италію къ Витторино, слѣдовательно около 1444 г.

¹⁾ Ср. томъ I стр. 485.

уваженіемъ за эти труды. Филельфо, правда, его старинный и неизмѣнный другъ, называлъ его ученѣйшимъ, знаменитѣйшимъ и самымъ скромнымъ изъ всѣхъ грековъ. Экземпляръ Иліады, писанный рукою Федора, онъ не соглашался уступать ни за какия сокровища въ свѣтъ ¹⁾. Платина полагалъ, что онъ пишетъ такую латыню, въ которой никто не отыщетъ признаковъ, что авторъ—природный грекъ ²⁾. Паоло Джовіо былъ того мнѣнія, что нельзя рѣшить, съ котораго языка онъ лучше переводить, съ латинскаго ли на греческій или обратно; онъ даже счумълъ вполне удачно передать на греческомъ языкѣ все величіе Цицероновскаго краснорѣчія ³⁾.

Но не смотря на эту славу, не смотря на то, что Федоръ былъ самый симпатичный изъ всѣхъ грековъ, притомъ священникъ, которому приходилось заботиться только о себѣ, онъ однако оставался всю жизнь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ не умѣлъ выставиться на видъ и угождать; въ жизни общественной и практической этотъ грекъ былъ столь же неловокъ и неопытенъ, какъ ребенокъ ⁴⁾. Когда папа Николай умеръ, то Федоръ очутился въ такомъ печальномъ положеніи, что не могъ оставаться въ Римѣ. Правда, онъ нашелъ почетный пріемъ и поддержку въ Неаполѣ у короля Альфонса, но, по видимому, это продолжалось только при жизни короля ⁵⁾. Мы не знаемъ, когда онъ воротился въ Римъ. Здѣсь его милостивцемъ былъ Виссаріонъ, но за то единственный человекъ, который принималъ въ немъ дружеское и дѣятельное участіе. Онъ доставилъ ему небольшое аббатство въ С. Джіованни а Широ въ Калабріи, уступивши ему какъ своему викарію. Профессорская дѣятельность въ римскомъ университетѣ, несомнѣнно, была почетна, но съ нею онъ голодалъ. Однако, какъ ни печальны были условія жизни для бѣднаго грека, какъ ни пламенно желалъ онъ до конца дней увидать вновь свою греческую родину, пребываніе въ скромномъ приходѣ было для него невыносимо. Для Федора было плохимъ утѣшеніемъ, когда друзья ставили ему на видъ, что онъ живетъ на почвѣ Великой Греціи. Его постоянно тянуло обратно въ Римъ, гдѣ были книги и ученые друзья.

Федоръ Газскій, безъ всякаго сомнѣнія, жилъ въ Римѣ при Павлѣ II и Сикстѣ IV. Именно къ этому времени относятся выдающіяся сочиненія его. Потомство мало оцѣнило великую заслугу, оказан-

¹⁾ Письмо Филельфо къ Барбаро отъ 28 февраля 1446 г., къ Виссаріону отъ 23 января 1448, къ королю Альфонсу отъ 23 октября 1456 г.

²⁾ Paleyug. in laudem Bessarionis.

³⁾ Elogia doctor. vigor. 26. Федоръ перевелъ на греческій языкъ сочиненіе Цицерона de senectute.

⁴⁾ Ioa. Jov. Pontanus Opp. lib. I fol. 187.

⁵⁾ См. томъ I стр. 454.

ную имъ при первыхъ изданіяхъ классиковъ, которыя обнародовалъ въ Римѣ епископъ алерійскій въ компаніи съ нѣмецкими типографами. Онъ былъ старѣйшимъ и самымъ уважаемымъ его сотрудникомъ при просмотрѣ текстовъ. Въ особенности Плиніи и Гелліи обязаны его содѣйствію тѣмъ исправнымъ видомъ, въ какомъ печатные экземпляры ихъ разошлись по всему свѣту. Здѣсь еще разъ слѣдуетъ вспомнить о томъ, что и епископъ алерійскій, подобно Федору Газскому, положилъ основаніе подобной дѣятельности въ школѣ Витторино. Быть можетъ, короткая дружба, связывавшая ихъ, началась еще въ Мантуѣ и въ «веселомъ домѣ ¹⁾».

Это явленіе поразительное, что такой достойный и трудолюбивый ученый всюду высоко цѣнился подобными себѣ, а между тѣмъ на него не обращали никакого вниманія великіе міра сего, въ другихъ случаяхъ бывшіе щедрыми меценатами. Объ этомъ ходило много анекдотовъ. Огорченный возвратился Федоръ въ свое калабрійское аббатство и умеръ тамъ около 1478 г. На этихъ грехахъ, даже наиболее достойныхъ, какъ будто тяготѣло какое проклятіе: счастье улыбалась имъ болѣею частію подъ конецъ жизни ²⁾.

Въ заключеніе упомянемъ кратко о византійцѣ Константинѣ Ласкарисѣ, такъ какъ и онъ принадлежалъ къ тѣсному дружескому кружку кардинала Виссаріона. Но онъ пріѣхалъ въ Италію уже послѣ взятія Византіи турками, и центръ тяжести его дѣятельности относится къ тому времени, котораго намъ здѣсь не приходится изображать. Изъ всѣхъ греховъ онъ самыми мрачными красками изобразилъ то жестокое гоненіе судьбы, которое постигло этихъ бѣглецовъ. Въ Италію онъ явился подобно рабу, который долженъ все переносить, потому что обязанъ заботиться о своей семьѣ. Даже переписка книгъ, которую сначала, по видимому, содержалъ себя Ласкарисъ, перестала быть для него источникомъ доходовъ: книгопечатаніе разорило переписчиковъ. Осталось одно преподаваніе, плохо вознаграждаемое. Именно въ Римѣ, куда направлялась такая масса греховъ, явилось множество докучливыхъ нищихъ. Поэтому Ласкарисъ питалъ, по истинѣ, озлобленіе противъ вѣчнаго города; онъ даже не хотѣлъ видѣть «этого Вавилона, источника всѣхъ золъ» ¹⁾.

Вообще со времени паденія Константинополя греховъ на итальянской почвѣ было такъ много, что они начали переносить свою мудрость въ другія страны. Вскорѣ они скорѣе согласны были пере-

¹⁾ Епископъ въ посвященіи Гелліи папѣ Павлу II такъ хвалитъ своего сотрудника и друга: *qui non in una aliqua seorsum facultate, sed in omnibus generatim animi ingenii disciplinis est doctissimus.* (Также у Botfield Prefacies p. 81). Письма Филельфо къ Федору отъ 22 сентября 1467 г. и къ епископу алерійскому отъ 17 мая 1470 г.

²⁾ Нѣкоторыя сочиненія при Bessarionis Opp. ed. Migne p. 985 seq. О литературной его дѣятельности лучшія свѣдѣнія у Бѣра въ Allg. Encycl. s. v. Gaza.

носить яго турецкаго владычества, чѣмъ вести жизнь всеми презираемыхъ наставниковъ среди латинянъ.

Представимъ себѣ теперь названныхъ нами итальянцевъ, каковы Валла, Поджіо, Дечембрио, также упомянутыхъ нами и другихъ грековъ при одномъ дворѣ, cadaго окруженнымъ учениками и приверженцами, почти всѣхъ въ одинаковомъ положеніи, именно служащими при курии и придворными учеными, всѣхъ при одинаковомъ занятіи, именно переводчиками съ греческаго языка, всѣхъ стремящимися потуже набить себѣ кошелекъ и пользоваться милостями папы. Весьма понятно, что въ этомъ кружкѣ разыгрывалась зависть, раздоры, клевета и брань. Латиняне и греки цѣлые годы вели ожесточенную борьбу между собою, далѣе греки въ своемъ кружкѣ, латиняне въ своемъ. Какъ Флоренція во время Николи, такъ теперь въ усиленной степени Римъ сталъ центромъ скандальной хроники ученыхъ, какъ будто папа Николай вмѣстѣ съ великими умами собралъ около себя и всю грязь литературной жизни.

Эта борьба ученыхъ имѣла общій интересъ, если происходило столкновение между такими людьми, какъ Поджіо и Валла. Они давно уже знали другъ друга, но никогда не сближались между собою. Поджіо, бывшій на 27 лѣтъ старше Валлы, уже во время папы Мартина V сердился на то, что юный Валла, едва вышедши изъ школы, рѣшился нападать на риторское искусство Цицерона, тогда какъ на него опиралась вся старшая школа гуманистовъ со временъ Петрарки, и взаимно того хотѣлъ отдать пальму первенства въ краснорѣчій Квинтилиану. Онъ видѣлъ въ этомъ просто нахальную заносчивость. Потомъ Валла презрительно отзывался о той эпитафій, которую Антонио Лоски сочинилъ въ честь Бартоломео да Монтепульчiano, говоря, что она хуже стиховъ покойнаго. Но Поджіо и Лоски были весьма близкими друзьями. Они съумѣли исходить у папы, чтобы Валлѣ было отказано, когда онъ хлопоталъ о мѣстѣ секретаря, или, по крайней мѣрѣ, Валла приписывалъ имъ эту продѣлку. Это закрыло для него доступъ къ желанному поприщу въ дорогое для него Римъ и заставило его удалиться на чужбину ¹⁾. Весьма вѣроятно, что онъ съ тѣхъ поръ желчно отзывался о Поджіо, Лоски и Ченчи, а слова его передавались имъ, и они съ насмѣшливымъ злорадствомъ приняли извѣстіе о томъ, что «новый Аполлонъ» своею книгою О наслажденіи подалъ поводъ къ нападкамъ: эпикурейское ученіе они считали давно отвергнутымъ ²⁾.

¹⁾ Valla Antid. in Poggium lib. IV (Opp. p. 252). См. т. I стр. 422 и выше стр. 79.

²⁾ Poggius epist. V, 13 ed. Tonelli. Объ отзывѣхъ Валлы насчетъ его и Лоски онъ говоритъ: Quod ego minime sum admiratus, qui novi mores illius ac loquendi arrogantiam.

Валла, привлеченный надеждою на Николая V, снова явился въ Римъ въ 1447 г. Теперь онъ сталъ первостепеннымъ писателемъ и ученымъ, далеко превосходилъ Поджіо запасомъ свѣдѣній, глубиною изслѣдованія и основательнымъ изученіемъ языка, но, можетъ быть, уступалъ ему въ непринужденной легкости слога и остроуміи. Онъ былъ соперникомъ во всѣхъ отношеніяхъ, потому что, очевидно, хотѣлъ быть товарищемъ Поджіо и по секретарству ¹⁾. Неаполитанскіе враги Валлы, Беккаделли и Фаціо, позаботились о томъ, чтобы ненависть Поджіо не ослабѣла, и передавали ему всѣ ругательства и клеветы, будто бы говорившіяся Валлою королю насчетъ Поджіо и его перевода Киропедіи ²⁾. Вскорѣ нашелся и поводъ начать борьбу. Поджіо издалъ раньше томъ своихъ писемъ. Теперь ему попался въ руки экземпляръ ихъ, принадлежавшій одному юному каталонцу, ученику Валлы, снабженный критическими замѣчаніями на поляхъ, въ которыхъ были указаны разныя ошибки противъ стилистики и варваризмы. Быть можетъ, самъ Валла не былъ критикомъ, но ученикъ, разумѣется, настроенъ былъ имъ. Поджіо, конечно, обрушился на того, кого не даромъ считалъ настоящимъ противникомъ. Такимъ образомъ къ значительному количеству инвективъ Поджіо присоединилась новая противъ Валлы. Послѣдній отвѣчалъ въ *Antidoton*, (*Возмездіе*), а Поджіо написалъ еще четыре инвективы; Валла тоже не остался въ долгу. Грамматическій споръ сталъ дѣломъ второстепеннымъ, а весь интересъ сосредоточивался скорѣ на ожесточенныхъ личныхъ нападкахъ съ обѣихъ сторонъ. Это было настоящимъ полемъ битвы для Поджіо. Если Валла выступалъ побѣдителемъ, осыпая противника самыми гнусными клеветами, то и Поджіо могъ торжествовать побѣду. Небольшими неблагоприятными поступками Валлы, дошедшими до него въ искаженной передачѣ, онъ умѣлъ мастерски воспользоваться и заклеить ихъ именемъ преступлений, даже выдумывалъ послѣднія. Онъ обвиняетъ своего противника въ обманѣ, воровствѣ, подлогахъ, ереси, пьянствѣ и распущенности всякаго рода, сочиняя пикантные анекдоты, и придумывая массу ругательствъ, какъ когда-то въ спорѣ съ Фи-

¹⁾ Эту зависть вполнѣдствіи Поджіо ясно выражаетъ *epist.* XI, 22, (ложно) утверждая, что Валла, прогнанный королемъ Альфонсомъ, бѣжалъ къ римскому двору при которомъ *multa portenta non solum nutriuntur, sed saginantur.*

²⁾ *Beccatelli epist. Gall.* IV, 12 къ Поджіо. Время, когда написано было письмо, опредѣляется упоминаніемъ о Киропедіи Поджіо, которая явилась въ Неаполѣ и о которой упоминаетъ и Поджіо *epist.* IX, 21 къ Фаціо отъ 23 ноября 1447 г. Это было около времени переселенія въ Римъ Валлы, *invidi, teterrimi atque impurissimi hominis.... illius dico, qui tam multa insipienter sapit, qui litteras tantum et syllabas scribentium aucupatur etc.* Это слова, отношеніе которыхъ къ Валлѣ ясно и изъ того, что разсказано въ томъ I на стр. 310.

дельфо. И онъ гордился именно этимъ искусствомъ — предавать презрѣнью врага непогрѣзнымъ поношеніемъ, а остроумными и нескромными выходками выставить противника въ смѣшномъ видѣ ¹⁾). И Валла не удовольствовался защитою, а уличалъ врага своего въ невѣжествѣ въ латинскомъ языкѣ и въ стилистикѣ, приводя безчисленные примѣры, и вообще относился къ нему какъ къ оступѣвшему старцу ²⁾). По истинѣ жалко было видѣть, какъ два человека, пользовавшіеся литературною извѣстностью, въ зависти и злобѣ нападали другъ на друга, какъ драчливые мальчуганы, и какъ каждый вмѣстѣ съ честью другаго топталъ въ грязь и свою собственную.

Чѣмъ дольше шель споръ, тѣмъ большее число ученыхъ вовлекалъ онъ въ свою сферу. Никколо Перотти, въ то же время 24-хъ лѣтъ отъ роду, учившійся въ Болоньѣ подъ покровительствомъ Виссаріона, но уже увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ за свою рѣчь Фридриху III и переведшій нѣсколько книгъ Поливія, вздумалъ выступить защитникомъ Валлы. Его доброжелатель Виссаріонъ, хотя не врагъ Поджіо, по видимому, одобрялъ возраженія и смѣлыя выходки Валлы ³⁾). А послѣдняго, говорятъ, поощрялъ Никколо Вольпе, потому что онъ считалъ Валлу остроумнѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ латинянъ. Поджіо это было сообщено изъ Болоньи, и онъ самъ догадывался, что кто нибудь вдохновляетъ Валлу. Онъ письменно грозилъ молодому оруженосцу и предупреждалъ его, притомъ считалъ дѣломъ неслыханнымъ, чтобы Вольпе, старый грамматикъ, до сихъ поръ неизвѣстный ему, и даже этотъ совѣтъ новый стихотворецъ, этотъ длинноволосый пѣвецъ, безчестный и безстыдный юноша, поэтъ безъ всякой поэзіи, и этотъ грекъ, оступѣвшій учитель, второй Валла по глупости и ничтожеству, дерзали мѣряться съ нимъ силами ⁴⁾). Тѣ письма, въ которыхъ Поджіо такъ честитъ молодого профессора, были переданы послѣдне-

¹⁾ Такъ напр. виѣтъ съ *epist.* XI, 5 онъ посылаетъ одному своему другу свои пять *orationum* противъ Валлы съ словами: *Scio, si eas legeris, non continebis risum, quoniam multis salibus et facetiis sunt refertae.*

²⁾ Инвективы, которыми поражали другъ друга оба бойца, есть въ ихъ сочиненіяхъ. Но въ сочиненіяхъ Поджіо нѣтъ его четвертой инвективы, хотя въ рукописяхъ она встрѣчается нѣрѣдко; см. *Giornale de'letterati d'Italia* T. XI p. 317 и *Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent.* T. III p. 438. Первая инвектива Поджіо явилась въ февралѣ 1451 г., а первый *Antidotum* Валлы въ маѣ того же года. *Apologus v. Libellus in Dialogo conscriptus* Валлы часто печатался вмѣстѣ съ *Elegantiae*. Онъ явился послѣ второй инвективы Поджіо, которая, согласно *epist.* X, 21. 22 Поджіо, тогда была переслана 20 ноября 1451 г. См. *Vahlen* въ *Vallae Opusc. tria* I p. 20 seq.

³⁾ Письмо Виссаріона къ Валлѣ въ этомъ направленіи, d. Boario (Bononiae) VIII Kal. Novembris указано въ *Tabulae codd. ma. bibl. Vindob.* vol. II p. 311.

⁴⁾ Его письма къ Перотти, Вольпе и др. въ *Miscellanea di varie operette* T. VIII p. 181 e seq. и въ *Poggii Epist.* ed. Tonelli XI, 21—41.

му и побудили его и съ своей стороны напасть на престарѣлаго канцлера съ правдивою инвективой ¹⁾. И онъ упрекалъ Поджіо въ старческомъ тупоуміи, чему впрочемъ противорѣчило признаніе въ томъ, что Поджіо выдается изъ среды всѣхъ болтуновъ, ругателей и остряковъ. Вообще же онъ нападалъ довольно удачно въ ироническомъ тонѣ и даже умѣлъ смягчить рѣзкость своихъ нападокъ на извѣстнаго всѣмъ старца тѣмъ, что сохранялъ нѣкоторую долю уваженія къ нему и являлся только защитникомъ Валлы.

Поджіо соблюдалъ до сихъ поръ еще нѣкоторую сдержанность относительно молодаго рыцаря, брани его только въ частныхъ письмахъ, а не въ публичной полемикѣ, Ему, вѣроятно, вовсе не хотѣлось ссориться съ Виссаріономъ, любимцемъ котораго былъ Перотти. Но теперь съ немъ пробудилась прежняя сварливость, и онъ рѣшилъ, что не слѣдуетъ позволять оскорблять себя. Въ одной инвективѣ онъ напалъ и на Перотти такъ свирѣпо и неприлично, какъ когда то нападалъ только на Филельфо и на Валлу ²⁾. Казалось, что снова возгорится борьба не на животь, а на смерть. Поджіо узналъ, что его противникъ по примѣру Филельфо подговаривалъ противъ него убійцъ, и флорентинская синьорія жаловалась на это болонской и тамошнему легату Виссаріону. Тогда послѣдній взялъ на себя дѣло примиренія враговъ. Онъ увѣрялъ Поджіо, что толки о злыхъ умыслахъ противъ него лишены всякаго основанія. А своего любимца онъ заставилъ смиренно просить о примиреніи, прощеніи и дружбѣ. Такъ какъ послѣдній обѣщалъ загладить свое прежнее озлобленіе искреннимъ расположеніемъ въ будущемъ, то и Поджіо обѣщалъ съ этихъ поръ любить его какъ сына. Вліяніе кардинала-мецената прекратило эту борьбу навсегда ³⁾.

Правда, борьба съ Валлою утратила острый характеръ личной вражды и соперничества съ тѣхъ поръ, какъ Поджіо оставилъ римскій дворъ и переселился во Флоренцію. Но она все таки не прекратилась, и оба унесли съ собою въ могилу ненависть другъ къ другу. Мы удивляемся тому, что папа не заставилъ молчать этихъ бойцовъ. Но онъ, по видимому, смотрѣлъ на обмѣнъ инвективъ какъ на искусную борьбу на поприщѣ краснорѣчія и реторики. Валла даже рѣшился посвятить ему книги своего *Antidoton*; вѣдь папа Николай принялъ же благосклонно

¹⁾ Она напечатана въ *Miscellanea* I. с. р. 197. Сочинена весною 1454 г., какъ видно изъ писемъ Поджіо и изъ того, что упоминается о недавно случившейся смерти Барбаре.

²⁾ Эта *Invectiva in Nicolaum Perottum* до сихъ поръ не напечатана, но перечислена у *Bandini* I. с. Т. II р. 400 Т III р. 438. Начала достаточно. *Non est miranda visio quem infamem Pusionem adelsantemque impurum, quaetara corporis improbissima fidentem, suis me maledictis mordacibus invassise etc.* Согласно письмамъ, это сочиненіе относится къ маю или июлю 1454 г.

³⁾ *Poggius epist.* XII, 5. 6. 7. 18.

сатиры Филельфо, въ которыхъ изливалась ненависть и злоба на его прежнихъ флорентинскихъ друзей. Именно во то время Николай V подарилъ Валлѣ свою рукою 500 скуди за переводъ Фужидида, а къ Поджіо относился милостиво, даже когда онъ подалъ въ отставку. Явился и другой примиритель, отъ котораго никто не ожидалъ подобнаго посредничества. Это былъ Филельфо, который хлопоталъ въ то время о примиреніи съ своими прежними флорентинскими врагами. Онъ обратился въ одно и то же время съ посланіями къ Поджіо и Валлѣ ¹⁾, совѣтовалъ обоимъ быть умѣренными и ставилъ имъ на видъ, что они только выставляютъ себя въ смѣшномъ видѣ и навлекаютъ презрѣніе въ глазахъ людей. Филельфо приводилъ изреченіе Агезилая, въ которомъ говорится, что по такимъ ругательнымъ рѣчамъ составляютъ понятіе какъ о томъ, кто ругается, такъ и о томъ, кого ругаютъ. Онъ даже съ раскаяніемъ отнесся къ своему прошлому и признавался, что теперь не можетъ безъ краски стыда читать своихъ сатиръ. Но Филельфо не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія ни на Поджіо, ни на Валлу, хотя напоминалъ имъ даже о страшномъ судѣ. Даже и примирительная попытка Барбаро, которому всегда были противны раздоры, осталась безплодною; онъ и умеръ во время этой борьбы ²⁾. Тогда Поджіо могъ считать себя пророкомъ: Валла былъ отозванъ въ лучший міръ 1 августа 1457 г., его прежній врагъ Фаціо въ ноябрѣ, а 30 октября 1459 г. и Поджіо ³⁾.

Изъ грековъ, жившихъ при дворѣ Николая V, извѣстнымъ строителемъ козней былъ Георгій Трапезунтскій, всюду служившій камнемъ преткновенія, особенно для латинянъ, для которыхъ была невыносима хвастливая заносчивость природнаго грека. Можно было предвидѣть его столкновеніе съ Поджіо, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ оба они ежедневно встрѣчались въ качествѣ папскихъ секретарей. Мы помнимъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Георгій Трапезунтскій затѣялъ первую ссору, именно съ Гварино, Поджіо выразился колко по этому поводу, хотя въ томъ же письмѣ высказалъ глубокое уваженіе къ талантамъ грека ⁴⁾. Однако, когда послѣдній пріѣхалъ въ Римъ, то между ними, по видимому установились сносныя отношенія.

1) Отъ 7 марта 1453 г.

2) Franc. Barbari epist. 234 ed. Quirino.

3) На Валлу было сочинено слѣдующее двустишіе:

Ne vel in Elysiis sine vindice Valla susurret,
Facius haud multos post obit ipse dies.

Или другое:

Ohe ut Valla silet, solitus qui parcere nulli est,
Si quaeris, quid agat: nunc quoque mordet humum.

4) См. выше стр. 124, примѣч. 1. Тутъ говорится (epist. VI, 21 edit. Tonelli) именно: *Trapezuntium vero doctissimum video hominem et admodum eloquentem, cuius scripta mihi admodum placent.*

Поджіо уже пользовался его совѣтами, переводя Киропедію Есенофонта. Папа Николай зналъ очень хорошо, что греческій языкъ былъ слабою стороною Поджіо, и потому, поручая ему переводъ Діодора, указалъ на Георгія, который будетъ помогать въ трудныхъ мѣстахъ ¹⁾). Миръ въ первый разъ былъ нарушенъ, когда Георгій получилъ изъ Венеціи извѣстіе о неблагопріятномъ отзывѣ Поджіо. На этотъ разъ Поджіо извинился и увѣрялъ именемъ своей дружбы, что слова его не должны оскорблять или унижать грека ²⁾). Очевидно, онъ хотѣлъ сохранить пріятельскія отношенія, которыя были весьма полезны для него. Но Георгій по своей желчной натурѣ не могъ простить ему колкости.

Вскорѣ произошло новое столкновение. Грекъ утверждалъ, что онъ не получалъ денегъ изъ папской казны, вѣроятно, назначенныхъ ему за общую работу съ Поджіо. Однажды они были въ папской канцеляріи вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами. Чтобы раздосадовать Поджіо, Георгій сталъ при всѣхъ хвалиться тѣмъ, что ему принадлежитъ лучшая доля участія въ его переводахъ, но этотъ благодарный для развлечения своихъ друзей написалъ противъ него инвективу и послалъ ее въ Венецію. «Ты лжешь это на свою голову!» вскричалъ Поджіо. Но озлобленный грекъ подбѣжалъ къ нему и далъ старику двѣ здоровыхъ пощечины, потому что они стали ругаться такъ запальчиво, что товарищи могли съ трудомъ развести ихъ въ разныя стороны ³⁾).

На этотъ разъ папа принялъ участіе въ дѣлѣ. Конечно, изъ за этой именно сцены Георгій Трапезунтскій долженъ былъ покинуть Римъ. Но потомъ папа простилъ его и позволилъ возвратиться, но въ то же время, по видимому, обязалъ помириться съ Поджіо. Только при этомъ условіи и понятно, что они вели потомъ переписку между собою. Георгій Трапезунтскій раньше жаловался папѣ, что Поджіо посылалъ въ Неаполь бандитовъ убить его. Поджіо отвергалъ это обвиненіе, но въ презрительномъ тонѣ. «Могу поклясться тебѣ всѣмъ святымъ: я не только не замышлялъ убить тебя, но напротивъ воспоминаю такъ ивглядилось изъ моей памяти, что я едва могъ бы сказать, живъ ты или умеръ. Мнѣ нужно бы было много свободного времени, чтобы помнить о Георгіи Трапезунтскомъ. У меня никогда не было и на мысли подобнаго преступленія, да и теперь я чуждъ этого; я даже по многимъ причинамъ долженъ желать, чтобы ты еще пожилъ, потому

¹⁾ Самъ Поджіо признается ему: *debeo enim tibi plurimum, qui mihi adiutor praecipuus fueris in traductionibus meis.* Заявленіе Георгія у *Georgius Vita Nicolai V.*

²⁾ Poggius epist. X, 9 къ Георгію отъ 18 февраля (1450 г.).

³⁾ Vallae Antid. in Poggium lib. I ad fin. (Opp. p. 273). Тутъ мы узнаемъ также, что это случилось 4 мая (1451 г.).

что ты потерялъ чрез ростовщичество свои деньги, которыми такъ гордился ¹⁾». Подобный тонъ, впрочемъ вполне соответствовавшій и тону Георгія, конечно, не повелъ къ примиренію. Да въ немъ и не было надобности, такъ какъ самъ Поджіо въ скоромъ времени уѣхалъ изъ Рима.

Насколько мы знаемъ, всё итальянцы были на сторонѣ Поджіо и противъ грека. Даже Валла не могъ сочувствовать ему. Это презрѣніе къ грекамъ было почти единственною чертою, общею у всѣхъ итальянскихъ ученыхъ, жившихъ при папскомъ дворѣ. Если Поджіо хотѣлъ какъ слѣдуетъ изругать такихъ противниковъ, какъ Валла и Перотти, то называлъ ихъ *semigraeculi* (полугреки).

Греки съ своей стороны не составляли дружной семьи. Вскорѣ между ними начались частные раздоры, какъ напр. у Георгія съ Ѳеодоромъ Газскимъ, который публично порицалъ его грамматическія опредѣленія, а потомъ между ними возникъ споръ о томъ, кто выше, Платонъ или Аристотель, такъ что всё греки раздѣлились на два враждебныхъ лагеря. Они вели между собою постоянную борьбу еще долго послѣ смерти Николая V. Гемистъ Плетонъ считалъ ученія обоихъ философовъ совершенно несогласимыми, превозносилъ Платона до небесъ, напротивъ Аристотеля и его приверженцевъ жестоко осмѣивалъ. Его сторону на флорентинскомъ соборѣ держалъ Никколо Сагундино; онъ упрекалъ Аристотеля въ томъ, что послѣдній унижалъ заслуги Платона больше изъ зависти, чѣмъ изъ любви къ истинѣ ²⁾. Брошенную имъ перчатку поднялъ Георгій Сколарій, называвшійся также Геннадіемъ, впослѣдствіи патріархъ Константинопольскій, и отвѣчалъ въ томъ же тонѣ. Конечно, Плетонъ отвѣчалъ еще рѣзче въ своемъ возраженіи. Теперь эта борьба продолжалась въ Римѣ. Ѳедоръ выступилъ противъ Платона и Плетона, Виссаріонъ явился защитникомъ Плетона, своего наставника, и Платона, воззрѣнія котораго онъ часто находилъ близкимъ къ христіанскому ученію. Ихъ споръ велся еще въ границахъ приличія. Одинъ изъ ученыхъ, пользовавшихся расположеніемъ Виссаріона, бѣжавшій грекъ Михаилъ Апостолій, думалъ угодить своему милостивцу тѣмъ, что съ глубокимъ презрѣніемъ отзывался о Ѳедорѣ Газскомъ, съ которымъ онъ соперничалъ въ переводахъ Аристотеля. Тогда Георгій Трапезунтскій явился защитникомъ этого философа и сильно нападалъ на Виссаріона. Между ними возникла ожесточенная полемика ³⁾. По мнѣнію латинянъ, Виссаріонъ вышелъ побѣдите-

¹⁾ Poggius epist. X, 25 къ Георгію отъ 12 февраля 1453 г. Только этотъ годъ и возможенъ, а не 1452-й.

²⁾ Facius de vir. illustr. p. 21.

³⁾ Boivin въ Mémoires de littérature de l'Acad. Roy. des Inscr. et Belles Lettres T. II. III (тутъ есть и упомянутое письмо Виссаріона) Paris, 1717. 1723. I. G. Buhle

лемъ изъ этой борьбы; ему сочувствовали: Онъибене изъ Виченцы, Марсилю Фичино, Беккаделли, старикъ Филельфо и Аргиропуло. Перотти, прежній любимецъ кардинала, явился даже его пособникомъ съ сочиненіемъ, направленнымъ противъ Георгія Трапезунтскаго ¹⁾).

Строгий характеръ ѳспора, который вели византийцы между собою, весьма любопытенъ въ сравненіи съ тѣми личными мотивами, которые возбуждали уроженцевъ запада другъ противъ друга. Последніе почти не принимали участія въ борьбѣ академикомъ съ перипатетиками. Однако хотя они никогда не презирали Аристотеля, все таки онъ стоялъ въ ихъ мнѣніи гораздо ниже Платона съ его таинственнымъ и возвышеннымъ ученіемъ. Платоновскія академіи, какъ римская, такъ и сгруппировавшаяся около Лоренцо де' Медичи и неаполитанская, конечно, доходили до странныхъ крайностей, однако были связующимъ звеномъ и движущею пружиною научныхъ стремленій, а не ареною для борьбы.

Такъ шли дѣла въ Римѣ при дворѣ папы Николая V, который впервые своимъ благорасположеніемъ, личнымъ участіемъ и щедростью собралъ вокругъ себя множество литераторовъ. Тутъ снова само собою является желаніе сравнить это явленіе съ флорентинскимъ кружкомъ, который въ началѣ вѣка далъ толчокъ гуманизму. Тамъ мы видѣли личности съ рѣзко опредѣленнымъ характеромъ, которые сами по себѣ могутъ считаться предвѣстниками новой эпохи и иного образованія, даже помимо ихъ трудовъ по части собиранія книгъ и литературной дѣятельности. Въ Римѣ набираются люди такъ, какъ вообще ихъ можно набирать. Друзья дома Медичи и личности, пользовавшіяся его покровительствомъ, слѣдовали одному общему направленію. Ихъ роднило единство стремленій, какъ ни отличались между собою отдѣльные индивидуумы. Они естественнымъ путемъ образовали обширный союзъ во имя науки. Между искателями милостей папы каждый думаетъ только о себѣ и о своихъ личныхъ выгодахъ, и жалкое соперничество изъ за куска хлѣба порождаетъ вражду между ними. Лѣстять лицу не лишнему достоинствъ, но и не особенно царственному: каждый отъ него получаетъ работу и награду. Если что есть между ними общаго, то не идея, а служба

Gesch. der neuern Philosophie seit der Epoche der Wiederherst. d. Wiss. Bd. II. Göttingen, 1800. Здесь есть подробное и прекрасное изложеніе спорныхъ вопросовъ. Tiraboschi T. VI p. 518—543.

¹⁾ По письмамъ названныхъ лицъ у Valentinelli Bibl. ms. ad S. Marci Venet. T. IV p. 7. 8.

при дворѣ. Расположеніе щедраго папы было въ данномъ случаѣ причиною всякаго соперничества. Его переводчиковъ больше прельщали уже деньги, чѣмъ слава, больше никакая зависть, чѣмъ литературное имя. Относительно самаго папы весьма характеристично, что онъ не давалъ или весьма неохотно позволялъ снимать копіи съ книгъ, подаренныхъ ему и оплаченныхъ имъ; онъ хотѣлъ, чтобы и право собственности и слава оставались за нимъ однимъ ¹⁾.

Побудительнымъ причинамъ соотвѣтствовали также успѣхъ и заслуга. Какіе сильные побуждающіе и поощряющіе мотивы идутъ отъ флорентинскихъ друзей! Они сознаютъ свое назначеніе—пробудить минувшее и навсегда спасти его отъ забвенія. Они изслѣдуютъ и собираютъ съ юношескимъ одушевленіемъ, а вновь найденное побуждаетъ къ дальнѣйшимъ усиліямъ. Они отправляются въ дальнія страны и потомъ собираютъ въ одно мѣсто разсѣянныя сокровища минувшихъ временъ, въ свою Флоренцію. Ученые эти неустанно стремятся къ тому, чтобы изучить ихъ, освѣтить, разъяснить ихъ сущность. Въ ихъ перепискѣ живо чувствуется усиленное біеніе пульса этой юной жизни.

Литературный Римъ Николая V не больше какъ искусственное и блѣдное продолженіе литературной Флоренціи, а уже не самобытное явленіе. Онъ уже призванъ не возрождать и оживлять древность, а разрабатывать добытый матеріалъ и тщательно сохранять его. На мгновеніе насъ можетъ привести въ заблужденіе масса ученыхъ, сгруппировавшихся вмѣстѣ въ кратковременное первосвященство Николая V, и число ихъ трудовъ. Но кто умѣлъ соображать и цѣнить, тотъ долженъ былъ вскорѣ умѣрять свой приговоръ. Уже Валла, хваля папу въ глаза, опредѣлилъ его намѣренія слѣдующимъ образомъ: «Ты приказалъ намъ, знающимъ оба языка, завоевать для тебя всю Грецію, насколько мы можемъ, т. е. переводить для тебя греческія книги на латинскій языкъ ²⁾». Теперь обратимъ вниманіе на то, какія мысли возникли въ умѣ Пія II при обзорѣ дѣятельности ученыхъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ придворные литераторы его предшественника разошлись въ разныя стороны. «Николай V такъ сильно возбуждалъ умы и давалъ имъ пищу, что едва ли можно найти другую эпоху, въ которую гуманистическія науки, краснорѣчіе и изящныя искусства процвѣтали бы полнѣе, чѣмъ при немъ. По крайней мѣрѣ, никто не можетъ отрицать того, что учейшіе люди посвятили ему столько книгъ, сколько не посвящали ни одному

¹⁾ Ср. письмо Георгія Трапезунтскаго къ Франч. Барбаро въ числѣ его писемъ epist. 198.

²⁾ Посвященіе его перевода Фукидида палѣ.

изъ его предшественниковъ, ни одному императору ¹⁾». А спустя полвѣка, когда сошло въ могилу цѣлое поколѣнiе, когда исчезли и малѣйшіе слѣды поклоненiя этому папѣ, одинъ проницательный историкъ литературы говорить объ эпохѣ Николая V: «Многіе при немъ трудились надъ переводами, побуждаемые ожиданiемъ награды ¹⁾».

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Въ сущности прославленный пріютъ ученыхъ, устроенный Николаемъ V, есть не больше, какъ обширное учрежденiе для переводовъ. Но мы не должны относиться съ пренебреженiемъ къ его заслугамъ. Онъ этимъ далъ весьма сильный толчокъ изученiю греческаго языка и ознакомленiю съ древностью, расширилъ ихъ и распространилъ.

Поводъ къ переводамъ и заслуга, оказанная ими, конечно бываютъ весьма разнообразны. Переводчикъ прежде всего старается оказать помощь людямъ, незнающимъ языка, потому что предполагаетъ читателя, который для своего образованiя желаетъ ознакомиться съ произведенiями другаго народа или минувшей эпохи. Только послѣ, при нѣкоторомъ освоенiи съ языкомъ, можетъ возникнуть мысль, что геній одного языка старается сблизиться съ генiемъ другаго, отразиться въ немъ, усвоить себѣ его. При этомъ естественнымъ путемъ переводчикъ начинаетъ съ переводовъ на народный языкъ, назначенныхъ для образованныхъ мірянъ, или владѣтельныхъ особъ, или знатныхъ, въ которыхъ писатель старается пробудить подобный умственный интересъ. Передача же съ греческаго языка на латинскій, съ одного мертваго на другой, только тогда имѣетъ смыслъ, когда есть кружокъ ученыхъ читателей, вполне владѣющихъ латинскимъ языкомъ и сознающихъ, что нѣкогда для римской литературы самобытною основою служила греческая, такъ что нельзя понимать первую безъ знакомства съ послѣдней.

Это поприще пройдено было и гуманистическимъ образованiемъ въ Италiи. И эта школа начала съ переводовъ на народный языкъ, о которыхъ въ настоящее время упоминается большею частію только ради ихъ значенiя для языка. А здѣсь они принимаются въ соображенiе лишь настолько, насколько насаются танихъ писателей, которые принадлежали къ числу путеводителей гуманизма, или, насколько переводчиками были сами гуманисты. Ихъ замѣчательно мало. Это объясняется тѣмъ, что въ Италiи человекъ образованный обыкновенно проходилъ чрезъ литературную школу и что даже при дворахъ владѣтельныхъ особъ латынь была болѣе или менѣе въ ходу. Предшественникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ, насколько мы знаемъ

¹⁾ Europa cap. 58.

²⁾ Coccius Sabellicus Ennead. X Lib. VI p. 719.

Брунетто Латини: онъ перевелъ рѣчи Цицерона за Марцелла, часть Реторики къ Гереннію и, конечно, нѣкоторыя другія сочиненія ¹⁾. Но для кого были исполнены эти работы, мы не знаемъ; вѣроятно, для флорентинскихъ купцовъ. Были и старыя переводы Ливія. Секко Полентоне упоминаетъ, что Боккачіо перевелъ три декады, извѣстныя въ то время; считаютъ вѣроятнымъ, что по крайней мѣрѣ переводъ четвертой декады, посвященной владѣтелю Равенны, Остазіо да Полента, сдѣланъ имъ ²⁾. Объ итальянскомъ переводѣ толкованій Григорія Великаго на книгу Юва, сдѣланномъ Заноби да Страда, можно упомянуть здѣсь ради имени автора; если эта книга часто печаталась, то обязана этимъ почетомъ чистотѣ языка, которая высоко цѣнилась ³⁾. Переводились по временамъ и сочиненія Петрарки. А самъ онъ удостоилъ передачи латинскою рѣчью одну новеллу Боккачіо, но никогда не профанировалъ классика народнымъ языкомъ. Въ скоромъ времени послѣдній сочли недостойнымъ всякаго соприкосновенія съ ученостью. Только такой второстепенный гуманистъ, какъ Пьеръ Бандидо Дечембріо, старался зарекомендовать себя своему милостивцу, герцогу Миланскому Филиппу, тѣмъ, что поднесъ ему историческое сочиненіе Курція и Светоніеву біографію Юлія Цезаря на народномъ языкѣ ⁴⁾. Надменный Филельфо нашелъ намѣреніе герцога заставить его объяснять Божественную Комедію на народномъ языкѣ столь унижительнымъ для себя и нелѣпымъ, что хотя и сдѣлалъ это, однако не скрылъ отъ герцога своей досады ⁵⁾.

Несравненно высшею заслугою считался переводъ съ греческаго языка. Это была работа ученая и преимущественно рассчитанная на ученыхъ людей. Мы не можемъ указать рѣшительно ни на одинъ примѣръ того, чтобы гуманистъ спустился съ заоблачной высоты греческаго языка до народнаго. Тутъ изящная латынь считалась единственно достойною рѣчью, и уже это одно ограничивало число лицъ, явившихся

¹⁾ Новѣйшаго изслѣдованія объ этомъ послѣ Mehus Vita Ambros. Travers. p. 157 seq. имѣ невѣстно. Ср. Hortis M. T. Cicerone p. 21. Что значать у Zacharias Iter lit. p. 29 выдержки, приведенныя изъ лувкскаго кодекса?

²⁾ Hortis Cenni di G. Boccacci intorno a Tito Livio p. 22. 71. Ergo же Studj s. opere lat. del Boccaccio p. 421 e seg.

³⁾ Filippo Villani Vite ed. Mazzuchelli p. 65.

⁴⁾ См. томъ I стр. 468. Это, конечно, ошибка будто, слѣдя Tanelli II pontefice Nicolò V, въ ватиканскомъ кодексѣ есть комментарий Цезаря въ переводѣ Дечембріо.

⁵⁾ См. томъ I стр. 470. Я намѣревался въ этомъ отдѣлѣ сообщить лишь краткія извѣстія. Въ каталогѣ бібліотеки Лоренцо Медичи у Bandini (T. V Catalogus codde. Ital.) указаны и нѣкоторые другіе переводы классическихъ писателей на народный языкъ. Но при большей части ихъ не названо имя переводчика, что, разумѣется, служить доказательствомъ, что послѣдній не ожидалъ славы отъ своего труда.

соперниками. Далѣе лишь немногіе были такъ счастливы, что учились греческому языку въ самой Греціи или получали знаніе его изъ первыхъ рукъ отъ грека, который дѣйствительно зналъ языкъ и умѣлъ цѣнить произведенія своей древней литературы. Еще меньше было людей, имѣвшихъ порядочный запасъ классиковъ. Каждый разъ намъ указываютъ какъ на что-то особенное, если у кого нибудь въ ряду книгъ есть и греческія. У многихъ, слывшихъ знатоками греческаго языка, это знаніе шло немногимъ дальше того, что въ наше время сообщается въ школахъ, и при этомъ оно лишено было основательности. Такіе люди, какъ Поджіо и Валла, чувствовали свою слабость въ пониманіи греческаго писателя, а таковой выдающійся гелленистъ, какъ Франческо Барбаро, все таки больше любилъ читать сочиненія Аристотеля въ латинскомъ переводѣ ¹⁾). Только Филельфо, собственно говоря, могъ свободно читать греческую книгу, писать и говорить на греческомъ языкѣ и въ то же время легко писать изящными стихами и прозою на латинскомъ. Поэтому, въ своей непожѣрной гордости, онъ считалъ себя какъ бы царемъ литераторовъ и съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на людей необразованныхъ, которые не знали греческаго языка или переводили съ него по ученически ²⁾). Но ни у него, ни у Гварино не было философскаго образованія, безъ котораго нельзя и представить себѣ переводчика сочиненій Платона или Аристотеля. А Гварино на западѣ по учености былъ ближе всѣхъ къ Филельфо. Это достоинство, конечно, признавали за такими греками, какъ Георгій Трапезунтскій, Ѳедоръ Газскій, Виссаріонъ, но съ другой стороны въ латинскомъ языкѣ они никогда не достигали той легкости, какою отличался Филельфо. Знаніе греческаго языка еще не было распространено. Со временъ Хризолора люди, учившіеся ему, встрѣчали такія препятствія и трудности, которыя преодолевались весьма медленно. Даже и книгопечатаніе не могло дать толчка знакомству съ этою отраслью, тогда какъ знакомство съ латинскимъ языкомъ быстро распространилось по всему свѣту вмѣстѣ съ развитіемъ книгопечатанія.

Для греческой литературы еще нужно было посредствующее звено, при помощи котораго она могла бы дать пищу гуманистическому образованію. Но были уже владѣтельные меценаты, знавшіе латинскій языкъ, въ умахъ которыхъ пробудился интересъ къ литературнымъ сокровищамъ Эллады, даже беспокойное стремленіе къ нимъ, которому можно было удовлетворить только путемъ переводовъ. Такіе

1) Ср. *epist.* 122 ed. Quirino.

2) Ср. его эпитамию, въ которой онъ обращается къ Томмазо Тебальдо, и другую подъ заглавіемъ *In eloquii Graeci depravatores y Rosmini Vita di Filelfo* Т. III р. 163. 164.

люди, какъ Козьма Медичи и Альфонсъ, король Неаполитанскій, совсѣмъ не знали греческаго языка, и не смотря на противныя увѣренія нѣкоторыхъ придворныхъ льстецовъ мы считаемъ себя вправѣ допустить, что папа Николай или мало понималъ греческій языкъ, или совсѣмъ не понималъ. Но и многіе другіе желали, чтобы имъ было легче читать греческихъ писателей, а не бороться прежде всего съ формами словъ, съ разъясненіемъ непонятныхъ мѣстъ, разбирать плохія рукописи и читать такія же пособія. Этимъ объясняется также, почему придавали такое значеніе, труду переводчика, обстоятельство иначе непонятное ¹⁾. Переводчики до извѣстной степени гордились тѣмъ, что вносили въ кругъ латинской образованности духовныя сокровища гибнущей Эллады. Дѣло переводчика называли «подаркомъ латинскому міру,» или «латинскимъ даромъ».

Уже нельзя было довольствоваться старыми переводами нѣкоторыхъ произведеній. Теперь желали знать Аристотеля, а не просто только чтить его, не желали больше выводить изъ его сочиненій или приписывать ему тайныя ученія. «Въ латинскихъ переводахъ греческихъ авторовъ, говоритъ Пій II, которому не удалось въ юности выучиться по гречески и который, живя за Альпами, нѣсколько отдѣлился отъ литературныхъ стремленій Италиі, — «особенно въ старинныхъ, нужно догадываться, что хотеть сказать авторъ; воскресни опять Аристотель, онъ не призналъ бы своимъ многого, что приписывается ему ²⁾».

Къ этому присоединилось по истинѣ странное заблужденіе, не мало поощрявшее усердіе переводчиковъ. О краснорѣчїи, считавшемся главнымъ украшеніемъ древней литературы, имѣли такое понятіе, какое слѣдовало бы имѣть, если бы Цицеронъ считался образцомъ. Читали, что онъ и вообще римляне указывали на Элладу какъ на отчизну красоты, и выводили изъ этого такое заключеніе, что этимъ краснорѣчіемъ должна была въ высшей степени отличаться Эллада. Даже знатоки греческаго языка питали глубокое уваженіе къ сужденіямъ римлянъ и не рѣшались сознаться, если были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Другіе читатели не удовлетворялись никакими переводами, даже самыми лучшими: они не находили того, чего искали, а такъ какъ не рѣшались приписывать вину чтимымъ ими грекамъ, то всегда приходилось винить переводчиковъ. Оставались при томъ убѣжденіи, что Гомеръ пѣлъ гораздо изящнѣе и восторженнѣе, Фукидидъ повѣствовалъ увлекательнѣе, Демосенъ выражался трогательнѣе, Платонъ—яснѣе и болѣе легкими предложеніями, Аристотель писалъ живѣе и эффектнѣе. До

¹⁾ Объ этомъ характеристически выражается напр. Франческо Барбаро *epist.* 127 ed. Quirino p. 185 seq.

²⁾ *Asia cap.* 71.

извѣстной степени это была черта наивная, когда папа Пій позволялъ себѣ сказать, что онъ находитъ Аристотеля, Политику котораго купилъ въ переводѣ Бруни, а Реторику читалъ въ обработкѣ Георгія Трапезунтскаго, «чуждымъ всякаго краснорѣчя», потомъ прибавляетъ, что, собственно говоря, это замѣтили многіе и не могутъ понять, какимъ образомъ Аристотель, по свидѣтельству древнихъ, могъ образованъ краснорѣчивыхъ учениковъ¹⁾. Онъ рѣшился воздержаться отъ сужденія о Ксенофоновыхъ Достопамятныхъ изреченіяхъ Сократа, потому что не можетъ читать подлинника, а въ латинскомъ переводѣ они ему не нравились. Понятно, что онъ находилъ Арріанову Исторію походовъ Александра Великаго весьма сухою. У итальянскихъ ученыхъ мы не припомнимъ такихъ сужденій. Переводчики старались главнымъ образомъ о томъ, чтобы своимъ латинскимъ краснорѣчіемъ нѣсколько помочь греческому. Но это опять таки давало право читателямъ думать, что со временемъ настанетъ такая пора, когда и въ переводахъ будетъ вполне блистать возвышенное краснорѣчіе грековъ.

Флоренція была матерью и переводной литературы, насколько послѣдняя была вызвана къ жизни успіями гуманистовъ. Уже переводъ поэмъ Гомера, сдѣланный Леонціо Пилато и начавшій собою рядъ переводовъ подъ эгидою Петрарки и Боккачіо, былъ исполненъ во Флоренціи. Конечно, эта работа, рассчитанная какъ бы на учениковъ и плохая, не могла служить возбуждающею силою. Пилато передавалъ только слова Гомера, а не самаго Гомера, и, навѣрное, ни въ комъ не пробудилъ желанія познакомиться съ цѣвцомъ Иліона. И лучшіе годы дѣятельности Хризолора протекли во Флоренціи. Правда, его переводъ Платоновой республики, въ которомъ переводчикъ старается вѣрно передавать каждое слово, по достоинству не много выше Иліады и Одиссеи Пилато, такъ какъ Хризолоръ не вполне владелъ латинскимъ языкомъ. Но онъ самъ очень хорошо зналъ, что простымъ буквальнымъ переводомъ не достигается высшая цѣль искусства, и обыкновенно внушалъ это своимъ ученикамъ²⁾. Толчокъ все таки шелъ отъ него. Уже его первые ученики на западѣ старались воспользоваться для переводовъ тѣми плодами, какіе они вынесли изъ изученія греческаго языка: Джіакомо да Скарпарія принялся за переводъ Космографіи Птолемея, Роберто де' Росси за сочиненія Аристотеля, Палла Строцца за Плутарха, Платона и Іоанна Златоуста.

1) Pii II Comment. p. 244.

2) Ченчи говорилъ въ протоколѣ къ своему переводу отрывка изъ оратора Аристана у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. III p. 574: Sed ut de interpretis natura aliquid dicam, ferebat. Manuel homo sine ulla dubitatione divinus, conversionem in latinum ad verbum minime valere etc.

Мы должны съ уваженіемъ относиться къ этимъ трудамъ, хотя Лионардо Бруни, самый даровитый изъ учениковъ Хризолора, превзошелъ этихъ переводчиковъ ¹⁾.

Бруни посвятилъ себя преимущественно новому переводному искусству, и его можно считать отцомъ этой литературной отрасли. Имъ онъ занимался всю свою жизнь и приобрѣлъ себѣ всесвѣтную славу ²⁾. «Съ тѣхъ поръ какъ великій Хризолоръ, говоритъ онъ, принесъ въ Италію изученіе греческаго языка, гдѣ его уже не знали въ теченіи 700 лѣтъ, мы, молодые люди, образованные имъ, всѣ наши помыслы обратили на то, чтобы пополнить пробѣлы латинской литературы греческими произведеніями. Это была прекрасная юношеская пора подобныхъ трудовъ, когда сердце наполнялось радостнымъ чувствомъ новаго и рѣдкаго знанія». Бруни, конечно, по совѣту Хризолора, принялся за трудъ скромнѣе и систематичнѣе, чѣмъ тѣ флорентинцы, которые прямо хватались за высшія задачи, но не могли сладить съ ними. Онъ началъ не съ Аристотеля или Платона, а съ небольшихъ сочиненій, весьма понятныхъ, почти съ упражненій. Первымъ его трудомъ въ этомъ родѣ было слово св. Василія о пользѣ изученія языческой литературы, апологія занимающихся ею, на которую впослѣдствіи такъ часто любили ссылаться. Онъ съ признательнымъ чувствомъ посвятилъ ее Салютато, который помогъ ему въ изученіи греческаго языка; онъ поднесъ ему въ даръ ее «какъ будто прямо изъ Греціи». Въ то время Салютато первый прикрылся ею, какъ щитомъ, отъ нападеній монаховъ, враговъ языческой поэзіи ³⁾.

За тѣмъ слѣдовали рѣчи Демосѣена, сначала, конечно, говоренная по поводу Херсонеса, которую Бруни въ ноябрѣ 1406 г. посвятилъ Никколи, въ то время еще бывшему его лучшимъ другомъ. Съ нимъ вмѣстѣ онъ слушалъ Хризолора ⁴⁾. Потомъ была переведена рѣчь противъ Эскина ипосвящена Бартоломео Капрѣ, епископу Кремонскому, рѣчь Эскина противъ Ктезифона и знаменитая рѣчь его великаго противника

¹⁾ См. томъ I стр. 162. 212. 214. 269 и выше стр. 98. 99.

²⁾ Порядокъ появленія переводовъ Бруни опредѣляется изъ посвященій и предисловій. Указаніе на ходъ этихъ научныхъ трудовъ онъ сообщаетъ въ предисловіи къ Федру Платона, у Schio Ant. Loschi 168 и анонимная *Laudatio Leonardi* у Bandini I. c. p. 435. Здѣсь берутся въ соображеніе больше группы, чѣмъ отдѣльные труды. За мѣчу, что я здѣсь не нахѣренъ приводить неоднократныхъ оттисковъ отдѣльныхъ переводовъ, которые указаны у Фабриціуса и другихъ библиографовъ, тѣмъ болѣе, что многихъ не выдалъ.

³⁾ *Salutati Epist. ad rev. D. Giovanni Dassaminiato ed. Stolfi* p. 221. Въ этомъ посланіи отъ 25 января 1406 г. Салютато говоритъ о переводѣ Бруни, какъ о недавно вышедшемъ. Слѣдовательно, онъ былъ сдѣланъ уже въ Римѣ, куда Бруни отправился въ мартѣ 1405.

⁴⁾ *Bruni epist. II, 5 ed. Mehus.*

о вѣнкѣ въ защиту Ктезифона. Изящною передачею ея особенно гордился Бруни и ее также хвалилъ Хризодоръ въ этой латинской формѣ ¹⁾; наконецъ третья олимпійская рѣчь. Всѣ эти переводы составили одной большой томъ, полное собраніе, которое Бруни принесъ въ даръ своему бывшему ученику, Николѣ Медичи ²⁾.

Биографіи Плутарха по своему объему и изложенію были тоже удобны для того, чтобы при переводѣ ихъ упражнять себя умственно въ часы досуга и порадовать друзей посвященіемъ. И другимъ гуманистамъ онъ служилъ для той же цѣли. Бруни отдавалъ преимущество биографіямъ римлянъ, содержаніе которыхъ легче связывалось съ извѣстными ему фактами. Насколько мы знаемъ, онъ началъ съ биографіи Марка Антонія, которая была поднесена въ даръ тоже Салютато. Въ то время онъ намѣренъ былъ перевести когда нибудь всѣ эти биографіи Плутарха ³⁾, но были переведены лишь избранныя, сначала по видимому, Эмилиј Павелъ и Гракхи, далѣе Пирръ, Серторій, посвященный имъ товарищу Антоніо Лоски, и Катонъ младшій. Демосоевъ и Цицеронъ образовали параллель, но биографія Цицерона больше приближалась къ компиляціи, потому что Бруни прибавилъ изъ другихъ источниковъ многое, чего у Плутарха не доставало. Это свободная обработка, которая въ то время не показалась предосудительною, потому что выше всего цѣнился новый матеріалъ. Такіе труды Бруни долгое время пользовались значеніемъ благодаря изящной латыни, что доказывается множествомъ сохранившихся копій. Въ подобномъ-же духѣ былъ и отзывъ такого искуснаго латиниста, какъ кардиналъ Амманнати—Пиколомини ⁴⁾. Если отнесемъ сюда же и переводъ Ксенофоновой книги о тиранѣ, его Герона, который еще былъ посвященъ Никколи, то получимъ первую группу переводовъ Бруни, которые были встрѣчены съ восторгомъ и въ первый разъ познакомили Италію съ сокровищами греческой литературы ⁵⁾.

Было несравненно труднѣе подарить латинянамъ Платона въ достойномъ его переводѣ, потому что онъ почти не соприкасался съ кру-

¹⁾ Bruni epist. X, 19 къ Никколи изъ Рима говорить объ этой работѣ: Res est summe luculenta, et Ravennati nostro (Мальпачини) valde, ut opinor, placebit, cum referatissima sit oratoris ornamentis. Хризодоръ въ письмѣ къ Бруни отъ 29 декабря 1410 г. у Cyrellus Codd. graeci bibl. Borbon.

²⁾ Bandini l. c. p. 192. Къ Николѣ Медичи писано и письмо Бруни epist. I, 13. См. томъ I стр. 285.

³⁾ Zeno Diss. Voss. T. I p. 88.

⁴⁾ Jacobi Piccolomini cardinalis Papiensis epist. 102. 106.

⁵⁾ Часть посвященія Ксенофонову Tugannus Никколи есть у Bandini l. c. p. 395. Мерусъ, упомянувшій въ предисловіи къ письмамъ Бруни и о переводѣ, сдѣланномъ ему извѣстнымъ, называетъ также *traductio actus primae comediae Aristophanis*, о подлинности котораго я ничего не могу сказать.

гомъ понятій того человѣка, который воспитался умственно на Цицеронѣ и историкахъ. И самъ Бруни смотритъ на свою обработку Платона какъ на высшую степень возможнаго ¹⁾. Однако первый его опытъ въ этой сферѣ относится еще къ тому времени, когда онъ только что кончилъ уроки Хризолора, т. е. къ 1400 г. Онъ еще былъ полонъ восторженнаго поклоненія Платону, вызваннаго Петраркой и перешедшаго отъ него къ Салютато и Никколи. Это было время, когда еще гуманисты, собственно говоря, совсѣмъ не знали Платона, но, слѣдуя словамъ Цицерона, обыкновенно съ пылкостью возставали противъ всякаго сомнѣнія въ возвышенности его философіи. Однажды Салютато узналъ, что гдѣ-то такое у Доминиканцевъ есть переводъ Федра и другихъ разговоровъ; онъ всячески старался достать копію, притомъ тщательно написанную и красивую, на пергаментѣ ²⁾. Тимея, переведеннаго Халцидіемъ, знали уже раньше, но онъ былъ рѣдокъ и его находили непонятнымъ. Старый Салютато также поставилъ своему бывшему питомцу въ священную обязанность познакомить Западъ съ Платономъ, и Бруни горячо ухватился за эту мысль, какъ за любимую задачу. Онъ намѣревался перевести всѣ сочиненія Платона, началъ съ неизвѣстнаго намъ діалога, и посвятилъ его потомъ Никколи, своему товарищу по занятіямъ, который постоянно говорилъ съ любовью о «своемъ Платонѣ». Возвышенность и изящная рѣчь философа - поэта становилась для него все яснѣе и яснѣе по мѣрѣ того, какъ онъ, въ качествѣ переводчика, заставлялъ себя обращать вниманіе на отдѣльныя мѣста и продумывать ихъ. До сихъ поръ, по его словамъ, онъ только видѣлъ Платона, а теперь полагаетъ, что познаетъ его. Бруни уяснилъ себѣ ту задачу, какая предстоитъ въ этомъ случаѣ переводчику, если онъ хочетъ удовлетворить требованіямъ образованныхъ людей своего времени. Ясность была для него первымъ условіемъ: онъ спрашивалъ себя, какъ бы выразился самъ Платонъ, если-бы писалъ по-латыни. Бруни не хотѣлъ допускать никакихъ отступленій отъ смысла, переводить слово въ слово, тамъ, гдѣ такой переводъ будетъ понятенъ, а гдѣ при этомъ условіи содержаніе останется темнымъ или не будетъ передано, тамъ онъ предпочиталъ описанія. Надобно было достигъ того, чтобы Платона можно было читать безъ затрудненія, даже съ наслажденіемъ ³⁾.

1) *Maiora iam ausi*, говоритъ онъ въ посвященіи Федра.

2) *Salutati epist.* I, 3 ed. Mehus.

3) *Leon. Bruni epist.* I, 8 къ Никколи отъ 5 сентября (1400). Годъ я опредѣляю по упоминанію въ письмѣ о *Laudatio Florentinae urbis*. См. томъ I стр. 287. Слѣдовательно, и этотъ переводъ относится къ тому времени, *cum recessis tunc primum e scholis Graecorum exissem*.

По видимому, Бруни снова принялся за Платона уже спустя нѣсколько лѣтъ. Начало, вѣроятно, было положено Федономъ, котораго онъ посвятилъ папѣ Иннокентію VIII. Кроме того, онъ перевелъ писма Платона для Козьмы Медичи ¹⁾, Горгія, который есть въ медицинской библіотекѣ, Критона, Аполлогію Сократа и, безъ сомнѣнія, напоследокъ, около 1421 г., Федра, котораго принесъ въ подарокъ, поэту Антоніо Лоски. Но именно эта работа, какъ ни высоко онъ ставилъ ее, встрѣтила мало сочувствія; Лоренцо Медичи, братъ Козьмы, сказалъ, что онъ привыкъ къ Тускуланскимъ бесѣдамъ Цицерона, а книгу Бруни тотчасъ-же бросилъ въ сторону, какъ грубую и шероховатую; и мнѣніе Траверсари было такое-же ²⁾. Быть можетъ, причина заключалась въ томъ, что Бруни давно уже отказался отъ предположенія своихъ молодыхъ лѣтъ—подарить свѣту всего Платона на латинскомъ языкѣ и ограничился только упомянутыми шестью разговорами. Правда, они въ одно время были довольно распространены, но никогда не пользовались тою же славою, какъ болѣе крупныя его работы, посвященныя Аристотелю.

Извѣстно, что Аристотель въ средніе вѣка былъ гораздо болѣе знакомъ ученымъ, чѣмъ Платонъ. Рано были сообщены арабами его сочиненія по физикѣ, а по логикѣ и метафизикѣ Боэціемъ. Были извѣстны почти всѣ сочиненія Аристотеля, какія мы въ настоящее время знаемъ, въ латинскихъ переводахъ и изложеніяхъ, иногда даже въ нѣсколькихъ, и въ сущности этотъ «философъ», которому обязаны систематикою великіе богословы, никогда не утрачивалъ своего авторитета ³⁾. Но Цицеронъ хвалитъ Аристотеля какъ писателя краснорѣчиваго и изящнаго; по его словамъ, рѣчь, льется у него золотою рѣкою ⁴⁾. Понятное дѣло, что въ его сочиненіяхъ, какія были, ничего подобнаго не оказалось; поэтому заключили, что красоты утрачены благодаря переводчикамъ и излагателямъ, и послѣднихъ вообще, часто вполнѣ справедливо, обвиняли въ томъ, что они до безобразія исказили философа. Таково было еще мнѣніе Петрарки, для котораго Аристотель на греческомъ языкѣ былъ еще недоступенъ; наконецъ онъ рѣшился высказать такой взглядъ, что у Аристотеля нѣтъ и

¹⁾ Изъ посвященія, которое есть у Zacharias Bibl. Pistor. p. 41, видно только, что это было время политическихъ бурь.

²⁾ Посвященіе Федра у Schio l. c. Ambros. Travers. epist. VIII, 8. 9.

³⁾ Jourdain Recherches critiques sur l'âge et l'origine des traductions latines d'Aristote. Nouv. édit., Paris 1843.

⁴⁾ De orat. I, 11. 49: Si Aristoteles, si Theophrastus, si Carneades.... eloquentes et in dicendo suaves atque ornatı fuerunt. etc. Acad. pr. 38, 119: fumen orationis aureum fundens Aristoteles.

слѣдовъ краснорѣчія¹⁾. Съ этимъ никогда не согласился бы Бруни, который уже видѣлъ греческіе экземпляры. И онъ находилъ, что латинскій Аристотель, или то, что выдавалось за его сочиненія, нелѣпо и темно, такъ что нельзя читать. Сочиненія великаго философа, по его словамъ, потерпѣли такое превращеніе, что онъ и самъ бы не призналъ ихъ своими — острога, которая потомъ часто повторялась²⁾. Но его воодушевляла мысль—возвратить ученому міру истиннаго Аристотеля, притомъ на изящномъ латинскомъ языкѣ, вмѣсто изувѣченнаго схоластиками какъ на Прокрустовомъ ложѣ.

Вѣроятно, Бруни началъ съ перевода обѣихъ Экономикъ; онѣ посвящены Козьмѣ Медичи, но неизвѣстно въ какое время. Надъ десятию книгами Этики онъ работалъ уже около 1414 г., и онѣ были поднесены въ даръ папѣ Мартину V, избранному въ Константицѣ³⁾. Переводъ Политики тянулся много лѣтъ. Бруни былъ привлеченъ къ этому труду герцогомъ Глостерскимъ, который восторгался его Этикою. Онъ усидчиво работалъ надъ этимъ сочиненіемъ въ то время, когда Филельфо преподавалъ во Флоренціи, и, по видимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался къ нему за совѣтомъ. Когда Филельфо оставилъ Флоренцію въ 1434 г., то работа была близка къ концу, но прошло еще три года, въ теченіе которыхъ канцлеръ республики, занятый массою дѣлъ по своей должности, просматривалъ свою рукопись, провѣряя снова каждое слово, каждое предложеніе. Наконецъ въ 1437 г. переводъ былъ конченъ и поднесенъ папѣ Евгенію IV Флавіо Бьондо. Бруни съ особенною гордостью относился къ этому труду, надъ которымъ провелъ столько ночей и столько обдумывалъ средства своего искусства. Сочиненіе это было почти неизвѣстно въ средніе вѣка, однако настолько извѣстно, что Фома Аквинскій воспользовался имъ для своей системы. Правда, былъ латинскій переводъ брабантца Вильгельма фонъ Мербеке, который, какъ намъ сообщаютъ, возникъ подъ вліяніемъ Фомы, но по видимому, былъ распространенъ лишь въ немногихъ экземплярахъ. Первый греческій текстъ, какой только былъ въ Италиі, Палла Строцца выписалъ изъ Константинополя, и по нему работалъ Бруни; быть можетъ, онъ сравнивалъ съ нимъ тотъ экземпляръ, который былъ у его пріятеля

¹⁾ См. томъ I стр. 78. 79.

²⁾ Leon. Aret. *Libellus de disputationum usu* p. 25. Я вспоминаю, что разговоръ этотъ относится къ 1401 г., слѣдовательно задолго до переводовъ Аристотеля.

³⁾ Первое свидѣтельство у Matthaеus Palmerius *de temporibus ad an. 1414*. Что Бруни перевелъ Этику въ 1416 г., какъ говорится въ одномъ кодексѣ у Bandini l. c. T. III p. 317, конечно, не можетъ относиться къ окончанію труда и его посвященію, такъ какъ Мартинъ V былъ избранъ только 11 ноября 1417 г. Изъ другаго экземпляра *ibid.* p. 173 мы видимъ тоже только то, что въ 1427 г. была снята копія.

Филельфо ¹⁾. Самое произведение онъ цѣнилъ «какъ величественное, даже царственное», выше котораго по достоинству предмета и по авторитету писателя нѣтъ ничего въ римской литературѣ. Но онъ и въ своей передачѣ думалъ достигъ того же блестящаго языка, который находилъ въ оригиналѣ ²⁾. За другія сочиненія Бруни уже не принимался: ему было около семидесяти лѣтъ. Однако кромѣ перевода двадцати сочиненій онъ написалъ также биографію Аристотеля. Это собственно компиляція изъ разныхъ римскихъ и греческихъ писателей.

Сначала эти переводы Бруни вызвали восторженные похвалы. Но онъ были преувеличены. Лишь немногіе могли оцѣнить достоинство трудовъ по сравненію съ оригиналомъ, а сотни людей восхищались яснымъ и благороднымъ языкомъ, на которомъ теперь можно было читать Аристотеля. Теперь, благодаря Бруни, были убѣждены, что узнали настоящаго Аристотеля, ходъ его идей и методу изложенія. Даже самаго переводчика называли вторымъ Аристотелемъ. Его труды быстро распространились по всей Италіи и за Альпами. Даже профессора философіи мѣстами полагали въ основу своихъ лекцій новаго Аристотеля. Такіе люди, какъ архіепископъ миланскій Антонино, мало заботившіеся о краснорѣчьи, однако цѣнили ясность слога и силу выраженія. Даже ученый грекъ позднѣйшаго времени, Андроникъ изъ Салоникъ, признававшій другихъ переводчиковъ за безсовѣстныхъ кропателей, хвалилъ вѣрность переводовъ Бруни. Альдо Мануччи старшій, издавшій въ первый разъ всѣ сочиненія Аристотеля, охотно напечаталъ бы рядомъ съ этимъ и труды Бруни, но напрасно разыскивалъ ихъ повсюду. Онъ былъ того мнѣнія, что Бруни перевелъ всего Аристотеля. Такимъ образомъ труды переводчика долго еще пользовались чуть не каноническимъ значеніемъ ³⁾.

Но были еще поклонники стараго, схоластическаго Аристотеля, которые старались по мѣрѣ силъ исправлять нѣкоторыя мѣста въ новомъ переводѣ. Они упрекали Бруни въ томъ, что онъ недоста-

¹⁾ Vespasiano Palla Strozzi § 1. Aristotelis Politicorum libri octo rec. Susemihl, Lips. 1872 p. VI. На нѣкоторое участіе Филельфо въ трудѣ намекаетъ Bruni epist. VI, 11.

²⁾ Bruni epist. VIII, 1: Est enim opus magnificum ac plane regium. VII, 7: nichil praestantius neque utilius latina in lingua reperiri: tantus est dicendi ornatus, tantaque rerum utilissimarum doctrina. Сюда же относятся epist. VIII, 6. X, 10. Самая книга съ двумя предисловіями, изъ которыхъ одно — посвященіе папѣ Евгенію, печаталась не разъ. См. Susemihl p. XXIX.

³⁾ Bruni epist. IV, 19. 22. VIII, 7. IX, 1. Franc. Barbari epist. 127 ed. Quirino p. 188. Manetti Oratio funebr. ap. Mehus in Praef. epistt. p. CI: haec Aristotelica vitio priorum interpretum corrupta atque depravata nunc primum latina effecta fuisse intelligimus etc. Facius de vir. illustr. p. 10. Raphael Volaterr. Lib. XXI. Aldus Manutius Praef. ad edit. princ. operum Aristot., Venet. 1495, у Botfield Praefaces p. 203.

точно знакомъ съ философіею. Въ числѣ такихъ критиковъ назовемъ Уго Бенци изъ Сиэны, который питалъ недовѣріе къ Этикѣ, переданной Бруни, потому что въ ней слово Аристотеля *τάχαθόν* передавалось не просто словомъ *bonum*, двумя словами *summum bonum*, ошибка, на которую потомъ часто указывали и другіе. Грекъ Дмитрій порицалъ Бруни за то, что во введеніи къ Этикѣ онъ похвалилъ и краснорѣчіе Аристотеля, и утверждалъ, что этотъ философъ былъ вовсе не краснорѣчивъ, да и не заботился о краснорѣчии. Ученый юристъ и извѣстный писатель, Альфонсо де С.-Марія изъ Картагены, впоследствии епископъ бургосскій, смотрѣлъ на новый переводъ какъ на нѣчто въ родѣ ереси, желалъ удержать греческія слова, оставшіяся непереверденными въ старой обработкѣ, и во что бы то ни стало согласить ученіе Аристотеля съ требованіями христіанской морали. Онъ отнесся также подозрительно и къ вѣрности перевода Бруни, хотя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о греческомъ языкѣ, ни о тѣхъ задачахъ, какія долженъ имѣть въ виду переводчикъ, Эти нападки глубоко оскорбляли Бруни, но о нихъ вскорѣ всѣ забыли ¹⁾.

Гораздо болѣшую цѣну имѣеть отзывъ новаго филолога, сравнивавшего Политику, переведенную Бруни, съ подлинникомъ. При этомъ оказывается, что и точность перевода далеко не заслуживаетъ той похвалы, какой онъ самъ его удостоивалъ. Переводчикъ часто жертвуетъ отдѣльными словами общему смыслу больше, чѣмъ слѣдуетъ, и часто поступаетъ при этомъ съ замѣчательною небрежностью. Онъ позволяетъ себѣ описанія, въ которыхъ едва можно узнать подлинныя выраженія оригинала, или произвольно сокращаетъ текстъ. Выраженія, которыми онъ понималъ не вполне ясно, или которыя казались ему неумѣстными, онъ просто пропускалъ. Однимъ словомъ, будучи переводчикомъ, онъ свободно распоряжался матеріаломъ какъ самостоятельный писатель ²⁾.

Подобнымъ же образомъ часто обсуждались и переводы позднѣйшихъ гуманистовъ, даже постоянно, какъ только какой-нибудь новый ученый прилагалъ къ нимъ мѣрку своего знанія языка, или взглядъ на задачу переводчика. Но, подобно Бруни, послужившему образцомъ для многихъ слѣдующихъ переводчиковъ, они пользовались при работахъ своихъ далеко не тѣми средствами, какъ филологи новѣйшаго времени для другаго круга читателей и для иныхъ цѣлей. Часто имъ приходилось довольствоваться тою рукописью, какая находилась подъ рукою, будь она хороша, или плоха, и развѣ иногда они доставали у пріятелей другую для сравненія! А гдѣ можно было достать грамма-

¹⁾ Bruni epist. IV, 22. V, 1. VII, 4. 7. IX, 11. X, 24. 26. Vespasiano Comment. di Manetti p. 98.

²⁾ Susemihl I. c. p. XXX.

тику, чтобы навести справку на счетъ рѣдко встрѣчающейся формы или конструкціи, также словарь, весьма нужный? Можно было справиться у какого-нибудь грека, но греки уже сами не особенно хорошо знали языкъ древнихъ классиковъ. Что же было дѣлать съ пропусками, съ непонятными мѣстами? Эти ученые писали, разумѣется, не для ученыхъ филологовъ, которымъ нуженъ былъ для провѣрки и для критики латинскій текстъ. Они писали для дилеттантовъ, желавшихъ читать и учиться, желавшихъ имѣть новый матеріалъ и требовавшихъ яснаго, легкаго и красиваго слога. Имъ нельзя было давать греческаго писателя со всѣми его трудностями и неясностями, текстъ котораго былъ испорченъ; онъ долженъ былъ явиться красивымъ подаркомъ для латинскаго міра, достойнымъ имени гелленовъ. Не изъ научныхъ соображеній, а ради насущной цѣли Бруни и позднѣйшіе переводчики смѣло жертвовали филологическою точностью. Если работа была сколько-нибудь добросовѣстна, то авторъ гордился своимъ трудомъ, а читатель относился къ нему съ благодарностью. Особенною же заслугою считалось со стороны переводчика, если онъ передавалъ греческаго философа и историка съ тѣми приемами римскаго краснорѣчія, красоты котораго естественнымъ образомъ предполагались и въ оригиналѣ. Такіе переводы были «подаркомъ для латинянь».

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на тѣ странныя для насъ вольности въ своихъ трудахъ, которыя позволялъ себѣ Бруни въ позднѣйшіе годы. Онъ почти не находилъ различія между изложеніемъ и переводомъ и ставилъ свое имя, а не имя древняго писателя подъ довольно свободно обработаннымъ сочиненіемъ. Онъ на этотъ путь уже въ біографіи Цицерона вступилъ. Свои Записки о греческой исторіи онъ посвятилъ рыцарю Анджело Акціайоли, какъ самостоятельный трудъ, не упоминая имени Ксенофонта, хотя заимствовалъ все изъ его греческой исторіи (*Hellenica*). Такъ же точно и его Записки о второй пунической войнѣ были собственно передѣлкою Поливія, хотя на такое происхожденіе ихъ не обратили вниманія при многочисленныхъ копіяхъ и перепечаткахъ, безъ сомнѣнія, и въ посвятителномъ экземпляръ Бруни. О тайнѣ или обманѣ тутъ не можетъ быть рѣчи; уже Траверсари зналъ, въ чемъ дѣло, когда Бруни принялся за работу ¹⁾. Не иначе, разумѣется, поступилъ Бруни и съ 4 книгами о войнѣ итальянцевъ съ готами, которыя уже въ 1441 г. посвятилъ кардиналу Чезарини. Онѣ навлекли на него прямо обвиненіе въ литературной кражѣ. Эти тоже не больше, какъ обработка Прокопія, но Бруни нигдѣ не называлъ имени этого автора. Первый, кто обнаружилъ

¹⁾ *Ambros. Travers. epist. VI, 14* къ Барбаро: *Leonardus Aretinus commentaria Scribere de primo bello Punico et Polybio coepit, opus, ut audio, egregium etc.*

это, былъ Флавіо Бьондо, когда писалъ свою всемірную исторію; это случилось еще при жизни Бруни. Для своихъ цѣлей Бьондо внушилъ мысль о переводѣ Прокопія, который и былъ сдѣланъ, вѣроятно, молодымъ римляниномъ Христофоро Персона, и къ своему крайнему изумленію нашель, что все это уже есть въ сочиненіи Бруни ¹⁾. Но и самъ Бруни не признаетъ за собой другой заслуги, кромѣ свободной обработки Прокопія; онъ указываетъ на цѣль и говоритъ о своемъ отношеніи къ ней, именно что онъ поступалъ точно такъ же, какъ напр. Ливій съ Валеріемъ Анціемъ или Поливіемъ ²⁾. Если онъ не называетъ Прокопія, то можно допустить и то, что и въ греческой рукописи не было упомянуто его имени. Именно такая форма обработки дала Бруни возможность свободно обнаружить свой талантъ по части компіляціи, приведенія матеріала въ порядокъ и стилистическаго изложенія и избѣжать тѣхъ притязаній и оковъ, которыя стѣсняють переводчика.

Флорентинскіе друзья, насколько они знали по-гречески, слѣдовали примѣру Бруни, даже нѣкоторые изъ старшихъ лѣтами, бывшіе учениками Хризолора, принялись за трудъ въ качествѣ его сподвижниковъ. Роберто де Росси, старый, богатый поклонникъ музъ, бывший во многихъ отношеніяхъ образцомъ для юныхъ аристократовъ, вознамѣрился употребить свое знакомство съ греческимъ языкомъ и искусствомъ писать по латыни на переводъ сочиненій Аристотеля. Но его труды не были приготовлены къ изданію, а потому не указаны и въ каталогахъ рукописей ³⁾. Напротивъ Космографія Птолемея, которую перевелъ его другъ Джіакомо д'Анджелода Скарпаріа, слѣдующая по стопамъ своего наставника Хризолора, была дѣйствительно кончена, въ 1410 г., посвящена папѣ Александру V и нѣсколько разъ напечатана ⁴⁾. Онъ перевелъ также нѣсколько Плутарховыхъ біогра-

¹⁾ Blondus Histor. Dec. I lib. IV in princ.: ad principium finemque nihil plus habet quam Procopius. Кромѣ перевода Прокопія, сдѣланнаго Христофоро Персона (род. 1410 г.), о которомъ упоминаетъ Paulus Jovius Elogia doctor. viror. 9. 16, неизвѣстно другаго, къ которому могли бы относиться слова Бьондо.

²⁾ Bruni epist. IX, 5 ed. Mehus, также въ Epistolae Principum, Amst. 1644 p. 392, къ Чиріако анконскому отъ 31 августа (1441 г.): Est autem haec non translatio, sed opus, a me compositum, quemadmodum Livius a Valerio Antiate vel a Polybio Megalopolitano sumpsit et arbitrato suo disposuit. Epist. IX, 9 онъ говоритъ, что писалъ non ut interpres sed ut genitor et auctor. Что и Чиріако не зналъ о Прокопіи, это видно изъ его такъ наз. Itinerarium ed. Mehus p. 9 и 47: слово *purer* (недавно) показывается, въ какомъ году написано упомянутое выше письмо Бруни.

³⁾ И изъ посвященія Плутархова Фламиніина Гваріно у Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent. T. II p. 738 видно только, что отъ Росси ожидали такихъ работъ, но Гваріно не выдалъ ихъ. О Росси см. томъ I стр. 258. 269.

⁴⁾ Bandini l. c. p. 67. Valentinielli Bibl. ms. ad. S. Marci Venez. T. VI p. 5. О немъ см. томъ I стр. 211. 212. и выше стр. Didot Alde Manuce p. XXXIII зналъ четыре печатныхъ оттиска этой книги.

фій, но онѣ не имѣли значенія, хотя Гварино занимался ихъ просмотромъ и исправленіемъ; слогъ ихъ находили слишкомъ тяжелымъ и сухимъ ¹⁾).

Камальдулъ Траверсари, который тоже принадлежитъ къ числу флорентинскихъ учениковъ Хризолора, больше занимался церковными писателями. Онъ перевелъ разныя сочиненія св. Василія и Иоанна Златоуста, жизнеописаніе послѣдняго, написанное Палладіемъ, также жизнеописаніе Григорія Назіанзина, написанное пресвитеромъ Григоріемъ, проповѣди Ефрема Сирина и т. п. Потомъ онъ перевелъ всѣ сочиненія Діонисія Ареопагита; еще Паоло Джовіо хвалилъ то необычайное краснорѣчіе, съ которымъ онъ перевелъ его сочиненіе о небесной іерархіи ²⁾). Это была особая область, въ которой у Траверсари нашлось мало соотрудниковъ и послѣдователей, но далеко не мало читателей, какъ позволяетъ заключить множество копій. Любители греческаго языка были рѣдко любителями и церковной литературы, а греческіе богословы съ своей стороны рѣдко владѣли латинскою рѣчью. Поэтому и литературная извѣстность Траверсари главнымъ образомъ основывалась на этихъ переводахъ. Мы уже выше говорили о томъ, какъ онъ старался примириться съ своей совѣстью, переводя свѣтскія сочиненія; именно онъ перевелъ Діогена изъ Лаэрти и издалъ съ посвященіемъ Козьмѣ Медичи. Когда Филельфо много лѣтъ спустя сталъ изучать эту книгу, то онъ нашелъ «почти несчетное количество» ошибокъ и призналъ этотъ трудъ искаженнымъ и недѣльнымъ. Не былъ ли подобный отзывъ еще отголоскомъ его прежней злобы, затаенной со времени флорентинской борьбы ³⁾)?

Быть можетъ, всего яснѣе можно видѣть характеръ и притязанія переводнаго искусства флорентинцевъ въ трудахъ Поджіо. Онъ уже въ зрѣломъ возрастѣ началъ заниматься греческимъ языкомъ, и Ринуччи нѣсколько посвятилъ его въ чтеніе греческихъ классиковъ, а кромѣ него въ болѣе трудныхъ случаяхъ онъ прибѣгалъ только развѣ къ помощи Георгія Трапезунтскаго. Но до основательнаго пониманія греческихъ писателей онъ не дошелъ. Тѣмъ больше ему нужно

¹⁾ Bandini l. c. p. 746. Mincioiti Catalogo dei codici di Padova p. 21. Jacobi Piccolomi nei epist. 107: Guarinus et qui prior laborem hunc novit, Jacobus Angeli in suis traductionibus duri.... ac etiam parum limati.

²⁾ Jovius Elogia doctor. viror. 11. Epistolae nuncupatoriae въ переводахъ Траверсари напечатаны въ собраніи его писемъ lib. XXIII rec. Canneto и писаны большею частію къ папамъ и кардиналамъ. Рѣдко упоминаемая Opera Dionisii Areopagitae есть напр. въ Catal. codd. lat. bibl. Monac. T. II P. II p. 127.

³⁾ См. томъ I стр. 297. 327. Письмо Филельфо къ Донато Алчиаоли отъ 15 іюля 1461 г.

было прибѣгать къ помощи своего легкаго и красиваго латинскаго слога при переводѣ Киропедіи, которую онъ въ 1447 г. поднесъ въ подарокъ королю Альфонсу. Поджіо такъ смѣло и произвольно пользовался тою свободою, которую ужьренно позволялъ себѣ Бруни въ переводахъ, что изъ шести книгъ Ксенофонта сдѣлалъ восемь и, вовсе не заботясь о буквальной передачѣ каждой фразы, старался удержать только общій смыслъ. Такимъ способомъ онъ такъ видоизмѣнилъ Киропедію, какъ, по его мнѣнію, могъ-бы написать ее развѣ только римлянинъ. Переводчикъ былъ весьма доволенъ, когда такіе друзья, какъ Марсуппини, хваляли его методу и краснорѣчіе, которыми онъ улучшилъ Ксенофонта. Его ни мало не занимала мысль о томъ, сохранилъ ли при этомъ писатель свою оригинальность; любопытно, что и другіе не обращали на это вниманія, насколько мы знаемъ. Если Валла невыгодно отзывался о книгѣ, то это приписывали его личной враждѣ ¹⁾. Юный Лапо да Кастильонскій пользовался покровительствомъ Траверсари и своихъ флорентинскихъ друзей, а греческому языку учился у Филельфо. Онъ перевелъ множество небольшихъ сочиненій Лукіана и Ксенофонта, но, что важнѣе, 13 біографій Плутарха очень красивымъ латинскимъ языкомъ, такъ что ему предсказывали блестящую будущность на литературномъ поприщѣ, чему помѣшала лишь его преждевременная смерть. Такъ какъ Кастильонкіо былъ человекъ бѣдный, то эти мелкія работы давали ему случай многочисленными посвященіями зарекомендовать себя высокимъ покровителямъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ папу Евгенія IV, Ковьму Медичи, кардиналовъ Вителлески, Чезарини, Орсини и герцога Глостерскаго ²⁾.

Всѣ другія нереводныя работы, какія были сдѣланы раньше папы Николая V, или находятся въ связи съ именемъ Хризолора и стремленіями флорентинскихъ гуманистовъ, или не больше, какъ отдѣльныя явленія, которыя стоятъ внѣ обширныхъ литературныхъ общеній. Такъ Уберто Дечембрио былъ еще непосредственнымъ ученикомъ Хризолора, и когда онъ принялся за обработку Платоновой республики, которую наставникъ его перевелъ слово въ слово, то на это можно смотрѣть какъ на плодъ почтительнаго уваженія къ памяти

¹⁾ См. томъ I стр. 310. Посвященіе королю Альфонсу у Saxius p. 126. Poggius epist. IX, 23, 26, 27. Онъ говоритъ прямо: *Sed neque derogo labori meo, qui non sensim, ut multi, auctorem sum secutus, sed historiam scripserim. ut absque fastidio legi queat.* Письмо Гварано къ нему—отъ 1 августа (1448 г.) у Shepherd Vita di Poggio trad. Tonell. T. II num. XX.

²⁾ См. томъ I стр. 338 и выше стр. 32, 33. Тринадцать біографій Плутарха упоминаетъ Vocchius *Elogia* ed. Galletti p. 15, но по Bandini *Catal. codd. lat. bibl. Laurent.* T. II p. 741, 742. T. III p. 359 мы можемъ указать только на десять—Ambros. Travers. epist. XIII, 2. XXV, 36.

покойнаго. Но эту работу кончилъ уже сынъ его, Пьеръ Кандидо, и приготовилъ рукопись къ изданію. Правда, онъ не заслужилъ похвалъ, и его книга не была распространена, что объясняется самымъ ея происхожденіемъ; Пьеру Кандидо привелось защищать ее отъ одного соперника, котораго трудъ тоже не удостоился чести. Мы уже говорили о томъ, что Агапито Ченчи, римскій ученикъ Хризолора, на досугѣ въ Констанцѣ перевелъ небольшой трудъ оратора Аристиды. Но онъ никогда не брался за болѣе крупныя работы въ этомъ родѣ. И Пьеръ Паоло Верджеріо проникся во Флоренціи любовью къ гуманистическимъ наукамъ и пользовался тамъ уроками Хризолора. Аррианъ, переведенный имъ, никогда не пользовался значеніемъ, но замѣчательна судьба этой книги. Верджеріо посвятилъ ее императору Сигизмунду (Люцельбургскому), и вмѣстѣ съ нимъ она совершила путешествіе въ далекую Венгрію. Потомъ она попала въ руки Энея Сильвія Пикколомини, который въ 1454 г. подарилъ ее королю Неаполитанскому Альфонсу²⁾. Подвиги Александра Македонскаго возбудили въ послѣднемъ сильное любопытство. Но когда начали читать эту книгу въ присутствіи придворныхъ ученыхъ, то нашли слогъ столь неловкимъ и неприятнымъ, что Пикколомини долженъ былъ извиниться, передъ каждымъ говоря, что переводчикъ примѣнялся къ вкусу императора варвара. Альфонсъ поручилъ Бартоломео Фаціо просмотрѣть переводъ и исправить слогъ, чтобъ онъ былъ достоинъ великаго македонянина и королевскаго вниманія. По видимому, Фаціо зналъ плохо греческій языкъ. Но это не смутило его; онъ рѣшилъ дать только приличную форму изложенію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ совѣтовался съ другими лицами, Никколо Сагундино и Федоромъ изъ Фессалоникъ, или пропускалъ то, что ему было непонятно, дѣлалъ прибавки и измѣненія, гдѣ находилъ это нужнымъ. Короче, онъ поступилъ съ Аррианомъ, выражаясь словами одного озлобленнаго позднѣйшаго издателя этого автора, какъ оселъ, если принять во вниманіе нелѣпости перевода, и какъ разбойникъ, по отношенію къ безстыдному произволу. Однако Арриана долго еще читали въ этомъ «весьма пріятномъ переводѣ» и даже печатали³⁾. Если бы основательнѣе изучить сочиненія, написанныя для

1) См. томъ I стр. 458. О переводѣ Антонио Кассарино изъ Палермо, нигдѣ не указанномъ въ каталогѣ рукописей, см. Mongitore Bibl. Sicula T. I p. 58 и Saxius Historia lit. tyr. Mediol. p. 225. Этотъ Кассарино, какъ сообщаютъ, десять лѣтъ преподавалъ реторику въ Византіи и погибъ въ Генуѣ во время бунта въ 1444 г.

2) Письма Энея Сильвія къ королю и Бенжаделли отъ 27 и 29 января и къ послѣднему отъ 29 іюня 1454 г. въ Cod. ms. 3389 вѣнской придворной библіотеки.

3) Facius de viris ill. p. 8 e Mehus B. Facii Scripta передъ изданіемъ этого труда р. XXXXIV зр., болѣею частью по письму его современника Джиапо Курло.

государей и меценатовъ, то, вѣроятно, подобнаго рода работъ оказалось бы не мало.

Гварино, не только ученикъ Хризолора, но и продолжатель его школы на западѣ, всегда придавалъ большое значеніе переводамъ, какъ упражненіямъ въ обоихъ языкахъ и средству къ обогащенію латинской литературы. Однако самъ онъ ограничивался лишь небольшими и болѣе легкими сочиненіями до тѣхъ поръ, пока не получилъ предложенія отъ папы Николая V. За болѣе крупныя сочиненія онъ не могъ приняться въ силу своей преподавательской дѣятельности, а за Аристотеля и Платона также и по недостаточной философской подготовкѣ. Мало по малу—такъ какъ онъ рано началъ свою дѣятельность—онъ перевелъ по крайней мѣрѣ десять біографій Плутарха, нѣкоторыя изъ его небольшихъ разсужденій, а главнымъ образомъ свое любимое сочиненіе о воспитаніи дѣтей, также нѣкоторыя сочиненія Лукіана, Исократы и св. Василия ¹⁾. Постоянною темою посвященій была похвала Хризолору, какъ отцу и возстановителю этихъ занятій. Переводы Гварино считались точными и заслуживающими довѣрія, по мы видѣли также, что кардиналъ Амманати ставилъ его педантскій и лишенный гибкости слогъ наравнѣ съ слогомъ Джакомо да Скарпарія. Въ греческой школѣ Гварино переводъ считался образцовою работою развитаго питомца. Такимъ образомъ Леонардо Джустиніани въ первый разъ перевелъ Плутархова Кимона, при посылкѣ котораго Гварино послѣднему тотчасъ же пришло на мысль, какъ бы порадовалъ этотъ трудъ Хризолора, если бы онъ дожилъ до того времени. Потомъ онъ перевелъ по внушенію своего учителя біографію Лукулла и наконецъ, будучи уже судьей въ Фриулѣ, среди дѣлъ республики—біографію Фокіона ²⁾. Въ позднѣйшіе годы дѣла общественныя поглощали всю его дѣятельность, и ему пришлось проститься если не съ музами, то съ греческими любимцами своей юности. Тоже слѣдуетъ сказать и о Франческо Барбаро, самомъ способномъ ученикѣ Гварино. Едва достигши 17-ти лѣтняго возраста, онъ перевелъ изъ Плутарха біографіи Аристида и Катона, но не подарилъ другихъ литературныхъ трудовъ въ этомъ родѣ ³⁾. Такимъ образомъ изъ греческихъ писателей первымъ на западѣ

¹⁾ Девять Плутарховыхъ біографій собраны въ кодексѣ, написанномъ въ 1445, у Bandini l. c. T. II p. 740. Къ этому присоединился Лизандръ, котораго онъ посвятилъ Лиеелло д'Эсте по дню бракосочетанія *ibid.* p. 745. Фемистолозъ (*ibid.* 739) былъ посвященъ Карло Зено еще въ 1415 г. Письмо Гварино къ Николаю у *Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet.* p. 479. Замѣчательнъ переводъ Фокіона (*ibid.* p. 489), такъ какъ Гварино поощрялъ къ этой работѣ и Леонардо Джустиніани. *Rozmini Vita di Guarino vol. II p. 4. 129. Giuliari Della lett. Veron.* p. 288.

²⁾ *Mittarelli l. c. p. 490. Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 142. Bandini l. c. T. II p. 746. См. томъ I стр. 383.*

³⁾ *См. томъ I стр. 385.*

сталъ знакомъ Плутархъ, надъ которымъ могли трудиться многіе переводчики, и изъ разныхъ переводовъ составилъ сборникъ ¹⁾. Я н у с ь П а н н о н і у с ь, извѣстный ученикъ Гварино, выдержалъ испытаніе, переведши нѣкоторыя нравственныя сочиненія Плутарха и одну рѣчь Демосеена ²⁾. Отнесемъ сюда же и Онъибене да Лониго, хотя онъ учился у Витторино да Фельтре: онъ еще юношею перевелъ басни Эзопа и посвятилъ ихъ маркграфу мантуанскому Джіанъ-Франческо ³⁾.

Мы уже выше говорили о томъ, что Ауриспа былъ близокъ къ флорентинскимъ кружкамъ и даже нѣкоторое время совсѣмъ принадлежалъ Флоренціи. Какъ хорошій знатокъ греческаго языка, притомъ умѣвшій красиво писать по латыни, онъ могъ бы, подобно Бруни, обогатить латинскую литературу переводами. Но намъ извѣстна и его лѣность. Лишь случайно перевелъ онъ одно небольшое сочиненіе, Лукіанова Харона, споръ между Александромъ Великимъ, Аннибаломъ и Сципіономъ въ царствѣ мертвыхъ, Скафидіонъ, рѣчь софиста Филиска и Герокла, котораго посвятилъ папѣ Николаю V. Послѣднему онъ посвятилъ одинъ переводъ еще раньше его восшествія на папскій престолъ. Однако именно эти небольшія сочиненія, выбранныя съ тактомъ, особенно разговоры Лукіана, привлекали читателей. Это доказывается тѣмъ, что они часто встрѣчаются въ рукописныхъ сборникахъ ⁴⁾.

Извѣстно, что Филельфо сдѣлалъ нѣкоторые изъ самыхъ раннихъ своихъ переводовъ во Флоренціи, напр. рѣчи Лизія и Реторики Аристотеля. Потомъ во всю свою жизнь онъ постоянно и дѣятельно трудился на этомъ поприщѣ, такъ какъ при переводахъ небольшихъ сочиненій Плутарха и Ксенофонта, также нѣкоторыхъ рѣчей аѳинскихъ ораторовъ представлялся самый удобный случай почтить посвященіемъ того или другаго мецената. Его труды читались съ большою охотою, однако ихъ не такъ хвалили впоследствии греки, которые могли основательно судить о подобныхъ вещахъ ⁵⁾.

¹⁾ Подобный сборникъ разсматривается въ *Giornale Stor. degli archivi Toscani* vol. VII p. 135. 136.

²⁾ Въ *Jani Pannonii Opusc.* P. II.

³⁾ *Mittarelli* l. c. p. 667. Ср. томъ I, стр. 393.

⁴⁾ Cf. *Tabulae codd. ms. bibl. Vindob.* vol. I p. 103. VII p. 174. О Герокла см. выше стр. 74 прим. 2.

⁵⁾ Относительно нѣкоторыхъ трудно опредѣлять время появленія. Но рѣчь Лизія помѣчена въ одномъ вѣнскомъ кодексѣ (*Tabulae* vol. I p. 35) 9 августа 1429 г., реторика отъ 1 апрѣля 1430, обѣ изъ Флоренціи. И надгробная рѣчь Лизія въ томъ кодексѣ принадлежать, конечно, перу Филельфо, но въ такомъ случаѣ годъ 1424 совсѣмъ не вѣренъ, потому что Филельфо прѣхалъ во Флоренцію только въ апрѣлѣ 1429 г.

Самостоятельное положеніе между переводчиками занимает В а л л а, который и на этомъ поприщѣ не хотѣлъ идти торною дорогою. Онъ очень хорошо зналъ, чему научился по-гречески у упрямаго Ринуччи, который и самъ былъ небольшой гелленистъ, зналъ также, что онъ не принадлежитъ къ числу основательныхъ знатоковъ этого языка. Валла видѣлъ въ переводахъ упражненіе ума, который такимъ образомъ лучше усваиваетъ себѣ путемъ сравненія духъ и строй обоихъ языковъ. Онъ началъ скромно съ басень Эзопа, которыя почти въ то же время перевелъ и Оньибене, а послѣ Валлы его наставникъ Ринуччи. Потомъ онъ принялся за рѣчь Демосѳена о вѣнкѣ, хотя хорошо зналъ и высоко цѣнилъ переводъ ея, сдѣланный Бруни. Но его подстрекало къ труду именно это соперничество: Валла хотѣлъ доказать, что хорошо сказанное другими можно сказать еще разъ хорошо, даже надѣялся передать Демосѳена гораздо лучше, настоящимъ латинскимъ языкомъ ¹⁾. Намъ вскорѣ придется говорить объ его переводѣ *Иліады* и о тѣхъ историческихъ трудахъ, которые поручалъ ему папа Николай V, а объ его исправленіяхъ текста Вульгаты говорилось уже раньше.

Если обозрѣть все, что сдѣлано до сихъ поръ по части переводной литературы раньше Николая V, то мы увидимъ, что все это дѣлалось случайно, безъ всякой системы. Ни одинъ изъ великихъ писателей древней Эллады не былъ переведенъ цѣликомъ на латинскій языкъ. Кромѣ Бруни большая часть литераторовъ, посвящавшихъ себя этому дѣлу, пробовали свои силы на небольшихъ сочиненіяхъ. За поэтовъ еще не осмѣливались браться. Но сколько еще прозаиковъ остались совсѣмъ нетронутыми! На эту-то область и обратилъ теперь вниманіе папа. Воспитавшись въ флорентинскихъ кружкахъ, средоточіемъ которыхъ былъ когда-то Никколи, онъ слѣдовалъ за каждымъ литературнымъ стремленіемъ, о которомъ узнавалъ тамъ, съ пылкою поспѣшностью, но въ то же время съ величайшею самоувѣренностью. Ему, какъ переводчики, особенно нравились Бруни и Траверсари, которые оба умерли. Веспасіано однажды слышалъ отъ него, что онъ понимаетъ духовныхъ писателей въ переводѣ Траверсари лучше, чѣмъ другіе поняли бы ихъ при помощи безконечныхъ толкованій ²⁾. Конечною цѣлью Николая V, очевидно, было—вмѣстить въ свое

Перечень его переводовъ, сдѣланный имъ самимъ въ Indogini S. libreria, Visc. Sforz. Append. alla Parte I p. 10.

¹⁾ Est. enim relinquendus character ipse graecus, excogitandus novus, pariendae figurae, numeris omnino serviendum etc. Рѣчь въ Vallae Opuscula tria ed. Vahlen III, s. 138; также I s. 15—18. II S. 357. 435. 439.

²⁾ Vespasiano Nicola V papa § 26.

книгохранилище всю греческую литературу, насколько это позволяли наличныя силы переводчиковъ, въ хорошихъ латинскихъ переводахъ. Поэтому его придворные литераторы и другіе, которыхъ можно было найти для этого въ Италіи, всѣ, кто только зналъ по гречески и умѣлъ хорошо писать по латыни, должны были доставлять ему подобныя работы. Самъ онъ любилъ чтеніе и читалъ очень много, но не могъ прочесть всего, что для него писалось, поэтому довольствовался благороднымъ наслажденіемъ собиранія и увеличенія своихъ сокровищъ. Папа самъ раздавалъ работы, часто съ искуснымъ выборомъ, также по совѣту свѣдущаго Тортелло, а иногда по любви къ писателю и по минутному настроенію. Награждалъ онъ щедро, большею частію изъ собственныхъ рукъ и съ веселымъ видомъ.

Теперь мы укажемъ на болѣе выдающіеся плоды дѣятельности переводчиковъ при этомъ папѣ, но не по именамъ переводчиковъ, а по отдѣламъ, къ которымъ папа-собиратель чувствовалъ болѣе сильное влеченіе.

По части Аристотеля приходилось еще много работать и послѣ Бруни. Но папа былъ, по видимому, того мнѣнія, что эта работа наиболѣе свойственна природнымъ грекамъ. Мы имѣемъ положительное свидѣтельство въ пользу того, что надѣялись современемъ имѣть полное собраніе сочиненій Аристотеля въ латинскомъ переводѣ¹⁾. Но папа могъ располагать лишь скромнымъ запасомъ силъ, и вскорѣ оказалось, что ихъ далеко недостаточно для осуществленія такого обширнаго предпріятія. Георгій Трапезунтскій началъ съ перевода болѣе обширной реторики, къ чему онъ былъ, по видимому, наиболѣе способенъ, потому что самъ уже написалъ руководство къ этой наукѣ. Затѣмъ въ скоромъ времени вышелъ переводъ сочиненія о животныхъ. Мы знаемъ, что этотъ грекъ перевелъ для папы и нѣкоторые другіе трактаты философа, но знаемъ и то, что своею недобросовѣстностію навлекъ на себя его гнѣвъ. Соблазнившись милостивымъ расположеніемъ папы, онъ сдѣлался чисто наемнымъ рабочимъ, который позорно злоупотреблялъ своими талантами, чтобы полегче и поскорѣе зарабатывать деньги²⁾. Хотя онъ уже и въ то же время лишился всякаго занятія, какъ переводчикъ, однако впоследствии перевелъ много другихъ сочиненій Аристотеля, которыя однако не находили признательныхъ меценатовъ, не читались и остались не-напечатанными въ немногихъ экземплярахъ.

1) Виссаріонъ говоритъ въ посвященіи метафизики, что онъ сдѣлалъ воззваніе въ знатокамъ обохъ языковъ, ut omnes fere Aristotelis libros deluo in latinam verterent orationem.

2) См. выше стр. 124 сл.

Соперникъ его, Фѣдоръ Газскій, человекъ гораздо болѣе достойный уваженія, умѣлъ на долгое время заручиться и расположеніемъ папы. Съ его собственнаго греческаго экземпляра онъ перевелъ въ первый разъ механическія задачи, — трудъ, который уже въ то время сильно хвалилъ его покровитель Виссаріонъ ¹⁾. Потомъ онъ перевелъ книгу о животныхъ, вслѣдствіе чего подобная же работа Георгія Трапезунтскаго стала лишнею; это возбудило его непримиримую ненависть ²⁾. Обѣ эти работы долгое время пользовались необычайною славой. Паоло Джіовіо считалъ ихъ истинными приобрѣтеніями для латинскаго языка, потому что Фѣдоръ весьма искусно образовалъ новыя слова; вообще онъ находилъ, что этотъ переводчикъ пишетъ болѣе чистою латынью, чѣмъ кто либо другой ³⁾. Впрочемъ Джіовіо былъ не гелленистъ. Когда Юлій Цезарь Скалигеръ сравнилъ переводъ Фѣдора Газскаго съ подлинникомъ, то нашелъ въ первомъ много недостатковъ, а въ особенности ему казалось неумѣстнымъ то, что Фѣдоръ Газскій заставлялъ говорить Аристотеля искусственно украшеннымъ языкомъ, въ чемъ послѣдній не нуждается, что онъ старался превзойти въ этомъ отношеніи самаго Аристотеля ⁴⁾. Еще былъ бы страннѣе тотъ фактъ, приводимый Анджео Полициано, если бы онъ подтвердился, что хотя переводчикъ въ предисловіи къ исторіи животныхъ довольно презрительно смѣется надъ Георгіемъ Трапезунтскимъ, но сильно пользовался его трудомъ ⁵⁾. Не передалъ ли папа, какъ это въ то время часто бывало, Фѣдору Газскому небрежную работу его предшественника для пересмотра и исправленія?

Третьимъ переводчикомъ, трудившимся надъ Аристотелемъ, былъ Грегорио да Читта да Кастелло (Тиферна, какъ его обыкновенно называютъ): онъ перевелъ Этику, обращенную къ Никомаху, и другую къ Эвдему, обѣ съ одного экземпляра, притомъ плохаго ⁶⁾. Но его переводы, при трудахъ Бруни не пользовались значеніемъ, какъ и вообще самая личность его мало выдается. Кар-

¹⁾ О греческомъ кодексѣ, равно какъ и о самой работѣ упоминаетъ Roggius epist. XII, 1. Письмо Виссаріона къ Фѣдору Газскому см. въ его Opp. ed. Migne p. 686.

²⁾ Вслѣдствіи онъ снова просмотрѣлъ и исправилъ эту книгу передъ посвященіемъ папѣ Сиксту IV.

³⁾ Elogia doctor. viror. 26.

⁴⁾ Visus est. barbaris quibusdam, qui temere verborum tumultum quaeritant, etiam, si deo placet, Aristotelem ipsum dicendo superasse. Оцѣнка у Ваehr въ Allg. Encycl. s. v. Gaza.

⁵⁾ Ang. Politiani Epist. lib. XII et Miscell., Antverp. 1567, p. 631. Теперь лишь издатель этой книги могъ бы изслѣдовать этотъ вопросъ.

⁶⁾ Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 175. Кромѣ этого ничего неизвѣстно о множествѣ писемъ, рѣчей и стиховъ, которые записалъ этотъ Грегорио по словамъ Jac. phil. Bergomas Suppl. Chron. 284.

диналь Виссаріонъ пополнилъ собраніе сочиненій Аристотеля инымъ путемъ, взявъ на себя переводъ 14 книгъ метафизики. Странное явленіе, служащее доказательствомъ его затаенной зависти! Онъ принесть въ даръ свой трудъ не папѣ, а королю Неаполитанскому Альфонсу. Онъ считался не изящнымъ, но вѣрнымъ, показывавшимъ философскую ученость автора ¹⁾. Переводъ обѣихъ Этикъ, надъ которымъ впоследствии трудился Манетти въ Неаполѣ, былъ конченъ уже послѣ смерти папы Николая и никогда не появлялся въ свѣтъ, какъ и большая часть его сочиненій ²⁾. Кромѣ трудовъ Феодора Газскаго папа имѣлъ мало успѣха въ своемъ стремленіи имѣть переводы сочиненій Аристотеля. Труды, заказанные имъ, вскорѣ были оттѣснены на задній планъ трудами Аргиропуло, который хотя и не считался особеннымъ знаткомъ реторики, какъ Фодоръ Газскій и Георгій Трапезунтскій, за то далеко оставлялъ за собою обоихъ своимъ основательнымъ пониманіемъ философіи, какъ ученый перипатетикъ. Даже соперникъ Аргиропуло, Фодоръ Газскій, считалъ его переводы выше своихъ собственныхъ. Почти всѣ они посвящены Козьмѣ Медичи или его сыну Пьеро и возникли въ связи съ тѣми лекціями, которыя Аргиропуло читалъ въ флорентинскомъ университетѣ, а не какъ заказная работа, которой Козьма вообще не любилъ. Но папа едва ли дожилъ до этого времени ³⁾.

Такимъ образомъ Римъ и Флоренція получили всѣ главныя сочиненія Аристотеля въ такой формѣ, въ основу которой былъ положенъ истинный Аристотель, свободный отъ той примѣси, которую надѣлили его арабы и схоластики. Но за то онъ былъ украшенъ цвѣтами Цицероноваго краснорѣчія, благодаря которымъ чтеніе его было пріятно для избалованнаго вкуса образованной публики. И при этомъ успѣхъ былъ громадный: средневѣковой Аристотель и его комментаторы были уничтожены, церковный авторитетъ Стагирита миновалъ навсегда, а на мѣсто всего этого явилось возрастающее пониманіе античнаго философа.

Папа Николай, по видимому, не питалъ никакого сочувствія ни къ Платону, ни къ таинственному неоплатонизму византийцевъ. Онъ все таки былъ лицо духовное и богословъ по своему образованію, такъ что не могъ ставить Платона наряду съ Аристотелемъ или выше его. И здѣсь умъ Козьмы, многообъемлющій и ко всему воспримчивый, вызываетъ на сравненіе: рядомъ съ перипатетикомъ Аргиропуло онъ нашелъ въ своемъ домѣ мѣсто и для Платона и

¹⁾ Посвященіе у Valentinelli l. c. Отъзывы у Hodius p. 167. 169.

²⁾ Vespasiano Comment. di Manetti p. 92.

³⁾ См. томъ I стр. 340. Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 613 T. III. p. 169. 225. 234. 235.

молодаго Фичино, посвященнаго еще въ дѣтствѣ Академіи, а въ своемъ умѣ—для Платона рядомъ съ Аристотелемъ. Папа остался чуждымъ того восторженнаго настроенія, которое отъ Петрарки сообщилося Салютато, а отъ Салютато Николи и Бруни, внушило послѣднему его грандіозный планъ и вызвало массу переводовъ изъ сочиненій Платона. Что касается Платоновой республики, которая всего раньше нашла читателей и всего болѣе привлекала ихъ, потому что кое-что о ней знали изъ Цицерона, то онъ, вѣроятно довольствовался тѣмъ переводомъ, надъ которымъ трудились оба Де-чембрио, хотя можно сомнѣваться въ его распространеніи. Георгій Трапезунтскій перевелъ только двѣнадцать книгъ о законахъ по порученію папы ¹⁾, но, конечно, и это доставило ему мало удовольствія. Эта та самая книга, въ которой Виссаріонъ впоследствии указалъ массу недоразумѣній и ошибокъ. Изъ разговоровъ Платона были извѣстны только тѣ, которые Бруни подарилъ латинянамъ; на греческомъ языкѣ они конечно были уже у всѣхъ болѣе богатыхъ собирателей книгъ.

Особенное вниманіе обращалъ папа Николай на великихъ историческихъ писателей Греціи. Прошлое грековъ долгое время было покрыто глубокимъ мракомъ, такъ какъ въ разсказахъ и извѣстіяхъ, сообщаемыхъ римлянами, не было никакой связи. Даже у самыхъ ученыхъ гуманистовъ въ этой области мы встрѣчаемъ грубыя ошибки. Опять Лѳонардо Бруни первый разсвѣялъ этотъ мракъ, издавши Ксенофонта въ вольной обработкѣ. Чтобы передать повѣствованія героевъ греческой историографіи достойнымъ ихъ латинскимъ языкомъ, папа выбиралъ для этого не грековъ, а лучшихъ латинистовъ, которые съ самыхъ раннихъ лѣтъ были знакомы съ Саллюстіемъ и Ливіемъ. Надѣялись, что слогъ ихъ годится для перевода Геродота и Поливія, такъ же точно, какъ отъ настоящаго Аристотеля ожидали цвѣтовъ Цицероновскаго краснорѣчія.

Фуккидида поручено было перевести для папы Валлѣ, конечно, по совѣту Виссаріона. Кардиналъ хлопоталъ и о томъ, чтобы Валлѣ было дозволено переселиться въ Римъ, и вообще высоко цѣнилъ его. Папа Николай, быть можетъ, не въ состояніи былъ вполне опредѣлить трудность задачи, но Валла это могъ сдѣлать, и его обнадеживала обѣщанная помощь кардинала. Но такъ какъ Виссаріонъ вскорѣ послѣ этого былъ посланъ легатомъ въ Болонью, то Валла, ставшій почти чужимъ въ Римѣ и имѣвшій много враговъ, не нашелъ ни у кого помощи. Однако когда переводъ былъ поднесенъ папѣ въ іюлѣ

¹⁾ Объ этомъ см. его переписку съ Барбаро въ ватиканскомъ кодексѣ, о которомъ упоминаетъ Quirini Diatriba p. 79.

1452, то послѣдній былъ очень радъ, подарилъ переводчику тотчасъ же 500 скуди и почтилъ его новымъ порученіемъ перевести Геродота. Но когда филологи впоследствии стали разсматривать эту работу, то наша переводъ Фукидида по крайней мѣрѣ «весьма неровнымъ»: переводчикъ колебался между желаніемъ выразиться хорошо по латыни и передать вѣрно текстъ». Въ немъ нашли также много ошибокъ, неточностей и вообще признали небрежнымъ ¹⁾. Надъ Геродотомъ Валла работалъ вяло и, очевидно, безъ особенной охоты. Для него было не безразлично, какъ для Георгія Трапезунтскаго, какія задачи ему давались: онъ желалъ, чтобы онъ соотвѣтствовали его вкусу. Очевидно, онъ гораздо охотнѣе посвящалъ свое время грамматической и риторической войнѣ съ Поджіо и второй обработкѣ Крассотъ. Но Валла очень хорошо зналъ, что папа сильно желалъ имѣть переводы. На обработку Фукидида онъ посвятилъ лишь два года съ половиною, но Геродотъ, писатель гораздо болѣе легкій, былъ еще не конченъ въ день смерти папы. Переводчикъ хотѣлъ поднести его тѣни покойнаго: это, конечно, сказка, которою впоследствии біографъ ученаго хотѣлъ доказать его почтительность. Намъ сообщаютъ также, что онъ поднесъ его королю Неаполитанскому Альфонсу, во время одного изъ пріѣздовъ Валлы въ Неаполь, и получилъ отъ него подарокъ. Вотъ почему и вышло такъ, что когда Валла впоследствии отправился туда, то король пожелалъ видѣть его рукопись и получилъ ее, а книга разошлась безъ посвященія. Хотя неаполитанскій ученый Понтано вообще не особенно цѣнилъ этотъ трудъ, однако послѣдній пользовался немалымъ успѣхомъ и удостоился чести быть напечатаннымъ три раза ²⁾.

При распределеніи работъ папа, конечно, не могъ обойти Поджіо, какъ стараго друга, притомъ онъ любилъ его легкій и выразительный слогъ. Онъ и раньше уговаривалъ его перевести Киропедію, которая однако потомъ была посвящена не ему, а королю Неаполитанскому Альфонсу. Теперь онъ перевелъ ему *Діодора*, притомъ только первыя пять книгъ, въ которыхъ авторъ повѣствуетъ объ Египтѣ, объ азіатскихъ народахъ и о миѣическомъ періодѣ гелленской исторіи. Вообще съ этимъ писателемъ познакомились еще недавно; онъ былъ перенесенъ, на итальянскую почву только при Евгениі IV ³⁾. Поджіо кончилъ работу въ довольно

¹⁾ См. выше стр. 79. *Epist. nuncupatoria* Валлы также у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 705. Здѣсь есть и отзывы Гудсона и Генриха Стефани. О ватиканскомъ кодексѣ см. Georgius Vita Nicolai V p. 185. Vallae Opusc. tria ed. Vahlen II §. 359. 360. Golisch de Thucydidis interpretatione a Laur. Valla latine facta Disquisitionis Specimen, Olsnae 1842. Zumpt in der Zeitschr. f. Geschichtsw. IV s. 426.

²⁾ Georgius l. c. p. 185. 207. Vahlen l. c. S. 361—369.

³⁾ Это сдѣлалъ Гаратонеда Тревиджи, епископъ пелопоннесскаго города Короны. Marini Archiatri pontif. T. I p. 153.

короткое время при помощи Георгія Трапезунтскаго, который не могъ ему въ этомъ отказать ради папы и встрѣчался съ нимъ каждый день въ канцелярш. И тутъ онъ поступалъ, по обыновенію, совершенно произвольно. Изъ одной книги греческаго писателя онъ сдѣлалъ двѣ, а текстомъ распорядился такъ свободно, что переводъ шелъ за трудъ Поджіо, такъ какъ имени Діодора не упоминалось. По его переводу нельзя было замѣтить, что подлинникъ былъ писанъ по гречески, и онъ особенно гордился этимъ. Трудъ этотъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно, читался, печатался, но никто не позаботился справиться объ его отношеніи къ Діодору. Другая половина труда была поручена Дечембріо; онъ началъ съ 16 книги, но сдѣлалъ немного больше ея. Когда папа Николай умеръ, онъ тотчасъ же оставилъ работу, потому что за нее некому было награждать ¹⁾).

Раньше этого папа поручилъ Дечембріо, своему секретарю, переводъ Аппіана. По видимому, у него самого была рукопись, хотя сильно испорченная. Но онъ слышалъ, что во Флоренціи въ библіотекѣ св. Марка есть другая. Поэтому папа обратился къ Козьмѣ Медичи, съ просьбою переслать ее въ Римъ для его переводчика. Въ сентябрѣ 1453 г. Дечембріо перевелъ три, а по счету флорентинской рукописи четыре книги: *Lubica*, *Syriaca*, *Parthica* и *Mithridatica*; онъ уже обработалъ вчергѣ и первыя двѣ книги исторіи междуособныхъ войнъ. Несомнѣнно, онъ поднесъ въ даръ папѣ первую часть своего перевода ²⁾. Но неизвѣстно въ точности, была ли посвящена еще папѣ Николаю и осталная часть его труда, или по крайней мѣрѣ поднесена, или онъ посвятилъ ее послѣ его смерти Альфонсу, королю Неаполитанскому ³⁾. Ясно, что за неточность и поверхностный характеръ перевода не вознаградила читателей чистая и искусная латинская рѣчь переводчика, все-таки трудъ его напечатанъ былъ нѣ-

¹⁾ См. посвященіе папѣ Поджіо и письмо Георгія Трапезунтскаго къ своему сыну Андрею отъ 1 іюня 1454 г. у *Georgius I. c. p. 177. Poggius epist. IX, 31 X, 1. 3. 7. Saxius p. 293. 304.*

²⁾ Въ этомъ отношеніи вопросъ рѣшается его письмомъ къ Барбаро отъ 16 сентября 1453 г. въ *Barbari epist. 227 ed. Quirino*. Первыя четыре книги съ посвященіемъ папѣ есть во флорентинскомъ кодексѣ у *Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 846. T. III p. 353*, тоже съ предисловіемъ *in priores Appiani Alexandrini libros*, которое есть у *Georgius Vita Nicolai V p. 20* въ великолѣпномъ кодексѣ лейпцигской городской библіотеки.

³⁾ См. объ этомъ у *Mendelssohn Quaestiones Appianae* въ рейнск. музеѣ für. Philol. 1876 г. 202 (здѣсь также на стр. 215 грамоту папы къ Козьмѣ Медичи отъ 7 декабря 1450 г.) и въ *Appiani Historia Romana ed. Mendelssohn vol. I Lips. 1879, Praef. p. VIII*. У *Bandini T. II p. 847* есть объ первыя книги междуособныхъ войнъ отдѣльно и съ посвященіемъ Альфонсу. Римскій экземпляръ, описанный у *Georgius I. c. p. 191*, посвящается королю прямо книги междуособныхъ войнъ, папѣ еще неизданныя, и извѣстіе въ копіи двусмысленно.

сколько разъ. Гораздо позднѣе Филельфо, желая посоперничать съ своимъ старымъ врагомъ и живя опять въ Миланѣ, тоже привился за переводъ Аппіана, но, по видимому, не кончилъ и не издалъ его ¹⁾).

Мы уже рассказывали о томъ, какъ папа поручилъ переводъ пяти книгъ Поливія молодому Перотти и какъ быстро этотъ вѣнчанннй поэтъ приобрѣлъ его расположеніе, славу и сверхъ того получилъ мѣсто папскаго секретаря. Вскорѣ послѣ послыки первой книги, служившей, конечно, пробою, папа благодарилъ его за наслажденіе, доставленное «легкостью и краснорѣчіемъ» его слога. Казалось, сочиненіе Поливія никогда и не существовало ни на какомъ языкѣ, кромѣ латинскаго. Когда же папѣ Николаю былъ поднесенъ весь трудъ, то онъ подарилъ счастливому переводчику кошелекъ съ 500 папскихъ дукатовъ новаго чекана и любезно прибавилъ, что, собственно говоря, онъ долженъ ему гораздо больше и скорѣе думаетъ еще расплатиться ²⁾. Но изящный переводъ Поливія пользовался сочувствіемъ и у другихъ читателей. Хотя Поджіо и имѣлъ непріятности съ Перотти, однако не могъ достаточно нахвалиться; онъ говорилъ, что еще не встрѣчалъ болѣе красиваго слога ³⁾. Славѣ этой книги содѣйствовало и то обстоятельство, что уже въ 1473 г. въ Римѣ ее напечатали нѣсколько разъ Швейнгеймъ и Паннарцъ, а греческій подлинникъ былъ напечатанъ только въ 1520 г., такъ что Поливій въ теченіи больше чѣмъ полувѣка былъ извѣстенъ почти только въ этомъ переводѣ Перотти. Завистники объясняли достоинства этого труда тѣмъ, что онъ выдалъ старинный переводъ Поливія за свой собственный ⁴⁾, но въ этомъ, вѣроятно, переводчикъ видѣлъ признаніе его таланта, тѣмъ болѣе пріятное. Когда Винценцій Обсопей издалъ въ первый разъ Поливія на греческомъ языкѣ вмѣстѣ съ переводомъ Перротти, то нашель, что въ послѣднемъ не только пропущены нѣкоторыя мѣста, но иногда и цѣлыя страницы, чего нельзя объяснить однимъ только искаженіемъ текста ⁵⁾. Потомъ Исаакъ Казобонъ совсѣмъ заставилъ забыть эту страпню, доказавъ,

¹⁾ Его письмо въ Джироламо Кастелло отъ 9 января 1470 г. 20 февраля онъ перевелъ двѣ книги, 30 апрѣля переводъ былъ почти конченъ. Но потомъ его работа вабыла. О томъ, что и Тортелло переводилъ Аппіана ad verbum, знаетъ только Jac. Phil. Bergotas Suppl. fol. 283, но его извѣстіе основано на какомъ нибудь недоразумѣніи.

²⁾ См. выше стр. 119. Vespasiano Nicola V Para § 26, Vescovo Sipontino § 2 (тутъ 600 дукатовъ). Посвященіи 5-й книги Николаю V у Bandini l. c. T. II p. 761. 1455-й годъ въ концѣ принадлежитъ, конечно, переписчику, но означаетъ приблизительно время окончанія труда. Но во всякомъ случаѣ объ послѣднія книги были присланы Пію II не какъ только что конченныя.

³⁾ Vespasiano Vescovo Sipontino § 2.

⁴⁾ Jovius Elogia doctor. viror. 18.

⁵⁾ У Botfield Prefaces p. 372.

что она пользуется почетомъ только въ глазахъ людей, незнающихъ греческаго языка, что Перотти не понялъ вѣрно ни одной страницы этого писателя, надѣлалъ множество ошибокъ и выказалъ свое крайне недостаточное знакомство какъ съ греческою, такъ и съ римскою исторіею ¹⁾. Такимъ образомъ и здѣсь обнаружилось, какъ слаба была способность папы и его совѣтниковъ къ оцѣнкѣ трудовъ, какъ соблазнительно дѣйствовало блескъ латинскаго краснорѣчія, какъ опасна была метода папы, который, заказывая массу работъ, и лучшихъ людей подстрекалъ работать поверхностно и недобросовѣстно.

Космографія тоже принадлежала къ любимымъ научнымъ отраслямъ папы. Птолемей давно уже былъ въ переводѣ Джакамо да Скарпарія; стало быть, слѣдовало позаботиться о Страбонѣ. Такъ какъ его сочиненіе было объемисто, то при распредѣленіи трудовъ папа раздѣлилъ его на нѣсколько частей: первая десять книгъ, въ которыхъ кромѣ введенія заключалось описаніе Европы, долженъ былъ перевести старый Гварино, а другія семь, стало быть Азію и Африку—Грегорио да Читта ди Кастелло. Вѣроятно, Гварино не легко было достать себѣ греческій экземпляръ ²⁾. Только въ мартѣ 1453 г. онъ кончилъ небольшую долю перевода и могъ передать его папѣ чрезъ Тортелло. Это была первая крупная работа, за которую онъ взялся, будучи уже 80-лѣтнимъ старикомъ. Гварино и не скрывалъ того, что ожидаетъ значительной награды за свое трудолюбіе, такъ какъ для этой работы долженъ сократить число частныхъ уроковъ и заботиться о содержаніи большой семьи. Если намъ сообщаютъ вѣрно, то по окончаніи первыхъ книгъ онъ получилъ 1000 гульденовъ золотомъ ³⁾. Гварино, по видимому, или не зналъ, или не обращалъ вниманія на то, что Грегорио въ это время трудился надъ второю половиною. Послѣ смерти папы онъ перевелъ и остальные семь книгъ и еще разъ посвятилъ все сочиненіе венеціанскому патрицію Джакомо Антонио Марчелло. Такимъ образомъ латинскій Страбонъ въ рукописяхъ встрѣчается то въ переводѣ Гварино, то—обоихъ переводчиковъ ⁴⁾. Когда епископъ алерійскій просматривалъ эту, книгу

¹⁾ Polibii Hist. ed. Is. Casaubono, Francof. 1609, Praef.

²⁾ Объ этомъ онъ просилъ Филельфо, какъ видно изъ его письма къ нему отъ 9 августа 1448 г., но Страбонъ былъ у семьи Джустиниани въ Венеціи. Экземпляръ, переданный Поджіо (epist. X, 7 ed. Tonelli) папѣ 7 декабря 1449 г., нѣвѣрное, не была часть Страбона Гварино.

³⁾ Vespasiano Nicola V § 26, Guarino Veronese § 2. Но дѣленіе по тремъ частямъ свѣта немислимо. Переписка Гварино съ Тортелло, доходящая до февраля 1455 г., слѣдовательно до самой смерти папы, по ватиканскому кодексу у Gregorius Vita Nicolai V p. 128 и у Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 174 seq.

⁴⁾ У Bandini l. c. T. II p. 72 находимъ мы libri VII posteriores Грегорио отдѣльно. Страбонъ Гварино съ двумя предисловіями, говорятъ, есть въ Венеціи, написанный его

приготовляя въ первый разъ къ печати, то велѣлъ прямо переписать трудъ Грегорио, какъ благонадежный, но въ работѣ Гварино оказалось много пропусковъ, которые пришлось пополнить по греческому подлиннику съ помощью друзей, Феодора Газскаго и Андроника. Они оба не отличались изящною латынью; такимъ образомъ почтенному имени Гварино этотъ трудъ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ въ литературномъ мѣрѣ.

Чтобы пополнить обзоръ переводной литературы, упомянемъ здѣсь о цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ трудовъ. Изъ нихъ болѣе крупныя опять дѣлались по заказу, а мелкіе были при случаѣ поднесены въ даръ папѣ, въ надеждѣ, что онъ дастъ переводчику болѣе крупную работу. Феодору Газскому, лучшему послѣдователю Аристотеля, папа поручилъ также перевести объемистое сочиненіе перипатетика Теофраста. Ученіе о растеніяхъ, и этотъ переводъ былъ тоже впоследствии въ славу, какъ Проблемы, и считался истиннымъ подаркомъ латинской литературы. Отрывокъ метафизики Теофраста папа поручилъ обработать Грегорио да Читта ди Кастелло²⁾. Мы уже говорили о томъ, что Альмагестъ Птолемея былъ очень скоро переведенъ Георгіемъ Трапезунтскимъ, но за то и безсовѣстно, и вслѣдствіе этого счастливая звѣзда злополучнаго грека померкла. Мы готовы почти думать, что папа вовсе не принялъ этой книги, чтобы не было его имени въ посвященіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ Андрей, сынъ Георгія Трапезунтскаго, нашелъ его въ бумагахъ, оставшихся послѣ отца, и поднесъ въ даръ папѣ Сиксту IV, какъ еще неизданный³⁾. Мы упоминали и о маленькомъ руководствѣ Эпиктета посвященномъ папѣ Перотти, а также о сочиненіяхъ Гипократа, переводомъ которыхъ Ринуччи пытался

рукою, а въ копіяхъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, съ извѣстіемъ, что это сочиненіе было кончено въ Феррарѣ 13 іюля 1458 г., по двумъ копіямъ 1456 г. Maffei Verona illustr. Lib. III P. II p. 75. Bandini l. c. T. II p. 71. Rosmini l. c. vol. II p. 4. Didot Alde Manuce, Paris 1876, p. XXXI тоже имѣлъ такой экземпляръ. Рукописи, въ которыхъ трудъ Гварино слѣдуетъ за трудомъ Грегорио, въ *Giornale Stor. degli archivi Tosc.* vol. VII p. 133 и въ *Tabulae codd. bibl. Vindob.* vol. I p. 1. Съ рукописи этого класса въ Римѣ, принадлежавшей, конечно, папѣ Николаю, епископу алерійскій велѣлъ напечатать латинскаго Страбона въ Римѣ, въ 1471 г. въ первый разъ. Его предисловіе у Georgius l. c. p. 187 и у Quirinus de optimorum scriptis. ed. rec. Schelhornio p. 223. Во всякомъ случаѣ трудъ Грегорио былъ конченъ раньше, чѣмъ часть Гварино; первый былъ, согласно Matthias Palmerius въ *Reg. ital. Scriptis. ed. Tarfinio ad. a. 1454* переданъ папѣ уже въ этомъ году.

1) Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 197, гдѣ указаны и оттиски. Отрывы Воссация въ письмѣ къ Феодору Газскому (Opp. ed. Migne p. 686). По Palmerius l. c. переводъ конченъ въ 1453 г.

2) Bandini l. c. p. 176.

3) См. выше стр. 127. Bandini l. c. T. II p. 71.

заслужить расположение папы ¹⁾. Лауро Квирини поднесъ папѣ небольшой переводъ, а молодой Лапо да Кастильонкіо посвятилъ Николаю разговоръ Ксенофонта о домашнемъ хозяйствѣ ²⁾. Такимъ образомъ мы видимъ наплывъ и второстепенныхъ литературныхъ знаменитостей, искавшихъ вознаграждающаго труда, и можемъ предполагать, что преждевременная смерть папы разрушила много подобныхъ надеждъ.

Теперь обратимъ вниманіе на ту задачу, которую папа считалъ вѣнцомъ переводнаго искусства, которая была его завѣтною мечтою до самой смерти. Если Греки и Римляне прославляли Гомера, какъ царя всѣхъ поэтовъ, то кто же достойнымъ образомъ перевелъ его для латинявъ гекзаметромъ? Очень хорошо знали, что такъ называемый Пиндаръ Фиванскій не можетъ быть хорошимъ переводчикомъ его, не хотѣли довольствоваться и буквальною передачею въ родѣ той, какую смастерилъ Леонціо Пилато: въ ней не было ни поэзии, ни настоящей латыни ³⁾. Однако эта заслуга Петрарки и Боккачіо повела къ дальнѣйшимъ усиліямъ въ этой сферѣ, потому что желаніе имѣть латинскаго Гомера, какъ и Платона, воодушевило Салютато и Бруни и не остывало во Флоренціи. Салютато старался внушить сочувствіе къ этому дѣлу молодому поэту Антоніо Лоски, чтобы онъ превратилъ грубую работу Пилато въ величественную героическую эпопею. Канцлеръ увѣрялъ, что въ молодыхъ лѣтахъ самъ охотно взялся бы за этотъ трудъ, если бы тогда ему былъ извѣстенъ этотъ переводъ. Лоски столь же мало зналъ по гречески, какъ и самъ Салютато. Но послѣдній не видѣлъ въ этомъ необходимости. Онъ полагалъ, что Лоски слѣдуетъ только придать изящество, вилокѣпіе выраженіямъ, что слабыя мѣста онъ можетъ нѣсколько оживить воззваніями, вопросами и другими приѣмами, сдѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пропуски, въ другихъ прибавки и искуснѣе распредѣлить матеріалъ. Сначала онъ долженъ подарить образованному міру Илиаду, а потомъ Одиссею, или хоть одну изъ двухъ поэмъ. Сначала Лоски, по видимому, горячо ухватился за эту мысль, а потомъ отказался отъ нея, боясь трудности работы ⁴⁾. Но послѣ того никто уже не смотрѣлъ такъ наивно на эту задачу, чтобы можно было создать латинскаго Гомера безъ пониманія подлинника, съ по-

¹⁾ См. выше стр. 75.

²⁾ Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 982. Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 388.

³⁾ См. выше стр. 98.

⁴⁾ Письмо Салютато къ Лоски отъ 21 іюля 1390 г. (1390) у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 570 и со вторымъ отъ 29 сентября у Schio Vita di Ant. Loschi p. 156. 157.

мощью однихъ риторическихъ украшеній. Тутъ выражается флорентинскій взглядъ на переводное искусство, еще вполне дѣтскій.

Съ стремленіемъ Салютато, безъ сомнѣнія, стоитъ въ связи и стремленіе его приверженца Ліонардо Бруни. Онъ, правда, не намѣревался переводить поэмы Гомера стихами, потому что былъ вообще не поэтъ. Но онъ передалъ изящною прозою рѣчи Феникса, Одиссея и Ахиллеса въ IX книгѣ Илиады. Это былъ опытъ, безъ сомнѣнія, относившійся къ его молодымъ годамъ, но мы понимаемъ также, почему онъ не удовлетворялъ самого переводчика. Вовсе не случайно тотъ же самый отрывокъ Марсупини перевелъ гекзаметромъ ¹⁾. Однако на первыхъ порахъ еще долгое время довольствовались прозаическими переводами, въ которыхъ ученые старались только передать содержаніе, какъ во время Боккачіо. Такъ около 1440 г. разнообразный писатель Пьеръ Кандидо Дечембрио, по желанію Хуана II, короля Кастильскаго, перевелъ 5 или 6 книгъ Илиады, во всякомъ случаѣ четыре первыхъ и десятую, притомъ стихъ въ стихъ, какъ это сдѣлалъ Пилато, какъ бы имѣя въ виду доставить пособіе ученику ²⁾. И мы нисколько не удивляемся, что подобная стряпня не распространялась. Спустя нѣсколько лѣтъ Валла обработалъ 16 книгъ Илиады латинскою прозою. Собственно непонятно, какую цѣль имѣлъ въ виду переводчикъ. Это впрочемъ не переводъ, да Валла и не хотѣлъ переводить. Напротивъ, онъ желалъ передать читателямъ вольный рассказъ о событіяхъ на основаніи поэмъ Гомера, въ текстѣ котораго по своему соображенію дѣлаетъ пропуски и вставки. Но, подвигаясь впередъ въ работѣ, онъ опять держится ближе оригинала и не старается сгладить своеобразности его эпическихъ оборотовъ. Будь Валла поэтъ, можно было бы думать, что онъ самъ такимъ образомъ расположилъ матеріалъ для вольной обработки. Но онъ, несомнѣнно, не имѣлъ въ виду подобной цѣли. Можно было бы также предположить, что это просто упражненіе въ греческомъ языкѣ и въ искусствѣ переводить, потому что переводчикъ плохо зналъ греческій языкъ. Это доказывается множествомъ ошибокъ и непонятыхъ мѣстъ. Сухой, но плавный и изящный латинскій языкъ—это лучшая сторона его труда, доставлявшая наслажденіе ему во время работы. Однако на

¹⁾ Небольшая работа Бруни рѣдко встрѣчается въ спискахъ рукописей, у Bandini Catal. codd. lat. T. III. p. 633. Она напечатана съ Praefatio у Baluzius Miscell. ed. Mansi T. III p. 151.

²⁾ Кодексъ Ambrosiana у Saxius p. 303 содержитъ въ себѣ кромѣ посвященія и Vita Homerі только 5 вв., а больше не зналъ и Фацио (de vir. illustr. p. 24). Въ письмѣ къ Альфонсу Аррагонскому отъ 1451 г. у Saxius p. 293 Дечембрио говорилъ о 6 книгахъ. Если А р д ж е л а т и указываетъ на 12, то это или ошибка, или Дечембрио впоследствии продолжалъ работу.

его переводъ сначала мало обращали вниманія, но потомъ онъ былъ нѣсколько разъ напечатанъ ¹⁾).

На взглядъ папы эти прозаическіе переводы имѣли лишь значеніе подготовительныхъ работъ. Вѣроятно, съ этою цѣлью онъ поручилъ одному филологу, неизвѣстному намъ, исправить текстъ Пиндара Фиванскаго. Онъ посвятилъ это сочиненіе въ новой формѣ папѣ Николаю. Можно было бы думать, что этотъ филологъ не кто иной, какъ Валла, который снова возвысилъ значеніе Пиндара за его чистый языкъ, столь мало цѣнимаго со временъ Петрарки; про Валлу говорили, что онъ предпочитаетъ его Виргилію ²⁾).

Гуманистамъ было, конечно, извѣстно, что изящный переводъ Гомера стихами удостоится щедрого вознагражденія со стороны папы. Поэтому естественно, что нѣкоторые изъ нихъ почувствовали вдохновеніе и послали папѣ опыты своихъ трудовъ ³⁾. Изъ поэтовъ всѣхъ способнѣе былъ къ этому дѣлу молодой Базини изъ Пермы. Онъ учился греческому языку у Федора Газскаго, давно уже освоился съ Гомеромъ, соперничалъ съ нимъ во вдохновеніи и былъ искуснымъ поэтомъ. Гекзаметры лились изъ подъ его пера легко и быстро. По видимому, онъ намѣревался воспѣть гибель Трои, слѣдовательно быть продолжателемъ Гомера. Подобно другимъ, Базини тоже желалъ

¹⁾ Самъ Валла упоминаетъ объ этой работѣ въ двухъ письмахъ къ Луриспѣ и къ кардиналу Ландриани отъ 31 декабря (1444 г.) и 21 января (1445 г.) въ *Epistolae principum* ed. Douzelino, Amst. 1644, p. 352. 359. Cf. *Pentae versionum Homeriarum Jacobi Bernaysii studio collecta* (Bonnae 1850) p. III. Vahlen передъ *Vallae Opuscula* II s. 370—374). Характеристично то, что Доренцо Занни, ученикъ Валлы, въ одномъ письмѣ отъ 1456 г. совсѣмъ не упоминаетъ о переводѣ Гомера у *Agostini Scritt. Viniz.* T. I p. 198. Первое изданіе вышло Brixiae 1474. Я читалъ его въ изданіи 1497 г. *Fabricius Bibl. lat. med. et inf. aet. ed. Mansi* T. VI p. 282 не указываетъ этихъ изданій, но 3 позднѣйшія. Вотъ для пробы начало книги, которую трудно опредѣлить: *Scripturus ego quantam exercitibus Graecis cladem excitaverit Achilles furens indignatio, ita ut passim aves feraeque cadaveribus heroum ac principum escerentur, te, Calliopa, vosque, altae sorores, sacer. musarum chorus, quarum hoc munus est proprium, et quae votibus praesidetis, invoco, ut haec me edoceatis, quae mox docere alios possim.*

²⁾ О ватиканскомъ кодексѣ и посвященія см. *Georgius Vita Nicolai V* p. 193. 210. Vahlen *Bollae opusc. tria* II s. 379. 380. Отзывъ Валлы о Пиндарѣ см. у *Jov. Pondeanus de sermone lib. I* (Opp. Cib. II Venet. 1519, fol. 193).

³⁾ *Aeneas Sylvius Europa* cap. 58: *In Homeri vero poemate quod heroico carmine latinum fieri magnopere cupiebat, cum plurimi morem ei gerere conarentur, unus tamen etc.* эти слова перифразируетъ *Jac. Phil. Bergomas Suppl. Chron. fol. 295*, прибавляя къ plurimi: *videlicet Georgius Trapezuntinus, Laurentius Valla, Gregorius Castellanus (i. e. Tifernas), Demetrius Graecus et alii nonnulli.* Откуда взялись эти имена у писателя, который хотя и дѣлаетъ ошибки, но приводитъ свои извѣстія не наобумъ? Что онъ упоминаетъ о Валлѣ, это понятно, особенно если говорить и о Пиндарѣ. Грегорио упоминается по крайней мѣрѣ какъ поэтъ. Георгій Трапезунтскій и Дмитрій не переводили Гомера и не поэты.

бы посвятить свою музу служенію папѣ Николаю V. Но задачу—сдѣлать переводъ Иліады, достойный Гомера, онъ отклонилъ отъ себя, скромно сознаваясь, что она для него непосильна. По его словамъ, онъ не рѣшился бы на это и въ томъ случаѣ, если бы обладалъ талантомъ Вергилія ¹⁾.

Но папа и въ этомъ случаѣ обратился къ переводчикамъ лично. Сначала онъ рассчитывалъ на флорентинскаго канцлера Карло Марсуппини. Послѣдній въ юные годы удачно перевелъ гекзаметрами Батрахіомахію и весьма бойкимъ языкомъ. Тогда еще убѣждалъ его Сицилиецъ Марразіо, которому онъ посвятилъ свой трудъ, перевести и Иліаду, за переводъ которой не отваживались братья и древніе римскіе поэты, водворить ее въ Тоскань, а себѣ приобрѣсти величайшую славу ²⁾. И здѣсь множество копій доказываютъ, какъ любили читать эту маленькую поэму и какъ основательны были расчеты папы на переводчика, своего флорентинскаго друга, котораго онъ кромѣ того назначилъ своимъ секретаремъ. Марсуппини съ юношескимъ восторгомъ принялъ порученіе, хотя понималъ, насколько дерзкомъ замыселъ — соперничать съ божественнымъ пѣвцомъ. Онъ перевелъ первую пѣснь Иліады и тѣ рѣчи изъ IX пѣсни, которыя Бруни

¹⁾ О немъ и его сочиненіяхъ см. томъ I стр. 531 слл. Стихи въ *Astronomicon* I, 21:

*Mox quoque Troianas cupiam qui dicere clades,
Magnanimosque duces Graiorum, actamque sub arma
Europam atque Asiae Sigaeo in litore gentem.*

Я считаю нужнымъ объяснить въ вышеупомянутомъ смыслѣ, не какъ издателя въ связи съ II, 484, а какъ увѣщаніе Малатесты къ походу противъ турокъ. Въ поэтическомъ посланіи къ Николаю V (Opp. T. II P. I p. 13. 14) онъ явно намекаетъ на желаніе папы:

*Munere quippe tuo est spes addita vatibus omnis,
Et tibi cum placeant graiae nostraeque camoenae,
Haud indigna putem, si me quoque partibus istis
Addiderim...
Forsitan id rogitas quid non ego vertere magnum
Maeonium aggrediar?... convertere nunquam
Experiar magni memorabile carmen Homeri.
Pleraque si veritas videantur rustica vel non
Digna satis.*

²⁾ Стихи Сицилильца Марразіо въ Карло въ *Carmina ill. postarum Ital.* T. VI p. 255. Приведу лишь нѣкоторые:

*Et postquam eloquio cantasti porva rotundo
Aggredere aeternam te praecor Iliadem...
Te petit ille labor, tibi gloria summa relicta est,
Sitque humeris validis Sarcina grata tuis.*

Стихи эти встрѣчаются еще у Vincenzo di Giovanni *Filologia e Letteratura Siciliana. Nuovi studi* (vol. III), Palermo 1879, p. 239.

рѣшился передать прозою. Когда онъ послалъ съ длиннымъ посвященіемъ папѣ, свой трудъ, который по истинѣ прибавлялъ новое украшеніе къ его поэтической славѣ, то послѣдній былъ изумленъ и обрадованъ. Онъ велѣлъ высказать автору свою глубокую благодарность и удивленіе, что онъ такъ вѣрно передалъ стихи Гомера и такъ удачно подражалъ ихъ изяществу и величію. А такъ какъ, по словамъ папы, занятый по должности, онъ не имѣетъ досуга, нужнаго для подобной работы, то пусть прѣзжаетъ въ Римъ. Тамъ онъ можетъ устроиться такъ, что будетъ въ состояніи вполне посвятить себя этому переводу, не заботясь ни о чемъ другомъ. Въ то же время Поджіо писалъ пріорамъ и гонфалоньеру республики, прося ихъ во имя науки отпустить канцлера. Но надежда папы не сбылась: чрезъ полгода канцлеръ республики и латинскій Гомеръ умеръ ¹⁾).

Вмѣсто него взошло новое свѣтило. Молодой римлянинъ Ораціо поднесъ папѣ опытъ своего перевода, который снова возбудилъ въ немъ блестящія надежды и другимъ тоже казался достойнымъ большой похвалы. Молодой человекъ, извѣстный папѣ раньше по стихотворенію о заговорѣ Поркари, вскорѣ получилъ должность папскаго писца, и его поощряли къ продолженію труда пышными обѣщаніями. Но переводъ его остался безъ продолженія по причинамъ, неизвѣстнымъ намъ, хотя поэтъ еще долго жилъ при римскомъ дворѣ. По видимому, были забыты и тѣ пѣсни Илиады, которыя онъ перевелъ ²⁾).

Когда и этотъ планъ не удался, оставался еще одинъ дѣятель, которому папа могъ довѣрить переводъ Гомера; это былъ Филельфо.

¹⁾ Стихотворное посвященіе Марсуппина, написанное гекзаметромъ, и большой опытъ перевода изъ первой пѣсни Илиады есть у Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 43 q. Очевидно, Гершель по ошибкѣ въ Naumann's Serapeum Bd. XVI (1855 г.) s. 335. 350. приписалъ это стихотвореніе Яну Паннионскому, потому что нашелъ его въ дрезденскомъ кодексѣ съ другими стихотвореніями его, а Авг. Абель въ Analecta ad hist. genasc. in Hungaria litt. p. 103 сообщалъ его при имени Яна Паннионскаго. Вотъ первые стихи перевода Марсуппина:

Nunc iram Aeaecidae tristem miseramque futuram
Diva, cane, et quantos Graiis dedit ille dolores etc.

Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI. Hier. Aliottus Epistt. et Opusc. T. II p. 330: Carolus Arretinus.... latinum facere Homerum est adgressus et praegustionem quandam ingenii sui nobis reliquit, librum unum aut item alterum transferens, eleganti quidem carmine ac terso etc. Двѣ грамоты папы отъ 24 октября 1452 г. сообщаетъ Mai въ Specileg. Roman. T. I p. 574, также Bartoli къ Vespasiano Carlo d'Arezzo § 2.

²⁾ Aeneas Sylvius Europa cap. 58: Iliadem aggressus nonnullos ex ea libros latinos fecit, dignos, quos nostra miraretur, prisca non improbasset actas. О Поркари см. выше стр. 62 прим. I. При папѣ Каликстѣ въ регестахъ является имя Ногасіусъ. См. Amati въ Archivio stor. Ital. ser. III. T. III P. I (1866 г.) p. 180. Здѣсь p. 27 въ каталогѣ книгъ Николая V упоминается о небольшомъ сочиненіи Traduccionez Homeri; тамъ, можетъ быть, есть и трудъ Ораціо. Подробности см. у Vahlen s. 378.

Ему дѣлались предложенія чрезъ Тортелло тайкомъ отъ герцога Миланскаго; въ нихъ выражается желаніе Николая V, которое мы не можемъ иначе назвать, какъ болѣзненнымъ. Филельфо рассчитывали отозвать отъ миланскаго двора, чтобы онъ могъ работать, ни о чемъ не заботясь. Ему предлагали хорошо устроенную квартиру въ Римѣ и доходное помѣстье въ подарокъ. Кромѣ этого папа хотѣлъ внести въ любой банкъ 100.000 цехиновъ въ вознагражденіе поэта, какъ скоро онъ кончитъ переводъ обѣихъ поэмъ. Съ нимъ уже готовы были покончить, но въ это самое время папа умеръ и унесъ съ собою въ могилу свою лучшую мечту. Какъ ни легко давались Филельфо стихи, однако вмѣстѣ съ римскимъ воздушнымъ замкомъ исчезли и его мысли о переводѣ Гомера ¹⁾.

Но и послѣ смерти папы Николая мысль о латинскомъ Гомерѣ продолжала занимать умы. Это служить доказательствомъ, что преподаваніе греческаго языка шло объ руку съ подобнымъ стремленіемъ. Ученикъ Валлы, Франческо д'Ареццо, пополнилъ его *Иліаду* въ прозѣ и прибавилъ къ ней *Одиссею* по желанію папы Пія II ²⁾. Молодой римлянинъ Николло делла Валле перевелъ тоже легкими стихами около IX пѣсень *Иліады* ³⁾. Его примѣръ побудилъ къ дѣятельности и Яна Паннонскаго, ученика Гварино, который, будучи епископомъ, давно уже забылъ было своего Пегаса, а теперь попытался перевести часть IX пѣсни *Иліады*, оставленную учителемъ его безъ перевода ⁴⁾. Но пріятною плавностью стиха всѣхъ ихъ превзошелъ молодой Анджеоло Полиціано, который вмѣстѣ съ Марсуппини перевелъ вторую пѣснь *Иліады* и издалъ три слѣдующія пѣсни съ посвященіемъ Лоренцо де'Медичи, а потомъ, ограничившись удачнымъ началомъ, оставилъ этотъ неблагодарный трудъ ⁵⁾.

¹⁾ Планъ папы въ письмѣ Филельфо къ Лодовико Кривелли отъ 1 августа 1465 г. Rosmini Vita di Filelfo T. II p. 95 разсматриваетъ вопросъ о томъ, принадлежитъ ли книга, напечатанная Venetiis 1516 *Homeri Odyssea.... per Franc. Filelfum* о Грαιο традукста дѣйствительно ему, или его сыну Маріо, или подожная. Онъ рѣшается стихотвореніемъ сообщеннымъ Guil. Favre *Mélanges d'hist. litt.* T. I p. 156, въ которомъ Маріо Филельфо перечисляетъ свои сочиненія:

*Hesiodique liber, quo fertur origo deorum,
De graeco nuper carmina nostra subit.
Orpheus id quondam, nondum finitus Homerus.*

²⁾ Vahlen *ibid.* p. 387—370. Этимиъ объясняется та ошибка, что *Одиссея* въ рукописяхъ приписывается то Карло, то Леонардо д'Ареццо, какъ напр. у Mazzuchelli vol. I P. II p. 1005. Vol. II P. III p. 2412.

³⁾ Объ оттискѣ *Romae 1474* упоминаетъ Didot *Alde Manuce* p. XXXVII. Подробности о немъ у Vahlen I. c. p. 376.

⁴⁾ *Poem et. Opusc.* T. I p. 231 и посвященіе T. II p. 74.

⁵⁾ Его переводъ издалъ Mai въ *Specilegium Romanum* T. II.

Папа Николай V былъ, конечно, не язычникъ. Но переводы церковныхъ писателей, заказанные имъ послѣ классиковъ, стоять на второмъ планѣ. Классическими писателями онъ интересовался столько-же, сколько когда-то Никколи, но кромѣ послѣдняго для него во Флоренціи былъ и Траверсари постоянно образцомъ въ этомъ отношеніи. Подобно имъ, онъ питалъ особенное сочувствіе къ раннимъ богословамъ. Манетти принялся за переводъ Новаго Завѣта съ подлинника. Ни его, ни папу не смущало то, что въ этомъ высказывалось нѣкоторое недовѣріе къ авторитету блаженного Иеронима. Насколько повинулся впередъ трудъ Манетти при жизни папы, мы въ точности не знаемъ, но свѣтъ не удостоился знать тѣ тайны, которыя переводчикъ обѣщалъ раскрыть своимъ трудомъ. Тортелло и Георгій Трапезунтскій перевели жизнь св. Аѳанасія, написанную Григоріемъ Назіанзиномъ, Георгій также передалъ нѣсколько сочиненій св. Кирилла и Василія и жизнь Моисея, написанную Григоріемъ Нисскимъ, съ которыми онъ обращался такъ-же небрежно и произвольно, какъ съ приготовленіемъ къ Евангелію Евсевія. Желаннымъ трудомъ на этомъ поприщѣ папа считалъ переводъ 80 бесѣдъ Іоанна Златоуста на Евангеліе отъ Матѳея. Повторяли рассказъ о томъ, какъ однажды Тома Аквинскій, которому показали неизвѣстныя еще 25 бесѣдъ въ переводѣ Оронтія въ Парижѣ, сказалъ, что онъ предпочитаетъ эту книгу цѣлому Парижу. Папа сначала поручилъ этотъ трудъ Георгію Трапезунтскому, имѣвшему то преимущество передъ другими, что быстро исполнялъ все. Но въ этомъ случаѣ онъ далеко не оправдалъ довѣрія папы, такъ что въ послѣдствіи поручилъ его Ѳедору Газскому¹⁾.

Такъ обогатилъ папа множествомъ хорошихъ переводовъ латинскую литературу, а въ особенности свое книгохранилище. Онъ постоянно заботился также объ увеличеніи числа латинскихъ классиковъ и отцовъ Церкви, стоявшихъ въ его шкафахъ. Козьма велъ это дѣло во Флоренціи въ широкихъ размѣрахъ, а Никколи въ скромныхъ, и тамъ постоянно переписывались и покупались книги. Такъ наука вступила въ союзъ съ торговлею для подобныхъ цѣлей. Такъ и папа-собираатель руководилъ этимъ дѣломъ изъ Рима. Насколько его книги идутъ чрезъ руки мелкихъ агентовъ, онъ ускользаютъ отъ нашего вниманія или, быть можетъ, пропущены въ счетахъ Козьмы. До насъ лишь по временамъ доходятъ извѣстія объ этомъ въ письмахъ ученыхъ, однако мы знаемъ, что весь кружокъ людей, сгруппировавшихся около папы, пользовался своими связями, чтобы удовлетворить его жаднѣ къ подобному приобрѣтенію. Старинные экземпляры рѣдко можно было купить, такъ какъ и во

¹⁾ Vespasiano Nicola V § 26; Giorgio Trabisonda § 2. Georgius l. c. p. 180.

Флоренціи и въ другихъ мѣстахъ имъ давно уже узнали цѣну и приготовили для нихъ прочное помѣщеніе. Книги, оставшіяся послѣ ученихъ, постоянно можно было пріобрѣтать, но во время первосвященства папы Николая никто изъ умиравшихъ не оставлялъ большихъ сокровищъ. Притомъ Козьма Медичи быстро являлся, какъ только представлялась возможность добыть хорошія книги. Припомнимъ тѣ высокія цѣны, за которыя Поджіо продавалъ во Флоренціи св. Писаніе и письма блаженнаго Иеронима, хотя это были вовсе не рѣдкія сокровища ¹⁾. Между прочимъ Поджіо и Тортелло были самыми свѣдущими и лучшими совѣтниками папы, какъ скоро дѣло шло о латинской литературѣ.

Подобно кружкамъ Медичи, Никколи и Поджіо, у папы возникаетъ стремленіе посылать литературныхъ развѣдчиковъ, которые бы и въ отдаленныхъ странахъ отыскивали затерянные сокровища классической литературы. Если мы слышимъ, что было нѣсколько подобныхъ миссіонеровъ ²⁾, то мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ такихъ, которые на греческомъ и турецкомъ востокѣ искали и скупали греческія книги. Въ отдаленныхъ западныхъ странахъ мы встрѣчаемъ лишь одного странствующаго изслѣдователя, оставившаго слѣдъ въ исторіи литературы. Это Альберто Эноке. Онъ былъ не знаменитость, и его едва можно причислить къ второстепеннымъ или третьестепеннымъ ученымъ. Онъ когда-то во Флоренціи вмѣстѣ съ Пикколомини учился у Франческо Фидельфо, и ему безъ сомнѣнія обязанъ своимъ знаніемъ греческаго языка. Потомъ Эноке называютъ наставникомъ дѣтей Козьмы Медичи и «репетиторомъ» въ домѣ Барди, подобно тому, какъ нѣкогда папа Николай занималъ такое же положеніе у Альбици и Строцци. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ его въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ знакомились съ книгами и научались цѣнить ихъ; быть можетъ, и его знакомство съ папою относится къ тому же времени. Потомъ онъ преподавалъ реторику на своей родинѣ, въ Асколи, въ Перуджіи читалъ лекціи о поэзійи и классическихъ писателяхъ, а папа Николай пригласилъ его профессоромъ краснорѣчія въ римскій университетъ. Называютъ также Эноке авторомъ рѣчей и писемъ, но изъ нихъ неизвѣстно ни строчки. Поджіо спорилъ съ нимъ

¹⁾ См. томъ I стр. 369.

²⁾ Въ посвященіи своей книги *De orthographia part* у Bandini Bibl. Leop. Laurent. T. I p. 498 Тортелло говорятъ: *Video, quantam adhibes curam in antiquorum nostrorum operibus etquirendis quae deperdita credebantur, ita ut nonnullos ad diversas extremasque mundi partes pro re hac multis cum difficultatibus et impensis destinaveris. Подобнымъ образомъ Ауриспа въ своемъ посвященіи Герола (см. выше стр. 73 примѣч. 3): qui didersos nuncios per diversas mundi partes ad libros perquirendos tam graecos quam latinos tua impensa misisti.*

изъ за тѣхъ сплетень, въ которыхъ обвинялъ его, но изъ словъ Поджіо видимъ, что послѣдній имѣлъ о немъ очень невысокое мнѣніе ¹⁾.

Поводомъ къ отправкѣ его послужилъ вновь распространившійся слухъ о полномъ Ливіи, находящемся гдѣ-то въ Даніи или Норвегіи ²⁾, слѣдовательно тотъ-же призракъ, который часто вводилъ людей въ заблужденіе со временъ папы Мартина V и за которымъ напрасно гонялись Никколи, Поджіо и Козьма Медичи. Папа снабдилъ своего посланца рекомендательными письмами, которыя составилъ Поджіо и которыя должны были открыть ему церковныя и монастырскія библиотеки на скандинавскомъ сѣверѣ и, на берегахъ Вислы и Прегеля ³⁾. Какія страны дѣйствительно посѣтилъ Эноке, мы не знаемъ. Филельфо ⁴⁾ говорилъ только впоследствии, что онъ былъ въ Даніи, но другіе говорили и о Скандинавіи и объ «отдаленнѣйшихъ островахъ на сѣверѣ отъ Германіи». Если мы не ошибаемся, то онъ странствовалъ около четырехъ лѣтъ. Такъ какъ отъ него долго не было никакихъ

1) Филельфо называетъ его своимъ бывшимъ ученикомъ въ письмѣ къ Каликсту III отъ 19 февраля 1456 г. *Ambros. Traversa. epist. VII, 5. Vevasiano Enoche d'Ascoli* называетъ его *maraviglioso grammatico*. *Poggius epist. VIII, 41. 42* предостерегаетъ его: *Neque autem tale est ingenium taum, non talis dicendi facultas, ut tibi expediat contra me falsis maledictis insungere etc.* *Fabronius Cosmi vita T. I p. 136.* О сочиненіяхъ Эноке упоминаетъ только *Jac. Phil. Bergomas fol. 295.* У *Carboni Memorie int. i letterati d'Ascoli 1830, p. 93* мало новаго. Обзоръ его жизни далъ также Реймонъ въ *Archivio stor. Ital. Ler. III T. XX p. 188.*

2) См. томъ I стр. 232 слл. *Poggius epist. XI, 12* говоритъ по отношенію къ сѣверному Ливію прямо: *Novissime a Summo pontifice missus est ad eos libros perscrutandos Enoch Esculianus etc.*

3) Здѣсь я сообщаю изъ кенигсбергскаго архива грамоту папы Николая V къ великому магистру Людвигу фонъ Эрлихсгаузенъ. Она—отъ 30 апрѣля 1451. *Dilecte filii. Salutem et apostolicam benedictionem. Jamdiu decrevimus atque ad id omni studio operam damus ut pro communi doctorum virorum commodo habeamus librorum omnium tum latinarum tum graecorum bibliothecam condecentem pontificis et sedis apostolicae dignitati, et iam ex iis qui reperiantur omnis generis scriptorum maiorem partem habemus. Sed cum multi libri ex antiquis deficient, qui culpa superiorum temporum sunt deperdit, ad inquirendum et transcribendum si reperiantur eiusmodi libros mittimus dilectum filium Enoch Esculianum virum doctum graecis et latinis litteris, familiarem nostrum, qui diversa loca et monasteria inquirat, si quis ex ipsis deperditis apud vos libris reperiretur. Idecirco nostri contemplatione velis omnes tui territorii libros sibi ostendere antiquos praesertim et prise scripture, et simul permittere, ut in tuo territorio scribi possit expensis nostris. Nolumus enim ut aliquis liber surripiatur, sed tantummodi ut fiat copia transcribendi super quibus ipse Enoch tecum loquetur latinus ex parte nostra. Datum Rome apud Sanctum Petrum sub anulo piscatoris die ultima mensis Aprilis pontificatus nostri anno quinto etc a. C. 1451. Insuper quia ad diversas mundi partes iturus est: hortomur te, ut in omni sua necessitate nostri contemplatione sibi subveuias.—Poggius.* А о томъ, что папа увѣщевалъ монаховъ sotto pena di scomunicazione показывать Эноке книги, какъ сообщаетъ *Vevasiano*, въ грамотѣ ничего не говорится.

4) Письмо къ Каликсту III отъ 19 февраля 1456 г.

извѣстій, то Поджіо, не довѣрившій учености и проникательности Эноке, былъ того мнѣнія, что изъ этого предпріятія не выйдетъ никакого толку ¹⁾. Года чрезъ два получились свѣдѣнія, но все, что въ нихъ сообщалось о находкахъ, было неутѣшительно ²⁾. Когда наконецъ Эноке воротился вѣсною 1455 г., уже незадолго до смерти папы, то представилъ списокъ привезенныхъ имъ рукописей, но копій не позволялъ снять, напротивъ требовалъ, чтобы ему прежде какой-либо знатный человекъ уплатилъ 200 или 300 гульденовъ за труды. Въ списокъ нашлись нѣкоторыя новыя сочиненія, именно о поваренномъ искусствѣ древнихъ, приписываемое Целію Апицію, и комментарий Помпонія Порфиріона къ Горацію. Но полагали, что эти мелкія сочиненія не особенно обогатятъ латинскую литературу, а остальное не стоитъ списывать. Мы не знаемъ, принималъ ли папа участіе въ плодахъ своего дорогаго предпріятія. Во Флоренціи, безъ сомнѣнія, объ этомъ дѣлѣ отзывались вообще такъ же, какъ Веспазіано, именно что Эноке не знаетъ толку въ книгахъ и неопытенъ. Славу открытія онъ приобрѣлъ тѣмъ, что ему приписывали, конечно, ошибочно, спасеніе отъ гибели мелкихъ сочиненій Тацита, которыя онъ привезъ въ Италію ³⁾.

Важнѣе было приобретеніе греческихъ книгъ, которыя Николай V и до завоеванія Константинополя и послѣ велѣлъ скупать въ Греціи и въ азіатскихъ владѣніяхъ турокъ. Дѣло это велось тайными аген-

1) Poggius epist. X, 17 отъ 22 января (1452 или 1453 г.): Ille enim Enoch adeo solers et diligens fuit, ut ne verbum quidem adhuc ad me scripserit.—Itaque parum spero illum aliquid boni facturum, nisi eum magis fortuna favorit, quam prudentia et industria perquirendi.

2) Poggius epist. IX, 12: Enoch Esculanus, qui adeo diligens fuit, ut nihil iam biennio invenerit dignum etiam indocti hominis lectione. Это письмо, къ сожалѣнію, не извѣщенное, уже послано изъ Флоренціи, но отнесено къ письмамъ отъ 1453 г. Оно даетъ поводъ предполагать, что Эноке уѣхалъ вскорѣ послѣ заготовки грамоты.

3) Самый важный отчетъ о находкахъ Эноке есть письмо Карло де'Медичи изъ Рима отъ 13 марта 1455 г. у Gaye Carteggio I p. 163. Онъ послалъ каталогъ Эноке въ Флоренцію, безъ сомнѣнія, вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній воротился: et (è) in vero da farne più stima per la novità che per la utilità... Sicchè vedete se volete gettare via tanti danari (требуемые 200 или 300 гульд.), per cose la lingua latina può molto bene fare senza esse. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе только на четыре номера, tutto il resta non vale una frulla. Безъ сомнѣнія, по этому же списку судилъ и Веспазіано Enoche: trovò poche degno cose di memoria, намекая на Апиція и Порфиріона. Istiino che procedesse per non avere universale notizia di tutti gli scrittori, e quegli ch'erano e quelli che non si trovano. Такіе отзывы немислмы, если въ списокъ Эноке были новыя сочиненія Тацита и Светонія. См. томъ I стр. 239. Здѣсь рѣчь идетъ и о другихъ сочиненіяхъ, находка которыхъ впоследствии справедливо или несправедливо приписывалась Эноке. Къ этому прибавимъ fabula Orestis, quae ab Menocho osculano reperta dicebatur, о которой упоминаетъ Анджемо Манъ въ предисловіи къ Vite Веспазіано и которую Евг. Абель Anallecta p. 9 нашелъ въ Миланѣ въ Ambrosiana.

тами, потому что стыдились подобныхъ мирныхъ сношеній съ заклятыми врагами христіанской вѣры, также потому, что бездѣятельность папы во время потрясающаго событія, паденія Константинополя, уже вызывала негодованіе. Ославленная греческая неопрятность и пыль, которою были покрыты пергаментные свитки, полученные изъ турецкихъ владѣній, была для папы пріятнѣе тѣхъ греческихъ пословъ, которые явились къ нему просить помощи и денегъ. Гуманистъ утѣшалъ себя тѣмъ, что Греція не гибнетъ, а только переселяется въ Италію. Не смотря на это, греческія книги долго были еще дороги и рѣдки, потому что переписывать непременно должны были ученые, а ученые не любили этого занятія. Гварино, собиравшій книги со временъ Хризолора, не могъ достать Задачь Аристотеля и Афоризмовъ Гипократа. Онъ обратился къ Филельфо и Поджіо, но и послѣдній зналъ только одинъ экземпляръ Задачь, который былъ у папы Николая и съ котораго переводилъ Ѳеодоръ Газскій, а относительно Афоризмовъ не могъ дать никакихъ указаній. Задачи купилъ, незадолго передъ тѣмъ, Перотти для папы, при посредствѣ кардинала Виссаріона, вмѣстѣ съ нѣкоторыми рукописями. Онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что подобныя рукописи встрѣчаются рѣдко и въ годъ можно достать много если двѣ или три греческія книги ¹⁾). Но едва ли онъ имѣлъ такія связи, какъ Ауриспа, который дѣлалъ для папы покупки въ Венеціи. Прежде Византія была неистощимымъ рынкомъ для подобныхъ сдѣлокъ, и тамъ Ауриспа пріобрѣлъ въ молодые годы цѣлые ящики книгъ. Теперь дѣла приняли совсѣмъ иной оборотъ со времени турецкаго завоеванія. Массу книгъ, погибшихъ въ это время, кардиналъ Исидоръ, правда, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ скорби и весьма произвольно, опредѣлялъ въ 120.000 томовъ ²⁾). Съ тѣмъ вмѣстѣ Византія сдѣлалась на первое время почти недоступною для христіанскихъ купцовъ и агентовъ. Въ Греціи и на греческихъ островахъ приходилось розыскивать книги съ большимъ трудомъ, а при случайныхъ покупкахъ венеціанцы и флорентинцы опережали папу. Но у послѣдняго тоже были энергическіе дѣятели. Такъ по его порученію грекъ Іоаннъ Скутариота отправился разыскивать греческія сочиненія, или хоть списывать, если нельзя было купить. Замѣчательно, что ему во многихъ случаяхъ указывали на Флоренцію, на домъ Медичи, на друзей послѣдняго и на бібліотеку св. Марка ³⁾). Теперь начали собирать и еврейскія книги, и папа

1) Его письмо къ папѣ у Zanelli II pontefice Nicolo V. p. 96.

2) Письмо Лауро Квирина къ папѣ отъ 1453 г. у Nodius p. 192.

3) Грамота папы къ Козьмѣ Медичи отъ 5 февраля 1454 г., у Fabronius Cosmi vita vol. II p. 222.

главнымъ образомъ желалъ имѣть Евангеліе отъ Маттея на еврейскомъ языкѣ, за которое предлагалъ 5000 дукатовъ ¹⁾).

Изъ всего этого видно, что Николай V больше любилъ собирать книги и производить новыя, чѣмъ прямо поощрять таланты, и конечною цѣлью его стремленій была папская библіотека. Его имя должно было со временемъ красоваться рядомъ съ именами Птолея Филадельфа и Траяна. Быть можетъ, въ болѣе молодые годы онъ самъ былъ того мнѣнія, что хранительницею древнихъ сокровищъ должна служить преимущественно Флоренція, но такъ же естественно и то, что когда онъ взошелъ на престолъ, то Римъ казался ему самымъ достойнымъ городомъ для этого. Здѣсь онъ надѣялся при громаднѣхъ средствахъ въ короткое время своего правленія осуществить то, что было создано во Флоренціи энергіею одного человѣка, который впрочемъ посвятилъ на это всю жизнь, именно центральный пунктъ книжныхъ сокровищъ для общаго пользованія. Подобное собраніе должно быть всегда готово къ услугамъ придворныхъ прелатовъ и римскихъ ученыхъ, служить лучшимъ украшеніемъ ватиканскаго дворца и сдѣлать Римъ на вѣчныя времена средоточіемъ науки.

Николая V смѣло можно назвать основателемъ ватиканской библіотеки, хотя она была раньше его и только послѣ него стало публичною. Безъ сомнѣнія, у папъ всегда были книги для дѣловыхъ занятій и частныя библіотеки, такъ какъ въ числѣ ихъ придворныхъ было много богослововъ и канонистовъ. Но подобныя собранія, переходившія послѣ смерти собственниковъ къ ихъ родственникамъ, болѣею частью опять разрознивались. Бенедиктъ XIII въ Авиньонѣ былъ любителемъ и ревностнымъ собирателемъ книгъ, какъ церковныхъ, такъ и по части классической литературы. Библіотекаремъ былъ одинъ изъ его близкихъ людей (*familiars*), пользовавшійся особымъ расположеніемъ Бенедикта ²⁾). Значительное число этихъ книгъ, какъ намъ сообщаютъ, впоследствии перешли въ парижскую библіотеку Кольбера. А то собраніе, которое Мартинъ V велѣлъ доставить въ Римъ, было, безъ сомнѣнія, не болѣе какъ матеріаломъ, нужнымъ для дѣловыхъ занятій. Еще при папѣ Евгеніи IV римскія библіотеки были гораздо ничтожнѣе и безпорядочнѣе, чѣмъ въ городахъ и при дворахъ второстепенныхъ или третьестепенныхъ владѣтельныхъ особъ. Траверсари осмотрѣлъ ихъ; о папской библіотекѣ и о принадлежавшей собору св. Петра онъ прямо говоритъ, что не нашелъ въ нихъ ничего заслуживающаго вниманія ³⁾).

¹⁾ Manetti p. 926. Platina in vita Nicolai V.

²⁾ Nicolai de Clemanijs epist. 38 (Opp. ed. Lydius): Curam est bibliothecae apostolicae sortitus, quam optimam atque uberrimam habet pontifex, qui... colligendorum egregiorum librorum avidissimus. Тогда папа желалъ имѣть письма Плинія младшаго.

³⁾ Ambros. Travers. epist. VIII, 42. 43. XI, 21.

Какъ извѣстно, Римъ со временъ св. Бонифація и еще въ началѣ XIV столѣтія былъ самымъ обширнымъ книжнымъ рынкомъ для латинскаго міра. Но это измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ папы оставили Римъ и предали его запустѣнію. Духовные интересы какъ бы замерли, университетъ, погружившійся въ зимнюю спячку, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обнаруживалъ признаки жизни. Этимъ объясняется жалоба гуманистовъ на недостатокъ книгъ въ Римѣ; переписчиковъ, даже пергамента. Въ 1444 г. Эней Сильвій Пикколомини, жившій въ далекой Австріи, хотѣлъ достать себѣ Политику Аристотеля въ переводѣ Бруни. Купить въ Римѣ нельзя было такихъ книгъ, тѣмъ болѣе, что онѣ изычскія, какъ замѣтилъ его другъ. Послѣдній съ трудомъ досталъ одинъ экземпляръ у кардинала Колонны. А еще труднѣе было найти хорошаго переписчика, и Пикколомини пришлось довольствоваться копіею, писанною на бумагѣ ¹⁾. Еще во времена Николая V мы слышимъ, что въ Римѣ сильно нуждаются въ переписчикахъ, а какіе были, тѣ были большею частію нѣмцы или французы ²⁾. Мы видимъ и здѣсь, что страсть папы была не въ уровень съ характеромъ римской общественной и придворной жизни; это было явленіе чужое, флорентинское.

Насколько мы знаемъ, книги папы находились въ двухъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ: однѣ составляли основу позднѣйшей общественной бібліотеки, для которой, вѣроятно, еще готовились выстроить приличное зданіе, а другія помѣщались въ одной изъ залъ папы. Но онѣ и на первый, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ какъ на свою собственность, а послѣднія были его дорогимъ сокровищемъ. Послѣ его смерти въ числѣ ихъ оказалось много переводовъ, которыми онъ такъ гордился, въ великолѣпныхъ экземплярахъ, въ какихъ были поднесены въ даръ или переданы ему, большею частію украшенные бархатомъ и серебромъ. Тутъ была Киропедія Поджіо, Фукидидъ Валлы съ четырьмя серебряными позолоченными застежками, Поджіевъ Діодоръ съ такими же украшеніями, Аппіанъ Дечембріо, Евсевій Георгія Трапезунтскаго, переводы Гомера и т. п., также Ливій, Флоръ, Цицеронъ, Квинтиліанъ, Виргилій, Овидій, Гораций, Теренцій, Стацій, Клавдіанъ и др. Это были любимыя книги Николая V, которыя онъ съ раннихъ лѣтъ желалъ достать или заказывалъ переписать ³⁾.

¹⁾ Письмо Джіов. Кампаніо къ Энею отъ 7 февраля 1444 г.

²⁾ Письмо Карло Медичи отъ 1455 г. у Gaye Carteggio I p. 163.

³⁾ *Inventarium quorundam librorum repertorum in cubiculo Nicolai pape quinti post eius obitum* въ Archivio stor. Ital. ser. III T. III P. I p. 207. Къ этимъ роскошнымъ томамъ, число которыхъ онъ преувеличенно полагаетъ въ 500, конечно, относится разсказъ Веспасіано Vesosovo Vicense § 1.

Болѣе обширное собраніе было завѣтною мечтою папы, которой онъ впрочемъ не успѣлъ привести въ осуществленіе: общественная бібліотека, доступная для всѣхъ ученыхъ ¹⁾. Это учрежденіе въ послѣдніе пять лѣтъ первосвященства Николая V, т. е. со времени юбилея вѣчнаго города, было главнымъ предметомъ его попеченій. Съ того времени онъ началъ приказывать съ беззавѣтною любовью искать книги и покупать за какую угодно цѣну. Во всѣхъ важныхъ складочныхъ пунктахъ для книгъ у него были свои переписчики, и толпа ихъ окружала его въ Римѣ ²⁾. А такъ какъ онъ любилъ во всемъ пышность, то—и въ украшеніяхъ книгъ ³⁾. Все это было предоставлено неутомимой заботѣ Тортелло, а онъ весьма свободно распоряжался деньгами. По расчету Ассемани ⁴⁾ этотъ папа истратилъ на книги больше 40.000 скуди. Впрочемъ извѣстія о числѣ книгъ, собранныхъ имъ, крайне разнорѣчивы, если мы даже выслушаемъ такихъ свидѣтелей, которые по своему положенію могли имѣть точныя свѣдѣнія. Самъ Тортелло, составившій списокъ книгъ папской бібліотеки, показывалъ 9000 томовъ ⁵⁾. Напротивъ папа Пій II насчитывалъ въ этомъ собраніи всего около 3000 томовъ ⁶⁾, а архіепископъ флорентинскій Антонинно только 1000 ⁷⁾. Такимъ образомъ Манетти и книгопродавецъ Веспасиано были, вѣроятно, всѣхъ ближе къ истинѣ, показывая положительно, что по каталогу въ день смерти папы считалось 5000 томовъ ⁸⁾. Для папы было наслажденіемъ ходить среди этихъ сокровищъ, приводить ихъ въ порядокъ и разставлять, велѣть подать себѣ ту или другую книгу и перелистывать ее, разсматривать красивые тома, видѣть свой гербъ на тѣхъ, которыя были ему посвящены или поднесены и напередъ думать о той благодарности, которую со временемъ будутъ воздавать своему благодѣтелю люди науки по прошествіи вѣковъ. Такъ онъ и изображенъ разставляющимъ книги въ одной изъ залъ ватиканской бібліотеки,

¹⁾ Pro communi doctorum virorum commodo, какъ говорилось въ рекомендательномъ письмѣ Эноке.

²⁾ Vespasiano Nicola V § 25. 26.

³⁾ Aeneas Sylvius de rebus Basileae gestis stante vel dissoluto Concilio Commentarius ed. Fea p. 109 сопоставляетъ весьма характеристично: libros nitidos et vestes ornatas amavit.

⁴⁾ Praef. ad. Vol. I Catal. codd. msc. Bibl. Vatic. p. XXI. Buoninsegni Storie della città di Firenze p. 112: lasciò libri per più di fiorini 30 mila, ai quali fu molto affezionato in sua vita.

⁵⁾ Vespasiano Giov. Tortello § 1. Здѣсь рѣчь идетъ прямо о volumi.

⁶⁾ Europa cap. 58.

⁷⁾ Chronicon hist. p. III tit. XXII cap. 12 in princ.

⁸⁾ Manetti Vita Nicolai V l. c. p. 926. Vespasiano Nicola V § 25.

Неутолимая страсть къ собиранію, сдѣлавшая домъ Никколи средоточіемъ литературной жизни, въ связи со всеобъемлющимъ взглядомъ и богатыми средствами главы церкви, который съ высоты папскаго престола, быть можетъ, больше видѣлъ у подножія его литературный міръ, чѣмъ міръ вѣрующихъ, все это придаетъ особое значеніе личности Николая V. Но мы замѣчаемъ, что юношеская пора гуманизма миновала, и ученіемъ уже не восторгаются, не принимаются за дѣло съ дѣтскимъ изумленіемъ передъ этимъ новымъ міромъ, въ которомъ страсть къ приключеніемъ вступаетъ въ общеніе съ стремленіемъ къ завоеванію. Гуманисты получили прочныя мѣста при дворахъ, университетахъ, въ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, и обнаруживаютъ энергичное стремленіе сохранить свое положеніе. Остатки древности собираются въ особыя учрежденія и хранятся тамъ, наконецъ даже подъ покровомъ намѣстника Христа. Приходятъ къ тому убѣжденію, что никакіе новые варвары уже не предадутъ ихъ забвенію и уничтоженію, что они стали прочнымъ достояніемъ человѣчества, хотя медленно увеличивающимся.

Величайшая идея Николая V, публичная бібліотека въ Ватиканѣ, не осталась безплодною для потомства. Сначала послѣдовала реакція, такъ какъ частная прихоть папы не перешла къ его преемникамъ. Уже ближайшій изъ нихъ, Каликстъ III, уважавшій только каноническое право, но совершенно чуждый гуманнхъ наукъ, не могъ достаточно удивиться, когда онъ вошелъ въ бібліотеку своего предшественника и увидѣлъ роскошные томы съ золотыми и серебряными обложками. «Да, сказалъ онъ, только на это онъ и тратилъ церковную казну!» Двѣсти греческихъ кодексовъ, которые папа считалъ совершенно бесполезными, онъ подарилъ престарѣлому русскому кардиналу Исидору, и ихъ растащили его приближенные. Съ другихъ онъ велѣлъ снять золотыя украшенія и передать въ деньги, нужныя для его любимой затѣи, для войны съ турками ¹⁾. Пій II и Павелъ II тоже не заботились о начинаніяхъ своего предшественника. Основателемъ ватиканской бібліотеки, какъ постоянного учрежденія съ установленными порядками, былъ уже Сикстъ IV. Онъ организовалъ его и опредѣлилъ фондъ на его содержаніе. Начальникомъ бібліотеки онъ назначилъ ученаго съ классическимъ образованіемъ, Джіандреа Бусси, будущаго епископа алерійскаго, хорошо извѣстнаго по исторіи изданія классиковъ, а съ

¹⁾ *Vespasiano Vescevo Vicense* § 1. Впрочемъ не слѣдуетъ представлять себѣ разсѣяннаго князя въ слишкомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Еще Платина (*Vita Nicolai V*) удивлялся ихъ великодушію: *Omiffo tot libros Sacros suo iussu descriptos, auro et argento redimitos. heset. inspicere bibliotecam pontificiam sua industria et munificentia mirifice aulam.*

1475 г. не менѣе знаменитаго Платину. Однако Сикстъ только выполнилъ тѣ распоряженія, какия подготовилъ Николай V, а послѣдній съ своей стороны заимствовалъ основную мысль у флорентинскаго гражданина Никколи, а Никколи принялъ ее отъ Петрарки и Боккачю ¹⁾.

Слѣдовало бы ожидать, что въ первосвященство такого поклонника наукъ, каковымъ былъ Николай V, римскій университетъ будетъ процвѣтать. Но именно тутъ и обнаруживается односторонность, и прихотливость его стремлений. То, что онъ сдѣлалъ для университета, несмотря на мирное время и цвѣтущее положеніе финансовъ, было далеко не въ уровень съ тѣмъ, что сдѣлалъ его предшественникъ Евгеній IV. хотя послѣдній не принималъ никакого личнаго участія въ судьбахъ науки. Папа Николай подтвердилъ университетскія привилегіи и прибавилъ часть городскихъ доходовъ, но все таки этого мало. Тутъ, какъ и большая часть папъ, онъ принялся за дѣло съ благимъ намѣреніемъ. Трудно сказать, имѣлъ ли рѣшающее вліяніе на дѣла канцлеръ университета, должность, которая въ то время была соединена съ саномъ кардинала—камерарія. Это былъ Людовико Скараппо, который прославился въ качествѣ перваго заступника церкви и великаго Луккулла. Но онъ былъ канцлеромъ университета еще при Евгеніи IV. Трудно спорить противъ того, что сердце папы-гуманиста не лежало къ этому учрежденію. Намъ неизвѣстно ни одной знаменитости въ области богословія и каноническаго права, которая бы въ то время подвизалась въ Римѣ, а эти отрасли были прямымъ назначеніемъ римскаго университета ²⁾. Даже тѣ люди, которыхъ Николай V приглашалъ въ Римъ, греки и латинисты, были приглашаемы не для этого учрежденія. Папа не любилъ, если они посвящали свое время другимъ дѣламъ кромѣ переводовъ, исправленія текстовъ и вспомогательныхъ работъ по грамматикѣ.

Поэтому намъ мало сообщаютъ о дѣятельности гуманистовъ въ университетѣ. Мы не знаемъ, занимался ли Ринуччи преподаваніемъ съ тѣхъ поръ, какъ папа сдѣлалъ его секретаремъ. Онъ впрочемъ имѣлъ никакого значенія. Напротивъ Георгій Трапезунтскій пользовался не малымъ сочувствіемъ, какъ преподаватель діалектики и реторики, быть можетъ, сверхъ того имѣлъ учениковъ, желавшихъ изучить греческій языкъ. Папа, по видимому, былъ весьма доволенъ, когда онъ оставилъ кафедру съ началомъ дѣятельности Валлы и вполне посвятилъ себя переводамъ. Краснорѣчіе и гуманныя науки со вре-

¹⁾ Reumont Della bibliotheca Vaticana a proposito del libro: La bibliotheca Vaticana della sua origine al presente per Domenico Zanelli, Roma 1857... въ Archivio storico Ital. Nuova serie T. VIII p. I (1858) p. 132 e seg.

²⁾ Renazzi Storia dell' universita' degli studj di Roma vol. I. p. 160. 166. 277.

мень папы Евгения IV преподавалъ также Пьеръ Оддоне да Монтополи, поэтъ и ораторъ. Стиховъ его мы знаемъ мало, но къ чести его слѣдуетъ сказать, что Помпоніо Лето былъ его ученикомъ ¹⁾. Кромѣ того, говорятъ, папа еще пригласилъ Эноке да Асколи вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ — преподавать реторику и поэзію. Такъ какъ онъ по извѣстности стоялъ почти наравнѣ съ Пьеромъ Оддоне, то, безъ сомнѣнія, какъ знакомцу юныхъ лѣтъ Николая V, ему дана была профессура, и онъ безъ вреда для университета могъ пускаться въ свои долги странствія ²⁾. Когда папа въ 1450 г. пригласилъ въ свой университетъ Федора Газскаго съ годичнымъ жалованьемъ, то заботился не объ учрежденіи, а объ учености. Поэтому мы слышимъ также только о переводахъ послѣдняго, а не о преподавательской дѣятельности, которой бы онъ посвящалъ себя при Николаѣ V.

. Если В а л л а преподавалъ въ университетѣ, то это конечно, дѣлалось не по желанію папы, даже хранилось въ строжайшей тайнѣ. Ученый очень хорошо зналъ, что папа не любитъ, когда его переводчики занимаются посторонними дѣлами ³⁾. Потомъ онъ, по видимому, преподавалъ постоянно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и съ большимъ усердіемъ. Онъ нисколько не устыдился, когда Поджіо упрекнулъ его въ томъ, что онъ занимается жалкимъ учительствомъ; ученый съ торжествомъ указалъ на знаменитыхъ наставниковъ своего времени, каковы Гварино, Витторино и Филельфо. Онъ могъ гордиться тѣмъ, что его лекціи посѣщались и людьми взрослыми, притомъ такими, которыхъ можно считать учеными ⁴⁾. Мы охотно вѣримъ тому, что Валла дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на своихъ слушателей, такъ какъ и самыя сочиненія его сильнѣе вліяли на потомство, чѣмъ чьи либо другія изъ тогдашнихъ гуманистовъ. Прибавьте къ этому его гордое сознание своихъ силъ, смѣлую и остроумную полемику и тотъ презрительный тонъ, съ которымъ онъ обыкновенно отзывался о другихъ ученыхъ. Все это такія качества, которыя, какъ извѣстно, внушаютъ уваженіе довѣрчивому юношеству. Онъ производилъ впечатлѣніе энергическимъ отстаиваніемъ своихъ новыхъ положеній, и это въ то же время давало ему случай показать свое остроуміе и притомъ энергически сыпать удары направо и налево. Если онъ читалъ лекціи о Виргиліи,

¹⁾ Ant. Coccius Labellicus Ennead. X lib. VI p. 719. Renazzi l. c. p. 162. Нѣкоторые стихи, которыми онъ привѣтствуетъ появленіе Roma instaurata Бьондо, въ Cod. ms. T. 66 мор. общ. б. въ Дрезд. fol. 62.

²⁾ Renazzi l. c. p. 161.

³⁾ См. выше стр. 81. Онъ говоритъ въ Antid. IV о папѣ: quem scirem non libenter auditurum... me alteri rei quam interpretationi vacare.

⁴⁾ Antid. in Rogium' lib. II p. 286.

то его наслажденіемъ было каждый день указывать на его безпамятство и недостатокъ отдѣлки, а если излагалъ реторику къ Геренію, то указывалъ у Цицерона на уклоненія отъ истинныхъ правилъ краснорѣчія ¹⁾. Въ рѣчи, говоренной имъ въ октябрѣ 1455 г. при открытіи курса, онъ восторженно прославлялъ латинскій языкъ, какъ посредствующее звено для наукъ. Но точно съ такою же притязательностью Валла заявлялъ, что пошляки всѣ тѣ, кто писалъ о діалектикѣ, грамматикѣ и реторикѣ ²⁾. Противники не даромъ упрекали его въ томъ, что онъ считаетъ себя одного основателемъ этой науки. А одинъ изъ его восторженныхъ учениковъ прямо ставитъ Валлѣ въ заслугу, что онъ воскресилъ изъ мертвыхъ латинскій языкъ и истинное краснорѣчіе ³⁾. Но какъ бы ни думали объ этомъ, Валла имѣлъ большой вѣсъ въ университетѣ, насколько это въ то время было возможно для преподавателя реторики и краснорѣчія, а также несомнѣнно и то, что папѣ Николаю не принадлежитъ въ этомъ отношеніи никакого участія. Университеты нигдѣ еще не были прочными пріютами гуманитарныхъ наукъ. Такъ и Николай V считалъ истиннымъ пріютомъ ученыхъ не каѳедру, а свой дворъ.

Римскій дворъ и лица, принадлежавшія къ штату высшаго церковнаго управленія, конечно не составляютъ самой церкви. Но духъ, водворившійся въ средоточіи, стремится къ периферіи, повсюду стараясь заявить себя въ церковной жизни. Со временъ Петрарки папы привлекали къ куріи отдѣльныхъ гуманистовъ, желая воспользоваться ихъ стилистическимъ искусствомъ. При Мартинѣ V и Евгеніи IV число ихъ постоянно возрастало. Ученые придворные Николая V не имѣли никакого отношенія къ дѣламъ куріи, но они вскорѣ перешли за черту личныхъ симпатій папы и смѣло дѣйствовали въ духѣ моднаго языческаго образованія. Они перенесли его въ высшіе слои духовенства. Въ то время кардиналы и прелаты имѣли такое сильное влеченіе къ гуманистическимъ наукамъ, что тѣ, которыхъ образованіе носило совсѣмъ иной характеръ, любили по крайней мѣрѣ придавать себѣ видъ поклонниковъ и меценатовъ новой литературы, чтобы не казаться людьми отсталыми, не слѣдующими за модою.

¹⁾ Poggius epist. XI, 29. ed. Tonelli.

²⁾ Та рѣчь, о которой упоминаетъ Morelli Codd. ms. bibl. Nanianae p. 103, напечатана въ Vallae opusc. tria ed. Vahlen III p. 93.

³⁾ Лоренцо Занни, архіепископъ сполатрскій, въ письмѣ отъ 13 декабря 1456 г. у Agostini Scriff. Viniz. T. I p. 198.

Почти никому не казалось страннымъ, что папа скорѣе готовъ былъ употребить доходы на великолѣпныя постройки, на книги, на содержаніе ученыхъ и поэтовъ, на древности и драгоценности, чѣмъ на нужды церкви или на войну съ турками, что онъ предпочиталъ окружать себя безпокойными литераторами заворнаго образа жизни, чѣмъ монахами и благочестивыми служителями вѣры, что полемическія сочиненія, сатиры и пасквилы занимали его больше, чѣмъ догматическія толкованія и проповѣди. Духовные римскіе кружки и тѣ, въ которыхъ говорилось по латыни, были мало по малу привлечены къ новому культу гуманизма. При Павлѣ II дѣло дошло до того, что одинъ гуманистическій кардиналъ, которому приходилось заботиться о воспитаніи молодаго человѣка, не нашелъ въ Римѣ подходящаго учителя, потому что грамматики казались больше язычниками, чѣмъ христіанами ¹⁾. Но эпохою побѣднаго торжества гуманизма было первосвященство Николая V.

Ни одинъ изъ гуманистовъ не отваживался высказаться прямо и принципиально противъ христіанства. А отъ догматическихъ уклоненій ихъ спасало равнодушіе ко всякому ученію вѣры и богословію. Даже Валла выражалъ свои еретическія воззрѣнія больше для того, чтобы посердить своихъ враговъ клерикаловъ, а не ради самыхъ догматовъ. Притомъ эти герои литературы были люди придворные, такъ что не хотѣли становиться въ оппозицію противъ завѣтныхъ уставовъ церкви. Но несмотря на это, кругъ ихъ идей и идеаловъ былъ совершенно отличенъ отъ церковныхъ и христіанскихъ. Въ глубинѣ души и въ интимной бесѣдѣ проявлялись языческія воззрѣнія, и въ лучшемъ случаѣ стоическая нравственность замѣняла предписанія вѣры. Тѣ немногіе, которые стали благочестивыми въ зрѣломъ возрастѣ—въ тѣхъ кружкахъ, которые мы изучали, можно такими назвать собственно только Корраро и Веджіо—перестали быть гуманистами, хотя Веджіо по прежнему писалъ стихи. Въ цѣломъ гуманизмъ былъ, безъ сомнѣнія, естественнымъ врагомъ церкви, подрывалъ ея основы, а папы и прелаты вскормили его какъ змѣю.

Гуманисты составляли естественную и рѣзкую противоположность съ монахами и монашествомъ. Сами они вели жизнь трудолюбивую и наслаждались гордымъ сознаніемъ своей самостоятельности; тѣмъ болѣе противна была имъ нерадивая монастырская братія, которая отличалась рабскимъ униженіемъ, но въ душѣ кичилась, и

¹⁾ Jacobi Piccolomini epist. 292: quod rari ibi grammatici sunt, qui non gentilitatis quam religionis plus hobeanh.

гуманисты не стѣснялись обнаруживать эту кичливость. Монахи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ были представителями учености, но классическая древность была для нихъ чуждою областью. Они заискивали расположенія знатныхъ и при дворахъ владѣтельныхъ особъ, но не талантами, а заслугами своей вѣры и подчиненіемъ уставамъ. Народъ считалъ ихъ великими ораторами, но ихъ краснорѣчіе было не искусствомъ, а шарлатанскою ловкостью. Они считали себя солью земли, охранителями вѣры и нравственности, но даже и люди изъ ихъ сословія часто жаловались на нихъ. Ордена ссорились между собою, и почти повсюду господствовало несогласіе. Клеймить пороки имъ было не запрещено, и такой порицатель въ тайнѣ пользовался сочувствіемъ. Монахи—не церковь, точно такъ же, какъ библія не религія; но и она, и она впервые подверглись нападкамъ.

Мы не можемъ уже ставить вопроса о томъ, на чьей сторонѣ была выгода, на сторонѣ ли нападавшихъ, или тѣхъ, на кого нападали. Нескромность весь свѣтъ считаетъ тѣмъ, что она есть, порокомъ въ заманчивой формѣ. А благочестіе, какъ скоро на него падаетъ хоть тѣнь лицемѣрія, тотчасъ же предается глубокому презрѣнію. Естественные враги вскорѣ должны были узнать другъ друга. Уже и Петрарка не былъ чуждъ этой борьбы. Съ болѣе выдающимися орденами онъ находился въ такой же дружбѣ, какъ и съ прелатами. Къ нищенствующимъ же орденамъ, низшей ступени церковной іерархіи, съ высоты своего философскаго величія онъ относился съ такимъ-же презрѣніемъ, какъ и вообще къ «простому народу». Но такъ какъ они не нападали ни на него, ни на его ученіе, напротивъ даже относились съ уваженіемъ къ автору книги Объ уединенной жизни, то онъ смотрѣлъ благосклонно на ихъ популярность въ тѣхъ слояхъ общества, до которыхъ не спускался самъ. Но писатели новеллъ, Боккачіо, Саккетти и серъ Джіованни любили выставять монаховъ героями неприличныхъ повѣстей, и въ концѣ XV в. Массучіо да Салерно въ введеніи къ своему Новеллино откровенно высказалъ что, цѣль его новеллъ изобразить «распущенную жизнь лицемѣрныхъ монаховъ» Боккачіо указалъ путь къ этому даже въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ. Сначала монахи раздражили его тѣмъ, что отзывались о поэзии какъ о пустой забавѣ, а о поэтахъ какъ о слагателяхъ басень, упрекали послѣднихъ въ ихъ нескромныхъ выходкахъ и обвиняли въ наклонности къ язычеству. Поэтому и Боккачіо не щадитъ этихъ лицемѣровъ, которые принимаютъ на себя такой видъ, какъ будто хотятъ сказать вмѣстѣ съ пророкомъ: «ревность по домѣ Божіемъ терзаетъ меня». Они опускаютъ глаза въ землю, будто погружены въ глубокое размышленіе, ходятъ медленно, въ простомъ одѣяніи, будто совсѣмъ посвятили себя возвышенной созерцательной жизни, говорятъ мало, только когда

ихъ спрашиваютъ, и то со вздохомъ, поднявши глаза къ небу. Но они хотятъ этимъ добиться только того, чтобы народъ указывалъ на нихъ пальцами, вставалъ передъ ними и называлъ ихъ наставниками (равви). Они смиренно повинуются приказаніямъ высшихъ властей, но только для того, чтобы достигъ высшихъ степеней. А въ то же время они очень хорошо умѣютъ поставить себя въ свѣтъ, устраивать браки, присутствовать на пирушкахъ и помогать при составленіи духовныхъ завѣщаній. Слыша о поэзіи и поэтахъ, эти лицемѣры принимаютъ на себя такой видъ, будто приходятъ въ священное негодованіе ¹⁾!

Подобно Боккачіо, и его младшій другъ Салютато, самъ по себѣ чуждый всякихъ раздоровъ и споровъ, только тогда вступалъ въ литературную борьбу, когда нападали на его классическія занятія и на древнихъ поэтовъ, когда напр. Джіованни да Доменико вооружился противъ слишкомъ неумѣренныхъ занятій языческими науками, или Джіованни да Санъ Миніато предостерегалъ молодежь отъ такихъ языческихъ соблазновъ. Съ другой стороны и Салютато, подобно Петраркѣ, при случаѣ хвалилъ монастырскую жизнь и ея священный досугъ ²⁾. Мы видимъ, что старшіе вожди гуманизма держались еще оборонительнаго положенія.

Но когда гуманизмъ сталъ уже господствующимъ направлениемъ, тогда уже не боялся перейти и въ нападеніе. Предшественникомъ былъ въ этомъ отношеніи Ліонардо Бруни. Неизвѣстно, что побудило его обнародовать свою сильную полемическую рѣчь противъ лицемѣровъ. Веспасіано увѣрялъ, что знаетъ того достойнаго чловека, противъ котораго направлена эта инвектива, но не хотѣлъ его назвать. Однако потомъ назвалъ: это Камальдудъ Траверсари, причемъ онъ имѣетъ, конечно, въ виду свою тѣсную дружбу съ Никколи и его размовку съ Бруни ³⁾. Но это положительно ошибка. Самъ Бруни говоритъ о ненавистной группѣ людей, которымъ слѣдуетъ объявить непримиримую войну. Онъ упоминаетъ о томъ, что однажды былъ обманутъ двоими изъ числа ихъ, потомъ недавно едва не попалъ опять въ ихъ сѣти. Авторъ инвективы изображаетъ ихъ съ

¹⁾ Vocatit de genal. Deor. lib. XIV cap. 5.

²⁾ См. томъ I стр. 193—195.

³⁾ Comment. di Manetti p. 98. Потомъ онъ говоритъ о рѣчи contra hypocritas еще темже Frate Ambrogio § 6: che fu opinione ch' avesse fatta contro a frate Ambrogio. Рѣчь или инвектива напечатана въ Ort. Gratus Fasciculus rerum expetend. Colon. 1535, fol. 154, также отдѣльно съ разговоромъ Поджіо, родственникомъ по содержанию. Lugduni 1689. Очевидно, а это сочяненіе и имѣетъ въ виду Bruni epist IV, 14, написанное къ Гварнио около времени Констанцскаго собора: Praeterea his dubus victus longo et continuato taedio quorundam hominum, qui boni haberi volunt, eorum sint mali, orationuculam veteri more perscriptam in illos dedi.

ихъ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ опущенными внизъ глазами, блѣдными лицами, въ грубомъ одѣяніи съ широкимъ капюшономъ, съ наклоненными головами, какъ они проповѣдуютъ женщинамъ и глупцамъ, объясняютъ имъ сны и небесныя видѣнія и т. п. Это, безъ сомнѣнія, истинные враги гуманистовъ, которыхъ любятъ изображать такими же чертами и Поджіо, минориты—блюстители устава, самые проникливые и ловкіе святоши. Имъ дивится народъ, толпами стекающійся слушать ихъ проповѣди, часто благодарятъ государи, и они—любимцы папы Евгенія IV. Монахи эти однихъ себя считали послѣдователями св. Франциска, потому что каждую ночь читали молитву св. Дѣвы Маріи, каждый день два раза пѣли покаянныя псалмы съ двойною литанією, публично въ братской каялись и постоянно говорили объ умерщвленіи плоти и своей нищенствующей братіи. При этомъ они постоянно старались стѣснить конвентуаловъ—такъ называли ту часть ордена, которая не принимала такъ называемой реформаціи—и нападать на нихъ, чтобы подорвать ихъ популярность. Они высоко ставили брата Бернардино и еще при жизни торжественно готовились встрѣтить его въѣздъ, когда онъ возвращался на своемъ ослѣ, распространяли славу о чудесахъ его. Полагали, что онъ будетъ особенно чтимымъ святымъ новаго ордена, который тоже стремился отдѣлаться отъ францисканцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться его лучшимъ наслѣдіемъ.

Такъ же неизвѣстно, что вызвало Филельфо на борьбу съ этими нищенствующими монахами. Вѣроятно, и онъ подвергался личнымъ нападкамъ со стороны ихъ, или его языческая наука ¹⁾. Быть можетъ, самая слава подобныхъ народныхъ ораторовъ раздражала оратора классическаго. Онъ напалъ на нихъ съ своими остротами и бранью такъ запальчиво, какъ обыкновенно нападалъ на другихъ, свѣтскихъ противниковъ. Вѣроятно, многія изъ его нападокъ есть въ его ненапечатанномъ сочиненіи *de iocis et seriis* (о шуткахъ и серьезныхъ дѣлахъ). Но мы ясно узнаемъ также въ одной изъ его сатиръ ²⁾ минорита, когда авторъ поноситъ человѣка, который съ высоты своей кафедры проповѣдуетъ высшія блага вѣчной жизни и изображаетъ ужасы ада, котораго глупая чернь превозноситъ до небесъ, который славить имя Дѣвы Маріи съ чувствомъ грѣховной любви. Этого монаха Филельфо называетъ самымъ опаснымъ врагомъ всякой

¹⁾ О поводѣ въ спору сообщаетъ только *Ioh. Iov. Pontanns de Sermone lib. V (Opp. Venetiae 1518 lib. II fol. 235)*. Онъ говоритъ о проповѣди брата Бернардино въ Миланѣ. Но это не согласуется съ данными изъ жизни Филельфо. Или эта сцена происходила въ Сиенѣ, или другой братъ проповѣдывалъ въ Миланѣ послѣ 1439 г.

²⁾ *Dec. II nec. 5.*

дѣвственности и цѣломудрія ¹⁾; ставить его наравнѣ съ низкимъ развратителемъ юношества и не скрываетъ той мысли, что, вѣроятно, и все сословіе похоже на него ²⁾). Вся дѣятельность монаховъ представляется ему пустымъ шарлатанствомъ, и онъ смотритъ на нихъ точно такъ же, какъ на нелѣпыхъ астрологовъ, дѣла которыхъ были въ цвѣтущемъ состояніи при Филиппѣ Маріи ³⁾). Эту сатиру онъ вручилъ вмѣстѣ съ другими папѣ Николаю V. Хотя послѣдній и не былъ покровителемъ блюстителей устава, однако причислилъ Бернардино къ лику святыхъ. Впрочемъ имя этого монаха было не названо прямо, поэтому это столь же мало смутило папу, какъ и выходилъ противъ медиковъ и его флорентинскихъ друзей.

Ту же самую борьбу, на которую Филельфо былъ вызванъ случайно, Поджіо велъ систематически и больше четверти столѣтія. Онъ былъ замѣшанъ въ тѣ интриги, которыя вели блюстители устава противъ францисканцевъ—конвентуаловъ. Папа Мартинъ V поручилъ ему составить въ канцеляріи нѣсколько декретовъ, согласно которымъ до рѣшенія главнаго капитула блюстители устава должны быть ограничены въ своей дѣятельности. Въ это время имѣли право проповѣдывать лишь немногіе изъ нихъ, а сооруженіе новыхъ обителей для братіи имъ запрещено. Быть можетъ, Поджіо на этотъ разъ исполнилъ свою обязанность съ особеннымъ усердіемъ. Но блюстители сочли его внушителемъ этихъ мѣръ и начали раздражать своими нападками. Онъ отплатилъ имъ за это. Прежде всего Поджіо доказалъ, что они, несмотря на декретъ, хотѣли выстроить новую обитель, притомъ на землѣ, подаренной имъ флорентинцемъ Карло Риказоли вблизи Террановы, мѣста рожденія Поджіо, и виллы, которою онъ тамъ владѣлъ. Этими монахамъ, говаривалъ въ шутку Поджіо, лучше бы жить въ лѣсахъ и пустыняхъ, чѣмъ въ такихъ красивыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ добродѣтель подвергается слишкомъ большой опасности ⁴⁾). Онъ зналъ порядки придворнаго управленія. Монахамъ было приказано тотчасъ же остановиться постройкой, даже сломать выведенныя стѣны. За это они ославили его врагомъ христіанской вѣры и гонителемъ вѣрующихъ.

1) Qui multum flagrare sinit. tentigine cunnum etc.

2) Ecce sacerdotes qui sacra deumque ministrant.

3) V. Rosmini Vita di Filelfo T. III p. 75. 76.

4) Его письмо въ Травверсари въ его Epistt. XXIV, 8, къ Николаю *ibid.* XXV, 41, и epist. IV, 3, 4 ed. Tonelli. Alberti Sarti anensis epist. 20. 21 и отвѣтъ Поджіо отъ 21 февраля (1430).

Съ тѣхъ поръ Поджіо до преклонныхъ лѣтъ остался неприимимымъ врагомъ ордена. Онъ изображалъ дѣятельность этого учрежденія яркими красками и съ изумительною вѣрностью. Часто, по его словамъ, онъ отправлялся для развлеченія послушать такихъ людей, какъ Бернардино или Альберто де Сартеано, изъ которыхъ одного Церковь римская признала святымъ, другаго блаженнымъ. При Евгеніи IV онъ видѣлъ, какими сѣтями опутали эти блюстители уставовъ папу и его дворъ. Ихъ вліянію приписывалъ онъ и нерасположеніе къ нему первосвященника Накипѣвшая въ немъ злоба высказалась въ разговорѣ противъ лицемѣровъ, въ которомъ собесѣдниками являются Марсупини съ его заклятою враждою къ духовному сословію и бенедиктинецъ Аліотти. Здѣсь открывалъ тайны старый придворный, служившій больше 40 лѣтъ въ папской канцеляріи и пережившій семерыхъ или осмерыхъ папъ. Мы составимъ себѣ общую картину, заимствуя черты изъ этого памфлета и изъ другихъ сочиненій и писемъ Поджіо, въ которыхъ авторъ нападаетъ на монашество вообще и на миноритовъ-блюстителей въ особенности.

На причины, побуждающія людей принять монашескій обѣтъ, Поджіо смотритъ какъ безстрастный реалистъ. Большею частію, по его мнѣнію, людьми руководитъ въ этомъ случаѣ желаніе жить праздно. Нѣкоторые изъ нихъ очень бѣдны и слабы, другіе слишкомъ лѣнны и неспособны, такъ что не могутъ честнымъ трудомъ зарабатывать средства къ жизни. Развратные юноши, ничему не научившись, но промотавшіе свое состояніе, ославивши себя дурною жизнію, хотятъ возстановить свою честь тѣмъ, что дѣлаются монахами и надѣваютъ грязное одѣяніе, не очищая своей души и не оставляя своего прежняго образа жизни. Большая часть миноритовъ-блюстителей были прежде лѣнными хлѣбопашцами и наемниками и поступили въ орденъ для того, чтобы не трудиться.

Самъ онъ, по его словамъ, не добродѣтельный человѣкъ, но презираетъ этихъ людей, которые притворною личною добродѣтели обманываютъ не только другихъ, но и себя, считаютъ себя безукоризненными и въ своей надменности презираютъ всѣхъ прочихъ людей. Надѣвая грубое и грязное одѣяніе и деревянные башмаки, они гнутъ спину, ходятъ опустивъ голову, блѣдные и истощенные, и думаютъ этимъ доказать святость своей жизни и смиреніе. Но посмотрите на ту толпу лицемѣровъ, которая пріютилась около папы

1) *Dialogus contra hypocrisim s. hypocritas*, оттиски котораго приводятся въ томъ I стр. 296 примѣч. 2. согласно Поджіо *epist. IX, 20 ed. Tonelli* написанъ въ ноябрѣ 1447 г. Кромѣ того выдаются *Hist. conviv. de avaritia* (Opp. p. 2 seqq.), *de miseria sond. hum. lib.* (Opp. p. 100 seq.), изъ писемъ *epist. III, 26.*

Евгенія IV. Публично они выказываютъ презрѣніе къ золоту, постоянно твердятъ имена Иисуса Христа и Св. Дѣвы Маріи, важничаютъ своими постами, однако ужьбуютъ пріобрѣтать богатство, обманываютъ набожныхъ людей и соблазняютъ честныхъ женщинъ. Почему они называютъ Спасителя только Иисусомъ, а не Иисусомъ Христомъ, себя послѣдователями Иисуса, а не христіанами, какъ другіе? Они хотять съ помощью этого новомоднаго обычая казаться обществомъ избранныхъ. Они говорятъ о своемъ аскетическомъ образѣ жизни, какъ о подвигахъ Геркулеса, толкуютъ о своемъ бѣдномъ одѣяніи, о томъ, что часто встаютъ ночью пѣть и славить Христа. По истинѣ дѣло великое, достойное всякой похвалы,—проводить безъ сна ночи, чтобы пѣть. Что бы сказали эти монахи, если бы имъ пришлось, какъ земледѣльцамъ, идти за плугомъ въ грозу и дождь, часто босыми ногами, часто полураздѣтыми?» Не смотря на строгость правилъ, монахи эти уходятъ изъ монастыря, расхаживаютъ по улицамъ и площадямъ, гдѣ продаются мясо, овощи, масло и рыба. Какъ докучливые попрошай, а не какъ смиренные просители, они настойчиво требуютъ денегъ, башмаковъ и т. п., чего бы имъ не слѣдовало брать. Они живутъ трудами другихъ, а сами ничего не дѣлаютъ. А самые наглые изъ этихъ блюстителей всюду шнырять при дворѣ, чтобы выпросить для своего ордена милостей, льготъ и привилегій, а для себя епископства или кардинальской шляпы. Если потомъ они достигаютъ этого сана, то и папа и ихъ начальники виноваты въ этомъ; они приказали имъ такъ поступать и восторжествовали надъ ихъ пренебреженіемъ къ почестямъ.

А ихъ проповѣди, которыми они такъ превозносятся, утверждая что множество душъ спасли отъ ада!... О, если на нихъ посмотрѣть и послушать ихъ, то и меланхоликъ разсмѣется. Съ тѣхъ поръ какъ проповѣди Бернардино о покаяніи имѣли такой блистательный успѣхъ, что ему хотеть подражать всякій безстыдный глупецъ. По они дѣлаютъ такіе жесты, будто хотить прыгнуть съ каедръ, то кричатъ какъ безумные, а потомъ тихо бормочутъ, то неистово стучать кулаками по каедрѣ, то смѣются, принимая всѣ виды, подобно Протею, и часто бываютъ больше похожи на обезьянъ, чѣмъ на проповѣдниковъ! Они совсѣмъ отдаются своей болтливости и если преслѣдуютъ какую нибудь цѣль, то не спасеніе душъ, а добиваются только сочувствія и любви простаго народа, который заставляють смѣяться и этимъ разнообразіемъ развлекають. Добрыя женщины въ восхищеніи, сами не зная почему, и даютъ имъ подарки изъ благочестія. Часто эти проповѣдники останавливаются на нѣкоторыхъ темахъ и всюду толкуютъ о нихъ, часто громяють избытыми фразами, такъ что ни сами они, ни слушатели ничего не понимаютъ, часто бываютъ такъ глупы и скучны, что слушатели засыпають, часто такъ вооружаются про-

тивъ порока, что скорѣе на оборотъ—проповѣдуютъ его, рассказы-ваютъ глупыя и неумѣстныя вещи или неприличныя исторіи. Поджіо знаетъ про одного изъ такихъ блюстителей, который проповѣдывалъ чуть не раздѣвшись до нага!.. Въ концѣ концовъ они совсѣмъ хрипнуть и устаютъ, а слушатели уходятъ отъ нихъ глупѣе, чѣмъ пришли. Они вовсе никого не исправляютъ.

У Поджіо постоянно встрѣчаются подобныя картины, а въ особен-ности въ его Фацеціяхъ, приводится рядъ примѣровъ и рассказовъ про алчныхъ и прожорливыхъ монаховъ, про такихъ святыхъ, которые сво-имъ гнуснымъ обращеніемъ съ своими духовными дѣтьми нажили себѣ ту блѣдность и худобу, которымъ дивится народъ, говоритъ про оскверненіе святости брака и т. п. Часто встрѣчаются намеки на живыя лица, такъ что ихъ или узнавали, или думали въ нихъ видѣть того или другаго монаха, а нерѣдко авторъ прямо называетъ ихъ по именамъ. Если мы примемъ во вниманіе, что Поджіо былъ важнымъ лицомъ при дворѣ папы Николая V, когда писалъ разговоръ противъ лицемѣрія, что должность секретаря флорентинской республики вы-соко ставила его надъ массою обыкновенныхъ литераторовъ, когда онъ издавалъ Фацеции, и если при этомъ вспомнимъ, какъ много читалось его сочиненія, а особенно Фацеции, то ихъ значеніе выступить предъ нами въ яркомъ свѣтѣ, и станетъ понятною та глубокая ненависть, какую питали къ нему нищенствующіе монахи.

Весьма понятно, что Поджіо былъ подстрекаемъ къ этой борьбѣ про-тивоположнымъ направленіемъ своей дѣятельности. Онъ, безъ сомнѣнія, не былъ человѣкомъ строго-благочестивымъ, а еще въ мень-шей степени можно признать за нимъ реформаторскія стремленія. Но онъ вовсе не желалъ даже внѣшнимъ образомъ отрѣшиться отъ союза съ церковью, даже уважалъ почтительныя отношенія обителей къ монастырю, какъ это было обычаемъ во Флоренціи. Это ему запрещало и уваженіе къ приличію, которое въ подобномъ случаѣ было требовательнѣе самой религіи. Поэтому вовсе не удивительно, что у него были во Флоренціи дружескія связи съ нѣкоторыми монахами, даже съ блюстителемъ устава Траверсари. Но для него было весьма прискорбно, когда его старшій сынъ, которому онъ далъ научное образованіе, вступилъ въ орденъ предикантовъ, блю-стителей устава ¹⁾. Но когда самъ Поджіо писалъ свое духовное за-вѣщаніе въ миноритскомъ монастырѣ С. Кроче, то пожелалъ, чтобы его похоронили въ немъ. А черезъ годъ послѣ его смерти тамъ же должно было отслужить по немъ сто обѣдъ. А если этого не бу-

¹⁾ Poggius epist. XIII, 39. XIV, 5 ed. Tonelli.

дѣть исполнено, то его имущество, отказанное этой обители, должно перейти къ францисканцамъ-конвентуаламъ въ Гангерето, которые должны служить за упокой его души по пяти обѣденъ каждую недѣлю. Эти распоряженія онъ сдѣлалъ въ первосвященство папы Евгенія IV, во время борьбы съ лицемѣрными блюстителями за исполненіе устава ¹⁾).

Наконецъ упомянемъ здѣсь еще разъ о Валлѣ и объ его ожесточенныхъ нападкахъ на заслуги монашеской жизни и на безбрачіе въ разговорѣ о профессіи монаховъ, равно какъ и объ его распряхъ съ Антонио да Битонто, тоже народнымъ проповѣдникомъ изъ ордена францисканцевъ-блюстителей. Онъ нападалъ въ обоихъ случаяхъ безъ личныхъ поводовъ, не такъ, какъ старый Гварино нападалъ на проповѣдника Джіованни да Прато, который возставалъ противъ направленія его наставнической дѣятельности и древнихъ поэтовъ ¹⁾). Кто станеть спорить противъ вліянія и значенія этихъ мужественныхъ, даже дерзкихъ протестовъ! Однако орденъ не могъ одолѣть ни одного изъ противниковъ или заставить отречься; всѣ они, и Бруни, и Филельфо, и Поджіо, и Валла, и Гварино сохранили свое положеніе и пользовались уваженіемъ современниковъ, слѣдовательно вышли изъ борьбы побѣдителями.

Однако церковь не пострадала ни отъ какихъ нападений со стороны. Сами монахи, даже нищенствующіе, не могли остаться въ сторонѣ отъ новаго направленія, а вступать съ нимъ въ дружественныя отношенія было тоже, что подчиниться ему. Уже въ эпоху Саллютато Филиппо Виллани сообщаетъ намъ страшныя извѣстія о монахахъ. Въ орденахъ, по его словамъ, есть, конечно, люди достойные, которые кромѣ чтенія священнаго Писанія увлекаются и мірскою литературою, но они рѣшаются наслаждаться ею лишь тайкомъ, избѣгаютъ гласности, боятся, что ихъ заподозрятъ въ стремленіи къ мірской славѣ ²⁾).

Но потомъ они преодолѣли эту боязнь, овладѣвшую ими вначалѣ. Примѣръ былъ показанъ во Флоренціи доминиканцами монастыря S.-Maria Novella и францисканцами монастыря С.-Кроче. Потомъ вспомнимъ о Траверсари, генералѣ ордена Камальдуловъ, который былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ язычникомъ Траверсари и съ нескромнымъ Поджіо. Онъ восхищался цицероновскимъ краснорѣчіемъ и писалъ ради славы, какъ и вообще всѣ литераторы. Примѣръ генерала ордена принесъ свои плоды: это видно изъ исторіи обители дельи Анджіоли, къ которой онъ принадлежитъ. Паоло Орландини, братъ того же монастыря, на во-

¹⁾ Завѣщаніе отъ 19 октября 1443 г. въ *Giornale storico degli archivi Toscani* vol. II p. 1.

²⁾ Изъ его *epist. ad. anonymum* у *Mehus Vita Ambros. Travers.* p. 333.

прось о томъ, прилично ли монаху заниматься языческою литературою. отвѣчалъ утвердительно. Этого мало: какъ на главное основаніе этому, онъ указывалъ на то, что изученіемъ языческихъ сочиненій, можно развить въ себѣ блестящій ораторскій талантъ ¹⁾. А Гвидо, пріоръ обители, призналъ эти науки лучшимъ занятіемъ во время монастырскаго досуга ²⁾. Такіе взгляды высказывались все рѣшительнѣе и были отстаиваемы даже выдающимися членами ордена. Тимотео Маффеи изъ Вероны, ученикъ Гварино, регулярный каноникъ латеранской конгрегации, три раза бывший генераломъ своего ордена, будущій епископъ рагузскій, писалъ діалогъ противъ тѣхъ, кто считаетъ приличнымъ для членовъ ордена только «блаженное невѣжество», а гуманныя науки признаеть пагубою благочестія. И эту книгу онъ посвятилъ папѣ Николаю V ³⁾.

Какъ скоро стремленіе къ монашескому благочестію сталкивается съ стремленіемъ къ литературной славѣ на поприщѣ гуманныхъ наукъ, неизбежно являются личности съ двойственнымъ характеромъ. Онѣ напрасно стараются примирить между собою эти два стремленія, колеблются и становятся лицомъраи передъ самими собою и передъ свѣтомъ. Мы видѣли эту внутреннюю борьбу уже у Траверсари. Его выручило въ этомъ случаѣ знаніе греческаго языка и возможность знакомить латинскій міръ съ греческими отцами Церкви и такимъ образомъ въ одно время оказать услугу и Церкви, и гуманистическимъ наукамъ. Но воплѣ типическимъ представителемъ такихъ двойственныхъ натуръ является одинъ изъ его младшихъ приверженцевъ, бенедиктинецъ Джироламо Аліотти. Хотя онъ и второстепенный писатель, но съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія ⁴⁾.

Онъ родился въ 1412 г. ⁵⁾, въ Ареццо, на родинѣ столь многихъ ученыхъ и литераторовъ, въ молодости пять лѣтъ учился въ сѣнскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Энеемъ Пикколомини, который былъ много старше его лѣтами, занимался грамматикою, философією и стилисти-

¹⁾ Изъ его *Heptachicon* *ibid.* p. 394.

²⁾ *ibid.*

³⁾ Zanelli Il pontefice Nicolo V p. 68, видѣлъ это сочиненіе въ *cod. Vatic.* 5076. Объ его апологій Козьмы Медичи см. Т. I стр. 273 прим. 1. Его *Epistola exhortatoria ad Italiae principes de bello Turcis inferendo, d. Bononiae 1454*, указано у *Endlicher Catal.* p. 4.

⁴⁾ Hieronymi Aliotti Arretini *Epistolae et Opuscula Scarmalie notis et observationibus illustrata*. Т. I. II. Arretii 1769. Предпосланная біографія Аліотти составлена почти исключительно по письмамъ.

⁵⁾ По *Epist.* VIII, 57. Въ другомъ свѣдѣніи *epist.* VI, 27, по видимому, простая ошибка.

кою, но не выбралъ себѣ никакой особой науки ¹⁾). Мы помнимъ, что въ то время Маттіа Лупи преподавалъ въ Сіенѣ гуманистическія науки и что тамъ-же возникъ Гермафродитъ Беккаделли. Слѣдовательно, побужденій къ занятіямъ языческою древностью было достаточно. Аліотти былъ бѣденъ и окруженъ бѣдными родственниками. Поэтому въ 1430 г. онъ поступилъ въ монастырь св. Флоры и Луциллы въ Аренцо, хотя не находилъ ничего отраднаго для себя въ монашеской жизни. Онъ былъ еще молодъ, но уже отрѣшился отъ вѣры. Даже въ то время, когда Аліотти «блуждалъ еще во тьмѣ», онъ признается, что когда слышалъ Евангеліе или читалъ посланія Апостола Павла и сочиненія блаженнаго Августина, то не хотѣлъ имъ вѣрить, даже сомнѣвался, были-ли когда нибудь Иисусъ Христосъ, апостолъ Павелъ и блаженный Августинъ. Безспорно, съ нимъ самимъ и его сомнѣніями происходило то же самое, что онъ рассказываетъ съ поэтическими прикрасами про близкаго ему монаха, котораго «древшій врагъ» соблазнялъ—образовать свой умъ и посвятить себя гуманистическимъ наукамъ. Онъ больше любилъ читать Виргилія, чѣмъ псалмы, изящныя письма Цицерона предпочиталъ простымъ посланіямъ Апостола Павла, а Ливія и Квинтиліана—пророку Іезекілю. Онъ сталъ скучать Богослуженіемъ. Если аббать, поручалъ Аліотти какое-нибудь церковное дѣло то онъ смотрѣлъ на это какъ на нѣчто непріятное и покорялся съ ропотомъ ²⁾). Онъ ясно сознавалъ въ себѣ призваніе къ чему-то высшему, но по бѣдности не могъ выдти изъ монастыря. Аліотти не задавалъ себѣ вопроса, можетъ ли монастырь содержать молодаго человѣка, готовящагося къ гуманистическому попришу.

Во время такой душевной борьбы встрѣтилъ его Траверсари въ Аренцо и убѣждалъ остаться вѣрнымъ своему скромному положенію ³⁾). По словамъ Аліотти, уже самое появленіе Траверсари избавило его отъ сѣтей сатаны и внушило мысль вступить въ орденъ. Въ монастырѣ никто не принималъ участія въ его гуманистическихъ занятіяхъ. Здѣсь къ нему отнесся съ дружескими поощреніями только одинъ знаменитый и вліятельный монахъ, который тоже изъ низкаго званія возвысился до генерала ордена, и этому участію молодой человѣкъ обязанъ былъ отчасти своими занятіями, отчасти своею склонностью къ направленію блюстителей устава. Монахъ этотъ сдѣлался его образцомъ и въ то же время опорю

¹⁾ Такъ какъ въ Pii II Defensio (Т. II р. 350) онъ опредѣляетъ время своего ученія отъ 1425 до 1430, то, вѣроятно прослушалъ только низшіе курсы.

²⁾ Изъ сочиненій De felice statu religionis monesticae (Opp. Т. II р. 141).

³⁾ Онъ самъ рассказываетъ въ Hodoeporicon объ этомъ посѣщеніи въ декабрѣ 1431 г.: *Consolati sumus Hieronymum nostrum, quantum licuit, atque ad perseverantiam animavimus etc.*

для его честолюбивыхъ стремленій. Алиотти никогда не былъ человѣкомъ вполне религіознымъ, но всегда стремился достигъ высокаго и спокойнаго положенія. Мучимый сомнѣніями на счетъ того, можетъ ли монахъ читать книги язычниковъ и прилично ли его сану изученіе краснорѣчія, онъ сталъ писать одно сочиненіе. Авторъ доказывалъ, что эти занятія должны служить монаху «лишь отдохновеніемъ для утомленнаго ума», но что онъ не долженъ искать славы. А одному камальдулу, которому была посвящена книга, Алиотти ставилъ на видъ, что онъ какъ поэтъ, напрасно избралъ для своего таланта свѣтскій сюжетъ, указывалъ ему на обильную духовную пищу, содержащуюся въ книгахъ св. Писанія и допускалъ только такія поэтическія темы, какъ житія святыхъ и страданія мучениковъ. Такъ какъ самъ онъ не былъ поэтомъ, то его теорія вполне согласовалась съ его вкусами и талантами ¹⁾.

Ему никто не запрещалъ въ монастырѣ углубляться въ книги. Но когда молодой человѣкъ началъ обнаруживать себя приверженцемъ наблюдателей за исполненіемъ уставовъ, поприще, которое въ то время манило многихъ честолюбцевъ и внесло раздоръ не въ одинъ монастырь, то аббатъ удалилъ его изъ обители ²⁾. Ему приходилось вести скитальческую жизнь, ища пріюта въ разныхъ мѣстахъ. Онъ охотно поступилъ бы въ орденъ камальдуловъ, чтобы жить подъ покровомъ Траверсарн, но въ самомъ Камальдоли слышалъ, что генераль ордена ищетъ предлога въжливо отказать ему, а папа не давалъ разрѣшенія выйти изъ ордена ³⁾. Изъ этого мы видимъ, что непостоянному монаху не довѣряютъ и не хотятъ ничего знать объ его наукахъ. Правда, самъ онъ всегда увѣрялъ, что стремится не къ блестящему положенію въ свѣтѣ и не къ славѣ своего имени, а предпочитаетъ тихую деревенскую жизнь, гдѣ радуютъ сердце журчащій ручей, тѣнистый лѣсъ, усладительное пѣнье соловьевъ и бесѣда съ книгами. Но собственно цѣлью его желаній былъ хорошо обставленный досугъ, богатая бенефиція, а если можно, то значительная должность и вліяніе. Онъ все еще надѣялся отличиться въ качествѣ ревностнаго блюстителя за исполненіемъ уставовъ, потому

¹⁾ De felici statu etc. Такъ какъ это сочиненіе было посвящено 13 января 1432 г. камальдулу Габриэлле въ монастырѣ дельи Анджіоли во Флоренціи, то оно, очевидно, не предназначалось для Траверсарн.

²⁾ Алиотти epist. II, 6, говоритъ, что обитель всегда принадлежала къ этому направлению и только впоследствии отстранялась отъ него. Это постоянно утверждали въ подобныхъ спорныхъ случаяхъ.

³⁾ Epist. I, 4. Другое письмо Алиотти къ генералу ордена, которое авторъ благодушно не принялъ въ свое собраніе, есть въ числѣ писемъ Ambros. Travers. epist. XXIV, 13.

что такъ всего лучше можно было зарекомендовать себя у папы Евгенія и его кубикуларія и духовнаго отца, брата Арсенію. Подвизаться въ качествѣ благочестиваго монаха Аліотти вовсе не желалъ. Онъ утверждаетъ, что какъ человекъ слабаго сложенія и здоровья — такимъ постоянно онъ изображаетъ себя,—онъ не можетъ вынести постовъ и бичеваній, требуемыхъ строгими монастырскими правилами. Хотя Аліотти показывалъ видъ, будто презираетъ свѣтъ и шумные города, однако въ 1439 г., когда во Флоренціи ожидали собора и папы, онъ рѣшился отправиться туда, чтобы поступить на службу при римскомъ дворѣ или къ какому нибудь прелату. Теперь его не тревожила суета и шумъ большого города, и онъ чувствовалъ себя созданнымъ для общественной жизни ¹⁾. Онъ, дѣйствительно, поступилъ на службу къ кардиналу Забареллѣ, епископу флорентинскому, и съ нимъ, какъ съ легатомъ, отправился во Францію. Но Аліотти только и исхода тайствовалъ чрезъ него, что бѣдное аббатство S. Maria in Mamma въ аретинскомъ діоцезѣ.

Чтобы заслужить расположеніе папы, Аліотти, находясь въ стѣсненномъ положеніи, трудился надъ сочиненіемъ объ образованіи монаховъ. Но вскорѣ онъ узналъ, что одинъ изъ его сожителей вырвалъ листокъ изъ книги съ ничтожною цѣлью. Авторъ отомстилъ ему тѣмъ, что предалъ такому же поруганію его итальянскіе стихи. Потомъ онъ исправилъ книгу и посвятилъ ее папѣ Евгенію IV, смиренно предлагая ему бросить ее въ огонь, такъ какъ авторъ не ищетъ мірской славы, которая, по его мнѣнію, скорѣе разсѣвается, чѣмъ дымъ и туманъ. Въ діалогѣ, въ которомъ посредникомъ является покойный Траверсари, «единственный фениксъ нашего времени», снова разсматривается вопросъ о томъ, приличны ли для монаха занятія наукою. Самъ авторъ выступаетъ защитникомъ монашеской простоты, а Траверсари находитъ это забавнымъ, такъ какъ онъ видѣлъ его изящныя письма ²⁾. Самъ папа не обратилъ вниманія на его книгу и не пожелалъ видѣть его изящныя письма. Только въ 1446 г. Аліотти получилъ достаточно богатое аббатство св. Флоры и Луциллы, изъ котораго когда-то былъ выгнанъ ³⁾. Но больше онъ ничего не достигъ, не смотря на свои хлопоты, напротивъ именно благодаря имъ. Его исканія епископіи сначала въ Ареццо, потомъ

1) Epist. I, 9. 11.—I, 12: Nam veterem illam quietem cellulae iam pridem diuturna oblivione sepelevi, et libentius nunc in rebus agendis versor, quam in contemplatione scripturarum, quamquam utrumque faciam, si erit opus. I, 19: ego tum agreratis consuetudinis et vitae prope confectus taedio, cum laudabilium studiorum desiderio incensus etc.

2) Epist. I, 28. 29. 30. II, 33. Книга de monachis erudiendis T. II p. 176 seq.

3) Epist. II, 67. III, 1.

въ Читта ди Каstellо остались безъ послѣдствій. Онъ умеръ въ своемъ небольшомъ аббатствѣ 20 июля 1480 г. 1).

Монахъ, желавшій отличиться, походилъ на поклонника краснорѣчія тѣмъ, что искусно умѣлъ льстить и угождать, также стремленіемъ украшать свои почтительныя посланія къ вліятельнымъ меценатамъ роскошными цвѣтами краснорѣчія. Но у него не было такта лучшихъ гуманистовъ и еще въ большей мѣрѣ литературной извѣстности, которая одна даетъ цѣну подобнымъ посланіямъ. Онъ постоянно старается въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ лести, тогда какъ на самомъ дѣлѣ даже между гуманистами принадлежитъ къ числу самыхъ противныхъ льстецовъ особенно когда хочетъ чего-нибудь добиться отъ лица, занимающаго высокое положеніе 2). Если въ трудныя минуты своей жизни онъ получалъ письма отъ Траверсари, то благодарилъ его съ преувеличенною преданностью, говоря, что отъ радости не знаетъ, на яву онъ или во снѣ, и какъ часто цѣловалъ эти письма, не будучи въ состояніи цѣловать, священныя руки писавшаго 3)! Какими похвалами осыпалъ онъ Забареллу, получивши рѣчь, говоренную имъ королю французскому 4)! Когда Забарелла умеръ, то Алиотти написалъ въ честь его благодарственное надгробное слово, которое думалъ произнести на похоронахъ. Въ ней и духовенство и народъ флорентинскій сѣтуютъ о потерѣ отца отечества. Но когда онъ льстилъ его преемнику, челоуѣку иного направленія, то причислялъ своего бывшаго благодѣтеля къ сонму тѣхъ людей, которые стригутъ своихъ овецъ и сдираютъ съ нихъ шкуру 5).

Алиотти старался поддѣлаться и къ Поджіо, потому что разныя связи послѣдняго при римскомъ дворѣ были полезны для его друзей. Тутъ онъ надѣялся войти въ его расположеніе тѣмъ, что изображалъ себя челоуѣкомъ отъ природы робкимъ и стыдливымъ, которому трудно признаться въ любви и который смѣлѣе откроется въ этомъ чувствѣ письменно. Послѣ такого введенія онъ прямо высказалъ ему самую грубую похвалу, именно что Поджіо по учености, серьезности и изяществу своей рѣчи стоитъ выше всѣхъ современниковъ и все таки ласковъ и обходителенъ. Алиотти очень хорошо зналъ, что Поджіо

1) Ср. G. Voigt. Pius. II Bd. III S. 618.

2) Здѣсь достаточно одного примѣра изъ его epist. II, 9 къ Забареллѣ: *et ego enim illius sum ingenii, ut collocata apud me beneficia nullo pacto labi et excidere memoria possint, licet secus fortasse videatur nonnullis, quod natura mes ub officio adsentatoris quam longisaimae abest, et solet ut plurimum dominis placere adsentatio.*

3) Epist. I, 4.

4) Epist. I, 14.

5) Epist. II, 27. 54. Самая рѣчь Opp. T. II p. 111.

неравнодушенъ къ похваламъ ¹⁾, но не зналъ его опытности въ этомъ отношеніи. Чтобы вполне угодить ему, онъ явно противопоставляя Поджіо надменнаго и недоступнаго канцлера Бруни, котораго по своей пошлости называетъ осломъ. Ученый этотъ не зналъ и того, что, не смотря на нѣкоторыя недоразумѣнія, Поджіо и Бруни всегда оставались друзьями. Когда это было передано Бруни, то Алиотти весьма постыднымъ образомъ отказался отъ такихъ оскорбительныхъ словъ, указывалъ на свою «безукоризненную жизнь», говорилъ, что онъ никого не оскорблялъ словами и желалъ всегда быть цѣнителемъ Бруни ²⁾. Дѣйствительно, когда онъ въ одной рѣчи, обращенной къ братіи во время поста въ 1442 г., возставалъ противъ лицемѣровъ, то сослался на извѣстную инвективу, написанную противъ нихъ его «высоко краснорѣчивымъ» землякомъ Бруни ³⁾. А какъ думалъ объ этомъ эпизодѣ Поджіо, можно видѣть изъ его откровенныхъ признаній Бруни, а также изъ той роли, какую онъ надѣляетъ брата Алиотти въ діалогѣ противъ лицемѣровъ. Однако онъ не порывалъ съ ними сношеній. И впоследствии Алиотти говорилъ объ его «безсмертіи», чтобы заставить его хлопотать въ свою пользу при римскомъ дворѣ ⁴⁾.

Алиотти былъ вовсе не монахъ по натурѣ, какъ ни усиливался восторгаться благочестивою жизнью въ монастырѣ и твердить заученныя фразы о глубочайшемъ смиреніи. Поэтому онъ считаетъ нужнымъ постоянно указывать на свою монашескую простоту и кротость и увѣрять въ этомъ всѣхъ ⁵⁾ Но онъ уже вкусилъ отъ древа иного познанія, послѣ чего возвратъ къ невинности невозможенъ. Какъ онъ ни изловчается, все таки и въ бѣломъ орденскомъ одѣяніи виденъ «ораторъ и поэтъ». Гдѣ только можно, онъ пользуется этими талантами и возлагаетъ на нихъ свои блестящія надежды. Кромѣ Траверсари и Поджіо, онъ вступилъ также въ сношенія съ Марсупини и Леоне Баттиста Альберти, съ Григоріо Корраро, Бьондо, съ своими земляками Бенедетто Аккольти и Тортелло, съ Леонардо Дати и Маффео Веджіо.

¹⁾ *Nosti, quam sit percipida laudis senectus*, говоритъ онъ наивная на Поджіо въ *epist.* II, 7.

²⁾ *Epist.* I, 15. 16: *Ego tuus sum, tuarum laudum et ornamentorum praeco et buccinator estiti, sempercue desidero fore.*

³⁾ Рѣчь см. *Opp.* Т. II р. 293.

⁴⁾ *Epist.* IV, 5. 8.

⁵⁾ Какъ напр. въ странномъ письмѣ къ генералу ордена камальдуловъ Гомецу (*epist.* I, 20), въ которомъ онъ самымъ наивнымъ образомъ хвалитъ свою душу и утверждаетъ, что можетъ не стѣсняясь говорить такъ о самомъ себѣ, какъ о постороннемъ. *Sum enim apertioris liberalis quenaturae, ut qui nihil fucatum, nihil simulatum recipiam etc.*

При этомъ Алиотти носился съ разными литературными планами, хотя не обработалъ ничего, кромѣ писемъ и помянутыхъ нами трактатовъ о монашеской жизни. Когда Траверсари умеръ, то, желая почтить его память признательностью, онъ уговаривалъ Марсуппини и Альберти написать его біографію. Потомъ Алиотти хотѣлъ самъ приняться за эту работу, если монахъ, близко стоявшій къ генералу ордена, доставить ему матеріалъ на народномъ языкѣ. Но монахъ этотъ не оказалъ ему подобной услуги ¹⁾. Алиотти отправился во Флоренцію, думалъ учиться по гречески и приготовить, подобно Траверсари, къ переводамъ сочиненій по церковной литературѣ ²⁾. Но такъ какъ никто не помогалъ ему, хотя съ другой стороны никто и не мешалъ, то во Флоренціи онъ сталъ хлопотать только о томъ, какъ бы получить хорошее аббатство, а занятіе греческимъ языкомъ предоставилъ другимъ. Потомъ онъ принялся за исторіографію и вознамѣрился написать флорентинскую исторію съ той эпохи, на которой остановился Бруни, до своего времени и включить въ нее біографію Евгенія IV. Но Алиотти не нашелъ человѣка, который бы подготовилъ и предложилъ ему матеріалъ для обоихъ этихъ трудовъ; самъ онъ только хотѣлъ изложить его по латыни ³⁾. Бьондо, съ которымъ онъ совѣтовался о хорошей темѣ, посоветовалъ ему написать объ упадкѣ латинскаго языка и его возрожденіи, но авторъ находилъ, что у него мало свободнаго времени для подобной работы, въ сущности же у него не было для этого никакихъ необходимыхъ условій ⁴⁾. Это была собственно натура не плодovitая, хотя Алиотти обладалъ нѣкоторымъ запасомъ свѣдѣній и научился писать хорошо по латыни. Самое лучшее, что онъ дѣлалъ, это переписка книгъ для другихъ ⁵⁾. У него было скромное аббатство въ Ареццо, но онъ вознамѣрился изъ тщеславія заказать переписку книгъ и небольшихъ сочиненій знаменитыхъ литераторовъ своего времени и такимъ способомъ собрать въ своемъ монастырѣ бібліотеку новѣйшихъ писателей. Начать аббатъ хотѣлъ съ сочиненій Поджіо ⁶⁾. Но и этотъ планъ остановился въ самомъ началѣ, и онъ ограничился тѣмъ, что собралъ свои собственныя письма ⁷⁾. Такъ всю свою жизнь онъ вращался между двумя полюсами, между монашествомъ и гуманистическими науками, не сдѣлавъ ничего полезнаго.

1) Epist. I, 18. 21. 22. 23.

2) Epist. II, 9.

3) Epist. II, 46.

4) Epist. II, 46. 48.

5) Epist. II, 63. 64. III, 7.

6) Epist. IV, 6 въ Поджіо.

7) Epist. V, 45. VII, 21. 32. 42. T. II epist. VIII, 18. 38.

Нищенствующие монахи должны бы были всячески избѣгать классическихъ наукъ, какъ и всякой классической роскоши. Однако и въ этомъ случаѣ не малое число ихъ было привлечено въ сферу гуманизма. Даже о святомъ Бернардино рассказываютъ, что онъ изучалъ краснорѣчіе по образцамъ древнихъ писателей. Мы знаемъ положительно, что въ этомъ упражнялся одинъ изъ его приверженцевъ и послѣдователей, прославленныхъ главъ миноритовъ, регулярныхъ блюстителей устава, народный проповѣдникъ Альберто да Сартеано ¹⁾). Мракомъ неизвѣстности покрыта ранняя юность этого монаха, о заслугахъ котораго краснорѣчиво свидѣлствуютъ письменные документы его ордена и котораго римская церковь если не причислила къ святымъ, какъ Бернардино, то все-таки наименовала блаженнымъ. Мы только знаемъ, что онъ долгое время жилъ во Флоренціи и былъ друженъ съ Поджіо, Никколи, Траверсари и Бруни. Поэтому ясно, откуда явилась у него ранняя склонность къ гуманнымъ наукамъ. Онъ уже, вѣроятно, въ то время принадлежалъ къ ордену, а потомъ, еще молодымъ человѣкомъ ²⁾), отправился въ сентябрѣ 1422 г. съ сильною охотою къ ученью къ Гварино, который въ то время содержалъ школу на своей родинѣ, въ Веронѣ. Цѣлью его было усвоить себѣ греческій языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усовершенствоваться въ латинскомъ краснорѣчій. Онъ достигъ этого въ 10 мѣсяцевъ, насколько вообще могъ достигъ. Неутомимое прилежаніе ученика соотвѣтствовало трудолюбію наставника, такъ что вскорѣ Гварино больше любилъ называть его другомъ, чѣмъ ученикомъ. Несмотря на свое монашеское платье онъ былъ въ сношеніяхъ съ товарищами по занятіямъ греческимъ языкомъ и поддерживалъ переписку съ флорентинскими покровителями, особенно съ Никколи. Въ Веронѣ, въ провинціальномъ капитулѣ своего ордена, онъ говорилъ, публичную рѣчь о таинствѣ причащенія ³⁾).

1) *Beati Alberti a Sarrhiano Opera omnia illustrata a F. Haroldo, Romae 1688.* Здѣсь напечатаны три рѣчи и 125 писемъ, которымъ издатель предпослалъ жизнь блаженного Сартеано. Изданіе писемъ у Martene et Durand Vett. Schriptt. ampl. Collect. T. III p. 755 seq. можетъ при этомъ быть оставлена безъ вниманія.

2) Это безъ сомнѣнія ошибка, яди его смѣшиваютъ съ другимъ лицомъ, если Уаддингъ и его преемникъ говорятъ, что онъ уже въ 1415 г. и на 30-мъ году жизни перешелъ въ блюстителіи, слѣдовательно родился въ 1385 г. Онъ самъ говоритъ въ *epist.* 25. 33. 87, что *in adolescentia* и *puer* *repe* учился у Гварино. Поэтому было бы произволомъ относить это къ прежнему преподаванію Гварино во Флоренціи и допустить, что Альберти учился у него два раза. И Траверсари (*Ambros. Traversari epist. VIII, 1*) называетъ его *verecundus adolescens*, чего никто не скажетъ про 38-лѣтняго мужчину особенно если самъ онъ только годомъ моложе.

3) *De sanctissimo eucharistiae sacramento* отъ 1422 г. Траверсари прямо говорятъ, что она сказана въ Веронѣ. О пребываніи Гварино въ Веронѣ см. *epist.* 2. 6. 8.

Какъ истинный ученикъ Гварино, во вступленіи ораторъ говорилъ о томъ недovѣрїи, какое питаетъ къ своему слабому уму, учености, краснорѣчію и т. д. Онъ привелъ и нѣкоторые тексты изъ запаса вновь приобретенной греческой учености. Гварино, какъ и всегда, былъ въ восторгѣ отъ своего ученика. А Траверсари, которому молодой монахъ сообщилъ свое произведеніе, чтобы слышать его откровенное мнѣніе о немъ или по крайней мѣрѣ вызвать похвалу, признавалъ благія стремленія и нѣкоторый ораторскій талантъ, но нашелъ содержаніе недостаточно серьезнымъ, а слогъ не особенно легкимъ. Хотя братъ Альберто и выразилъ желаніе подражать изяществу Гварино и легкости рѣчи Поджіо, однако, дѣйствительно, его латынь отзывается темнотою и тяжеловатостью монашеской латыни. Только братья по ордену могли считать его искуснымъ писателемъ. Греческимъ же языкомъ онъ впоследствии никогда не пользовался или прибѣгалъ къ нему мимоходомъ.

Эпоху пребыванія во Флоренціи и Веронѣ закончилось и гуманистическое образованіе нашего минорита. Когда братъ Бернардино, прославленный конгрегациею святой, говорилъ въ іюлѣ 1423 г. свои проповѣди о покаяніи, то Альберто поспѣшилъ къ нему. Онъ желалъ подъ его руководствомъ изучить народную проповѣдь съ ея чудесами а потомъ странствовать и самому по примѣру его ¹⁾. Съ тѣхъ поръ вся его жизнь посвящена дѣятельности ордена и наблюденію за исполненіемъ уставовъ. Въ капитулахъ и при выборахъ онъ былъ энергиченъ, также при основаніи новыхъ обителей, въ борьбѣ съ конвентуалами, въ ухаживаніи за папами, кардиналами и епископами, если ему нужна была ихъ поддержка и новыя милости. Онъ отправлялся и на востокъ, въ Іерусалимъ и къ священнику Іоанну по дѣламъ ожидаемаго соединенія церквей. А всего больше онъ странствовалъ по городамъ Італіи, гдѣ, подобно Бернардино, громилъ роскошь, женскіе наряды, игру въ кости и карты и потрясалъ умы вѣрующихъ. Его и Джіованни да Капистрано считали самыми достойными послѣдователями Бернардино, столпами конгрегации ²⁾. Старый Гварино, слышавшій проповѣдь Сартеано въ маѣ 1447 г. въ Феррарѣ, крайне гордился этимъ питомцемъ, передъ которымъ ежедневно стояли на колѣнахъ тысячи народа, который въ теченіи четырехъ часовъ могъ говорить не измѣняя голоса, гремѣлъ «какъ труба, даже какъ громъ». Особенно увлекъ этотъ проповѣдникъ однажды своего наставника, когда восхвалялъ науки и, конечно, въ угоду ему, убѣждалъ къ изученію ихъ, при-

¹⁾ Epist. 9 къ Гварино.

²⁾ Объ этой сторонѣ его дѣятельности см. Wadding Annal. minor. edit. Lugdun T. V p. 101 seq.

вода примѣры и свидѣтельства изъ древнихъ и новыхъ писателей, изъ поэтовъ и ораторовъ языческихъ и христіанскихъ. За это Гварино воспѣлъ его въ гекзаметрахъ и посвятилъ ему жизнь св. Амвросія ¹⁾. Но народный проповѣдникъ не дожилъ до старости; онъ умеръ, и 15 августа 1450 г. его похоронили въ монастырѣ С. Анджело у воротъ Милана.

И братъ Альберто не уяснилъ себѣ вопроса о томъ, въ какомъ случаѣ ему слѣдуетъ ратовать противъ классическаго язычества и насколько онъ можетъ отрѣшиться отъ своей прежней страсти къ нему. Однажды онъ хотѣлъ предоставить Сципіона Африканскаго за щету его дѣяній «кичливой древности», а въ другой разъ разсказывалъ брату своего ордена въ капитулѣ опять про Сципіона Африканскаго ²⁾. Онъ ратуетъ противъ «преданныхъ міру писателей нашего времени», также направляетъ небольшую филиппику противъ «стремящихся къ суетной славѣ ³⁾», однако самъ послалъ свои сочиненія и письма флорентинскимъ друзьямъ, чтобы вѣжливостями въ простомъ духѣ и своимъ незамысловатымъ и почти грубымъ краснорѣчіемъ вызвать ихъ лестные отзывы. Мы помнимъ, что онъ хотѣлъ разразиться громами противъ Гермафродита и при этомъ даже не считалъ нужнымъ щадить ни своего наставника Гварино, ни друга Поджіо за то, что они похвалили нескромное произведеніе. На сторонѣ его былъ и тотъ братъ Джіованни да Прато, который проповѣдывалъ въ Феррарѣ противъ стараго Гварино, читавшаго постомъ Теренція съ своими учениками ⁴⁾. Однако онъ даже въ присутствіи Гварино хвалилъ его методу преподаванія гуманныхъ наукъ!

Съ Поджіо братъ Альберто былъ постоянно въ отличной дружбѣ. Канцлеръ умѣлъ цѣнить классическое образованіе даже у такого монаха, тѣмъ болѣе, что послѣдній во время своихъ миссіонерскихъ поѣздокъ не прочь былъ искать книги для него и для Никколи ⁵⁾. Конечно, о проповѣдяхъ его онъ былъ въ душѣ того же мнѣнія, какъ и о проповѣдяхъ его сподвижниковъ. Альберто былъ въ смущеніи, когда въ 1430 г. при постройкѣ орденовой обители въ Террановѣ и Гангеррѣ,

¹⁾ Письмо Гварино отъ 7 мая 1447 г. и его посвященіе у Martene et Durand Vett. Scriptt. collect. T. III p. 855. 874.

²⁾ Epist. 43 отъ 23 марта 1436 г.: Scipio Africanus, de quo spirans inflata gentilitas tanta, quamvis mortalia et inania incitat. Напротивъ рѣчь pro electione ministri generalis отъ 1443 г.

³⁾ Contra appetitores vanae laudis, приписанное Лионелло д'Эсте, напечатано какъ epist. 66.

⁴⁾ Epist. 103.

⁵⁾ Poggius epist. III, 35 ed. Tonelli отъ 10 июня 1429 г.: Albertus de Sarteano, doctus, perhumanus vitaeque, ut puto, integerrimus. Точно также epist. IV, 3.

Поджіо не только помѣшалъ братіи - блюстителямъ, но и сдѣлалъ рѣзкій отзывъ о цѣломъ сословіи. Онъ не желалъ проповѣдывать противъ друга на площадяхъ, поэтому взялся за перо не только въ защиту своихъ сподвижниковъ по ордену, но и съ тѣмъ, чтобы расхвалить ихъ въ литературѣ, дабы «невинные рабы» Божьи не пострадали отъ нападокъ челоуѣка талантливаго и извѣстнаго ¹⁾. Онъ хочеть бесѣдовать съ нимъ въ духѣ христіанской любви и потому обыкновенно называетъ его дорогимъ Поджіо, но не хочеть выдавать и своего сословія. Альберто упрекаетъ его въ томъ, что онъ услаждается изреченіями древнихъ, «словно свиною бардою (!)», какъ повѣствуется въ притчѣ о блудномъ сынѣ. И это прежде всего потому, что Поджіо называетъ напиткомъ Юпитера—превосходное вино изъ Гангерето, котораго онъ не давалъ монахамъ. «Не значить ли это поносить Бога или прямо признавать, что Юпитеръ—твой богъ!» Онъ хорошо сдѣлалъ, что смягчилъ тонъ и съ челоуѣкомъ, мыслящимъ по-мірски, боролся мірскимъ оружіемъ—ученостью и краснорѣчіемъ. Если онъ ссылается на Цицерона, то это имѣеть такой видъ, будто онъ лишь примѣняется ко взгляду Поджіо: «твой Туллій». Однако классическая ученость льется у него какъ изъ рога изобилія, хотя онъ пересыпаетъ ее цвѣтами христіанскихъ истинъ. Поджіо предоставилъ своему другу, монаху, разглагольствовать и съ юморомъ отнесся къ его нападкамъ ²⁾.

Разставаясь съ временемъ Николая V, бросимъ бѣглый взглядъ на слѣдующія десятилѣтія и ограничимъ нашу задачу папствомъ и Римомъ. Еще долго помнили, чѣмъ былъ прежній папа для ученыхъ и составителей книгъ; его даже не по заслугамъ возвеличили, какъ идеалъ великодушнаго и милостиваго мецената ³⁾. До него ученые, не бывшіе ни канонистами, ни богословами, никогда не пользовались такимъ почетомъ, никогда не получали такъ легко и такую толпою должностей и высшаго положенія.

¹⁾ Epist. 20 къ Николи. Epist. 21 къ Поджіо есть самое сочиненіе.

²⁾ Поджіо къ Траверсари отъ 15 марта 1430 г. въ письмахъ Амвросія Траверсари epist. XXIV, 8: Albertus.... satis acriter me reprehendit, sed bono animo. Въ концѣ: Vale et ora pro Poggio tuo, hoc est, ut fiat bonus. Albertus a Sarthiano epist. 89 къ Поджіо отъ 30 марта 1443 г.

³⁾ Такъ изображаетъ его напр. епископъ азерійскій, какъ образецъ для папы Калиста. Онъ говоритъ ему въ предисловіи къ первому изданію Комментарія Николая да Лпра у Bolfield Prefaces p. 48; Venerare doctos homines, aeternitatis vosa!... Venerare libros, immortalitatis instrumenta! Такова дѣйствительно была программа Николая V.

На первых порах отливъ былъ неизбеженъ. Преемника Николая V, престарѣлаго Каликста III, на котораго выборъ палъ именно въ силу его старческой слабости, воодушевляла только одна мысль—о войнѣ съ турками; а все остальное онъ предоставилъ своимъ родственникамъ изъ дома Борджіа. Если кто хотѣлъ его похвалить, то называлъ канонистомъ. Къ гуманнымъ наукамъ у него никогда не было влеченія. Мы знаемъ, какъ онъ смѣлся надъ собраніемъ книгъ своего предшественника и какъ поступалъ съ греческими рукописями. Въ ученомъ кабинетѣ папы, послѣ его смерти, нашли лишь нѣсколько экземпляровъ Ветхаго и Новаго Завѣта и книги по богословію и каноническому праву ¹⁾. Гуманистовъ, набранныхъ Николаемъ V въ секретари, притомъ во множествѣ, нельзя было удалить сейчасъ-же. Но имъ уже не оказывали предпочтенія. «Кателаны», свита фамилии Борджіа, съумѣли проникнуть въ канцелярію. Сначала попытались было поднести папѣ въ даръ литературныя работы, но потомъ перестали, потому что это оказалось дѣломъ вполне неблагодарнымъ. Поэтому литераторы смотрѣли на слабоумнаго старца съ презрительной усмѣшкою. Они пустили въ ходъ молву, будто кардиналъ Капраника тотчасъ же по его вступленіи на первосвященнической престолъ сказалъ: «Какъ глупо поступили дураки, что выбрали дурака ²⁾!» Узнавши, что папа «къ великой общей радости» наконецъ умеръ, Филельфо высказалъ, желаніе чтобы съ блаженнымъ успеніемъ этого «человѣка» миновало время спячки для наукъ ³⁾.

Тотъ же Филельфо съ восторгомъ привѣтствовалъ новаго папу Пія II, того Энея Сильвія, который уже пользовался громкою славою какъ ораторъ и былъ вѣнчаннымъ поэтомъ, какъ солнце, которое лучами своими разсѣяло густой туманъ. Отъ него ждали даже большаго, чѣмъ прежде отъ Николая V, именно, что онъ соберетъ около себя большой кружокъ ученыхъ, надѣлитъ ученыхъ и поэтовъ жалованьемъ и подарками, должностями и высокими положеніемъ. Но люди, сами вышедшіе изъ такого кружка и достигшіе высшихъ степеней, не всегда бываютъ покровителями своихъ прежнихъ товарищей по роду занятій. Пій II, несомнѣнно, питалъ любовь къ наукамъ и искусствамъ. И онъ приказалъ отыскивать греческія и латинскія рукописи и переписывать ихъ; его дворъ опять сдѣлался сборнымъ мѣстомъ архитекторовъ, ваятелей, живописцевъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и миниатю-

1) См. каталогъ у Müntz Les arts à la cour des Papes. I Partie p. 213.

2) Jo. Jac. Pontanus de magnificentia (Opp. lib. I fol. 130).

3) Его письмо къ Виссаріону отъ 13 августа 1458 г.

ристовъ ¹⁾). Но этотъ папа не особенно любилъ грамматическую ученость и греческую литературу. Поджіо, Валла и вообще старшее поколѣніе гуманистовъ, которому онъ обязанъ былъ своимъ образованіемъ, вскорѣ умерло; Филельфо, бывшій когда-то его наставникомъ, возстановилъ его противъ себя своею безстыдною назойливостію. Особенно мало пользовались милостями папы поэты, который самъ когда-то писалъ много стиховъ, и часто вмѣсто награды надъ ними смѣялись. По его словамъ, ораторъ и поэтъ должны быть великими художниками, а иначе они ничего не стоятъ. Это доказываетъ, что Пій II хорошо понималъ недостатки и слабости писателей. Что касается безсмертія въ потомствѣ то онъ полагалъ, что самъ заслужить его собственными сочиненіями, такъ что его не слѣдуетъ ждать отъ посвященій и похвалъ другихъ литераторовъ. Уже будучи папою, онъ любилъ остроумныя изреченія, говорилъ хорошія рѣчи и дорожилъ похвалами, писалъ или диктовалъ высокопарныя буллы и грамоты, написалъ Записки о времени своего правленія и учеными трудами хотѣлъ удостоиться славной памяти въ исторіи. У него было лишь нѣсколько литературныхъ любимцевъ, такіе люди, какъ Джіантоніо Кампана и кардиналъ Амманати-Шикколomini, развлекавшіе его своею остроумною бесѣдою и иногда соперничавшіе съ нимъ въ сочиненіи веселыхъ эпиграммъ. Онъ самъ былъ такой замѣчательный писатель, что не могъ быть настоящимъ меценатомъ ²⁾.

Преемникомъ его былъ Павелъ II. Оскорбленный придворный Платина, писавшій исторію папъ, распустилъ про него молву, будто онъ грубый и принципиальный противникъ классическихъ наукъ и былъ отъявленнымъ врагомъ римской «академіи». Тотъ же папа, по его словамъ, разыгрываетъ изъ себя мецената, если спросить хоть Филельфо, которому онъ не разъ дѣлалъ подарки. Между тѣмъ у насъ достаточно всякаго рода матеріала, на основаніи котораго мы можемъ составить себѣ ясное понятіе о немъ и объ его отношеніи къ академіи. Притомъ отзыву озлобленнаго Платины противорѣчатъ письма Павла II, по которымъ все это дѣло является совершенно въ иномъ свѣтѣ. Но онъ даетъ намъ возможность видѣть характеръ

¹⁾ По счету казны у Müntz l. c. p. 224. L. Duchesne De codicc. mss. graecis Pii II въ Bibliotheca Alexandrino-Vaticana (Bibliothèque des écoles franç. d'Athènes et de Rome Fasc. XIII). Paris 1880 насчитываетъ 55 греческихъ рукописей съ отнѣтною Піа II, болѣею частью церковные писатели, также Демосенъ и другіе классики. Но какъ могутъ быть въ этомъ числѣ рукописи, писанныя долго спустя послѣ смерти Піа II, въ XVI вѣкѣ?

²⁾ Указываю здѣсь въ моемъ сочиненіи Pius II Bd. III s. 600 ff. на главу Pius als Mäcen der Humanisten.

этих самолюбивыхъ литераторовъ, особенно усилившихся при Николаѣ V и все глубже проникавшимъ въ организацію и духъ римскаго двора.

Число секретарей, аббревиаторовъ и писцовъ при папской канцеляріи значительно увеличилось уже со времени Мартина V, но главнымъ образомъ при Николаѣ V, потому что на эти должности стали смотрѣть какъ на бенефиціи, которыми всего удобнѣе было надѣлять разныхъ лицъ, въ особенности же гуманистовъ и поэтовъ. Пій II очистилъ секретарское отдѣленіе, занятое неспособными креатурами его предшественника, и снова наполнилъ людьми своего выбора, непотами и второстепенными гуманистами или такими, которые покупали мѣста. Потомъ онъ сдѣлалъ смѣлый шагъ, именно преобразовалъ составъ коллегіи аббревиаторовъ, имѣвшихъ право на пожизненную несмѣняемость. Онъ отгѣснилъ прежнихъ чиновниковъ и принялъ разныхъ сѣнцевъ и другихъ любивцевъ, также частію изъ милости, частію продажей должностей. Павелъ II, всегда бывшій противникомъ Пія, и въ этомъ случаѣ поступилъ противоположно ему. Онъ прогналъ изъ курии назначенныхъ имъ аббревиаторовъ ¹⁾. Въ числѣ ихъ былъ Бартоломео Сакки да Піадена, извѣстный какъ писатель подъ латинскимъ именемъ Платина, по мѣсту своего рожденія. Въ молодые годы онъ простымъ солдатомъ служилъ у герцога Франческо Сфорцы, потомъ учился въ школѣ Оньибене да Виченца, ученика Витторино да Фельтре, и жилъ въ Мантуѣ и Флоренціи, пока не переселился въ Римъ при папѣ Каликстѣ. Онъ искалъ расположенія Пія II, при которомъ получилъ, или лучше сказать купилъ должность аббревиатора ²⁾.

Для такого человѣка, какъ Платина, было разумѣется тяжело лишиться не должности, а доходовъ, связанныхъ съ нею. Но это еще не даетъ ему права выставять себя и всѣхъ потерпѣвшихъ вмѣстѣ съ нимъ—мучениками за гуманистическія науки, а папу Павла—врагомъ послѣднихъ. Удаленные литераторы и чиновники составили сильную оппозицію и думали, конечно, такъ же, какъ Платина. Они, какъ поэты и ораторы, по мнѣнію ихъ, по крайней мѣрѣ сдѣлали столько же для курии, сколько получили отъ нея. Людей съ ихъ ученостью папѣ слѣдовало бы напротивъ собрать со всего земнаго шара. Они требовали, чтобы ихъ дѣло было представлено на разрѣшеніе судей *gēta*, или пана должнѣ

¹⁾ G. Voigt. Pius II Bd. III s. 550—554.

²⁾ Vairani Cremonensium monumenta Romae extantia P. I Romae 1778. Весь этотъ томъ посвященъ Платинѣ, котораго тоже называютъ Кремонцемъ, потому что Піадена находится подлѣ Кремонзы. Тутъ принято въ соображеніе р. 4. 5 и Oratio de laudibus bonorum artium p. 100, обращенная къ папѣ Пію.

дать имъ аудиенцію. Но Павелъ II отказалъ имъ и остался при своемъ рѣшеніи. Тогда Платина обратился къ нему съ угрожающимъ посланіемъ отъ имени своихъ товарищей, въ которомъ говорилось, что они поднимутъ на ноги государей и составятъ соборъ надъ нимъ. Отвѣтомъ на это было заключеніе въ тюрьму непокорныхъ. Было назначено слѣдствіе по дѣлу о пасквилѣ и этой угрозѣ соборомъ. Послѣ четырехмѣсячнаго тяжкаго заключенія Платина едва могъ стоять на ногахъ, и его наконецъ освободили по ходатайству одного кардинала. Но ему запрещено было выѣзжать изъ Рима ¹⁾). Литераторы, которыхъ долго ласкали и баловали и которые потомъ осмѣлились объявить войну папѣ, были жестоко наказаны за свою надменность, Но это было лишь введеніемъ къ болѣе ужасной драмѣ.

Въ то время младшее поколѣніе гуманистовъ и поэтовъ сгруппировалось вокругъ профессора Помпоніо Лето, экзальтированнаго поклонника древности, идеалы котораго таились въ древнѣйшемъ Римѣ и въ древнѣйшихъ словахъ и формахъ латинскаго языка. Его считали человѣкомъ, презирающимъ христіанство, поклонникомъ генія города Рима. По видимому, онъ считалъ и любовь къ дѣтямъ древнимъ римскимъ элементомъ. Его упрекали въ зазорныхъ отношеніяхъ къ одному ученику, молодому венеціанцу, но онъ оправдывался тѣмъ, что только воспѣвалъ его красоту. Но Лето умѣлъ воодушевить своими мечтаніями не только юношей, но и людей зрѣлаго возраста, и собрать около себя. Такъ возникло его «литературное товарищество», академія, члены которой носили римскія или греческія имена, держали совѣщанія въ домѣ своего главы на Квириналѣ и вели диспуты и тамъ же праздновали день рожденія Ромула и Рема ²⁾). Они называли себя жрецами римской академіи, а основателя ея верховнымъ жрецомъ (*pontifex maximus*). Они увѣковѣчили свои имена надписями при посѣщеніи катакомбъ ³⁾). Все это само по себѣ могло считаться невинною забавою. Но весьма вѣроятно, что въ сумасбродныхъ головахъ Лето и его приверженцевъ возникали языческія и республиканскія вожделѣнія.

Въ 1468 г. во время карнавала около 20 человѣкъ этихъ поклонниковъ гуманнхъ наукъ были арестованы по подозрѣнію въ заговорѣ, котораго, по показанію Платины, совсѣмъ не существовало. По видимому, большинство ихъ, какъ и самъ Платина, принадлежали къ академіи. Главою ихъ былъ, какъ говорятъ, Ф и л и п п о Б о н а к

¹⁾ Platina in vita Pauli II.

²⁾ Raphael Volaterranus lib XXI. Но онъ видитъ въ этомъ празднествѣ *initium abolendae fidei*.

³⁾ De Rossi *La Roma sotterranea, cristiana* T. I, Roma 1864, Prefaz. p. 6. Это было въ 1475 г.

к о р с и, хорошо извѣстный членъ академіи подъ именемъ К а л л и м а х а Э к с п е р і е н т а. При Піи II онъ служилъ при дворѣ и занималъ второстепенную должность. Утверждали, что заговорщики, по низверженіи папы, хотѣли сдѣлать его властителемъ города, даже папою. Подобное обвиненіе само по себѣ довольно бессмысленно. Конечно, чтобы оправдать себя, Платина выставляетъ его человекомъ глупымъ, хвастуномъ, который напившись пьянымъ, убивалъ королей, раздавалъ разные титулы и владѣнія, но товарищи никогда не считали его человекомъ серьезнымъ. Намъ нисколько не удивляетъ, что папа считалъ подобный заговоръ вѣроятнымъ. Опъ ждалъ мести отъ обиженныхъ аббревиаторовъ. Глава заговора, бывшаго при Николаѣ V, рыцарь Стефано Поркари, тоже былъ гуманистъ, возмечтавшій о восстановленіи римской республики. Гибеллинскія шайки продолжали безчинствовать въ Римѣ, и постоянно слѣдовало опасаться ихъ стачки съ главами разныхъ партій въ городѣ, съ бѣглецами и изгнанниками внѣ города. Еще при Піи II молодой Тибурціо стоялъ во главѣ подобной шайки, задумавшей свергнуть иго духовенства и восстановить древнюю римскую свободу. Павелъ II дѣйствовалъ рѣшительно, подавилъ всякую мысль о заговорѣ и держалъ въ рукахъ матеріалъ для слѣдствія. Каллимахъ, угрожавшій ему больше всѣхъ, бѣжалъ сначала въ Грецію, а потомъ въ Польшу, гдѣ составилъ себѣ удачную карьеру. Платина былъ заключенъ въ замокъ св. Ангела вмѣстѣ съ другими и нѣсколько разъ подвергался жестокимъ пыткамъ, такъ что отчаялся поправить свое здоровье. Онъ зналъ за собою только одно преступленіе, что не донесъ о болтовнѣ Каллимаха; иначе онъ бы послѣдовалъ заблаговременно совѣту Виссаріона и покинулъ Римъ. А въ вольнодумныхъ рѣчахъ академіи онъ не находилъ ничего противозаконнаго ¹⁾. Подозрѣніе противъ него, безъ сомнѣнія, опиралось на его прежній поступокъ. Озабоченный всѣмъ тѣмъ, что онъ перенесъ, онъ говорилъ, что замокъ императора Адриана обратился въ Фаларидова быка, что ученыхъ, неповинныхъ ни въ чемъ, жестоко тиранили. Есть другой рассказъ, болѣе безпристрастный, въ которомъ не придается серьезнаго значенія всему дѣлу. Онъ представляетъ послѣднее съ точки зрѣнія папской заботливости о вѣрѣ и нравственности. Говорятъ, что папа Павелъ II велѣлъ для угрозы пытать въ крѣпости нѣкоторыхъ дерзкихъ и безнравственныхъ римскихъ юношей, которые еще при его предшественникѣ вели распущенную жизнь. Этимъ онъ заставилъ многихъ дурныхъ людей покинуть Римъ. Онъ будто бы часто хва

¹⁾ Его письмо къ Виссаріону у Vairani p. 33.

лился, что граждане Рима должны благодарить его за исправление и вразумление своих дурных сыновей¹⁾). И Платина согласился было, сидя въ тюрьмѣ, что папа правъ, карая своеволие и распущенность, но потомъ онъ говорить постоянно объ унижительныхъ его поступкахъ съ академиками.

Между прочимъ поведение академиковъ было далеко не въ уровень съ образомъ жизни древнихъ римскихъ стойковъ. Помпоніо Лето, бѣжавшаго въ Венецію, вытребовали, воротили въ Римъ и тоже посадили въ замокъ св. Ангела. Быть можетъ, сначала онъ дерзко отвѣчалъ допрашивавшимъ²⁾). Но тяжкое заключеніе, а можетъ быть и пытки сломили его надменность. Сначала ему пришлось отвѣчать главнымъ образомъ на обвиненіе въ безнравственности и въ презрительномъ отношеніи къ христіанству. Сидя въ заключеніи, онъ написалъ смиренное оправданіе³⁾). Свое восхищеніе красотой молодого венеціаца онъ оправдываетъ примѣромъ Сократа. А свою преданность христіанству доказывалъ тѣмъ, что каждый годъ говѣлъ во время Пасхи, написалъ стихи по случаю остановокъ на крестномъ пути, рѣчи и стихи въ честь Св. Дѣвы Маріи и посланіе о безсмертіи души. Онъ увѣрялъ также, что всегда прославлялъ *venegabile nimen* (досточтимую личность) папы Павла. Однако обвиняемый смиренно сознавался въ томъ, что говорилъ нескромныя рѣчи, и просилъ у папы милости и состраданія. Это и было ему оказано, такъ какъ въ немъ не видѣли опаснаго заговорщика.

Платина, котораго пытали съ особенною жестокостью, свалилъ всю вину на пьянаго и безразсуднаго Каллимаха, и дѣйствительно, по видимому, подозрѣніе въ опасномъ заговорѣ скорѣ было оставлено. Но процессъ противъ Платины продолжался въ другомъ направленіи. Папа рѣшился дѣйствовать весьма строго противъ софистическихъ и языческихъ бредней этихъ ученыхъ и гуманистовъ⁴⁾). Платину обвинили въ религиозныхъ заблужденіяхъ, доказывая, что онъ въ ученіи о безсмертіи души примкнулъ къ Платону, а въ академическомъ диспутѣ высказалъ даже сомнѣніе въ бытіи Божіемъ. Послѣдняго пункта Платина не могъ отвергать, а указывалъ только въ свое оправданіе на приемы всѣхъ богослововъ и философовъ. Они отрицаютъ извѣстный предметъ, напр. бытіе Божіе, только затѣмъ, чтобы яснѣе доказать это (*inveniendi causa*). Онъ не еретикъ и не закоренѣлый фана-

1) *Cannesium Vita Pauli II ap. Muratori Scriptt. T. III P. II p. 1009.*

2) *Aculeis*, какъ намекаетъ Платина въ письмѣ къ нему у *Vairani p. 38.*

3) Изъ этой *Defensio Pomponii Laeti de carceribus et confessio* по одной ватиканской рукописи сообщаетъ выдержку *Gregorovius Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter Bd. VII s. 581.*

4) *Scholasticam licentiam coercere et emendare.*

тикъ. Притомъ жизнь его безупречна; онъ по крайней мѣрѣ разъ въ годъ исповѣдывался и приобщался св. таинъ, въ праздничные дни присутствовалъ при Богослуженіи, когда могъ, не говорилъ ничего оскорбительнаго для символа вѣры, или отзывающагося ересью Карпократіанъ, Пауллиціанъ, Манихеевъ и т. д. Но обвиненіе касалось не такихъ уклоненій отъ вѣры, а языческаго образа дѣйствій въ академіи, и въ этомъ отношеніи Платина не рѣшился отрицать своей виновности. Онъ обратился съ скорбнымъ прошеніемъ къ папѣ, полнымъ раскаянія и раболѣпной преданности. Проситель обѣщался сдѣлаться пламеннымъ панегиристомъ папы, если его освободятъ и избавятъ отъ бѣдственнаго положенія, восхвалятъ въ прозѣ и стихахъ «золотой вѣкъ его счастливаго первосвященства», или совсѣмъ оставятъ гуманныя науки и посвятить жизнь изученію св. Писанія и христіанской вѣры. Въ трогательныхъ письмахъ къ разнымъ кардиналамъ и прелатамъ онъ просилъ ихъ быть ходатаями за него, большею частію съ обѣщаніемъ хвалить ихъ. Проситель надѣялся главнымъ образомъ на епископа калагорскаго, начальника крѣпости св. Ангела, Родриго де Санчесъ, большаго знатока правъ, знакомаго и съ гуманными науками. Родриго самъ былъ писатель ¹⁾ и вообще считался другомъ литераторовъ. Онъ вступилъ съ Платиною въ вѣжливую переписку, отвѣчалъ на его почтительныя похвалы и лесть учтивостями, или ироническимъ совѣтомъ смотрѣть на свои страданія въ тюрьмѣ какъ на «упражненія въ добродѣтели» и сохранять стоическую твердость, которую онъ такъ часто внушалъ другимъ, когда имъ приходилось терпѣть ²⁾.

Папа тоже не былъ тронутъ краснорѣчіемъ узника. Онъ самъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ суда, состоявшаго изъ придворныхъ епископовъ, одного доминиканца и одного францисканца, принималъ участіе въ допросѣ и относился къ допрашиваемому очень сурово. Павелъ II выходилъ изъ себя, какъ только упоминалось объ академіи, и скавалъ, что если кто нибудь съ этихъ поръ назоветъ ее серьезно или въ шутку, тотъ—еретикъ! И кардиналъ Барбо, непотъ папы, издѣвался надъ подсудимыми, называя ихъ не академиками, а позоромъ академіи. Не смотря на это, допросъ велся мягко, подсудимые были оправданы по обвиненію въ ереси, а содержались они сначала въ папскомъ дворцѣ, потомъ въ предѣлахъ Ватикана, наконецъ по ходатайству кардиналовъ, изъ которыхъ самое живое участіе въ друзьяхъ принялъ

¹⁾ Объ его сочиненіи *De remediis afflictæ ecclesiæ*, посвященномъ Виссаріону, ср. *Vast. Bessarion* p. 290.

²⁾ См. эту обширную переписку Платины изъ замка св. Ангела у *Vairani* p. 2 q. seq.

Виссаріонъ, ихъ заключеніе ограничивалось стѣнами города Рима ¹⁾). Помпоніо опять могъ занять свою кафедру, а при Сикстѣ IV можно было возстановить и академію. Теперь и Платинъ опять дали должность аббревиатора, и папа сдѣлалъ его завѣдующимъ ватиканскою бібліотекою и почтилъ порученіемъ написать исторію папъ. Теперь на его имени не было ни одного пятна. Не смотря на то, что самъ папа вель допросъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ худителей вѣры, и тутъ восторжествовали невѣріе и язычество. Это потому, что не было серьезнаго намѣренія осуждать ихъ.

Притомъ папа Павелъ дѣйствовалъ непослѣдовательно, лишь по личной прихоти и произволу. Имъ руководилъ неопредѣленный страхъ республиканскаго заговора, а не сознательная ненависть къ язычеству. Онъ былъ вообще человекъ необразованный, почти невѣжественный, возвысившійся благодаря непотизму и проискавъ. Онъ посвятилъ было себя торговлѣ, прежде чѣмъ дядя его взшелъ на папскій престолъ подъ именемъ Евгенія IV; поэтому и на папскомъ престолѣ его любимыми предметами были монеты, драгоценные камни и другія дорогія вещи. Украшенный драгоценностями, даже нарумянившись, какъ говорила прислуга, онъ всегда имѣлъ величественный видъ. Однако общая страсть къ древностямъ производила впечатлѣніе и на него; онъ былъ любителемъ и знатокомъ древнихъ монетъ и рѣзныхъ камней, самымъ любимымъ его занятіемъ было раскладывать ихъ, взвѣшивать и разбирать надписи ²⁾). Онъ съ большимъ усердіемъ собиралъ античныя статуи, камеи, медали и бронзовыя вещи. Въ фундаменты своихъ построекъ онъ всегда велѣлъ класть монеты съ своимъ изображеніемъ, обычай, по замѣчанію Платины, скорѣе напоминающій римскихъ цезарей, чѣмъ Лина и Анаклета. При немъ снова характеристикой римской черни сдѣлались слова *panem et circenses!* (хлѣба и зрѣлищъ въ циркѣ). Онъ усилилъ блескъ карнавала и другихъ празднествъ тѣмъ, что ввелъ новыя увеселенія и повысилъ плату за входъ. Къ скачкѣ лошадей на призъ, бывшей постоянно въ ходу, папа прибавилъ скачку ословъ, буйволовъ, состязаніе въ бѣгѣ молодыхъ людей, стариковъ и евреевъ. На другой день

¹⁾ Platina in vita Pauli II. Анологомъ Платины можно считать сочиненіе кардинала Бьеррии: *Pauli II, Veneti Pontif. Max. vita (a Cannesio scripta) praemissis ipsius sanctissimi pontificis vindiciis adversus Platinam aliosque obtretractores, Romae 1740*, книга лишенная достоинствъ, составленная по самымъ известнымъ источникамъ. Bissolati *Le vite di due illustri Cremonesi* (I Bart. Platina. II. M. Girol. Vida). Milano 1856 естественно— на сторонѣ Платины.

²⁾ Уже въ 1455 Карло дѣ Медичи у Хаге Carteggio I p. 163 пишетъ, что монсиеньоръ да С. Марко (Барбо) гораздо больше любитъ древнія монеты, чѣмъ самъ онъ. *Jacobi Piccolomini, cardinalis Papiensis epist. 281*, напечатанное въ приложеніи къ *Pii II Comment. Francof. 1614. Eiusd. Comment. ibid. p. 371. Gaspar Veronensis de gestis Pauli II lib. I. Müntz Les arts à la cour des papes P. II, гдѣ на стр. 181 сл. есть важный для исторіи искусства инвентарь сокровищъ кардинала Барбо 1457 г.*

послѣ этихъ «игръ» онѣ давалъ роскошный обѣдъ правительственнымъ лицамъ города Рима, въ зданіи, сооруженномъ для этого близъ С. Марко. Остатки рыбы, мяса, птицы и винъ отдавались бѣднымъ. Папскіе придворные должны были прислуживать за столами: епископъ съ нѣсколькими духовными лицами ходили вокругъ и угощали пирующихъ. Самъ папа бросалъ въ толпу народа серебряныя монеты ¹⁾).

Въ томъ же древнеримскомъ вкусѣ были и игры, которыя нѣкогда Римляне устраивали въ честь папы и въ которыхъ изображалось торжество Августа. Папа на нихъ смотрѣлъ въ окно издали? съ нѣсколькими кардиналами. Въ этомъ замѣтенъ нѣкоторый страхъ. Впереди шли гиганты, затѣмъ слѣдовалъ крылатый купидонъ съ колчаномъ, ѣхала Диана верхомъ, окруженная толпою нимфъ, потомъ 160 юношей во всемъ бѣломъ, изображавшіе древнегреческое войско, цари и власти. побѣжденные римлянами, взятая въ плѣнъ Октавіаномъ Клеопатра, Марсъ, Фавны, Вакхъ и другіе боги, дальше несли доски съ начертанными на нихъ рѣшеніями народа и постановленіями сената, знамена, орлы и другіе военные знаки. Шествіе замыкали сановники города Рима, одѣтые консулами и сенаторами ²⁾).

Мы далеко не совладали бы съ обиліемъ матеріала, если бы хотѣли прослѣдить позднѣйшую исторію гуманизма въ его проявленіяхъ при папскомъ дворѣ. Кто не знаетъ Сикста IV, открывшаго ватиканскую бібліотеку, самаго щедрого изъ всѣхъ папъ, Александра VI, легкомысленно стремившагося къ наслажденіямъ, Юлія II, заимствовавшаго свое папское имя у великаго римлянина, или Льва X, съ именемъ котораго связанъ вѣкъ Медичи со всѣмъ его изяществомъ формъ въ литературѣ и пластикѣ, съ его блескомъ искусства!

Изученіе классической древности во всѣхъ отношеніяхъ освободило умы, однако не ниспровергло церкви, хотя произвело въ ней сильныя внутреннія потрясенія, да и не могло ниспровергнуть, только сообщило ей иной духъ и инныя формы. Іезуитскій орденъ, какъ представитель католической реставраціи, и германская реформація, каждая въ своемъ родѣ, играли посредствующую роль въ этой борьбѣ. Первый уже напередъ отказался отъ безилоднаго противодѣйствія новой наукѣ, а скорѣе старается укротить ея необузданные порывы, воспользоваться ея услугами для церкви, подобно тому, какъ нѣкогда служили ей схоластики, и съ ея средствами подвизаться во славу вѣры. А реформація отдѣлила область мышленія отъ области вѣры, старую эпоху отъ новой и предоставила борьбу между ними усиліямъ вѣковъ.

¹⁾ Cannesius I. c. p. 1012. Stefano Infessura Diario della città di Roma ap. Muratori ibid. p. 1140. Platina in vita Pauli II.

²⁾ Cannesius p. 1019.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Пропаганда гуманизма за Альпами.

Какъ бы кто ни судилъ о ходѣ и успѣхахъ научныхъ стремленій, которымъ посвящалъ себя цѣлый рядъ ученыхъ подъ покровительствомъ Николая V, уже одно это явленіе само по себѣ имѣло неисчислимыя послѣдствія. Римъ былъ не только столицею Церковной области, а папа не только главою ея, но въ то же время они служили средоточіями церковной дѣятельности, охватывавшей собою все народы цивилизованной Европы.

На событіяхъ церковной исторіи съ начала XV вѣка постоянно отражалось уже вліяніе новой науки. На обоихъ великихъ преобразовательныхъ соборахъ, констанцскомъ и базельскомъ, гуманизмъ, дотолѣ бывший исключительно итальянскимъ, выступилъ на арену всемірной исторіи. Здѣсь на него дѣйствовало соприкосновеніе съ разными націями, но также замѣтны и первые, часто слабые слѣды его вліянія на европейскіе народы. Во время раскола изъ за папской власти, къ которому поведъ базельскій соборъ, гуманисты—писатели не разъ своими полемическими и ругательными сочиненіями принимали участія въ дѣлахъ церкви, рѣшеніе которыхъ въ другихъ случаяхъ предоставлялось богословамъ и канонистамъ. О томъ соборѣ, на которомъ шла рѣчь о религиозномъ воссоединеніи съ греками, можно смѣло утверждать, что его литературная дѣятельность была обильнѣе послѣдствіями, чѣмъ догматическая и церковно-политическая.

Такъ какъ языкомъ гуманизма былъ языкъ латинскій, а его настоящая родина скрылась во мглѣ вѣковъ, то въ немъ напередъ уже даны были космополитическіе элементы, равно какъ и въ церкви. Хотя въ послѣдней итальянское образованіе достигло первенствующей роли, однако въ теченіи всехъ среднихъ вѣковъ и въ наукѣ, и въ искусствѣ она была представительницею космополитическихъ идей. А ея задачу—установить общеніе между народами принялъ на себя гуманизмъ. Въ теченіи цѣлаго вѣка его дѣятельность сосредоточи-

вадась исключительно въ Италиі, такъ что отраженія его въ другихъ странахъ являются лишь подобно мимолетнымъ, быстро гаснущимъ искрамъ. Дѣйствительно, ему какъ бы предстояло сначала сосредоточить свои силы, прежде чѣмъ дѣйствіе ихъ распространится на весь христіанскій міръ. Въ Италиі онъ уже господствовалъ въ образованныхъ слояхъ общества, распоряжавшихся умственнымъ наслѣдіемъ челоуѣчества. Тамъ онъ получилъ право гражданства въ университетахъ, среди богатыхъ купцовъ, у знати, у прелатовъ, въ республикахъ и при дворахъ владѣтельныхъ особъ, даже при римскомъ дворѣ. И только во время первосвященства Николая V мы видимъ первые ясныя слѣды его пропаганды по ту сторону Альпъ. Авторитетъ церкви и политическое могущество Италиі были въ довольно шаткомъ положеніи, когда Апеннинскій полуостровъ еще разъ явился просвѣтителемъ народовъ, хотя лишь на короткое время. Свободное ученое сословіе, какъ новая общественная форма, классическая древность, какъ новое образовательное начало—вотъ тѣ элементы, которые слѣдовало изучать еще остальнымъ европейскимъ народамъ, но они были скоро усвоены ими.

Религіозныя идеи и іерархическія формы распространились когда-то изъ Италиі по нѣкоторымъ странамъ Европы. Но съ этимъ явленіемъ можно лишь съ натяжкой сравнивать распространеніе классицизма. Тамъ требовалась вѣковая миссіонерская дѣятельность, систематическая организація и централизація, упорныя усилія и настойчивый трудъ. Здѣсь лучи новаго свѣта распространялись какъ бы сами собою, и горючій матеріалъ крылся въ латинскомъ образованіи, повсюду одинаковомъ. Какъ скоро были распространены важнѣйшіе литературные памятники грековъ и римлянъ, разработка ихъ укореялась сама собою, и ученикъ вскорѣ уже могъ обходиться безъ наставника. Классическая древность, по самому характеру своему, не была исключительно принадлежностью одной какой-либо націи, и ея существенные остатки было удобно переносить, а къ изяществу формъ сѣверные народы были едва ли менѣе воспримчивы, чѣмъ южные и восточные, у которыхъ впервые возникла цивилизація. Стремленіе къ вѣчной славѣ въ потомствѣ, это новое сѣмя, оплодотворенное гуманизмомъ, находило повсюду воспримчивую почву. При томъ поклонники древности не чувствовали ни малѣйшей потребности въ авторитетѣ или общемъ связующемъ началѣ, какую чувствовали люди, исповѣдующіе ту или другую вѣру. Такимъ авторитетомъ и началомъ была для нихъ сама космополитическая древность.

Италія могла подать только примѣръ, и отъ нея должны были исходить возбуждающія силы, чтобы поклоненіе древности распространилось и между другими народами. А откуда имъ легче было распространяться, какъ не отъ римскаго двора, посылавшаго своихъ легатовъ

и агентовъ во всѣ страны, куда отовсюду стекались послы и дѣловые люди, духовные и міряне! Можно доказать множествомъ примѣровъ, что письма Поджіо и блестящія рѣчи Пія II расходились въ копіяхъ въ самыя далекія страны. Итальянскіе наставники и чиновники въ трудныя минуты жизни ищутъ мѣсть у чужихъ государей, а гуманисты пишутъ послѣднимъ и придворнымъ свои изящныя письма, посвящаютъ имъ книги часто въ ожиданіи блестящей награды. Образованный посоль говоритъ имъ рѣчь слогомъ Цицерона. Въ самой Италіи принимаютъ чужеземныхъ государей съ ихъ придворными, среди которыхъ модный классицизмъ сталъ уже необходимымъ элементомъ жизни. Придворный поэтъ привѣтствуетъ ихъ торжественною рѣчью въ духѣ древнихъ панегириковъ, въ честь ихъ даются празднества, въ которыхъ главную роль играютъ аллегорическіе образы изъ гелленской мифологіи и герои древней римской исторіи. Кромѣ того въ Италію стремятся путешественники, желающіе изучить утонченность нравовъ и то, что называютъ свѣтомъ. А другіе пріѣзжаютъ въ Венецію и Флоренцію по торговымъ дѣламъ, или въ Римъ поклониться гробницамъ верховныхъ Апостоловъ, а можетъ быть и устроить какое-нибудь дѣло юридическаго характера. Тутъ иностранецъ слышитъ имена великихъ людей, пользующихся общимъ почетомъ и увѣренныхъ въ томъ, что слава ихъ въ потомствѣ упрочена. Быть можетъ, онъ только на улицѣ видитъ величавыя личности Бруни и Марсуппини, знаменитыхъ канцлеровъ флорентинской республики, или ему удастся познакомиться и побесѣдовать съ ними. Выбанный поэтъ, преподаватель греческаго языка или новой реторики, у каѳедры котораго собираются сотни восторженныхъ учениковъ,—для него явленія новаго. И онъ отправляется въ аудиторію и слушаетъ съ удивленіемъ профессора, которому хорошо извѣстны всѣ ораторы, поэты, исторіки и философы давно минувшей эпохи. Когда учебная дѣятельность его кончается, онъ посылаетъ по малой мѣрѣ сына ознакомиться съ новымъ образованіемъ. Или онъ видитъ музей Никколи и виллу Поджіо. Въ первомъ иностранецъ съ перваго взгляда замѣчаетъ, что развитыя статуи и мраморныя сосуды еще служатъ предметами поклоненія, что монеты, уже не имѣющія значенія въ обыкновенной торговлѣ, могутъ имѣть другаго рода цѣну, а пергаментъ, на которомъ писали нѣсколько вѣковъ тому назадъ, дороже написаннаго. Тутъ онъ видитъ, какъ нѣкоторыя книги пользуются чуть не благоговѣйнымъ почетомъ, а эти любители книгъ не монахи и не юристы; они стремятся не только къ живѣ въ этомъ мірѣ и къ блаженству въ будущей жизни, но восторженные идеалисты и все-таки довольны жизнью, веселы и ласковы въ обхожденіи. Онъ покупаетъ такія книги или поручаетъ снять копіи переписчикамъ и привозитъ на свою родину источники новаго образованія.

Читатель пойметъ, какъ трудно прослѣдить первое переселеніе гуманизма въ заальпійскія страны. Въ послѣднихъ, конечно, не вдругъ являются великіе ученые или литературные труды, составляющіе эпоху. Чтобы встрѣтить ихъ, намъ придется дойти до конца вѣка, или даже переступить за его черту. Мы здѣсь должны указать только на начатки, на первые слѣды вліяній и впечатлѣній, которыя сами по себѣ не важны, незамѣтны и только въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи приносятъ плоды.

Но эти начатки не всегда однородны. То мы встрѣчаемъ постепенный переходъ новаго образованія къ другой націи, то болѣе усиленное движеніе, сопровождающееся разными столкновениями, даже борьбою. Слѣдовательно, основаніе этого различія заключалось не въ самой сущности гуманизма, который могъ всюду разсчитывать на одинаковый приемъ, но въ положеніи отдѣльныхъ народовъ по отношенію къ итальянцамъ, которые первые открыли гуманизмъ и были его представителями. На первыхъ порахъ, разумѣется, о проповѣди классической древности судили по людямъ, которые ее провозгласили. Она была постепенно принята романскими народами дружелюбно и утвердила мирно свое господство. Тутъ сказалось племенное родство, римская кровь, какъ и въ іерархическій періодъ высшія сферы итальянской іерархической лѣстницы были сильно заняты французскими и испанскими элементами. Напротивъ германскія племена относились съ недоувѣріемъ ко всѣмъ началамъ, какія только шли изъ-за Альпъ, боясь, что за ними кроется итальянское коварство, надменность и порча. Поэтому распространеніе гуманистическихъ идей во Франціи и Испаніи далеко не представляетъ такого интереса, какъ ихъ проникновеніе въ Британію, а тѣмъ болѣе въ коренную Германію, гдѣ видимымъ образомъ увлеченіе заманчивою новизною встрѣчаетъ и противодѣйствіе. Изъ другихъ народовъ особенно выдаются впередъ венгры и поляки; и тѣ, и другіе стоятъ близко къ итальянскому племени, потому что они любимые сыны апостольскаго престола, и ихъ страны лежатъ на периферіи церковнаго владычества на западѣ, на средоточіе котораго они взирали съ тѣмъ большимъ благоговѣніемъ.

Въ глазахъ итальянца гуманиста Англія была баснословнымъ киммерійскимъ уголкомъ обитаемаго міра, въ которомъ боролись между собою изъ за помраченія умовъ дикое невѣжество и отуманивающая голову схоластика. Англосаксы еще въ VIII вѣкѣ получили изъ Рима значительныя книжныя сокровища и выработали себѣ извѣстное образованіе и школьную систему, такъ что въ этомъ отношеніи могли соперничать со всякимъ другимъ народомъ. Ихъ ученые, поэты и историки часто обнаруживали не малое знакомство и съ римскими классиками. Всѣ эти данныя гуманистамъ были мало извѣстны и каза-

лись не важными, какъ и все то, что произошло со временъ древнихъ римскихъ императоровъ. Англичанъ они считали людьми тяжелыми и тупыми, въ которыхъ не предполагали никакого влеченія къ новымъ наукамъ ¹⁾. Къ тому же для оживленнаго умственнаго общенія между Англією и Италією не было никакого посредствующаго звена. Тамъ туземныя высшія школы пользовались большимъ значеніемъ: было дѣломъ почти неслыханнымъ, чтобы молодой бриттъ посѣщалъ итальянскій университетъ, или чтобы въ Англію приглашали итальянскаго преподавателя для педагогическихъ цѣлей. Естественное замкнутое положеніе Англіи также обусловливало собою нѣкоторую самостоятельность научныхъ стремленій. Англичане не могли пожаловаться ни на недостатокъ любви къ классической литературѣ, ни на отсутствіе подготовки къ плодотворной разработкѣ ея. Но они были слишкомъ горды, такъ что при всякой встрѣчѣ съ знаменитыми итальянцами не приходили тотчасъ же въ восторгъ.

Въ такомъ положеніи было дѣло уже во время молодости Петрарки. Тогда явился два раза къ римскому двору въ Авиньонъ Ричардъ д'Анжервилъ, обыкновенно называемый по мѣсту своего рожденія Ричардомъ изъ Бери св. Эдмунда, или просто Ричардомъ берійскимъ. Онъ началъ свое поприще наставникомъ принца уэльскаго, будущаго короля Эдуарда III, который назначилъ его своимъ секретаремъ или канцлеромъ, потомъ лордомъ казначеемъ Англіи, а въ 1433 г. епископомъ дергамскимъ ²⁾. Въ томъ же году, посланный для переговоровъ съ папскимъ престоломъ, онъ встрѣтился съ Петраркою, который оцѣнилъ его, какъ усерднаго собирателя книгъ и человѣка свѣдущаго въ наукахъ. Они говорили о положеніи острова Тулы ³⁾, но впоследствии, британецъ, по видимому, не особенно былъ склоненъ поддерживать связи съ знаменитымъ пѣвцомъ Лауры ⁴⁾. По своему образованію онъ былъ богословъ и философъ, а гуманистическія вліянія не коснулись его. Ричардъ пишетъ такъ же, какъ пишутъ поклонники схоластической науки. Правда, англійскій ученый знаетъ Цицерона, Ливія и нѣкоторыхъ поэтовъ, но не восторгается ими. Аристотеля онъ считаетъ царемъ философовъ. Онъ для него глав-

¹⁾ Boccaccio Lettere ed. Corazzini p. 243: studiis tardus Britannus; p. 363: serus Britannus.

²⁾ Известія о болѣе ранней его жизни, какъ онъ является въ 1421 г. въ числѣ chamberlains of Chertor см. въ Academy отъ 20 марта 1880 г.

³⁾ Островъ, предполагавшійся къ сѣверу отъ Британіи не вполнѣ ясно опредѣленный древними. Позднѣйшіе писатели такъ называли или сѣверный берегъ Норвегіи, или Исландіи, или наконецъ Мэнландъ, самый большой изъ шотландскихъ острововъ.

Прим. Переводчика.

⁴⁾ Petrarca epist. rer. famil. III, 1. De Sade Mémoires T. I p 165 seq.

ный философ, Аполоноу школы. Платонъ стоитъ уже на второмъ планѣ. И онъ сожалѣетъ о томъ, что не знаетъ греческаго языка, но только потому, что безъ него нельзя знать ученія греческихъ церковныхъ писателей. Ричарду желалось бы заняться и еврейскимъ языкомъ, безъ котораго нельзя вполнѣ понимать Библии, и арабскимъ, потому что безъ него недоступны астрономическіе трактаты арабовъ. Петрарка и Боккачіо, какъ мы знаемъ, отстаивали поэзію, когда ей ставили въ упрекъ, что она замѣняетъ дѣйствительность вымысломъ и ведетъ къ соблазну разными нескромностями. При этомъ они указывали на самую суть ея, на истину, скрытую подъ оболочкою басни. И нашъ Ричардъ оправдываетъ чтеніе поэтовъ, но только тѣмъ, что на нихъ часто указываютъ церковные писатели и богословы.

Единственная сфера, въ которой Ричардъ берійскій сочувствовалъ Петраркѣ,—это страсть къ книгамъ. Она водушевяляла брита еще въ лѣта его юности и побуждала къ сношеніямъ съ литераторами и собирателями книгъ. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ англійское учащееся юношество больше любитъ проводить время въ пирушкахъ, чѣмъ заниматься перепискою и исправленіемъ книгъ ¹⁾. Ричардъ радъ былъ своему высокому положенію при дворѣ, потому что оно давало ему возможность проникать въ частныя и общественныя книгохранилища, въ особенности церковныя. Какъ канцлеру и казначею, ему всюду былъ открытъ свободный доступъ. Всѣ узнали его страсть и старались приобрести расположеніе подарками старинныхъ книгъ. Ричардъ не скрываетъ, что такимъ образомъ къ нему поступили многія сокровища изъ монастырскихъ шкафовъ, какъ бы погребенныя въ нихъ. У него хватало средствъ на то, чтобы покупать книги и давать ихъ переписывать. Онъ умѣлъ также воспользоваться своими частыми поѣздками въ Римъ, Авиньонъ и Парижъ для удовлетворенія своимъ наклонностямъ. Съ тѣхъ поръ какъ Ричардъ сталъ епископомъ дергамскимъ, онъ принималъ къ себѣ на службу проповѣдниковъ и миноритовъ, въ которыхъ нашелъ хорошихъ и достаточно ученыхъ помощниковъ при перепискѣ и исправленіи книгъ. Онъ имѣлъ мысль основать со временемъ коллегію въ Оксфордѣ ²⁾, гдѣ его книги будутъ къ услугамъ не только учениковъ, но и всѣхъ студентовъ университета. Это не общественная бібліотека, какую имѣли въ виду Петрарка и Никколи. Сочиненіямъ древнихъ римскихъ писателей тутъ отводилось такое же скромное мѣсто, какое они и до того времени занимали. Когда Ричардъ сообщаетъ о томъ, что побудило его

1) Philobiblion cap. 5: dum liber potationum praeponitur libro patrum, calcibus epotandis, non codicibus emendandis indalget hodic.

2) ibid. cap. 18: omnium artium liberalium nutrice praecipua.

собирать книги, то указываетъ на «чистую любовь къ наукѣ и усердіе къ правобѣрному ученію». Свою страсть къ книгамъ и планы библіотеки онъ въ концѣ своей жизни высказалъ въ сочиненіи Филобиблїонъ (любовь къ книгамъ), въ которомъ напоследокъ, какъ въ завѣщаніи, говоритъ о составленіи спеціальнаго католога и о порядкѣ выдачи книгъ оксфордскимъ студентамъ, Конечно, онъ не принадлежитъ къ числу гуманистовъ, но къ числу дѣятелей, энергически подготовлявшихъ, хотя и съ ограниченной цѣлью, насажденіе гуманизма въ Англїи ¹⁾).

И въ другихъ отношеніяхъ замѣтно, что итальянскій гуманизмъ имѣлъ еще мало вліянія на Англїю. Чосеръ человекъ много читавшій Овидія, Виргилія и Ювенала, немножко Цицерона и Сенеку, ссылается также и на нѣкоторыхъ другихъ писателей. Знакомый съ Италією и ея языкомъ, онъ упоминаетъ нерѣдко о великомъ чловкѣ своего времени, о Петраркѣ, и прославляетъ его какъ увѣнчаннаго поэта, который изяществомъ своей музы озарилъ всю Италію ²⁾, знаетъ также нѣкоторыя изъ его латинскихъ сочиненій, а изъ ученыхъ трудовъ Боккачю знаетъ многіе и пользуется ими. Не смотря на это, когда Чосеръ философствуетъ, схоластическая мораль ему родственнѣе, чѣмъ мораль Цицерона и Петрарки. Голова его полна мѣологическихъ и историческихъ свѣдѣній, не оживленныхъ пониманіемъ древности, и потому его ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать послѣдователемъ Петрарки ³⁾. Ученикъ его, Джонъ Лайдгэтъ, тоже зналъ болѣе важныя латинскія сочиненія Петрарки и Боккачю, но они не вызывали еще въ немъ желанія подражать имъ и не дѣйствовали возбуждающимъ образомъ ⁴⁾. Томасъ Арендель, архіепископъ кентерберійскій, находился въ перепискѣ съ Салютато, но намъ неизвѣстно ея содержаніе. Только преобразовательные соборы XV в., подававшіе поводъ къ личнымъ связямъ между прелатами и учеными разныхъ національностей, сблизили также и англичанъ съ итальянскими гуманистами.

¹⁾ Изъ множества изданій Philobiblion я пользуюсь изданіемъ De bibliothecis nova accensio a J. A. S. D. (Joh. Andr. Schid., Helmstadii) 1705 г. По Baleus Script. illustr. mai Brytanie Catalogus, Basil. 1557, p. 426. Ричардъ кончилъ книгу 24 января 1344 г., а по оксфордскому кодексу у De Sade T. I p. 168. 24 января 1343, причѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что начало года считается съ 25 марта. Я не знаю, издано ли что нибудь изъ epistolae familiares o orationes ad principis, упоминаемыхъ Балеемъ. Ричардъ умеръ 24 апрѣля 1345 г.

²⁾ Cant. Tales v. 7914.

³⁾ Chaucer's Cantorbury-Geschichten übers. v. W. Hertzberg, Hildburghsh. 1866, Einl. s. 42. 44. Kissner Chaucer in S. Beziehungen zur italienischen Literatur. Marburg. 1847.

⁴⁾ Hortis Studj. s. opere lat. del Boccaccio p. 647.

На констанцкомъ соборѣ присутствовалъ Генри Бофоръ, епископъ уинчестерскій, дядя короля Генриха V. Какъ духовный сановникъ королевской крови, хотя узаконенный только впоследствии, докторъ обоихъ правъ, славившійся своими богатствами, которыя съумѣлъ еще увеличить, онъ былъ главнымъ представителемъ англійской націи. По закрытіи собора папа Мартинъ V возвелъ его въ кардиналы. Онъ всегда считался приверженцемъ папскаго престола. Этотъ великій сановникъ церкви принималъ нѣкоторое участіе въ дѣятельности папскихъ секретарей, разыскивавшихъ старинныя рукописи въ окрестностяхъ Констанца, и любилъ, когда его называли поклонникомъ гуманныхъ наукъ. Онъ убѣдилъ Поджіо по закрытіи собора ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Англію.

Мы собственно не знаемъ, что именно побудило Поджіо къ такому переселенію. Его тятюгили, навѣрное, тѣ смуты при римскомъ дворѣ, виною которыхъ былъ расколъ въ теченіи столькихъ лѣтъ, такъ какъ онъ ставили каждаго придворнаго въ шаткое положеніе, даже могли совсѣмъ лишить доходовъ. Собственно канцелярскія дѣла никогда ему не нравились. А возможно и то, что онъ не встрѣтилъ со стороны Мартина V того милостиваго расположенія, какого ожидалъ. Самъ Поджіо говорить, будто оставилъ римскій дворъ затѣмъ, чтобы кратковременною работою и неволею доставить себѣ на будущее время отдыхъ и свободу. Однако онъ не поступилъ на службу, обязывавшую его исполнять опредѣленную работу. Онъ положился на общія увѣренія кардинала въ томъ, что основательно устроится въ Англіи. Однако и въ томъ обманулся. Его повелитель былъ постоянно въ дорогѣ по дѣламъ королевства и по своимъ собственнымъ, хотя онъ позаботился о томъ, чтобы Поджіо по крайней мѣрѣ не нуждался въ Лондонѣ ни въ содержаніи, ни въ платьѣ и на досугѣ могъ заниматься науками. Но насчетъ того, чтобы доставить ему покойную жизнь, кардиналъ долго оставался при одномъ обѣщаніи, что при первомъ удобномъ случаѣ выхлопочетъ ему бенефицію. Флорентинецъ по пословицѣ *patria est ubi bene est* (отечество тамъ, гдѣ хорошо живется) рассчитывалъ устроить жизнь свою въ Англіи и надѣялся, что будетъ счастливъ даже среди скивоовъ и сарматовъ. Но его вскорѣ стала томить тоска по родинѣ, особенно по Флоренціи. На досугѣ онъ хотѣлъ усовершенствоваться въ греческомъ языкѣ. Но самъ онъ не могъ совладать съ Аристотелемъ въ подлинникѣ, и никто не принималъ участія въ подобныхъ занятіяхъ. Никколи постоянно убѣждалъ его продолжать розыски книгъ на англійской почвѣ. Но Поджіо уже напередъ мало надѣялся найти тамъ что нибудь, такъ какъ росписи книгъ нѣкоторыхъ монастырей, добытыя имъ, не сообщали ничего новаго, а въ двухъ мо-

настыряхъ, посѣщенныхъ имъ вмѣстѣ съ кардиналомъ, не оказалось греческихъ рукописей, и даже въ Салисбери ничего не нашлось. Въ Оксфордѣ онъ, повидимому, совсѣмъ не былъ. А между тѣмъ въ англійскихъ церквахъ и монастыряхъ скрывалось множество классическихкихъ рукописей. Объ этомъ свидѣлствуетъ не только историческая и поэтическая литература, возникшая тамъ, но и сохранившіеся въ разныхъ мѣстахъ каталоги ¹⁾. Самъ Поджіо не скрываетъ того, что въ немъ охладѣла прежняя страсть къ розыскамъ, однако она снова пробудилась въ Италиі, когда его стали подстрекать друзья. Неизвѣстно, привезъ ли онъ изъ Англии новыя сокровища классической и церковной литературы. Онъ мало дѣлалъ поисковъ, да и то побуждаемый Никколи.

Поджіо никакъ не могъ привыкнуть къ лондонской жизни и къ характеру англичанъ. Опъ и впослѣдствіи не могъ говорить объ этомъ народѣ, не упомянувъ объ его страсти поѣсть и выпить. Итальянецъ любилъ рассказывать, какъ тамъ по четыре часа сидѣли за столомъ, какъ ему часто приходилось вставать и мочить глаза холодной водой, чтобы только не заснуть ²⁾. Не многіе ученые, съ которыми флорентинецъ познакомился, высказывали свою ученость въ діалектикѣ и диспутахъ, какіе были въ то время въ ходу въ университетахъ. Онъ давно бы и охотно разстался съ своимъ высокимъ покровителемъ, если бы имѣлъ болѣе точныя свѣдѣнія о состояніи римскаго двора при Мартинѣ V. Въ Англиі Поджіо все еще надѣялся добиться «свободы и научнаго досуга»; въ духовное званіе ему не хотѣлось поступать, къ учительству онъ ниталъ отвращеніе, канцелярская работа наскучила, а «служба у какого нибудь тирана» тоже казалась жалкою. Оставалось только стремиться къ идеалу Петрарки — къ хорошей бенефиціи, съ которою не было бы соединено никакихъ обязательствъ. Онъ и ждалъ ея отъ богатаго и вліятельнаго кардинала. Наконецъ гора родила мышъ: Поджіо былъ предоставленъ приходъ съ 120 гульденами дохода, чѣмъ онъ былъ вовсе доволенъ. Тогда ему предложили другой поллучше, но въ такомъ случаѣ приходилось отказаться отъ перваго, а съ новымъ принять на себя пастьерскія обязанности. А если бы Поджіо пожелалъ переимѣнить его на другой, то лишился половины доходовъ, которыми можно было пользоваться всюду, гдѣ бы онъ ни жилъ, а это для него было особенно желательно. Онъ не хотѣлъ долше испытывать доброту кардинала, щедрого на обѣщанія, и былъ радъ воротиться изъ страны

¹⁾ Deschamps Essai sur Cicéron p. 22. 23

²⁾ Vespasiano Poggio § 1.

варваровъ подъ сѣнь новаго образованія, которое господствовало только въ Италіи ¹⁾.

Пребываніе Поджіо въ Англіи, конечно, не оставило глубокихъ слѣдовъ, но, быть можетъ, имѣло нѣкоторое возбуждающее вліяніе. По видимому, самъ кардиналъ забылъ о своихъ классическихъ порывахъ, хотя мы слышимъ, что онъ построилъ соборную бібліотеку въ Кентербернѣ и снабдилъ книгами ²⁾ и хотя Поджіо и потомъ обмѣнивался съ нимъ дружескими привѣтствіями. Съ нѣкоторыми изъ лицъ, окружавшихъ кардинала, съ которыми Поджіо свелъ знакомство, онъ многіе годы состоялъ въ перепискѣ, и мы знаемъ, что они долгое время посвящали себя занятію новыми науками. Укажемъ на Николая Бильдстона, доктора правъ, впоследствии бывшаго архидіакономъ уинчестерскимъ, который хотѣлъ при посредствѣ Поджіо купить нѣкоторыя сочиненія Петрарки, чего бы они ни стоили ³⁾. Упомянемъ также о магистрѣ Ричардѣ Петтуортѣ, секретарѣ кардинала, который, оставаясь въ этой должности, разбогатѣлъ отъ бенефицій. Онъ и впоследствии желалъ имѣть пикантныя сочиненія Поджіо, а послѣдній называлъ его «милѣйшимъ братомъ» ⁴⁾. Слѣдовательно, все таки въ Англіи запали нѣкоторыя сѣмена гуманизма, хотя и не вызвали подражаній въ литературѣ. Вѣроятно, Поджіо еще въ Англіи познакомился и съ Джономъ Стаффордомъ, бывшимъ съ 1443 г. архіепископомъ кентерберійскимъ; впоследствии это повело къ перепискѣ ⁵⁾.

Базельскій соборъ повелъ бы къ новымъ сильнымъ вліяніямъ гуманистовъ на англійское общество, будь на немъ больше англійскихъ епископовъ. Въ началѣ его въ Англію посланъ былъ съ дипломатическимъ порученіемъ Эней Сильвій Пикколомини, который въ Базелѣ игралъ приблизительно такую же роль, какую Поджіо въ Констанцѣ. Хотя онъ только развѣзжалъ по странѣ, однако воспользовался удобнымъ случаемъ поискать старыхъ книгъ въ соборѣ св. Павла. Ему показали одинъ старинный кодексъ, содержаніе котораго было неизвѣстно, но тамъ говорили, что это—первая латинская Исторія Фукидида ⁶⁾. И онъ

¹⁾ Poggius epist. I, 6—22 ed. Tonelli. Первое письмо Поджіо изъ Лондона, какое есть у насъ, отъ 5 марта (1420 г.), но оно, вѣроятно, написано уже спустя долгое время послѣ пріѣзда въ Англію. Последнее письмо изъ Лондона отъ 25 іюня 1422 г., а слѣдующее уцѣлвшее изъ Рима отъ 12 февраля 1423 г. Поэтому Поджіо, вѣроятно, оставилъ Англію осенью 1422 г.

²⁾ Онъ умеръ 11 апрѣля 1447 г. Ciaconius Vitae et res gestae Pontif. Roman. et Card. T. II, Romae 1677, p. 845.

³⁾ Поджіо называетъ его epist. II, 35 homo perhumanus et familiarissimus mihi.

⁴⁾ Poggius epist. II, 12. 18. 20. 22. 35. V, 22. VII, 11. VIII, 22. IX, 5.

⁵⁾ Poggius epist. IX, 9.

⁶⁾ Его письмо къ Іог. Гиндербаху отъ 9 іюня 1451 г. Позднее относится къ 1435 г.

вывелъ неблагопріятное заключеніе объ Англіи, но вскорѣ потомъ въ Базелѣ познакомился съ Адамомъ Мелиномъ. Послѣдній, вѣроятно, былъ такимъ же скромнымъ чиновникомъ канцеляріи, какъ и самъ Пикколомини, но принялъ живое участіе въ занятіяхъ итальянца гуманистическими науками. Этотъ Мелицъ былъ впоследствии статсъ-секретаремъ при королѣ Генрихѣ VI и хранителемъ тайной королевской печати. Онъ сложилъ свою голову на эшафотѣ за то, что былъ замѣшанъ въ интриги Ланкастерской партіи. Это былъ, можетъ быть, первый англичанинъ, умѣвшій писать изящныя письма, уснащенные классическими выраженіями. Онъ долго велъ переписку съ Пикколомини ¹⁾.

Герцогъ Гумфри Глостеръ, сынъ Генриха IV, выставленный придворными интриганами соперникомъ кардинала Бофора, въ то же время считался принцемъ рѣдкой учености, высокимъ меценатомъ ученыхъ и поэтовъ, какого дотолѣ еще не являлось въ Англіи. Сообщаютъ, что онъ получилъ свое образованіе въ Оксфордѣ. Если онъ съ увлеченіемъ занимался астрологіею и такъ называемымъ чернокнижіемъ и съ такимъ же рвеніемъ скупалъ красиво написанныя книги, или заказывалъ ихъ списывать, то это были модныя занятія высшихъ классовъ общества, какія мы встрѣчаемъ раньше и при французскомъ дворѣ, притомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Труднѣе рѣшить тотъ вопросъ, какъ могъ онъ находить досугъ для ученыхъ занятій во время политическихъ и военныхъ бурь, среди которыхъ протекла вся жизнь его, изучать древнихъ римскихъ писателей и заводить сношенія съ итальянскими гуманистами. Говорятъ, что онъ вызывалъ изъ Италіи наставниковъ для объясненія римскихъ поэтовъ и ораторовъ ²⁾. Тутъ, безъ сомнѣнія, имѣютъ въ виду преимущественно Тита Ливія и зъ Ф о р л и, котораго прямо называютъ «поэтомъ и ораторомъ герцога Глостерскаго». Онъ извѣстенъ намъ какъ авторъ Исторіи короля англійскаго Генриха V. Но, что замѣчательно, о немъ совсѣмъ не знаютъ его итальянскіе современники ³⁾. Безъ сомнѣнія, онъ прославлялъ герцога, посвящая ему сочиненія и, подобно Лайдгату, увѣковѣчилъ его имя

¹⁾ Письмо Энея Сильвія къ нему отъ 18 іюля 1443 г., отъ 30 мая и отъ 26 октября 1444 г. Письмо самого Мелина, очевидно, въ отвѣтъ на первое письмо Энея, есть въ числѣ его писемъ edit. Basil. epist. 186. Объ его позднѣйшей участи упоминаетъ Aeneas Sylvius Eugora cap. 45.

²⁾ Письмо Энея Сильвія къ герцогу австрійскому Сигизмунду отъ 5 декабря 1443 г.

³⁾ Такъ напр. напрасно стали бы мы искать упоминанія о немъ въ Italia illustrata Бьондо, гдѣ однако на стр. 347 съ особеннымъ сочувствіемъ говорится о всѣхъ выдающихся личностяхъ города Форли. Подію ни разу не упоминаетъ ни о немъ, ни о герцогѣ Глостерѣ, но это, вѣроятно, объясняется его отношеніемъ къ кардиналу Бофору. Можно сомнѣваться и въ томъ, чтобы Титъ Ливій было его христіанское имя.

въ англійскихъ стихахъ. Далѣе подъ конецъ жизни герцога мы встрѣчаемъ при его дворѣ юнаго Антоніо Беккариа изъ Вероны, ученика Виторино да Фельтре и друга Филельфо, который отличался эротическими стихотвореніями и перевелъ нѣкоторыя сочиненія съ греческаго языка. Послѣ смерти своего повелителя онъ радъ былъ бѣжать отъ политическихъ тревоженій на свою родину ¹⁾. Герцогъ основалъ также бібліотеку въ Оксфордѣ, конечно, при одной изъ коллегій. Онъ велѣлъ закупить книгъ, числомъ до 135 томовъ, во Франціи и Италиі. Это были сочиненія большею частію по схоластическимъ отраслямъ и по астрологіи, по части которой онъ и самъ писалъ, но тутъ же были и рукописи классиковъ. Онъ и въ этомъ отношеніи былъ собирателемъ, у котораго были и неизвѣстныя сочиненія. Въ его шкафахъ красовались и древніе панегиристы, и письма Цицерона ²⁾.

Понятно, что итальянскіе гуманисты охотно вступали въ сношенія съ такимъ богатымъ и сильнымъ меценатомъ, писали ему изящныя письма и посвящали свои сочиненія. Такъ напр. герцогъ читалъ Этику Аристотеля въ переводѣ Бруни, сильно хвалилъ переводчика и убѣждалъ перевести такимъ же образомъ и Политику Аристотеля. Когда Бруни принялся за эту работу, правда, гораздо позднѣе, то онъ послалъ герцогу въ Лондонъ первую часть ея, разумѣется, съ цѣлью посвятить ему въ случаѣ благосклоннаго приѣма. Но онъ не получилъ изъ Англій никакого отвѣта, поэтому съ досады прервалъ сношенія съ полу-варваромъ и посвятилъ свой трудъ папѣ Евгенію IV ³⁾. Гораздо дружественнѣе были сношенія герцога съ Пьеромъ Кандидо Дечембріо. Послѣдній послалъ ему въ подарокъ переводъ республики Платона, изложенный хорошимъ слогомъ по работѣ Хризолора и потомъ доконченный имъ. Сначала онъ отправилъ первыя пять книгъ. У насъ есть письмо герцога, въ которомъ онъ благодаритъ за посылку и проситъ о продолженіи. Слѣдовательно, онъ обнаруживаетъ желаніе прославиться, чему споспѣшествовалъ итальянскій писатель своимъ посвященіемъ. Герцогъ вполне понимаетъ значеніе новаго образованія, какое возникнетъ изъ возрожденія ла-

¹⁾ См. Giuliani Della lett. Veron. p. 66.

²⁾ Baleus I. c. p. 583: тутъ идетъ рѣчь объ его сочиненіяхъ по астрологіи. Pauli Gesch. v. England. Bd. V S. 666 ff. Его же Herzog Humfrid von Gloucester... въ «Bilder aus Alt-England» 2 Ausg. Gotha 1876, s. 334 ff. Объ основаніи книгохранилища Глостеромъ, умершимъ въ 1447 г., ср. также Delisle Le cabinet des manuscrits de la bibl. impér. T. I p. 52.

³⁾ Легко можно согласить Leon. Bruni epist. VIII, 6 съ извѣстіемъ Vespasiano Leonardo d'Arezzo § 9. Если здѣсь говорится о герцогѣ Уорчестерскомъ, то такую ошибку исправить не трудно.

тинскаго краснорѣчія и гелленской мудрости. Такимъ образомъ ему былъ посвященъ весь переводъ, и онъ, вѣроятно, выразилъ свою благодарность не одними словами ¹⁾. Это видно изъ того, что Дечембрио и потомъ посвятилъ ему двѣ книги своихъ писемъ, въ которыхъ изложено споръ по поводу его перевода Аристотелевой Этики ²⁾. Мы не знаемъ, видѣлъ ли онъ когда нибудь герцога. Напротивъ Пьеро дель Монте, ученикъ Гварино и папскій протонотарій, около 1439 г. былъ въ Англіи въ качествѣ повѣреннаго по дѣламъ римской куріи и, безъ сомнѣнія, свелъ тамъ дружбу съ Глостеромъ. Потомъ онъ посвятилъ ему свои нравственно-философскіе разговоры ³⁾. И молодой Лапо да Кастильонкіо послалъ въ подарокъ могущественному герцогу цѣлый рядъ своихъ небольшихъ трудовъ, состоявшихъ, большею частью изъ переводовъ съ греческаго языка, и нѣскольکو другихъ сочиненій ⁴⁾. Изъ иноземныхъ владѣтелей кромѣ этого великодушнаго патрона мы не знаемъ ни одного, который бы въ такой ранній періодъ оказывалъ великодушное покровительство новымъ наукамъ.

Во вторую половину вѣка другой англичанинъ знатнаго происхожденія, Джонъ Типтофтъ, графъ уорчестерскій, долгое время жилъ въ Италіи. Англійская исторія знаетъ его только какъ коварнаго интригана и человѣка жестокаго. А въ Италіи, гдѣ онъ пробылъ около трехъ лѣтъ, онъ является человѣкомъ прямымъ, оказывающимъ любовь къ изученію краснорѣчія и греческой древности, жаждущимъ знанія и ласковымъ въ обращеніи, также необыкновенно восторженнымъ собирателемъ книгъ. Конечно, этотъ литературный эпизодъ его жизни былъ невольнымъ слѣдствіемъ его положенія въ Англіи. Уступивъ поле битвы своимъ политическимъ врагамъ, онъ пріѣхалъ въ Венецію и оттуда отправился ко святымъ мѣстамъ. По возвращеніи графъ поселился въ Падуѣ, желая основательнѣе изучить въ тамошнемъ университетѣ латинскій языкъ, который уже владѣлъ, и новѣйшую реторику. Онъ посѣтилъ и старика Гварино въ Феррарѣ, потомъ пріѣхалъ во Флоренцію купить тѣ книги, которыя можно было достать только за деньги. Книгопродавецъ Веспазіано, въ качествѣ превосходнаго чичероне, показывалъ графу городъ. Такъ какъ послѣдній слышанъ былъ о славѣ пери-

¹⁾ Его письма отъ 6 февраля и 13 октября 1439 г. у Паули *Gesch. v. England* a. O. S. 668 и *Bilder aus Alt-England* по мюнхенской рукописи, у *Saxius Hist. lit. typ. Mediol.* T. I Prodr. p. 36. 299. 300.

²⁾ *Saxius* p. 293. 296. Сношенія герцога съ Дечембрио очевидны и изъ перевода *Vita Henrici V* Тита Ливія на итальянскій языкъ, указанный въ *Tabulae codd. ms. bibl. Vindob.* vol. II p. 106.

³⁾ См. выше стр. 34.

⁴⁾ Посвященіе Плутархова Артансерса у *Bandini Catal. codd. lat. bibl. Laurent.* T. II p. 699. 742.

натетива Аргиропуло, то не отказался ниогниго послушать одну его лекцію. Въ Римѣ онъ долженъ былъ по порученію короля вести переговоры съ папою Піемъ II и его кардиналами. Его привѣтственные рѣчи были художественны по формѣ, такъ что ихъ потомъ списали. Сообщаютъ, будто папа былъ такъ тронутъ краснорѣчіемъ англичанина, что даже плакалъ. Франческо изъ Аренцо посвятилъ графу свой переводъ одного сочиненія Лукіана. Самъ графъ переводилъ сочиненія Цицерона и другихъ писателей на свой родной языкъ. А какъ только онъ возвратился въ Англію въ концѣ 1460 г., то опять вмѣшался въ политическія интриги; мы ничего не знаемъ ни объ его литературныхъ клиентахъ, ни о томъ, какая участь постигла его книги¹⁾.

Между тѣмъ молодые англичане все чаще и чаще прѣѣзжаютъ въ Италію учиться классическимъ языкамъ по новой методѣ и покупать сочиненія классическихъ писателей. Еще гораздо раньше, чѣмъ Поджіо ступилъ на англійскую землю, Бруни приобрѣлъ литературнаго друга въ лицѣ англичанина Томаса, когда послѣдній прѣѣхалъ во Флоренцію. Онъ желалъ купить «произведенія новыхъ поэтовъ», а въ особенности сочиненія самого Бруни. Поэтому ему указали на Никколи. Бруни называлъ его пылкимъ поклонникомъ классическихъ наукъ, «какимъ только можетъ быть человекъ его національности»²⁾. Въ то время, когда папа Евгений жилъ во Флоренціи, тамъ находился въ качествѣ прокуратора англійской короны и вмѣстѣ аколута папы Андрью Ольсъ, благочестивый духовный сановникъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ. Онъ держалъ многочисленный штатъ переписчиковъ и давалъ разныя порученія книгопродавцамъ. И послѣ отъѣзда папы онъ оставался еще около двухъ лѣтъ во Флоренціи, страстно желая увеличить свой книжный запасъ на этомъ литературномъ рынкѣ. По видимому, онъ питалъ особенное влеченіе къ твореніямъ отцовъ Церкви, но сочувствовалъ и тамошнимъ ученымъ, въ особенности, прибавляетъ Веспасіано, если ихъ жизнь была безупречна. Если Ольсъ вращался въ средѣ такихъ людей, какъ Траверсари, то какъ могли его не коснуться атмосфера Медичи и вліяніе древности! Какъ человекъ, чуждый честолюбія, онъ удалился въ Англію въ свой скромный приходъ³⁾.

Какъ изъ флорентійцевъ особенною извѣстностью въ Англіи пользовался Бруни, такъ впоследствии и феррарская школа Гва-

1) Vespasiano Duca di Worcestri. *Baleus* p. 620.

2) Leon. Bruni epist. II, 18: *Studiorum nostrorum, quantum illa natio capit, ardentissimus affectator.* Письмо, вѣроятно, относится къ 1408 г.

3) Vespasiano Protosano apostolico Inghilese. За фамилію Ольсъ столь же мало можно ручаться, какъ и за всѣ иностранныя фамиліи, встрѣчаемыя у Vespasiano. Но какъ о земь, такъ и Томасъ я не имѣлъ другихъ указаній.

рно. Она отличалась нѣкоторыми аристократическими чертами герцогской школы, но Гварино и вообще заграницею, да и не даромъ, считался лучшимъ преподавателемъ гуманитарныхъ наукъ, даже передавъ эту извѣстность своему сыну Баттисту. Первымъ изъ англійскихъ учениковъ его, какого мы знаемъ, былъ юный Уильямъ Грей. Онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ родствомъ съ королевскимъ домою и своимъ богатствомъ. Сначала онъ изучалъ въ Кельнѣ философію и богословіе, потомъ пріѣхалъ въ Падуу заниматься гуманитарическими науками. Здѣсь ему посовѣтовали усовершенствовать свое образованіе у Гварино. Онъ жилъ въ Феррарѣ какъ владѣтельное лицо и занималъ цѣлый домъ съ обильнымъ штатомъ прислуги. Чтобъ поскорѣе выучиться, Грей пригласилъ къ себѣ бѣднаго молодого человѣка, который однако былъ уже хорошимъ латинистомъ. Никколо Перотти, впоследствии знаменитаго грамматика. И онъ заказывалъ переписывать себѣ въ Феррарѣ множество книгъ, какъ уже дѣлалъ раньше въ Кельнѣ и Падуѣ, языческихъ, философскихъ и духовныхъ, а другія сочиненія заказывалъ у Веспасіано во Флоренціи. Послѣ двухлѣтнихъ занятій науками ему дано было въ 1449 г. порученіе отправиться въ Римъ прокураторомъ короля, а въ 1454 г. онъ былъ сдѣланъ епископомъ элійскимъ и королевскимъ совѣтникомъ и воротился въ Англію. По смерти короля Генриха VI онъ окончательно посвятилъ себя дѣламъ своей епископіи, вновь пріобрѣтенной наукѣ и занятіямъ въ своей прекрасной библіотекѣ ¹⁾. Понятно, что примѣръ подобнаго человѣка не остался безъ послѣдствій и что литературныя сношенія между Англіею и Италіею становились все оживленнѣе.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно указать на причины, побуждавшія родственниковъ посылать молодыхъ людей учиться въ Италію. Ричардъ Флеммингъ, извѣстный своею борьбою съ Уайклефомъ, былъ на Констанцскомъ соборѣ и отличился тамъ своими рѣчами и проповѣдями ²⁾. Его, вѣроятно, коснулось вліяніе новой науки и перешло къ его родственнику, Роберту Флеммингу. Послѣдній отправился въ Феррару къ Гварино, чтобы тамъ почерпнуть знаніе латинской и греческой науки изъ самаго источника. Извѣстный уже по своимъ латинскимъ стихамъ, онъ отправился въ Римъ, сдѣланъ былъ тамъ папскимъ протонотаріемъ, а потомъ повѣреннымъ по дѣламъ короля англійскаго Эдуарда VI. Онъ сочинилъ *Lucubratione*

¹⁾ *Vespasiano Vescovo d'Ely. Warton Anglia sacra P. I Lond. 1791, p. 672. См. выше стр. 118.*

²⁾ Нѣкоторые изъ нихъ есть въ *Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. III p. 361. 362 451. Baleus p. 575.*

Tiburtinae (Тибуртинскіе ночныя труды), которые посвятилъ папѣ Сиксту IV, составилъ греко-латинскій словарь и написалъ цѣлый томъ стихотвореній, которыя впрочемъ не высоко цѣнились. Умеръ онъ на родинѣ въ Линкольнѣ ¹⁾.

И Джонъ Фри изъ Лондона былъ привлеченъ славою Гварино въ Феррару и приобрѣлъ тамъ отличныя свѣдѣнія какъ въ латинскомъ языкѣ, такъ и въ греческомъ. Потомъ онъ изучалъ медицину и съ особенною любовью—медицинскую ботанику. Эту науку онъ преподавалъ потомъ въ университетахъ феррарскомъ, флорентинскомъ и падуанскомъ. Впослѣдствіи, когда Фри жилъ въ Римѣ, онъ издалъ множество латинскихъ стихотвореній, посвященныхъ графу уинчестерскому. Папа Павелъ II назначилъ его епископомъ батскимъ, но онъ умеръ еще до посвященія въ 1465 г. ²⁾. Товарищъ Фри, хотя старше его по лѣтамъ, Джонъ Гонторнъ отправился сначала въ Феррару, потомъ былъ хранителемъ большой печати у короля Эдуарда IV. Кромѣ писемъ и рѣчей отъ него остались также стихотворенія ³⁾. Если мы примемъ во вниманіе то, что называемъ имена лишь людей, занимавшихъ выдающееся положеніе въ государствѣ и церкви, пользовавшихся извѣстностью въ качествѣ ученыхъ или поэтовъ, то должны будемъ признать, что ростки, пересаженные на почву Англіи изъ одной только школы Гварино, пустили глубокіе корни. Этому споспѣшествовало и множество классическихъ книгъ, которыя отправляли въ сундукахъ изъ Италіи. Мы понимаемъ и ту гордость, съ которою Баттиста, сынъ Гварино, указывалъ на толпы юношей, стремящихся въ школу его отца изъ всѣхъ отдаленныхъ странъ, «даже изъ Британіи, лежащей внѣ предѣловъ земнаго шара» ⁴⁾.

Мы не видимъ въ Англіи ни малѣйшихъ признаковъ колебанія вѣры и нравственныхъ понятій, легкомыслія и нескромности, которыя почти всюду являлись вмѣстѣ съ античными поэтами и ихъ гуманистическими послѣдователями и были причиною недовѣрія къ гуманнымъ наукамъ. Это, конечно, заслуживаетъ вниманія. Въ Италіи это явленіе объясняли твердою преданностью англичанъ религіи, церкви и всѣмъ ея обрядамъ ⁵⁾. Правда, изученіе новыхъ наукъ подвигалось въ Англіи медленно впередъ. Войны алой и бѣлой розы, а впо-

¹⁾ Rosmini Vita di Guarino vol. III p. 117.

²⁾ Извѣстія о немъ и его сочиненіяхъ у Zeno Diss. Voss. T. I p. 43 и у Balæus p. 614 не лишены хронологическихъ трудностей.

³⁾ Balæus p. 617. Rosmini l. c. p. 121.

⁴⁾ Его письмо къ брату Леонелло отъ 24 декабря 1460 г. въ Egyptemes philologiai Közöny 1880 p. 633: ex Britannia ipsa, quae extra orbem terrarum posita est.

⁵⁾ Такъ говоритъ Vespasiano Duca di Worcestri § 3: Hanno questi oltramontani grandissima devozione, e massime in tutte le cose della religione.

- слѣдствіи религіознаго несогласія значительнымъ образомъ задержали процвѣтаніе гуманистическихъ знаній въ странѣ. Только при королевѣ Елисаветѣ античный духъ вошелъ въ моду при дворѣ и среди аристократіи. Многія черты характера и придворной жизни этой прославленной королевы, на первый разъ поражающія насъ, тутъ находятъ себѣ объясненіе, а параллель при дворахъ итальянскихъ государей и владѣтельныхъ особъ.

Первое въ высшей степени замѣчательное сопряженіе нѣмецкаго духа съ духомъ классической древности заставляеть насъ возвратиться назадъ, въ вѣкъ Каролинговъ и Оттоновъ. Литература, возникшая въ ту эпоху, указываетъ на то обычное явленіе, что нѣмецъ съ радостью принимаетъ всѣ образовательныя начала, какія встрѣчаетъ, но всегда перерабатываетъ ихъ по своему и дѣлаеть достояніемъ всѣхъ, сообщая имъ универсальный, космополитическій характеръ. Если бы мы захотѣли прослѣдить ходъ взаимныхъ вліяній Италіи и Германіи, то это повело бы насъ слишкомъ далеко всторону. Поэтому мы укажемъ лишь вообще на тотъ фактъ, что оба эти народа постоянно привлекали другъ друга, а потомъ отталкивали, что между ними было много связей, а все таки въ нравахъ и образѣ мыслей существовало глубокое различіе. Въ изяществѣ и утонченности итальянца нѣмецъ видѣлъ только коварство и испорченность, тѣмъ не менѣе эти качества производили на него впечатлѣніе. Неотесанность и простота нѣмца казались итальянцу грубымъ варварствомъ, но онъ не разъ чувствовалъ проявленіе этой самобытной духовной силы и понималъ, что въ подобной прямотѣ кроются нравственные задатки. Подобный антагонизмъ всего рѣзче проявлялся въ борьбѣ изъ за іерархическаго преобладанія Италіи. Безъ сомнѣнія, по умственному развитію итальянецъ стоялъ гораздо выше. Если нѣмецъ видѣлъ въ каждой отдѣльной личности, начиная съ кардинала-легата и кончая послѣднимъ писцомъ римской куріи, человѣка падкаго на деньги, который чинилъ свои вымогательства съ гордостью и презрѣніемъ, если онъ готовъ былъ порвать тѣ церковныя узы, которыя главнымъ образомъ соединяли его съ Италіею, то въ немъ постоянно сказывалось тайное сознаніе, что ему еще слѣдуетъ учиться у этого народа. Нѣмецкій народъ не къ одному народу прилѣплялся съ глубокимъ уваженіемъ и подчиненіемъ, которыя часто имѣли видъ умственнаго рабства, до тѣхъ поръ, пока не выучивался, не прозрѣвалъ духовно и не усвоивалъ себѣ умственныя блага своего сосѣда. Любовь къ новой наукѣ и новому искусству, безспорно, внушена ему

преимущественно итальянцами. Здѣсь мы укажемъ только на первыя ихъ соприкосновенія и столкновенія.

Есть такое мнѣніе, что братья, державшіеся ученія объ общей жизни ¹⁾, занимались уже классическою литературою и что сочиненія Николая Эйса облачаютъ классическую начитанность, въ которой онъ могъ бы поспорить съ начитанностью итальянскаго гуманиста. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что тутъ древніе писатели служили на пользу богословію, и на ихъ произведенія старались наложить схоластическія оковы. Простая начитанность далеко еще не то исключительное увлеченіе гуманистовъ, которое одно можетъ проложить пути для новой науки. Въ Германіи во всѣ времена знали древность и интересовались ею. Если принять въ соображеніе только это, то можно бы было по крайней мѣрѣ съ такимъ же основаніемъ указать на Абельярда и на Іоанна Салисберійскаго. Отдѣльныя личности, питавшія болѣе сильную любовь къ классической литературѣ, чѣмъ другія, встрѣчаются во всѣ періоды среднихъ вѣковъ и во всѣхъ культурныхъ областяхъ, даже въ Вестфалии, на нижнемъ Рейнѣ и въ Бельгіи. Сократъ Петrarки былъ родомъ изъ бельгійскаго города Кампина. Но мы знаемъ о немъ почти только то, что онъ былъ поклонникомъ Петрарки и главнымъ предметомъ его культа дружбы. Петрарка, по видимому, удивляется, что бельгійская почва могла произвести такого друга. Онъ полагаетъ, что продолжительныя сношенія съ нимъ и любовь къ нему сдѣлали Сократа почти итальянцемъ. Навѣрное, онъ никогда не изслѣдовалъ той основы, на которой возникла эта дружба ²⁾. И Поджіо былъ еще сильно пораженъ, когда узналъ, что утрехтскій деканъ собираетъ сочиненія Цицерона, что у него есть уже нѣкоторыя его произведенія и онъ желаетъ приобрести остальные ³⁾. Если и были мѣстами хорошія школы, въ которыхъ ученіи упражнялись въ чтеніи

¹⁾ Братьями общей жизни, или доброй воли, также Іерониміанами или Грегорианами назывались нѣкоторыя общины по имени блаженнаго Іеронима и Григорія Великаго. Первая христіанская община въ этомъ духѣ основана Гроотомъ около 1376 г. въ Нидерландахъ. Это было подражаніе первымъ христіанскимъ общинамъ, и члены подобной группы въ которую допускались люди всѣхъ возрастовъ и званій, жили по монашески, трудились преимущественно надъ перепискою книгъ и воспитывали юношество. Они имѣли общія имущество, общую одежду, общій столъ и т. д., не были связаны никакимъ обѣтомъ, но вели строго аскетическій образъ жизни. Братья возставали противъ многихъ злоупотребленій въ церкви, но не противъ ученія. Поэтому ихъ признавали папы, даже соборы. Были и женскія общины этого направленія. Вслѣдствіи онѣ являлись и въ другихъ странахъ.

Примѣч. переводчика.

²⁾ Petrarca epist. rer. famil. IX, 2. Сократъ умеръ въ маѣ 1361 г.

³⁾ Poggins epist. X, 23 отъ 31 декабря 1451 г.: Miratus sum tam studiosum eloquentiae et optimarum artium virum tam longe ab Italia, cuius haec studia vernacula esse vindontur, reperiri.

классиковъ и учились изящной латыни, то итальянскіе ученые не знали объ этомъ и только случай могъ повести къ сношенію съ ними.

Въ Италіи поэзія и древность вскорѣ стали господствовать при дворахъ и въ высшихъ слояхъ общества. Поэтому слѣдовало бы предполагать, что онѣ всего легче распространятся и въ придворныхъ и аристократическихъ сферахъ Германіи, какъ мы это видѣли въ Англіи. Но оказывается, что германскіе князья и знать составляли рѣзкую противоположность съ большими и мелкими владѣтелями, епископами и крупными купцами, которые въ Италіи старались усвоить себѣ по крайней мѣрѣ внѣшній лоскъ моднаго образованія. Тутъ не было подготовки, а также обширныхъ сношеній и соприкосновенія съ иноземными элементами, которыя пробуждали бы дремавшія умственные силы народа. Короли и императоры большею частію съ дѣтства были окружены космополитическими вѣяніями. Ихъ образованіе было универсальное, и они легко осваивались въ чужихъ странахъ. Поэтому отъ нихъ можно было бы ожидать, что ихъ и ихъ придворныхъ увлечетъ итальянскій гуманизмъ, если только судьба занесетъ ихъ въ Италію или итальянцевъ къ нимъ.

Какъ могло новое міровоззрѣніе, провозглашенное Петраркою, не коснуться Карла IV, образованнѣйшаго государя своего времени, современника этого великаго человѣка! Онъ въ дѣтствѣ воспитывался въ Парижѣ, получилъ образованіе духовнаго характера, по своему направленію едва ли принадлежалъ одной какой либо націи, говорилъ по латыни и по французски, но выучился также говорить по нѣмецки, по чешски и по итальянски. Онъ не только имѣлъ влеченіе ко всякой наукѣ и искусству, но и доказалъ свою любовь къ нимъ основаніемъ большихъ учреждений и сооруженіемъ памятниковъ. Карлъ не только вызвалъ къ жизни историографію, но и единственный изъ средневѣковыхъ государей принялся самъ писать исторію своей жизни. Но новая наука, пробужденная въ Италіи, которой его юношеское образованіе было чуждо, предстала предъ нимъ лишь въ образѣ нѣкоторыхъ личностей, проникнутыхъ ея воспламеняющими качествами, стремленіемъ къ славѣ и поклоненіемъ величавой древности. Все таки это было событіемъ, когда въ 1350 г. явился въ Прагу Кола ди Ріенци, низвергнутый трибунъ. Конечно, въ глазахъ Карла онъ не имѣлъ никакого политическаго значенія, да и не добился его. Но, находясь въ заключеніи, онъ оставался важнымъ умственнымъ явленіемъ, привлекавшимъ къ себѣ новизною и смѣлостью своихъ идей. Нѣмецкіе и чешскіе магистры, съ которыми онъ говорилъ и велъ диспуты, удивлялись его пламенному краснорѣчію. Этотъ человѣкъ, воспитанный на чтеніи Ливія, называвшій себя рыцаремъ благодаря Св. Духу, трибуномъ свободы, мира и справедливости, освободителемъ

и Августомъ римской республики, явился агитаторомъ, ищущимъ помощи, но съ мистическимъ одушевленіемъ. Послѣднимъ онъ не увлекъ людей, окружавшихъ Карла, однако все таки внушилъ имъ сочувствіе, даже удивленіе въ себѣ. Тѣ письма, которыя онъ писалъ изъ раудникой тюрьмы къ королю, епископу пражскому Арнету и нотаріусу Іоганну фонъ Неймарктъ, писанныя напыщеннымъ и двѣтистымъ сло-гомъ, хранились какъ художественныя произведенія и служили пред-метомъ подражанія. 1 августа онъ удостоился видѣть самого короля, который, конечно, только улыбнулся, слыша его пророческія откровенія, но принялъ его милостиво, какъ замѣчательнаго фантазера, но, разумѣется, потомъ выдалъ римскому двору ¹⁾).

Та переписка, въ которую вошелъ Петрарка съ Карломъ IV, въ сущности имѣетъ то же содержаніе, какъ и воззванія трибуна. И поэтъ увѣщевалъ короля, во имя вѣчной славы, явиться въ Италію и принять въ Римѣ бразды правленія. Но всесвѣтнѣйшій мудрецъ и ученый не былъ политическимъ мыслителемъ; такъ на него и смотрѣлъ Карлъ при свиданіи въ Мантуѣ. Онъ милостиво интересовался его особою и его произведеніями, затрогивалъ чувствительную струнку его тщеславія и въ похвалу получилъ отъ него названіе «итальянца», ни словомъ, ни дѣломъ не хлопоча о вѣчной славѣ ²⁾). Петрарка убаюкивалъ себя надеждою своимъ перомъ снова воскресить величіе Рима и его всемірное владычество. Поэтому онъ глубоко разочаровался, когда императоръ тотчасъ же вслѣдъ за коронованіемъ уѣхалъ изъ Рима, какъ бѣглець. Къ этому еще присоединилось вѣнчаніе лаврами Заноби въ Низѣ, которое устроилъ великій сенешаль Акчіайоли; Карлъ, безъ сомнѣнія, раньше не слыхалъ имени этого поэта. Мы вспоминаемъ, что онъ выслушалъ лишь небольшую долю рѣчи новаго лавроносца о славѣ, хотя и послѣдній умолялъ его возстановить права великихъ умовъ и величіе имперіи ³⁾). Карлъ не имѣлъ и понятія о томъ, какъ оскорбителенъ для Петрарки этотъ императорскій вѣнокъ, возложенный на голову второстепеннаго поэта. Поэзіи вообще онъ такъ

1) Peltzel Kaiser Karl IV. Th. I, Prag 1780. Въ предъувѣдомленіи упоминается о Collectio epistolarum Nicolai tribuni Romani, состоящемъ приблизительно изъ 30 писемъ. Изъ нихъ Паппенюрдтъ Cola di Rienzo pro 15. 16 издалъ корреспонденцію съ Іоганномъ Неймарктъ, которая есть съ нѣкоторыми вариантами и въ ms. лейпцигской городской библіотеки Rep. II fol. 71 fol. 51. Здѣсь есть и Titulus tribuni Romanorum, взятый изъ одного письма къ королю и какъ особенно блестящій принятъ въ книгу формъ. Ср. Friedjung Kaiser Karl IV und sein Antheil am geistigen Leben seiner Zeit, Wien 1876, s. 286 ff. О томъ времени, когда Кола явился въ Прагу, см. Huber Die Regesten des Kaiserreichs unter Kaiser Karl IV Reg. zum Juli 1350. Аудіенція 1 августа по Vita di Cola ed. Re lib. II cap. 12.

²⁾ Ср. томъ I стр. 64—67.

³⁾ Ut ingeniorum pariter secut imperii iura requiras; utramque enim ad decus tuum pertinet, imperii atque ingeniorum fines extendere. См. томъ I стр. 416—417.

же не понималъ, какъ и Петраркѣ было непонятно трезвое и благо-разумное воззрѣніе императора. Но Петрарка постоянно восторгался тѣмъ, что императоръ удостоилъ его своей дружбы, какъ великаго мудреца своего времени. Впрочемъ и Карлъ смотрѣлъ на прославленнаго философа какъ на человѣка, который придавалъ блескъ его двору и самому ему внушалъ живой интересъ.

Такимъ образомъ отношенія между императоромъ и поэтомъ тянулись еще долгое время. Первый ничѣмъ не жертвовалъ, приближая къ себѣ всесвѣтнаго мудреца, а послѣдній не замѣчалъ, чѣмъ онъ жертвовалъ, какъ древній римлянинъ, итальянецъ и республиканецъ, постоянно являясь къ императорскому двору. Но это личное сближеніе ихъ было плодотворно, потому что заронило въ Германіи сѣмена новаго образованія. Фамилія Висконти, искавшая удобнаго случая примириться съ императоромъ, избрала Петрарку своимъ посломъ, и онъ, не смотря на свое стремленіе къ «уединенію и спокойствію», довольно охотно согласился ѣхать къ «арктическому океану». Какъ рѣдкостный дипломатъ, онъ еще въ Миланѣ, въ то время, когда укладывали его вещи, рѣшился говорить свободно съ императоромъ, «по крайней мѣрѣ этимъ отомстить за самого себя, за Италію и за покинутую страну ¹⁾». 20 мая 1356 г. оставилъ Петрарка Миланъ, но, не нашедши Карла въ Базелѣ, долженъ былъ, дѣйствительно, ѣхать на «край свѣта», въ «отдаленную варварскую страну», въ Прагу. Намъ не сообщаютъ, чтобы онъ тамъ, подобно Колѣ, защищалъ дѣло Рима и Италіи и изумилъ всѣхъ своими свободными рѣчами. Но самъ онъ хвалитъ дворъ за то что придворные приняли его съ утонченною любезностью. Тамъ былъ епископъ пражскій Арнестъ, высокообразованный прелатъ, основатель пражскаго университета, который не разъ высказывалъ ему сожалѣніе о томъ, что ему пришлось пріѣхать къ «варварамъ». Потомъ епископъ Ольмюцскій, Іоаннъ Окко, который увѣрялъ его, что имя Франциска никогда не изгладится изъ его памяти. Это былъ поклонникъ латинскаго краснорѣчія, говорившій впоследствии надгробное слово въ честь императора Карла и, на итальянскій манеръ, распространившій его въ копіяхъ ²⁾. Но особенное уваженіе къ Петраркѣ, какъ къ поэту и всемірному мудрецу, высказалъ Іоаннъ фонъ Неймарктъ, канцлеръ императора и епископъ литомышльскій. Мы скорѣе укажемъ на тѣ послѣдствія, къ какимъ повело это обстоятельство.

¹⁾ Epist. rer. famil. XIX, 13: Sic me saltem, sic Italiam et desertum imperium ulciscar.

²⁾ Оно есть у Пельцеля Вд. II в. 946.

Знаменитый гость получил патентъ на титулъ пфальцграфа, составленный епископомъ ольмюцскимъ и написанный изящнымъ слогомъ, съ большимъ золотымъ шарикомъ. Какъ скоро онъ хотеть казаться вѣжливымъ, то сообщаетъ, что ни у императора, ни у окружающихъ его не замѣтилъ слѣдовъ варварства. Но какъ только онъ покинулъ атмосферу двора, которая такъ благотѣльно повліяла на него, и поѣхалъ на родину по «варварскимъ землямъ», то въ немъ снова пробудилась мысль, что все, что дорого и прекрасно,—въ Италіи ¹⁾.

Съ этихъ поръ Петрарка могъ хвалиться тѣмъ, что состоитъ въ дружеской перепискѣ съ императоромъ, которую отъ имени послѣдняго велъ Іоаннъ фонъ Неймарктъ. Какъ и десять лѣтъ тому назадъ, поэтъ все еще умолялъ Карла явиться въ Италію, возстановить Римъ и римскую имперію. Напротивъ императоръ посылалъ ему подарки и снова звалъ въ Германію, желая слышать его «нравственныя наставленія». Долго отклонялъ эти приглашенія Петрарка подъ разными предлогами. Наконецъ, когда нельзя было больше оставаться въ Миланѣ, когда чума и война прогнали его изъ Италіи, онъ рѣшился ѣхать въ Германію. При этомъ у него мелькала мысль провести при дворѣ императора и остатокъ дней своихъ. Это было въ мартѣ 1362 г. Но онъ принужденъ былъ воротиться, потому что толпы наемниковъ заняли дороги, отказался отъ своего намѣренія и переселился въ Венецію ²⁾.

Нельзя утверждать того, что эти сношенія произвели глубокое впечатлѣніе на императора. Наука и искусство не были для него уместными потребностями, а предметами роскоши, которыми онъ украшалъ свой дворъ, свою резиденцію въ Прагѣ и свои наслѣдственные земли въ Чехіи. Этимъ объясняется его страсть собирать рѣдкости; Петрарка никогда не интересовался подобными вещами. Какъ обрадовался императоръ, когда онъ нашелъ въ Аквилеѣ рукописное Евангеліе отъ св. Марка, которое будто-бы этотъ Евангелистъ написалъ по латыни! Онъ тотчасъ-же заказалъ для него роскошный футляръ, украшенный золотомъ и драгоценными камнями, и все пражское духовенство съ архіепископомъ и соборнымъ капитуломъ должно было принять эту книгу въ торжественной процессіи ³⁾. Рѣдкостями для Петрарки были старинныя рукописи классиковъ и римскія монеты, а у императора никогда не являлось желанія имѣть какого-нибудь Ливія. «Онъ не по-

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. XIX, 14. XXI, 1, 2 seq.

²⁾ Сюда относятся письма императорскаго канцлера у Пельцеля Th. II s. 360. 361 и Petrarca epist. rer. famil. XXIII, 2 отъ 21 марта (1361), 6. 8 отъ 18 іюля (1361), 9 и 10 отъ 21 марта (1462).

³⁾ Huber Регеста въ 31 октября 1354 г.

мнить своихъ древнихъ римскихъ предковъ, говорить Боккачю ¹⁾, и проводить время въ укромномъ уголкѣ «среди снѣговъ и за стаканомъ вина». Не смотря на свои связи съ Петrarкою, въ глазахъ итальянцевъ онъ оставался чешскимъ варваромъ.

Болѣе глубокое впечатлѣніе произвелъ поэтъ на духовныхъ особъ, окружавшихъ Карла. Епископъ ольмюцскій называлъ его своимъ «наставникомъ и повелителемъ»; по просьбѣ его Петрарка послалъ въ Чехію свои буколическія стихотворенія, приложивъ къ нимъ объясненіе содержанія ²⁾. Далѣе мы слышимъ объ одномъ пражскомъ схоластикѣ Генрихѣ, который относился къ Петраркѣ съ дѣтскимъ благоговѣніемъ. Но самымъ развитымъ человекомъ былъ Іоганнъ фонъ Неймарктъ, какъ его обыкновенно сначала называли по имени того силезскаго околотка, въ которомъ онъ родился. Онъ явился къ Карлу IV почти въ самомъ началѣ его правленія и оставилъ дворъ не задолго до смерти императора. Своему образованію, уму, трудамъ въ канцеляріи и писательскому искусству этотъ человекъ былъ обязанъ расположеніемъ государя и тѣмъ, что быстро разбогатѣлъ и достигъ великихъ почестей. Онъ былъ бѣденъ, но получилъ хорошее образованіе, быть можетъ, у премонстратовъ, въ орденъ которыхъ вступилъ. Еще въ 1427 г. мы встрѣчаемъ его въ качествѣ нотариуса при пражскомъ дворѣ, а въ 1348 г. онъ былъ уже священникомъ въ своемъ родномъ Неймарктѣ, въ 1351 г. является секретаремъ и близкимъ человекомъ короля, кромѣ того каноникомъ въ Бреславлѣ и Ольмюцѣ, въ 1352 кандидатомъ на наумбургскую епископскую кафедру, которой впрочемъ не получилъ, и протонотаріемъ. Въ 1353 г. Іоганнъ былъ возведенъ въ санъ епископа литомышльскаго и является канцлеромъ при дворѣ. Здѣсь мы и встрѣчаемъ его имя въ длинномъ рядѣ разныхъ актовъ. Когда вполнѣдствіи Іоганнъ Окко былъ назначенъ архіепископомъ пражскимъ въ 1364 г., то онъ былъ его преемникомъ на богатой ольмюцкой кафедрѣ. Въ этомъ санѣ онъ и умеръ 23 декабря 1380 г., а должность канцлера сложилъ съ себя, кажется, еще въ 1374 г. ³⁾.

¹⁾ Lettere ed. Corazzini p. 363.

²⁾ Petrarca epist. rer. famil. XXIII, 6. 10.

³⁾ За ходомъ его жизни слѣдять: Huber Regesten p. XLII ff и еще подробнѣ Benedict во введеніи въ «Das Leben des hui Hieronymus in der Hebers. des Bischofs VIII von Olmütz». Prag 1880 (Bibliothek der mittelhochdeutschen Literatur in Böhmen Bd. III. Поприще Іоганна, Премонастраца, на которомъ онъ еще въ 1343 г. былъ аббатомъ монастыря Брувъ въ Чехіи, не сходится съ тѣмъ, что въ 1347 г. онъ былъ нотаріусомъ. Однако то обстоятельство, что онъ погребенъ въ Литомышль, въ августинскомъ монастырѣ, основанномъ имъ, опять говоритъ въ пользу этого.

Еще раньше, чѣмъ Карлъ IV прибылъ въ Италію, конечно, вслѣдствіе увѣщательныхъ посланій, полученныхъ королею отъ Петрарки, Іоганнь отважился обратиться къ поэту съ почтительнымъ письмомъ. Петрарка вывелъ изъ этого такое заключеніе, лестное для себя, что его имя уже хорошо извѣстно и въ Германіи. Онъ отплатилъ за эту вѣжливость тѣмъ, что привѣтствовалъ своего поклонника, какъ человѣка, «воспитаннаго на римскомъ краснорѣчїи». Такъ какъ этотъ Іоганнь сопровождалъ своего короля въ его римскомъ походѣ и былъ при немъ во время его вѣнчанія императорскою короною, то, безъ сомнѣнія, видѣлся въ это время съ поэтомъ, а потому въ Прагѣ вполнѣ насладился его бесѣдою. Онъ смотрѣлъ на него съ почтительнымъ уваженіемъ удивленнаго ученика. Іоганнь бралъ на себя неимовѣрный трудъ писать возвышеннымъ и почтительнымъ слогомъ, когда обращался къ нему отъ имени императора или отъ своего собственнаго. По отношенію къ лавроносному поэту онъ называлъ себя презрѣннымъ школьнымъ учителемъ и выражался съ рабскимъ смиреніемъ о врожденной слабости своего собственнаго языка и языка нѣмецкой націи и объ его варварскихъ свойствахъ. Онъ стыдился заводить рѣчь о своемъ нотаріальномъ дѣлѣ и своей должности канцлера; въ этомъ отношеніи онъ въ сравненіи съ громогласнымъ Петраркою, по его словамъ, является болтливою сорокою. Канцлеръ былъ глубоко огорченъ тѣмъ, что можетъ только слышать сладкіе звуки эклога Петрарки. Поэтому ему оставалось лишь сѣтовать на то, что не посчастливилось быть ученикомъ подобной школы. Іоганнь желалъ утолять свой голодъ хотъ крохами, падающими съ роскошной трапезы священнаго цѣвца, и готовъ былъ считать себя счастливымъ, если, опустивъ глаза въ землю, можетъ поклониться слѣдамъ такого оратора ¹⁾).

Эти литературныя стремленія канцлера и его напыщенный слогъ, украшенный цвѣтами поэзіи, имѣли немаловажное значеніе для Германіи. Тутъ видѣнъ первый лучъ зари гуманизма, занимающейся для нѣмецкой страны. Пражская нотаріальная школа пользовалась уже около вѣка большимъ значеніемъ; это доказываютъ намъ сборники формъ, воз-

1) Petrarca epist. rer. famil. X, 6. Это письмо относится еще ко времени, предшествующему позднѣ Карла въ Римъ, что доказывается тѣмъ, что онъ подписывается епископомъ наумбургскимъ.

2) Шесть писемъ канцлера къ Петраркѣ изъ рукописи лейпцигской университетской бібліотеки, см. у Mehus Vita Ambros. Travers. p. 221 seq. Въ ихъ числѣ есть, быть можетъ, и такія, которыя онъ писалъ отъ имени епископа ольмюцкаго. Два письма у Пельцеля Th. II s. 360. 351. Другія у Теод. Неймана Die Handschriften der Milisch'schen Bibliothek. in Görlitz — въ Neuer Lausithische Magazin Bd. 23, Görlitz 1846, s. 193. 197, у Фридьюнда s. 422 ff., у Hortis Scritti inediti di F. Petrarca p. 184.

никшіе въ ней. Такимъ образомъ и письма Іоганна стали вліятельными литературными произведениями, такъ какъ онъ составилъ изъ нихъ особый сборникъ эпистолярныхъ формъ. Послѣдній былъ вскорѣ распространенъ подъ заглавіемъ Руководство для канцеляріи Карла IV въ извлеченіяхъ или съ приложениями, что обусловливается свойствами подобныхъ сборниковъ-образцовъ. Въ немъ содержатся письма, сочиненныя отъ имени императора и отъ собственного имени, официальные и дружескія, письма съ богословскимъ оттѣнкомъ и трактующія въ грубо-юмористическомъ тонѣ о женщинахъ и винѣ, а во второй части формы актовъ. Конечно, автору еще далеко до плодovitости Салютато и его патетическаго одушевленія. Іоганнъ обнаруживаетъ неумѣстное стремленіе къ блестящимъ выраженіямъ и образамъ. Поэтический тонъ замѣняется изреченіями римскихъ поэтовъ насчетъ Геликона, Піеридъ, кастальскаго источника, меда съ горы Гиметта и другими подобными украшеніями, къ какимъ прибѣгаютъ на первыхъ порахъ, желая выразиться ораторскимъ и поэтическимъ слогомъ. Не смотря на нѣкоторые варваризмы, есть нѣкоторые слѣды «Цицероновскаго краснорѣчія». Весьма замѣтно вліяніе Колы, его напыщенной рѣчи и мистической туманности; конечно, для такого подражателя было недоступно глубокомысліе Петрарки. Но новый родъ краснорѣчія обнаружилъ уже привлекательную и чарующую силу; это замѣтно уже въ канцелярскихъ документахъ временъ короля Венцеслава и пражскаго архіепископа Іоганна фонъ Венценштейнъ ¹⁾.

Іоганнъ фонъ Неймарктъ пробовалъ свои силы и въ стихахъ на латинскомъ языкѣ. Какъ они ни жалки, но имѣли свой кругъ читателей; и въ этихъ опытахъ принималъ живое участіе упомянутый нами архіепископъ пражскій. Другія сочиненія канцлера не имѣютъ отношенія къ гуманизму; извѣстна только жизнь блаженнаго Іеронима, переведенная на латинскій языкъ, которая пользовалась, по видимому, не малымъ сочувствіемъ читающей публики ²⁾.

Про короля Венцеслава нельзя сказать, чтобъ онъ желалъ завести какія либо сношенія съ итальянскими гуманистами, которыхъ теперь являлось все больше и больше. Но въ Италіи желали имѣть съ нимъ общеніе, притомъ путемъ посланій по образцу Данта и Петрарки, чтобы побудить его къ принятію императорскаго титула.

1) Оригиналъ *Summa cancellariae Caroli IV*, по видимому, не сохранился. Уже рукопись пражскаго соборнаго капитула 1387 г. у *Benedict* р. XIV, конечно, копія. Здѣсь сличаются и другія, до тѣхъ поръ извѣстныя, рукописи. Объ лейпцигскія, кодексъ *Ver. II fol. 71* городской библіотеки и *Cod. ms 1273 a.* университетской библіотеки *Formule quedam litterarum missilium* близко родственны между собою.

2) О другихъ его сочиненіяхъ см. *Benedict* s. XIII. XX.

Такъ поступилъ въ 1382 г. гуманистъ Антонио де Лемако, въ другихъ отношеніяхъ неизвѣстный намъ. Онъ написалъ патристическое посланіе въ увѣщательно-укоризненномъ духѣ и указывалъ молодому королю на то, что онъ по дѣтоки ловить пташекъ, вмѣсто того, чтобы по образцу великихъ древнихъ искоренять расколъ въ Италіи, придти съ своими побѣдоносными орлами на помощь ей и Риму и опять возстановить тамъ власть имперіи ¹⁾. Другой писатель въ томъ же родѣ, Леонардо Терунда, тоже изъ Вероны, повторилъ этотъ призывъ въ 1401 г. Онъ однако явился не укоряющимъ совѣтникомъ, а человѣкомъ, глубоко увлеченнымъ мечтою объ итальянско-римской имперіи Венцеслава, и обѣщалъ ему помощь и побѣду отъ имени Италіи ²⁾. Эти люди не могли хвалиться славными именами, подобно Петраркѣ, поэтому, навѣрное, не произвели никакого впечатлѣнія на короля Венцеслава, но ихъ изящныя письма были включены въ сборникъ формъ.

Напротивъ племянникъ Карла IV, маркграфъ моравскій Іобстъ, былъ человѣкъ, принимавшій участіе въ историческихъ трудахъ. Онъ во Флоренці приказалъ списать для себя сочиненіе Петрарки о знаменитыхъ мужахъ въ сокращенной редакціи. Но возбуждающимъ лицомъ былъ и въ этомъ случаѣ, кажется, его канцлеръ, Андрей фонъ Виттинггау, ольмюцкій соборный деканъ. Онъ питалъ глубокое уваженіе къ Салютато, бывшему идеаломъ всѣхъ канцлеровъ и нотаріусовъ своего времени, и посѣтилъ его будучи во Флоренці, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе. Безъ сомнѣнія, подъ его влияніемъ начали и въ Германіи обращать вниманіе на старинныя рукописи классиковъ. Самъ Іобстъ говорилъ, что онъ видѣлъ когда-то экземпляръ полнаго Ливія, сообщилъ объ этомъ Салютато и даже хлопоталъ, чтобы переписали это сочиненіе для него. Хотя находка оказалась мечтою, однако канцлеръ Андрей хотѣлъ потомъ еще положительнѣе узнать объ очень старинномъ и болѣе полномъ Ливіи въ бенедиктинскомъ монастырѣ любскаго діоцеза и снова встревожилъ Салютато, но все таки Ливія не оказалось ³⁾. Однако и

¹⁾ Vale et veni, o unicuique miserandae Italiae praesidium! такъ заканчиваетъ онъ свое посланіе. Т. е. Прощай, и приходи, единственная опора Италіи, достойной состраданія!..

²⁾ Онъ говоритъ, обращаясь въ Венцеславу: *dive Caesar, nostra omnium tutela spesque, summe principum princeps instar divinae maiestatis in terris etc.* т. е. божественный императоръ, общая наша оборона и надежда, величайшій изъ государей, подобіе величія Божія на землѣ и пр. Оба письма у Палаццога *Ueber Formelbücher*—въ *Abhandlungen der Kön. Böhm. Ges. d. Wiss.* 5 Folge Bd. V, Prag. 1848, s. 34. 40.

³⁾ Письмо Салютато къ маркграфу отъ 24 марта 1393 въ *Paradiso degli Alberti* vol. I P. I (Docum.) p. 298. Послѣсловіе въ другомъ письмѣ Салютато къ нему же отъ 20 августа 1397 г. (?), ep. 51 ed. Rigacci, издалъ Гауптъ въ *Bericht. d. K. Sächs. Ges. d. Wiss.* Bd. II 1850 a. 16. Ср. томъ I стр. 196. О другихъ научныхъ интересахъ маркграфа см. Фрильонгъ стр. 102 пр. 2.

туть мы видимъ нить, связующую владѣтельный нѣмецкій домъ съ метрополіею новой науки.

Всѣ эти Люцельбурги были люди хорошо образованные и развитые, но самымъ энергичнымъ и способнымъ изъ нихъ былъ, безспорно, Сигизмундъ. Его тѣмъ скорѣе коснулось вѣяніе гуманизма, что въ своей жизни, полной превратностей, ему приходилось бывать въ Итали и вообще часто бесѣдовать съ итальянцами. Съ ними онъ встрѣтился напр. на констанцскомъ соборѣ, о значеніи котораго для пропаганды гуманизма мы уже говорили. Тамъ Сигизмундъ былъ прославленъ поэтомъ Бенедетто да Пиліо, и послѣдній посвятилъ ему эклогу по поводу исторіи собора ¹⁾. Правда, поэтъ былъ столь же ничтоженъ, какъ и его произведеніе, но раньше его ни одинъ поэтъ новой школы не подносилъ въ подарокъ стиховъ нѣмецкому князю.

Въ Констанцѣ Сигизмундъ познакомился и съ Пьеромъ Паоло Верджеріо, который явился на соборъ въ свитѣ кардинала Забареллы. Мы помнимъ что онъ былъ искусный латинистъ и одинъ изъ самыхъ прилежныхъ учениковъ Хризолора, тоже основательно усвоивъ себѣ права, каноническое и гражданское. Однако до тѣхъ поръ онъ не находилъ прочнаго положенія въ Итали, и нужда довольно часто была спутницею его скитальческой жизни ²⁾. Когда Сигизмундъ принялъ его къ себѣ на службу, то ему, безъ сомнѣнія, приходилось быть не только поэтомъ и секретаремъ, но также вести болѣе важныя государственныя дѣла и отправляться въ посольства. Его перваго изъ итальянскихъ гуманистовъ встрѣчаемъ мы на службѣ при названномъ дворѣ, ему же первому и пришлось кончить жизнь среди «варваровъ». Конечно, зарабатываемый хлѣбъ былъ тяжелъ для Верджеріо, и онъ горько жаловался на судьбу. Характеристично то, что о немъ почти ничего неизвѣстно съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ съ Сигизмундомъ въ Венгрію. Въ Итали о Верджеріо, по видимому, забыли, и въ перепискѣ гуманистовъ его имя больше не встрѣчается; нельзя рѣшить, былъ ли онъ опять въ Итали. Нисколько не удивительно, что у нѣмцевъ и венгровъ о Верджеріо сохранились лишь скудныя извѣстія. Такъ напр. мы случайно узнаемъ, что во время диспута съ гусситами въ іюль 1410 г. онъ былъ главнымъ ораторомъ католиковъ со стороны пражскаго меньшинства ³⁾. Слѣдовательно, все таки онъ принималъ участіе въ важныхъ дѣлахъ, и въ актахъ того времени его имя, вѣроятно, часто упоминается. Но Верджеріо въ то же время былъ до нѣкоторой степени вѣренъ своему прошлому, какъ ученикъ Хризолора. Онъ умѣлъ внушить

¹⁾ См. выше стр. 19. Wattenbach l. c. p. 114. 124.

²⁾ См. томъ I стр. 213. 396 слл.

³⁾ Палаціи Gesch. von Böhmen Bd. III Abth. 2. Prag. 1851 s. 140.

Сигизмунду желаніе—прочеть о подвигахъ Александра Великаго въ историческомъ трудѣ Арріана, а потомъ посвятилъ ему переводъ его. Послѣдній былъ изложенъ сухимъ и простымъ слогомъ, но не буквально, и переводчикъ имѣлъ въ виду лишь ясность. Верджеріо не считалъ нужнымъ заботиться объ украшеніяхъ рѣчи и изяществѣ, потому что ничего подобнаго не было и въ оригиналѣ. Книга эта, безъ всякаго сомнѣнія, была бы забыта, если бы спустя долгое время послѣ смерти переводчика не попала въ руки Пикколомини, который подарилъ ее королю Альфонсу. Будущій папа первый высказалъ то мнѣніе, будто бы Верджеріо прибѣгъ къ этой простой манерѣ изложенія потому, что императоръ не понимаетъ высокой латинской рѣчи, и потому Фаціо рѣшился передѣлать книгу ¹⁾). Занимался ли Верджеріо общественными дѣлами послѣ смерти Сигизмунда, мы не знаемъ. Лишь случайно встрѣчается извѣстіе, что онъ жилъ у гробоварейнскаго епископа Іоанна Витеца; это было въ 1445 г., или вскорѣ послѣ того. Въ преклонныхъ лѣтахъ Верджеріо сталъ слабомуемъ, но по временамъ сознавалъ все. Онъ умеръ въ Венгріи, но о времени его смерти намъ не сообщаютъ. Можно думать, что бѣдность и лишенія не покидали его до конца жизни ²⁾).

¹⁾ Посвященіе Верджеріо у Zeno Diss. Voss. T. I p. 55. Верджеріо надѣется поправить королю, *si plano ac pene vulgari stilo sensus tantum, non verba, transferrem*. Время перевода можно опредѣлить тѣмъ, что Сигизмундъ въ посвященіи названъ императоромъ. О судьбѣ этой книги послѣ смерти Верджеріо сообщаютъ два приведенныя выше, стр. 156, еще неизданныя письма Энея Сильвія отъ 26 и 27 января 1454 г. Эней подарилъ королю Неаполитанскому рукопись, писанную самимъ переводчикомъ: *Volumen est raruatum, lacerum et vetustate consumptum — Prima editio est Pauli sua manu conscripta*. Къ ветхому уже кодексу относятся и слова, обращенныя къ Бенквделли: *Paulus, ut videbis, senio confractus est et ad sepulcrum festinat. Tuum est curare magno vati et tui simili ut exequiae dignae fiant*. Съ этого подлинника, отличнаго отъ экземпляра, поднесеннаго Сигизмунду, будущій папа Николай, въ то время еще епископъ болонскій и легатъ у императора (1446), могъ снять копию, а вторую взял Эней. Первая, вѣроятно, есть экземпляръ ватиканской бібліотеки. И тотъ взглядъ Фаціо, что простота слога разсчитана на степень пониманія Сигизмунда, принадлежитъ Энею: *Stilus neque altus, neque admodum ornatus est, quamvis esset Paulus et facundissimus ed elegantissimus.—Sed. voluit in hoc Sigismundo Caesari morem gerere. Neque enim sermonis carax sublimioris Sigismundus*.

²⁾ Объ его пребываніи въ Венгріи у Витеца упоминаетъ Callimachus De vita et moribus Gregorii Sanocentis въ Analecto ed. Abel p. 162. Слова, сказанныя имъ про Верджеріо и одного бѣлаго грека: *contulerunt se ad eundem episcopum (Varadiensem) veluti ad confugium bonorum omnium ac literarum asyllum, quoties calamitas aliqua ingruisset*—характеристичны. Епископомъ Витецъ былъ съ 4 июня 1445 г. Завѣщаніе Верджеріо, писанное въ Офенѣ 11 мая 1444 г., по Fraknói Vitez p. 149 находится въ Венеціи въ бібліотекѣ св. Марка. Pius II Eugora cap. 2 говоритъ только, что онъ умеръ въ Венгріи.

Сигизмундъ, вѣроятно, по временамъ имѣлъ сношенія съ нѣкоторыми гуманистами послѣ констанцскаго собора. Это обуславливалось самымъ его положеніемъ. Онъ былъ королемъ нѣмецкимъ, венгерскимъ и чешскимъ и во время борьбы съ гусситами находился въ постоянныхъ общеніяхъ съ римскимъ дворомъ. Въ посольствахъ постоянно принимали участіе ораторы изъ гуманистовъ. Такъ въ 1426 г. Антонио Лоски былъ посломъ папы Мартина у Сигизмунда въ Будѣ. Король принялъ его съ почетомъ, хотя онъ былъ только секретаремъ, и возвелъ въ санъ пфальцграфа ¹⁾. А потомъ въ первый годъ базельскаго собора Сигизмундъ долго прожилъ въ Италиі, преимущественно въ Тосканѣ, ведя переговоры о своемъ вѣнчаніи императорскою короною. Едва ли осталось тамъ какое либо воспоминаніе объ его политической дѣятельности, кромѣ воспоминанія о долгахъ короля, но наружность его весьма понравилась итальянцамъ, а еще болѣе итальянкамъ. Сигизмундъ былъ человекъ весьма разносторонній, хотя не особенно воспримчивый: въ Италиі онъ, повидимому, главнымъ образомъ хлопоталъ о томъ, чтобы придать себѣ наиболѣе красивый видъ и на закатѣ дней заняться любовными похождениями. Онъ весьма легко научился утонченности въ обращеніи и даже отличался этимъ. Притомъ король говорилъ не только по-итальянски, но и весьма свободно по латыни, что въ то время еще не часто встрѣчалось и между итальянскими государями. Канцлеръ его, Каспаръ Шликъ, въ то же время и повѣренный по любовнымъ и денежнымъ дѣламъ, съ матерней стороны былъ итальянской крови. Онъ былъ извѣстенъ гуманистамъ и самъ иногда читалъ Ливія ²⁾. Итальянцы постоянно хвалили и императора за то, что онъ принималъ участіе въ гуманистическихъ стремленіяхъ ихъ родины. Впрочемъ, если посмотрѣть на дѣло поближе, то окажется, что не Сигизмундъ искалъ ученыхъ и поэтовъ, а они его.

Что же представляютъ собою поэтическія вѣнчанія Сигизмунда? Въ Пармѣ, гдѣ онъ жилъ въ апрѣлѣ 1432 г., онъ присудилъ лавровый вѣнокъ нѣкому Томмазо Камбіаторе изъ Реджіо, юристу, который перевелъ плохими терцинами Энеиду Виргилія ³⁾. Здѣсь же къ нему явился Беккаделли, извѣстный пѣвецъ Гермафродита; онъ былъ представленъ миланскимъ посломъ Гварнеріо да Кастильоне. Валла говорить про него прямо, что въ рескриптѣ онъ названъ поэтомъ: «какъ будто можно дѣлать людей поэтами такимъ образомъ ⁴⁾».

¹⁾ Schio Vita d'Ant. Loschi p. 109. Дипломъ на пфальцграфское достоинство отъ 22 августа.

²⁾ Письмо Энея Сильвія къ нему отъ 12 января 1444 г.

³⁾ Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 163.

⁴⁾ Valla in Facium lib. IV (Opp. p. 630).

Но уже не было ни одного общественного торжества, ни одного вънчанія лаврами, подобнаго тому, какого еще Карль IV удостоилъ поэта Заноби да Страда. Патенты на званіе поэта были такими же канцелярскими бумагами, какъ и грамоты на достоинство пфальцграфа, легко давались по рекомендаціи и давали титулъ poeta laureatus. Этой почести удостоился въ то время на своей родинѣ и Уголино Пизани Пармскій ¹⁾. Мы слышимъ еще о нѣкоторыхъ вънчанныхъ поэтахъ той эпохи, но намъ ничего не сообщаютъ о самомъ коронованіи; вѣроятно, все это дѣлалось въ его канцеляріи во время странствованій по Италиі ²⁾. А когда Сигизмундъ въ маѣ 1433 г. пріѣхалъ въ Римъ, то Чиріако анконскій былъ его чичероне по древнимъ зданіямъ и развалинамъ. Онъ указалъ на постыдное разрушеніе почтенныхъ остатковъ древности. Сигизмундъ выразилъ сожалѣніе по этому поводу, похвалилъ поклонника древности и избралъ его своимъ близкимъ челоуѣкомъ ³⁾. Послѣ вънчанія императорскою короною 31 мая Агапито Ченчи говорилъ ему похвальную рѣчь ⁴⁾. Конечно, въ это же самое время Маффео Веджіо посвятилъ ему героическую поэму ⁵⁾. Быть можетъ, по этому случаю оба они названы вънчанными поэтами. Когда императоръ на возвратномъ пути остановился въ Феррарѣ, то Траверсари, генералъ ордена камальдуловъ, имѣлъ у него продолжительную аудіенцію: сначала онъ хотѣлъ только просить о подтвержденіи привилегій своего ордена, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднесъ ему въ даръ жизнь Хризолора, переведенную годъ тому назадъ и посвященную папѣ Евгенію IV. Императоръ милостиво принялъ этотъ подарокъ, но потомъ между ними шла рѣчь не о литературѣ, а о базельскомъ соборѣ ⁶⁾. И Франческо Барбаро явился въ Феррарѣ къ императору въ качествѣ посла своей республики и привѣтствовалъ его отъ ея имени напыщенной рѣчью ⁷⁾. Такимъ образомъ императору былъ почти навязанъ нѣкоторый интересъ къ новой наукѣ и новому краснорѣчію. Но онъ каждый разъ становился совсѣмъ дру-

1) См. томъ I стр. 453. Напоминаю и о томъ, что Джузеппе Бриппи привѣтствуетъ Сигизмунда рѣчью въ Миланѣ. См. томъ I стр. 463.

2) Поэтому Ang. Decembris De politica lib. V, 60 называетъ его vir in donandis veterum insignibus omnium facillimus, т. е. челоуѣкъ, всѣхъ легче дававшій отячія древнихъ.

3) Kyriaci Itinerar. p. 21. См. томъ I стр. 256.

4) Она есть въ Cod. ms. 179 лейпцигской университетской библіотеки fol. III, а во Quirini Diatriba p. 8 и въ вѣнской рукописи. См. выше стр. 20.

5) Къ сожалѣнію, у Satius p. 338 говорится только: poeta heroicum ad Caesarem Sigismundum. См. выше стр. 36.

6) Рѣчь Траверсари къ Сигизмунду при его Epist. rec. Cannel. p. III. Также см. epist. VI, 1 в его Hodoeporicon p. 38—40.

7) Его рѣчь у Agostini Scritt. Viniz. T. II p. 124.

гимъ человѣкомъ, попадая въ другую сферу; послѣ своего возвращенія изъ Италіи онъ забылъ о тамошнихъ умственныхъ стремленіяхъ.

Преемникъ его, Альбрехтъ габсбургскій, былъ тоже сильная нѣмецкая натура, любилъ войну и охоту, а латинскаго языка совсѣмъ не зналъ. Ему наследовалъ Фридрихъ III, человѣкъ флегматичный, котораго ничто не отвлекало отъ его мирныхъ занятій садоводствомъ, уходомъ за домашними животными, любви къ золоту, драгоценнымъ камнямъ, экономическимъ расчетамъ, дѣламъ съ богатыми евреями и занятіямъ астрологіею и алхиміею. Воспринимать что либо новое онъ былъ совершенно неспособенъ и собственно къ наукѣ никогда не чувствовалъ влеченія. Не смотря на это его дворъ, притомъ въ первое же десятилѣтіе его правленія, явился почвою, на которой были посеяны сѣмена нѣмецкаго гуманизма. Но самъ Фридрихъ не принималъ въ этомъ никакого участія. Не по молвѣ о немъ, а по настоянію другихъ людей и въ качествѣ искателя приключеній поступилъ въ его имперскую канцелярію Эней Сильвій Пикколомини; онъ-то и былъ между нѣмцами истиннымъ проповѣдникомъ гуманизма.

Итальянецъ, новый секретарь канцеляріи, служивавшій въ Базелѣ разнымъ прелатамъ своимъ стилистическимъ искусствомъ, усердно старался внушить любовь къ нему нѣмецкимъ князьямъ. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ онъ главнымъ образомъ имѣлъ цѣлью выставить на видъ свою личность, которую въ то время цѣнили только по умѣнью писать. Но естественно, что каждый старается вызвать уваженіе и даже сочувствіе къ тѣмъ стремленіямъ, которыя ему особенно по душѣ. Однако всѣ его старанія заинтересовать этимъ дѣломъ Фридриха, короля и императора, остались безплодными. Онъ посвятилъ ему политическій трактатъ, но послѣдній имѣлъ ту же участь, какъ и поэтическіе опыты тирольскаго графа Франческо д'Арко, которому также пришло на умъ послать королю свои стихи. Онъ узналъ отъ Энея, что плоды его сладкозвучной музыки покоятся въ книжномъ шкафѣ и, конечно, будутъ тамъ въ сохранности. Гуманистическія науки тутъ не имѣютъ пристанища, какъ высказался откровенно одинъ поэтъ другому, *nescit toga barbara versus* (варваръ не понимаетъ стиховъ) ¹⁾. Пикколомини удостоился расположенія Фридриха не какъ гуманистъ и писатель, а какъ искусный дипломатъ, который умѣлъ безъ издержекъ доставить ему нѣкоторыя выгоды и избавить его отъ нѣкоторыхъ затрудненій. И въ Италіи, куда Фридрихъ предпринималъ два мирныхъ похода, одинъ для вѣнчанія императорскою коро-

¹⁾ Эней Сильвій къ графу Галеаццо д'Арко отъ 15 ноября 1443 г.

ною, а другой будто бы по объѣту, онъ остался совершенно въ сторонѣ отъ гуманистическаго движенія. Императоръ зналъ немного по-латыни, но говорилъ не смѣло и не свободно, какъ Сигизмундъ, а всегда, когда слѣдовало отвѣчать на торжественныя рѣчи, прибѣгалъ къ посторонней помощи. Самую слабою изъ его царственныхъ добродѣтелей была щедрость, и литераторы очень скоро убѣдились въ этомъ. Поджіо, бывшій въ то время секретаремъ при римскомъ дворѣ, написалъ одну рѣчь, которую долженъ былъ произнести его маленький сынъ. Но когда онъ во время коронаванія увидѣлъ «эту статую, этого холоднаго нѣмца, который умѣлъ только собирать деньги», то избавилъ его отъ безпокойства, а себя отъ труда ¹⁾. И Фридрихъ давалъ поэтическіе дипломы, въ 1442 г. во Франкфуртѣ—Пикколомини, въ 1452 г., во время похода въ Италію, Перотти и Порцелло, а потомъ еще больше десятка, но онъ до того опошлилъ эту почесть, что къ концу вѣка Джаммаріо Филельфо, сынъ знаменитаго Франческо, самъ увѣнчанный поэтъ и сынъ увѣнчаннаго поэта, въ одной сатирѣ смѣялся надъ всѣми рыцарями, поэтами и пфальцграфами, которыхъ возвелъ въ эти достоинства Фридрихъ. Такіе люди, какъ Аньоло Полициано и Джіовіано Понтано, сколько извѣстно, не хлопотали о лавровомъ вѣнкѣ ²⁾.

Эней Сильвій Пикколомини писалъ письма къ молодому герцогу тирольскому Сигизмунду, блиставшія ученостью и ораторскими украшеніями. Онъ уговаривалъ его вмѣсто тлѣнныхъ благъ въ этой жизни стремиться къ вѣчнымъ, а источникомъ послѣднихъ считалъ гуманистическія науки. Эней совѣтовалъ ему приглашать къ себѣ ученыхъ преподавателей, хвалилъ тѣхъ государей, которые полагаютъ свою славу не въ одѣяннѣхъ, шитыхъ золотомъ, не въ красивомъ головномъ нарядѣ и въ щегольствѣ лошадьми, а въ томъ, чтобы соединять дѣла правительственныя съ занятіемъ науками. Онъ ставилъ ему въ образецъ маркиграфа Ліонелло д'Эсте и короля Неаполитанскаго Альфонса ³⁾. Но не смотря на эти прекрасныя увѣщанія молодой герцогъ любилъ только ухаживать за женщинами и охотиться. Уже въ позднѣйшіе годы на него было произведено нѣкоторое вліяніе съ другой стороны, такъ что его считали покровителемъ латинскихъ поэтовъ.

¹⁾ Poggii epist. X, 21 ed. Tonelli. Сужденіе Поджіо объ императорѣ видно также изъ его epist. XIII, 14. 38.

²⁾ Tiraboschi T. VI p. 1438--1448.

³⁾ Такъ въ одномъ письмѣ къ юному герцогу отъ 5 декабря 1443 г. Такъ же въ Tractatus de liberorum educatinne къ молодому Владиславу, королю чешскому и венгерскому отъ февраля 1450 г.

Государи и князья, по словамъ Пикколомини, виноваты въ томъ, что въ Германіи мало цѣнятъ поэзію; если они охотнѣе держатъ лошадей и собакъ, чѣмъ поэтовъ, то и умрутъ безславно ¹⁾. Ему было бы желательно, чтобы у нихъ была хоть доля того тщеславія, которое заставляло владѣтельныхъ особъ Италіи платить дань напр. Филельфо. Но его старанія были напрасны: и другіе нѣмецкіе князья столь же мало имѣли понятіе о томъ, что онъ хотѣлъ, какъ и упомянутые нами Габсбурги. Когда однажды онъ встрѣтился съ герцогомъ баварскимъ Людвигомъ въ Нейштадтѣ, будучи епископомъ сѣнскимъ, и послѣдній пожелалъ познакомиться, такъ какъ до него дошла молва объ его учености, то спросилъ Энея... о камнѣ, сообщающемъ безсмертіе ²⁾.

Насколько Эней ознакомился съ нѣмецкимъ дворянствомъ при дворѣ императора въ другіхъ мѣстахъ, онъ находилъ, что оно погружено въ варварство, предано обжорству и не имѣетъ понятія о высшемъ образованіи, бывшемъ гордостью знати италіянской, а особенно тосканской. Коношня и винный погребокъ пользовались въ Германіи такимъ же почетомъ, какъ въ Италіи музеи и библіотеки. Особенно любилъ Эней рассказывать забавныя исторіи про нѣмецкое пьянство, какъ напр. про графа герцскаго Генриха, который ночью будилъ своихъ дѣтей, думая, что имъ хочется пить, и насильно заставлялъ ихъ пить вино. А если они не могли пить, то винилъ свою жену, говоря, что она родила этихъ мальчиковъ, не чувствующихъ жажды, не отъ него, а отъ кого нибудь другаго. Не лучше было мнѣніе Энея о и нѣмецкихъ ученыхъ, о профессорахъ и магистрахъ университета. Онъ находилъ, что они сильно запутались въ лабиринтѣ схоластики, заняты бесплодными мечтами и сухими умствованіями. Съ вѣнскими учеными у Пикколомини не было никакихъ сношеній. Онъ былъ совершенно равнодушенъ къ той славѣ, какою пользовался университетъ благодаря такимъ людямъ, какъ Генрихъ Гессенскій и Николай фонъ-Динкельсбюль. Эней почти не вспоминаетъ о Томасѣ Эбendorfferѣ фонъ-Газельбахъ, который пріобрѣлъ большую извѣстность по части богословія и церковной политики, хотя прожилъ съ нимъ много лѣтъ въ Вѣнѣ. А если и вспоминаетъ, то только затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ его устарѣлою ученостью. Еще въ вѣнскій университетъ не проникли тѣ новыя начала, разсадникомъ которыхъ была Италія. Въ 1422 г. магистръ Христіанъ фонъ Траунштейнъ, на котораго очевидно уже повліялъ духъ Петрарки и его послѣдователей, осмѣлился утверждать, что обычные диспуты—пустая забава. За это его выгнали изъ факультета искусствъ, и онъ, какъ еретикъ, дол-

¹⁾ Письмо къ Вильгельму фонъ Штейнъ отъ 1 іюня 1444 г.

²⁾ Письмо Энея Сильвія къ нему отъ 5 іюня 1457 г.

женъ былъ униженно просить прощенія ¹⁾. Какъ часто говорилъ и писалъ Пикколомини то же самое съ отвагою, смѣясь и ругаясь! Вѣнскій университетъ не обращалъ на него вниманія, тѣмъ болѣе, что это учрежденіе во время споровъ, происходившихъ на базельскомъ соборѣ, держалось противнаго взгляда. Типомъ нѣмецкаго поклонника наукъ для него служить тотъ лейпцигскій студентъ, которому товарищъ завидовалъ, что въ числѣ 1500 побѣдъ онъ одержалъ побѣду и въ пьянствѣ ²⁾.

Всѣ хлопоты Энея касательно нѣмецкихъ князей, дворянства и прелатовъ, слѣдовательно тѣхъ слоевъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ пробудить духъ меценатства и любовь къ занятіямъ гуманными науками, остались совершенно безплодными. Онъ отчаялся въ научномъ преобразованіи Германіи, потому что всегда видѣлъ одинъ только путь къ этому, тотъ самый, которымъ достигла его Италия. Любопытно, какъ онъ не замѣтилъ того недобраго сѣмени, упавшаго на другую, тоже ничего не обѣщавшую почву, но брошеннаго его руками. Онъ какъ бы не зналъ, что изъ него можетъ развиваться громадное растеніе. Въ Германіи представителемъ гуманизма явилось не то сословіе, какъ въ Италиі, Франціи и Англии.

Въ обѣихъ канцеляріяхъ, членомъ которыхъ былъ Эней Сильвій, имперской и австрійской, весьма медленно группировался небольшой кружокъ секретарей, адвокатовъ, придворныхъ астрономовъ и духовныхъ лицъ, которые сочувствовали ученымъ стремленіямъ своего товарища-итальянца. Все это были посредственности, и ни одинъ не былъ въ состояніи такъ водушевиться, чтобы могъ оставить всторонѣ всякіе расчеты на выгоды и вполне посвятить себя призванію поэта. Сначала зависть, недовѣріе и насмѣшки сослуживцевъ заставили Энея пережить тяжелые дни. Говорили, что это выскочка, любимецъ канцлера, и хотя сами они вовсе не желали быть образцами добродѣтели, однако его остроумныя и непристойныя рѣчи гораздо сильнѣе возмущали ихъ, чѣмъ собственное обжорство. Потомъ они стали сближаться съ нимъ по одиночкѣ и осторожно; вскорѣ обнаружилось, какииъ сильнымъ соблавромъ служить нескромность и вообще распущенность. Письма и философскіе трактаты Пикколомини, а особенно сочиненія эротическія и остроумныя, стали охотно читаться его нѣмецкими друзъ-

1) Aschbach Geschichte der Wiener Universität im ersten Jahrhundert ihres Bestehens, Wien 1865, s. 345.—Вообще я прошу читателя сравнить съ сказаньемъ въ этомъ отдѣлѣ то, что я говорю объ Эней какъ проповѣдникѣ гуманизма въ Германіи въ моеи биографіи Bd. II s. 342 ff. Я не желаю повторяться, поэтому въ предлагаемой книгѣ не такъ подробно говорю о Пикколомини, какъ онъ того заслуживаетъ.

2) Этотъ и предъидущій анекдотъ сообщаетъ Aeneas Sylvius Comment. in Anton. Pa-norm. I, 41.

ями, и они даже подражали имъ; къ этому присоединились подобныя же сочиненія остряка Поджіо, которыя Пикколомини привезъ съ собою. Тотъ фактъ, что они были въ ходу, доказывается множествомъ копій, изъ которыхъ почти каждая найдется въ большой нѣмецкой библіотекѣ. Далѣе примите въ соображеніе, что эти канцелярскіе друзья разсѣялись по разнымъ странамъ Германіи; одного мы встрѣчаемъ городскимъ писцомъ въ Кельнѣ, другаго въ гусситской Прагѣ, третьяго писцомъ совѣта въ Нюренбергѣ, четвертаго канцлеромъ Георгія въ Чехіи, пятаго епископомъ на Одерѣ. Спустя десятилѣтіе они сдѣлали уже замѣтные шаги на пути непристойности, сначала возмущавшей этихъ нѣмцевъ. У насъ есть замѣчательное, хотя небольшое сочиненіе того времени (1454), въ которомъ одинъ изъ учениковъ Энея, Іоганнъ Трестеръ, принялъ за образецъ эротическія сочиненія его ¹⁾. Это разговоръ, въ которомъ доказывается справедливость пословицы: *Initium amoris est principium doloris* (начало любви—начало горя). Тутъ авторъ вооружается противъ любви, т. е. чувственнаго влеченія, не на основаніи Моисеевой заповѣди, а философскихъ доводовъ, причемъ изреченія Сенеки, Цицерона, Виргилія и Овидія составляютъ странную смѣсь съ христіанскими воззрѣніями. Первый нескромный шагъ, какъ и всегда, состоитъ въ томъ, что хотя не отрицаются простыя нравственныя положенія христіанства, но считаются односторонними и устарѣлыми. Гелленская міеологія служитъ еще риторическимъ украшеніемъ, но дерзкій авторъ не щадитъ и того, къ чему бы долженъ былъ питать благоговѣніе и незамѣтно впадаетъ въ распущенный тонъ, хотя желаетъ быть только остроумнымъ. Нашу мысль всего лучше пояснить примѣромъ: авторъ упомянутаго разговора при случаѣ сравниваетъ Христа съ Геркулесомъ, а Дѣву Марію съ Алменою.

Между тѣмъ небольшое число единомышленниковъ, сгруппировавшихся вокругъ Энея Сильвія, терялось въ массѣ людей, относившихся прямо враждебно къ его стремленіямъ. Во многихъ своихъ письмахъ и разсужденіяхъ онъ счелъ нужнымъ защищать древнихъ поэтовъ и ораторовъ отъ нападокъ юристовъ и богослововъ. Онъ еще весьма легко справлялся съ людьми, которые считали поэзію бесполезнымъ искусствомъ, потому что она не кормитъ и не даетъ значенія. Эней говоритъ тономъ Поджіо: «Ты, осель, не высоко ставишь поэзію, ты, быкъ, презираешь музъ,

¹⁾ Въ *Duellii Miscellan. Lib. I p. 828 seq.* Издатель напрасно прибавилъ 1450 г. Въ письмѣ отъ 9 іюля 1454 г. Эней Сильвій разбираетъ присланное ему сочиненіе Трестера такъ, что ясно отношеніе между наставникомъ и ученикомъ. Ср. мою книгу *Pius II Bd. II s. 353.* Этотъ Трестеръ или Тростъ покупается въ 1462 г. въ Венеціи и въ 1467 г. во Флоренціи няни у Веспасіано. См. *Catalogus codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II P. III p. 31. 142.*

ты, свинья, удаляешься отъ гуманныхъ наукъ! ¹⁾». Но гораздо значительнѣе его апологическія сочиненія, когда въ основѣ упрековъ лежатъ нравственныя начала. Тогда ораторъ и софистъ пускаютъ въ ходъ всѣ боевыя силы своего искусства.

Эней слышитъ упрекъ здраваго ума: «Ты хочешь рассказывать мнѣ про дѣла давно забытыхъ людей и убѣдить меня, чтобы я подражалъ имъ!» Это подраженіе есть основа того ученія нравственности, которое постоянно проповѣдывали поклонники древней исторіи, философіи, древнихъ ораторовъ и поэтовъ. Эней вооружается въ защиту нравственной цѣли поэзии и краснорѣчія. Поэтъ, утверждаетъ онъ, учитъ, какъ слѣдуетъ жить, что должно любить, что—ненавидѣть. Поэтъ указываетъ болѣе соответственное поприще для ума, чѣмъ духовникъ; пороковъ люди избѣгаютъ лишь по убѣжденію. А призваніе поэта и оратора именно убѣждать. «Если мы хотимъ проникнуть въ сущность дѣла, то кто прославляетъ добродѣтель? Поэты! Кто такъ краснорѣчиво изображаетъ подвиги королей? Поэты! Кто доставляетъ славу и безсмертіе великимъ мужамъ? Поэты! Стало быть, кто порицаетъ поэтовъ, тотъ долженъ опасаться, какъ бы не порицать всѣ добродѣтели и не пренебречь своею славою ²⁾».

Далѣе Энею ставили такой вопросъ: «Зачѣмъ ты привозишь намъ поэтовъ изъ Италіи, къ чему хочешь испортить чистые нравы Германіи безнравственною распущенностью поэтовъ?»—Читатель можетъ быть увѣренъ, что онъ находилъ что отвѣчать.—Подобно Петраркѣ, Салютато и др., онъ указываетъ на пророковъ Ветхаго Заветъ и на отцовъ Церкви, на блаженнаго Іеронима, Лактанція, Августина, Амвросія, Кипріяна и др. Сочиненія ихъ, украшенныя выраженіями древнихъ поэтовъ, доказываютъ, что они изучали поэтическое искусство. То, что порицаютъ у римскихъ поэтовъ, какъ глупое и соблазнительное, есть и въ св. Писаніи, которое однако читается съ большою пользою. Вѣдь можно собирать розы, не касаясь терній и т. д. Конечно, тотъ, кто восхищается этою нескромностью поэтовъ, заслуживаетъ порицанія.

Далѣе въ Германіи говорили, что поэты толкуютъ о многихъ богахъ, воспѣваютъ въ поэмахъ ихъ взаимныя распри, нарушенія супружеской вѣрности и т. п. Да, возражаетъ Эней, въ ихъ время среди язычниковъ было еще неизвѣстно ученіе о единомъ Богѣ. Теперь никому не придетъ на мысль приносить жертву Юпитеру или

¹⁾ Эней Сильвій къ Вильгельму фонъ Штейнъ отъ 1 іюня 1444 г. По слова эти обращены не къ нему, а къ личному юристу, имя котораго не названо.

²⁾ Изъ *Pentalogus de rebus ecclesiae et imperii* у Pez Thesaur. *Anecd. noviss.* Т. IV Р. III р. 545. 646. Подобныя же мѣста можно указать и въ другихъ сочиненіяхъ Энея.

Геркулесу только потому, что онъ читалъ о нихъ у древнихъ поэтовъ. Если поэты повѣствуютъ про пороки и преступленія боговъ, то лишь для того, чтобы отклонить читателя отъ этихъ недостатковъ; этотъ же самый приѣмъ употребляютъ и богословы ¹⁾).

Мы не знаемъ, съ кѣмъ собственно велъ эту борьбу Эней, защищая поэзію и гуманизмъ. Тогда еще противъ него не выступали выдающіяся личности. Но онъ постоянно жалуется, что на поэзію не обращаютъ вниманія въ Германіи, презираютъ ее, даже нападаютъ на нее. Итальянское гуманистическое направленіе было встрѣчено общимъ недовольствомъ, часто почти безсознательнымъ. Только тогда, когда Пьяколомини покинулъ Германію и взошелъ на папскій престолъ, эта глухая оппозиція нашла своего представителя въ лицѣ Григорія Геймбурга, личности чисто нѣмецкой. Она выступаетъ въ яркомъ свѣтѣ именно въ силу своей противоположности Энею Сильвію, представителю новаго итальянскаго образованія. О столкновеніи ихъ по текущимъ церковнымъ вопросамъ, въ которыхъ шла рѣчь о преобладанія римскаго престола и обособленія Германіи, мы здѣсь не будемъ говорить. Столь-же замѣчательна и борьба разныхъ культуръ, въ которой оба эти лица являются типическими представителями своихъ національностей.

Геймбургъ былъ въ Базелѣ юристомъ и посломъ своего государя въ одно время съ Энеемъ Сильвіемъ. Послѣдній былъ человѣкъ ловкій, искавшій тамъ расположенія отцовъ собора и нѣкоторыхъ кардиналовъ. Мы можемъ предположить, что это временное пребываніе Геймбурга на всемірно исторической аренѣ, тѣ рѣчи, которыя онъ тамъ слышалъ, тѣ сочиненія, которыя читалъ въ виду предстоящихъ преній, наконецъ такія личности, какъ кардиналъ Чезарини, тоже заронили сѣмена гуманизма въ его душу. Онъ былъ родомъ изъ Швейнфурта и образовался въ университетахъ вюрцбургскомъ и падуанскомъ, сначала какъ юристъ. Въ Падуѣ онъ получалъ степень доктора каноническаго права. Но Геймбургъ занимался также въ тамошнемъ университетѣ изученіемъ физики, метафизики и этики, т. е. тѣхъ наукъ, которыя въ то время были связаны съ изученіемъ Аристотеля, непонятаго и искаженнаго разными толкованіями ²⁾). Насколько далеки

¹⁾ Первое и самое подробное сочиненіе въ защиту поэтовъ и поэзіи, написанное Энеемъ въ Германіи, послѣ названнаго нами Пенталога, есть рѣчь, сказанная при вѣнскомъ дворѣ. Она напечатана въ базельскомъ изданіи его сочиненій какъ epist 104. Ср. потомъ трактатъ de liberor. educat p. 282 sq. и письмо къ Сбигневу Олесницкому, кардиналу и епископу Краковскому, отъ 27 октября 1453.

²⁾ Собраніе его сочиненій подъ заглавіемъ Scripta nervosa justitiaeque plena etc. ex mss. nunc primum edita etc. Francofurti 1608 содержитъ не больше того, что сообщалъ въ то время Гольдостъ въ 2-хъ первыхъ томахъ Monarchiae. У меня есть только послѣднее изданіе.—О своихъ юношескихъ занятіяхъ Геймбургъ упоминаетъ въ своей Apologia ap. Goldost l. c. T. II p. 1608. См. моего mir. II. Bd. II s. 349 ff.

были отъ него новыя гуманистическія стремленія въ Вюрцбургъ, на столько же близки въ Падуѣ и Базелѣ. Геймбургъ былъ въ то время еще молодымъ человѣкомъ; это одинъ изъ тѣхъ людей, которые быстро учатся и которымъ доступна не одна отрасль знаній, у которыхъ жажда знаній вскорѣ умѣряется требованіями жизни, и опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности. Его сочиненія показываютъ, что онъ усвоилъ себѣ гуманистическія начала, насколько былъ воспримчивъ къ нимъ. Геймбургъ умѣетъ кстати приводить примѣры изъ древней исторіи, сослаться на Цицерона Теренція, Виргилія или на одного изъ отцовъ Церкви, писавшаго изящнымъ языкомъ. Нѣмецкій ученый понялъ, насколько пріятнѣе для слуха красивая рѣчь, чѣмъ простая, и при случаѣ выступалъ защитникомъ поэзіи противъ людей, высказывавшихъ къ ней презрѣніе.

Въ Базелѣ Геймбургъ не былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Энеемъ Сильвіемъ. Вѣроятно, они познакомились уже въ Нейштадтѣ, при дворѣ римскаго короля. Однажды Геймбургъ, хотя нѣмецъ и юристъ, говорилъ съ пылкимъ увлеченіемъ объ изученіи гуманныхъ наукъ. Никто не слушалъ его съ такимъ восторгомъ, какъ тотъ итальянецъ, который предвидѣлъ уже, что такіе люди отдадутъ этимъ наукамъ подобающую честь въ Германіи. Въ тотъ же день онъ поздравлялъ Геймбурга въ посланіи, гдѣ говорилось, что онъ выше обыкновеннаго юриста и краснорѣчіе его близко къ итальянскому ¹⁾.

Нѣтъ основаній предполагать, что эта похвала польстила Геймбургу и поощрила его къ болѣе усердному занятію гуманистическими науками. Но мы знаемъ, что въ борьбѣ изъ-за нейтралитета нѣмецкой церкви оба они принадлежали къ разнымъ партіямъ и въ Римѣ, равно какъ впослѣдствіи въ 1446 г. во Франкфуртѣ съ ожесточеніемъ нападали другъ на друга. Это столкновение вполнѣ развило въ нихъ взаимную противоположность натуръ. Геймбургъ былъ человѣкъ цѣльный, прямой, свободно мыслящій и остроумный. Онъ не умѣлъ извертываться и кривить душою, могъ честно ненавидѣть, и если въ немъ закипало негодованіе, то онъ или прямо высказывалъ свое мнѣніе, или прибѣгалъ къ насмѣшкамъ и злобной ироніи. Если онъ кого хвалилъ, то обыкновенно говорили, что такой человѣкъ дѣйствительно достоинъ похвалы. Геймбургъ зналъ, что его вообще считаютъ человѣкомъ гордымъ, бранчивымъ и завистливымъ, потому что онъ не льстилъ другимъ и не любилъ, когда ему льстили ²⁾. Послѣ столкновения съ Энеемъ онъ относился

¹⁾ Aeneas Sylvius epist. 120 edit. Basil. Не смотря на слова episcopus Tergestinus, я считаю возможнымъ отнести письмо къ 1444 г. или 1445 г.

²⁾ Геймбургъ говоритъ о себѣ въ ненапечатанномъ сочиненіи, о которомъ мы вскорѣ упомянемъ: Ego ab illo artificio (adulationis) tam abhorreo ut a plerisque vel invidus

враждебно къ папству и ко всѣмъ итальянцамъ. Онъ терпѣть не могъ изыщества и гибкости рѣчи, даже въ одеждѣ и обращеніи выказывалъ умышенное презрѣніе къ итальянской щеголеватости именно передъ итальянцами. Ему досаждалъ особенно Пикколомини, а будучи кардиналомъ и папою послѣдній былъ его завзятымъ врагомъ. На отлученіе Пія II онъ отвѣчалъ апологіями и ругательствами, въ которыхъ не зналъ никакой мѣры.

Именно въ то время онъ отрекся отъ гуманистическихъ стремленій и рѣшился всею душою отдаться юриспруденціи. Тутъ мы видимъ самую глубокую и плодотворную черту нѣмецкаго духа. Итальянскіе гуманисты должны уклоняться отъ своей истинной природы, отъ условій дѣйствительной жизни и жить воображеніемъ въ такомъ мірѣ, который они изучили и который никогда не можетъ претвориться въ ихъ плоть и кровь. Ихъ личное Я и классическій идеалъ постоянно будутъ составлять непримиримое противорѣчіе, а слова ихъ риторическая фальшь. Для Геймбурга занятіе тонкостями стилистики и античными украшеніями было временною забавою юныхъ лѣтъ въ часы досуга. Суетное стремленіе къ подражанію итальянцамъ не увлекаетъ его, и онъ не можетъ заставить себѣ перенестись отъ дѣйствительности въ сферу ослѣпительныхъ призраковъ. Крѣпкая, самобытная натура Геймбурга не терпитъ ничего неестественнаго. Итальянцамъ это казалось ограниченностью, тогда какъ это была вѣрность природѣ, искренность, на которыхъ зиждилось будущее развитіе нѣмецкаго духа.

Теперь мы видимъ болѣе глубокую причину, по которой Геймбургъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ Пикколомини, какъ скоро они встрѣтились на жизненномъ пути. Это борьба нѣмецкаго природнаго дарованія съ гуманистическимъ образованіемъ Италіи.

Въ 1453 Эней Сильвій слышалъ рѣчь, сказанную Геймбургомъ передъ императорскимъ судомъ въ качествѣ адвоката Нюренбергцевъ противъ бранденбургскаго маркграфа Альбрехта Ахиллеса. Онъ обработалъ ее по своему, исправилъ и сгладилъ слогъ и помѣстилъ въ одномъ изъ своихъ историческихъ сочиненій ¹⁾. Все таки и тутъ мы слышимъ слова, сказанныя нѣмцемъ отъ глубины души, слышимъ и его громовые удары. Съ какою поразительною мѣткостью указываетъ онъ на имперскіе законы и документы, какъ онъ разбиваетъ и осмѣиваетъ доводы своего противника, какъ потомъ высказывается отъ полноты души, и рѣчь его льется неудержимымъ потокомъ, за-

puter vel superbus, et de me iam ortum est proverbium, ut quos ego laudem hii digni sunt laudari, т. е. я настолько чуждаюсь этого искусства (лести), что многие меня называютъ или завистливымъ или гордымъ, и про меня сложилась поговорка, что кого я хвалю, тотъ достоинъ похвалы.

1) Въ Historia Friderici III in Kollarii Analecta Monum. Vindob. Т. II p. 428 sq.

топляя скалы и выходя из берегов! У слушателей бились сердца не от изумления словам оратора, а от горячего сочувствия къ тому дѣлу, которое онъ защищалъ. Хотя онъ говорилъ по нѣмецки, но слова его произвели то же самое впечатлѣніе и на Пикколомини. Послѣдній удивляется природному таланту оратора, но въ ораторскомъ искусствѣ считаетъ себя его соперникомъ, и изящная рѣчь для него выше подобнаго краснорѣчія. Мы знаемъ его отзывъ: онъ не хочетъ похвалить краснорѣчіе Геймбурга, и пальма первенства въ этомъ случаѣ присуждается такимъ людямъ, какъ Поджіо, Филельфо, Валла и самъ онъ. Эней говоритъ съ полусочувствіемъ и полупрезрѣніемъ объ «естественномъ краснорѣчіи» ¹⁾. Напротивъ Геймбургъ рѣшительно возстаетъ противъ того искусства, которымъ самъ увлекался въ молодые годы, и признаетъ это прегрѣшеніемъ юности. И тутъ мы видимъ энергическое выраженіе его прямой натуры; сверхъ того мы судимъ объ извѣстномъ занятіи или направленіи тѣмъ безпощаднѣе, что сами когда-то предавались ему, а потомъ оставили его.

Одинъ изъ друзей Геймбурга, Іоганнъ Роде, или Ротъ, былъ увлеченъ Энеемъ Сильвіемъ къ занятію гуманистическимъ искусствомъ, потомъ отправился въ Римъ изучать реторику среди тѣхъ образованныхъ людей, которыхъ собралъ вокругъ себя папа Николай V. Это было именно во время блестящей педагогической дѣятельности Валлы, въ 1454 г. Онъ сталъ учителемъ Роде. Въ письмахъ къ друзьямъ, оставшимся на родинѣ, послѣдній щеголялъ своимъ искусствомъ, сыпалъ цитатами изъ древнихъ поэтовъ, философовъ и ораторовъ, расточалъ въ изобилии лесть, подобно Валлѣ, и превозносилъ до небесъ новое искусство, которому посвятилъ себя. Подобнаго рода письмо, написанное къ Геймбургу въ Нюренбергъ, не сохранилось, но въ немъ онъ, безъ сомнѣнія, какъ и въ своихъ позднѣйшихъ посланіяхъ, хвалилъ его письма, «весьма изящныя», называлъ его «превосходнымъ и весьма краснорѣчивымъ Григоріемъ Геймбургомъ» и восхвалялъ какъ «украшеніе Германіи». Геймбургу были неприятны подобныя лестныя отзывы, но онъ высказываетъ это не въ тѣхъ утонченныхъ выраженіяхъ, какія были въ ходу у итальянскихъ гуманистовъ, но съ тѣмъ сильнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, которое не нуждается въ заслуженной похвалѣ, а незаслуженной избѣгаетъ. По его словамъ, онъ полагаетъ, что имѣетъ нѣкоторый даръ краснорѣчія, но получилъ его въ наслѣдіе отъ отца. Иногда онъ такъ смѣло пользовался имъ, что даже ученые люди удивлялись тому,

¹⁾ Онъ говоритъ о Геймбургѣ въ Hist. Frid. III 1. c. tam facundia quam iuris scientia praestare; въ Comment. in Ant. Panorm. III, 6: Scientia iuris ac facundia inter omnes Germanos facile princeps; Pii II Comment. p. 90: iuris interpres et eloquentia Theutonica insigni.

какъ можно такъ выражаться на грубомъ нѣмецкомъ языкѣ. Но бѣльшей похвалы онъ не стоитъ и долженъ считать все остальное за лесть. Геймбургъ предостерегаетъ своего друга отъ этого порока. Онъ говоритъ, что хвалить кого нибудь—пріемъ коварный; это значитъ, можетъ быть, обмануть его и тѣмъ вкратъся въ его расположеніе. Это такой сладкій ядъ, что лишь съ трудомъ можно побороть въ себѣ желаніе похвалы и славы. Геймбургъ вспоминаетъ о тѣхъ писателяхъ, которые въ сочиненіяхъ своихъ проповѣдуютъ презрѣніе къ славѣ, однако пишутъ эти сочиненія и издаютъ ихъ подъ своими именами только для того, чтобы стяжать славу, чтобы ихъ похвалили за то, что они доказали суетность ея.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нападаетъ на самую суть стилистическаго искусства. Другъ гордится тѣмъ, что умѣетъ примѣнить къ дѣлу изреченія древнихъ писателей. «Но это служить признакомъ возвышеннаго ума, если мы не усвоиваемъ себѣ слогъ того или другаго писателя, а послѣ изученія ихъ сохраняемъ нашу самобытность. Самое лучшее—не собирать частички меда на подобіе пчель, но говорить самимъ отъ себя, уподобляясь тѣмъ червямъ, отъ которыхъ получается шелкъ». Въ противоположность искусству краснорѣчія онъ выставляетъ свою серьезную науку гражданскаго права. Теперь, приближаясь къ старости, онъ хочетъ изучать Св. Писаніе и отцевъ Церкви. «Оно не нуждается въ томъ, чтобы его разбавлять водою Цицероновскаго краснорѣчія, или украшать цвѣтами реторики Квинтиліана. Тутъ достаточно рѣчи, разъясняющей дѣло, указывающей смыслъ, разгоняющей тьму. Къ чему здѣсь рѣчь, обильно украшенная искусственными выраженіями? О, какъ часто повторнетъ твой Лактанцій, что истина не нуждается въ прикрасахъ; то же доказываетъ и блаженный Августинъ въ своихъ Признаніяхъ. Однако оба они въ своихъ сочиненіяхъ заимствуютъ многое изъ источника краснорѣчія, изъ котораго черпали въ юности, для того, чтобы примѣниться къ вкусу читателей и увлечь ихъ».

Эти слова говорятъ сами за себя. Роде плохо понималъ ихъ и такъ уже былъ пропитанъ итальянскимъ ядомъ, что отвѣчалъ Геймбургу ученымъ трактатомъ, въ которомъ доказывалось преимущество краснорѣчія передъ юриспруденціей и его взгляды опровергались авторитетомъ классическихъ писателей. Онъ повторялъ здѣсь почти то самое, что говорили его наставники, Эней Сильвій и Валла, вообще вооружался противъ тупости юристовъ, бездарности старыхъ компиляторовъ и науки гражданскаго права ¹⁾).

¹⁾ Оба письма, Геймбурга отъ 16 марта 1454 г. изъ Нюрнберга и отвѣтъ Роде изъ Рима отъ 16 мая 1454 г., есть въ Cod. ms. lat. 519 мюнхенской придворной бібліотеки fol. 46—64.

Геймбургъ писалъ противъ папы Пія II и его приверженцевъ полемическія сочиненія, въ которыхъ онъ прямо говоритъ свое послѣднее слово. Они служатъ самымъ яркимъ выраженіемъ его личности. Это гордая самостоятельность, сила, которая часто высказывается то въ грубыхъ рѣчахъ, то въ горькой ироніи! вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы показать итальянцамъ, что и нѣмецъ можетъ знать древнюю исторію и не уступить въ полемику папскимъ нунціямъ и самому папѣ, а также и въ учености, Геймбургъ съ нѣкоторою небрежностью приводитъ изъ нея нѣкоторыя данныя. Вообще онъ пишетъ безъ церемоній, какъ не церемонится въ платьѣ и въ разговорѣ, даже упорно остается при своемъ *domesticus stilus* (домашній слогъ)—такъ называетъ онъ свои писательскіе приемы въ противоположность цвѣтистому и изящному слогу папы. «Если ты называешь блестящую рѣчь (*nitid sermōnis*) выраженіемъ истины, говоритъ онъ епископу фельтрскому, пособнику Пія II. то признаюсь, я въ этомъ весьма опытенъ»¹⁾. Геймбургъ смѣется надъ людьми лицемерно смиренными, которые пишутъ о презрѣніи къ славѣ, а сами всѣхъ больше добиваются ея. Кого другаго имѣетъ онъ при этомъ виду, какъ не папу-гуманиста, который такъ часто толковалъ о славѣ на манеръ Цицерона? Того же Энея Сильвія, который привѣтствовалъ его, какъ восходящую звѣзду нѣмецкаго гуманизма, теперь Геймбургъ называетъ «болтливымъ, какъ самая болтливая сорока», «довольнымъ своими словоизверженіями (*verbostlatis*) и никогда не имѣвшимъ понятія объ юридическихъ наукахъ, который думаетъ, что тутъ все дѣло въ риторскихъ приемахъ, кропателемъ доказательствъ (*orator topicsu*) и пустомелею». «Мощна сила краснорѣчія; отнимите его у папы, и тогда почти не за что хвалить его».

Такова оппозиція здраваго нѣмецкаго смысла противъ искуснаго изложенія рѣчи устной и письменной, которое въ Италіи пользовалось преувеличеннымъ значеніемъ. Нельзя отрицать того, что Геймбургъ попалъ въ большое мѣсто. Споръ между имъ и его противникомъ папою былъ какъ бы знаменательнымъ предвѣстіемъ той великой борьбы, которая еще готовилась между двумя націями. Въ этомъ случаѣ Геймбургъ уже сильно напоминаетъ Ульриха фонъ Гуттенъ.

Онъ, безспорно, стоялъ одиноко. Это былъ человекъ, знавшій новое краснорѣчіе, но чуждавшійся его съ гордымъ сознаніемъ своей искренности. По своимъ умственнымъ качествамъ онъ могъ прославиться и въ немъ, но пренебрегалъ этимъ. Однако протестъ Геймбурга не оставилъ пропаганды гуманизма. Именно съ тѣхъ поръ, какъ самъ Циколомини покинулъ Германію — въ маѣ 1455 г. онъ навсегда рав-

¹⁾ *Ero Apologia* противъ фельтрскаго епископа у Goldost I. c. T. II p. 160 f.

стался съ варварами,—постоянно являлось все большее число приверженцевъ его школы и итальянской, при дворахъ, въ имперскихъ городахъ, въ университетахъ и канцеляріяхъ, въ качествѣ учителей и странствующихъ студентовъ. Это были дѣятели второстепенные, но взятые вмѣстѣ они представляли явленіе, не лишнее значенія. Почти всегда можно указать ихъ связь съ Италіей, или по крайней мѣрѣ она чувствуется. Но достаточно и нѣсколькихъ стиховъ въ новомъ родѣ, нѣсколькихъ писемъ Поджіо или Пикколомини, которые студентъ приносилъ съ собою вмѣстѣ съ немногими книгами изъ за Альпъ, или слышалъ въ коллегіи университета, чтобы воспламенить умы и вызвать мысль о подражаніи. Остроумныя и нескромныя выходки уже пользовались особымъ сочувствіемъ даже стремились выразить сущность болѣе свободнаго направленія въ нѣкоторой распушенности мысли и жизни.

Можно было бы думать, что прежде всего въ Вѣнѣ слѣдуетъ искать слѣдовъ гуманистической дѣятельности Пикколомини. Но ихъ можно указать лишь въ канцеляріи и въ дѣятельности придворныхъ юристовъ, бывшихъ близкими къ этому итальянцу. Такіе люди, какъ Гартунгъ фонъ Капфель и Ульрихъ Ридереръ, австрійскій канцлеръ, по крайней мѣрѣ выражали сочувствіе и воспримчивость къ новому учению. Ульрихъ Зонненбергеръ, преемникъ Шлика по имперской канцеляріи, и Іоганнъ Гиндерббахъ, впоследствии епископъ тридентскій, сами пробовали свои силы въ стихахъ. Какъ историкъ, Гиндерббахъ былътоже пылкимъ поклонникомъ и подражателемъ Пикколомини, съ которыми, конечно, далеко не равнялся по легкости и ясности изложенія¹⁾. А все остальное вѣнское общество, даже и ученые тамошняго университета составляли сворѣе противоположность Пикколомини, хотя и тѣ и другіе одинаково враждебно относились и ко двору Фридриха III. Но съ другой стороны и въ вѣнскій университетъ проникали поклонники древности. Первый, кто объяснялъ въ его аудиторіи античныхъ поэтовъ, былъ Георгъ Пейрбахъ, долго путешествовавшій по Германіи, Франціи и Италиіи и посѣтившій разные университеты этихъ странъ. Онъ жилъ въ Римѣ въ эпоху папы Николая V въ домѣ кардинала Кузы. Пейрбахъ былъ главнымъ образомъ математикъ и астрономъ, но мы знаемъ, гдѣ и какъ онъ воспринялъ гуманистическія начала. Онъ читалъ въ 1454 и 1160 г. лекціи объ Энеидѣ Вергилія, также иногда о сатирахъ Ювенала и стихотвореніяхъ Горация. Его ученикъ, Іоганнъ Мюллеръ изъ Кенигсберга, знаменитый Регио-

¹⁾ Въ письмѣ къ Пьеро да Ночето отъ 25 сент. 1453 г. Эней Сильвій называетъ его *vir bonus et suprae mores suae gentis doctus. Ero Continuatio Historia Austriacae Aeneae Sylvii ap. Kollar Analecta Vindob. T. II p. 549 seq. См. G. Voigt Enea Sylvio Bd. II s. 356.*

монтанусъ, объяснялъ буколики Виргилія. Читались также лекціи о сочиненіи Цицерона О старости и о Теренці ¹⁾. Но мы однако также видимъ, что младшее поколѣніе составляетъ оппозицію противъ нарождающагося поклоненія классицизмъ и нападаетъ именно на Пикколомини, какъ на идеаль и оплотъ новой школы. Смѣло выступилъ противъ нея богословъ Конрадъ Зельднеръ, который самъ прежде объяснялъ классическихъ писателей въ Вѣнѣ. Онъ былъ вызванъ на это аугсбургскимъ ученымъ Сигизмундомъ Госсебротомъ, съ глубокимъ уваженіемъ изучавшимъ «поэтовъ». Конрадъ оговаривается, что онъ вовсе не отвергаетъ языческихъ писателей и пользуетъ изученія ихъ, хотя далеко не придаетъ особенной цѣны поэзіи. Но онъ направляетъ свои удары противъ «приверженцевъ епископа сіэнскаго Энея», которые признавали убѣдительными его доводы въ защиту гуманистическихъ наукъ, а потомъ и противъ него самого. Онъ не находитъ у подобныхъ «поэтовъ» основательныхъ знаній и считаетъ страннымъ увѣнчивать лаврами этихъ людей, не имѣющихъ понятія о семи свободныхъ искусствахъ. Конрадъ цѣнитъ всѣхъ, кто учился чему нибудь путному, но не идиотовъ, подобныхъ этимъ новымъ стихоплетамъ. Ученый говоритъ о «народномъ краснорѣчій нѣкоторыхъ новыхъ господъ». Какъ старый профессоръ, преподававшій около 25 лѣтъ въ вѣнскомъ университетѣ, онъ любитъ указывать на то, что Австрія тоже имѣла великихъ людей, хотя они не были поэтами. При этомъ Конрадъ называетъ между прочимъ Эберндорфера, надъ которымъ такъ любилъ смѣяться Эней. Аугсбургскій другъ велъ на бой лучшія силы Италіи, Бруни, Верджеріо, Барбаро, Валлу, Поджіо, а главнымъ образомъ Гварино, которому ввѣрилъ своего сына. А Зельднеръ прямо говоритъ, что слышалъ про Поджіо, только мало хорошаго. Изъ остальныхъ гуманистовъ онъ никого не знаетъ. «Ты постоянно хвалишь Гварино, говоритъ онъ своему другу, будто онъ посланъ съ неба и славою его полонъ міръ». Онъ признается, что ни въ Австріи, ни въ Швабіи, ни въ Баваріи, ни въ Венгріи, ни въ Чехіи ничего не слышалъ о Гварино. По его словамъ, на него производитъ неблагоприятное впечатлѣніе то обстоятельство, что именно итальянцы такъ преданы изученію этихъ наукъ ²⁾. Кто не замѣтитъ, что въ душѣ этого богослова старой школы таится личная и національная злоба! Кто можетъ также отрицать, что въ его нападкахъ на поэтовъ есть и доля горькой правды! Но

¹⁾ Aschbach Gesch. der Wiener Universität s. 353. 480.

²⁾ Оба письма Зельднера къ Госсеброту отъ 19 сент. 1457 г. и 17 авг. 1458 г. въ мюнхенскомъ кодексѣ, составленномъ самимъ Госсебротомъ у Ваттенбахъ Sig. Gossembrot, отдѣльный оттискъ изъ 25 тома Vierteljahrschrift für Geschichte des Oberrheins. По одной глоссѣ Зельднеръ умеръ въ началѣ апрѣля 1471 г.

старога магістра уже не слухали. Противъ него говорилъ тотъ фактъ, что спустя два дня послѣ окончанія его послѣдней Филиппики поэтъ Пикколомини взоселъ на папскій престолъ, какъ духовный глава вѣрующихъ. Всежъ извѣстно и то, что именно Вѣна стала центромъ знаменитой школы поэтовъ.

Литературное вліяніе Пикколомини въ той же степени распространилось и на Чехію, исторію которой онъ писалъ. И тамъ мы встрѣчаемъ его старыхъ друзей по канцеляріи: Іоганнь Туссекъ былъ городскимъ секретаремъ въ Прагѣ, а Прокопъ фонъ Рабштейнъ съ 1453—верховнымъ канцлеромъ. Братъ послѣдняго, Іоганнь фонъ Рабштейнъ, выступилъ на литературное поприще и какъ самобытный писатель. Онъ жилъ прежде въ Римѣ и, какъ онъ говоритъ, большую часть своей жизни посвящалъ наукамъ. Тамъ онъ коротко ознакомился съ Цицерономъ, Овидіемъ, Теренціемъ и Горациемъ и изучалъ «реторическія искусства». А потомъ онъ возвратился въ Богемію, желая съ этихъ поръ жить, предаваясь «блаженному научному досугу», что для него было возможно, какъ для прѣбста (протоіерея) въ пражскомъ Вышеградѣ. По его церковно-политическому діалогу видно, что онъ хочетъ выразаться бойкою и цвѣтистою рѣчью и принялъ себя за образецъ Пикколомини ¹⁾.—Въ Моравіи мы встрѣтили гуманистическія стремленія еще во времена Петрарки, которыя шли отъ епископа Іоганна и потомъ отъ соборнаго декана ольмуцкаго Андрея. Подобнаго рода увлеченія нерѣдко распространялись. Во второй половинѣ XV вѣка епископъ Черногорскій Протасій является поклонникомъ и покровителемъ гуманитарныхъ наукъ. Онъ учился въ Падуѣ и тамъ же вошелъ въ дружбу съ Яномъ Паннонскимъ, ученикомъ Гварино, тамъ же читалъ Красоты Валлы и его инвективы противъ Поджіо. Онъ долго еще поддерживалъ связи съ своимъ учителемъ реторики, Галеотто Марціо, и находилъ случаи оказать помощь поэту, постоянно терпѣвшему нужду ²⁾.

Въ Плассенбургѣ у маркграфа Іоганна алхимика основывается на нѣмецкой землѣ нѣчто въ родѣ гуманистической школы. Тамъ живетъ нѣкто Аригинъ, который принялъ это литературное имя изъ любви къ Італіи. Онъ едва ли былъ канцеляристомъ, а скорѣе учителемъ или секретаремъ. Въ своихъ письмахъ онъ является писателемъ посредственнымъ, который усвоилъ себя до извѣстной степени стилистику и мѣткія выраженія итальянскихъ гуманистовъ, а при этомъ и ихъ чувство собственного достоинства. Аригина постоянно тянетъ

¹⁾ *Ergo Dialogus* 1469 г. былъ изданъ М. Іорданомъ въ приложеніи къ сочиненію «*Das Königthum Georgs von Podiebrad*» Leipz. 1861, а въ лучшемъ видѣ Бахманомъ въ *Archiv für österr. Geschichte* Bd. 54 Wien 1876, s. 378 ff.

²⁾ *Analecta* ed. Abel p. 90. 91. 92.

въ Италію, и онъ хотеть всецѣло посвятить себѣ «философіи». Будь у него досугъ, онъ надѣется сдѣлаться звѣздою первой величины¹⁾. Аригинъ желалъ бы, чтобы его пригласили ко двору какого нибудь щедраго государя, напр. пфальцграфа Фридриха. Такъ какъ онъ жилъ въ маленькомъ Плассенбургѣ, то ему была доступна лишь небольшая область литературнаго міра. Однако онъ ведетъ перепешку съ своими прежними учениками, которая, собственно говоря, безсодержательна и больше служить упражненіемъ въ слога. Аригинъ, вѣроятно, никогда не пользовался большимъ значеніемъ, а иначе его имя не было бы предано такому полному забвенію²⁾.

Дворъ пфальцграфа Фридриха смѣло можно назвать первымъ нѣмецкимъ пріютомъ музъ на образецъ итальянскихъ. Гейдельбергскій университетъ былъ первымъ въ Германіи, въ которомъ съ основательною цѣлью допущено было преподаваніе гуманитарныхъ наукъ. Пфальцграфъ былъ человекъ, очевидно, весьма образованный и даровитый. У него былъ свой придворный историографъ въ лицѣ капеллана Матвѣя Фонтъ Кемнатъ. Последний писалъ свое историческое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, но такъ умѣлъ украситъ его гуманистическою мудростью и латинскими стихами, что ясно видно его гордое стремленіе. Остальные ученые, писавшіе при этомъ дворѣ стихи и изящныя письма, вѣроятно, были посредственности, но здѣсь чувствовался духъ меценатства, и довольно характеристично, что здѣсь же искалъ пріюта плассенбургскій поэтъ³⁾.

Въ Гейдельбергѣ мы встрѣчаемъ и перваго истиннаго «поэта» на нѣмецкой землѣ, такого, который не былъ больше ничѣмъ и про котораго Зельднеръ могъ безошибочно сказать, что онъ, собственно говоря, ничему не выучился. Это Петръ Людеръ изъ Кмеслау, владѣнія епископовъ шпейерскихъ⁴⁾. Правда, какъ поэтъ и какъ ученый онъ не проявель ничего замѣчательнаго. Но это личность типиче-

¹⁾ Non enim mihi dubium dixeris, quin omnes superare possim, si quam desidero studii mei quietem consequi poterо.

²⁾ Письма его отъ 1456 и 1457 г. и письма къ нему изъ одной вѣнской рукописи см. у Wattenbach Peter Luder s. 58 ff.

³⁾ Письмо Аригина къ пфальцграфу отъ 13 февр. 1457 г. и Матвѣя къ Аригину вѣскольکو поздно у Wattenbach P. Luder s. 60, 61. Въ первомъ слова praestantissimorum virorum coram quam apud te collocasti, т. е. множество отличныхъ людей, которыхъ ты пригласилъ у себя, служатъ доказательствомъ въ пользу любви пфальцграфа къ наукамъ.

⁴⁾ Wattenbach Peter Luder, der erste humanistische Lehrer in Heidelberg, Erfurt, Leipzig, Basel. Изъ 22 т. Zeitschr. für die Geschichte des Oberrheins. Karlsruhe 1869. Къ отдѣльному оттиску прибавлено приложение въ Исторіи дейдидгенаго университета. Въ этомъ случаѣ и цѣлыми рядами желаныхъ наданій изъ мюнхенскихъ, вѣнскихъ и берлинскихъ рукописныхъ сборниковъ Ваттенбахъ оказалъ ту услугу, что собралъ первый и почти единственный доселѣ рукописный матеріалъ, проливающий свѣтъ на раннюю эпоху нѣмецкаго возрожденія. Безъ сомнѣнія, еще много его хранится въ старинныхъ бібліотекахъ.

ская, нашедшая подражателей и показывающая намъ, почему нѣмецкіе университеты всюду старались держаться всторонѣ отъ этихъ первыхъ провозвѣстниковъ поэзіи и стилистики, и что невѣрно, будто бы они съ самаго начала были встрѣчены съ нерасположеніемъ и завистью. Этого тоже не было и въ Италиі. Но въ Германіи странствующіе поэты отличались еще въ бблшей степени страстью къ бродяжничеству, надменностью, попрошайствомъ, стремленіемъ проповѣдывать мораль, зазорною жизнью, поверхностными свѣдѣніями и грубостью нравовъ. Однако нельзя отрицать и того, что и такіа природы могли имѣть воспламеняющее вліяніе и именно ихъ скитальческая жизнь не мало способствовала къ распространенію тѣхъ искусствъ, представителями которыхъ они были.

Людеръ поступилъ бѣднымъ студентомъ въ гейдельбергскій университетъ, но не пошелъ дальше курсовъ логики и діалектики, да и эти мало усвоилъ. Врожденная страсть къ бродяжничеству ¹⁾ влекла его въ даль, въ Италію, въ Римъ. Революція, заставившая бѣжать папу Евгенія IV 4 іюля 1434 г., и буйство солдатъ епископа реканатскаго, послѣдовавшее затѣмъ, не позволили ему тамъ оставаться. Онъ воротился въ Венецію, оттуда отправился моремъ въ Иллирію, Албанію и Македонію, переправился въ Малую Азію, потомъ снова вернулся въ Италію, которую «исходилъ почти всю». Повидимому, онъ долго блуждалъ такимъ образомъ какъ искатель приключеній, конечно, большею частію какъ ученикъ. И только тогда, когда у него начала пробиваться сѣдина на вискахъ, онъ обратился къ занятію гуманитарными науками и къ поэзіи. Изъ этого мы смѣло можемъ заключить, что Людеръ бродилъ главнымъ образомъ по университетамъ. Нѣмецкій студентъ, по вѣдному, называетъ себя ученикомъ Гваріно или, по крайней мѣрѣ, его послѣдователемъ ²⁾, но мы не удивляемся, что о немъ не упоминаетъ ни этотъ наставникъ, ни бывшіе товарищи, которые такъ часто говорятъ въ оныхъ письмахъ о школьныхъ годахъ. Людеръ занимался нѣкоторое время и медициною, вѣроятно, въ Падуѣ.

Послѣ долгихъ скитаній около 1456 г. Людеръ возвратился на свою нѣмецкую родину—искать расположенія у пфальцграфа Фридриха и примѣнить свои знанія къ дѣлу въ гейдельбергскомъ университетѣ. Онъ намѣревался ввести въ курсъ объясненіе римскихъ классиковъ, «чтобы искоренить нѣмецкое варварство». Профессора, очевидно, не хотѣли допускать его въ свой кружокъ, впрочемъ, безъ сомнѣнія, не

¹⁾ *Mens vaga et vagabundaque*, какъ онъ самъ говоритъ съ гордостью.

²⁾ Правда, онъ говоритъ объ этомъ неясно и неопредѣленно въ злегит ad Pamphilum:
*Primus ego in patriam deduxi vertice Musas
 Italicæ mecum, fonte Guarino tuo.*

Т. е. я первый привезъ изъ Италиі поэзію въ мое отечество изъ твоего источника, Гваріно.

изъ предубѣжденія противъ античныхъ писателей и новой реторики. Не задолго передъ тѣмъ факультетъ искусствъ закупилъ довольно много классическихъ сочиненій, именно 56 томовъ. Тутъ было много сочиненій Цицерона, Квинтилиана, Валерія Максима, Катилина Саллюстія, комментарий къ Вергилію, трагедіи Сенеки, Вергилій, Луканъ, Теренцій, также письма Петрарки. Слѣдовательно въ Гейдельбергѣ. сначала при дворѣ пфальцграфа, уже пробудилось нѣкоторое стремленіе къ изученію древняго міра. Поэтому вооружались лишь противъ личности Людера. Правда, онъ не могъ назваться магистромъ; о немъ никто ничего не зналъ, и, безъ сомнѣнія, онъ уже въ то время былъ жалкимъ бѣднякомъ. Тѣмъ не менѣе Людеръ явился съ заносчивымъ притязаніемъ оживить поэзію въ Германіи и исправить варварскую латынь своихъ товарищей. Однако пфальцграфъ благосклонно выслушалъ посланника съ итальянскаго Геликона, когда тотъ обвинялъ магистровъ въ зависти къ себѣ и своему великому искусству. Мы знаемъ, что онъ подружился съ Матвѣемъ фонъ Кемнатъ; быть можетъ, послѣдній и рекомендовалъ его пфальцграфу. Для роли придворнаго поэта Людеръ не годился, былъ притомъ малъ ростомъ, черенъ и грязенъ, какъ самъ себя изображаетъ. А такъ какъ въ университетъ его не желали принять, то меценатъ далъ ему небольшое жалованье и издалъ декретъ о томъ, что онъ можетъ публично преподавать гуманитарныя науки ¹⁾.

Людеръ оповѣстилъ объ этомъ въ объявленіи на черной доскѣ. Онъ намѣревался начать публичныя лекціи съ объясненія посланій Горация и сочиненій Валерія Максима. Прежде онъ долженъ былъ сказать вступительную рѣчь передъ профессорами. Факультетъ искусствъ требовалъ, чтобы Людеръ сначала представилъ эту рѣчь на его просмотръ. Не только Людеръ, но и магистръ Вильденгерцъ нашелъ подобную мѣру унижительною и объяснилъ ее затаенною завистью профессоровъ. Однако 15 іюля 1456 г. онъ сказалъ свою рѣчь. Онъ рассказывалъ эпизоды изъ своей разнообразной жизни, а потомъ сталъ защищать поэзію доводами, чуть не сотню разъ повторявшимися и въ Италиі, и въ Германіи. Но борьба съ профессорами искусствъ продолжалась. Въ оповѣщеніи 1457 г. Людеръ публично жаловался на то, что діалектика, «обвитая черными змѣями», прогнала остальныхъ сестеръ изъ прочнаго убѣжища, которое они нашли было себѣ, и просилъ принять реторику ²⁾ Но — что еще было неприятіе Людеръ вскорѣ сталъ жаловаться, что студенты не ходятъ на его лекціи поэзіи, кафедра которой доселѣ была

¹⁾ *Suo decreto*, говоритъ Людеръ въ оповѣщеніи. А въ рѣчи къ пфальцграфу онъ благодарилъ его за то, что послѣдній его publice poetarum lectioni in hoc suo gymnasio dignum esse percensuit.

²⁾ *Intimacio poete contra artistas* см. у Wattenbach въ *Zeitschrift f. d. Gesch. des Oberrheins* Bd. XXIII s. 22.

закрыта по зависти. Такъ какъ однажды казалось, всѣхъ напугало, одно оповѣщеніе лекціи о Сенекѣ, то онъ пропустилъ ее и тотчасъ же объявилъ, что прочтетъ лекцію объ Овидіевой *Agg amandi* (искусство любить). Кто вращался въ университетѣ, тотъ знаетъ, что значитъ непріятный товарищъ и какъ относятся къ нему прочіе преподаватели. Если бы мы больше ничего не знали о наставнической дѣятельности Людера, то и этой одной черты было бы достаточно для его характеристики. Можно представить себѣ, въ какомъ одиночествѣ оказался среди варваровъ этотъ проповѣдникъ чистой латыни ¹⁾.

Свои лучшія надежды Людеръ возлагалъ постоянно на пфальцграфа. За его первое благодареніе онъ сочинилъ въ честь его похвальную и благодарственную рѣчь, украшенную цитатами изъ Цицерона и Виргилія и рядомъ примѣровъ изъ древней и новой исторіи. Онъ превозносилъ мецената, увѣряя, что его восхваляютъ всюду, даже и внѣ предѣловъ Германіи ²⁾. Впослѣдствіи онъ посвятилъ ему элегію, въ которой самъ пфальцграфъ выведенъ въ поэтической обстановкѣ подъ именемъ Панфила, и тутъ же являются два гейдельбергскихъ доктора, названные Юпасомъ и Цингіемъ ³⁾. Но едвали Фридрихъ, платившій ему жалованье и допустившій его къ преподаванію въ университетѣ, сдѣлалъ что нибудь кромѣ этого ⁴⁾. Людеръ не ожидалъ отъ нѣмецкой знати ровно ничего; она была чужда гуманныхъ наукъ, и поэтъ не могъ ничего выпросить у нея. Онъ жилъ въ нуждѣ, какъ и всякій бѣдный учитель, принималъ къ себѣ мальчиковъ, училъ ихъ грамматикѣ и читалъ съ ними древнихъ писателей. Но, конечно, они вскорѣ уходили отъ наставника. Во время вакацій онъ отправлялся на педагогическія игры въ Ульмъ или Аугсбургъ. Письма Людера показываютъ намъ, въ какомъ жалкомъ положеніи были его дѣла. Онъ выпрашиваетъ по гульдену или по два у друзей или у лицъ, которыхъ такъ называетъ, но все таки ведетъ распушенную жизнь, служа и Бахусу и Венерѣ. Подобный поэтъ могъ надолго уронить достоинство поэзіи. Но ему дольше нельзя было оставаться въ Гейдельбергѣ. Война, долго готовившаяся, наконецъ вспыхнула и заставила Людера удалиться изъ города въ 1460 г. Ему теперь уже не приходилось жить дѣло «съ негодяями», которые изъ зависти набра-

¹⁾ Въ письмѣ къ Аригну у Ваттенбаха Peter. Luder s. 62 онъ объявляетъ, что утомясь *garrulis barbarorum undique me circumstrepencium vocibus*.

²⁾ Рѣчь у Ваттенбаха въ *Zeitschr. f. d. Gesch. des Oberrheins* Bd. XXIII ч. 25 ff.

³⁾ Объ элегии ad Panphilam amicam singularem, посланной пфальцграфу 28 ноября 1460 г., см. Wattenbach P. Luder s. 27.

⁴⁾ Это чистое хвастовство, когда Людеръ впослѣдствіи въ Лейпцигѣ въ полемическомъ сочленіи *Petrus Luder divi Friderici principis palatii (palatini) Rhoni etc. gloriosissimi secretarius, scutifer Romani Imperii*.

сывались на него въ Гейдельбергѣ, также, вѣроятно, были снисходительны къ нему и кредиторы, которыхъ онъ оставлялъ.

Привыкши къ слитальческой жизни, Людеръ вдругъ является въ Эрфуртѣ. Онъ утверждаетъ, что былъ принятъ съ почетомъ «любителями науки и знаменитостями, которые радовались и считали для себя за честь, что я явился къ нимъ подобно Меркурію, посланному съ неба». Они будто бы просили его вступить въ члены ихъ университетской корпорации и отвели ему аудиторію въ большой коллегіи. У Людера явилась надежда, что со временемъ онъ воротится на родину съ большимъ почетомъ и кучею денегъ, и этимъ онъ утѣшалъ своихъ гейдельбергскихъ кредиторовъ. Это — то самое высокое мнѣніе о себѣ, которое заставило Филельфо думать, что всюду, куда онъ ни является, его встрѣчаютъ какъ бога. Но по свѣдѣніямъ и талантамъ Людера едва ли можно сравнивать и съ Порчелло. Послѣ своего пріѣзда онъ заявилъ въ публичной рѣчи, сказанной передъ университетской корпорацией, о своихъ специальныхъ отрасляхъ, поэзіи и риторикѣ; это была его гейдельбергская вступительная рѣчь, лишь слегка исправленная для Эрфурта. Потомъ дѣломъ 1461 г. ¹⁾ и слѣдующею зимою онъ читалъ лекціи о *Виргиліи*, *Теренціи* и *Овидіи* и «озарилъ университетъ лучами поэтического искусства». Магистръ, рекомендовавшій Людера при отъѣздѣ его одному доктору въ Лейпцигъ ²⁾, хвалилъ его какъ человѣка веселаго, пріятнаго въ обращеніи, скромнаго и весьма свѣдущаго. Темныхъ сторонъ характера въ такихъ случаяхъ не касаются. Но и въ Эрфуртѣ Людеръ, вѣроятно, не имѣлъ успѣха, а иначе онъ не оставилъ бы его черезъ два семестра. Онъ самъ намекаетъ, что у него и здѣсь явились «завистники» и враги, которые нашли, что онъ человѣкъ несносный.

Въ Лейпцигѣ Людеръ былъ принятъ въ качествѣ магистра — степень, едва ли соответствовавшая его познаніямъ. И здѣсь онъ сказалъ вступительную рѣчь, въ которой поощрялъ юношество къ занятіямъ гуманистическими науками. Это, вѣроятно, та самая рѣчь, которую онъ уже разъ исправилъ.

Нельзя сказать, чтобы и въ Лейпцигѣ его встрѣтили враждебно, или что онъ не нашелъ воспримчивой почвы для своего преподаванія. Напротивъ, здѣсь еще раньше прибытія Людера образовался кружокъ людей, занимавшихся науками, которые и безъ руководства преподавателей читали древнихъ поэтовъ и Цицерона и усердно подражали всему тому, что доходило къ нимъ отъ итальянскихъ гуманистовъ ³⁾. Они не разста-

¹⁾ Его письмо къ Матвѣю фонъ Кемнатъ у Ваттенбахъ P. Luder s. 88 изъ Эрфурта отъ 3 мая 1461 г.

²⁾ Письмо этого магистра Генриха фонъ Рюиъ у Ваттенбахъ l. c. s. 89, вѣроятно, отъ февраля 1462 г.

³⁾ Изъ переписки этого кружка Ваттенбахъ P. Luder s. 31. 33. 54 ff. 101 ff. сообщалъ много выдержекъ по Codd. lat. Monac. 216 и 466.

лись съ классическими воспоминаніями и въ своей студенческой жизни, гдѣ играли роль женщины и вино, писали другъ другу письма слогомъ Цицерона, насколько то было возможно при ихъ скудныхъ свѣдѣніяхъ въ латинскомъ языкѣ, высказывали въ нихъ свое знакомство съ древностью и щеголяли гуманистическими фразами. Матеріаломъ для этихъ посланій служили, вѣроятно, случаи изъ товарищеской жизни и пирушекъ. Если студенты говорятъ про своихъ Амазій и Таисъ ¹⁾, то это простыя деревенскія служанки изъ окрестностей Лейпцига, которыя охотно вели компанію съ веселыми молодыми людьми. Или они выдумываютъ нескромныя рассказы о любовныхъ похожденияхъ и украшаютъ ихъ разными подробностями въ духѣ Энея Сильвія, котораго и здѣсь принимали за образецъ даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Они, кажется, научились у Пикколомини и политическія извѣстія сообщать изящнымъ слогомъ.

Душою этого кружка былъ Генрихъ Штеркеръ, родомъ изъ Меллерштадта въ восточной Франконіи, сынъ бѣдныхъ поселанъ ²⁾. Молодой человекъ хотѣлъ изучать каноническое право, потому что считалъ его самою полезною изъ всѣхъ наукъ. Но новое образованіе манило его гораздо сильнѣе и отвлекало отъ тѣхъ научныхъ отраслей, которыя недавно считались настоящею пропедевтикою къ декреталіямъ. Старую диалектику и логику онъ тоже презиралъ, подобно Поджіо и Пикколомини. Говорили, что эти науки изощряютъ умъ, а онъ напротивъ думалъ, что не слѣдуетъ изощрять умъ на безплодныхъ знаніяхъ, что есть отрасли болѣе возвышенныя, которыя оказываютъ ту же услугу и вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ пользу. Это—каноническое право и наука о краснорѣчій ³⁾. Онъ былъ очень радъ, когда могъ получить сочиненія Энея Сильвія отъ итальянцевъ, развѣзжавшихъ всюду съ отпускительными грамотами. Они возбудили въ немъ желаніе изложить свои любовныя похождения въ формѣ новеллъ. Такъ какъ всѣ подобные люди стремились въ Италію, то и онъ закончилъ свое юридическое образованіе въ Перуджии. Штеркеръ умеръ въ 1483 г. совѣтникомъ герцога саксонскаго въ Мейсенѣ, гдѣ былъ учителемъ и каноникомъ. Последнюю должность онъ имѣлъ еще при трехъ церквахъ. Такии образомъ въ сущности стремленія къ полезной дѣятельности у него шли вровень съ стремленіемъ къ изящному. Изъ его товари-

1) Первое имя вымышленное (любимая), второе имя знаменитой греческой гетеры.

Примѣч. переводчика.

2) Онъ былъ внесенъ въ списокъ въ Лейпцигѣ въ концѣ лѣтняго семестра 1445 г. Lit. Centralblatt 1869 s. 1285.

3) *Oratorum ars, que viros sola preclaros officit. Nec quamrumque rem persuasibilem facit et ornat. Huic do operam, nec me totum habet. Cuius si partem possem deprehendere, non me quisquam diceret pecuniam gratis consumplisse.*

шей по ученымъ занятіямъ выдается Гартманъ Шедель, о которомъ мы вскорѣ будемъ говорить.

Эти юноши, любившіе весело пожить сильно были возбуждены, когда весною 1462 г. поэтъ Петръ Людеръ приглашалъ слушать свои лекціи о Теренціи. Его первое оповѣщеніе начиналось словами *Senatus populusque romanus*, такъ какъ Людеръ хотѣлъ напомянуть, что нѣкогда въ древнемъ Римѣ власти щедро вознаграждали преподавателей поэзіи и изящнаго слога. Но подобному примѣру въ Лейпцигѣ, конечно, не подражали. Уже при второмъ оповѣщеніи, въ которомъ Людеръ обѣщалъ избавить своихъ слушателей отъ «кухонной» латыни и отъ возмутительнаго варварства, онъ сдѣлалъ грубую ошибку противъ языка. Профессоръ не могъ отказать отъ нея, когда по этому поводу возникла литературная полемика съ однимъ неизвѣстнымъ лейпцигскимъ магистромъ ¹⁾. И противникъ Людера не былъ особеннымъ знатокомъ латинскаго языка, но удары, наносимые Людеру за его промахи, были весьма чувствительны. Во время зимняго семестра онъ хотѣлъ читать также метрику, хотя былъ не особенно силенъ въ ней. Профессоръ оповѣстилъ и о лекціяхъ по риторикѣ и кромѣ краткихъ правилъ намѣревался приводить примѣры и образцы рѣчей. Людеръ уже тогда грозился, что некому будетъ замѣнить его, если онъ удалится. Изъ этого мы можемъ понять, почему онъ оставилъ Лейпцигъ, тѣмъ болѣе, что жалуетса на бѣдность и несчастіе ²⁾. У Людера не было ни одного качества, которыми онъ могъ бы загладить свои недостатки и сколько-нибудь примирить съ собою окружающихъ, Кромѣ стихотвореній, болѣею частью забытыхъ, онъ писалъ письма и рѣчи на разные случаи, сочиненія по метрикѣ, риторикѣ и ученія о разстановкѣ знаковъ препинанія, которыя, вѣроятно, являлись въ основу своихъ лекцій. О нихъ тоже вскорѣ забыли. Ни въ одной отрасли онъ не имѣлъ специальныхъ знаній, при томъ былъ жалкій стихоплетъ. Во всякомъ случаѣ это былъ человекъ не безъ дарованій, но сбившійся съ толку.

Изъ Лейпцига Людеръ отправился въ Падую продолжать занятія медицинною, начатыя имъ много лѣтъ тому назадъ. Но, по видимому, онъ и тамъ читалъ лекціи объ Овидіи и другихъ поэтахъ ³⁾. Потому въ 1464 г. мы встрѣчаемъ его въ базельскомъ университетѣ, только что основанномъ. Теперь его называли докторомъ медицины и поэтомъ,

¹⁾ Въ началѣ семестра онъ приглашалъ въ свою квартиру, *ubi omnes volentes lectiones tres (am. lectionibus tribus), gratis interesse poterunt.... ne semper culinario, ut aiunt, latino aures hominum offendant*, т. е. гдѣ всѣ желающіе могутъ присутствовать на трехъ лекціяхъ... чтобы не оскорблять постоянно слуха кухонною латынью.

²⁾ Въ письмѣ отъ 12 ноября 1462 г.

³⁾ По извѣстію Шеделя у Ваттенбаха въ *Zeitschr. f. d. Gesch. des Oberrheins* Bd. XXIII s. 38.

но жалованье, которое ему назначил городской советъ, онъ получалъ, безъ сомнѣнiя, какъ преподаватель краснорѣчiя ¹⁾). Людеръ опять вначалѣ хвалится, что счастье снова улыбается ему. Но оно улыбалось, навѣрное, не долго. Въ 1469 г. ученый оказывается на службѣ у герцога австрiйскаго Сигизмунда, а потомъ мы опять теряемъ его изъ виду. Есть еще нѣсколько набожныхъ стиховъ, написанныхъ имъ 8 октября 1474 г., но это послѣднее, что мы знаемъ о первомъ нѣмецкомъ поэтѣ.

Младшiй современникъ Людера, который былъ еще гораздо ниже его по умственному развитiю и печальному положенiю въ жизни, былъ Самуиль Карохъ фонъ Лихтенбергъ ²⁾). Онъ учился сначала въ Лейпцигѣ еще раньше появленiя Людера, потомъ около четырехъ лѣтъ въ Итали. Тамъ онъ слышалъ кое-что о новой поэзи краснорѣчiя и почувствовалъ въ себѣ призванiе поэта, хотя почти не зналъ этихъ отраслей, а изъ другихъ наукъ ровно ничему не выучился. Воротившись на родину въ жалкомъ видѣ, Карохъ подобно Людеру странствовалъ по разнымъ университетамъ, былъ въ Гейдельбергѣ, Эрфуртѣ и, равнѣется, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, ведя борьбу съ «кухонною латынью», хотя самъ нисколько не пошелъ дальше ея. Всего дольше онъ пробылъ потомъ въ Лейпцигѣ. Карохъ былъ удаленъ изъ университетской корпорацiи по неизвѣстному намъ поводу и не могъ преподавать грамматику, но былъ терпимъ, какъ жалкiй нищiй и балагуръ. Тамъ онъ съ дозволенiя ректора прочелъ свои поэтическiя произведенiя на Аристотелевскомъ завтракѣ. Это была пирушка, приправленная всякаго рода забавами и дававшаяся въ теченiи каждаго семестра вновь произведенными магистрами въ честь старшихъ членовъ корпорацiи, часто въ присутствiи городскихъ бургомистровъ и членовъ совѣта. Рѣчь его, подобно униженнымъ мольбамъ уличнаго нищаго, обратилась въ жалкую просьбу о помощи. Когда онъ въ 1466 г. сказалъ по такому же поводу свою просительную рѣчь, жалуясь на крайность, которую терпитъ уже болѣе девяти лѣтъ, то былъ еще сильнымъ мужчиною въ цвѣтѣ лѣтъ. Большая часть его стихотворенiй, рѣчей и посланiй, до видимоу, относятся къ этому времени. Карохъ почти всегда выбираетъ сюжетами темныя стороны студенческой жизни, попойки и развратъ, надъ безобразiемъ которыхъ любить подсмѣяться. Однако эти нескромныя стихотворенiя, по видимоу, пользовались нѣкоторымъ успѣхомъ, какъ можно заключить по немалому числу

¹⁾ With. Vischer Gesch. d. Universität Basel 1460—1529, Basel 1860, s. 186.

²⁾ Wattenbach Samuel Karoch v. Lichtenberg, ein Heidelberger Humanist — in der Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins Bd. XXVIII s. 1 ff. Въ рукописяхъ онъ обыкновенно носитъ имя Samuel de Monte Rutilo.

копій; для насъ они важны какъ картины нравственнаго быта дурныхъ словъ тогдашней учащейся молодежи. Онъ не выучился писать стихи по образцу классическихъ поэтовъ и сочиняетъ на манеръ вагантовъ¹⁾ съ римами. Его проза напыщена, сильно грѣшитъ противъ грамматики и полна варваризмовъ. Но Карохъ все таки не чуждъ притязаній. Онъ выдаетъ себя за приверженца гуманистическихъ наукъ и краснорѣчія, пишетъ новеллы въ подражаніе Энею Сильвію, приводитъ мѣста изъ Петрарки и изъ сочиненій Цицерона, хвалитъ благодѣтельныя итальянскія школы краснорѣчія и совѣтуетъ юношеству посѣщать ихъ²⁾. Дѣла его, по видимому, долго были въ такомъ положеніи. Онъ даже опять было поступилъ доцентомъ во вновь основанный ингольштадскій университетъ, но не могъ тамъ долго оставаться. Потому и Кароха мы теряемъ изъ виду; какъ Людера, хотя въ Лейпцигѣ о немъ еще вспоминали въ то время, когда появились *epistolae obscurorum virorum* (письма темныхъ людей)³⁾. Онъ не мало также способствовалъ къ тому подрыву довѣрія, какому подверглись преподаватели латинскаго языка и поэты въ нѣмецкихъ университетахъ, пока это дѣло не поправили такіе ученые, какъ Меланхтонъ и Камераріусъ.

Вообще говоря, и въ Германіи университеты не были подходящими учрежденіями для перваго изученія гуманныхъ наукъ, которыя больше предоставляли латинскимъ школамъ. И въ Италіи школы Витторіано и Гваріано съ ихъ постоянными порядками оказывали несравненно больше услугъ, чѣмъ университеты съ ихъ мѣняющимся составомъ преподавателей. Такимъ образомъ мы опять обратимъ вниманіе на нѣкоторыя личности, которыя въ самой Италіи или литературнымъ путемъ вступили въ общеніе съ представителями новыхъ наукъ и распространили любовь къ послѣднимъ между лицами, окружавшими ихъ.

1) См. томъ I стр. 9 и предисловіе къ II тому стр. 1.

2) Изъ сочиненій его въ сборникахъ всего чаще встрѣчается *Historia faceta de studente et beano*, заглавіе которой впрочемъ постоянно мѣняется. Есть извлеченіе изъ нея у *Muther Aus dem Universitäts- und Gelehrtenleben im Zeitalter der Reformation*, Erlangen. 1866, s. 7 ff. *Barbaralexis* съ смѣшанными нѣмецко-латинскими римами у *Zarncke Die deutschen Universitäten im Mittelalter I*, Leipz. 1857, s. 84. *Arenga de commendatione studii humanitatis atque amenitate estralis temporis* сообщалъ *Ваттенбахъ* въ «*Germania*» Бари 1874, s., а *Arenga petitoria*, говорившаяся на *prandium Aristotilis* 1466 г., есть въ *Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit* 188 n. 6. *Epistola missiva atque petitoria—de beano fetido ad suum patrem rusticum*; тамъ же п. 9, гдѣ объясняется, что *epistola de amoré cuiusdam studentis erga mulierem civaticam* есть перелѣлка новеллы *Боккаччо*, *arenga de coristecüs et tempestatibus* 1470 г. тамъ же п. 4. 5. Другое много не напечатано, напр. *Epistola amatoria ap antiquam votulam* (*Cat. codd. lat. bibl. reg. Monac.* T II P. III p. 218), *Dialoga, inter virum adolescentem et virginem* въ готской рукописи (*Germania Jahrg.* XX, s. 7).

3) *Epist.* 13. 25.

Аугсбургскій патрицій, Сигизмундъ Госсебротъ ¹⁾, былъ выдающимся дѣятелемъ въ своемъ родномъ городѣ и даже за предѣлами его. Въ 1458 г. онъ былъ бургомистромъ. Мы не знаемъ, кто ему внушилъ любовь къ поэзiи и краснорѣчiю; онъ учился, вѣроятно, въ Италiи, а потомъ на него сильно повліяли сочиненiя Пикколомини. Этотъ-то ученый и защищалъ съ юношескою горячностью новую науку отъ нападокъ Конрада Зельднера и другихъ противниковъ. Когда Госсебротъ былъ по дѣламъ въ Ульмѣ, гдѣ въ то время жилъ Петръ Людеръ, то не могъ успокоиться до тѣхъ поръ пока не посѣтилъ поэта на его чердакѣ ²⁾. Онъ и самъ писалъ стихи ³⁾. Но любовь Госсеброта къ наукамъ всего сильнѣе выражается въ томъ, что онъ еще въ пѣжномъ возрастѣ послалъ своихъ сыновей въ Феррару, Ульриха и Сигизмунда, учиться въ славной школѣ Гварино. Ульрихъ по пылкой любви къ новому ученiю оказался достойнымъ своего отца; остались его письма и рѣчи. Онъ изучалъ потомъ права въ Падуѣ, хотя постоянно питалъ въ душѣ страсть къ изученiю поэтовъ. Но онъ то и дѣло жаловался на слабое здоровье, что и заставило его воротиться на родину. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что послѣ 1459 г. мы не слышимъ объ Ульрихѣ какъ о гуманистѣ; и вообще о немъ не упоминается въ исторiи Аугсбурга ⁴⁾.

Аугсбургъ раньше еще имѣлъ патрона, около котораго собирались ученые и гуманисты, въ лицѣ своего епископа Петра фонъ Шаумбургъ. Впослѣдствiи онъ былъ возведенъ въ санъ кардинала. Такъ какъ онъ въ началѣ вѣка посѣщалъ болонскiй университетъ, то мы полагаемъ, что звуки поэзiи и краснорѣчiя очаровали его слухъ. Онъ игралъ выдающуюся роль въ церковной политикѣ во время базельскаго собора, принималъ участiе въ дѣлахъ при дворѣ Фридриха III и имѣлъ разнообразныя сношенiя съ Пикколомини. Въ кружкѣ Шаумбурга мы встрѣчаемъ и одного изъ самыхъ искусныхъ и дѣятельныхъ дипломатовъ того времени, Лауренціуса Блуменау. Прусакъ по мѣсту рожденiя, онъ, вѣроятно, какъ и многіе изъ его земляковъ, учился въ Италiи и получилъ тамъ степень доктора обихъ правъ. Съ 1447 г. онъ служилъ нѣмецкому рыцарскому ордену и въ трудное время пользуясь полнымъ довѣрiемъ великаго магистра, былъ повѣреннымъ по

¹⁾ Wattenbach Sigismund Gossembrot als Vorkämpfer der Humanisten und seine Gegner. Separatabdruck aus dem 25 Rde der Vierteljahrschrift für Geschichte des Oberrheins. В основу положенъ собранный самимъ Госсебротомъ Cod. lat. Monac. 3941.

²⁾ Письмо П. Людера къ аугсбургскому городскому писцу Валентину Эберу отъ 31 октября 1460 у Ваттенбаха. P. Luder, s. 86.

³⁾ Эпиграмма и двѣ эпитафiи на смерть юнаго короля венгерскаго и чешскаго Владислава (1457), вѣроятно его, въ Catal codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II. P. II p. 32.

⁴⁾ Wattenbach Ulrich Gossembrot—въ Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit 1879 n. 7.

дѣламъ въ Римѣ, особенно нѣсколько разъ въ первосвященство папы Николая V. Когда послѣ покоренія прусскихъ и польскихъ городовъ ему нельзя было долше оставаться въ Пруссіи, то онъ поступилъ на службу къ герцогу тирольскому Сигизмунду около 1460 г. и вмѣшался въ споръ изъ за бриксенской епископіи, причемъ едва спасся отъ смерти при римскомъ дворѣ и былъ подвергнутъ опалѣ вмѣстѣ съ Григоріемъ Геймбургомъ. Съ арены общественной дѣятельности онъ впоследствии удалился и умеръ картезіанскимъ монахомъ въ 1484 г. И Блуменау, подобно Геймбургу, былъ прежде всего юристъ и политическій дѣятель, но сохранилъ любовь и къ изящной литературѣ, внушенную ему въ Италіи. Блуменау задумалъ написать исторію нѣмецкаго ордена, и тутъ образчикомъ для него были преимущественно древніе историки. У него было большое собраніе классическихъ сочиненій, а въ Римѣ онъ постоянно поддерживалъ сношенія съ любителями книгъ, книгопродавцами и переписчиками. Особенно гордился ученый своимъ Секстомъ Руфомъ, котораго въ Германіи больше ни у кого не было; онъ списалъ его самъ для своего друга Германа Шеделя и, пользуясь своимъ богатымъ запасомъ свѣдѣній по римской исторіи, прибавилъ примѣчанія на поляхъ. Блуменау желалъ также имѣть сочиненія Орозія и Киропедію Ксенофонта въ переводѣ Поджіо. Онъ увѣрялъ, что приобрѣлъ многія цѣнныя и мало извѣстныя сочиненія древнихъ писателей ¹⁾. Такъ какъ онъ привыкъ къ дѣловому слогу, то въ изложеніи не отличался легкостью лучшихъ итальянскихъ стилистовъ. Однако стремленіе къ красотѣ и склонность къ нравственнымъ разсужденіямъ въ античномъ духѣ весьма замѣтны у него. Если бы мы не знали жизни Блуменау, то могли бы заключить по его письмамъ, что онъ вкусилъ отъ древа языческаго познанія въ Италіи ²⁾.

Къ числу весьма близкихъ друзей Блуменау принадлежалъ Германъ Шедель, который родился неизвѣстно гдѣ въ 1410 г. Вѣроятно, они учились вмѣстѣ въ Италіи. Шедель изучалъ медицину, но питалъ любовь къ классическимъ книгамъ и гуманистическимъ наукамъ. Блуменау, по видимому, вспоминаетъ объ этомъ времени, когда говоритъ своему другу о любовныхъ похиженіяхъ, которыхъ Шедель не чуждъ былъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Онъ жилъ въ качествѣ уважаемаго врача въ Аугсбургѣ, постоянно собирая книги, въ особенності сочиненія классиковъ. Потомъ Шедель былъ физикомъ въ Нюренбергѣ, умеръ тамъ 4 декабря 1485 г. и похороненъ въ церкви св. Зебальда.

¹⁾ Въ письмѣ къ Герману Шеделю онъ говоритъ: *Restant namque quae nactus sum in arte humanitatis nonnulla ala nobilissima, plurimis tamen ignota opuscula.*

²⁾ Подробности о немъ см. у G. Voigt Laurentius Blumenau, *Geschäftsträger und Geschichtschreiber des deutschen Ritterordens*—въ *Preussische Provincialblätter*. Folge Bd. IV s. 242 ff. и *Scriptores rerum Pruscarum* Bd. IV Leipz. 1870 p. 35 ff.

Племянникъ его Гартманъ Шедель ¹⁾ родился 13 февраля 1844 г., и 16-ти лѣтнимъ юношею поступилъ въ лейпцигскій университетъ, желая подготовиться къ изученію правъ. Онъ получилъ степени бакалавра и магистра искусствъ, но его сильнѣе привлекали гуманитарныя науки. Онъ принадлежалъ къ студенческому кружку Генриха Штеркера и къ числу трудолюбивыхъ учениковъ Людера. Потомъ въ началѣ 1463 г. юноша оставилъ законы и каноническое право и, подобно своему дядѣ, отправился въ Падую. Тамъ Шедель хотѣлъ изучать медицину и исполнѣ удовлетворить своей любви къ гуманистическимъ наукамъ. Этому не мало содѣйствовали его частыя поѣздки въ Венецію. Онъ, правда, не чувствовалъ въ себѣ призванія быть поэтомъ или стилистомъ, никогда также не былъ невѣрующимъ насмѣшникомъ. Онъ выбралъ вполне опредѣленное направленіе для своихъ наклонностей, указанное ему, быть можетъ, страстью его дяди. Шедель былъ неутомимымъ собирателемъ. Со времени своего студенчества въ Лейпцигѣ онъ писалъ безчисленное множество писемъ, стиховъ и небольшихъ сочиненій, какія только могъ достать, часто переписывалъ одно и то же по нѣскольку разъ. Его не такъ сильно привлекали древніе классики, хотя онъ списывалъ также сочиненія Цицерона и стихи Овидія. Шеделю больше нравились произведенія новѣйшихъ гуманистовъ, модная литература того времени, стихи, эпиграммы, письма и трактаты. всего больше читавшіяся сочиненія Поджіо, Гварино, Пикколомини и т. п. Такимъ образомъ онъ сохранилъ для насъ часть большаго дневника Чиріако анконскаго, который иначе могъ совсѣмъ утратиться. Это памятники и надписи, собранные послѣднимъ на цикладскихъ островахъ. Вообще Гартманъ любилъ собирать надписи. Пока онъ занимался медициною въ Падуѣ, онъ написалъ для себя изрядное количество томовъ, составляющихъ въ настоящее время особаго рода сокровище въ мюнхенской придворной библіотекѣ.

На дѣятельности Никласа фонъ Вейль весьма замѣтно отражается прямое вліяніе Пикколомини. Онъ родился въ аргаускомъ городѣ Бремгартенѣ и сначала былъ школьнымъ учителемъ въ Цюрихѣ, а потомъ мы встрѣчаемъ его въ 1445 г. писцомъ совѣта въ Нюренбергѣ, а съ 1449—городскимъ писцомъ въ Эслингенѣ. Но помимо этого и здѣсь, какъ и въ Нюренбергѣ, онъ продолжалъ свою педагогическую дѣятельность. Вейль училъ молодыхъ людей, жившихъ у

¹⁾ Wattenbach Hartmann Schädel als Humanist—въ Forschungen zur deutschen Geschichte Bd. XI s. 351 ff. Здѣсь говорится и о дядѣ Гартманѣ, слѣдуя матрикулѣ, былъ внесенъ въ списокъ въ зимній семестръ 1455—56, лѣтомъ 1456 былъ сдѣланъ бакалавромъ; а зимою 1459—60 магистромъ *hit Centralblatt 1869 s. 1285.* Оттиски его историческихъ трудовъ у Potthast Biblioth. hist. s. v. Schedel.

него, латинскому языку, также преподавалъ имъ высшій курсъ реторики, «искусство хорошо выражаться и сочинять стихи». Сверхъ того онъ былъ живописецъ. Когда ему стало тяжело жить въ Эсслингенѣ, то въ 1470 г. онъ ноступилъ канцлеромъ на службу къ графу виртембергскому Ульриху и умеръ около 1479 г. Еще въ Нюренбергѣ познакомился онъ съ сочиненіями Пикколомини и съ тѣми, которыя послѣдній распространилъ въ Германіи, именно съ сочиненіями Петрарки, съ новеллою Боккачіо о Гискардо и Гисмондо, переведенною Бруни на латинскій языкъ, и съ нѣкоторыми соблазнительными письмами Поджіо. Вейль объяснялъ подобныя сочиненія своимъ питомцамъ, потому что они были «увлекательны и забавны», и, разумѣется, всего имъ больше нравились любовныя повѣсти. Въ то время, да еще и потомъ долго весьма наивно смотрѣли на средство—сдѣлать латынь пріятною для учениковъ: иногда и нескромныя сочиненія Кароха служили пособіемъ къ изученію латинскаго языка.

Пиколомини былъ уже епископомъ сѣнскимъ, когда эсслингенскій городской писецъ отважился познакомиться съ нимъ и даже предложить ему свою дружбу. Пиколомини благосклонно принялъ это предложеніе и поощрялъ его распространять краснорѣчіе въ Германіи, какъ прежде побуждалъ къ тому же Григорія Геймбурга. Дружбу эту скрѣпяла картина Вейля, изображавшая св. Христофора ¹⁾. Не будучи плодовитымъ писателемъ, онъ инымъ способомъ выразилъ свое уваженіе къ «весьма ученымъ поэтамъ» и свое сердечное влеченіе. Начиная съ 1462 г. Вейль перевелъ множество сочиненій, нѣкогда увеселявшихъ учениковъ, на нѣмецкій языкъ и поднесъ ихъ въ даръ государямъ, государынямъ и другимъ высокимъ особамъ. Онъ только былъ въ недоумѣніи, что дѣлать съ самыми нескромными, напр. съ извѣстною новеллою Пиколомини Эвріаль и Лукреція. Но онъ нашелъ рѣшеніе вопроса у самого автора, который ободрилъ переводчика: если глубоко ученый Эней, взошедшій теперь на папскій престолъ, написалъ эту повѣсть по латыни, то для городского писца вовсе не неприлично передать ее на нѣмецкій языкъ. Онъ же въ послѣдствіи приготовилъ и первое печатное изданіе всѣхъ писемъ Энея Сильвія ²⁾.

Знаменитыя школы явились въ Германіи только тогда, когда были въ разныхъ мѣстахъ проложены пути нѣкоторыми дѣятелями. Упо-

1) Письмо Энея къ Никласу отъ 1452 г. и отъ 3 февраля 1454 г

2) Переводы Николая фонъ Вейль являлись сначала отдѣльными выпусками, а съ 1478 г. полнымъ собраніемъ нѣсколько разъ, напоследокъ помѣщены Ад. фонъ Каллеромъ въ библиотекѣ литер. кружка въ Штутгартѣ томъ 57, Штутг. 1861. *Stälin Wirttembergische Geschichte Th. III s. 763 G. Voigt Enea Sylvio de' Piccolomini Bd. II s. 355.*

мянемъ здѣсь только о первыхъ заведеніяхъ, пользовавшихся впоследствии широкою извѣстностью. Это шлеттштадтская школа, находившаяся подъ руководствомъ Людвига фонъ Дрингенберга, какъ его обыкновенно называютъ по мѣсту его рожденія, недалеко отъ Падербона. Его едвали можно отнести къ гуманистамъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово принималось въ Италіи. Онъ вышелъ изъ школы братьевъ сторонниковъ общенія жизни и потомъ учился въ Гейдельбергѣ, но по крайней бѣдности не могъ отправиться въ Италію, чтобы посѣтить тамошніе университеты. Къ поэтамъ онъ не желалъ себя причислять, и мы не удивляемся, что онъ не особенно сочувствовалъ произведеніямъ поэтовъ, такъ какъ ихъ вымыслы отвлекали умъ отъ священныхъ предметовъ ¹⁾. Такимъ образомъ и школу въ Шлеттштадтѣ, въ которую пригласилъ его городской совѣтъ около 1450 г., онъ велъ въ духѣ Иерониміанъ, утверждая питомцевъ въ нравственности и религіи. Тамъ учили болѣе чистой и изящной латыни, и въ этомъ отношеніи школа была пропитана духомъ итальянскаго гуманизма ²⁾. Въ то время нѣмецкій школьный учитель по своей скромности далеко не славился такъ, какъ итальянскій, но ему предстояла другая, по истинѣ не менѣ блестящая будущность.

Нужно признаться, что до того времени нѣмецкій гуманизмъ совѣмъ не могъ похвалиться великими именами, почетнымъ положеніемъ и выдающимися литературными произведеніями. Уже это одно достаточно объясняетъ, почему итальянцы ничего не знали о его зарожденіи. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство. Народы составляютъ себѣ своеобразныя представленія другъ о другѣ, связанныя съ предубѣжденіями, отъ которыхъ трудно отрѣшиться и которыя искореняются медленно, вѣками. Неблагопріятныя взгляды, постоянно преобладающіе, укореняются всего сильнѣе. Итальянецъ видѣлъ въ нѣмцѣ постоянно лишь грубую первобытную силу, невѣжественнаго варвара. Это сознаніе умственнаго превосходства, конечно, усиливалось съ тѣхъ поръ, какъ изученіе классической древности дало новый сильный толчокъ итальянской образованности. Изученіе это являлось какъ бы національнымъ достояніемъ, котораго не въ силахъ оцѣнить германецъ. Со времени Петрарки вошло въ моду относиться къ послѣднему съ презрѣніемъ. Великій человѣкъ былъ изумленъ, когда въ Кельнѣ, «въ странѣ варваровъ» нашелъ благоустроенный городъ, отличный порядокъ, почтенныхъ мужчинъ и красивыхъ и опрятныхъ женщинъ ³⁾. Но когда онъ упоминаетъ объ этомъ городѣ даже мимоходомъ, то не можетъ не упрекнуть рѣзко гражданъ

1) Wattenbach Sig. Gossembrot l. c. s. 58.

2) Stüver Die Schule zu Schlettstadt 1450--1560. Leipzig 1880.

3) Epist. rer famil. I, 4.

его въ томъ, что они не заботятся о поэзіи, а только о деньгахъ, о снѣ, о желудкѣ и о горлѣ ¹⁾). Петрарка не сдержалъ своей досады, когда Заноби да Страда въ Пизѣ приняли лавровый вѣнокъ изъ рукъ Карла IV: варварскіе лавры украсили питомца авзонской музы, нѣмецкій рыцарь осмѣлился произнести сужденіе о нашихъ талантахъ! ²⁾). Съ тѣхъ поръ гуманисты, которыхъ судьба заносила въ Германію, съ особеннымъ удовольствіемъ острили и издѣвались надъ варварами. Даже Бруни, человѣкъ серьезный и скупой на слова, становился веселъ и разговорчивъ, когда рассказывалъ что нибудь о Германіи, гдѣ былъ во время констанцскаго собора ³⁾). Какой богатый матеріалъ находилъ здѣсь Поджіо для своихъ остротъ! Какъ только онъ вспоминалъ о томъ времени, когда искалъ старинныхъ рукописей на нѣмецкой землѣ, онъ не забывалъ поглумиться надъ нѣмцами за тѣ сожровища, какія увезъ изъ ихъ монастырей. «Нѣмцы, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ кардиналу Чезарини ⁴⁾), нѣкогда были воинственнымъ народомъ, а теперь они отличаются только по части ѣды и питья и способны къ дѣламъ лишь смотря по тому, сколько выпили вина». Позорное бѣгство ихъ отъ гусситовъ при Тауссѣ онъ въ шутку объясняетъ тѣмъ, что кардиналъ-легатъ мало далъ вина своимъ воинамъ, надѣясь побѣдить съ трезвыми нѣмцами. — «И это люди!» вскричалъ онъ въ другой разъ. «Милосердые боги! Это пьяныя, тупыя, сонныя созданія, которыя никогда не бываютъ трезвыми, ненавистныя Богу и людямъ! Живы они или умерли, разобрать нельзя, когда они лежать упившись виномъ» ⁵⁾).

Пока Пикколомини былъ второстепеннымъ секретаремъ, ему часто приходилось сдерживать свое озлобленіе противъ нѣмцевъ, или выражать его лишь въ письмахъ къ итальянскимъ друзьямъ. Потому Германіи и ея императору онъ былъ обязанъ своею епископскою кафедрою и саномъ кардинала и вообще своимъ возвышеніемъ. Далѣе — такъ какъ онъ велъ постоянную борьбу съ церковными стремленіями нѣмецкихъ князей и прелатовъ, то по неволѣ долженъ былъ осто-

1) Epist. metr. II, 11: . . . Quid inepta Colonia tantis
Una nocet titulis, cui grasia nummi.
Ventreis amor studiumque gulae somnurque quiesque
Esse solet potior sacrae quam cura poesis.

2) Praefat. in libros Invectivarum c. medicum quandam (Opp. p. 1199): Ante alios caenobius (Zanobius) noster, vir doctus et quem Ausoniis armatum Mustis, barbarica nuper laurus ornavit, deque nostris ingeniis, mirum dictu, index censorque Germanicus ferre sententiam non expavit.

3) Vespasiano Lionardo d'Arezzo § 10.

4) Epist. IV, 24 ed. Tonelli.

5) Invectiva in Felicem Antipapam (Opp. p. 183). Vespasiano Poggio § 3.

рожно обращаться съ нацією во всѣхъ отношеніяхъ. Не смотря на это, какъ скоро онъ могъ оставить роль дипломата, то являлся такимъ-же надменнымъ итальянцемъ, какъ Поджіо и Бруни.

Но самаго ожесточеннаго хулителя нашли нѣмцы въ лицѣ веселаго Джіантонио Кампано, который началъ свое поприще придворнымъ поэтомъ папы Пія II. Однажды его послали (1471 г.) на имперскій сеймъ въ Регенбургъ, чтобы онъ силою своего краснорѣчія воодушевилъ нѣмцевъ къ войнѣ съ турками. Порученіе это не удалось; онъ мерзъ въ холодной странѣ и терпѣлъ большую скуку, потому что и, самъ никого не понималъ, и его не понимали. За то онъ выместилъ свою злобу въ письмахъ и стихахъ ругательствами на нѣмецкій народъ, который внушилъ даже Поджіо уваженіе къ своимъ талантамъ. «Вся страна, говоритъ онъ, представляетъ собою чистый разбойничій вертепъ, и самый знатный представитель дворянства—отъявленный разбойникъ. Жизнь и пьянство тамъ—одно и тоже. Невѣжество невѣроятное: поклонники науки крайне рѣдки, поклонниковъ изящнаго нѣтъ; гуманитарныхъ наукъ эти люди не въ состояніи понять. У этихъ варваровъ музы не обитаютъ». Это всѣхъ отдастъ какимъ то неприятнымъ запахомъ, по его словамъ; ему дѣлается дурно, когда онъ слышитъ даже имя Германіи ¹⁾. Поэтому мы не удивляемся тому, что нѣмцы съ своей стороны мало оказывали уваженія къ итальянскимъ ученымъ, пріѣзжавшимъ къ нимъ. Послѣдніе вообще являлись въ качествѣ нунціевъ или продавцевъ индульгенцій. Такъ ученый докторъ богословія, Мартино де Фреджено, проповѣдывавшій отпущеніе грѣховъ за участіе въ походѣ противъ турокъ въ 1464 г. въ сѣверной Германіи, Даніи и Скандинавіи, былъ уличенъ въ томъ, что всюду проникалъ въ бібліотеки подъ предлогомъ занятія науками и потомъ безстыдно обкрадывалъ ихъ. Но въ Любекѣ похищенныя имъ

¹⁾ Jo. Ant. Campani Epistolae et Poemata rec. Jo. Burch. Menckenius Lipsiae 1707. cf. epist. VI, 1. 2. 6. IX, 45 et al. Издатель писемъ р. 554 прибавилъ *Declamatio de Campani odio in Germanos* и собралъ самыя сильныя мѣста. О настроеніи поэта могутъ дать понятіе слѣдующіе стихи (*Carm.* VIII, 1), написанные имъ послѣ своего возвращенія изъ Германіи:

Accipe Campani, sterilis Germania, terga,
Accipe nudatas, Barbara terra, nates!
Ille dies, iterum qui te mihi forte videndum
Offeret, extremus sit mihi et ille dies.

T. e. «Къ тебѣ, бесплодная Германія, варварская страна, поворачивается спиною Кампанъ!... Да будетъ тотъ день, въ который мнѣ случайно придется увидать тебя, послѣднимъ днемъ моей жизни!»

нниги задержали силою, несмотря на его угрозы и ругательства. Авторъ одной хроники говорить, что его слѣдовало бы сжечь ¹⁾).

Но народы нуждаются другъ въ другѣ, питаютъ ли они взаимную любовь или ненависть. Высшая сила направляетъ ихъ общенія и столкновенія къ высшей цѣли, которую они, можетъ быть, поймутъ лишь по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ. Итальянскія любовь къ книгамъ и нѣмецкая страсть къ приобрѣтенію вскорѣ должны были вступить въ союзъ между собою, плодомъ котораго было ни болѣе ни менѣе, какъ общее образованіе всѣхъ народовъ и созданіе всемірной литературы.

Италія послала одного изъ своихъ гуманистовъ, Пивколомини, въ качествѣ миссіонера къ нѣмецкимъ варварамъ. За то Германія послала въ Италію двухъ хорошихъ мастеровъ, Конрада Швейнгейма и Арнольда Паннартца, устроившихъ въ Субіако первую типографію. Эней Сильвій написалъ начатки латинской грамматики для сына одного нѣмецкаго князя. А тѣ два нѣмца выпустили въ свѣтъ грамматику Доната. Это была первая печатная книга, какая только явилась въ Италіи. Эней Сильвій предостерегалъ тирольскаго герцога Сигизмунда противъ произведеній туманной схоластики. «Если ты хочешь размышлять о религіи и о спасеніи твоей души, писалъ онъ ему 5 декабря 1443 г., то читай сочиненія блаженнаго Иеронима, блаженнаго Августина, Амвросія и Лактанція—однимъ словомъ хорошихъ стилистовъ. Названные нами нѣмцы напечатали въ 1465 г., вслѣдъ за Донатомъ, сочиненія Лактанція и книгу блаженнаго Августина о градѣ Божіемъ. Эней Сильвій посвятилъ свою реторику архіепископу трирскому, маркграфу баденскому, и держалъ къ нѣмцамъ рѣчи въ духѣ Цицерона. Швейнгеймъ и Паннартцъ напечатали сочиненіе Цицерона Объ ораторѣ. Когда они перенесли свою дѣятельность изъ Субіако въ Римъ, то первую книгою, напечатанною въ вѣчномъ городѣ, были дружескія письма Цицерона, подобно тому какъ Эней Сильвій въ Вѣнѣ впервые проложилъ путь своими письмами къ подобной литературной дѣятельности. Итальянскіе гуманисты первые возвратили къ живни достопочтенныхъ писателей древности, а нѣмецкое изобрѣтеніе спасло ихъ отъ опасности вновь погибнуть и распространило ихъ произведенія по всему образованному міру. Первые могли хвалиться тѣмъ, что разсѣяли тьму варварства, озаривши ее яркимъ свѣтомъ древности, а книгопечатаніе навсегда сдѣлало возвратъ этого

¹⁾ Хроника францисканца учителя Детмара, изданная Грауцфельзъ Th. II s. 283. 300. Kantsow Pomerania her. v. Kosogarten Bd. II. s. 198: «Поэтому люди онъ ни являлся, всюду ходилъ онъ въ бібліотеки, будто хочетъ заниматься, и что находилъ хорошаго, то присвоивалъ себѣ, или вырѣзалъ изъ книгъ и пряталъ подъ плащемъ и такъ уѣзжалъ, а такъ какъ его не подозрѣвали, какъ нѣмецкаго легата, въ таковыя воровствѣ, то онъ сирывался прежде, чѣмъ его обнаруживали».

варварства немислимымъ. Первые довели до цвѣтущаго состоянія искусство слова, а книгопечатаніе окрило это слово, сдѣлало его вѣковѣчнымъ и возвело на степень первой міровой силы, владычество которой безпредѣльно и безконечно.

Въ старости Пикколомини находилъ, что человѣчество глубоко развращено и спѣшить навлечь на себя грозный гнѣвъ Божій. Въ лицѣ турокъ онъ думалъ видѣть карающую десницу Господа, Который наплетъ этотъ бичъ народовъ на культурныя страны, какъ нѣкогда наслалъ гунновъ и вандаловъ. Образование Италіи, пріобрѣтенное съ такимъ трудомъ, и даже самъ Аристотель, на его взглядъ, не обезпечены отъ гибели. «Несправедливо говорить нѣкоторые, будто памятники наукъ не погибаютъ. И для нихъ есть своего рода смерть, хотя нѣкоторые живутъ дольше другихъ. Время все уносить съ собою, и нѣтъ ни одного произведенія рукъ человѣческихъ, которое бы со временемъ не исчезло ¹⁾». Такъ судилъ папа-пессимистъ, который основывалъ свои притязанія на славу въ потомствѣ столько же на произведеніяхъ своего пера, сколько на личныхъ качествахъ и дѣлахъ. Онъ не замѣтилъ, что приближается сильный переворотъ въ наукѣ и что уже явилось то искусство, которое вмѣстѣ съ сочиненіями Аристотеля сохранить и собственныя произведенія Пія II. Однако какъ охранитель вѣры, онъ видѣлъ, какъ энергично человѣческая мысль подрывала основы той вѣры, на которыя опиралась его церковь. «Писательству, говоритъ онъ въ духѣ будущей инквизиціи, теперь конца нѣтъ, и умы многихъ совратились: они приняли ложныя догматы. Поэтому разумно поступаютъ тѣ люди, которые жгутъ осужденныя книги и не вѣсть позволяютъ писать ²⁾». О, если бы онъ зналъ то страшное оружіе, которымъ владѣли чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти люди свободныхъ возврѣній ³⁾!

1) Pius II Asia cap. 71.

2) Asia I. c.

3) Первый итальянецъ, выразившій свое мнѣніе о новомъ искусствѣ, былъ Л. Б. Альберти. Онъ говоритъ объ этомъ въ сочиненіи *La cifra* (*Opusc. morali trad. Bartoli* p. 200). Онъ разсказываетъ, что, гуляя въ садахъ папскаго бельведера съ протокамеріемъ Леонардо Дати, хвалилъ *grandemente quel Tedesco*, который изобрѣлъ книгопечатаніе. Благодаря последнему во 100 дней можно приготовить больше 200 книгъ при помощи всего трехъ человѣкъ. Затѣмъ слѣдуетъ Gaspar Veronensis (ар. *Muratorii Scriptt.* T. III P. II p. 1046): *fuit magna ingenii inventio*, говоритъ онъ при извѣстіи о напечатанныхъ книгахъ. Нѣкоторое отвращеніе къ измеченному изобрѣтенію выражаетъ Aug. Politianus *Epistt. Antverp.* 1567 p. 127. Изъ старшаго поколѣнія гуманистовъ только одинъ Филельфо видѣлъ свои сочиненія напечатанными. Онъ назвалъ новую работу красивою и плодотворною, *admiror plurimum*. См. его письма къ епископу алерійскому отъ 17 мая и 9 августа 1470 года. Дѣло шло объ его переводѣ Киропедіи и объ его письмахъ. См. *Indugini s. libreria Viscont. Sforz. Appendice alle Parte I* p. 8. Но письма были напечатаны уже черезъ четыре года послѣ смерти Филельфо.

Бросимъ еще разъ взглядъ на Германію. Только къ концу вѣка здѣсь показались обильные всходы гуманизма, не смотря на презрительное недовѣріе въ итальянцамъ и оппозицію людей въ родѣ Геймбурга. Нуженъ былъ только первый толчокъ изъ Италіи, а потомъ развитіе пошло инымъ, самобытнымъ путемъ. Печатные экземпляры классиковъ избавили юнаго нѣмецкаго гуманиста отъ тяжелаго труда переписки, сличенія рукописей, дороговизны книгъ, — однимъ словомъ отъ многихъ затрудненій, вслѣдствіе которыхъ занятіе наукою для итальянскихъ гуманистовъ стоило такого труда и усилій и вмѣстѣ съ тѣмъ было столь привлекательно. Составить бібліотеку стоило уже теперь не особенно дорого и не требовало трудовъ цѣлой жизни. Легкая возможность доставать книги давала способы обходиться безъ учителя. Кто усвоилъ себѣ элементы обоихъ классическихъ языковъ, тотъ шелъ дальше самъ, даже при неблагоприятныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, не было нужды обращаться къ итальянскимъ наставникамъ или посѣщать какой-либо итальянскій университетъ. Сами древніе были лучшими и самыми дешевыми наставниками какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи.

Императоръ Максимилианъ былъ первый нѣмецкій государь, въ образованіи котораго замѣтно вліяніе древности, особенно по его живому интересу къ исторіи и космографіи ¹⁾. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ не осталось безслѣднымъ двѣнадцатилѣтнее пребываніе Энея Сильвія при дворѣ императора. Намъ сообщаютъ, что Іоганнъ Гиндербахъ, когда зашла рѣчь о воспитаніи юнаго Максимилиана, указалъ императрицѣ Леонорѣ на книгу о воспитаніи государей, написанную Пикколомини для молодаго Владислава, короля венгерскаго ²⁾. Но мы не замѣчаемъ вліянія итальянской образованности у ученыхъ и эпистолографовъ эльзасскаго кружка, у Петра Шотта, Іоганна Гейлера изъ Кайзерсберга, у Якова Вимпфлинга или у нюренбергцевъ. Они уже являются самобытными дѣятелями, т. е. самостоятельно изучаютъ древность. Проходитъ еще одно поколѣніе, и передъ нами являются личности, слава которыхъ уже не затмѣвается славою итальянскихъ гуманистовъ, именно: Рудольфъ Агрикола, Іоганнъ Рейхлингъ и Конрадъ Цельтесъ. Нѣмецкій гуманизмъ имѣетъ много общаго съ итальянскимъ, но они расходятся въ одномъ отношеніи: плодомъ изученія классической древности въ Италіи былъ релігиозный индифферентизмъ, даже затаенная борьба невѣрія съ вѣрою и церковью, напротивъ въ Германіи это изученіе вызвало новую дѣятельность на почвѣ богословія и жизни церковной. Оппозиція про-

¹⁾ Космографіею авторъ называетъ землевѣдѣніе въ самомъ обширномъ смыслѣ; это собственно—міровѣдѣніе.

Прим. переводчика.

²⁾ Приписка Гендельбаха въ письмѣ императрицѣ, съ которымъ онъ поднесъ упомянутый трактатъ, отъ 14 мая 1466 г., въ Cod. ms. 3498 вѣнской придворной бібліотеки.

тивъ власти римскихъ папъ и религіозности формальной составляла существенный, если не самый глубокий моментъ нѣмецкаго гуманизма ¹⁾).

Въ Венгріи прелаты образовали также звено, соединявшее тамошнее населеніе съ Италіею. Университетовъ въ первой странѣ не было потому, что кто могъ, тотъ охотнѣе отправлялся въ Кельнъ, Лейпцигъ, Прагу и Вѣну, даже во Францію и Англію; съ давняго времени венгры занимались науками всего охотнѣе въ Италиі. Оба народа, и венгры, и итальянцы, чувствовали какъ бы взаимное тяготѣніе, хотя не легко было указать связующія начала. Быть можетъ, причина та, что они довольно далеко были одинъ отъ другаго какъ въ географическомъ, такъ и политическомъ отношеніи, такъ что легко избѣгали столкновеній. А между тѣмъ венгры всегда взирали съ благоговѣніемъ на гробы верховныхъ Апостоловъ и вообще на ту страну, въ которой нѣкогда роднымъ языкомъ былъ латинскій. Это былъ ихъ офиціальный языкъ, употреблявшійся и на сеймахъ. Итальянецъ съ своей стороны возлагалъ большія надежды на восточныхъ единовѣрцевъ на случай борьбы съ полумѣсяцемъ и греческими еретиками. Именно въ вѣкъ гуманизма турки постоянно угрожали Италиі. Почти каждый годъ венгерскіе послы отправлялись въ Римъ, а римскіе жили постоянно въ Венгріи. Такимъ образомъ итальянское образованіе находило легкій доступъ въ эту страну.

Первое вліяніе, какое мы можемъ прослѣдить, и тутъ шло отъ Пикколомини. Онъ написалъ трактатъ о воспитаніи государей для молодого Владислава, короля венгерскаго и чешскаго, или, такъ какъ ему было всего еще десять лѣтъ, то собственно для его воспитателя Каспара Венделя. Въ немъ авторъ говоритъ, что мальчикъ, готовящійся къ власти, долженъ получить латинское образованіе, какимъ обладали напр. король Неаполитанскій Альфонсъ или маркграфъ Ліонелло д'Эсте. ²⁾ И дѣйствительно, по видимому, воспитаніе принца было начато въ этомъ направленіи. Когда Владиславу было 15 лѣтъ, то онъ обратился къ королю Альфонсу и герцогу моденскому Борзо съ просьбою прислать ему книгъ, въ которыхъ бы изящнымъ слогомъ изображались подвиги древнихъ римлянъ или государей, достойныхъ подражанія ³⁾. Плодовъ подобныя занятія не прифесли, конечно, потому, что Владиславъ рано умеръ.

¹⁾ О позднѣйшей исторіи нѣмецкаго гуманизма есть извѣстія у Мейнерса въ *Schenkschreibungen der Männer n. s. w.* 3 Bdl. Zürich 1795—97 у Г. А. Erhard, *Geschichte des Wiederaufblühens wissenschaftlichen Bildung vornehmlich in Teutschland bis zum Anfange der Reformation* c. 3 Bde. Magdeburg 1827—32, а самое лучшее—Hagen, *Deutschlands literat. und religiöse Verbindung im Reformationszeitalter*. 3 Bde. Elangen 1841—44.

²⁾ *Tractatus de liberarum educatione* февраля 1450 (Opp. Bafil. 1551 p. 965 seq.).

³⁾ Его посланіе отъ 2 августа 1454 г. въ *Analecta* ed. Abel p. 156. 157.

И великій Іоаннъ Гуніади, правитель королевства, находился подъ вліяніемъ ново-латинскаго образованія. Какъ ни сильно занятъ онъ былъ государственными дѣлами и войною, однако находилъ время читать любимыя сочиненія Поджіо, и флорентинцу было очень пріятно писать изящныя письма къ славному защитнику вѣры и посылать свои новыя произведенія. Онъ даже самъ вызвался сообщить потомству объ его подвигахъ, если правитель доставитъ ему матеріалъ нужный для этого труда ¹⁾).

Діонисъ Чешскій, 24 года занимавшій архіепископскую кафедру въ Гранѣ, былъ потомъ возведенъ въ санъ кардинала и вѣнчалъ трехъ королей венгерскихъ. Онъ нѣкогда (около 1426 г.) окончилъ свое образованіе въ Падуѣ ²⁾. Это былъ прежде всего ученый знатокъ правъ, но въ то же время другъ итальянцевъ и ихъ обычаевъ. Но нельзя указать его близкихъ отношеній къ гуманизму.

Истиннымъ основателемъ классической образованности въ Венгріи былъ Іоаннъ Витецъ изъ Зредны, человекъ необыкновенно энергичный и многосторонній. Онъ съ юности былъ знакомъ съ писательствомъ и политическими дѣлами, всѣмъ былъ обязанъ самому себѣ и свою неусыпную дѣятельность увѣнчалъ притомъ ревностью, съ которою старался возбуждать другихъ. Хотя онъ былъ бѣденъ, однако тоже изучилъ въ Италіи не только философію и богословіе, подготавлиаясь къ духовному званію, но и гуманистическія науки, даже въ большей мѣрѣ. Витецъ былъ секретаремъ Іоанна Гуніади, потомъ епископомъ гроссвардейскимъ и завѣдывалъ канцелярією при королѣ Матвѣѣ. Онъ сохранилъ должность канцлера и тогда, когда въ 1464 г. сдѣлался преемникомъ Чешши въ санѣ архіепископа гранскаго, а въ 1471 г. возведенъ въ кардиналы. Стоитъ только почитать его официальные бумаги и письма, чтобы убѣдиться что образцомъ для него служила флорентинская канцелярія. Рѣчи о войнѣ съ турками, которыя онъ говорилъ на нейштадскомъ сеймѣ въ 1455 г., конечно, не отличаются блестящимъ краснорѣчіемъ, но немногимъ уступаютъ рѣчамъ Пикколомини. Канцлеръ былъ одинаково хорошо знакомъ какъ съ итальянскими государствами, такъ и съ тамошними литературными знаменитостями и со стороны послѣднихъ пользовался большимъ уваженіемъ. Тѣмъ болѣе, что часто дарилъ имъ лошадей, дорогіе мѣха и т. п. Съ Флоренцією Витецъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ; тамъ онъ заказывалъ копии исправленныхъ классиковъ, также переводовъ съ греческаго языка и сочиненій гуманистовъ. Любимою мечтою его

¹⁾ Письма Поджіо къ нему отъ 1448 г. напечатаны также въ *Analecta* ed. Abel p. 158.

²⁾ *Schmith Archiepiscopi Strigona*. T.I p. 251.

было основаніе университета въ Венгріи, который былъ бы въ то же время великимъ національнымъ учрежденіемъ, соединяющимъ въ себѣ всё отрасли научнаго и художческаго образованія, какия только процвѣтали въ Италиі. Онъ внушилъ королю Матвѣю мысль о всѣхъ тѣхъ предприятияхъ, которыя прославили этого государя какъ мецената. Витецъ показывалъ королю примѣры и въ любви къ итальянскимъ ученымъ, поэтамъ, архитекторамъ, живописцамъ, ваятелямъ и рѣзчикамъ по дереву. Молодые люди, пристрастившіеся къ гуманистическимъ наукамъ, собирались вокругъ него и называли его своимъ общимъ отцомъ. Ученые и поэты, которымъ судьба не благопріятствовала, находили у него радушный пріемъ, какъ напр. старый Пьеръ Паоло Верджеріо, кипрскій грекъ Филиппъ Подокатеръ, полякъ Григорій Санокъ и Галеотто Марціо изъ Нарни ¹⁾. Еще когда Витецъ былъ епископомъ вардейскимъ, Пикколомини, въ то время епископъ сіэнскій, посвятилъ ему свою исторію регенбургскаго сейма 1454 г. ²⁾. Итальянцы находили возможность посѣщать его и изъ своего далека. Аргиропуло подарилъ ему свой переводъ сочиненія Аристотеля о небѣ, Георгій Трапезувтскій, еще раньше получавшій отъ него подарки, — переводъ одного сочиненія св. Василія ³⁾. Эти сокровища онъ присоединялъ къ роскошнымъ томамъ своей бібліотеки, содержавшей лучшія произведенія по всѣмъ наукамъ ⁴⁾.

Въ числѣ юношей, которыхъ Витецъ послалъ на свой счетъ въ Италію изучать на классической почвѣ лучшую науку, болѣе чистую латынь и греческій языкъ, былъ и его племянникъ Іоаннъ Чез-

¹⁾ Philippus Callimachus въ *Analecta* ed. Abel p. 162. Марціо говоритъ ему въ посвященіи своего сочиненія *De homine: tibi studiosi ob munificentiam debent multum. — Maiora enim iudicii tui acumen, quam munificentiae vis ipsa contribuit. A въ самомъ сочиненіи: Qui tempore nostra musas ex toto orbe fugatas ad se revocavit, Hungariamque novum thesaurum domicilium constituit, unde factum est, ut, qui dispersi fuerant docti, ad ipsum tanquam ad litterarum parentem turmatim confluerint. Analecta p. 172. 174.*

²⁾ Издано Mansi въ *Appendix ad Pii II Orationes* P. III, Lucae 1759 p. 1 seq.

³⁾ *Praefationes* въ *Analecta* ed. Abel p. 170. 175.

⁴⁾ Онъ умеръ 11 августа въ немолодости у короля. Изъ его официальныхъ писемъ, писанныхъ отъ имени правителя Іоанна и короля Матвѣя, весьма многія напечатаны у *Schwandtner Script. rer. Hungar. T. II Vindob. 1746 p. 17 seq.* и у *Prag. Annal. reg. Hungar.* и ихъ можно узнать по благородству слога, если нѣтъ подписи канцлера. Также *Johannis Vitez de Zredna episcopi Varadiensis in Hungaria Orationes in causa expeditionis contra Turcas habitae, item Aeneae Silvii Epistolae ad ludem efaratae 1453—1457. Ed. Franko's. Budapestini 1878. Ср. G. Voigt Aeneae Sylvio Bd. II s. 142. 147. Frankoi heben des Vitez, первый томъ которой вышелъ въ 1880 г. на венгерскомъ языкѣ, была именно по этому недоступна для меня. Кромѣ того см. *Aeneae Sylvii epist. Nicolao Hungaro regis Zaditlai secretario* отъ 17 апрѣля 1453 г. въ *Cod. ms. 3389 вѣнской придвор. библ. fol 106. Ero Comment. in Anton. Panorm. III, 8; Eugora cap. 2 Vespasiano Arcivescovo di Strigonia. O бібліотекѣ и объ ученыхъ бесѣдахъ происходившихъ въ ней, говоритъ также Николай фонъ Молрусъ *Analecta* p. 167.**

и ч е—такъ называлась та деревня, въ которой онъ родился 29 августа 1434 г., недалеко отъ впаденія Дравы въ Дунай. Онъ сталъ болѣе извѣстенъ подъ своимъ литературнымъ именемъ—Янъ Паннонскій. Въ тотъ вѣкъ это былъ самый остроумный поэтъ Венгріи, писавшій на латинскомъ языкѣ ¹⁾. Такъ какъ его родители были бѣдны и притомъ отецъ рано умеръ, то въ немъ принялъ участіе дядя, епископъ вардейскій; самому ему помогли достигъ высокихъ степеней лишь трудолюбіе и наука. Онъ послалъ 13-ти лѣтняго мальчика въ школу къ Гварино Веронскому. Тамъ юный Янъ принадлежалъ къ числу самыхъ способныхъ и прилежныхъ учениковъ. Баттиста Гварино, его товарищъ по школѣ, нѣсколько лѣтъ прожившій съ нимъ въ одной комнаткѣ, рассказываетъ про его молодость, что утромъ его часто заставляли за книгами. За ними онъ забывалъ о пищѣ и питьѣ, а прочитавши разъ стихи совершенно новаго поэта, могъ сказать наизусть, былъ въ состояніи, сочинивши нѣсколько сотъ стиховъ, удержать въ памяти, а потомъ записать, или не запинаясь продиктовать стихотвореніе на заданную тему. Греческому языку онъ выучился въ годъ настолько, что могъ латинскій переводъ обратно передать по гречески. Уже по этимъ немногимъ чертамъ мы видимъ, какъ рано созрѣли таланты Яна, вскорѣ достигшіе своего высшаго развитія; но дальше этого онъ не пошелъ. Онъ былъ хорошимъ поэтомъ еще въ школѣ и запася обильнымъ матеріаломъ изъ міеологій и древней исторіи, а гекзаметры у него слагались весьма легко; кромѣ того онъ освоился и съ элегическимъ разиѣромъ, которому вообще отдавали предпочтеніе въ школѣ Гварино. Первые большія стихотворенія Яна были посвящены Барбаро, составлявшему гордость той школы, изъ которой онъ вышелъ ²⁾. Затѣмъ послѣдовало большое произведеніе въ панегирическомъ духѣ, гдѣ прославляется Гварино. Тутъ

1) Часто употреблявшееся прежде имя Іоаннъ Чезинге—искаженіе, попавшее въ литературу изъ грамоты Пія II отъ 16 февраля 1460 г. у *Karoline Hungar. dipl. P. II p. 391*. Въ письмѣ папы, взятомъ прямо изъ книги регестъ въ епископу вардейскому у *Theiner. Vet. monum. Hungariae hist. illustr. T. II n. 490* имя это еще передано вѣрно.—Изъ сочиненій его были прежде напечатаны *Sylva penegeyrica et Epigrammata, Basileae 1518*. *Poemata—Beatusomъ Ренаусомъ Venet. 1553*. Потомъ это вошло въ полное собраніе графа Самуила Телени, на которое я ссылаюсь: *Jani Pannonii Poemata P. I. Osserulorum P. II. Trajecti ad Rhenum 1784*. Прибавлена беспорядочная и бесполезная біографія. Потомъ прибавилось много новыхъ сочиненій собранныхъ въ итальянскихъ и нѣмецкихъ бібліотекахъ въ *Analecta ed. Abel*, въ числѣ коихъ длинное письмо *Ваттисты Гварино* даетъ любопытныя свѣдѣнія о молодости поэта. По его плодovitости не мудро, что находятся еще новые стихи. Такъ стихотвореніе *Евгачемъ*, перечисленное въ *Tabulae Cod. ms. bibl. Vindob. vol. VI p. 122* было извѣстно по крайней мѣрѣ подъ этимъ заглавіемъ.

2) *Analecta p. 108. 109.*

и передъ нами еще ярко выступаетъ образъ великаго наставника. Быть можетъ, многія изъ сочиненій Яна Пампонскаго потеряны. Хотя молодой поэтъ писалъ и серьезные произведенія, напр. воспѣвъ подвиги великаго Гуниади, оказанные въ войнѣ съ Турками ¹⁾, но честолюбивая мечта его со временемъ сдѣлаться Виргилиемъ своего народа не осуществилась. Потомъ онъ писалъ мелкія стихотворенія и множество эпиграммъ, изъ которыхъ многія бойки и остроумны, а въ другихъ онъ желаетъ понравиться нескромными выходками. Проза была не его родомъ и не шла у него дальше правильной гладкости, которую Гварино считалъ высшимъ достоинствомъ. Въ молодыхъ лѣтахъ, отъ которыхъ до насъ не дошло писемъ, онъ, вѣроятно, употреблялъ и пикантные обороты. Переводы небольшихъ сочиненій Плутарха и одной рѣчи Демосоеена, безъ сомнѣнія, тоже относятся къ тому времени, когда Янусъ учился еще въ школѣ Гварино. Замѣчательно, что въ то время онъ считалъ Бруни величайшимъ переводчикомъ, а Поджіо—величайшимъ Цицеронианцемъ, или прозаикомъ, величайшимъ же поэтомъ признавалъ Бенкаделли. Если онъ прибавляетъ, что Гварино соединяетъ въ своемъ лицѣ всѣ эти достоинства, то это вѣжливая похвала, которой мы не должны принимать буквально ²⁾.

Юный Янь былъ предметомъ гордости своего учителя. Черезъ четыре года Гварино говорилъ про него, что онъ выражается по гречески такъ, какъ будто родился въ Афинахъ, а по латыни какъ древній римлянинъ. Всѣ удивлялись тому, что не—итальянецъ можетъ достигъ такихъ блестящихъ успѣховъ ³⁾, Всего 15-ти лѣтъ отъ роду онъ обратилъ на себя вниманіе колкими эпиграммами. Мариграфамъ Феррарскимъ и Мантуанскимъ было приятно, когда онъ воспѣвалъ ихъ. Когда Янь былъ во Флоренціи, то Козьма Медичи, Поджіо и Аргиропудо оказали ему дружескій приемъ ⁴⁾, Онъ, по видимому, провелъ въ школѣ Гварино семь лѣтъ, а потомъ учился у него же математикѣ, физикѣ и нравственной философіи. Потомъ въ 1454 г. онъ отправился по волѣ дѣда къ Поджіо изучать папское право и получилъ черезъ четыре года ученую степень. Дядя нашель, что пора молодому человѣку выбрать какой нибудь родъ дѣятельности. Въ 1459 г. онъ хлопоталъ у папы Пія II о дозволеніи взять къ себѣ племянника помощникомъ или викаріемъ, чтобы въ слѣдующемъ году онъ получилъ санъ епископа Пяти церквей. Папа неохотно согласился на это. Не только неканоническій

¹⁾ *Silva panegy. ad Guarinum v. 675.*

²⁾ *Tetrastichon in Guarinum в Analecta p. 98. Blandh. Panormigenam delectant carmina vatem.*

³⁾ Потому что если Sogliano il più di questi oltramontani avere poco ingegno, то скромный Веспасіано сообщаетъ мнѣніе каждаго итальянца.

⁴⁾ *Vespasiano Vescovo di Cinque Chiese § 2.*

возрастъ кандидата, которому еще не было 25 лѣтъ, но и легкій взглядъ молодого человѣка на жизнь, котораго онъ самъ когда-то уговаривалъ заниматься св. Писаніемъ, внушали ему сомнѣніе. Но участіе короля Матвѣя и папскаго легата въ Венгріи, а въ особенности ходатайство вліятельнаго епископа вардейнскаго одержали верхъ надъ всѣми затрудненіями ¹⁾.

Янъ провелъ въ Италіи 11 лѣтъ, исключая кратковременное пребываніе на родинѣ, потомъ воротился въ Венгрію съ запасомъ латинскихъ и греческихъ книгъ, купленныхъ имъ тамъ. Послѣ этого онъ видѣлъ Италію только разъ, когда его отправляли при посольствѣ короля къ папѣ Павлу II. Онъ настоялко сдѣлался итальянцемъ и гуманистомъ, что казался въ родной странѣ какъ бы чужеземцемъ или изгнанникомъ. Навсегда остались въ его памяти впечатлѣнія юности, когда его таланты расцвѣли, какъ въ пору лучезарной весны, и всюду были встрѣчены съ теплымъ сочувствіемъ. Со всѣмъ этимъ сливался образъ почтеннаго Гварино. Онъ прилѣплялся умственно не къ прославленной феррарской школѣ, но къ самому знаменитому наставнику ея. Въ 1451 г. Гварино былъ опять приглашенъ въ свой родной городъ, и всѣ были убѣждены, что онъ приметъ это приглашеніе. Тогда Янъ рѣшился за нимъ слѣдовать ²⁾. Онъ пользуется всякимъ случаемъ заявить свое уваженіе Гварино не только въ панегирикѣ, подаренномъ ему, но и вообще поэтъ прославляетъ своего бывшаго наставника, какъ главнаго представителя гуманныхъ наукъ и возстановителя латинскаго языка ³⁾. Уже будучи епископомъ, онъ чтить память давно умершаго учителя съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ послѣдній въ свое время относился къ Хризолору.

Нѣтъ извѣстій о томъ, былъ-ли молодой епископъ горячо преданъ своей духовной обязанности; а если какія есть, то идутъ отъ льстецовъ, которые безусловно превозносятъ Яна. Вѣроятно, онъ смотрѣлъ на свою епископію какъ на бенефицію, заслуженную имъ въ качествѣ поэта. Онъ воспитался на чтеніи языческихъ поэтовъ, и христіанская религія столь же мало увлекала его, какъ и поэта Беккаделли, бывшаго для него образцомъ. Послѣдній впрочемъ не былъ лицомъ духовнымъ. Янъ, будучи еще шестнадцатилѣтнимъ юношею, покончилъ вопросъ о благочестіи, въ силу котораго народъ стремился въ Римъ, или съ благоговѣніемъ слушалъ такихъ францисканцевъ, какъ братъ Альберто да Сартеано или Роберто да Лекче ¹⁾. Религія

¹⁾ Три стихотворенія Яна къ Памполонии и его отвѣтъ въ Poemata Яна P. I. Относящіяся сюда грамоты въ книгѣ Pius II Bd. III s. 617.

²⁾ Analecta p. 95 Стихотвореніе къ веронцу Чевале, v. 51 относится, вѣроятно, къ приглашенію, о которомъ я сообщалъ въ томъ I.

³⁾ Такъ напр. въ 4 стихотвореніяхъ въ честь Гварино Analecta p. 124.

Въ связи съ этимъ находится и то явленіе, что производительность его постепенно слабѣла съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ дышать воздухомъ Панноніи. Янъ находилъ, что писалъ по-латыни лучше, пока жилъ подъ небомъ Лациума и вращался въ кружкѣ Гварино: въ варварской Венгріи замедли бы и Virgilij, и Цицеронъ, по его словамъ ¹⁾. Случайно онъ перевелъ часть Илиады и Изреченія Плутарха, которыя посвятилъ королю Матвѣю, но при этомъ жаловался, что у него нѣтъ рукописей для сравненія и ученаго матеріала для справокъ. Янъ обѣщала также королю—прославить его, но послѣдній, по видимому, не поощрялъ его къ этому ²⁾. Вообще слишкомъ преувеличено то расположеніе, какимъ онъ пользовался у короля. Политическими дѣлами Янъ не занимался, но потомъ принялъ участіе въ заговорѣ противъ короля Матвѣя. Это онъ сдѣлалъ, безъ сомнѣнія, по вліянію своего дяди. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ въ концѣ 1472 г., такъ что прожилъ немного больше 38 лѣтъ.

Мы знаемъ, на какихъ началахъ впоследствии созданъ пріютъ музъ при дворѣ короля Матвѣя. Еще отецъ его понялъ цѣну образованія, въ особенности для фамиліи, не рожденной царствовать, и позаботился о многостороннемъ развитіи сыновей. Это то же самое явленіе, какое мы такъ часто встрѣчаемъ въ фамиліяхъ итальянскихъ узурпаторовъ и династовъ; оно кроется въ самой основѣ тиранніи. Однимъ изъ воспитателей молодого Матвѣя былъ нѣкоторое время Григорій Санокъ; кромѣ него, вѣроятно, эту должность исправляли духовныя лица венгерскаго происхожденія, которыя кромѣ любви къ войнѣ, конечно, весьма важной для короля Венгріи, развивали въ принца и любовь къ наукамъ и искусствамъ, возвышающую престолъ и дворъ. Матвѣй обнаруживалъ тѣ же самыя наклонности, какъ и Альфонсъ, король Неаполитанскій. Его завлекали философскіе и богословскіе вопросы, насколько были доступны для него въ легкой бесѣдѣ съ учеными. Но еще больше занимали его древніе историки, какъ напр. Ливій и Курцій, передавшіе потомству славную память о

¹⁾ Epigr. I, 35:

In Latiis scripsi fortasse latinus oris,
At nunc barbarico barbara in orbe crepo.

Въ письмѣ изъ Пятицерквей отъ 1462 г. (Р. II р. 88) онъ говоритъ: Si quid olim de fonte Guarini nostri hauseram, ed tam longa intermissione exaruit.

²⁾ Объ Илиадѣ см. выше стр. Переводъ Плутарха съ посвященіемъ отъ 15 октября 1467 г. въ Analecsta р. 31.—Нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ въ пользу того, что Янъ спасъ отъ гибели большую часть Діодора. Брассиану съ сообщалъ это Вявентусу Обсопею, которому принадлежитъ первое изданіе 1539 года. См. Botfield Prefaces р. 396.

великихъ мужахъ, такіе поэты, какъ Силій Италикъ, и военные писатели римлянъ. Матвѣй началъ свое правленіе не прямо меценатомъ, что весьма понятно. Ему было всего 15 лѣтъ, когда онъ короновался. Какъ долго тревожили его и его королевство политическія смуты и борьба съ оружіемъ въ рукахъ!

Только около 1464 г., въ то время, какъ султанъ Магометъ обратилъ свои побѣдоносные удары противъ Морей, возникла мысль объ основаніи университета въ Венгріи, который былъ бы средоточіемъ ученыхъ занятій. Инициатива этого предпріятія шла, безъ сомнѣнія, отъ Витеца и Яна Паннонскаго; къ нимъ адресована и папская булла, въ которой Павелъ II изъявлялъ свое согласіе. Когда Янъ ѣздилъ въ Римъ поздравлять новаго папу, то онъ, вѣроятно, совѣщался и насчетъ просьбы короля ¹⁾. Но мысль объ университетѣ не осуществилась въ правленіе короля Матвѣя. Италия попрежнему была для юношества самою желанною страной ученыхъ занятій. И въ феррарской школѣ, которою по смерти стараго Гварино руководили сынъ его Леоне Баттиста и Людовико Карбоне, мы встрѣчаемъ молодыхъ венгерскихъ бароновъ, которые, подобно Янусу, изучали тамъ языки греческій и латинскій ²⁾.

На итальянской почвѣ возникла и мысль объ обширной публичной библиотекѣ; подобнаго рода учрежденіе король Матвѣй устроилъ въ Будѣ въ красивомъ зданіи. Конечно, нѣтъ возможности рѣшить вопроса о томъ, съ какихъ поръ начали собирать книги для этой библиотекы. Вѣроятно, она возникла такимъ же образомъ, какъ напр. въ Италиі библиотекы герцога урбинскаго Федерико. Тѣ книги, которыя были у Іоанна Гуніади и у самаго Матвѣя въ его молодые годы, конечно, составили основу ея. Къ нимъ были присоединены тѣ, какія можно было приобрести, также рукописи греческія, сирійскія и еврейскія. Покупали старые кодексы, какіе еще можно было купить; при этомъ представителями новѣйшей литературы были нѣкоторые сочиненія, посвященные королю. Когда уже на любовь къ книгамъ стали смотрѣть какъ на благородную страсть, то и въ этомъ отношеніи, какъ въ другихъ случаяхъ, обнаружилась необычайная страсть къ великолѣпію. Говорятъ, что король Матвѣй содержалъ въ Офенѣ до тридцати писцовъ и разныхъ художниковъ для украшенія своихъ книгъ. Но такимъ путемъ еще не можетъ составиться хорошая и обширная библиотекы, потому что для переписки необходимо доставать хорошіе подлинники. Но подлинники греческихъ писателей во Флорен-

¹⁾ Булла отъ 29 мая 1465 г. у Pray Annal. reg. Hungar. P. III p. 315.

²⁾ Письмо Картезианца Андрея Панонскаго къ королю Матвѣю отъ 1 сентября 1467 г. въ Analecta p. 159.

ціи находились въ рукахъ книгопродавца Веспасіано, потому весьма естественно, что и король Матвѣй поручилъ тамъ переписать множество классическихъ книгъ ¹⁾. Всѣ онѣ были приготовлены каллиграфами, изъ которыхъ одни трудились съ пониманіемъ дѣла и добросовѣстно, а другіе какъ ремесленники и переписывали плохо. Это зависѣло отъ свойства переписчиковъ, наблюдателей и исправителей. Но заказы исполнялись постоянно изящно и роскошно, какъ и слѣдовало для короля. Эти книги всѣ были растасканы послѣ смерти Матвѣя въ разныя стороны, такъ что лишь при самыхъ тщательныхъ розыскахъ можно было открыть слѣды ихъ. Иначе ясно обнаружилось-бы родство ихъ съ урбинскими кодексами, возникшими тѣмъ-же путемъ и въ то же время. Но за Матвѣемъ всегда будетъ признаваться та заслуга, что онъ первый изъ государей внѣ Италіи преслѣдовалъ мысль Петрарки и Никколи. Книгопечатаніе произвело коренной переворотъ въ книжномъ дѣлѣ, и слѣдствіемъ его на нѣкоторое время было то, что не обращали вниманія на старинныя и неудобныя книги, которымъ отдали должную дань уваженія лишь при изученіи филологіи ²⁾.

Собраніе главной основы Корвиновской библіотеки относится къ послѣднимъ десяти или пятнадцати годамъ правленія короля Матвѣя. Въ это время жили при его дворѣ ученые и гуманисты, прославлявшіе его или писавшіе его исторію. Тотъ Галеотто Марціо, котораго привлекъ въ Венгрію Янъ Паннонскій, составляетъ какъ бы авангардъ. Уже въ 1468 г. мы встрѣчаемъ его въ свитѣ королевскихъ придворныхъ, а впоследствии, когда онъ самъ подвергся въ Италіи разнымъ опасностямъ какъ еретикъ, онъ явился еще разъ въ Венгрію. Въ это время онъ написалъ достопамятную книгу о прекрасныхъ изреченіяхъ и поступкахъ короля, котораго прославлялъ точно такъ же, какъ Бекиделли короля Альфонса. И Марціо умѣлъ развлекать Матвѣя своими остротами и лестью, но онъ былъ человѣкъ весьма непостоянный и большой искатель приключеній, такъ что не могъ долго оставаться ни при какомъ дворѣ. Всѣ тѣ, кто являлся послѣ него до Бонфини, были итальянцы. Они ввели при венгерскомъ дворѣ итальянскіе обы-

¹⁾ Но не у самого Веспасіано, какъ утверждаетъ профессоръ Абель. Лишь одна рукопись, безъ сомнѣнія, заказана была ему, и она попала въ библіотеку Корвина уже отъ Витоца.

²⁾ Довольно обширная старая литература по части библіотеки Корвина уже лишняя послѣ почтеннаго труда Е в г. А б е л я Die Bibliothek des Königs Matthias Corvinus. Отдѣльный оттискъ изъ Literarische Berichten aus Ungarn, her. v. Hunfalvy Budapest 1878, Bd. II Heft 4. Быть можетъ, слѣдуетъ отнести къ постройкѣ библіотеки то, что въ письмѣ къ Іоанну Корвину, сыну Матвѣя, отъ 10 ноября 1488 г. въ Indagini sulla Libreria Viscontea-Sforzesca P. I. p. 145 говорится: quam (bibliothecam) Serenissima parentis vestri Maiestas summa sub lande et opere vere regia comparat.

чан и пробудили въ странѣ литературную дѣятельность, которой положила конецъ лишь злосчастная битва при Могачѣ.

Трудно и развѣ только въ отдѣльныхъ случаяхъ можно указать на самыя раннія вліянія, какія гуманизмъ произвелъ на Польшу. И здѣсь его первымъ поклонникомъ былъ первый прелатъ королевства, кардиналъ и епископъ краковскій, Збигнѣвъ Олесницкій. Но какимъ образомъ явилась у него любовь къ этому дѣлу? Мы, правда, знаемъ, что онъ учился въ Краковѣ, но не слышно, чтобы онъ когда нибудь былъ въ Италіи. Онъ вскорѣ вошелъ въ сильное расположеніе короля въ качествѣ его секретаря и считался весьма даровитымъ стилистомъ, который прославляетъ своими блестящими письмами и себя и свое отечество ¹⁾. Трудно рѣшить, кто въ это время служилъ для него образцомъ. Самъ онъ говоритъ только, что не отваживается подражать древнимъ, а только тѣмъ людямъ, какіе явились послѣ нихъ. Слѣдуетъ предполагать Салютато, официальные письма котораго распространялись быстро и находили обширный кругъ читателей. Въ 1423 г. Збигнѣвъ былъ возведенъ въ санъ епископа краковского и оставался въ немъ 32 года, какъ духовная особа, имѣвшая высокое значеніе въ своей сторонѣ и въ общественныхъ дѣлахъ польскаго королевства.

Человѣкъ, столь воспріимчивый и занимавшій такое высокое положеніе, не могъ не быть и потомъ въ общеніи съ новою итальянскою наукою. Безъ сомнѣнія, онъ познакомился съ Филельфо въ то время, когда послѣдній 5 марта 1424 г. говорилъ въ Краковѣ блестящую рѣчь по случаю бракосочетанія короля Владислава, къ которому пріѣхалъ съ кардиналомъ Брандою ²⁾. Потомъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ особаго рода съ Пикколомини: они начались путемъ переписки и поддерживались такимъ образомъ 12 лѣтъ, такъ что авторы писемъ ни разу не видались. Первое посвященіе изящнаго письма кардиналу, которымъ почтилъ его канцеляристъ Пикколомини, въ то

¹⁾ Первое свидѣтельство—это письмо познанскаго епископа Андрея къ нему отъ 25 августа 1423 г. въ Monumenta med. aevi hist. res gestas Poloniae illustr. T. II Pars prior p. 58. Уже тамъ идетъ рѣчь о permulceus dictamen, которое онъ написалъ когда то отъ имени короля.

²⁾ Письмо Филельфо къ папійскому кардиналу отъ 26 января 1464 г. въ Jac. Piccolomini card. Papiensis epist. 27. О времени см. Aeschbach Gesch. Kaiser Sigmunds Bd. III s. 184.

время еще человекъ бѣдный, въ июлѣ 1442 г., встрѣтило любезный пріемъ. Конечно, итальянецъ цѣнилъ расположеніе такого богатаго прелата, посвятилъ ему свою политическую записку и въ послѣдствіи послалъ цѣлый томъ своихъ писемъ, сильно льстилъ ему и кромѣ комплиментовъ получилъ отъ него съ благодарностью прекрасную шубу на кунаемъ мѣху. Впрочемъ все это не имѣло бы особеннаго значенія ¹⁾. Но мы видимъ, что и Пикколомини не на шутку удивляется, читая краснорѣчивыя письма съ далекаго востока: онъ привыкъ считать краснорѣчіе преимуществомъ своей націи. Когда онъ, уже будучи епископомъ триэстскимъ, получилъ въ Нейштадтѣ письмо отъ кардинала въ 1450 г., то съ восторгомъ показалъ его королевскимъ совѣтникамъ и канцелярскимъ писцамъ и прочелъ нѣмцамъ, чтобы они стыдился, что въ Польшѣ есть такіе умные и искусные люди, а въ Германіи никто не умѣетъ писать такъ красиво. Самого кардинала онъ благодарилъ въ изысканныхъ выраженіяхъ. Поляки по словамъ его, прославились тѣмъ, что они раньше нѣмцевъ и венгровъ начали черпать изъ источника латинскаго краснорѣчія и ввели его у себя. Письмо кардинала показываетъ, что въ Польшѣ люди отличаются такимъ же утонченнымъ вкусомъ, какъ и въ Италіи ²⁾. У насъ есть цѣлый рядъ официальныхъ и дружескихъ писемъ, принадлежащихъ перу польскаго кардинала, и мы очень хорошо узнаемъ по нимъ человѣка, который любилъ ясную и благозвучную рѣчь, умѣлъ искусно выражаться и старался показать себя ученикомъ латинскаго краснорѣчія, — человѣка, который, уже будуче 64-хъ лѣтнимъ старикомъ, сильно занятый государственнымъ дѣлами, по ночамъ изучалъ томъ писемъ своего друга Энея Сильвія ³⁾.

Въ домѣ этого прелата, до самой смерти его, ровно 24 года проживалъ его секретарь и капелланъ, Янъ Длугошъ, въ послѣдствіи быв-

¹⁾ Письма Энея Сильвія къ кардиналу Краковскому отъ апрѣля или мая 1443 г., отъ 13 сентября 1445 г., отъ 27 октября 1453 г.

²⁾ Сообщение Длугоша кардиналу и отвѣтъ на него Энея, оба отъ мая 1450 г. въ Monumenta T. II Pars post. p. 107. 335. Дальнѣйшія письма Энея къ нему отъ 24 мая 1451 г. и 18 мая 1454 г. p. 118. 153. У насъ тоже есть хвалебные отзывы Пикколомини о кардиналѣ, написанные послѣ смерти послѣдняго (Opp. edit. Basil. 1571 p. 1043) и Еуропа сар. 25, гдѣ онъ упоминаетъ о письмахъ Збигнѣва multo Sale et Romana elegantia conditas (приправленныхъ множествомъ остротъ и отличающихся ряснью изяществомъ).

³⁾ Нѣкоторыя изъ его писемъ у Dlugoss. Hist. Polon. lib. XIII, другія въ Monum. I. с. Здѣсь тамъ же p. 315 его письмо къ епископу сіезьскому Энею отъ 10 сентября 1453 г., которое впрочемъ сообщаетъ въ болѣе исправномъ видѣ Cod. ms. 3389 вѣнской придворной библ. fol. 181. Онъ говоритъ въ немъ: Ego sane ex quo aliquid litterarum intelligere coepi detestatus sum morem illorum, qui nescio qua persuasione ducti eam in dicendo et sententiarum suspensionem et verborum obscuritatem imitantur, ut non nisi ab attentissima mente quid velint intelligantur etc.

ший каноникомъ краковскаго собора, первый великій историкъ Польши. Правда, его образование и латинская ученость несутъ на себѣ замѣтные слѣды болѣе ранней эпохи. Но какъ онъ могъ не усвоить хоть до известной степени изящный вкусъ своего повелителя! Онъ умѣетъ цѣнить Пияколомини, какъ знаменитаго писателя, и восхищается тѣми похвалами, какія послѣдній расточалъ прелату и вообще полякамъ ¹⁾. Быть можетъ, масса работы мѣшала ему заняться изученіемъ древности. Но уже одно стремленіе сдѣлаться историкомъ своего народа показываетъ то вліяніе, какое имѣли на него лица, окружавшія кардинала.

Но и Польша уже въ раннюю эпоху имѣла своего поэта, пропитаннаго духомъ древности, на котораго она могла указать съ такою же гордостью, какъ Венгрія на своего Яна Паннонскаго. Это Григорій С а н о к ъ. Онъ родился въ деревнѣ близъ истоковъ Сана и съ двѣнадцати-лѣтняго возраста странствовалъ по свѣту, ища приключеній, по нѣмецкимъ областямъ, а можетъ быть и дальше. Неизвѣстно, гдѣ и какъ онъ получилъ свое образование, а еще труднѣе разъяснить то обстоятельство, какимъ образомъ возникла у него любовь къ древнимъ римскимъ поэтамъ и къ гуманистическимъ стремленіямъ. Потомъ онъ учился въ Краковѣ и получилъ тамъ степень магистра въ 1439 г. Было совершенно новымъ явленіемъ, когда Григорій сталъ объяснять въ университетѣ Буколяки и Георгіи Виргилія, комедіи Плавта и сатиры Ювенала. Даже люди зрѣлыхъ лѣтъ усердно посѣщали его аудиторію. Онъ сочинялъ эпитафіи и другаго рода стихотворенія; говорить, что Григорій написалъ даже комедію въ духѣ Плавта. Повидимому, это былъ человекъ безпокойный, любившій наслаждаться жизнью, особенно нескромный въ отношеніи женщинъ. Нѣкоторое время онъ жилъ въ Венгріи въ качествѣ наставника сыновей правителя Гуниади, потомъ у Витеца, епископа вардейнскаго. Онъ написалъ, какъ намъ сообщаютъ, не мало, но всего два историческихъ сочиненія и нѣсколько стихотвореній были обработаны и распространены. Польскій ученый не оставялъ занятій науками и поэзіею даже тогда, когда король въ 1451 г. далъ ему санъ архіепископа львовскаго, и онъ былъ посвященъ Збигнѣвомъ. Онъ по прежнему любилъ, когда его посѣщали гости, и весело шутилъ съ ними. Конечно, въ Италіи Григорій, быть можетъ, приобрѣлъ бы себѣ славное имя въ литературѣ, но въ Польшѣ, съ которою былъ связанъ своею духовною дѣятель-

III. *opus*
Этотъ отъ
въ Cod. ms.
me ex quo
quo que
tatem *im*

1) Въ поманутомъ сообщеніи Збигнѣву онъ называетъ *ergo homo inter praestantiores avi nostri scriptores memorandos, qui aulam caesaream latiali eloquentia reddidit celebrem.* А о себѣ самомъ онъ говоритъ: *Dabis veniam, si rudi et brevi sermone utar, deest enim facultas latius eloquendi.*

ністю, онъ не могъ вполнѣ развернуть своихъ умственныхъ силъ, а потому и для насъ остается личностью, не вполнѣ ясною ¹⁾).

Архіепископъ львовскій благосклонно принялъ Филиппа Бонаротти, когда послѣдній бѣжалъ изъ Италіи отъ преслѣдованій папы Павла II, направленныхъ противъ «академіи». Онъ первый изъ итальянцевъ пробудилъ гуманистическія стремленія въ Польшѣ, тогда какъ личности, о которыхъ мы упомянули раньше, до известной степени дѣйствовали одиноко. Но его жизнь и дѣятельность относятся уже къ такому времени, о которомъ мы не можемъ здѣсь говорить ²⁾).

Мы изучаемъ начало гуманизма у романскихъ народовъ, главнымъ образомъ во Франціи, въ концѣ. Это вовсе не потому, чтобы онъ обнаружился слабѣ или позже всѣхъ въ этой странѣ. Напротивъ изъ всѣхъ не-итальянскихъ странъ Франціи принадлежитъ первое мѣсто по самостоятельности развитія. На нее всего менѣе вліяла Италія, да она и не нуждалась въ этомъ вліяніи. Тутъ были проложены собственные пути, и дѣятели опирались уже на существующія средоточія умственной жизни, какими были королевскій дворъ и парижскій университетъ. Довольствовались скромною національно пропагандой, не мечтали о новой всемірной литературѣ, какую можно было бы создать на основахъ древнеримской и древнегреческой. Сообразно съ этимъ французскіе ученые подвизаются и на болѣе скромномъ поприщѣ, чѣмъ итальянцы. Они главнымъ образомъ разрабатываютъ риторическое искусство и эпистолярный стиль. Поэты и поэзія у нихъ стоятъ на второмъ планѣ. Они не занимаются новою философіею жизни, и въ сущности остаются вѣрны тому воззрѣнію, которое освящено церковью. Они не стремятся къ тому, чтобы писать исторію по образцу Ливія. У нихъ не является потребности разыскивать и собирать сокровища древней литературы, а изучать греческую не чувствуется ни малѣйшаго желанія. Мысль объ общественной библіотекѣ, какъ о средоточіи литературныхъ интересовъ, французамъ совершенно чужда. У нихъ не образуется и особаго сословія ученыхъ и поэтовъ, и они считаютъ духовное званіе самымъ приличнымъ для ученаго человѣка. Сосредоточиваясь преимущественно въ Парижѣ, эти ученые могутъ составить лишь дружескій кружокъ, но не республику ученыхъ, подобную итальянской, члены которые были разбѣяны по разнымъ городамъ.

¹⁾ Извѣстія о немъ, всѣ основанныя на сочиненіи Callimachus De vita et moribus Gregorii Saposensis, собранъ съ своею обычною энергіею Цейсбергъ Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters, Leipzig 1873, s. 344 ff.

²⁾ И по поводу его прежде всего слѣдуетъ указать на Цейсберга S. 349 ff.

Въ западномъ королевствѣ франковъ проявлялась когда то ученая дѣятельность, опиравшаяся на древнюю римскую литературу, но объ этомъ, конечно, забыли. Однако научныя стремленія, воодушевлявшія не одного монаха эпохи королинговъ, не исчезли безъ слѣда, напротивъ оставили сѣмена, способныя къ развитію. Во французскихъ монастыряхъ и соборныхъ библіотекахъ скрывались классическія сочиненія, оставшіяся отъ той эпохи. По временамъ среди схоластической и богословской учености мерцали и лучи свѣта, шедшіе изъ нихъ и озарявшіе римскую древность. У насъ нѣтъ еще обзора тѣхъ произведеній классической литературы, слѣды которыхъ можно указать въ эпоху королинговъ. Однако если мы прочтемъ сочиненія, въ особенности письма аббата феррьерскаго, Сервата Лупа, который всѣхъ самоотверженіе и усердіе предавался этого рода занятіямъ, то встрѣтимъ не только большой запасъ свѣдѣній, но—что гораздо важнѣе—энергическое стремленіе пополнить уже существующее собраніе языческихъ книгъ и исправить плохіе экземпляры посредствомъ сравненія съ другими. Онъ полагаетъ, что каждый человѣкъ, сколько нибудь образованный, знаетъ Саллюстія и Ливія ¹⁾. Хотя онъ почти не занимается поэтами, однако ему извѣстенъ даже Катуллъ, все еще рѣдкій писатель ²⁾. Аббать жалуется, что при недостаткѣ учителей и книгъ трудно заниматься этимъ предметомъ, давно оставленнымъ безъ вниманія ³⁾. По видимому, онъ всего больше интересовался Цицерономъ. У аббата есть его письма, безъ сомнѣнія, дружескія (*ad familiares*), но онъ достаетъ у одного пріятели второй экземпляръ, желая исправить погрѣшности своего ⁴⁾. Для него слышались Тускуланскія бесѣды, и онъ желаетъ приобрести рѣчи противъ Верреса. Серватъ Лупъ старается исправить свой плохой экземпляръ Цицеронова сочиненія *de inventione* (объ изобрѣтеніи) при помощи другаго и достать его разговоръ объ ораторѣ, а также *Institutiones* Квинтиліана ⁵⁾. Слѣдовательно, уже въ то время пробудилась несомнѣнная любовь къ риторикѣ въ духѣ Цицерона, которая впоследствии обнаруживается во Франціи еще сильнѣе, чѣмъ въ Италіи

¹⁾ Vita S. Wigberti (Beati Servati Lupi Opera ed. Baluxius. Edit. II Autwerp. 1710). P. 293.

²⁾ Epist. 5 p. 22. Это, конечно, самое раннее указаніе, свидѣтельствующее о знакомствѣ съ Катулломъ раньше Ратерія. Слѣдовательно, онъ является раньше во Франціи, чѣмъ въ Веронѣ.

³⁾ Особенно въ epist. I въ Эпигарду. Но и epist. 4: Nunc litterarum studiis pene obsoletis, quotus quisque inveniri possit qui de magistrorum imperitia, librorum penuria, otii denique inopia merito non queratur.

⁴⁾ Epist. 69. См. моя примѣчанія въ Rhein. Mus. f. Philol. N. F. Bd. 36 S. 374.

⁵⁾ Epist. I, 8. 62. 103.

до Петрарки ¹⁾ По видимому, въ первой странѣ она постоянно входила въ высшій курсъ школьнаго преподаванія.

Франція нисколько не стала ближе сердцу Петрарки въ силу того, что на ея почвѣ онъ провелъ года своей юности и нѣсколько разъ посѣтилъ Парижъ. Онъ не понималъ языка народа, которымъ говорили при дворѣ ²⁾. Такъ какъ онъ носилъ въ душѣ совершенно иные идеалы, то и слава парижскаго университета произвела на него слабое впечатлѣнїе. Поэтъ не обращалъ вниманія на то, что тамъ на пропедевтическомъ курсѣ объясняются и римскіе поэты, и преподается риторика. Вообще Петрарка всюду искалъ сочиненій Цицерона и другихъ классиковъ, а въ Парижѣ, кажется, не считалъ нужнымъ даже и освѣдомиться о нихъ. А между тѣмъ для его друга, Ричарда берійскаго, собирателя книгъ, Парижъ былъ «земнымъ раемъ». «Какою радостью было для меня посѣщать Парижъ, гдѣ дни для меня постоянно были очень коротки! Какія роскошныя книжныя сокровища всякаго рода находятся тамъ! Какъ охотно отдалъ я за нихъ деньги! ³⁾». Петрарка, разумѣется, и тамъ имѣлъ друзей, какъ напр. Филиппа де Витри, впоследствии епископа города Мо, который перевелъ французскими стихами Превращенія Овидія и разъяснилъ таинственный смыслъ нѣкоторыхъ мифовъ. За это Петрарка называлъ его единственнымъ галльскимъ поэтомъ ⁴⁾. Подобными же друзьями были Николь Оремъ и Пьеръ Бершеръ. Но онъ ставилъ не высоко этихъ друзей и полагалъ, что во Франціи его не поймутъ и не оцѣнятъ достойнымъ образомъ. По видимому, предчувствіе не обмануло Петрарку. Франція не отнеслась къ «новому фениксу» съ тѣмъ благоговѣніемъ, къ какому онъ привыкъ въ Италіи. Кардиналъ, оспаривавшій у него этотъ почетный титулъ, и врачи, смѣявшіеся надъ вѣщательствомъ поэта въ ихъ спеціальную профессію, были французы. Только подъ конецъ его жизни и послѣ смерти во Франціи начали съ большимъ усердіемъ переписывать его трактаты, читать ихъ и переводить на родной языкъ.

1) N. Valois De arte scribendi epistolas apud Gallicos medii aevi scriptores rhetoriques. Paris 1880.

2) Linguam Gallicam nec scio, nec facile possum scire, сказалъ онъ въ 1361 г. какъ посолъ къ королю Іоанну. Т. е. я не знаю французскаго языка, да мнѣ и трудно ему выучиться.

3) Philobiblion cap. 8.

4) Его письмо къ Филиппу де Витри, котораго онъ называетъ musicus и говоритъ комплиментъ Tu poeta nunc unicus Galliarum; это epist. rer. famil. IX, 13 ed. Francassetti. Объ Овидіи Филиппа см. Paulin Paris Les manuscrits françois de la Bibliothèque du roi T. III p. 177. Здѣсь и слова Tu poeta etc. изъ парижской рукописи, а у Франкассети и въ старинныхъ оттискахъ ихъ нѣтъ.

Уже въ старости Петрарка вступилъ въ полемику, которая дала ему возможность въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказать свою національную ненависть къ Франціи и французамъ. Когда папа Урбанъ V въ 1367 г. оставилъ Авиньонъ и снова переселился въ Римъ, то поэтъ поздравлялъ его въ длинномъ назидательномъ посланіи, изображая ему красоту и образованность Италіи въ противоположность съ Франціею. Онъ называлъ французовъ главными варварами и высказалъ то высокоумѣнное положеніе, что внѣ Италіи нельзя искать ораторовъ и поэтовъ ¹⁾. Противъ этого возстадъ одинъ питомецъ парижскаго университета, правда, прошедшій курсы грамматическій и риторическій и стремившійся познать премудрость богословія!—имени его мы не знаемъ. Онъ рѣшился написать инвективу противъ прославленнаго поэта и энергично защищать въ ней осмѣянный университетъ и поруганный французскій народъ. Молодой человѣкъ обнаруживаетъ знакомство съ древнею римскою исторіею, съ древними поэтами и прозаиками, но почерпнулъ свѣдѣнія о нихъ не просто изъ сборника, какъ заподозрилъ Петрарка ²⁾. При этомъ онъ оказывается и искуснымъ писателемъ, который владѣетъ не рѣдкимъ у французовъ риторическимъ талантомъ. Молодой человѣкъ, очевидно, хочетъ на собственномъ примѣрѣ показать, что французъ не менѣе итальянца способенъ къ подобному искусству. Петрарка удостоилъ его отвѣтомъ, въ которомъ снова называлъ французовъ варварами и старался доказать это на основаніи древнихъ историковъ и космографовъ. Однако онъ долженъ былъ сознаться, что все таки они самые цивилизованные варвары ³⁾. Долго помнили объ его заносчивыхъ насмѣивкахъ. и онъ, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовали тому, что французская нація не могла забыть его и его сочиненій.

Но не однимъ этимъ объясняется гордое нежеланіе французовъ подражать итальянскимъ образцамъ. Къ этому присоединились и другія побудительныя причины, которыя своеобразно привлекали умы къ древней литературѣ. Сперва господствовала новая мода, начало которой относится къ зрѣлымъ годамъ Петрарки, именно щегольство книгами королей, принцевъ и, разумѣется, нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Конечно, надобно имѣть въ виду, что оно сначала было слѣдствіемъ ихъ стремленія къ великолѣпію и блеску. Книги дѣ-

¹⁾ *Petrarca epist. rer. senil. IX, 1* начинается такъ: *In exitu Israel de Aegypto domus Jacob de populo barbaro etc.—Oratores et poetae extra Italiam non quaerantur.*

²⁾ *Sive unum manipulum florum, opus vere Gallicum et quod Gallica levitas pro omnibus libris habet.*

³⁾ *Nec negari posse arbitror, esse Gallos barbarum omnium mitiores.—Galli cuiusdam anonymi in Franciscum Petrarcham Invectiva et Petrarchae Contra cuiusdam anonymi Galli calumnias Arologia* въ сочиненіяхъ Петрарки. О времени сочиненій см. Кертингъ *Petrarca s. 380 ff.* и *Gaspary* въ *Zeitschrift fur romanische Philologie* 1879 s. 585.

дались предметомъ придворной роскоши, какъ красивое оружіе, вооруженія, дорогіе ковры и постели, или издѣлія изъ благороднаго металла съ пластическими украшеніями. Въ этомъ случаѣ подобная склонность вызывала дружную дѣятельность наукъ и искусствъ. Королямъ и знатымъ лицамъ приносили въ даръ каллиграфически написанныя рукописи въ формѣ листа, переплетенныя въ красный сафьянъ съ красивыми металлическими застежками. Для украшенія этихъ рукописей и раскрашиванія заглавныхъ буквъ, для миниатюръ и виньетокъ приглашались самыя лучшіе художники. Обыкновенно къ посвященію прилагалась виньетка, изображавшая автора или переводчика, который, стоя на колѣняхъ, подноситъ книгу королю. Упомянется также о желаніи или приказаніи высшаго лица. Мы смотримъ на это какъ на хорошо извѣстный приемъ, къ которому прибѣгали и итальянскіе гуманисты; сначала старались возбудить любопытство или желаніе этого лица, ему приписывали инициативу и отъ него же требовали приличной награды. Содержаніе этихъ книгъ составляли рыцарскіе романы, сначала въ стихахъ, а потомъ и въ прозѣ. Другіе авторы прибѣгали къ переводамъ классиковъ, которыхъ находили удобными для чтенія принцевъ и достойными украшеній, или имена которыхъ пользовались громкою славою. Брала также сочиненія Петрарки и Боккачіо, считавшіяся наравнѣ съ классическими. Такимъ образомъ при дворѣ господствовало нѣкоторое уваженіе къ древности, выражавшееся въ страсти имѣть великолѣпныя книги и сочиненія съ картинами, а это имѣло и дальнѣйшія послѣдствія. Страсть къ красивымъ книгамъ господствовала, навѣрное, больше вѣка и главнымъ образомъ характеризуетъ какъ французскій, такъ впослѣдствіи и бургундскій дворъ, но ея не чуждаются также въ Англии, въ Венгрии и при дворѣ императора Максимилиана. Въ этомъ случаѣ, насколько мы знаемъ, всѣмъ давалъ тонъ парижскій дворъ.

Изъ упомянутыхъ нами переводовъ не слѣдуетъ выводить такого заключенія, что французскіе короли относились съ особою любознательностью къ сокровищамъ классической древности. Въ каждое данное время были въ ходу свои книги, которыя съ удовольствіемъ разсматриваютъ, но не читаютъ. Уже король Іоаннъ Добрый, начинающій собою рядъ любителей, совсѣмъ не зналъ латинскаго языка и, навѣрное, не понималъ Ливія, который былъ принесенъ ему въ даръ въ переводѣ. На него произвело весьма мало впечатлѣнія и то, что Петрарка, говорившій ему рѣчь въ 1361 г. на латинскомъ языкѣ отъ имени Висконти, былъ великій ученый. Его придворные находили даже страннымъ, что каноникъ ссылался въ своей рѣчи на языческихъ писателей и допускалъ участіе богини Фортуны въ судьбахъ Франціи ¹⁾.

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. XXII, 13 ed. Fracassetti. Здѣсь ясно видно, что Петрарка по поводу Фортуны былъ въ большомъ затрудненіи.

Сынъ его Карль V, за которымъ въ исторіи осталось прозвище Мудраго, имѣлъ нѣкоторое предуготовительное образованіе, собственное духовному званію, зналъ по латыни и въ свободное время занимался семью искусствами и даже богословіемъ. Говорятъ, что онъ каждый годъ разъ читалъ священное Писаніе. Любовь его къ наукамъ и къ красивымъ книгамъ была въ большой славѣ еще въ его время. Книгохранилище короля, сначала помѣщавшееся во дворцѣ, въ 1367 или въ 1368 г. было перенесено въ одну изъ башенъ Лувра и размѣщено здѣсь въ трехъ залахъ. Король поручилъ завѣдываніе этими сокровищами своему любимцу Жилію Малэ, который составилъ первый каталогъ въ 1373 г. Извѣстно, что для короля было куплено и списано множество рукописей. У него были самые роскошные экземпляры, въ томъ числѣ много переводовъ. На книгахъ, особенно любимыхъ имъ, онъ самъ подписывалъ свое имя. Были и классическіе писатели. Король, свѣдѣнія котораго въ латинскомъ языкѣ были не особенно сильны, очевидно, не придавалъ никакого значенія подлинникамъ. Но у него были французскіе переводы наиболѣе читавшихся сочиненій Аристотеля, Цезаря Светонія и Ливія, почти всѣхъ сочиненій Сенеки, поэмы Лукана и нѣкоторыя поэмы и стихотворенія Овидія. Вегеція мы находимъ въ оригиналѣ и кромѣ того не менѣе десяти французскихъ переводовъ его. Именъ Virgilia и Цицерона не встрѣчается ни въ одномъ каталогѣ. Можно легко ошибиться, если сдѣлать заключеніе относительно преобладающей склонности короля. Но на нее бросаетъ весьма неблагоприятный свѣтъ то обстоятельство, что онъ собралъ громадное количество астрономическихъ и астрологическихъ книгъ, имѣвшихъ источникомъ большею частію арабскую мудрость, 30 томовъ по геомантіи, 4 по хиромантіи и одну по некромантіи. Это были именно тѣ мнимыя искусства, надъ которыми любилъ такъ жестоко издѣваться Петрарка, но которыя находили горячихъ поклонниковъ и среди другихъ коронованныхъ особъ ¹⁾.

И братья короля, Людовигъ, герцогъ анжуйскій, Филиппъ Смѣлый, герцогъ бургундскій, и Іоаннъ, герцогъ беррійскій, раздѣляли его страсть. И они устраивали книгохранилища въ своихъ замкахъ, остатки которыхъ впоследствии перешли въ обширную парижскую библіотеку. У герцога беррійскаго мы находимъ многія сочиненія, которыхъ не было въ королевской библіотекѣ: Естественную исторію Плинія, реторику Цицерона, комедіи Теренція и Буколики Virgilia ²⁾.

¹⁾ Histoire littéraire de la France T. XXIV, Paris 1862, p. 177—180. Delisle T. I, p. 18. 20. 21. 27. 35. 38. О дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ см. сообщеніе въ *Révue critique d'hist. et de litt.* 1881 Nr. 11 p. 219.

²⁾ Delisle p. 54. 58.

Карль VI питаль такую же любовь къ книгамъ, какъ и его отецъ, и, по видимому, раздѣляль его богословскій вкусъ. Онъ подтвердилъ за Жильдеиъ Маллэ его должность завѣдующаго бібліотекою, которую послѣдній и исправляль до самой своей смерти. У него перваго изъ дома Валуа обнаружилось чисто гуманистическое стремление—приблизить къ себѣ Монтрея. Послѣдній отважился величать короля титуломъ Du Ciscégon и указывалъ ему на Цезаря, Августа и Карла Великаго, какъ на такихъ государей, которые хотѣли прославиться и своимъ знакомствомъ съ свободными науками ¹⁾. Но мы не знаемъ, питаль ли король стремление къ подобной славѣ.

Отъ Карла VII во Франціи никто не ожидалъ, чтобы онъ особенно заботился о наукѣ и книгахъ; напротивъ при немъ собраніе его предковъ было разрознено и растаскано. Однако къ его времени относятся попытки итальянскихъ гуманистовъ вовлечь и Валуа въ кругъ своихъ доброжелателей. Пьеро дель Монте, епископъ брешіанскій, однажды нашелъ случай рекомендовать королю своего друга Поджіо, и послѣдній уже намѣревался посвятить ему одно сочиненіе, только что конченное. Но по своему благоразумному обычаю онъ прежде испыталь, какой приемъ встрѣтитъ его подарокъ, и впоследствии смель за лучшее почтить имъ папу Николая ²⁾. Филельфо хотѣль лично поднести королю въ даръ нѣтъ книгъ своихъ стихотвореній, но и онъ отказался отъ этой мысли ³⁾. Не смотря на это и Карль VII, подобно своимъ предкамъ, любилъ книги роскошно украшенныя. Когда герцогъ миланскій Сфорца дарилъ королю такія книги, которыя греческій художникъ Фома снабжалъ картинками, то онъ тотчасъ же заставляль объяснять себѣ послѣднія и выражалъ необычайное удовольствіе. При этомъ о содержаніи сочиненій совѣтъ не упоминается ⁴⁾. Вообще не допускали того, чтобы итальянское краснорѣчіе могло встрѣтить любителей и имѣть успѣхъ во Франціи. По временамъ въ монастыряхъ этой страны искали древнихъ писателей, напр. потерянныхъ сочиненій Цицерона. Мы знаемъ, что Поджіо именно съ этою цѣлью посѣтилъ нѣкоторыя мѣстности королевства. Послѣ него велѣль произвести тщательные и многосторонніе розыски кардиналь Лежень, вмѣстѣ съ тѣмъ и епископъ теруанскій. Также одинъ генуэзскій купецъ, Джіанджіакомо Спинола, ведшій во Франціи торговья дѣла, старался достать для своего друга Бартоломео Фаціо что-

¹⁾ Johannis de Monsterolio epist. 2, адресованное просто ad principem, но отъ 1395 г. Delisle p. 46.

²⁾ Poggius epist. VIII, 46. ed Tonelli Petro episcopo Bryensi (согласно Mittarelli p. 926 правилъ Brixienis) отъ 14 сентября (1443).

³⁾ Письмо Филельфо къ Антонию Палермскому (Бенкаделла) отъ 16 іюня 1456 г.

⁴⁾ Письмо миланскаго посла къ герцогу отъ 14 февраля 1457 г. въ Indagini s. libreria Visc.-Franz. App. alla Parte I p. 30.

нибудь новое, напр. сочинение Цицерона о республикѣ, котораго такъ долго искали. Но его усилія остались, конечно, безплодными. Въ самой Франціи, какъ оказалось, никто не интересовался этимъ ¹⁾.

Слѣдовательно, въ переводчикахъ классическихъ сочиненій мы не должны еще предполагать гуманистовъ, а въ короляхъ, которымъ они посвящали свои труды, поклонниковъ языческой литературы. Однако это перенесеніе древности на почву Франціи въ формахъ національнаго языка совершалось гораздо энергичнѣе, чѣмъ на почвѣ Италіи, и это было слѣдствіемъ свѣтскаго образованія, сосредоточившагося при дворѣ. Тутъ дѣло начинается не съ подражанія классической латыни, а съ разработки національной литературы, достоинствомъ которой хотять сдѣлать и новыя сокровища.

Первый, кто началъ литературную дѣятельность подобнаго рода былъ Бенедектинецъ Пьеръ Бершеръ, священникъ церкви Сент-Элуа въ Парижѣ. Сначала онъ написалъ нѣсколько нравственныхъ трактатовъ и составилъ карту всего земнаго шара, потомъ будто бы по порученію короля Іоанна перевелъ для него Ливія, т. е. всѣ извѣстныя въ то время части его труда, первую и третью декаду и девять первыхъ книгъ четвертой. Тутъ дѣло не ограничилось однимъ роскошнымъ экземпляромъ, который онъ поднесъ въ даръ королю. Явился цѣлый рядъ копій, и книга читалась съ охотою даже послѣ смерти переводчика, а впоследствии, чтобы пополнить пробѣлъ у Ливія, замѣнили недостающее комментаріями Ліонардо Бруни о первой пунической войнѣ; это извѣстная передѣлка Поливія. Такимъ образомъ французскіе образованные кружки ознакомились съ Ливіемъ подобно тому, какъ въ Италіи воздали ему подобающую честь Петрарка и Боккачіо. Это духовное родство между двумя народами обнаруживается и въ томъ, что въ три мѣсяца, которые Петрарка провелъ въ Парижѣ въ 1361 г., Бершеръ почти всегда былъ на его сторонѣ. Но онъ умеръ въ слѣдующемъ году ²⁾. Нельзя доказать того, что онъ по примѣру Петрарки близко ознакомился съ Ливіемъ, хотя такое предположеніе весьма вѣроятно.

При Карлѣ Мудромъ сильно возрастаетъ число переводовъ. Король желалъ имѣть сочиненіе о Градѣ Божіемъ Блаженнаго Августина, и онъ щедро наградилъ переводчика, который исполнилъ его желаніе. Были переведены и другія сочиненія этого отца Церкви и другихъ ея учителей. Переводились также и сочиненія языческихъ писателей, Сал.

¹⁾ Переписка этого Спинолы съ Фаціо у Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Michaelis Venet. p. 374. 375. Спинола пишетъ: Nulli aut perpauci sunt apud hos Gallos, qui eloquentiae studium delectentur aut iis operantur.

²⁾ P. Paris Les manuscrits etc. T. I p. 32. 34. 35. 37. 38. Hist. litt. l. e. p. 173.

люстія, Светонія, Сенеки, Бегеція, котораго тоже часто желали имѣть. Если не считать Овидія, переведеннаго Филиппомъ де Витри, то Луканъ былъ первый, даже въ теченіи долгаго времени, единственный поэтъ, удостоившійся этой чести. Его поэма была переведена тоже прозою. Не всегда узнаемъ мы имена переводчиковъ. По желанію герцога беррійскаго іоаннитъ и докторъ богословія, Симонъ де Геденъ, рѣшился перевести Валерія Максима, любимаго писателя той моралистической эпохи, и снабдилъ его комментариемъ. Такъ какъ переводчикъ умеръ во время этой работы въ 1377 г. то ее докончилъ гораздо позднѣе Николь де Гоннесъ ¹⁾. Еще при жизни Петрарки было переведено одно изъ его сочиненій и присоединено къ книжнымъ сокровищамъ короля: это были разговоры о средствѣхъ противъ горя и радостей, эта «плодотворная книга, богатая нравственными наставленіями». Переводчикомъ былъ Жанъ Данденъ, каноникъ при Сенъ-Шапель ²⁾.

Всѣ тѣ переводы сочиненій Аристотеля, какіе были у короля, разумѣется съ латинскаго языка, ему дѣлалъ Николь Оремъ, деканъ руанскаго соборнаго капитула и капелланъ короля. Его считаютъ также воспитателемъ и наставникомъ Карла. Это были Политика, Экономика и Этика. Переводчикъ получалъ за это большіе подарки, напр. въ 1371 г. сто ливровъ. Въ 1377 г. король назначилъ его епископомъ въ Лиссье. Какъ бы въ благодарность за эту милость, Оремъ перевелъ и два астрономическихъ сочиненія Аристотеля. Часто указывали на то, что благодаря этимъ трудамъ онъ ввелъ во французскій языкъ множество новыхъ словъ: *aristocratie*, *démocratie*, *oligarchie*, *démagogue*, *architectonique*, *concentrique*, *sophisme*, *sophiste*, *métaphore* и т. п. Говорятъ, что и слова *poète* и *poëme* не употреблялись до него. Но не являются ли съ новыми заимствованными словами и новыя понятія? Аристотель былъ обязанъ своею славою школѣ; онъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ король хотя не читалъ, но желалъ имѣть въ своемъ собраніи. Никто не хотѣлъ полюбопытствовать, какъ Оремъ выполнилъ свой трудъ. Петрарка зналъ уже, какъ мало заслуживали имени Аристотеля тѣ сочиненія, которыя были извѣстны подъ этимъ именемъ, но во Франціи его переводили съ искаженныхъ арабскихъ и латинскихъ текстовъ на французскій языкъ. Самъ Оремъ, конечно, не имѣлъ понятія объ этомъ. Очевидно, онъ всецѣло принадлежалъ къ старой школѣ.

¹⁾ P. Paris T. I p. 43. T. II p. 300. Въ первомъ случаѣ годомъ окончанія труда показанъ 1405-й, во второмъ—1401-й.

²⁾ Hist. litt. l. c. p. 181. 575. Тутъ упоминается, что сочиненіе, множество копій котораго свидѣтельствуетъ о сильномъ сочувствіи публики, иногда выдается за трудъ Николая Орема. Такъ и въ Tabulae codd. ms. bibl. Vindob. vol. II p. 98.

Онъ писалъ также о финансахъ ¹⁾, алгебрѣ и астрономіи. Когда король въ 1366 г. послалъ его въ Авиньонъ къ папѣ Урбану V, то онъ прочелъ ему трактатъ, который наввалъ образцомъ богословскаго безвкусія по содержанію и по формѣ. Гуманистическихъ стремленій онъ былъ всегда совершенно чуждъ ²⁾.

Послѣдній изъ этихъ переводчиковъ — ремесленниковъ, вся дѣятельность котораго относится ко времени правленія Карла VI, но обнаружила рѣшительный прогрессъ въ тяготѣніи къ итальянскому гуманизму, Лоранъ де Премьерфэ, какъ его обыкновенно называли по деревнѣ близъ Арси-сюръ-Объ, въ которой онъ родился. Онъ былъ простымъ клирикомъ въ Труа; въ 1410 г. его называютъ также секретаремъ герцога беррійскаго Жана. Говорятъ, онъ умеръ въ Парижѣ въ 1418 г. Прежде всего у него возникла новая мысль перевести для двора Цицерона, на котораго при Карлѣ V не обращали вниманія. Лоранъ перевелъ въ 1405 г. сочиненіе Цицерона о старости по приказанію герцога бурбонскаго Людовика, дяди короля, потомъ для него же книгу О дружбѣ. Въ посвященіи къ первому труду онъ хвалитъ Цицерона какъ философа и какъ царя красворѣчія ³⁾, но говоритъ, что столь же охотно перевелъ бы и библію, не покажись она книгою опасною для мірянъ ⁴⁾. Потомъ онъ принялся за Боккачіо, перевелъ его сочиненіе о печальной судьбѣ знаменитыхъ мужей по порученію епископа шартрскаго, а послѣдній поднесъ великолѣпно украшенную книгу въ подарокъ герцогу беррійскому 1 января 1410 г. Въ концѣ переводчикъ приложилъ латинскіе стихи въ похвалу Боккачіо съ французскимъ переводомъ ⁵⁾. Ни одинъ предшественниковъ, Премьерфэ насколько мы знаемъ, не выступалъ самобытнымъ поэтомъ. Странная книга Боккачіо увлекла его до такой степени, что онъ и вторично перевелъ ее, причемъ взялъ на себя трудъ распространить содержаніе, прибавить нравственныя разсужденія и объясненія къ тексту. Онъ также принялся и за Декамеронъ, который перевелъ съ латинскаго языка, такъ какъ въ итальянскомъ

¹⁾ Объ его значеніи въ политической экономіи см. Рошеръ въ *Zeitschrift. für die gesammte Staatswissenschaft* Bd. 19. 1863 s. 305 ff.

²⁾ P. Paris T. I p. 221. T. II p. 195. T. IV p. 330. Egger *L'Hellénisme en France* T. I, Paris 1869, p. 129. О рвчи Урбану V см. Joh. Bapt. Schwab, Joh. Gerson S. 19.—Изъ менѣ выдающихся переводчиковъ, бывшихъ при дворѣ Карла V, можно назвать только Жана Лефевра и Жана де Курткюсса. Послѣдній перевелъ для герцога беррійскаго разсужденіе Сенеки о четырехъ добродѣтеляхъ. *Delisle* T. I p. 60.

³⁾ Tulle noble philozophe et prince d'éloquence dedons la poitrine duquel philosophie naturelle et morale eslut son domicile.

⁴⁾ Qui est si perilleuse choce es areilles de la gent laie.

⁵⁾ Vatum terra parens Sacris adamota camenis, Itala rhetorica, parmina Pheb. etc.

Еще не рѣшено, принадлежитъ ли ему и переводъ книги О знаменитыхъ женщинахъ, имя переводчика которой неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ это уваженіе къ итальянскому главѣ новой наукѣ составляетъ явленіе знаменательное. Боккачю больше соответствовалъ вкусу итальянской публики, чѣмъ назидательный Петрарка. Тоже явленіе мы встрѣчаемъ и у Чисера, современника Петрарки. Однако любви къ языческой древности у Лорана не замѣтно. Когда Жанъ де Монтрель, который относился иначе ко всему этому, задумалъ начертать въ залѣ у себя законы Ликурга, ваятые у Юстина, то Лоранъ встрѣтилъ это съ клерикальнымъ презрѣніемъ. Онъ назвалъ уставы спортанскаго законодателя пустыми и нелѣпыми: по его словамъ, Иисусъ Христосъ не имѣетъ ничего общаго съ Ликургомъ ¹⁾.

Болѣе сильный толчокъ классическимъ занятіямъ далъ парижскій университетъ, который имѣлъ мало общенія съ королевскимъ дворомъ. Поэтому дѣятели перваго имѣли мало сношеній съ названными переводчиками. Вънцомъ наукъ, на которомъ зиждилась слава университета, все еще оставалось богословіе. Если въ одномъ постановленіи университета ²⁾ говорилось, что мудрость переселилась изъ Аѳинъ въ Римъ, а изъ Рима при Карлѣ Великомъ въ Парижъ, то подъ этимъ разумѣли не мудрость грековъ и римлянъ. Однако въ парижскомъ университетѣ тщательнѣе, чѣмъ въ другихъ, разрабатывались изъ подготовительныхъ отраслей объясненіе римскихъ классиковъ, грамматика и реторика. Къ концу XIV в. питомецъ бурсъ и коллегій обыкновенно знакомился съ такими писателями, какъ Virgilii, Ovidii, Juvenalis, Terentii, Sallustii, Livii, Seneca, Cicero et Quintilianus, притомъ далеко не поверхностно, какъ это мы замѣчаемъ по результатамъ у самыхъ даровитыхъ людей. Юный магистръ Николай Клеманжъ читалъ реторику вообще по Цицерону и лишь въ видѣ исключенія по старинной методѣ—по Аристотелю ³⁾. Конечно, эти занятія сами по себѣ не могли вести къ самостоятельной цѣли: стремилась къ стилистической и реторической учености, которая могла пригодиться для дѣятельности духовенства напр. въ проповѣди. Нравственные изре-

¹⁾ Joh. de Monsterolio epist. 46. 47.—P. Paris T. I p. 226. 229. 233. 238. 245. 246. 258. T. II p. 231. Delisle p. 60. 167. Hortis studj. v. opere lat. del Boccaccio p. 613. 617. 731.

²⁾ Y Bulaeus Histor. univers. Paris. T. V p. 424.

³⁾ Nicolaus de Clemangius epist. 5: Equidem in studio Parisiaco etiam saepe Tullianam publice legi rhetoricam, saepe item privatim. Poetae vero summi et optimi Virgilius atque Terentius illic etiam saepe leguntur. T. e. Въ парижскомъ университетѣ я часто читалъ тоже публично Цицероновскую реторику, а часто также и частнымъ образомъ. А поэты самые главные и лучшіе, Virgilii et Terentii, тоже часто читаются тамъ.

ченія и историческіе примѣры добродѣтелей и пороковъ тоже должны были служить подготовительнымъ средствомъ къ духовному званію.

Но теперь настало время, когда для ораторскаго таланта открылось новое поприще; это—эпоха раскола и преобразовательныхъ соборовъ. Безчисленное множество полемическихъ сочиненій, публичныя рѣчи и споры придали дѣятельности риторовъ характеръ страстной агитаціи. Всюду желали имѣть людей, которые бы умѣли писать въ полемическомъ тонѣ горячо и убѣдительно и говорить блестящія рѣчи. А парижскій университетъ не только принималъ участіе въ этой борьбѣ, но и самъ сталъ церковною силою. Отъ него исходили требованія реформъ, онъ шелъ впереди другихъ университетовъ, въ особенности тѣхъ, которые были внѣ Италіи, и его члены нерѣдко вели отчаянную борьбу въ Пизѣ и Констанцѣ. Они стояли во главѣ новаго движенія, гдѣ требовалась сила слова, и потому старались выработать орудіе для этой борьбы.

Между двумя признанными свѣтилами парижскаго университета, Пьеромъ д'Альи и Жаномъ Шарлье де Жерсономъ, который былъ на 13 лѣтъ моложе перваго, замѣтно большое различіе въ отношеніи ихъ къ классической литературѣ, хотя они вполне согласны въ своихъ церковныхъ и богословскихъ взглядахъ. Первому нельзя отказать въ многосторонней начитанности и риторической возвышенности рѣчи, а послѣдній больше напоминаетъ собою духовныхъ проповѣдниковъ, чѣмъ Цицерона. Но гуманистическихъ стремленій первый былъ еще совершенно чуждъ. Кого попеченіе о будущности церкви заставляетъ заниматься астрологіею, того не коснулся духъ Петрарки и его послѣдователей. Мы понимаемъ, почему д'Альи въ Констанцѣ не вступилъ въ сношенія съ Поджіо и его товарищами и почему итальянскіе гуманисты не обращали на него вниманія какъ на оратора и писателя ¹⁾. Его ученикъ и другъ Жерсонъ въ молодые годы даже пробовалъ писать стихи и иногда упоминаетъ о своихъ произведеніяхъ въ проповѣдяхъ и рѣчахъ, какъ напр. объ одной буколикѣ, относившейся къ расколу. И Петрарка любилъ прибѣгать къ этой поэтической формѣ для такихъ же цѣлей ²⁾. Жерсонъ любитъ уснащать примѣрами и ссылками не богословскія свои сочиненія, а рѣчи и проповѣди. Д'Альи ссылается на Виргилія, Теренція, Горация, Стація, Цицерона, Сенеку, Цезаря, Саллюстія, Ливія, Светонія, Валерія Максима и другихъ писателей. Какъ ученый по профессіи, онъ давалъ мѣсто подобнымъ украшеніямъ только тогда, когда писалъ въ риторическомъ тонѣ. Слогъ его могъ счи-

¹⁾ Tschackert Peter von Ailly. Gotha 1877.

²⁾ Въ своей рѣчи 1403 г. къ папѣ Бенедикту XIII Жерсонъ ссылается на стихи изъ своей буколки у Bulaeus Hist. univers. Paris. T. V p. 71.

таться въ наваррской коллегіи столь-же образцовымъ, какъ и его богословское образованіе, но на немъ мало замѣтно вліяніе древнихъ. Его латынь груба, испещрена галлицизмами и схоластическими выраженіями, нерѣдко темна и папыщенна. Но онъ былъ любезенъ съ молодыми учеными, которые усердно занимались стилистикою и риторикою, если только они ставили богословіе во главѣ всѣхъ наукъ. Это имѣло не малое значеніе для преуспѣяннаго университета, въ которомъ онъ занималъ мѣсто руководителя въ качествѣ канцлера капитула храма Богоматери. Д'Альи и Жерсонъ и въ другихъ отношеніяхъ сходились съ гуманистами ближе, чѣмъ они сами думали. И они вступали въ борьбу съ діалектикою старой школы, съ тою «искусственною тканью паука», распутываніе которой больше изошряло умъ для борьбы, чѣмъ вело къ истинѣ. Но гуманисты возвеличили ученіе стоиковъ, а парижскіе ученые стремились къ простому и глубокому пониманію св. Писанія и основъ христіанскаго ученія ¹⁾).

Первый истинный гуманистъ во Франціи, у котораго искра итальянскихъ стремленій разгорѣлась яркимъ пламенемъ, былъ Жанъ де Монтрель ²⁾. И онъ—питомецъ парижскаго университета, но его образованіе шло независимо отъ двухъ великихъ богословскихъ свѣтилъ его. Онъ родился около 1355 г. и былъ только пятью годами моложе д'Альи, а старше Жерсона восемью годами. Своими наставниками Монтрель называетъ Пьера Мангака и Гонтье Коля, которые оба были поклонниками гуманныхъ наукъ, а послѣдній потомъ и королевскимъ секретаремъ вмѣстѣ съ нимъ, Неизвѣстно, изучалъ-ли онъ также богословіе и каноническое право; онъ достигъ иными путями духовныхъ мѣстъ и бенефицій. Монтрель никогда не имѣлъ также ученой степени и относился къ ней съ такимъ-же презрѣніемъ, какъ и итальянскіе модные ученые ³⁾. За то Монтрель вступилъ на то литературное поприще, которое было для него самымъ подходящимъ по его искусству въ слогѣ. Сначала онъ служилъ при папскомъ дворѣ, конечно, съ такимъ же нерасположеніемъ, какъ и Салютато ⁴⁾. Потомъ онъ сдѣлался пер-

¹⁾ Joh. Bapt. Schwab Johannes Gerson. Würzburg, 1858.

²⁾ Johannis de Monsterolio praepositi Insuleusis Epistolae selectae ap. Martene et Durand Vett. scriptt. et monum. ampl. collectio T. II. Parisiis 1724, p. 1311 seq. Къ сожалеанію, здѣсь изъ римскаго кодекса сообщается всего 76 писемъ, тогда какъ въ полномъ собраніи ихъ больше 200. Самъ авторъ издавалъ ихъ по частямъ. Это доказываютъ epist. 72. 73. 74. Странно, что послѣ того изданія никто не оцѣнилъ литературныхъ заслугъ этого дѣятеля!

³⁾ Такъ epist. 40 онъ хвалитъ одного монаха secundum cor meum, apprime litteris utilibus eruditum et, quod rarissimum est, sine cuiuspiam gradus titulo omni fere scientiarum genere peritum.

⁴⁾ Правда, это доказываетъ только его слова въ epist. 60: Qui Romana in curia non parvam dierum portionem convampsi.

вымъ секретаремъ дофина, также герцоговъ бургундскаго и орлеанскаго, наконецъ канцлеромъ Карла VI, не оставляя побочныхъ должностей при принцахъ. Какъ канцлерь, онъ писалъ наиболѣе важныя посланія къ папашъ и государямъ, которые, какъ кажется, потомъ собрались. Ему вѣрялись политическія порученія, и онъ былъ вообще человѣкъ, пользовавшійся значеніемъ и вліяніемъ. Поэтому и Монтрель имѣлъ церковныя доходы. Обыкновенно его называютъ лильскимъ священникомъ; но въ силу папскаго разрѣшенія онъ могъ получать доходы изъ этого города не живя тамъ. Онъ имѣлъ разныя бенефиціи при соборахъ и церквахъ и легко находилъ средства увеличивать число ихъ и даже доставлять своимъ друзьямъ. Монтрель самъ говоритъ, что онъ пользуется обильными доходами и нѣсколькими жилищами. Одинъ завистливый недоброжелатель его, служившій секретаремъ у герцога Орлеанскаго, выставляетъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ тѣ средства, которыми онъ достигаетъ такихъ богатствъ и роскошной жизни, и думаетъ, будто онъ домогается Богъ въсть какаго высокаго положенія. Онъ изображаетъ Монтреля человѣкомъ высокомернымъ, который желаетъ прослыть философомъ, поэтомъ и ораторомъ, передать свое имя потомству и проводить весело время съ бѣдными и ничтожными друзьями ¹⁾. Но пышная и роскошная жизнь Монтреля кончилась печальною катастрофою. Въ іюнѣ 1418, когда войско герцога бургундскаго вторглось въ Парижъ, онъ былъ убитъ въ пылу смятенія. Ему было 62 года ²⁾.

Если такой человѣкъ выбралъ своими руководителями величайшихъ гуманистовъ Италіи, то подобный фактъ былъ тѣмъ знаменательнѣе, что въ этомъ отношеніи онъ былъ единственнымъ ученымъ среди своихъ французскихъ соотечественниковъ. Петрарка былъ для него «величайшимъ философомъ—моралистомъ». Онъ потратилъ два мѣсяца на то, чтобы сравнить свой экземпляръ сочиненія О средствахъ противъ горя и радостей съ нѣкоторыми другими съ перомъ въ рукахъ и исправить его. Монтрель былъ въ восторгѣ отъ той морали и житейской мудрости, отъ множества тѣхъ историческихъ повѣствованій, какія нашелъ въ немъ, и отъ его краснорѣчиваго слога. По его словамъ, его слѣдуетъ назвать зеркаломъ человѣческой жизни. Ученый охотно вѣрилъ, когда еще живые современники Петрарки сообщали, что послѣдній велъ жизнь по примѣру Иисуса Христа. Онъ столь же горячо желалъ имѣть и другія сочиненія Петрарки и, ставилъ ихъ наравнѣ съ лучшими произведеніями классиковъ. Но и Монтрель гнѣвался на Петрарку за тотъ отзывъ, будто внѣ Италіи не слѣдуетъ искать ораторовъ и поэтовъ ³⁾. По-

¹⁾ epist. 6. 75.

²⁾ По глоссъ на поляхъ въ римскомъ спискѣ его писемъ.

³⁾ epist. 38. 64. 60.

однако онъ мимоходомъ упоминаетъ и объ его сочиненіи О горахъ рѣкахъ и т. д. ¹⁾). Но непосредственнымъ образцомъ для Монтреля былъ Салютато, флорентинскій канцлеръ. Онъ никогда не видалъ его, но считалъ за счастье имѣть нѣкоторыя его сочиненія. Французскій ученый послалъ въ подарокъ ему и его женѣ прекрасныя произведенія французскаго искусства. Онъ убѣдительно просилъ канцлера позволить списать для него его письма изъ коихъ нѣкоторыя рано распространились по дальнимъ странамъ. Салютато обѣщалъ исполнить его желаніе, но съ условіемъ, что онъ не издастъ ихъ ²⁾. Чѣмъ Монтрель обязанъ былъ этимъ письмамъ, видно изъ его собственныхъ произведеній въ томъ же родѣ. Для него Салютато—отецъ латинскаго краснорѣчія ³⁾).

Въ 1412 г. Жанъ де Монтрель явился въ Римъ посломъ отъ своего короля къ папѣ Іоанну XXIII и пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ вѣчномъ городѣ. Тутъ онъ подружился съ Ліонардо Бруни, папскимъ секретаремъ, по рекомендаціи котораго могъ обратиться къ Никколи на возвратномъ пути, такъ какъ желалъ видѣть его великолѣпную бібліотеку. Быть можетъ, это посѣщеніе повело къ тому, что Монтрель впоследствии заказывалъ въ Італіи переписку книгъ, которыхъ, насколько онъ зналъ, не было ни у кого во Франціи ⁴⁾). Такимъ образомъ онъ былъ первымъ и, безъ сомнѣнія, на долгое время единственнымъ французскимъ ученымъ, который преодолѣлъ въ себѣ національное самолюбіе и рѣшился учиться у заальпійскихъ сосѣдей.

Быть можетъ, многія изъ сочиненій Монтреля забыты или оставлены безъ вниманія. Въ юные годы онъ писалъ и на народномъ языкѣ, сочинялъ стихи, вѣроятно, остроумнаго или нескромнаго содержанія ⁵⁾). Мы имѣемъ только избранныя его письма къ друзьямъ. По слѣду краснорѣчія и реторики, онъ довольно близко подходитъ къ своему итальянскому образцу, особенно когда, подобно Салютато, пишетъ по вопросу о расколѣ или впадаетъ въ страстный и раздраженный

¹⁾ epist. 40.

²⁾ Salutati epist 13 ed. Mehus, такъ же какъ epist. 75 въ числѣ писемъ Монтреля. Письмо—раньше 1396 г., когда умерла жена Салютато.

³⁾ epist. 59.

⁴⁾ Leon. Bruni epist. IV, 2 ed. Mehus къ Никколи: Cum Joanne praeposito Insulensi, qui aliquot menses apud nos fuit a rege Francorum legatus, viro humanissimo atque doctissimo et studiorum nostrorum ardentissimo magna mihi familiaritas est. Это то самое посольство, о которомъ упоминаютъ Joh. de Monst. ep. 64 с. Nic. de Clemangis epist. 24. 25. О копіяхъ книгъ Joh. de Monst. epist. 66.

⁵⁾ Epist. 45 онъ боятся, что его станутъ поирать за эти nugae, levitas et scurrilas in eo quad vulgari sermone editum est.

тонъ. Онъ могъ писать и легкимъ слогомъ. Иногда въ его письмахъ, какъ и въ письмахъ Петрарки, а впоследствии Поджіо, Бруни и Пякколомини, встрѣчаются путевые очерки, написанные бойко, въ юмористическомъ тонѣ. Таково напр. его описаніе монастыря Шарлье близъ Санли, или фландрскихъ и нѣмецкихъ городовъ, посѣщенныхъ имъ ¹⁾). Во Франціи онъ первый рѣшился обращаться по классически въ единственномъ числѣ къ папамъ и государямъ.

По своимъ гуманистическимъ стремленіямъ королевскій канцлеръ вообще напоминаетъ Салютато во многихъ отношеніяхъ. Онъ охотно и часто цитируетъ классиковъ, на которыхъ воспитывался его умъ въ юности, изъ поэтовъ въ особенности Вергилія, котораго называетъ солнцемъ краснорѣчія и хвалитъ за глубокомысленную таинственность, и Теренція; а изъ прозаиковъ Саллюстія и Сенеку. Цицеронъ для Монтреля «высшій философъ», но онъ знаетъ также и нѣкоторыя рѣчи его; у него были и его письма. Канцлеръ желалъ имѣть и другія сочиненія римскаго оратора, которыя во Франціи трудно было найти въ одномъ мѣстѣ въ такомъ количествѣ, въ какомъ они были напр. у Петрарки ²⁾). Вообще ему извѣстны всѣ болѣе распространенные классики; конечно, во Франціи ихъ нельзя было найти въ такомъ изобиліи, какъ во Флоренціи. Далѣе нельзя отрицать его усилій выработать болѣе чистый языкъ, хотя и у него проскальзывало еще много средневѣковыхъ словъ и формъ. Но онъ сожалѣлъ о томъ, что однажды употребилъ форму *proxiuog* вмѣсто *proxiog* (ближе: правильна только послѣдняя форма). Часто онъ, подобно Салютато, сомнѣвается въ орѳографіи, напр. правильно-ли написаны слова *carut*, *kalamus*. Если Папіасъ Гугуціонъ и другіе кампиляторы не давали ему отвѣта, то, разумѣется, обратиться за совѣтомъ было не къ кому, какъ во Флоренціи обращались къ Никколи ³⁾).

Если Жанъ де Монтрель былъ ярымъ патриотомъ, то въ этомъ не слѣдуетъ видѣть вліянія Салютато. Но это не обусловливалось и его положеніемъ, какъ канцлера. Въ немъ мы совсѣмъ не видимъ истиннаго придворнаго. Его таланты и богатство обеспечивали ему независимое положеніе. Конечно, должность привязывала канцлера ко двору, но онъ отзывался неблагоклонно о придворной жизни, подобно Петраркѣ, напротивъ любилъ мирную жизнь въ деревнѣ и уединеніе ⁴⁾). Но

¹⁾ epist. 40. 53.

²⁾ epist. 19.

³⁾ Въ epist. 65 производится посылка списка Цицероновыхъ сочиненій, въ которомъ помѣщены *libri morales Tullii* и нѣсколько рѣчей.

⁴⁾ epist. 15. 69.

⁵⁾ epist. 41. 62.

историю и является горячим поборником галликанских церковных вольностей. Франція для него страна справедливости и единственный оплот вѣры ¹⁾).

Особенной приверженности къ вѣрѣ у канцлера нѣтъ. Правда, онъ и не язычникъ; при томъ правовѣріи, какое господствовало при дворѣ и въ университетѣ, это повело бы къ его паденію. Если его вызывали, то онъ говорилъ, конечно, о своихъ занятіяхъ Амвросіемъ, Иеронимомъ, Августиномъ и Григоріемъ. О схоластикахъ, разумѣется, Монтрель не упоминаетъ. Но ясно видно, что онъ больше обращалъ вниманія на «свѣтскихъ наставниковъ», чѣмъ на помянутыхъ отцовъ Церкви, что ему больше были по душѣ законы Ликурга, чѣмъ ученіе первыхъ. Это былъ вполнѣ мірянинъ какъ по жизни, такъ и по характеру ученыхъ занятій. Для такого человѣка въ Парижѣ, конечно, мало было приятныхъ собесѣдниковъ. Монтрель былъ въ короткихъ отношеніяхъ только съ своимъ прежнимъ наставникомъ, Гонтье Колежъ, міряниномъ, имѣвшимъ жену и дѣтей, а въ особенности съ Николаемъ де Клеманжъ. Но и послѣдній съ лѣтами все болѣе прилѣплялся къ христіанству и богословію, уговаривалъ своего друга, любившаго наслаждаться жизнью, отречься отъ Аполлона и музъ, больше не пить изъ Геликона (!) и не подниматься на Парнасъ, оставить «преступныя языческія заблужденія», а также свои обычныя шутки и рассказы и посвятить по крайней мѣрѣ остатки своихъ дней чтенію св. Писанія и служенію Богу ²⁾. Гуманистъ этотъ былъ одинокимъ явленіемъ на своей родинѣ, въ Сорбоннѣ, тогда какъ во всякомъ большомъ итальянскомъ городѣ нашель бы въ то время людей, родственныхъ себѣ по духу.

Николай де Клеманжъ родился около 1360 г. въ деревнѣ того же имени въ Шампани ³⁾. Двѣнадцати лѣтъ онъ уже оставилъ родину и поступилъ въ бурсу наваррской коллегіи, чтобы пройти учебный курсъ начиная съ грамматики. Д'Альи и Жерсонъ были одинъ послѣ другаго начальниками этой коллегіи и дали ей совоеобразное направленіе, которое усвоилъ себѣ и Клеманжъ. Онъ прямо говоритъ, что ни-

¹⁾ Epist. 19 къ папѣ Бенедикту XIII § 7: Franciae regnum iusititae basis est et columen ac unicum fidei stabilimentum.

²⁾ Joh. de Monst. epist. 43. 60. Nic. de Clemangiis epist. 10. 19. 92.

³⁾ Nicolai de Clemangiis Opera omnia ed. Lydius Lugduni Batav. 1613. Всѣхъ Epistolae, къ сожалѣнію, и здѣсь не помѣченныхъ числами, а только мѣстами, гдѣ писались, въ этомъ изданіи — 137. Кроме того есть отъ 12 до 15 посланій, написанныхъ отъ имени парижскаго университета. Новое изданіе, приготовляемое Гомъ, еще выходило. Полезна біографія Адольфа Мюнтца Nicolas de Clémanges. Sa vie ses écrits. Thèse etc. Strasbourg 1846. Здѣсь рассмотрѣны письма Жана де Монтрель, котораго авторъ ошибочно называетъ Monstrelet.

когда не былъ въ Болоньѣ, какъ думали при авиньонскомъ дворѣ, и вообще не посѣщалъ Италіи. Только Парижъ и его университетъ воспитали его. Клеманжъ прошелъ тутъ тривіумъ и квадривіумъ либеральныхъ наукъ и былъ въ апрѣлѣ сдѣланъ кандидатомъ факультета искусствъ, чѣмъ обуславливалось право преподаванія, потомъ магистромъ. Въ маѣ 1381 г. онъ началъ читать лекціи ¹⁾. Въ это-то время онъ и преподавалъ реторику по Цицерону, а по временамъ и старинную реторику по Аристотелю, и вѣроятно, также объяснялъ поэтовъ, напр. Виргилія и Теренція ²⁾. Въ то время онъ преимущественно любилъ гуманистическія занятія, чтеніе поэтовъ, обработку слога и реторику. Подобною склонностью онъ не былъ обязанъ вліянію наставниковъ; сомнительно даже, былъ ли онъ въ то время знакомъ съ старшими современниками, которые занимались этими отраслями и были самыми близкими его друзьями. Таковы Жанъ де Монтрель и Гонтье де Коль. Самъ онъ говоритъ, что его наставникомъ было постоянное и внимательное чтеніе краснорѣчивыхъ древнихъ писателей, неутомимое упражненіе и «природныя умственные способности ³⁾». Онъ прибавляетъ, что главнымъ образомъ изучалъ Цицерона и Квинтиліана, но долженъ сказать, что въ отношеніи краснорѣчія ему принесли больше пользы рѣчи Цицерона, чѣмъ его теоретическія сочиненія. И тутъ мы видимъ на примѣрѣ, что для людей даровитыхъ лучшими наставниками были сами древніе.

Съ 1386 г. Николай де Клеманжъ началъ изучать богословіе подъ руководствомъ д'Альи въ той же коллегіи и черезъ пять лѣтъ получилъ дипломъ бакалавра. Степени доктора богословія онъ не получилъ. Это была однако цвѣтущая пора его жизни. Въ 1393 г. его избрали ректоромъ университета. Николай, какъ отличный стилистъ, долго сочинялъ для него памятные записки и извлеченія, и онъ являлся значительною силою во время еретическихъ волненій, также при рѣшеніи вопросовъ церковныхъ и богословскихъ ⁴⁾. Однако его значеніе въ университетѣ основывалось не на богословскихъ свѣдѣніяхъ. Тутъ его слава блѣднѣла передъ величіемъ д'Альи и Жерсона, потому что послѣдніе были въ то же время и канонистами. Бого-

1) Bulacus Hist. Univ. Paris T. IV p. 976.

2) Epist. 4. 5.

3) Epist. 4: Studium, usum, exercitium, assiduam attentamque lectionem auctorum eloquentium, cum aliqua forte ingenii aptitudine—pronitas quaedam ingenii et mira supra modum delectatio, quae meum vehementius animam ad illa studia impellebat, imo rapiebat, atque ab aliis multis studiis non placitis, abducebat. cf. epist. 66.

4) Epist. 42.

словесная ученость Кассиана почти не шла дальше обширнаго, но дилеттантскаго знакомства съ св. Писаніемъ. Это, пожалуй, было направленіе благотворное, но не научное. Его значеніе въ сущности основывалось на его писательскомъ талантѣ и на его моралистическомъ образованіи, которыми онъ обязанъ былъ древности и св. Писанію.

Жизнь профессора въ то время была сама по себѣ не блестящая, и этотъ классъ людей въ особенности сильно домогался церковныхъ бенефіцій. Поэтому Николай сталъ искать должность секретаря при папскомъ дворѣ, т. е. при авиньонскомъ. Папа Бенедиктъ XIII, возведенный на престолъ въ 1394 г., былъ мужъ ученый и ревностный собиратель рѣдкихъ книгъ, не исключая и классическихъ. Николай тотчасъ же отправилъ къ первосвященнику два посланія, обращаясь къ нему въ единственномъ числѣ, какъ къ поклоннику Цицерона, убѣждалъ его искоренить расколъ и рекомендовалъ своего доброжелателя д'Альи, какъ перваго совѣтника по дѣламъ церкви. Правда, Николай не былъ особенно склоненъ къ канцелярской работѣ, но все таки могъ отличиться своими талантами. Кардиналъ Галеотто де Пьетрамала обратилъ на него вниманіе. Это былъ поклонникъ гуманныхъ наукъ, который самъ желалъ прославиться краснорѣчіемъ. Онъ выразилъ свое удивленіе, что французъ могъ достичь такихъ успѣховъ въ риторикѣ и поэтикѣ, которыя считалъ господствующими только въ Италіи. Но Николай такъ отличился въ двухъ письмахъ какъ ораторъ и поэтъ, что его пригласили къ римскому двору. Кардиналъ принялъ его съ изысканною любезностью, показалъ ему свою библіотеку, предложилъ пользоваться ею и представилъ папѣ и другимъ кардиналамъ. Когда кардиналъ умеръ въ Вьеннѣ, то Клеманжъ написалъ въ честь его эпитафію элегическимъ размѣромъ. Вѣроятно, онъ пробылъ въ Авиньонѣ больше десяти лѣтъ и былъ, насколько мы знаемъ, первый папскій секретарь, обладавшій гуманистическимъ образованіемъ. Въ то время онъ получилъ должность каноника при лангрскомъ соборѣ. Пока Франція признавала папу, для парижскаго профессора нисколько не было предосудительно служить ему. Но когда скопилась гроза надъ головою папы и собрался соборъ въ Пизѣ, то положеніе его стало затруднительнымъ. Николая обвиняли даже въ томъ, будто бы онъ въ 1407 г. составилъ отлучительную буллу противъ короля и королевства, обнародованную папою Бенедиктомъ. Клеманжъ отрицалъ это, утверждая, что онъ уже за три мѣсяца передъ тѣмъ оставилъ курію, такъ что когда появилась булла, онъ жилъ въ Генуѣ. Онъ горько жаловался на своихъ соотечественниковъ, которые клеветаютъ на человѣка, пробудившаго во Франціи давно умолкнувшее краснорѣчіе и довелъ его до цвѣтущаго состоянія. Но онъ

все таки остался подъ подозрѣніемъ и на первое время не могъ явиться въ Парижъ ¹⁾).

Цѣлые годы Клеманжу приходилось упражняться въ невольной созерцательной жизни, сначала въ Лангрѣ, потомъ у картезианцевъ въ Вальпрофонѣ и Фонтэнъ-дю-Бо. Матеріальной нужды онъ не терпѣлъ, потому что у него были бенефиціи. Кромѣ канониката въ Лангрѣ, другъ его Жанъ де Монтрель доставилъ ему другой въ Лиллѣ и должность кантора въ Банэ; когда онъ получилъ въ послѣднемъ городѣ мѣсто каноника, то долженъ былъ отказаться отъ лангрскаго. Жанъ старался снова увлечь его въ Парижъ, гдѣ онъ могъ поступить секретаремъ ко двору или къ какому нибудь принцу. Но Николай не желалъ этого; онъ не хотѣлъ унижаться до употребленія народнаго языка и боялся, по его словамъ, что утратитъ краснорѣчіе. Онъ опасался также, что въ Парижѣ навлечетъ на себя новыя непріятности. Клеманжъ не хотѣлъ снова поступать и на службу при римскомъ дворѣ, не смотря на приглашеніи, но предпочиталъ сосредоточенную жизнь въ уединеніи. Онъ намѣревался заняться въ Лангрѣ изученіемъ св. Писанія, посвятивши столько лѣтъ чтенію поэтовъ и ораторовъ. Теперь Клеманжъ, подобно Петраркѣ, ратовалъ противъ жизни въ городѣ и хвалилъ свое уединеніе; но кардиналъ д'Альи полагалъ, что онъ шутитъ. Впрочемъ Николай искалъ не монастырскаго уединенія, а находилъ столь же плодотворнымъ уединеніе «въ собственной душѣ». Однако онъ наконецъ опять воротился въ Парижъ и снова началъ читать лекціи краснорѣчія и богословія. Неизвѣстно, въ которомъ году онъ умеръ, но въ 1440 г. о немъ говорится уже какъ о покойникѣ ²⁾).

И его сочиненія извѣстны далеко не всѣ, а въ особенности желательно бы найдти въ парижскихъ сборникахъ нѣкоторыя поэтическія произведенія его юныхъ лѣтъ. Его искусство писать латинскіе стихи заставляетъ предполагать, что онъ много упражнялся въ этомъ родѣ. Почти все, чтó у насъ есть, относится къ тому времени, когда Клеманжъ посвящалъ свой талантъ только церковнымъ и религіознымъ сюжетамъ. Но онъ непренебрегалъ потомъ и сюжетами другаго рода. Это показываетъ намъ его новелла на латинскомъ языкѣ, которая начинается похищеніемъ и кончается вопросомъ: если женщина убьетъ себя для спасенія своей чести, будетъ-ли это смертнымъ грѣхомъ? Этотъ сюжетъ, внушенный повѣствованіемъ Ливія о Лукреціи, былъ

¹⁾ Epist. 2. 13. 4. 5. 12. 14. 42. 45. 46.

²⁾ Epist. 14. 19. 28. 104. Сочиненіе De fructu egermi, адресованное къ Д'Альи, въ Opp. p. 121 seq. Müntz. p. 17.

обработанъ въ Италіи Джіованни да Равенна и Салютато, и въ немъ легко можно указать на противорѣчіе языческихъ понятій съ христіанскими. Пятонецъ наваррской коллегіи однако не отваживается выразить своего тайнаго удивленія Лукреціи. Онъ не хочетъ хвалить ея поступка, а только «снисходительно извиняетъ его». Но авторъ поставилъ свою Цивидисъ выше римлянки, потому что она не допустила оскорбленія, а предупредила его. Онъ полагаетъ также, что она незадолго передъ смертію раскаялась въ самоубійствѣ и Богъ простилъ ее ¹⁾).

Эта новелла, конечно, возникшая не безъ вліянія новеллы Джіованни да Равенна и нравственныхъ трактатовъ Салютато, служитъ единственнымъ доказательствомъ знакомства Клеманжа съ гуманистическою литературою Италіи. Онъ даже какъ бы умышленно отрицалъ ее. Какъ могъ Николай равнодушно относиться къ Петраркѣ, которому поклонялся другъ его Жанъ де Монтрель! Онъ знаетъ его, но никогда не ссылается на его сочиненія и не хвалитъ ихъ; только разъ вооружается французскій ученый противъ одного его мнѣнія, что внѣ Италіи нельзя искать ораторовъ и поэтовъ. «Италія, говоритъ Клеманжъ, тоже не можетъ указать на другаго поэта и оратора кромѣ Петрарки ²⁾». По видимому, французская національная гордость помѣшала ему признать первенство Италіи въ дѣлѣ новаго искусства.

Изъ другихъ сочиненій Клеманжа всего больше читались его церковно-политическіе и чисто-политическіе трактаты. Подобно парижскому университету и своимъ прямымъ образцамъ, д'Альи и Жерсону, и онъ постоянно чувствовалъ стремленіе высказаться по животрепещущимъ вопросамъ церкви и государства. Расколъ и испорченность церкви во главѣ и членахъ ³⁾, бури, не смолкавшія до самаго открытія констанцскаго собора и потрясавшія церковную организацію, давали обильный матеріалъ для рѣчей моралисту и богослову, который съ высоты своего нравственнаго величія издавалъ жалобные вопли и увѣщанія. Какъ опытный публицистъ, онъ изображалъ Францію подъ видомъ больного организма, просилъ помощи для поруганнаго правосудія и описывалъ ужасы междоусобныхъ войнъ, но не могъ ни-

¹⁾ *Historia de raptoris raptaeque virginis lamentabili exetur*, приписанная издателемъ въ Praefatio прямо Николаю де Клеманжесъ, у *Homney Supplementum Patrum*, Paris. 1866, p. 508 seq.

²⁾ *Epiat.* 5, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что онъ заимствуетъ это положеніе Петрарки изъ письма кардинала Пьетрамала, чтобы опровергнуть его.

³⁾ Я полагаю, вопреки Мюнтцу, что и *De corruptio ecclesiae statu liber* принадлежитъ Клеманжу, что я по мнѣнію моему доказалъ въ *Enea Silvio Bd. I s. 194*. Въ то время въ парижскомъ университетѣ никто не владелъ тѣмъ слогомъ.

чѣмъ пособить отечеству кромѣ «жалобъ и тяжелыхъ сѣтованій ¹⁾». Такъ и Петрарка, когда предпріятіе Колы рушилось, не могъ ничего дать Италіи кромѣ «слезъ ²⁾».

И письма Клеманжа по формѣ изложенія нерѣдко приближаются къ трактатамъ. Появленіемъ ихъ мы обязаны тѣмъ обстоятельствамъ его жизни, которыя разлучили его съ родиною, съ д'Альи, Жерсономъ, Жаномъ де Монтрель и Гонтъе де Колежъ. Кромѣ нихъ у него почти не было близкихъ людей, которые могли бы оцѣнить его эпистолярный слогъ, выработанный на сочиненіяхъ Цицерона. Подобно своему другу Жану, и онъ нерѣдко вставляетъ въ свои письма картины природы и описанія городовъ; у него есть напр. наглядное изображеніе Ниццы, которую онъ посѣщалъ въ свободное время отъ должностныхъ занятій при римскомъ дворѣ ³⁾.

Николай Клеманжъ основательно подготовился къ изученію гуманитарныхъ наукъ. Изъ классическихъ сочиненій онъ зналъ и нѣкоторыя рѣдкія, которыхъ долго не было въ Италіи, изъ поэтовъ Персія, изъ прозаиковъ письма Цицерона къ друзьямъ, которыя въ Италіи первый читалъ Салютато, тогда какъ во Франціи они, по видимому, были не особенно рѣдки; сочиненіе Цицерона Объ ораторѣ, которое получено было въ Италіи въ исправномъ видѣ только въ 1422 г., а въ числѣ разныхъ рѣчей Цицерона и рѣчь за поэта Архія, которую Петрарка нашелъ въ Люттихѣ какъ нѣчто новое. Квинтилианъ былъ знакомъ ему, хотя мы не знаемъ, въ полномъ ли видѣ или въ искаженномъ, какой былъ въ Италіи раньше находки Поджіо. Письма Плинія младшаго были у его друга Коля. Но какъ ни любить онъ ссылаться на классиковъ, приводя рядомъ мѣста изъ св. Писанія, все это служить для него лишь украшеніемъ. Онъ не вполне усвоилъ себѣ античный духъ, если не принимать за плодъ его классическихъ изученій освобожденіе отъ астрологическихъ суевѣрій и другихъ призраковъ. Клеманжъ собственно научился у древнихъ только лучшему латинскому языку и болѣе возвышенному слогу. Во всѣхъ его сочиненіяхъ встрѣчается множество схоластическихъ выраженій и варваризмовъ ⁴⁾, и онъ не могъ дойти до легкаго и остроумнаго изложенія итальянцевъ.

¹⁾ Epist. 63 къ Жерсону.

²⁾ Трактаты, на которые я ссылаюсь здѣсь, есть въ Opp. Самъ Николай просмотрѣлъ эти libelli и tractatuli и приготовилъ къ изданію; это видно изъ epist. 109. Къ публицистикѣ не относятся разсужденія De fructu eremi (Opp. p. 121 seq., причѣмъ вовсе не упоминается о знаменитомъ сочиненіи Петрарки) и De Studio theologico у D'Achery Specileg. T. I ed. nov. p. 472.

³⁾ Epist. 39.

⁴⁾ Издатель Лидіусъ собралъ ихъ въ Glossarium latinobarbarum.

Но природной способностью къ реторикѣ, въ связи съ классическими вліяніями, было достаточно, чтобы обратить на него вниманіе кардинала Пьетрамалы и напомнить ему объ итальянской школѣ. Николай долго и прилежно изучалъ краснорѣчіе. Онъ знаетъ также, что «высшая задача искусства состоитъ въ томъ, чтобы скрыть искусство. потому что чѣмъ сильнѣе оно обнаруживается, тѣмъ больше убѣжденіе теряетъ свою силу». Но онъ все таки впадаетъ въ многословіе, въ изысканный тонъ проповѣдника и въ высокопарность восточнаго краснорѣчія. Чѣмъ больше читаемъ его сочиненія, тѣмъ болѣе является онъ самодовольнымъ, многословнымъ, часто болтливимъ фразеромъ.

По мѣрѣ того, какъ Клеманжъ близился къ старости, онъ все рѣшительнѣе удалялся отъ свободной и живой манеры изложенія своего друга Жана де Монтрель. Хотя послѣдній былъ не мірянинъ, но вель себя какъ мірянинъ, не смотря на свои бенефиціи. Въ Клеманжѣ выступилъ на первый планъ бакалавръ богословія, и д'Альи и Жерсонъ снова стали его идеалами, такъ какъ они выдавали и классическія занятія лишь за умственные упражненія юныхъ лѣтъ¹⁾. Клеманжъ хочетъ посвятить свой литературный талантъ и всѣ свои способности на служеніе религіи и церкви, ссылается только на св. Писаніе, рѣдко даже на отцовъ Церкви, а на классическую мудрость смотритъ такъ же, какъ и Жерсонъ. Онъ уже не восторгается поэтами и приводитъ ихъ изреченія лишь въ видѣ нравственныхъ правилъ²⁾. Николай забывается въ рѣчи не о красивыхъ выраженіяхъ, а о серьезныхъ и плодотворныхъ мысляхъ и желаетъ всецѣло посвятить себя изученію св. Писанія. Если краснорѣчіе, по его словамъ, стремится къ ничтожному блеску, то оно уже не краснорѣчіе, а пустая шумиха словъ³⁾. Онъ съ пренебреженіемъ относится къ тѣмъ долгимъ годамъ своей жизни, которые онъ нѣкогда посвятилъ изученію языческихъ писателей, и ищетъ спасенія только въ изслѣдованіи Писанія и священныхъ наставниковъ, объяснившихъ его. Какъ гуманистъ рядомъ съ Жаномъ де Монтрель и какъ богословъ рядомъ съ Жерсономъ Клеманжъ занимаетъ лишь второе мѣсто.

Великая заслуга этихъ богослововъ состоитъ въ томъ, что они указывали, какъ на источникъ познанія вѣры, на св. Писаніе и исключительно на св. Писаніе. Но весьма замѣчательно, что ни одинъ изъ нихъ никогда не думалъ о первоначальныхъ языкахъ Писанія и не

1) О Жерсонѣ онъ говоритъ epist. 32: Ille praesertim inter caeteros praeceptor meus, pio animarum zelo magnopere accensus, caelestisque itineris dux atque praemonstrator optimus.

2) Такъ онъ пишетъ въ epist. 19 къ Жану де Монтрель: Satis diu ego et tu fabulis, dum aetas iunior forebat, indulsumus.

3) Epist. 10 къ нему же. Ср. также мѣсто въ Disputatio (Opp. p. 79).

выражалъ желанія познакомиться по крайней мѣрѣ съ греческимъ языкомъ. Это объясняется лишь преданіемъ парижскаго университета, подъ обаяніемъ котораго всѣ они находились, и гордымъ нежеланіемъ вступать въ союзъ съ направленіемъ, вновь пробудившимся въ Италиі. Даже у людей, у которыхъ обнаружались гуманистическія стремленія, не пробуждалось воспоминаній о древней Элладѣ. Постановленіе вьенскаго собора (1311 г.), въ силу котораго въ университеты парижскій, болонскій, оксфордскій и саламанкскій должны быть приглашены по два наставника для языковъ еврейскаго и греческаго, насколько мы знаемъ, не было приведено въ исполненіе. Только въ 1430 г. французская нація назначила въ Парижѣ жалованье нѣкоторымъ наставникамъ, преподававшимъ языки греческій и еврейскій ¹⁾. Слѣдовательно, это дѣлалось для пользы богословія. Но только въ 1455 г. былъ приглашенъ читать лекціи греческаго языка и реторики гуманистъ, бывший въ Греціи, Грегорио да Читта ди Кастелло, съ жалованьемъ во 100 талеровъ.

Но здѣсь мы намѣревались обозрѣть только раннюю эпоху возрожденія во Франціи. Сѣмена, брошенныя ею, не могли пропасть даромъ, но дѣятельность ея въ сущности снова началась гораздо позднѣе. Это объясняется политическими судьбами страны, которыя надолго парализовали умственную жизнь.

Нельзя ожидать, чтобы на иберійскомъ полуостровѣ древность или итальянскіе провозвѣстники ея скорѣе нашли своихъ поклонниковъ, чѣмъ въ другихъ странахъ латинскаго цивилизованнаго міра. Но въ этой семьѣ испанскіе народы не особенно отстали отъ другихъ въ дѣлѣ національной и церковной литературы. Боккаціо называетъ ихъ полудичавшими варварами, но это съ его стороны кичливое невѣжество ²⁾; такъ думали въ сущности итальянцы обо всѣхъ отдаленныхъ народахъ. Королевскіе дворы въ Испаніи, университеты, духовенство обнаруживаютъ такую же умственную жизнь, каковую мы встрѣчаемъ напр. въ Англии. Намъ бы не удивило, если бы въ Испаніи явились люди, которые бы выражали восторженное поклоненіе древности или Петраркѣ. Но эта область литературы покрыта мракомъ неизвѣстности, или мы не сумѣли, быть можетъ, открыть слѣдовъ ея. Поэтому мы должны здѣсь ограничиться сопоставленіемъ тѣхъ извѣстій, которыя обнаруживаютъ вліяніе Италиі на сочувствіе къ древности, ея писателямъ и поклонникамъ.

1) Ut possent per eosdem in universitate Parisiensi illa idiomata pateferi, розпортеи въ постановленіи у Bullacus Hist. univ. Paris. T. V. p. 393.

2) Lettere ed. Corrazini p. 393: Hispani Semibarbari et esserati homines.

До сих поръ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ въ пользу того, что сочиненія Петрарки читались въ Испаніи, или что они по крайней мѣрѣ были извѣстны тамъ. Среди множества почитателей великаго человѣка, которые знали его и которыхъ онъ награждалъ своею дружбою, мы не встрѣчаемъ ни одного испанца. Только во времена Поджіо и послѣ великихъ соборовъ, сблизившихъ между собою ученыхъ разныхъ національностей, мы узнаемъ объ одномъ образованномъ испанцѣ, Фернардо дель Діасѣ, который велѣлъ списать для себя въ Испаніи письма Поджіо, читалъ ихъ съ великимъ наслажденіемъ, горячо желая получить письмо отъ самаго автора. Послѣдній исполнилъ его желаніе и назвалъ испанца человѣкомъ, любящимъ гуманистическія занятія ¹⁾. Потомъ хвалятъ Хуана II, короля Кастиліи и Лео-она, какъ особаго приверженца учености, и хвалятъ не одинъ Гвинифорте Барзицца, который, очевидно, желалъ поступить къ нему на службу ²⁾. Въ 1440 г. Пьеръ Кандидо Дечембрио посвятилъ ему шесть книгъ Илиады, переведенныя на латинскій языкъ прозою, къ которымъ онъ приложилъ жизнь Гомера ³⁾. И король съ удовольствіемъ читалъ сочиненія Поджіо, а послѣдній, узнавши объ этомъ, тотчасъ же послалъ ему свои новѣйшія произведенія и внушалъ далекому меценату уваженіе къ гуманнымъ наукамъ и писателямъ-гуманистамъ ⁴⁾.—Само собою понятно, что король Арагонскій Альфонсъ впервые почувствовалъ любовь къ наукамъ и усвоилъ духъ меценатства не въ Неаполѣ. Еще въ Барселонѣ въ 1432 г. онъ принялъ къ себѣ молодаго Гвинифорте Барзиццу въ качествѣ исторіографа. Еще въ Испаніи епископъ Сарагосскій, Далмацій де Мурро, былъ его великимъ канцлеромъ. Во время Констанцскаго собора Поджіо оцѣнилъ его искреннюю любовь ко всемъ наукамъ, и онъ всегда считался доброжелателемъ и другомъ ученыхъ ⁵⁾.

Также и изъ Португаліи нѣкто Веласкесъ обратился къ Поджіо съ просьбою о краткомъ наставленіи, какъ можно научиться краснорѣчію. Ему рекомендовали изучать Цицерона и Квинтиліана ⁶⁾. Замѣчательно, что въ этихъ странахъ легкой и игриво-нескромный языкъ Поджіо встрѣтилъ несравненно больше сочувствія, чѣмъ напр. во Франціи. Потомъ въ вѣкъ великихъ морскихъ путешествій, открытій и борьбы съ африканскими варварами итальянскіе гуманисты

1) Poggius epist. VI, 6 ed. Tonelli отъ 30 октября (1436 г.).

2) Guinif. Barzizii Oratt. et Epist. p. 92.

3) См. выше стр. 170.

4) Poggius epist. XI, 9 къ королю.

5) См. томъ I стр. 449. Poggius epist. IV, 14. IX, 19.

6) Poggius epist. VI, 4.

обратили вниманіе на далекій западъ. При римскомъ дворѣ съ напряженіемъ слѣдили за отважными экспедиціями и войнами, отличавшимися жаждою приключеній. И на этотъ разъ тотъ же Поджіо восхвалялъ высокое геройство Генриха, знаменитаго, инфанта съ какимъ онъ проникъ «до самыхъ отдаленныхъ береговъ океана», дальше, чѣмъ кто либо изъ древнихъ ¹⁾). Въ 1459 г. португальскій посоль въ Римъ во время бесѣды по этому поводу съ учеными слышалъ нѣсколько разъ о желаніи прочесть диковинныя извѣстія «объ Африкѣ и Маврахъ» въ хорошемъ изложеніи. Старый Флавіо Бьондо хотѣлъ принять этотъ трудъ на себя и желалъ получить отъ двора Альфонса V матеріалъ въ безыскусственномъ изложеніи. Но славныя дѣла надѣялись передать потомству въ самой Португаліи²⁾).

1) Poggius epist. IX, 35 отъ 1448 или 1449 г.

2) Письма Бьондо къ королю Альфонсу отъ 1 марта 1459 г. и къ послу Іоаннесу Фернанді отъ 30 января 1461 г. въ Cod. ms. F. 66 королевск. публичн. библ. въ Дрезденѣ fol. 113. 114.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Стремленія и заслуги гуманистовъ.

Бываютъ умственные движенія, совершающіяся въ извѣстный періодъ времени или ограниченныя извѣстнымъ пространствомъ. Но бываютъ и такія, которыя не опредѣляются этими условіями и, насколько простирается нашъ взоръ, дѣйствуютъ какъ бы на безграничномъ пространствѣ. Они то вызываютъ выдающіяся явленія, то распространяются путемъ незамѣтной пропаганды и все болѣе и болѣе охватываютъ человѣчество крѣпкими узами. Плоды ихъ въ то же время становятся достояніемъ общаго человѣческаго образованія, историческаго человѣчества. Поэтому мы можемъ сказать, что съ эпохою Николая V и распространеніемъ книгопечатанія классическая древность, давно забытая, становится снова прочнымъ наслѣдіемъ, котораго не можетъ уже погубить никакое варварство. Даже когда Италія впала въ хаотическій беспорядокъ, какъ предсказывали нѣкоторые пессимисты, уже успѣлъ подуть вѣтеръ, который разнесъ сѣмена ея гуманистическаго образованія по другимъ странамъ, и это упрочило его дальнѣйшее существованіе. Поэтому мы полагаемъ, что можемъ заключить нашъ обзоръ этою эпохою.

Разнообразныя личности и группы ихъ то обособляются, то являются передъ нами въ разныхъ сочетаніяхъ. Если мы до сихъ поръ охотно присматривались къ особенностямъ гуманистическихъ движеній въ частности, то теперь постараемся опредѣлить общее направленіе. Если мы до сихъ поръ знакомились преимущественно съ тогдашними гуманистами, то теперь намъ приходится анализировать самый гуманизмъ, идеи котораго воодушевляли всѣхъ ихъ.

Мы встрѣчали въ разныхъ странахъ людей, которые интересовались изученіемъ древности и увлекались формальными тонкостями итальянскаго гуманизма. Но они смотрѣли на изученіе его не какъ на

призваніе жизни и не посвящали ему себя всецѣло, они лишь пришли въ сопривосновеніе съ гуманизмомъ и получили отъ него извѣстную окраску. Истинные гуманисты, общій типъ этого класса людей, гуманистическое сословіе съ извѣстными формами общественнаго быта въ то время, которое мы изучаемъ, были только въ Италіи. Когда ключи св. Петра уже перенесены были за Альпы и народы стремились освободиться отъ единства іерархическихъ узъ, когда духовное владычество надъ міромъ продолжало существовать лишь какъ эхо, тогда Италія, не смотря на это, является еще разъ передовою страной въ дѣлѣ умственной жизни, обладая наследіемъ тѣхъ временъ, когда ея императоры повѣдывали цѣлому міру. Она нашла доступъ къ древности, открыла новый міръ въ мірѣ древнемъ, изслѣдовала его и могла предстать передъ другими народами съ сознаниемъ мудрой наставницы. Что удивительнаго, если для вождей этого новаго образованія Италія все еще «представляется главою Европы и имперіи», «царицею провинцій» и «наставницею народовъ», если они говорятъ о древнихъ римлянахъ какъ о «нашихъ предкахъ», если все это значительно усиливаетъ ихъ гордость передъ «заальпійскими варварами». Петрарка видѣлъ Парижъ, Фландрію съ ея кипучею промышленною дѣятельностію и часть Германіи; во Франціи варварство являлось передъ нимъ еще въ самой мягкой формѣ, но чѣмъ больше онъ путешествуетъ, по его словамъ, тѣмъ болѣе удивляется своей родинѣ Италіи. Какъ только онъ подумаетъ о Сѣверѣ, то сейчасъ же приходитъ на умъ сравненіе съ варварами Скивами. А Италія, раздробленная на множество частей, по своему высшему образованію и воспоминаніямъ о священной древности снова представляется ему цѣльнымъ организмомъ, общимъ отечествомъ, врагамъ котораго онъ можетъ противопоставить только жалобы, озлобленіе и память о Маріи и Цезарѣ ¹⁾. Какой другой народъ можетъ помѣряться съ итальянцами богатствомъ талантовъ! То, что совершили чужестранцы, или было уже осуществлено въ Италіи, или изучено ими въ этой странѣ. Вѣдь въ ней хранится основа всякаго образованія, латинскій языкъ; поэтому и умственное развитіе и истинная нравственность есть только въ Италіи ²⁾.

Мы вспоминаемъ изъ прежняго обзора многія рѣзкія выраженія противъ кичливыхъ и вѣтренныхъ грековъ, прожорливыхъ англичанъ, пьяныхъ нѣмцевъ. Такъ высказывалась насмѣшливость и гордость итальянцевъ. Но они говорятъ высокомернымъ тономъ, какъ бы въ упоеніи своего величія. Такъ какъ они черпали свое краснорѣчіе изъ древняго источ-

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. VII, 1. XIX, 4.

²⁾ Petrarca epist. rer. senil. IX, 1. (Opp. p. 937); Apologia c. cuiusd. Galli columbias (Opp. p. 1179 seq.); epist. metr. III, 24, гимнъ, посвященный имъ своему итальянскому отечеству при возвращеніи изъ Франціи.

нина императорской эпохи и даже доходила въ своемъ распорѣтѣ до крайности, то ораторамъ часто казалось, что снова должны возвратиться и сила и могущество прежнихъ временъ; и Италия опять будетъ повелѣвать міру. И если современная имъ эпоха не представляла ничего подобнаго, то они надѣялись на будущее. Тогда государи, воспитанные ими и проникнутые высокими духомъ древности, создадутъ новый героическій вѣкъ. О если бы они, подобно намъ, могли въ началѣ вѣка видѣть конецъ его! Въ половинѣ его было сокрушено могущество Византіи, греческаго Рима, и древняя Эллада, къ стыду христіанскихъ народовъ, должна была томиться подъ игомъ варваровъ. Къ концу вѣка Италия утратила и послѣднее обаяніе своего могущества, также большею частію свою національную свободу. Ею овладѣли народы, которыхъ она не могла уже назвать варварами. Она не противопоставила этимъ чужеземцамъ той «древней доблести», которую воспѣвалъ Петрарка въ канцонѣ *Italia mia*. Однако, именно во времена упадка нерѣдко среди націи преобладаетъ грустное воспоминаніе объ ея славномъ прошедшемъ, мечтательная любовь къ отечеству, которое въ своемъ безсиліи взываетъ къ доблести и боевому мужеству предковъ. Когда слабость Италии манила за Альпы уже чужеземныя войска, то население ея въ своей ребяческой гордости нарядилось въ костюмы и маски древнихъ римскихъ героевъ.

Национальной гордости соотвѣтствовало личное само мнѣніе тѣхъ людей, которые смотрѣли на себя какъ на воскресителей славнаго прошлаго, какъ на свѣтила своего времени и на пророковъ будущаго. Мы говорили выше о безграничной надменности Петрарки, указывали нравственную точку зрѣнія на него и признали это свойство такимъ феноменомъ, который почти нераздѣльно связанъ съ его личностью. Послѣдователи Петрарки усвоили лишь небольшую долю того, что у него вытекало изъ сокровеннаго источника, при таинственной борьбѣ собственныхъ стремленій, и играли этимъ какъ мыльными пузырями. Его пылокое желаніе славы у нихъ никогда не было глубоко развѣдающимъ и мучительнымъ чувствомъ; поэтому у нихъ обнаруживалось лишь мелкое тщеславіе и самообольщеніе. Жизнь и литературная дѣятельность, которыя онъ хотѣлъ привести въ гармонію, у нихъ все болѣе и болѣе разногласили между собою. Правило «нозней самого себя», служившее для него источникомъ новой и глубокой мудрости, у нихъ стало опять ничтожною фразой. Они полагали, что уже сроднились съ тою областью, которую онъ открылъ, но вращались въ ней какъ испанскіе хищники въ новой части свѣта, открытой Колумбомъ. То, что у Петрарки можно еще назвать великимъ и поразительнымъ, у нихъ часто оказывается мелкимъ и смѣшнымъ. Ихъ само мнѣніе возрасло то въ силу столкновеній и ли-

тературной борьбы, которую они вели между собою, то вслѣдствіе лести, которою они осыпали другъ друга какъ друзья. Но всего больше портило ихъ то поклоненіе, съ которымъ столь благосклонно и неумѣренно относился къ нимъ тотъ вѣкъ. Государственныя должности и участіе въ посольствахъ доставляли имъ общественное положеніе, придворные преклонялись передъ ними, владѣтельные лица и кардиналы дружески жали имъ руки. Они были украшеніемъ той мѣстности, гдѣ родились, достопримѣчательностями того города, въ которомъ жили. Закупали ихъ отзвывы протекціею и подарками, потому что въ сочиненіяхъ своихъ они являлись вѣстниками славы или хулы, и отъ нихъ зависѣлъ приговоръ потомства. Сами они смотрѣли на себя какъ на руководителей общественнаго мнѣнія.

Даже папы находились подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ, пожалуй больше, чѣмъ другіе государи, потому что общественное мнѣніе всего болѣе грозило ихъ власти со времени раскола. Евгений IV, который часто разсылалъ буллы и войска съ необычайною смѣлостью, будто бы сказалъ, что слѣдуетъ не только любить этихъ гуманистовъ за ихъ ученость, но и бояться ихъ гнѣва, потому что ихъ рѣдко можно оскорблять безнаказанно ¹⁾. Его преемникъ Николай V совсѣмъ преобразился вслѣдствіе лести, потому что онъ постоянно щедрою рукою раздавалъ этимъ людямъ должности, деньги и другія милости. А какъ долго молва считала Павла II варваромъ только потому, что онъ велѣлъ заключить въ тюрьму и пытать Платину, и потому, что послѣдній отомстилъ за это въ жизнеописаніи папы.

Мудрено ли, если представители гуманистическаго образованія были того мнѣнія, что общее вниманіе должно быть обращено на нихъ, что они говорили съ самоувѣренностью о самихъ себѣ, о безсмертіи своего имени и своихъ сочиненій, будто даже сомнѣніе въ этомъ есть преступленіе? Вспомнимъ о Бруни, Марсуппини, Поджіо и Валлѣ. Но по истинѣ великъ былъ въ своемъ самомнѣніи безсмертный Франческо Филельфо, живой типъ всякаго самохвальства. Будучи молодымъ человѣкомъ лѣтъ тридцати, онъ былъ приглашенъ читать лекціи во Флоренціи по стилистикѣ и нравственной философіи и принять съ большимъ почетомъ. По своей гордости онъ думалъ, что даже и камни Флоренціи стали-бы хвалить его, если-бы могли говорить ²⁾. А будучи 80-лѣт. старикомъ, когда уже его превзошли талантами другіе дѣятели, онъ постоянно говорилъ съ тою-же важностью, что на свѣтѣ есть только одинъ Филельфо. Если Виргилій, по его словамъ, дѣйствительно

1) Aegidius Viterbiensis y Ciaconius Vitae Pontif. Roman. T. II p. 885.

2) Его письмо къ Никколи отъ 13 апрѣля 1433 г.

выше его по художественности стиха, за то онъ былъ не ораторъ или развѣ посредственный. Если Цицерона слѣдуетъ предпочесть ему по красотѣ прозаической рѣчи, то онъ не былъ поэтомъ. Ни Виргилій ни Цицеронъ не могли писать и сочинять стиховъ на греческомъ языкѣ; это доступно только для Филельфо¹⁾).

Многіе тогдашніе ученые и поэты передъ смертію думали о загробной жизни, какъ добрые христіане, и вѣрили столь-же твердо въ безсмертіе своей славы въ потомствѣ, какъ Филельфо; однако въ настоящее время имена не пользуются особымъ значеніемъ въ литературѣ: изслѣдователь не обращаетъ на нихъ вниманія, а ученый міръ давно забытъ. Ихъ письма и рѣчи иногда, можетъ быть, перелистываются равнодушно, въ ожиданіи, не найдется-ли въ нихъ какихъ-либо полезныхъ извѣстій. А ихъ стихотворенія, какъ ни восторженно зывали они уже въ первыхъ изъ нихъ къ Кастальскому источнику и ко всѣмъ девяти музамъ, тлѣютъ забытыя въ какой-нибудь библіотекѣ. Эпиграммы Филельфо, даже его Сфорциада, не напечатаны. И если кто брался за пыльные листы поэтическихъ произведеній, то говорилъ другимъ, какъ пошелъ, нескромнень, тщеславень и глупъ былъ поэтъ.

Гдѣ же кроется причина такой рѣзкой перемѣны? Писатели во всѣ времена преувеличивали значеніе своихъ произведеній, но вообще въ другое время рѣдко такъ прославляли литераторовъ, которые потомъ уже спустя столѣтіе были совсѣмъ забыты. Несообразность больше зависитъ отъ сущности дѣла, чѣмъ отъ личностей.

Одностороннее занятіе древностью сдѣлало поклонниковъ ея до извѣстной степени идеалистами и мечтателями. Они измѣряли силы ума своего тѣмъ, что онъ могъ воспринять и разрабатывать, а не своими заслугами. Въ послѣднемъ отношеніи они вполне руководились стремленіемъ къ подраженію. Оно всегда бываетъ ограниченнымъ и дѣтскимъ, но восторженный подражатель не замѣчаетъ этого. Въ сущности древность могла служить лишь средствомъ для образованія, но не могла быть жизненнымъ элементомъ. Изученіе ея могло многостороннѣ воспитывать умы, чѣмъ они дотолѣ воспитывались, но не могло заставить биться сердца новыхъ людей, какъ билось напр.

¹⁾ Онъ такъ восхваляетъ себя въ Lib. IX di iocis et seriis y Rosmini Vita di Felfo T. III p. 149.

Quod si Virgilius superat me carminis ullis
Laudibus, orator illo ego sum melior.
Sic Tullii eloquio praestat facundia nostro,
Versibus ille meis cedit ubique minor.
Adde quod et lingua possum haec praestare Pelasga
Et Latia. Talem quem mihi des alium?

сердце Плутархова героя, или Ливіева римлянина. Ученыя занятія и дѣйствительная жизнь этихъ поклонниковъ древности должны были оказаться въ странномъ противорѣчїи.

Какъ древность, такъ и христіанство даютъ настоящее воспитаніе дѣтскому уму съ самаго перваго своего зарожденія, первая съ незапамятныхъ временъ сказанія, послѣднее просто безыскусственной повѣстью о жизни и смерти Искушителя. Для ребенка подвиги и страданія героевъ Гомера и трагическихъ личностей гелленской міѳологіи представляютъ здоровую пищу. Евангеліе, а не назидательныя творенія Апостоловъ приводитъ насъ самымъ прямымъ путемъ къ христіанству. А возрожденіе древности въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ приняло прямо обратное направленіе. Начали съ поздней римской эпохи, преимущественно съ ея философіи, съ безцвѣтно-плавной рѣчи Цицерона, съ напыщенныхъ изреченій Сенеки. Если къ этому присоединялись статьи изъ Боэція и церковныхъ писателей, то смѣсь житейской мудрости соединялась такимъ образомъ съ началами христіанскими, но въ ней не было на первый разъ плодотворнаго броженія. Любимымъ литературнымъ родомъ были и на долгое время остались нравственно-философскіе трактаты, и гуманисты занимались ими со временъ Петрарки. Въ рѣчахъ и письмахъ всегда проскальзывали мѣткія выраженія древнихъ писателей о добродѣтели, о высшемъ благѣ, о тлѣнности всего земнаго, о славѣ, о дружбѣ и ненависти, о болѣзни и старости. Но философія римлянъ уже въ эпоху Цицерона и Сенеки не дѣйствовала освѣжающимъ образомъ на жизнь. Она была постоянно лишь популяризациею греческихъ системъ. Могла ли эта философія въ подновленномъ видѣ воспитывать великихъ государственныхъ людей и достойныхъ мучениковъ за истину? Почти то же было и съ любимою стилистикой: благодаря Цицерону, вскорѣ ознакомились съ панегирическими рѣчами императорской эпохи, въ которыхъ самый высокопарный пафосъ, лесть и бессмыслица соперничаютъ между собою. Гелленская литература, образецъ для римской, долго еще была покрыта глубокимъ мракомъ, даже тогда, когда тысячи людей знали греческій языкъ. Имена Гомера, аѳинскихъ трагиковъ, Демосѳена и Лизія пользовались великимъ почетомъ, но никто еще не принимался за ихъ произведенія съ любовью и знаніемъ дѣла.

Такимъ образомъ и золото и отброски древности стояли почти въ одной цѣнѣ. Исключая немногихъ проницательныхъ людей, большею частію относились къ этой области съ такою же слабою критикою и вкусомъ, какъ богословы и юристы подвизались на своей почвѣ; хотя послѣднихъ и упрекали въ томъ, что они собираютъ всякій хламъ. На выраженія какого нибудь греческаго философа природы, о которомъ упоминалъ Цицеронъ, смотрѣли съ такой же точки зрѣнія, какъ и

Бозція; Моисей и Киръ на мѣвнїя служили такими же образцами добродѣтели, какъ Александръ Македонскій или императоръ Траянъ. Тѣ самые люди, которые гордо ратовали противъ авторитета Церкви и схоластики, не менѣе рабски подчинялись авторитету древности.

А какимъ дѣтствомъ отзывается стремленіе—преобразовать политическій и нравственный строй тогдашняго міра по образу древности! Началась какая-то странная игра: старались подбирать античныя имена и формулы. Римъ снова сталъ столицею (*urbs*), а замокъ св. Ангела—надгробнымъ памятникомъ императора Адриана. Папу преимущественно любили называть *pontifex maximus*, а коллегію кардиналовъ—священнымъ сенатомъ. Гонфалоньеры и правители (*rettori*) городовъ преобразились въ консуловъ и преторовъ. Въ провинціяхъ Церковной области снова появились сабиняне, умбры и пиценты, земледѣлецъ кампаніи обратился въ марса или герника, въ Саво снова жили аллоброги, а у генуэзскаго залива лигуры. Ученый Флвіо Бьондо, отчасти педантъ, часто становится въ немалое затрудненіе, когда ему приходится передавать варварскіе термины своего времени языкомъ Цицерона и Ливія. По его словамъ, нѣкоторыя пермѣны именъ будутъ непонятны при перечитываніи собственныхъ произведеній, однако новѣйшіе термины вызываютъ неприятное чувство, такъ что ими не совсѣмъ удобно пользоваться ¹⁾. Другіе общались съ этими именами крайне произвольно.

И людямъ приходилось какъ бы преобразиться особенно владѣтельнымъ лицамъ и политическимъ дѣятелямъ; о такихъ преимущественно и повѣствуетъ древняя исторія. Если они оставались такими, какими были, то поклонникъ древности надбѣялъ ихъ римскими свойствами, заимствованными у Плутарха и Валерія Максима. Онъ говорилъ о маркграфѣ мантуанскомъ, что счастье довело его до преступной надменности, а несчастье не сломилъ папу же хвалилъ за то, что онъ переносилъ стойко голодъ и жажу. Когда два кондотьера воевали другъ съ другомъ и поселяна приходилось доставлять продовольствіе солдатамъ, то предводителю обращались у историка въ Аннибаловъ и Сципионовъ. И это бы не юношеская черта, которая могла характеризовать лишь начало манизма. Даже Макіавелли, который былъ не просто кабинетный ученый и умѣлъ оцѣнить политику Цезаря Борджіа, находилъ весьма естественнымъ въ дискурсахъ о Ливіи—поставить династамъ своего времени образцами Тезея и Ромула. Онъ совершенно серьезно совѣтуе

1) Fl. Blondi Historiarum ab. ihclinat. Roman. Dec. III lib. I in princ.

имъ подражать великимъ людямъ; если они не сравниются съ ними, то по крайней мѣрѣ приблизятся къ нимъ ¹⁾). А о великихъ людяхъ онъ составилъ себѣ ученическое понятіе по своимъ классикамъ. Немногіе, серьезно относившіеся по своему неразумію къ классическимъ мечтамъ, потерпѣли горькую неудачу. Коло ди Ріэнцо, который сначала въ Капитоліи думалъ видѣть вокругъ себя древнихъ свободныхъ римлянъ, а себя считалъ Брутомъ, сталъ театральнымъ героемъ. А такъ какъ онъ не могъ отказаться отъ этой роли, то сдѣлался глушомъ. Преемникъ его, чрезъ сто лѣтъ мечтавшій о римской свободѣ, Стефано де'Поркари, былъ Катилиною по множеству долговъ и по своей необузданности, но не по энергіи и мужеству; и онъ имѣлъ печальную участь. Еще нѣкоторыя личности, устраивавшія свою жизнь по образцу древнихъ героевъ, были карриатурами. Но тогдашнія владѣтельные особы въ Италіи не такъ наивно смотрѣли на дѣло: они принимали классическое поклоненіе, но оставались людьми разсудительными и простыми. Одинъ былъ хорошимъ хозяиномъ, другой—любителемъ безопасной охоты, третій—мелочно разсчитливымъ политикомъ, четвертый—самымъ любезнымъ кавалеромъ своего двора. Они позволяли придворнымъ поэтамъ воспѣвать себя, льстить себѣ, но оставались большею частью столь же равнодушными къ поэзи, какъ и идеалъ ихъ, императоръ Августъ.

Несравненно глубже западали классическія мечты въ воображеніе тѣхъ, которые, какъ бы по призванію, постоянно развивали ихъ, именно самихъ гуманистовъ. Слово и дѣло, призракъ и жизнь находились у нихъ въ замѣчательномъ противорѣчій. Подобные люди не чужды нѣкотораго допъ-кихотства; это сходство не укрылось и отъ Сервантеса, въ эпоху котораго въ Испаніи поклонялись тому же образованію, какъ въ Италіи въ первой половинѣ XV в. Стоитъ только прочесть предисловіе къ его безсмертному произведенію, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Всего глубже это противорѣчіе проникало въ нравственную среду, потому что въ ней человекъ всего легче поддается самообману и всего старательнѣе ищетъ средствъ казаться не тѣмъ, что онъ есть. Житейская философія древнихъ представляла собою новый міръ, несравненно многостороннѣе и доступнѣе, чѣмъ неутомимая мораль богослововъ и аскетовъ, разумнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ тяжелыя системы разныхъ доктринеровъ, зеркаль и пр. И это была мудрость, о которой народъ, чуждый литературы, не имѣлъ никакого понятія, новая религія, предназначенная исключительно для умственной аристократіи. Гуманисты въ своихъ

¹⁾ Principe cap. VI.

сочиненіяхъ почти всѣ проповѣдывали ученіе стойковъ. Оно имѣло то важное преимущество, что легко мирилось съ нравственными требованіями христіанства и, слѣдовательно, никого не возмущало, какъ тѣ два положенія, которыми, какъ полагали, исчерпывалась система Эпикура, именно что наслажденіе есть высшее благо и что душа не безсмертна. Прославленные древніе герои добродѣтели, по тогдашнему мнѣнію, всѣ стояли на распутьи Геракла и вѣрили въ безсмертіе подвліяніемъ Зенона. Стоя тоже имѣла за себя очарованіе величія, а больше всего нравилась тѣмъ, что въ ней цвѣты краснорѣчія такъ благоухали и слово вполне согласовалось съ дѣломъ. Она какъ нельзя болѣе соответствовала заносчивымъ рѣчамъ, и риторическое искусство сдѣлалось любимымъ занятіемъ новѣйшихъ гуманистовъ, каковымъ было у древнихъ народовъ.

Повсюду мы видимъ, что люди, занимающіеся словеснымъ искусствомъ, какъ первую наукою, весьма легко смѣшиваютъ то, что свойственно имъ по природѣ, съ тѣмъ, что они усвоили путемъ изученія. Они какъ бы воплощаются въ матеріалѣ. Проповѣдникъ вскорѣ считаетъ себя столь же священнымъ лицомъ, какъ и его слова. Политическій ораторъ или писатель полагаетъ, будто онъ потому восторгается своимъ дѣломъ, что можетъ говорить о немъ съ одушевленіемъ. Актеръ чувствуетъ, что въ груди его бьется благородное сердце художника, потому что можетъ выразить свое чувство. Однако далеко еще не становится нашимъ нравственнымъ достояніемъ то, что можетъ понять нашъ умъ и что мы можемъ выразить словами. Немногіе такъ безпощадно анализируютъ свое собственное сердце, свое дорогое дитя, что не приписываютъ ему того или другаго самообмана и не считаютъ лучшаго пониманія за лучшее желаніе. Трудно сопоставить свое душевное настроеніе съ своими же мыслями: только примѣръ другихъ людей можетъ указать намъ, какъ ихъ раздѣлять. Наши ученые были какъ бы ослѣплены возвышенностію и красотою новаго міра, въ которомъ они вращались и сущность котораго мечтали снова передать въ словѣ и на письмѣ. Новое возрѣніе, конечно, не сразу могло сдѣлаться трезвымъ, а новое наслажденіе—разумнымъ. Сначала они увлеклись блескомъ ретирики, которая въ сущности нисколько не дѣлала ихъ счастливѣе, какъ и перуанское и мексиканское золото—испанскихъ искателей приключеній. Они полагали, что добродѣтель, какъ высшій идеалъ, и разные виды добродѣтели уже глубоко укоренились въ ихъ сердцахъ, потому что они умѣли говорить о нихъ съ бойкостью Цицерона и съ суровою торжественностію Сенеки. Мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ это заблужденіе на каждой страницѣ ихъ сочиненій. Читателю, которому трудно убѣдиться въ возможности подобнаго самообольщенія, можно указать на сочиненія Поджіо, Филельфо и Валлы, которыхъ

вообще можно считать самыми типическими представителями гуманизма. Эти философы совершенно серьезно признавали ничтожными мірскія блага, а блага умственные и другаго міра цѣнили тѣмъ выше, что могли привести изъ классиковъ и св. Писанія множество изреченій въ этомъ родѣ и множество примѣровъ изъ свѣтской и священной исторіи. Гуманисты думали, что вполнѣ достойны похвалы за свою скромность, если говорили о себѣ съ пренебреженіемъ, утверждая, что не заслуживаютъ никакого почета. Если при случаѣ они могли говорить такъ, какъ блаженный Августинъ, то считали себя вполнѣ смиренными, благочестивыми и преданными Богу. Эти люди воображали, что они по истинѣ честны и искренни, если увѣряютъ то лицо, которому льстятъ, въ своей искренности и умѣютъ изобразить лицемеріе какъ гнусный порокъ.

Такимъ образомъ въ гуманистическихъ кружкахъ нравственность нисколько не подлежала обыкновенному суду совѣсти и витала въ мірѣ призраковъ. Случалось, конечно, что у нѣкоторыхъ въ минуты просвѣтленія являлось ясное сознание дѣйствительности, и мы тогда по крайней мѣрѣ въ формѣ обшихъ разсужденій слышимъ, что они старались разыгрывать роль Петрарки съ малою пользою для себя, но съ большою смѣлостью. Такъ мы читаемъ: «На словахъ философами являются многие, но въ жизни ихъ очень немного». — «Хотя люди рѣдко живутъ такъ, какъ пишутъ, однако знаютъ, что имъ слѣдовало бы такъ жить». — «Большею частью люди хотятъ казаться, а не быть. Они ищутъ не плодовъ добродѣтели, а лести за свою мнимую добродѣтель». — «Большинство людей имѣютъ красивый видъ и большею частію предпочитаютъ казаться, чѣмъ быть добрыми». — Но быть—этого мало; это слишкомъ слабо; призракъ прельщаетъ и завлекаетъ въ пріятныя заблужденія. Кому разъ привольно дышалось въ его сферѣ, тотъ снова устремляется въ нее.

Макіавелли признаетъ пять видовъ добродѣтели, о которыхъ государи должны постоянно говорить и личину которыхъ тщательно носить: они должны казаться любящими, вѣрными, ласковыми, религіозными и честными ¹⁾. «Каждый, прибавляетъ онъ, видитъ то, чѣмъ ты кажешься, и немногіе понимаютъ, каковъ ты въ дѣйствительности, и эти немногіе исчезаютъ въ толпѣ». Мы приходимъ въ ужасъ отъ этой морали, а еще болѣе отъ того безстыдства, съ какимъ она проповѣдуется. Однако среди гуманистовъ, на теоріи которыхъ именно и зиждется образованіе Макіавелли, видимость давно была аксіомою нравственной жизни и отдѣльными выраженія, изумляющія насъ въ его Государь, встрѣчаются во множествѣ у предшественниковъ автора этой

1) Principe cap. XVIII: pietoso, fedele, umano, religioso, intero.

книги. Только они у нихъ еще замаскированы и высказываются не вполне сознательно, между тѣмъ какъ систематическій флорентинецъ приводитъ ихъ въ стройную систему. Слѣдуетъ быть посвященнымъ въ образъ мыслей этихъ высшихъ представителей итальянскаго общества, чтобы понять то всемірно-историческое значеніе, какое получило ученіе объ оправданіи вѣроу, возродившееся у нѣмцевъ.

Извѣстно, что связь между гуманистами, республика ученыхъ, возникла изъ отношеній преподавателей къ ученикамъ и учениковъ между собою, а еще болѣе вслѣдствіе ихъ сплоченія въ группы въ главныхъ республиканскихъ городахъ и при дворахъ. Но здѣсь мы не будемъ говорить о томъ, какъ она сложилась: подобная точка зрѣнія была руководящею при прежнемъ изложеніи. Съ какимъ гордымъ чувствомъ самостоятельности выходили эти гуманисты изъ школы на поприще жизни, какъ высоко превозносились они надъ тѣми, кто занимался правами или медициною! Они служили свободной наукѣ, а она могла доставить имъ выдающееся положеніе рядомъ съ великими міра сего. Никто не спрашивалъ ученаго объ его происхожденіи, будь оно самое низкое или даже зазорное. О большинствѣ ихъ, жизнь которыхъ намъ вообще извѣстна, мы все-таки не знаемъ, кто были ихъ родители. Относительно другихъ, это разоблачаетъ злоязычный противникъ, при чемъ, конечно, и жгетъ. Валла попрекалъ Бартоломео Фаціо тѣмъ, что его отецъ былъ сапожникъ и служилъ рыбакамъ на лигурійскомъ берегу ¹⁾. Если можно вѣрить Поджіо, то отецъ Филельфо зарабатывалъ себѣ пропитаніе въ потѣ лица простымъ поденщикомъ, а мать зачала сына въ незаконномъ сожитіи, притомъ со священникомъ ²⁾. Правда это или нѣтъ, Фаціо и Филельфо являлись при дворахъ—дворянами, и ни одинъ знатный не стыдился относиться къ нимъ какъ равный къ равнымъ. Чѣмъ больше церковь, уже искавшая всюду опоры среди мірянъ, стала требовать отъ своихъ высокихъ представителей высокого происхожденія и знатныхъ связей, тѣмъ болѣе принципъ равенства происхожденія и аристократіи талантовъ искалъ пріюта въ кругу ученыхъ.

Преподаватели университетовъ принадлежали болѣею частію къ монашескому сословію или къ духовенству; кафедры богословія, каноническаго права и философіи обыкновенно предоставлялись доминиканцамъ или миноритамъ. Изъ выдающихся гуманистовъ мы можемъ назвать только двоихъ братьевъ ордена, камальдула Траверсари и минорита Антонио да Ро; примѣровъ поступленія гуманиста въ монастырь извѣстенъ только одинъ—Маффео Веджіо. Напротивъ многіе приняли

¹⁾ Valla Invest. in Bart. Facium Lib. I (Opp. p. 460).

²⁾ Poggii Invest. III in Philelphum (Opp. p. 176) и Facet. (Opp. p. 470).

пастырское посвященіе, одни лишь предварительно и въ ранней юности, другіе съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность получать бенефиціи и каноникаты, также достигъ высшихъ степеней духовной іерархіи, нѣкоторые также съ тѣмъ, чтобы послѣ веселой юности найти въ духовномъ званіи спокойное убѣжище. Не малое число ихъ снова слагали съ себя духовный санъ, какъ скоро у нихъ явилось желаніе жениться, или они получали гражданскую должность. Если для этого требовалось разрѣшеніе, то гуманисты получали его легко, частію при помощи хорошихъ друзей при римскомъ дворѣ, частію потому, что на нихъ считали нужнымъ смотрѣть снисходительно.

Мы встрѣтили многихъ замѣчательныхъ гуманистовъ университетскими преподавателями. Однако они еще рѣзко отличались отъ настоящихъ преподавателей. Гуманисты занимались наставничествомъ лишь временно, чтобы заработать деньги; обыкновенно ихъ приглашали только на годъ или на два, а потомъ они уходили, пожавши плоды своей прославленной учености. Быть можетъ, только Гварино могъ похвалиться многолѣтнею дѣятельностью въ университетѣ. Постоянно снова преподавать правила реторики и упражняться съ учениками, или сообщать имъ начатки греческаго языка, имъ было вовсе не по душѣ. Притомъ-же вознагражденіе, по обыкновенію, было скудное, особенно, если сравнить его съ доходами юристовъ и медиковъ; ученики по большей части принадлежали къ самому бѣдному классу. Желаніе имѣть по возможности независимое положеніе, которое уже Петрарка такъ высоко цѣнилъ, осталось отличительною чертою и его послѣдователей. А такъ какъ они въ большинствѣ были люди бѣдные и часто имѣли большія семьи, то снова должны были думать о прочномъ обезпеченіи. Завидна была должность придворнаго поэта или оратора, который сверхъ того развлекалъ государя своею бесѣдою, быть можетъ, училъ его дѣтей. Но эта счастливая доля досталась лишь немногимъ. А другимъ приходилось довольствоваться должностями въ канцеляріи, которыя были неприятны сами по себѣ, но давали видное положеніе въ государственномъ управленіи, а въ Римѣ холостымъ—надежду на епископскую кафедру.

То, что совершилъ гуманизмъ въ вѣкъ своей цвѣтущей юности, конечно, не опредѣляется лишь массою сочиненій, оставленныхъ его приверженцами. Ихъ жизнь, ученіе и типически выработавшіяся личности тоже продукты новой культурной эпохи. Но на эти явленія мы не обратили особаго вниманія. Это элементы преходящіе, дѣйствующіе незамѣтно и неуловимо. Оглядываясь назадъ отъ той эпохи, когда началось книгопечатаніе, мы попытаемся обозрѣть ихъ литературныя произведенія, то, что они оставили въ наслѣдіе непрестанно живущей литературѣ.

При этомъ, конечно, нельзя имѣть въ виду спеціализаціи ихъ трудовъ, а слѣдуетъ освѣтить лишь широкія области и крупныя группы и установить грани развитія ¹⁾. Мы начнемъ, какъ и сами гуманисты, съ разработки языка и письменныхъ памятниковъ древности. Потомъ мы разсмотримъ ихъ собственныя произведенія въ области поэзіи и прозы, насколько ихъ можно подвести подъ разряды, ихъ отношеніе къ философіи, богословію, правовѣдѣнію, къ естествовѣдѣнію и медицинѣ и закончимъ нашъ обзоръ цѣнными трудами по исторіографіи, древностямъ и географіи.

Латинская грамматика въ средніе вѣка, конечно, не была въ пренебреженіи, но все-таки считалась лишь средствомъ къ изученію церковнаго языка. Она служила лишь для школьной выправки. Донатъ и другіе древніе грамматикѣ въ этомъ случаѣ не имѣли уже никакого вліянія. Цѣлые вѣка въ школахъ господствовалъ учебникъ (doctrinale) Александра де Вилладен со стихами для заучиванія на память. То, что давала ученость, слѣдовало прибавлять къ нему въ видѣ глоссъ и комментаріевъ. Руководство это переходило отъ поколѣній къ поколѣнію, какъ наставленія, освятичныя временемъ. И гуманисты могли лишь постепенно вытѣснить его, такъ что во время книгопечатанія онъ уже былъ изданъ больше 50 разъ. Приложенный къ нему словарь удовлетворялъ большинство, а образованное духовенство имѣло кромѣ того одно изъ лексическихъ пособій, Папія, Гугуціона пизанскаго или католиконъ, а ученые—по два. Хотя гуманисты часто занимались школьнымъ преподаваніемъ, однако не посягали на изложеніе элементовъ латинской грамматики и не измѣняли его. У нихъ лишь постепенно сложилось понятіе о томъ, что грамматика есть наука, которая требуетъ ихъ усилій. Однако они проложили новые пути для этой науки ²⁾.

Съ тѣхъ поръ какъ Петрарка оставилъ школьную скамью, онъ едва ли когда-нибудь думалъ о грамматикѣ. При постоянномъ чтеніи древнихъ писателей онъ настолько усвоилъ себѣ языкъ, насколько можно научиться живой рѣчи изъ разговора. Не его дѣломъ было останавливаться на отдѣльныхъ вопросахъ. Однако въ спискахъ рукописей мы не рѣдко встрѣчаемъ краткое *ars punctuandi* (искусство

¹⁾ Какъ выше, говоря о переводахъ съ греческаго языка, такъ и здѣсь, я не имѣю въ виду постоянно улаживать на отписки и отсылку желающихъ въ Фабриціусу и известнымъ руководствамъ по бібліографіи Гайна, Брюна, Грессе и др.

²⁾ Thurot *Notices et extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au moyen âge* — въ *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Imp. etc.* T. XXII. Paris 1868. Eckstein *Lateinischer Unterricht* (отдѣльныя отписки изъ Schmidt *Encykl. des ges. Erziehungs- und Unterrichtwesens* 2 auf. Bd. IV).

нельзя рѣшить въ краткомъ обзорѣ ¹⁾).

Первыя сомнѣнія, какія встрѣчались гуманисту при списываніи старинныхъ рукописей и исправленія ихъ, какъ и при самостоятельныхъ работахъ, касались о р е о г р а ф і и. Тутъ произволъ и путаница особенно бросалась въ глаза. Салютато на закатѣ дней своихъ сказалъ однажды, что онъ около полувѣка заботился о правописаніи, но что ему постоянно приходится бороться съ ошибкамп. Для него было не все равно, писать ли *litera* или *littera*. Онъ справляется объ этомъ въ учебникъ, у Гугуціона, обращается къ «самому старинному слогу римскаго двора», но больше довѣряетъ своимъ собственнымъ грамматическимъ соображеніямъ касательно производства и флексіи словъ ²⁾. Салютато подаль этимъ примѣръ. долгое время имѣвшій силу. Именно во Флоренціи, въ кружкѣ младшихъ друзей Канцлера съ особеннымъ усердіемъ разрабатывались орфографическіе и грамматическіе вопросы. Одинъ врагъ этихъ «фантазеровъ» рассказываетъ, что они съ громкимъ крикомъ спорили на улицахъ о томъ, сколько было двугласныхъ у древнихъ и почему въ настоящее время употребляются только двѣ, которая грамматика лучше, время Теренція или время Виргилія, или сколько было стихотворныхъ размѣровъ у древнихъ ³⁾.

Особенно неустанно занимался вопросомъ о двугласныхъ *Н и к к о л о* *Н и к к о л и*, который для рѣшенія нѣкоторыхъ затрудненій обращался къ греческому языку и древнимъ надписямъ. Упомянемъ объ его небольшомъ сочиненіи по латинской орфографіи, котораго онъ не издалъ, вѣроятно, потому, что Гварино осмѣялъ его. Но оно открываетъ собою рядъ сочиненій по грамматикѣ, написанныхъ гуманистами ⁴⁾. Быть можетъ, къ этой же категоріи принадлежалъ и трудъ его друга Бруни *Isagoge de vitiis gramaticorum* (Введеніе касательно ошибокъ грамматиковъ) ⁵⁾. Но тотъ же Бруни не поколебался защищать свою форму

¹⁾ Мы бы прямо отвергли подлинность этого сочиненія, если бы въ базельской рукописи, о которой упоминается у *Wilh. Vischer Gesch. der Univers. Basel. s. 186*, въ заглавіи не было замѣчательной прибавки: *Iste est modus punctuandi quem dedit P. Luder... et est modus egregii oratoris Francisci Petrarcae poetae laureati ad Salutatum oratorem insignem*. Нельзя отрицать возможности, что Петрарка по просьбѣ Салютато могъ написать методу интерпункціи, которую далъ въ руководство своимъ переписчикамъ.

²⁾ *Salutati epist. 11. 19 ed. Mehus.*

³⁾ *Cino Rinuccini* въ приложеніи къ *Paradiso degli Alberti Vol. I P II p. 303.*

⁴⁾ См. томъ I стр. 280.

⁵⁾ Но въ *Giornale storico degli archivi Toscani vol. VII p. 54* и, сколько я знаю, тамъ названо заглавіе. Конечно, весьма знаменательные *grammatici* часто бывали латинскіе учителя.

расположеніе этого сочиненія, обладавшее значеніем его, такъ и достоинство содержанія. Сочиненіе это было напечатано много разъ, весьма сильно соперничало съ *dostigiale*, подорвало его традиціонное господство и должно считаться первою учебною грамматикою новаго времени ¹⁾.

Изъ гуманистовъ, извѣстныхъ намъ, Георгій Трапезунтскій написалъ также учебную грамматику въ прекаронныхъ лѣтахъ въ 1471 г. Первую часть ея онъ посвятилъ своему сыну Андрею, а вторую—миланцу Колъ Монтано. Онъ оставилъ прежнюю методу и нашелъ удобнѣе сдѣлать извлеченіе изъ Присциана. Хотя его книга и была напечатана въ слѣдующемъ году, однако не пользовалась значеніемъ; въ то время уже давно забыли и объ авторѣ ея ²⁾.

Если не считать отдѣльныхъ опытовъ по ортографіи, законченныхъ книгою Тортелло, то основателемъ научной грамматики среди гуманистовъ былъ по истинѣ гениальный грамматикъ Лоренцо Валла. Онъ былъ первостепенный мыслитель и изслѣдователь на почвѣ языка, и при всей многосторонней его дѣятельности любимымъ предметомъ оставалась все таки грамматика. Онъ направлялъ свои изслѣдованія на разные отдѣлы ея, но тысячи нитей, которыми онъ заправлялъ, сплетались въ его умѣ въ одно цѣлое, проникнутое строгимъ планомъ и великою мыслию. Онъ хотѣлъ возстановить правильность и чистоту латинской рѣчи въ томъ видѣ, какъ она была создана лучшими древними писателями. Она для него священное наслѣдіе, завѣщанное потомству древними римлянами, и это потомство должно сохранять и дѣлать его. Употребленіе ея есть живучій символъ римскаго всемірнаго владычества. Но какъ изуродована она варварами въ теченіи вѣковъ! Валла вознамѣрился очистить ее отъ вѣковаго нароста ³⁾.

Красоты латинскаго языка, главное сочиненіе Валлы, основаны на собраніи примѣровъ и наблюденій, которыми онъ занимался съ юныхъ лѣтъ при чтеніи писателей и изученіи надписей ⁴⁾, во время преподавательской дѣятельности и отыскиванія ошибокъ въ сочиненіяхъ своихъ современниковъ. Трудно сказать, когда это сочиненіе получило ту форму, въ которой онъ его издалъ. Мы знаемъ только, что въ 1438 г. авторъ трудился надъ третьею книгою. Въ слѣдующіе годы, безъ сомнѣнія, до конца 1444 г., сочиненіе это было кончено

¹⁾ См. выше стр. 121.

²⁾ Предисловіе къ *Compendium de octo partibus orationis ex Prisciano* у Saxius p. 455.

³⁾ *Præfat. in Elegant.: ibo in aciem, ibo primus, ut vobis animum faciam!* Т. е. я пойду на бой, пойду первый, чтобы придать вамъ духу!

⁴⁾ Его привлекаетъ не реальное содержаніе надписей, но такія формы, какъ *sibi potestereisque sueis, Caius* и *Caia*.

въ шести книгахъ. Но оно было изложено нѣсколько безсвязно и должно было имѣть болѣшій объемъ по запасу матеріала. Быть можетъ, Валла охотно продолжалъ бы трудиться надъ своими Красотами, если бы папа Николай V поощрялъ его. Но послѣдній думалъ только о своихъ переводахъ. Красоты—книга не систематическая, а рядъ наблюденій латиниста, разсужденій и лексическихъ экскурсовъ. И небольшое сочиненіе объ употребленіи возвратныхъ мѣстоименій *se* и *suus* есть такое же разсужденіе, но ему не дано мѣста въ Красотахъ. Въ послѣднихъ Валла разсматриваетъ не одни грамматическіе вопросы, но и съ особою любовью вопросы стилистики и такъ называемаго краснорѣчія. Онъ болѣею частію изслѣдуетъ, какъ употребляли лучшіе древніе писатели извѣстныя выраженія и обороты и какъ ихъ исказили новые авторы, въ чемъ состоитъ чистая латынь, въ чемъ искаженіе ея и т. п. Безусловными образцами для него служатъ Цицеронъ и Квинтиліанъ. Однако онъ не стремится доставить господство настоящему языку Цицерона. Валла смотритъ на Цицерона лишь какъ на представителя цвѣтущей эпохи языка, но считаетъ и Квинтиліана равнымъ ему, признаетъ также полное значеніе и за другими писателями. Онъ отдалъ честь и древнимъ юристамъ, дигесты которыхъ изучалъ, какъ художникамъ языка ¹⁾. Валла не умалчиваетъ и о древнихъ грамматикахъ: онъ цѣнитъ Доната, Сервія, а въ особенности Присціана и Асконія Педіана. Но для него они не имѣютъ значенія авторитетовъ. Авторъ Красотъ часто упоминаетъ о нихъ лишь за тѣмъ, чтобы указать ошибки. Вмѣстѣ съ Исидоромъ для него начинается рядъ невѣждъ, къ которымъ онъ относится съ гордымъ презрѣніемъ, а изъ современныхъ писателей изъ вѣжливости хвалитъ немногихъ друзей. Какъ ни порицали его за это высокомеріе, однако Красоты пользовались великимъ уваженіемъ еще у современниковъ, даже у нѣкоторыхъ изъ его многочисленныхъ враговъ. А когда онъ умеръ, то авторитетъ ихъ усилился. Уже въ 1471 г., слѣдовательно при первомъ поколѣніи итальянцевъ, современномъ книгопечатанію, книга эта была напечатана два раза, въ Римѣ и въ Венеціи. Правда, новые ученые полагали за одно съ Рейзигомъ, что въ Красотахъ многое неутворительно, односторонне или невѣрно. Но никто не оспаривалъ у Валлы той заслуги, что онъ указалъ новый гениальный способъ изслѣдованія.

Еще раньше изданія Красотъ Валлы появилось подобное же сочиненіе миланскаго грамматика Антоніо да Ро подъ заглавіемъ de

¹⁾ Онъ говоритъ *Elegant. III, 17: Quod. ad elegantiam pertinet, ego pro lege accipio quidquid magnis auctoribus placuit.*

imitatione (о подражаніи). Но оно сталося въ рукописи, а изъ полемическаго сочиненія Валлы, направленнаго противъ него, которое онъ хотѣлъ издать какъ седьмую книгу Красоты, мы получаемъ о немъ слабое понятіе. Во всякомъ случаѣ неодобрительный отзывъ Валлы о книгѣ его соперника не даетъ намъ права соглашаться съ нимъ не вникнувъ въ дѣло ¹⁾).

Гуманисты писали стихи большею частію по инстинктивному чутью просодіи, усвоенному путемъ чтенія древнихъ поэтовъ и въ подражаніе этимъ образцамъ. Метрика по странному стеченію обстоятельствъ писали люди, которые или вовсе не были поэтами, или развѣ отчасти. Первымъ былъ Пьеръ Паоло Верджеріо, который, какъ сообщаютъ, писалъ свое сочиненіе *de arte metrica*, изданное еще въ Италіи, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, кардиналомъ Забареллою ²⁾). Затѣмъ, вѣроятно, слѣдовалъ трудъ Онъибене да Лониго, ученика Витторіино да Фельтре ³⁾. Капитальнымъ трудомъ считалась метрика, которую Никколо Перотти поднесъ папѣ Николаю V въ 1453 г. Она тоже напечатана нѣсколько разъ вмѣстѣ съ его наибольшимъ сочиненіемъ о размѣрахъ у Горация и Боэція ⁴⁾).

Первую греческую грамматику подарилъ латинскому міру Эммануилъ Хризолоръ въ своихъ Вопросахъ. Это была, конечно, лишь обработка Науки (*τέχνη*) Діонисія Фракійца и сообщала только начальное ученіе о формахъ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Потомъ Гварино издалъ книгу своего прославленнаго наставника въ болѣе сжатомъ, но и болѣе ясномъ изложеніи, и она пользовалась большимъ сочувствіемъ, именно по своей совершенно элементарной формѣ и часто печатались. Еще Эразмъ и Рейхлинъ, какъ сообщаютъ, клали ее въ основу своего преподаванія ⁵⁾. Уже гораздо позднѣе кромѣ этого перевода явились другіе, болѣе основательные и болѣе серьезные, авторы которыхъ заботились о научномъ изложеніи предмета: это были ученые греки. Такъ во Введеніи въ грамматику Федора газскаго все ученіе объ языкѣ излагалось

1) См. томъ I стр. 466. Время, когда появилось полемическое сочиненіе Валлы, опредѣляется приблизительно его письмомъ въ Ауриспѣ отъ 31 декабря (вѣроятно 1444 г.) въ *Epistolae principum etc*, Amst. 1644 p. 359.

2) Vaduber P. P. Vergerio p. 45.

3) Его сочиненіе *Libellus de arte metrica* съ *Grammatices erudimenta*, напечатанное Vicentiae 1506 г., приведено у Фабриціуса s. v. *Omnibonus Leonicensus*, но мнѣ не попадалось.

4) Благодарственная грамота папы за метрику отъ 3 января 1454 г. у *Georgius Vita Nicolai V* p. 207. См. выше стр. 121.

5) См. томъ I стр. 216. Баттиста Гварино въ сочиненіи *de modo docendi et discendi* называетъ своего отца *compendii amantissimus*. Оттиски *Erotemata y Giuliani Della lett. Veron.* p. 281.

въ четырехъ книгахъ; говорятъ, что онъ слѣдовалъ главнымъ образомъ Аполлонію Дисколу. Но въ его книгѣ были также синтаксисъ и обзоръ метрики. Оно предназначалось не для учениковъ, изучающихъ элементы языка; въ особенности послѣднія книги считались весьма трудными и неясными, и новые греки должны были впоследствии писать къ нимъ комментаріи ¹⁾. Рядъ грамматиковъ заканчиваетъ собою Константинъ Ласкарисъ. Но онъ больше обратилъ вниманіе на практическую грамматику, хотя его не удовлетворялъ небольшой учебникъ Хризолора. Когда его пригласили въ Миланъ учить старшую дочь герцога Франческо, то онъ обратился къ той книгѣ, по которой впоследствии преподавалъ въ Неаполѣ и Мессинѣ ²⁾. Этими трудами долго довольствовались, но любимыми учебными книгами, даже въ Германіи, оставались Вопросы Хризолора и обработка ихъ Гварино.—Хуже было дѣло съ лексикографіею. Конечно, словари были ³⁾, но рѣдко и, безъ сомнѣнія, очень плохіе; обыкновенно, ученикъ записывалъ надъ текстомъ латинское толкованіе учителя.

Въ обработкѣ текста классическихъ писателей гуманисты не довольствовались приемами переписчика монаха и наемнаго писца, лишенными всякаго разумнаго отношенія къ дѣлу. Мы знаемъ ихъ пламенное рвеніе спасать отъ гибели сокровища римской литературы, а потомъ и греческой, собирать ихъ и хранить для потомства. Мы знаемъ также, какъ часто они жаловались на искаженіе текстовъ, какъ рано научились цѣнить значеніе старинныхъ рукописей и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы сравнить между собою разные экземпляры, пополнять пробѣлы, исправлять испорченные мѣста, разъяснять мѣста непонятныя. Имъ не легко было доставать книги: хорошіе экземпляры, исправленные учеными, обыкновенно попадали въ руки богатыхъ собирателей. Поклонники гуманитарныхъ наукъ, надѣленные лишь лаврами, но не богатствами, должны были сами переписывать ихъ, или по крайней мѣрѣ исправлять. При этой филологической работѣ между ними часто возникали споры, для рѣшенія которыхъ и въ настоящее время нѣтъ метода, равно приложимаго ко всемъ случаямъ. Ученые очень хорошо знали, что тутъ важно насколько возможно

¹⁾ Объ изданіяхъ и переводахъ грамматикъ εἰσαγωγή Θεόδωρου Γασπαίου см. *Notus de Graecis* ill. p. 71. 72 и хорошую статью Бера въ *Allg. Encyklopaedie* s. v. *Gaza*.

²⁾ Его *Compendium octo orationis partium* явился въ печати первый разъ *Mediolani* 1476 г. (*Botfield Prefaces* p. 163). По послѣднюю обработку сочиненіе получило уже около 1488 г. Предисловіе, котораго нѣтъ въ печатныхъ изданіяхъ, см. у *Iriarte Reg. bibl. Matritensis codices graeci* ms. vol. I p. 185.

³⁾ Тамъ *Zacharias Bibl. Pistor.* p. 44 упоминаетъ о *Vocabulista graecus conversus in latinum*, который былъ у Зомма да Пистойя.

приблизиться къ подлиннику, какъ онъ былъ написанъ авторомъ. И это была задача неразрѣшимая по недостатку пособій, по невозможности добыть и собрать въ однѣ руки существующій матеріалъ. Съ другой стороны гуманисты, понятное дѣло, желали возстановить связанный и исправный текстъ, а этого можно было достигнуть лишь дополненіями и поправками по собственному разумѣнію. Чѣмъ больше ученый довѣрялъ своимъ знаніямъ, остроумію и вкусу, тѣмъ болѣе хотѣлъ стать выше механическихъ переписчиковъ, тѣмъ смѣлѣе и произвольнѣе расправлялся текстомъ. Какъ часто и жестоко упрекали въ этомъ гуманистовъ позднѣйшіе филологи, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вслѣдствіе утраты старинныхъ рукописей былъ принужденъ довольствоваться подобными же редакціями XV в.! Конечно, гуманисты трудились не для такихъ критиковъ текста; въ своемъ одушевленіи они хотѣли создать нѣчто цѣльное и законченное, чѣмъ бы могли наслаждаться они сами, ихъ ученики, знатные люди и государи. Имъ приходилось прежде всего возстановлять древность и дѣлать ее доступною для другихъ. Критическая добросовѣстность у нихъ проявлялась еще слабо: это же черту мы замѣтили и у переводчиковъ съ греческаго языка. Поэтому въ ихъ критическихъ трудахъ и опытахъ надъ исправленіемъ текстовъ отражаются всѣ личныя особенности—начиная съ кропотливой точности до проблесковъ необычнаго легкомыслія. Мы увидимъ это на рядѣ примѣровъ.

Петрарка читалъ классиковъ съ перомъ въ рукѣ и постоянно старался вникнуть въ смыслъ и ходъ мыслей писателя. Онъ не отнесся равнодушно къ недостаткамъ своихъ книгъ. Это мы видимъ изъ его жалобъ на подобные недостатки. Но до сихъ поръ не узвано его поправокъ ни въ одномъ экземплярѣ классическаго писателя. Валла нашелъ въ Неаполѣ только его Ливія. Правда, онъ не сообщаетъ намъ, по какому признаку открылъ прежняго собственника, но у насъ нѣтъ никакого основанія заподозривать его положительное свидѣтельство. Книга была собственноручно исправлена Петраркою «весьма тщательно», иногда удачно, иногда ошибочно, по отзыву Валлы. Относительно нѣкоторыхъ мѣстъ Петрарка сознавался, что не знаетъ, какъ ихъ исправить ¹⁾. Но нашего уваженія заслуживаетъ одно это усердіе, которое Валла отзывался столь почитательно. Мы не знаемъ, какого рода были глоссы въ амброзіанновскомъ кодексѣ, Виргилія, приписываемомъ Петраркѣ. Но и онъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствовалъ бы о внимательномъ чтеніи текста. Боккаччо былъ не въ состояніи слѣдовать примѣру своего великаго друга, хотя онъ тоже жалуется на

¹⁾ Valla in Bart. Facium lib. IV (Opp. p. 602).

порчу рукописей: его собственная латынь была слишкомъ слаба и не всегда правильно, такъ что онъ не могъ рѣшиться на исправленіе ихъ текста. Хотя Салютато, какъ государственный канцлеръ, былъ обремененъ дѣлами, однако взялъ на себя трудъ исправлять тексты путемъ сличенія ихъ съ другими и прилагать свои варианты въ глоссахъ, которыя потомъ распространялись съ уваженіемъ ¹⁾. Поэтому, какъ видно, старшее поколѣніе гуманистовъ дѣйствовало еще осмотрительно и осторожно. Но какъ опрометчиво было намѣреніе Гаспарино да Барзицци по собственному соображенію дополнить и возстановить сочиненія Цицерона Объ ораторѣ и Институціи Квинтилиана, дошедшія до него въ искаженномъ видѣ и съ пропусками! Конечно, онъ былъ хорошо знакомъ съ Цицерономъ и посвятилъ много времени на исправленіе его сочиненій. Но онъ, очевидно, не ясно сознавалъ границы возможнаго. Его трудъ потерялъ всякое значеніе, когда Поджіо нашелъ въ С. Галленѣ полного Квинтилиана, а Ландріани въ Лоди исправный текстъ книгъ Объ ораторѣ ²⁾.

Во Флоренціи главнымъ образомъ Никколи держался болѣе основательнаго метода. Онъ ясно сознавалъ, что старинныя рукописи, которыя давались лишь на время, слѣдовало списывать прежде всего точно, чтобы сохранить текстъ на будущее время. А такъ какъ онъ не надѣялся ни на одного переписчика, то охотно бралъ этотъ трудъ на себя. Лукреція и Колумеллу, присланныхъ ему Поджіо, онъ переписалъ вѣрно, такъ же какъ и Геллія съ одного стариннаго экземпляра. Въ другихъ случаяхъ, когда были подъ руками разныя рукописи, онъ, разумѣется, тоже исправлялъ текстъ сравненіемъ и по соображенію, но по своему характеру не могъ поступать произвольно и опрометчиво ³⁾. Другъ его Траверсари, по видимому, больше исправлялъ тексты по собственному разумію и вкусу. Когда Барбаро послалъ ему своего Лактанція, испещреннаго ошибками, то онъ обѣщалъ возвратить его не только совершенно исправленнымъ, но и на отличномъ латинскомъ языкѣ ⁴⁾. Поджіо приступалъ къ дѣлу съ необычайною самоувѣренностью, какъ будто высшая сила внушаетъ ему, какія выраженія долженъ былъ употребить древній писатель. Когда онъ вмѣстѣ съ Зомино да Пистойя списывалъ въ Констанцѣ найденнаго

¹⁾ См. томъ I стр. 199. Переписчикъ Цицероновыхъ *epistolae ad familiares* прибавилъ на поляхъ варианты съ *Additio Colucii, Coluucius correxit etc. Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 660.*

²⁾ Томъ I стр. 223. 230.

³⁾ См. томъ I стр. 226. 277. Методъ Никколи понялъ уже хорошо *Angelus Politianus Epist. et Miscell. Antv. 1567, p. 536. 547.*

⁴⁾ *Emendatissimus, eruditus, latinus et urbanus*, говорятъ онъ въ *epist. VI, 7 rec. Canneto.*

торых не могъ прочесть, пропусками, а Поджіо, который тоже не могъ ихъ разобрать, или совѣтъ пропускалъ, или пополнялъ эти пробѣлы и рѣшалъ затрудненія смѣлыми догадками ¹⁾. Какъ въ послѣдствіи онъ исправилъ Филиппи Цицерона съ помощью одной старинной рукописи, которая тоже была обильна ошибками, такъ и теперь долго не задумываясь сглаживалъ слоги писателя ²⁾.

Мы не знаемъ, какъ Ауриспа исправилъ Тибулла, но, навѣрное, съ знаніемъ дѣла и вкусомъ. Но потомъ этотъ поэтъ попалъ въ руки жалкаго Томмазо Сенеки, который долженъ былъ списать его для одного риминійскаго врача. Но онъ не хотѣлъ работать какъ простой переписчикъ, а спрашивалъ совѣта у друзей во Флоренціи касательно разныхъ мѣстъ; нѣкоторыя выраженія онъ прибавлялъ «тоже по внушенію свыше» и дополнялъ изъ собственной головы то, чего не доставало или нельзя было прочесть въ подлинникѣ. Наконецъ онъ увѣрялъ своего заказчика, что въ Италіи нѣтъ книги болѣе исправной чѣмъ этотъ Тибуллъ, просмотрѣнный имъ ³⁾.

Гварино постоянно старался исправлять плохіе тексты, которые ему попадались при ученыхъ занятіяхъ и въ школѣ. Указываютъ на два или три коренныхъ труда въ этомъ родѣ, принадлежащихъ ему. Мы вскорѣ упомянемъ объ его Ливіи и Плавтѣ. Заслуги Гварино, оказанныя имъ земляку своему Катутту, цѣнились такъ высоко, что въ послѣдствіи ему приписывали даже открытіе его стихотвореній, хотя ихъ знали еще Петрарка и Салютато ⁴⁾. Еще извѣстнѣе былъ его текстъ Естественной исторіи Плинія. Но только специальное изслѣдованіе можетъ рѣшить, какъ онъ выполнилъ подобную задачу. Конечно, и онъ хотѣлъ только возстановить понятный текстъ ⁵⁾.

1) Kiesling et B. Schoell ad Ascon. Pedian. Praefatio p. XXX.

2) Poggius epist. III, 17 ed. Tonelli. Его самонадѣянность видна въ словахъ, обращенныхъ къ Никколи: Sed scis in talibus me esse satis sagacem.

3) Его письмо къ врачу Джіованни до Комини отъ 22 ноября 1434 г. въ Tibullus-tes. Baehrens, Lips. 1878, p. VIII. См. томъ I стр. 584.

4) Въ письмѣ изъ Феррары отъ 26 іюля 1456 г., которое можетъ принадлежать только Гварино и находится въ одной рукописи графа Апполи въ Буданештѣ, говорится: Catullum ubi meliorem fecero, ad proprios lares remeare compellam. Cp. Giuliani Della lett. Veron. p. 33.

5) Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 5. О Плиніи Гварино свидѣтельствуетъ Valle Opp. p. 602. Амброзіанскій списокъ имѣетъ такую приписку: Emendavit c. v. Guarinus Veronensis, adiuvante Guilelmo Capello. Ferrariae in aula principis an. incarn. verbi 1433 VI. Cal. sept. Giuliani Della lett. Veron. p. 26. 296. Объ исправленномъ комментарий Сервія къ Энеидѣ см. тамъ же p. 30.

Задача—очистить текст Ливія отъ ошибокъ и неясностей, занимавшая еще Петрарку, осталась нерѣшенной и послѣ него. Къ сожалѣнію, мы лишь случайно узнаемъ о подобныхъ трудахъ, за которые въ болѣе скромномъ размѣрѣ брался каждый гуманистъ. Такъ Валла рассказываетъ намъ о нѣкотораго рода коммиссии, которая по почину кардинала Колонны принялась во Флоренціи за болѣе основательное исправленіе Ливія. Случай собрать для этой цѣли лучшихъ ученыхъ представился во время пребыванія римскаго двора въ этомъ городѣ при Евгениі IV. Ліонардо Бруни, по видимому, былъ главнымъ представителемъ этого кружка; въ немъ участвовали Марсупини, Ченчи, Поджіо, Бьондо и нѣкоторые другіе гуманисты. Невѣроятно и несообразно съ характеромъ этихъ исправителей, чтобы они придавали особое значеніе болѣе раннимъ рукописямъ. Результатомъ было, конечно, исправленіе текста множествомъ разнообразныхъ догадокъ, внушенныхъ общимъ пониманіемъ языка. Какъ извѣстно, каждый въ этой области дѣлаетъ только созданіе своихъ увлеченій. Отсюда легко объясняется, почему Валла находилъ пересмотръ Бруни неосновательнымъ, равно какъ и подобныя труды Гварино относительно Ливія. Онъ даже имѣлъ случай заявить свое превосходство въ этомъ отношеніи. Когда Беккаделли читалъ Ливія въ библиотекѣ Альфонса, короля Неаполитанскаго, и при этомъ сообщалъ свои догадки и объясненія, то Валла нерѣдко горячо возражалъ ему, и король съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за споромъ своихъ филологовъ. Оба бойца наперерывъ хвалились передъ государемъ, что могутъ исправить всѣ испорченныя мѣста у Ливія. Королевскій экземпляръ былъ полученъ изъ Флоренціи: Козьма Медичи прислалъ его въ подарокъ Альфонсу, когда онъ хлопоталъ тамъ о Ливіи. Исправленіе этой рукописи, сначала шести книгъ, въ которыхъ повѣствуется о второй пунической войнѣ, принялъ на себя Бартоломео Фаціо, придворный историографъ, врагъ Валлы, и при этомъ ему помогалъ генуэзецъ Джакомо Бурло ¹⁾. Противъ этихъ поправокъ Ливія направилъ Валла свое полемическое сочиненіе. Хотя онъ обнаружилъ мало шевѣса надъ своимъ соперникомъ, въ отношеніи методы, однако былъ убѣжденъ, что возстановилъ каждое выраженіе въ его «первобытной чистотѣ ²⁾».

Труды надъ Плавтомъ тоже показываютъ намъ, какъ поверхностно относились въ то время къ критикѣ текста. Когда кардиналъ Орсини

¹⁾ Последний былъ, кажется, не больше, какъ хорошо образованный переписчикъ. Delisle Le cabinet des manuscrits. T. I p. 221 помѣчаетъ Юстина, переписаннаго имъ для короля Альфонса

²⁾ Valla Opp. p. 601. 602. 603. 446, гдѣ онъ говоритъ о *pristina sinceritas*.

получилъ изъ Германіи рукопись, заключающую въ себѣ двѣнадцать новыхъ комедій Плавта, то критикѣ предстояло рѣшить простой вопросъ, такъ какъ тутъ не приходилось дѣлать сличенія съ другими рукописями. Но затрудненія въ чтеніи, пониманіи и распредѣленіи ролей требовали неистощимаго терпѣнія и постоянного напряженія ума. Этими качествами гуманисты обладали въ незначительной степени; они старались поскорѣе кончить дѣло и наслаждаться чтеніемъ писателя. Поджіо чувствовалъ себя способнымъ исправить новыя рукописи, привести ихъ въ порядокъ и съ своею гениальною поспѣшностью дать имъ приличный видъ. Но прежде всего онъ не получилъ рукописи Плавта, потому что кардиналъ думалъ издать ее самъ, а потомъ по настоятельнымъ просьбамъ послалъ въ Миланъ, Феррару и Флоренцію. Всюду были сняты съ нея копіи и сдѣланы исправленія. Въ Феррарѣ этимъ занимался Гварино, во Флоренціи—Никколи и Траверсари. Эти копіи потомъ распространялись, а текстъ постоянно передѣлывался и искажался. Веспазіано признаетъ на Поджіо и Грегорио Корраро ту заслугу что они установили и очистили текстъ. Поэтъ Беккаделли продолжалъ работать надъ Плавтомъ на основаніи рецензій Гварино, которую онъ получалъ, вѣроятно, отъ квестора герцога миланскаго, Камбіо Замбеккари. Онъ обѣщалъ своему другу возвратить текстъ римскаго комика вполне исправнымъ. Какъ поэтъ понималъ это, показываетъ другая случай, когда онъ тому же другу обѣщалъ при чтеніи просматривать и исправлять Энеиду Virgilia, а взамѣнъ того просилъ его оказать ему ту же услугу относительно Ливія. Беккаделли любилъ Плавта, но онъ былъ не ученый, а просто вѣтряный поэтъ. Когда нѣсколько молодыхъ людей просили его объяснить имъ нѣкоторыя мѣста у римскаго комика, то онъ указалъ имъ на Гаспарино Барзинцу. Последній могъ легко достать копію, въ Миланѣ. Но поэту Беккаделли Плавтъ не обязанъ ничѣмъ, не говоря уже о чемъ либо хорошемъ ¹⁾). Первый издатель его комедій нашелъ въ 1572 г. новыя двѣнадцать пьесъ въ рукописяхъ такъ перепутанными и исковерканными, что сравни-

1) См. томъ I стр. 241. Beccatelli Epist. Neap. 1746 p. 4. 5. 7. (Письма, которыхъ нѣтъ въ другихъ изданіяхъ). Epist. Gall. III, 2. 3. Schepff Antonius Panormita der Verfasser von Plautuscommentarien.... в Blätter für das Bayerische Gymnasial-und Real-Schulwesen Jahrg XVI 1880. S. 97 ff. Вѣнскій кодексъ у Endlicher Catalog. codd. philog. lat. bibl. Palat. Vindob. p. 2, содержащій 20 комедій Плавта, въ числѣ прежнихъ владѣтелей упоминаетъ и объ Antonius Panormitanus, но невѣрно обозначенъ saeculi XV exeuntis. Тогда можно бы было изучить вопросъ о мнимой рецензій Беккаделли, если это стоить труда.

валъ возстановленіе ихъ съ двѣнадцатью подвигами Геркулеса. Однако онъ открылъ, что всѣ рукописи произошли отъ одного основнаго типа ¹⁾).

Только книгопечатаніе указало должныя границы и сообщило новое направленіе стремленіямъ критиковъ текста. Оно создало прочныя тексты, которые всюду были доступны для ученыхъ, и облегчило пониманіе дѣла и дальнѣйшія усилія. Въ сущности это дѣло было таково, что редакторъ, отдававшій въ печать, т. е. распространявшій свой трудъ, долженъ былъ работать серьезно и добросовѣстно гуманиста, смѣло пускавшаго въ ходъ всякую догадку.

Въ комментаріи, объясняющемъ классическаго писателя, естественнымъ образомъ имѣлось въ виду школьное толкованіе. Поэтому многіе письменные труды этого рода въ томъ видѣ, какъ они сохранились, представляютъ не плодъ серьезныхъ умственныхъ усилій извѣстнаго автора, а записки какаго нибудь ученика, который уловилъ самыя простыя свѣдѣнія, да и то часто невѣрно. Но рядомъ съ этимъ есть и серьезныя работы, исполненныя тщательно для любителей литературы. Часто они посвящены извѣстнымъ лицамъ, какъ самостоятельныя сочиненія. Вѣнецъ подобнаго рода дѣятельности составляетъ ученый комментарий филолога, который уже не довольствуется формою простаго толкованія и глоссы, а заимствуетъ изъ своихъ книжныхъ знаній и побочныя свѣдѣнія и обращаетъ такимъ образомъ свой комментарий въ сокровищницу всякаго рода учености. Начало подобному направленію положилъ августинецъ Діониджи, а закончилъ его Никколо Перотти.

Братъ Діониджи де Роберти, или, какъ его чаще называютъ, Діониджи изъ борго Санъ Сеполькро, другъ Петрарки, но годомъ старше его, въ теченіи многихъ лѣтъ съ большимъ успѣхомъ занимался преподаваніемъ въ неаполитанскомъ университетѣ. Въ это время, безъ сомнѣнія, онъ составилъ комментарий къ сочиненіямъ Виргилія, навѣрное, къ его Энеидѣ, къ Превращеніямъ Овидія, къ трагедіямъ Сенеки, къ Реторикѣ и Политикѣ Аристотеля. Но если мы не ошибаемся, то все это были—лекціи, распространенныя его учениками. Такъ какъ отъ нихъ ничего не осталось, то мы можемъ только предполагать, что онъ и здѣсь сообщалъ многое изъ запаса своей необыкновенной учености. Во всякомъ случаѣ при началѣ гуманизма онъ первый далъ широкіе размѣры толкованію классиковъ въ университетѣ. Но наибольшую славу пріобрѣлъ себѣ Діониджи подробнымъ комментариемъ къ девяти книгамъ Валерія Максима, которыя, по своей тѣсной связи съ моралью, пользовались уваженіемъ

¹⁾ Предисловіе Георгія (Мерузы) Александрійскаго у Botfield Prefaces p. 141.

еще въ среднѣ вѣка и сохраненъ его за собою въ вѣкъ Петрарка и Бокаччо. Трудъ Діониджи былъ систематическій и посвященъ кардиналу Джіованни Колонна. Цѣлью автора было главнымъ образомъ объяснить историческіе примѣры Валерія другими источниками, особенно Ливіемъ, а также Цицерономъ, Сенекою, блаженнымъ Августиномъ, Григоріемъ и Амвросіемъ. Братъ Діониджи былъ не критикъ текста и не грамматикъ ¹⁾.

Тотъ Пьетро да Мульо, который преподавалъ въ Болонѣ грамматику и реторику, тоже объяснялъ классическихъ писателей. Но единственное, что намъ осталось отъ него, это—стихи для заучиванія на память. По нимъ ученики должны были усвоивать себѣ содержаніе трагедій Сенеки—приемъ еще весьма любимый, хотя онъ и заимствованъ у средневѣковой рутинны ²⁾. Вмѣстѣ съ нимъ тамъ преподавалъ Бенвенуто Рамбальди да Имола, толкователь Данта. Были также его комментаріи къ Фарсалиямъ Лукана и къ эклогамъ Петрарки, но особенно важенъ большой комментарий къ Валерію Максиму, который онъ поднесъ въ даръ своему благодѣтелю, маркграфу Никколо д'Эсте. Тутъ онъ сильно нападалъ на другихъ ученыхъ, особенно на брата Діониджи. Но его сочиненія не удостоились печати ³⁾.

Къ преподавателямъ въ обширномъ смыслѣ при слѣдующемъ поколѣнн принадлежалъ Цицероніанецъ Гаспаріано да Барзицца. Онъ подвизался на профессорской кафедрѣ съ молодыхъ лѣтъ сначала въ Падуѣ, а потомъ въ Миланѣ и, безъ сомнѣнія, занимался толкованіемъ самыхъ разнообразныхъ писателей. Но его комментаріи—цѣлыя сочиненія, тщательно обработанныя. Изъ его собственныхъ словъ мы знаемъ о комментаріяхъ къ Теренцію, къ письмамъ Сенеки и къ сочиненіямъ Цицерона Объ обязанностяхъ. Надъ послѣднимъ, который Барзицца думалъ посвятить маркграфу феррарскому, онъ трудился нѣсколько лѣтъ и всячески хлопоталъ достать для справокъ старый комментарий, о которомъ онъ слышалъ. Кромѣ того Барзицца писалъ о письмахъ Цицерона, о сочиненіи его О старости, о книгахъ Объ ораторѣ, которыя были еще не въ полномъ видѣ, и о нѣкоторыхъ рѣчахъ Сенеки. Такимъ образомъ мы видимъ обильную и пло-

¹⁾ См. томъ I стр. 413. Предисловіе — самое сочиненіе не напечатано — см. у Middarelli Bibl. codd. ms. S. Mich. Venet. p. 1174 и у Endlicher Catal. codd. bibl. Palat. Vindob. p. 85.

²⁾ См. выше стр. 42. *Ego argumenta tragoediarum Senecae* въ *Catalogus codd. lat. bibl. reg. Monac. T. II P. III p. 33.*

³⁾ Эземпляры комментарія къ Валерію см. у Endlicher l. c. p. 84 и у Valentinelli l. c. T. VI p. 29. *Rambaldi Comment. S. Divina Commedia volt. da Samburini vol. I p. IV.* См. выше стр. 42.

дотворную дѣятельность, о которой однако потомство вскорѣ забыло ¹⁾).

Прочитѣ былъ успѣхъ другаго предпріятія, цѣлью котораго было не только вызвать удивленіе къ Цицерону, но и научить основательнѣе понимать его. Именно Антоніо Лоски, бывшій въ то время секретаремъ и придворнымъ поэтомъ у миланскаго герцога, написалъ объясненіе къ рѣчамъ Цицерона, сначала къ четыремъ, а потомъ и еще къ семи. Это были не просто содержанія ихъ. Лоски поставилъ себѣ задачу выше—показать, какъ Цицеронъ примѣнялъ на практикѣ свою реторическую теорію ²⁾. Къ двѣнадцати другимъ рѣчамъ Секко Полентоне въ Падуѣ въ 1413 г. приложилъ краткое содержаніе. Когда потомъ въ 1416 г. Поджіо и его друзья нашли въ С.-Галленѣ Асконія Педіана, то оба упомянутыхъ сочиненія считались дополненіями къ нему. Поэтому ихъ очень часто списывали вмѣстѣ съ Асконіемъ, а съ 1477 г. они распространялись и въ печатныхъ оттискахъ. По словамъ Бьондо, никакая другая книга того времени не подвинула такъ изученіе краснорѣчія ³⁾.

Само собою понятно, что такой человекъ, по крайней мѣрѣ полвѣка неутомимо трудившійся на педагогическомъ поприщѣ, какъ Гварини Веронскій, объяснялъ множество древнихъ писателей. Подъ его именемъ извѣстно было много комментариевъ, однако мы считаемъ большую часть ихъ лишь записками учениковъ, какъ напр. комментаріи къ реторикѣ къ Гереннію, къ Парадоксамъ Цицерона, къ сочиненіямъ О дружбѣ и объ обязанностяхъ, къ Валерію Максиму, къ комментарію Сервія къ Энеидѣ, къ Аристотелю и св. Василию ⁴⁾. Неизвѣстно, издалъ ли Гварино хоть одну такую работу особою книгою съ посвященіемъ.

¹⁾ См. томъ I стр. 208. 464. Gaspr. Barzizii Opp. ed. Frietias p. 136. 190. 199. Jac. Phil. Bergomas Suppl. chron. fol. 274.

²⁾ Отсюда первоначальное заглавіе, сохранившееся еще въ рукописяхъ у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 639 и у Zacharias Bibl. Pistor. p. 47: Inquisitio vna Inquisitio artis in orationes etc. Въ печатномъ Venet. 1477 заглавіе такое: Inquisitio super XI orationes Ciceronis.

³⁾ Гаспарини да Барзизца (Opp. p. I p. 146. 206) зналъ только содержанія Лоски къ 11 рѣчамъ. О Полентоне см. томъ I стр. 398—460. и Kapp de Xiseo Polentono p. 39. 40. Blondus Italia Illustr. p. 379 по ошибкѣ говорятъ о 12 рѣчахъ, объясненныхъ Лоски. Рукописи и оттиски см. у Schio Vita di Ant. Loschi p. 134.

⁴⁾ Иногда на это наиваетъ заглавіе, такъ напр. у Valentinelli l. c. T. IV p. 83: Collectae in Officia Ciceronis secundum Guarinum Veronensem libri tres. Обратите вниманіе также на извѣстительныя рѣчи, которыми онъ приглашалъ къ лекціямъ; въ Catal. codd. lat. bibl. reg. Monac. T. I P. I p. 15: Guarini cr. in Ciceronem de officiis. In Valerium Maximum. Pro Ciceronis epistolis inchoandis. Сюда же относятся и Guarini. in Persium Commentariola cum Prologo у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 398. Число комментариевъ, приписываемыхъ Гварино, у Giuliani Della lett. Veron. p. 295. Новѣйшіе писатели упоминаютъ и о комментаріи къ Ювеналу. Но это только стихи для заучиванія, заключающія въ себѣ содержаніе 16 сатиръ, см. Bandini Bibl. Leop. Laurentii

напрямъ къ дѣятельности въ Павіи вознамѣрился писать комментаріи къ Плавту, то онъ уже напередъ думалъ о цѣлой книгѣ. По его словамъ, его вызывали на это нѣкоторые ученики, что весьма возможно. И самъ онъ сознавалъ себя особенно способнымъ къ такой работѣ, хотя ее считали недоступною для себя люди гораздо болѣе ученые. Впрочемъ мы слышимъ только объ его намѣреніи и о томъ, что онъ хотѣлъ начать съ «Плавтовыхъ ословъ». Но если сравнить несоразмѣрность самонадѣянности веселаго поэта съ его ученостью, то мы не удивимся, что ни онъ, ни другіе не упоминаютъ о подобной книгѣ ¹⁾. Онъ и бене да Лониго, преподававшій въ Венеціи, извѣстенъ былъ за автора многихъ комментаріевъ, напр. трехъ книгъ къ оратору Цицерона, одной къ Квинтиліану и одной къ Лукану. А объ его комментаріи къ Ювеналу мы знаемъ даже, что во Введеніи къ нему говорилось о заглавіи, о жизни поэта, его характерѣ, стремленіяхъ, числѣ книгъ и т. под. ²⁾. Относительно Георгія Трапезунтскаго остается под сомнѣніемъ, не были ли его объясненія къ Филиппикамъ Цицерона и къ рѣчи за Лигарія просто лекціями, такъ какъ упоминается объ ихъ парафрастической формѣ ³⁾. В а л л а, его соперникъ по университету, упоминаетъ о сочиненіи касательно Реторики къ Гереннію, написанномъ имъ самимъ, но еще неизданномъ ⁴⁾. Парафразы къ войнѣ съ Катилиною Саллюстія нѣсколько разъ печатались подъ его именемъ; хотѣли отрицать ихъ принадлежность ему по причинѣ ихъ слабаго достоинства, ⁵⁾, но, разумѣется, безо всякаго основанія: въ этомъ случаѣ тоже можно допустить, что это записки ученика, составленныя согласно его скромнымъ потребностямъ и пониманію. И комментарій къ Квинтиліану, хорошо засвидѣтельствованный, содержитъ въ себѣ много пустяковъ, однако мы въ нихъ узнаемъ вполне Валлу, когда онъ указываетъ на древнія надписи

Т. I р. 506 и у Endlicher l. c. p. 116, а по Tabulae cod. ms. bibl. Vindob. voi. V р. 123 они принадлежатъ Бат. Гвариню, котораго, подобно отцу, довольно часто называютъ Gvarinus Veronensis и котораго сочиненія не всегда можно отличать отъ сочиненій отца.

¹⁾ Beccatelli *Epist.*, Neap. 1746, р. 5. Тутъ онъ тѣмъ охотиѣе хочетъ приняться за комментаріи, quod nonnullis bene litterateis hominibus dura nimis provincia visa est et res omnino desperata. *Er. Gall.* I, 36. Т. что нѣкоторые весьма ученые люди признали эту задачу весьма трудною, почти невозможною.

²⁾ См. томъ I стр. 392. На тѣ сочиненія указываетъ Bergomas fol. 279,—0 Ювеналъ Muccioli *Catal. codd. ms. Malatesti Cesen.* Т. II р. 147. Fabricius *Bibl. lat. med et inf. lat. ed. Mansi* Т. V, р. 164.

³⁾ Bergomas fol. 284. Saxius р. 157. Hodus р. 116.

⁴⁾ *Recrim. in Facium Opp.* р. 628.

⁵⁾ Zumptъ въ Schmidt's *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, Bd. IV, Berlin 1845, s. 410.

и ихъ правописаніе, сравниваетъ разныя надписи, чтобы возстановить вѣрный текстъ, указываетъ на его порчу, когда сообщаетъ матеріалъ изъ своего запаса словъ, бранитъ древнихъ грамматиковъ, напротивъ сочиненія римскихъ юристовъ признаетъ образцами хорошей латыни ¹⁾). Мы понимаемъ и тотъ упрекъ, который часто дѣлали Валлѣ въ Римѣ за его толкованія, именно что онъ раздражался рѣзкими нападками не только противъ живыхъ, но и давно умершихъ, даже противъ классиковъ и отцовъ Церкви. Эту манеру выставить на видъ свое превосходство передъ безотвѣтными въ ущербъ другимъ потомъ усвоилъ въ Римѣ Домиціо Кальдеріно, который объяснилъ столь многихъ прозаиковъ и поэтовъ ²⁾). Это предки необузданныхъ филологовъ.

Слѣдуетъ упомянуть также о комментаріяхъ, которыя написалъ Гульельмо Бекки, генералъ августинскаго ордена, впоследствии епископъ фізюланскій, къ Этикѣ, Экономикѣ и Политикѣ Аристотеля. Они первые были составлены не по греческому тексту, но уже по переводамъ Ліонардо Бруни и съ тѣмъ вмѣстѣ выходятъ изъ коленъ средневѣковаго преданія ³⁾).

Заклучимъ нашъ обзоръ исполненнымъ трудомъ Николо Перотти, надъ которымъ онъ работалъ уже будучи епископомъ до послѣднихъ дней своей жизни. Когда-то друзья побуждали его исправить искаженныя произведенія Марціала. И онъ, проведши много безсонныхъ ночей, собралъ такую громадную массу матеріала и такъ подготовился, какъ будто хотѣлъ разработать языкъ и содержаніе всѣхъ произведеній римской литературы. Однако все-таки онъ далеко не сдѣлалъ всего: имъ комментирована лишь небольшая часть произведеній Марціала. Рассказываютъ также, что онъ считалъ не совсѣмъ приличнымъ для епископа заниматься непристойнымъ поэтомъ. Племянникъ его, Циро Перотти, издалъ это сочиненіе уже послѣ смерти автора и озаглавилъ эту безпорядочную книгу, сокровищницу разнообразной учености, Рогъ изобилія (*Cognoscoriae*). «У кого есть эта книга, говоритъ Веспасіано, тотъ можетъ узнать обо всемъ, относящемся къ области латинскаго языка, безъ

¹⁾ Quintiliani Institutiones cum commento Laurentii Vallensis etc. Venetis 1494. Къ сожалѣнію, только до fol. g. 6, можно ясно отличить, что принадлежитъ Валлѣ Bergomas fol. 283 знаетъ хорошо in Quintilianum commentarios dignissimos Валлы.

²⁾ Paulus Jovius Elogia doctor viror. 21 отлично характеризуетъ его: Ambitioso quidem et nimis aculeato dicendi genere ex aliena insecitia, dum intemperanter perstringit atque remordet, nomen quaerens etc. О комментаріяхъ Кальдеріно (+ 1477) есть разныя свидѣтельства у Giuliani Della lett. Veron. passim.

³⁾ Bandini Bibl. Leor. Laurent. T. I p. 453 seq. Комментарій къ Этикѣ относится къ 1455 г., а къ Экономикѣ къ 1467, къ Политикѣ — къ 1476. Въ Предисловіи къ Экономикѣ Бекки прямо говоритъ, что къ лучшему тексту до сихъ поръ нѣтъ комментарія. Но ошибочно приписывать его самому Бруни.

словарей, грамматикъ и комментариевъ». Тутъ уже проглядываетъ духъ голландской учености ¹⁾).

Какъ возникла страсть къ изслѣдованію надписей какъ научились цѣнить ихъ, какъ памятники древности и древнѣйшаго латинскаго языка, объ этомъ мы уже говорили. Коло ди Ріенцо первый пытался разбирать ихъ и по нимъ составить понятіе о величіи древняго Рима. Салютато, который принималъ за точку отправленія свои орфографическія занятія, указавъ молодому Поджіо на задачу собрать въ Римѣ и спасти то, что еще найдется. Мы помнимъ, какъ охотно странствовалъ послѣдній по Риму и Кампаньѣ, ища древнихъ надписей, списывая ихъ и составляя сборникъ. Потомъ неутомимый Чиріако Анконскій исполнялъ задачу своей жизни въ качествѣ туриста-изслѣдователя. Всюду въ доступномъ ему мѣрѣ онъ отыскивалъ надписи латинскія и греческія и вносилъ ихъ въ свои антикварные комментаріи. Этотъ человѣкъ, самъ сильно возбужденный, производилъ громадное вліяніе на другихъ. Множество надписей, которыя онъ обыкновенно сообщалъ своимъ итальянскимъ друзьямъ, Никколи, Бруни, Марсуппини, Гварино, Веджіо, Бьондо, а въ особенности Филельфо, вскорѣ сдѣлались плодотворнымъ достояніемъ науки ²⁾. Съ тѣхъ поръ ни одинъ гуманистъ не проходилъ равнодушно мимо этихъ остатковъ древности. ими пользуются какъ источниками древней исторіи и характеристики нравовъ, какъ достовѣрными памятниками языка отъ такого времени, до котораго не восходятъ и самыя древнія рукописи. Конечно, не одинъ ученый составилъ себѣ небольшія собранія ихъ. Такъ напр. мы можемъ смѣло утверждать это о Лоренцо Валлѣ, который въ своихъ грамматическихъ и объяснительныхъ сочиненіяхъ постоянно ссылается только на то, что самъ видѣлъ, а не на прежнія собранія. Когда онъ однажды вознамѣрился изъ Неаполя посѣтить свой отечественный городъ Римъ, то обѣщалъ привезти свои *tituli* (надписи) и передать Ауриспѣ; быть можетъ, и его Эпитафіи были такимъ-же собраніемъ ³⁾. Извѣстенъ также сборникъ Помпонио Лето. Около 1460 г. нѣмецъ Лаврентій Пегемъ (Бегаймъ?), былъ больше 20 лѣтъ близкимъ человѣкомъ у кардинала Родриго Борджіи и составилъ прекрасное собраніе надписей города

¹⁾ Nicolaus Perottus *Cornucopiae* ed. Aldina 1513. *Vespasiano Vescovo Sipontine* § 3. Перотти приписываютъ и комментарій къ одамъ Горация.

²⁾ См. томъ I стр. 247—248 и выше стр. 13.

³⁾ Валла пользовался рукописями и въ упомянутомъ комментаріи къ Квинтилиану fol. d, 5. d, 6. Въ письмѣ къ Ауриспѣ отъ 31 декабря (1444 г.) въ *Epistolae principum*, Amst. 1644, p. 359. Валла говоритъ: *Feram et Elegantias meas cum titulis* etc. Что это иначе можетъ значить?

Рима; это сообщает Гартманъ Шедель, который списалъ ихъ. Въ римской рукописи, по которой собиратель обыкновенно называется Анонимусъ Marcellianus, его имени нѣтъ. Дѣйствительно ли Лаврентій списалъ свои надписи съ камней, былъ ли онъ больше, чѣмъ простой компиляторъ или переписчикъ? Этотъ вопросъ, вѣроятно, можно было бы рѣшить, если бы сравнить надписи, нѣсколько разъ приведенныя въ сочиненіяхъ Валлы, Бьондо и Веджіо, съ его надписями ¹⁾. Мы уже упоминали о томъ собраніи, которое закончилъ Падуанецъ Джіованни Марканова около 1460 г. и впоследствии еще раза два дополнял ²⁾.

Маффео Веджіо былъ первый, котораго уваженіе къ остаткамъ языческой древности заставило обратить вниманіе и на христіанскіе памятники древняго Рима. Онъ изучалъ римскіе храмы съ ихъ памятниками и древностями и въ своихъ достопамятностяхъ храма Св. Петра сообщаетъ рядъ надписей христіанской эпохи, замѣчая мѣстами, что, вслѣдствіе порчи отъ времени, ихъ почти нельзя было разобрать ³⁾.

«Поэты и ораторы» обыкновенно любили называть себя поклонниками древности и подражателями ея литературѣ. «Поэтами» ихъ называли въ Италіи и Германіи, терминъ, который, во времена Петrarки и Салютато обозначалъ божественнаго пѣвца, а спустя столѣтіе обнищавшаго генія. Было ли упражненіе въ поэзіи и краснорѣчіи на письмѣ и устно новымъ отличительнымъ признакомъ этихъ людей? Эклоги по образцу Виргилія и посланія по образцу Горация сочиняли еще Алкуинъ и Теодульфъ. Почти всѣ роды поэзіи, которые можно было заимствовать у древнихъ, и въ средніе вѣка имѣли своихъ представителей. Правда, гуманисты отвергали леонинскій стихъ ⁴⁾ какъ варварскій, избобрѣтенный монахами. Но гекзаметрами безъ рیمовъ довольно часто писали и въ средніе вѣка, въ особенности въ Италіи, Франціи и Англіи, и даже крупныя произведенія ⁵⁾. Новымъ было не возвращеніе къ размѣрамъ и поэтическимъ формамъ древнихъ римлянъ; новостью были скорѣе сами поэты. Они довольно сильно и смѣло

¹⁾ Объ anonimus Marcellianus см. Henzen въ Corpus inscr. lat. Vol. VI P. p. XLII.

²⁾ См. томъ I стр. 402.

³⁾ См. выше стр. 37.

⁴⁾ Леонинскими стихами назывались стихи по имени средневѣковаго поэта Лео, или, какъ другіе полагаютъ, по имени папы Льва II. Поэты нерѣдко писали въ тѣ времена такими гекзаметрами и пентаметрами, середина и конецъ которыхъ римовались.

Прим. перев.

⁵⁾ См. Панненберга о Лягуринѣ—въ Forschungen zur deutschen Geuschichte Bd. XI, Göttingen, 1871, s. 184, 190. 191.

выступают со временем Петрарки, как личности, на передний планъ. Ихъ искусство служить для нихъ не временнымъ только занятіемъ, а призваніемъ жизни; они составляютъ особый классъ людей, сословіе, которое создаетъ себѣ свои формы жизни и сношеній и, слѣдуя общему направленію, трудятся надъ созданіемъ новой литературы. Это даетъ возможность также прослѣдить развитіе этой литературы не только въ дѣятельности отдѣльныхъ поэтовъ, но и въ цѣлой группѣ ихъ.

Пока *Виргилій* былъ чтимымъ идеаломъ всѣхъ поэтическихъ стремленій, и тѣ роды поэзій, въ которыхъ блисталъ его гений, преимущественно вызывали на подражаніе. Не будь *Энеиды*, не явилось бы и *Божественной комедіи*. Въ *Эклогахъ Дантъ* и *Джовани ди Вирджиліо* обмѣнивались своими воззрѣніями на міръ и искусство. И *Петрарка* облекалъ свои таинственные сюжеты въ форму *буколической эклоги*, и въ этой таинственности видѣлъ сущность поэзій. Тутъ легко было скрывать подъ формою аллегоріи личные и полемическіе намеки, къ которымъ онъ такъ любилъ прибѣгать. Онъ нерѣдко придавалъ лирической характеръ канцоны поэтическому посланію, въ которомъ образцомъ его былъ *Горацій*. *Петрарка* высоко цѣнилъ героическую поэму, принимаясь за *Африку*, но вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ своимъ примѣромъ, какъ трудно достичь этой высоты, такъ что послѣ него лишь немногіе рѣшались братья за подобную задачу. Конечно, для его таланта были доступны размѣры оды и элегіи, но, по видимому, ритмъ ихъ остался чуждымъ его слуха или онъ не любилъ ихъ. То, что поэтъ могъ въ нихъ выразить, онъ любилъ выражать мелодическимъ народнымъ языкомъ, римуя стихи.

Хотя впоследствии *Петрарка* любилъ относиться съ пренебреженіемъ къ своимъ *Rime*, однако онъ продолжали очаровывать читателей даже тогда, когда его латинскія стихотворенія читались мало или совсѣмъ не читались. Въ теченіе всего XV в. и долѣе лучшие люди гуманистической школы пробовали подражать имъ: *Боккачіо*, *Салютато*, *Лионардо Бруни* и *Леонъ Баттиста дель Альберти* пѣли на манеръ *Петрарки*. *Леонардо Джустиніани*, благородный венеціанецъ, въ юные годы воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ любовь и ея муки, а въ позднѣйшіе—славу Пресвятой Дѣвы *Маріи* и святыхъ. *Маріано де Созино*, ученый профессоръ правъ, и *Доменико де Капранька*, серьезный кардиналъ, сочиняли канцоны и сонеты. Этимъ же занимались воскреситель мертвыхъ *Чириако Анконскій* и *Эней Пикколомини*. впоследствии папа *Пій II* ¹⁾). Изъ владѣтельныхъ лицъ веселому ис-

¹⁾ П Физельфо въ спискѣ своихъ книгъ въ *Madagini s. libreria Visc. Sforza Append. ulla Parte prima p. 10* называетъ *Canzoni et sonetti infiniti*. И въ какомъ они заголовкѣ.

куству посвящали себя Лионелло д'Эсте и Гисмондо Малатеста риминійскій. Такъ какъ герцогъ миланскій Филиппъ Марія былъ поклонникомъ музы Петrarки, то ее должны были чтить и его придворные поэты, Дечембріо и даже Филельфо, который съ досадою обращался къ «народной рѣчи». Но въ половинѣ вѣка языкъ древняго Рима и античная поэзія играютъ такую важную роль, что современники тѣхъ людей считаютъ почти не стоящимъ труда говорить о своихъ любовныхъ мечтаніяхъ, выраженныхъ на народномъ языкѣ. Они постоянно считались одною забавою; молодые годы были забыты, а люди зрѣлаго возраста смотрѣли на это дѣло лишь какъ на развлеченіе. Эта поэзія не была ступенью къ славѣ, произведенія ея были слабо распространены между друзьями и впоследствии рѣдко печатались, поэтому большею частию потеряны. Только къ концу вѣка, когда итальянскій народъ былъ глубоко оскорбленъ и униженъ вторгшимися чужеземцами, снова пробудилась любовь къ родному языку и, коренясь въ двухъ минувшихъ эпохахъ, привела къ процвѣтанію классическо-романтической поэзіи въ Италіи.

Пастушеская поэзія съ ея таинственными покровами долгое время была еще въ модѣ и послѣ смерти Петrarки, въ какой напр. была поэзія загадокъ въ эпоху Каролинговъ. Боккаччо писалъ и элоги по его образцу, конечно столь же слабо, какъ онъ и вообще оказывается слабымъ въ своихъ латинскихъ стихахъ. Салютато въ молодые годы тоже былъ страстнымъ поклонникомъ буколической музы. Это онъ самъ сознаетъ и это же доказываютъ его шесть элогъ, которыя читалъ еще Филиппо Виллани. Друзья его, какъ напр. Томмазо сэръ Риджи изъ Перуджіи, посылали ему свои пастушескія стихотворенія, и онъ радовался, если имена лицъ, выведенныхъ въ нихъ, были искусно придуманы и глубокой смыслъ былъ прикрытъ красивою аллегорическою формою ¹⁾. Но, по видимому, въ его время уже и ею тяготились если смыслъ былъ слишкомъ теменъ или не стоило труда разгадывать его. Салютато выразилъ даже одному лицу, неизвѣстному намъ, недовольство, когда имена въ его буколикахъ и аллегорія не вызывали никакой мысли. Онъ намѣревался отплатить тѣмъ же своему другу, слишкомъ глубокомысленному, но потомъ счелъ эту забаву недостойною себя ¹⁾. Потому элоги были оставлены на долгое время. Намъ сообщаютъ лишь какъ отдѣльный фактъ, что Пьеръ Кандидо Дечембріо сочинилъ подобное

¹⁾ *Salutato epist. 15 ed. Mehus.*

²⁾ Его письмо къ неизвѣстному по списку *Laurentiana*, о которомъ упоминаетъ и *Bibl. Leop. Laurent. T. II p. 429*, у *Hortis Studia s. op. lat. del Boccaccio p. 67.*—

Аллегретти изъ Форли даже отличился въ этомъ поэтическомъ родѣ ¹⁾).

Позднѣйшіе гуманисты мало по малу перестали отдавать предпочтеніе отдѣльнымъ родамъ поэзій и размѣрамъ и желали прославиться именно разносторонностью. Они старались по возможности подражать всему тому, съ чѣмъ познакомились въ римской литературѣ, а особенно прекраснымъ и заманчивымъ образцамъ, сатирамъ, посланіямъ, элегіямъ и эпиграммамъ, рѣже дидактическимъ поэмамъ, одамъ и гимнамъ. Намъ остается здѣсь только указать на самыхъ извѣстныхъ поэтовъ, хотя они часто—простые стихотворцы. Но эпосъ и драму мы отложимъ до особаго обзора.

О Гварино—отцѣ намъ сообщаютъ, что онъ писалъ множество мелкихъ стихотвореній, въ особенности элегій и эпиграммъ, и что онѣ встрѣчаются еще въ итальянскихъ бібліотекахъ. То, что обнаружено изъ всего этого, проникнуто тѣмъ же сухимъ, назидательнымъ тономъ, какъ и его письма. Отсюда намъ понятно, почему никто не собиралъ его разнообразныхъ произведеній. Почтенному ученому никогда не приходило на мысль, что поэтъ долженъ имѣть извѣстную долю таланта и идей. Онъ слагалъ стихи по правиламъ искусства, какъ училъ тому же и своихъ питомцевъ, и по завѣтному покрою. Его однообразная учительская жизнь рѣдко давала ему хорошіе сюжеты, которые могли бы вдохновлять. Указываютъ въ особенности на одно длинное стихотвореніе, сохранившееся подъ заглавіемъ *Pisanius*; въ немъ онъ благодаритъ живописца Виттора Пизано, извѣстнаго тоже подъ именемъ Пизанелло въ качествѣ живописца медалей. Онъ подарилъ Гварино картину, изображающую блаженнаго Іеронима. Наставникъ описываетъ ее, хвалитъ художнику ихъ общій отечественный городъ Верону и сравниваетъ поэзію съ живописью, какъ искусства родственныя ²⁾. Ему приписали быль и элегію *Asia*, но она принадлежитъ его сыну и преемнику по кафедрѣ, Баттистѣ Гварино. И послѣдній писалъ множество стиховъ, въ особенности элегическимъ размѣромъ, но они тоже слабы по содержанію и рутинны по приемамъ, поэтому долго оставались въ неизвѣстности, подобно стихотвореніямъ отца ³⁾. Судя

О другихъ произведеніяхъ Салютато, написанныхъ гекзаметромъ и пентаметромъ и важныхъ см. томъ I стр. 193.

¹⁾ Saxius p. 302. Blondus Italia illustr. Opp. p. 342. Если Бьондо говорить про Аллегретти, что знатоки ставили его выше Вергилія, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что онъ былъ его землякъ.

²⁾ Rosmini Vita di Guarino vol. II p. 5. 66.

³⁾ Только недавно Abel *Analecta ad hist. renasc. in Hungaria litt. spect.* сообщилъ изъ нихъ нѣчто по связи съ Венгріей, что легко найти по указателю.

по числу рукописей и оттисков читалась не мало, особенно в Германіи, только Альда, юношеское произведеніе поэта. По сюжету и по формѣ она относится къ новелламъ, поэтическому роду, не мало разработывавшемуся и латинскими поэтами; это исторія любовныхъ походовъ потомковъ Пирама и Тисбы. Альду, цѣломудренную дѣву, красивый и богатый лигурійскій юноша уговариваетъ бѣжать съ нимъ, но грубо оскорбляетъ передъ обѣщаннымъ бракомъ и убиваетъ, хотя по ея желанію. Увлечательная поэма, въ которой непогребенный трупъ несчастной, согласно античнымъ нравамъ, вызываетъ состраданіе идущаго мимо странника, употреблялась даже для школьныхъ толкованій, какъ это доказываютъ глоссы между строками въ рукописяхъ и замѣтки на поляхъ въ печатныхъ оттискахъ ¹⁾.

Самымъ плодовитымъ и многостороннимъ поэтомъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ былъ, безъ сомнѣнія, Франческо Филельфо. Стиховъ онъ писалъ много, и они быстро лились изъ подъ его пера, какъ изъ неиссякаемаго источника, но за то были водянисты и слабы. Онъ считалъ ихъ по числу сборниковъ книгами и тысячами. Мы не

1) *Alda Guarini Veronensis. Carmen elegiacum ed. Suringar. Leidae 1867.* Въ этомъ новѣйшемъ изданіи есть и три самые ранніе оттиска, изъ коихъ первый Liptzik s. a. есть и въ лейпцигской библіотекѣ, также упоминаются рукописи въ Лейденѣ, Готѣ и Вѣнѣ. Еще и послѣдній издатель не сомнѣвался, что авторъ ея старый Гварино. Но странно уже то, что его современники ни разу не упоминаютъ объ Альдѣ, что авторатный Росомиа не указываетъ ея въ числѣ его произведеній, что она, насколько я знаю, не упоминается въ итальянскихъ каталогахъ рукописей. Напротивъ въ Германіи Альда встрѣчается нерѣдко. Кромѣ готскаго экземпляра и глоссированнаго, находящагося въ Вѣнѣ (*Tabulae* vol. II p. 199), въ мюнхенской придворной библіотекѣ есть по крайней мѣрѣ три копии (*Catal. codd. lat. T. I P. I p. 79. T. II P. II p. 4. 107.* Автора постоянно называютъ *Guarinus Veronensis*, а въ готской рукописи—*poeta Veronensis*. Но такъ довольно часто называютъ и Баттисту Гварино, и хотя онъ родился въ Феррарѣ, но самъ считаетъ мѣстомъ своего происхожденія Верону. См. *Giuliani Della lett. Veron. p. 146. 147.* Насколько мы знаемъ, отецъ его раньше не имѣлъ никакихъ связей въ Германіи, а потому сношенія его при сынѣ были весьма оживленными, и нѣкоторые изъ мелкихъ его сочиненій напечатаны въ Германіи, такъ напр. еще при жизни его два самыхъ раннихъ изданій Альды. Поэтому весьма важно, что въ вѣнскомъ кодексѣ въ концѣ Альды значилось: *Finis elegie Guarini Ferrariensis*, и это послѣднее слово исправлено постороннею рукою въ *Veronensis*. Но, мнѣ кажется, окончательно рѣшаетъ вопросъ то обстоятельство, что въ *Histoire litt. de la France* T. XXII p. 54 авторомъ Альды, безъ сомнѣнія, по рукописи, названъ *Jean Baptiste Guarini de Verone*. О времени появленія ея можно только сказать, что лейденскій кодексъ написанъ въ 1464 г., а само произведеніе, вѣроятно, было кончено гораздо раньше. Это такой же случай, какой мы видѣли выше относительно стиховъ къ Ювеналу, заучивавшихся на память. О невѣроятномъ для насъ чтеніи Альды съ мальчиками 9—12 лѣтъ см. разсѣтку у *Yssena Gesch. d. deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters* Bd. I Freiburg, 1878, s. 55.

будемъ говорить здѣсь о Сфорциадѣ, которая въ восьми книгахъ содержала 6400 стиховъ, а въ трехъ остальныхъ книгахъ еще нѣсколько тысячъ, хотя первоначально авторъ хотѣлъ написать 24 книги. Но кромѣ ея Филельфо издалъ не менѣе трехъ сборниковъ мелкихъ стихотвореній. Первое мѣсто занимали сатиры, довольно большой томъ, содержащій въ себѣ 10,000 стиховъ, который поэтъ далъ читать папѣ Николаю V и посвятилъ королю Неаполитанскому Альфонсу ¹⁾. Мы знаемъ, что въ нихъ онъ осмѣиваетъ и позоритъ своихъ флорентинскихъ враговъ. Затѣмъ слѣдовали *Sagmina*, или Оды: 10.000 стиховъ разныхъ размѣровъ, но для двойкаго посвященія тщательно раздѣленные на двѣ половины. Филельфо увлекала мысль писать стихи и на греческомъ языкѣ, потому что на это не рѣшался до него ни одинъ изъ латинянъ, а онъ не хотѣлъ оставить ни одного *genus orationis* неиспытаннымъ. Это для него было не легко; во время работы онъ просилъ Виссаріона прислать ему тѣ сочиненія, какія у него найдутся относительна количества греческихъ слоговъ, а иначе придется изучать его съ большимъ трудомъ на примѣрахъ. Однако онъ все таки написалъ три книги, содержащія въ себѣ 2400 стиховъ. Последнее собраніе двустихій, эпиграммъ, элегій и разныхъ мелкихъ стихотвореній авторъ озаглавилъ — Шутка и серьезное (*de iocis ac seriis*). Въ немъ тоже было 10.000 стиховъ, и Филельфо, вѣрный своей методѣ, и здѣсь позаботился о раздѣленіи ихъ: первые пять книгъ онъ посвятилъ Малатестѣ Новелло чезенскому, а остальные владѣтелю Пезарро, Алессандро Сфорцѣ. По малой мѣрѣ въ 1465 и это собраніе было готово. Мы не знаемъ, что еще послѣ этого сочинялъ Филельфо. Но, вѣроятно, муза его нѣсколько ослабѣла, такъ какъ въ послѣдніе годы посвященія не приносили особыхъ выгодъ. Еще болѣе неблагоприятнымъ оказалось потомство; были изданы только декады сатиръ, а остальные тысячи стиховъ влечать печальное существованіе въ нѣкоторыхъ библіотекахъ ²⁾.

Другіе не могли жѣряться по плодовитости съ Филельфо уже потому, что не могли посвящать музамъ всего своего времени. Антонио Лоски писалъ посланія гекзаметрами и множество эпиграммъ, которыя впоследствии его ученый сынъ раздѣлилъ на восемь книгъ.

¹⁾ См. томъ I стр. 480 и выше стр. 84.

²⁾ Письма Филельфо къ Антонию Палермскому отъ 16 іюня 1456 г., къ Палла Строцци отъ 19 января, къ Виссаріону отъ 27 марта, къ Джироламо Кастелло отъ 7 апрѣля 1458 г., къ Лодризио Кривелли отъ 1 августа 1465 г. *Ode grece* въ каталогѣ 1495 г. въ *Archivio stor. Ital. Ser. III T. XX* p. 58. О произведеніи *de iocis ac seriis Saxius* p. 179. По списку сочненій въ *Indagini s. libreria Visc. Sforz. App. alla Parte I* p. 9 Филельфо имѣлъ въ виду продолженіе: *De iocis et seriis libri duo, futuri autem quam plurimi*.

Но это собраніе, по видимому, потеряно. До насъ дошло множество стихотвореній, которыя носятъ большею частію политическій характеръ. Они написаны тоже гекзаметрами и относятся ко времени его службы въ Миланѣ. Будучи папскимъ секретаремъ, онъ охотнѣе посвящалъ свободное время удовольствіямъ, чѣмъ поэзіи ¹⁾. И Маффео Веджіо писалъ стихи въ молодые годы, и его «сельскія элегіи» пользовались даже нѣкоторымъ значеніемъ; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался въ Римѣ человѣкомъ благочестивымъ, онъ сочинилъ только «покаянные псалмы» и обработывалъ другіе религиозные сюжеты ²⁾. Поэтическимъ другомъ его юности былъ Эней Сильвій Пикколомини. И послѣдній написалъ множество стихотвореній, большая часть которыхъ относится ко времени его ученія въ Сіенѣ, но есть и такія, которыя написаны во время пребыванія въ Базелѣ и при дворѣ нѣмецкаго императора. Это были посланія, элегіи, эпиграммы, эпитафія, оды и одна комедія. Но особый успѣхъ имѣли его эротическія и шуточные произведенія, подобно такимъ же произведеніямъ его товарища по школѣ, Беккаделли, съ которымъ онъ не могъ сравниться по изяществу стиха. Весьма понятно, что эти произведенія исчезли изъ литературнаго обращенія, когда поэтъ сначала сдѣлался епископомъ, потомъ кардиналомъ и папою. Однако есть надежда, что многое явится еще на свѣтъ изъ сокровищницы фамилія Киджи, въ которой хранится и семейная бібліотека Пикколомини ³⁾.

Поэтическіе лавры Эней дѣлилъ съ своимъ другомъ Аганито Ченчи де' Рустичи. Впрочемъ, хотя послѣдняго часто хвалятъ какъ поэта, однако и его произведенія почти всѣ утрачены, что объясняется его положеніемъ при римскомъ дворѣ ⁴⁾. И Грегорио Корраро тоже былъ весьма плодовитый поэтъ, отличавшійся въ самыхъ разнообразныхъ родахъ еще въ мантуанской школѣ Витторино. Но когда онъ пріѣхалъ въ Римъ, то сжегъ свои эротическіе и шуточные стихи, какъ прегрѣшенія юности, и посвятилъ свою музу исключительно на служеніе христіанской религіи и ея благочестивымъ подвижникамъ. Еще кардиналъ Бембо хвалилъ шесть его сатиръ, посвященныхъ Витторино, въ которыхъ онъ бичевалъ скупость, страхъ смерти и другія слабости челоѣчества. А объ его книгѣ эпиграммъ, которую онъ посвятилъ папѣ Мартину V, тотъ

¹⁾ См. томъ I стр. 460 и выше стр. 18. Antonii de Luschi Carmina quae supersunt fere omnia (ed. Schio) Patavii 1858. Schio Vita di Ant. Loschi p. 130.

²⁾ См. выше стр. 37 Rusticanalia epigrammata и psalmos poenitentiales упоминаетъ Bergomas fol. 278. Первые часто встрѣчаются въ рукописяхъ.

³⁾ См. G. Voigt Enea Silvio de Piccolomini Bd. II s. 266 ff.

⁴⁾ См. выше стр. 19. 20.

же Бембо отозвался такъ, что ее слѣдуетъ не печатать, а предать забвенію ³⁾).

Слѣдуетъ вкратцѣ упомянуть и о другихъ поэтахъ, о которыхъ мы уже говорили выше. Извѣстны были лишь немногія стихотворенія Ауриспы, написанныя элегическимъ размѣромъ, но они справедливо цѣнились по ихъ необычайной прелести. А его земляка Марразіо сравнивали съ Овидіемъ и Тибулломъ. Марсуплини написалъ немного поэтическихъ произведеній, но и мы можемъ наслаждаться легкостью его гекзаметровъ. Базиніо Базини пробовалъ въ юности свои силы въ элегіяхъ, сатирахъ, буколикахъ и поэтическихъ посланіяхъ, сочинялъ сентиментальныя героиды и дидактическія *Astronomica*, но славы въ потомствѣ онъ ожидалъ, какъ Гомеръ, отъ героической поэмы. О, если бы содержаніе его произведеній соответствовало легкой плавности стиха! И Порчелло легко давались гекзаметры и пентаметры, но онъ ничему не научился и унизилъ свою музу до степени жалкой попрошайки. Янъ Паннонскій обладалъ несомнѣннымъ талантомъ поэтическихъ формъ, но у легкомысленнаго поэта не хватало личной типичности, выдержки для большой работы, также отдѣлки. На него подѣйствовала больше примѣръ Беккаделли, чѣмъ его наставника Гварино. Его эпиграммы отличались затѣйливостію и остроуміемъ, а часто и заносчивостію, свойственной юности; часто онъ также соблазнился тѣмъ, что ему легко давались стихи и принималъ бойкіе стихи за поэзію, а звучныя рифмы за особое достоинство. Его элегіи гораздо слабѣе: нерѣдко онѣ крайне растянуты и переполнены на школьный манеръ мифологическо-антикварными украшеніями. Почти всѣ эти поэты имѣютъ также несчастіе увлекаться подражаніемъ; однако имъ не удается мыслить и чувствовать такъ, какъ мыслили и чувствовали древніе римляне. Но такъ какъ они не находятъ сюжетовъ для поэзіи ни въ себѣ, ни въ окружающемъ ихъ мірѣ, то ограничиваются одною формальною стороною.

У многихъ возникла мысль объ обширномъ эносѣ при чтеніи Энеиды, но она не удалась прежде всего вслѣдствіе того предрасудка, будто только въ древнемъ мірѣ можно найти достойный сюжетъ и достойныхъ героевъ. Петрарка въ пылу юношескаго увлеченія принялся за Сципіаду, но вскорѣ потерялъ охоту къ ней. Когда она была найдена послѣ его смерти, то въ ней разочаровались даже его поклонники, и поэма была вскорѣ забыта. Неудача Африки подѣйствовала обезкураживающимъ образомъ и на Салютато, который выбралъ

³⁾ См. выше стр. 30. Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 132. 134.

было своимъ героемъ царя Эпирскаго Пирра, но едва ли пошелъ дальше выбора сюжета ¹⁾). Въ молодые годы Маффео Веджіо имѣлъ смѣлость прибавить къ Энеидѣ Virgilіа, XIII-ю пѣснь въ которой онъ воспѣвалъ погребеніе царя Турна, бракосочетаніе Энея съ Лавиніею и его смерть. Она имѣла нѣкоторый успѣхъ у современниковъ. За тѣмъ слѣдовала небольшая героическая поэма, предметомъ которой была смерть Астіанакса, и болѣе обширная, въ четырехъ книгахъ, подъ заглавіемъ Золотое руно. И тутъ мы видимъ, какія оковы налагали на поэта формы и приемы древнихъ, усвоенные ими, и мѣтѣлогическіе сюжеты. Въ годы благочестивой жизни онъ погинулъ Аполлона съ его музами и въ четырехъ книгахъ Антоніады воспѣвалъ подвиги пустынника, боровшагося съ искушеніями плоти и духа ²⁾). Мелеагрида и Аргонавтики Базини обличаютъ смѣлость замысла, но онѣ были неудачны уже по самому плану. Его Гесперида, посвященная прославленію его мецената Малатесты, уже принадлежить къ новому направленію, стремившемуся завоевать безсмертію. И Янъ Паннонскій, еще будучи ученикомъ, рѣшился воспѣть въ эпической поэмѣ битвы старшаго Гуніади съ турками, но вскорѣ, по видимому, забылъ о планѣ ея, тѣмъ болѣе, что милостивецъ уже умеръ, когда поэтъ возвратился въ Венгрію. Наконецъ Сфорціада Филельфо по самой своей тенденціи есть искаженіе возвышенныхъ замысловъ Петрарки. Если послѣдній съ предчувствіемъ мечталъ о высшей славі, которую поэтъ можетъ воздвигнуть свой народъ, то Филельфо полагалъ, что выполнить задачу искусства, заставивъ сойти на землю Марса, Палладу и Афродиту и прикрашивая пошлости своей хроники фразами о Геликонѣ и Шіэридахъ. Вообще его героическая поэма была чѣмъ-то въ родѣ вѣселя, который онъ думалъ во имя безсмертія вымѣнять на звонкую монету.

Латинская драма была не чужда среднимъ вѣкамъ. Еще въ XII и XIII вв. извѣстно нѣсколько комедій, написанныхъ по образцу Теренція, хотя поэты употребляютъ болѣею частію элегической развѣрѣ. Ея настоящею родиною была, кажется, Франція. Теренцій былъ и остался въ школахъ и буреахъ классическимъ образомъ латинской разговорной рѣчи, конечно, также и школьной комедіи. Напротивъ Плавтъ— тутъ можетъ идти рѣчь только о восьми извѣстныхъ его пьесахъ— и трагедіи Сенеки были не въ ходу въ школахъ, слѣдовательно имѣ

¹⁾ См. томъ I стр. 193.

²⁾ Все это напечатано въ Maffei Vegii Opuscula въ Magna Bibliotheca veterum patrum T. XV, Colon. 1622, p. 955 seq.—13-ю книгу Энеиды, слѣдуя Saxius p. 303, написалъ и Пьеръ Кандіао Дечеμβріо, но то, что есть въ амброз. кодексѣ, не составляетъ ста стиховъ.

и не подражали. Они читались лишь въ небольшихъ кружкахъ ученыхъ и въ монастырскихъ сферахъ ¹⁾). Я не знаю, была ли указана хоть одна латинская трагедія во всѣхъ среднихъ вѣкахъ. Теперь гуманистическое движеніе вызвало цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ явленій. Съ этихъ поръ, хотя не особенно часто, встрѣчаются и подражанія трагедіямъ Сенеки. Въ комедіи ясно отражается вліяніе Плавта, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ 1429 г. стали извѣстны двѣнадцать новыхъ комедій его. Тутъ авторы относились свободнѣе къ формамъ, а такъ какъ сатурнинскій стихъ имъ былъ непонятенъ, то даже предпочитали писать прозою. Относительно содержания не стѣснялись грубостями, шутками и неприличными выходками. Новыя комедіи имѣли въ виду исключительно такихъ читателей, которыхъ слѣдуетъ увеселять забавнымъ и остроумнымъ выдумками. Сценическихъ представленій не было, и ни одинъ изъ поэтовъ не принадлежитъ ни къ латинской школѣ, ни къ университетскому кружку.

Замѣчательно и, конечно, не случайно еще одно явленіе. Ни одинъ изъ поэтовъ, которыхъ мы назовемъ, не считалъ драму своею особою областью творчества. За исключеніемъ одного, каждый изъ нихъ написалъ только по одной трагедіи или комедіи, да и то, насколько мы знаемъ, всегда лишь въ молодые годы. На драмы смотрять почти какъ на грѣхи юности, о которыхъ не любятъ говорить, о которыхъ не пріятно вспоминать. Онѣ не были прочнымъ вкладомъ въ литературу и мало распространялись, такъ что сохранились почти случайно, даже болѣею частію извѣстны только по заглавіямъ.

Рядъ трагедій новаго времени началъ Альбертино Муссато въ Падуѣ свою *Esseginis* (Эццелинида), въ которой героиня является жестокой тирань Эццелино. Она, очевидно, написана по образцу Сенеки и его напыщеннымъ языкомъ ²⁾. Еще новѣе былъ сюжетъ, выбранный Джіованни Мадзини, который изображалъ паденіе фамиліи дельла Скала въ Веронѣ (1388 г.), конечно, вскорѣ послѣ этого событія ³⁾. Но послѣдователи ихъ снова обратились къ сюжетамъ, заимствованнымъ изъ античной мифологіи и исторіи. Первымъ въ этой области былъ Антоніо Лоски, написавшій *Ахиллеса*, несомнѣнно раньше 1390 г., слѣдовательно въ молодости. Онъ заимствовалъ сюжетъ изъ *Дареса Фригійскаго*, а форму опять у Сенеки ⁴⁾.

¹⁾ Peiper в *Rheinisches Museum für Philologie* N. F. Bd. 32 (1877 г.). S. 516. 532.

²⁾ Напечатана въ его *Opp. ed. Osio, Venet. 1636* и у *Muratori Scriptt. T. XX p. 787*.

³⁾ Эта *Caduta degli Scaligeri* извѣстна имъ только по *Schio Vita di A. Loschi p. 29*.

⁴⁾ Трагедія эта часто приписывалась Муссато, хотя уже Осіо сомнѣвался въ этомъ. Только Скіо указалъ на рукопись, въ которой авторомъ названъ Лоски, и издалъ пьесу подъ заглавіемъ *Achilles, Prototragedia Antonii de Luschi, Patavii 1843*; обзоръ содержанія тоже въ его *Vita di A. Loschi p. 35 seg. cf. p. 32. 30. 131*.

Большимъ успѣхомъ пользовалась и не мало была распространена Прогна, трагедія 18-ти лѣтняго Грегорио Корраро, въ которой онъ переработалъ довольно искусно въ драму извѣстный мифъ о Терей и Прокій, при чемъ обнаружилъ много классическихъ свѣдѣній, приобретенныхъ имъ въ школѣ Витторино. Онъ очень хорошо зналъ изъ Цицерона, что уже въ древности Актій сочинилъ трагедію подъ заглавіемъ Терей, и сюжетъ, вызывающій ужасъ, казался ему высоко-трагическимъ. Языкъ пьесы необыкновенно силенъ и выразителенъ, разница, соблюденная въ стихахъ діалога и хоровъ, давала право ожидать отъ поэта всего лучшаго. Еще кардиналъ Бембо ставилъ эту трагедію вмѣстѣ съ упомянутыми сатирами выше всѣхъ его произведеній и называлъ ихъ прекрасными. Одинъ голландскій ученый, который нашелъ ее въ одномъ нѣмецкомъ монастырѣ подъ заглавіемъ Терей ¹⁾, издалъ ее какъ произведеніе трагика Люція Варія временъ императора Августа. Но на самомъ дѣлѣ авторъ не виноватъ въ этой ошибкѣ: если впоследствии, когда стали появляться въ свѣтъ печатныя изданія, его имя было утрачено, то онъ самъ все такъ говорилъ о своемъ произведеніи, притомъ съ благочестивымъ раскаяніемъ о суетныхъ помыслахъ своей юности. А изъ его современниковъ Пикколомини упоминаетъ и о трагедіи, и объ ея авторѣ, котораго одного считаетъ возможнымъ назвать представителемъ этого рода поэзій послѣ Сенеки ²⁾. Леонардъ Дати, бѣдный флорентинскій священникъ, посвятилъ папѣ Евгенію IV трагедію Пизампсаль, которая, по видимому, сохранилась только въ одной парижской рукописи; ее считаютъ весьма слабою по идеѣ, замыслу и стихамъ ³⁾. Какъ мы видимъ, даже и опытовъ было немного, и только одинъ изъ нихъ имѣлъ истинный успѣхъ.

Съ болѣею охотою и успѣхомъ воздѣлывали гуманисты область комедій, которая въ сущности болѣе соотвѣствовала характеру ихъ. Въ этомъ отношеніи они имѣли предшественника въ лицѣ Петрарки. Къ сожалѣнію, объ его Филологін мы знаемъ немного больше того,

¹⁾ И указанная у Tomasinus Bibl. Patav. Mss. p. 89 *Filomena Tragedia incerti est, v̄propt̄no, та же Прогне.*

²⁾ Я знаю первое изданіе: *Progne Tragoedia, nunc primum edita (ab Joa. Riccio) In Academiā Veneta 1858* (въ университетской библ. въ Гёттингенѣ). Второе вышло въ Римѣ въ 1368 г., въ 1561 г. также переводъ итальянскими стихами, а изданный Гервенсомъ Tereus въ Утрехтѣ въ 1787 г. *Agostini Scritt. Viniz. T. I p. 128. 134.* Самъ Корраро говоритъ о трагедіи въ письмѣ къ Цециліи Гонзагѣ у Martene et Durand Vett. *Scriptt. anep̄la Collect. T. III p. 480* и въ *Soliloquium* у Agostini l. c. p. 112. Эней Сильвій въ трактатѣ *de liberorum educatione.*

³⁾ См. выше стр. 70. *Chassang Des essais dramatiques imités de l'antiquité au XIV et XV-e siècle. Paris 1852.*

что впоследствии онъ стыдился тѣхъ шуточныхъ вещей, которыя писалъ въ юности ¹⁾. Она окончательно потеряна, такъ что мы могли бы сомнѣваться въ ея существованіи, не засвидѣтельствуй его самъ авторъ. По видимому, и изъ позднѣйшихъ гуманистовъ, со временъ Боккачіо, никто не зналъ о ней больше наст. Слѣдовательно, нельзя утверждать, что она имѣла вліяніе на позднѣйшія поколѣнія. Да подобнаго вліянія и не требовалось для этой литературы, такъ какъ она черпала освѣжающую силу у Теренція. Первымъ по его стопамъ шелъ Пьеръ Паоло Верджеріо въ комедіи Paulus (Цавель), относительно которой трудно понять, имѣеть ли она цѣлью больше позабавить читателя, или нравственно назидать его. Въ обработкѣ стиха авторъ, несомнѣнно, подражалъ Теренцію ²⁾. Напротивъ въ комедіи Сикко Полентоне, городского писца въ Падуѣ, подъ заглавіемъ De lege Bibia, или Lusus ebriogum (О законѣ попойекъ, или Забавы пьяныхъ), и безъ увѣренія автора можно догадаться, что онъ хотѣлъ искать сочувствія людей, любящихъ посмѣяться ³⁾.

Гораздо больше были распространены нѣкоторыя комедіи въ прозѣ. написанныя флорентинцами или по крайней мѣрѣ въ Флоренціи и по грубой нескромности шутки больше соответствовавшія вкусу тогдашней Италіи, чѣмъ вкусу древнихъ римлянъ. Первою была Поликсена Лионардо Бруни, исторія любовныхъ похужденій, заканчивающаяся свадьбой. Разговорный языкъ ея боекъ и веселья, хотя остроты были не въ характерѣ Бруни. Въ Италіи эта юношеская шутка считалась ниже его серьезныхъ произведеній, и о ней больше не упоминали, когда онъ сталъ серьезнымъ канцлеромъ республики. Напротивъ въ Германіи очень любили эту веселую пьесу. Тамъ ученые въ родѣ Петра Людера даже объяснили ее съ каедръ, тамъ есть множество рукописей ея. и

¹⁾ См. томъ I стр. 142. Мы не знаемъ, чѣмъ собственно было маленькое сочиненіе de casu Medae, приписываемое Петраркѣ. Tomasinus Petrarca rediv. p. 34 называетъ его латинскою комедіею, но, подобно Мерусу, сомнѣвается въ томъ, чтобы авторомъ ея былъ Петрарка. Онъ нашелъ ее въ гаддіанской бібліотекѣ. Baldelli Petrarca p. 227, который упоминаетъ объ экземплярѣ медицейской бібліотеки, называетъ его просто небольшимъ произведеніемъ въ стихахъ. И въ одной вѣнской рукописи (Tabulae vol. II p. 203) заглавіе такое: Fr. Petrarca de casu Medae miserimae.

²⁾ Прологъ ненапечатанной комедіи Paulus comoedia ad iuvenum mores corrigendos у Zeno Diss. Voss. T. I p. 59 и у Saxius p. 393. Поэтъ хочетъ поучать:

Quantum momentum ad diluendas opes
In malis fiet servus,

Quam misere parentes fallat venalis amor.

³⁾ Mehus Vita Ambros. Travers. p. 139. Комедія эта вышла въ итальянскомъ переводѣ подъ заглавіемъ Cattinia di Sacco Polenton. Padova tradotta del Latino 1482, но я ее не видалъ. Въ рукописи Scriptores illustres latinae linguae Полентоне говоритъ: nostro pro exercitio et delectatione lusimus ludum de lege Bibia multe ais et ae ioco plenum.

напечатана она была тамъ же ¹⁾. Сообщаютъ, что сохранилась еще одна комедія, написанная Бруни, Кальфурнія и Гургулія, въ рѣдко встрѣчающемся оттискѣ, но я не видѣлъ ее. Странно, что о ней не упоминается ни въ одномъ каталогѣ рукописей. При неопредѣленности свѣдѣній объ авторѣ комедій, весьма возможно, что и какое нибудь позднѣйшее произведеніе было приписано автору Полискены ²⁾.

Пьесой, подобною ей, быть можетъ, написанною подъ ея вліяніемъ, была Филодоксида Леоне Баттисты дельи Альберти, который этою шуткою началъ свою многостороннюю литературную и художественную дѣятельность еще двадцать лѣтъ отъ роду. Увлекаемый своимъ нѣсколько страннымъ и туманнымъ юморомъ, онъ называлъ себя въ прологѣ Лепидомъ ³⁾. И это въ свое время дало поводъ Альдо Мануччи издать эту пьесу, какъ важную находку, подъ именемъ древняго комика Лепида. Но въ этомъ случаѣ юный авторъ вовсе не хотѣлъ вводить читателей въ заблужденіе. Это видно изъ того, что онъ посвятилъ свою комедію Ліонелло д'Эсте, ученигу Гварино, притомъ другъ его Поджіо вовсе не скрывалъ, что она написана имъ ⁴⁾. Хотя и Альберти писалъ свою на половину нравоучительную комедію интриги прозою, однако въ развитіи драматическаго дѣйствія вполне слѣдуетъ Теренцію. При всемъ стремленіи къ естественности, онъ выражается утонченнѣе Бруни, и нѣкоторыя сцены дышатъ искреннею веселостью. Почти къ тому же времени, вѣроятно, относится и Филогенія Уголино Пизани, потому что на нее дѣлается намекъ во время его поэтическаго вѣнчанія королемъ Сигизмундомъ. Но его уважаемымъ образцомъ былъ не Теренцій, а Плавтъ, и онъ заимствовалъ изъ его

1) Оттискъ *Comedia Poliscene per Leonhardum areninum congesta*, въ концѣ: *Impressum Liptzk per Melchiar (sic) Loller Anno domini 1500*, очень рѣдокъ, однако есть въ лейпцигской университетской библіотекѣ. Экземпляръ снабженъ рукописными глоссами, широкія поля и пустыя мѣста между строками даже показываютъ, что оттискъ сдѣланъ для профессоровъ. И мюнхенская рукопись (*Catal. codd. lat. T. II P. III p. 30*) глоссирована. О вѣсныхъ рукописяхъ см. *Tabulae vol. III p. 242, vol. VI p. 40*.

2) Оттискъ указанъ у Brunet Manuel T. I p. 114.

3) *Nem iam nunc video me amplius vobis notum. — Hoc habetis iam nomen lepidus. Na ha he, et vos lepidi estis.*

4) Poggius epist. VI, 23 ed. Tonelli къ Ліонелло отъ 12 октября (1437 г.), также у Bandini *Catal. codd. lat. T. III p. 498*: *Baptista de Albertis, vir singularis ingenii mihiq̄ue amicissimus, scripsit fabulam quamdam quam Philodoxeos appellat, summa cum elegantia ac venustate. Eam tibi dicavit, ut in tuo nomine edatur. Этѣмъ устраивается всѣ догадки объ авторствѣ Марсуппини, основанныя на авторитетѣ Альбрехта фонъ Эйбъ. Lepidi comici veteris Philodoxios fabula, ex antiquitate eruta ab Aldo Manucio, Lucae 1588, не было у меня въ рукахъ; она есть въ Cod. ms. Rep. I. 8-а. 99 лейпцигской библіотеки. Анализъ содержанія у Chassang I. с. p. 80.*

комедій нѣкоторыя мѣста цѣликомъ, хотя тоже предпочелъ прозу¹⁾. Пьеръ Кандидо Дечембріо началъ писать комедію Афродизія, но мы не знаемъ, была ли она кончена. Во всякомъ случаѣ она не пользовалась успѣхомъ²⁾. И Григорій Санокъ, какъ сообщаютъ, написалъ комедію въ подражаніе Плавту, но мы не знаемъ даже и ея заглавія³⁾. А о комедіи, осмѣивавшей лицемѣра, намъ извѣстно только то, что она давалась въ павійскомъ университетѣ въ 1437 г. При этомъ случаѣ напомнимъ читателямъ, что тамъ около 1433 г. преподавали Беккаделли и Валла⁴⁾.

Эней Сильвій Пикколомини тоже написалъ комедію въ духѣ Теренція, Хризиду, дѣйствіе которой происходило въ средѣ зазорныхъ женщинъ и мужчинъ и которая по нескромности своей превосходила всѣ произведенія его предшественниковъ. Это весьма замѣчательно уже потому, что онъ является въ этомъ случаѣ единственнымъ между своими предшественниками и преемниками на папскомъ престолѣ. Но онъ былъ еще миряниномъ, когда во время скучнаго нюренбергскаго сейма въ 1444 г. ему пришла въ голову мысль о ней. Потомъ это произведеніе исчезло и вообще извѣстно только въ одной копіи⁵⁾. Вѣроятно, найдутся еще нѣкоторыя болѣе раннія и позднія произведенія въ этомъ родѣ. Но такъ какъ этой литературѣ вообще стали мало сочувствовать, то и мы закончимъ нашъ обзоръ⁶⁾.

Комедія по своему легкому остроумію составляетъ переходъ къ сочиненіямъ непристойнаго содержанія, которыя гуманисты разрабатывали какъ особый литературный родъ. Въ этомъ

1) О поэтѣ см. томъ I стр. 453. О Филогоніи упоминаетъ Тирабоски въ одномъ отпискѣ s. l. et v. и Альбрехтъ фонъ Эйбъ пользовался ею въ своей *Margarita poetica*. Рукописи въ *Catal. codd. lat. bibl. reg. Monac. T. I P. I p. 12. 218*, также у *Dudik Handschriften der Fürstlich Dietrichsteinschen Bibliothek* — въ *Archiv für öster. Gesch. Bd. 39, s. 492*. Указанную въ *Catal. codd. lat. T. I P. III p. 3. Francisci Philelphi Comedia de amore Phebi et Philügeniae* можно бы тоже принять за Филогенію, только любовникъ въ послѣдней названъ Евсевіемъ. О комедіи Филельфо кромѣ этого ничего неизвѣстно.

2) Tiraboschi *Storia della lett. Ital. Nuova ediz. T. VI, lib. III cap. 49*.

3) Zeiszberg *Die polnische Geschichtschreibung* s. 346. Говорятъ, онъ открылъ нѣкоторыя комедіи Плавта, но мы знаемъ уже объ открытіи 12 новыхъ пьесъ.

4) *Comedia de falso hypocrita. a. 1437 studius Papiensibus acta* въ *Catal. codd. lat. bibl. Monac. T. I P. I p. 12*.

5) Я нашелъ ее въ *Cod. 624* бібліотеки Лобковича въ Прагѣ. Нѣкоторыя подробности есть въ моемъ *Enea Silvio Piccolomini Bd. II s. 269*.

6) Мы извѣстно весьма немногое изъ позднѣйшаго времени, напр. *Fraudiphila Antonio Triadentone da Parma* изъ *Affò Memorie degli scritt. Parmig. T. II p. 259*. *Canteraria comedia Antonii Buzarii, или Barzicii*, о которой говорится въ *Anzeiger der deutschen Vorzeit 1878 № 6* и *1879 № 1* относится еще къ 1492 г.

случаѣ итальянцамъ помогала ихъ несомнѣнная природная способность, составлявшая противоположность ихъ склонности къ святошеству. Уже первый художникъ тосканской прозы и повѣствовательнаго слога былъ творцомъ непристойной новеллы, и съ тѣхъ поръ эта школа не вымпрада въ Италіи. Излюбленнымъ мотивомъ ея была нагая, соблазнительная чувственность; дѣйствующими лицами по большей части были духовныя особы, монахи и монахини, которыхъ авторъ осмѣивалъ. Слѣдовательно, гуманистамъ и не нужно было знать всего того, что рассказывали римскіе поэты въ своихъ произведеніяхъ, чтобы вызвать къ жизни подобные таланты, но они сообщили этому роду новое, классическое направленіе. Самые извѣстные гуманисты не гнушались пробовать свои силы на этомъ поприщѣ и старались своею изыщною латынью подражать тому, чему они удивлялись у античныхъ писателей, какъ образцу изящества.

Въ числѣ первыхъ, посвятившихъ себя античной поэзіи еще до Петрарки, былъ Феррето да Виченца. Онъ написалъ по образцу мнимаго *Virgilia Priapea*, состоящіе изъ 82 стиховъ, содержаніе которыхъ мы легко можемъ представить себѣ. 1) Самъ Петрарка виталъ съ своею музою въ такихъ возвышенныхъ сферахъ, что не могъ имѣть подобныхъ стремленій. Но и онъ случайно увлекся желаніемъ рассказать про одного стараго развратнаго кардинала 2). Такъ же точно и *Лионардо Бруни* въ молодыхъ годахъ, когда писалъ комедіи, не устоялъ противъ искушенія пуститься въ стиль нескромной шутки, который даже считался классическимъ! Въ историческомъ сочиненіи *Лампридія* сказано, что *Элагабалъ* велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ непристойнаго поведенія, въ одно общественное зданіе, привѣтствовали ихъ какъ полководецъ рѣчью къ сподвижникамъ и бесѣдовалъ съ ними о разныхъ родахъ чувственныхъ наслажденій. Бруни казалось достойною задачею сочинить рѣчь подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что его поощрялъ къ этому *Никколи* 3).

1) *Muratori Scriptt. rer. Ital.* T. IX p. 638. И Альберто Муссато *Gulielmu Pastregicus de originibus rerum Venet.* 1547 fol 13 приписываетъ *Priapea*. Но такъ какъ *Сенно Полевтоне* у *Muratori Scriptt.* T. IX p. 2 не называетъ ихъ въ числѣ сочиненій Муссато, то, вѣроятно, первый смѣшалъ двухъ друзей.

2) См. томъ I стр. 82 примѣч. 2.

3) Онъ написалъ эту рѣчь въ 1407 г. въ Сіенѣ и въ ней между прочимъ говоритъ: *Leonardus Aretinus recreandi ingenii causa rideus ludensque dictavit, unde severiores rogat, ne legant, urbaniores, ne efferant.* Меркурь передъ своимъ изданіемъ писемъ p. 63. Она напечатана въ *Hist. aug. scriptt. min. ed. Aldo Manutio, Venet.* 1519, p. 291. Выдержки передъ изданіемъ *Hermaphr. Форберга* p. V. *Lampridius in Antonino Heliogabalo cap. XXVI. Leon. Bruni epist. II, 16 ed. Mehus.*

что это произведение было враждебно встрѣчено монахами и сожжено ими на костре, но у гуманистов пользовалось почти общим сочувствіем ¹⁾. Теперь мы хотимъ послушать, какъ самъ поэтъ защищалъ его, потому что и онъ видѣлъ, какъ смѣло было его нападеніе на систему нравственности, хотя религіи и Церкви онъ не коснулся. Враговъ своей непристойной книги онъ называетъ или завистниками, или невѣжественною чернью, не имѣющей никакого понятія о почтенныхъ образцахъ древности, которымъ онъ слѣдовалъ какъ поэтъ. Образованный человѣкъ, по его словамъ, долженъ знать, что и «люди ученые и серьезные» писали подобныя вещи, какъ напр. Катуллъ, Тибуллъ, Проперцій, Ювеналь, а въ молодые годы и Виргилій. И у Овидія часто встрѣчаются непристойности. Солонъ, циникъ Діогенъ и стоикъ Зенонъ тоже сочиняли стихи подобнаго рода, а въ особенности лесбосская Сафо. Даже есть въ этомъ духѣ эпиграмма Платона, хотя онъ вѣрилъ въ единого Бога ²⁾. «Кто сомнѣвается въ томъ, что Анней Сенека зналъ объ Иисусѣ Христѣ, былъ другомъ Апостола Павла и причисленъ къ святымъ ³⁾? Однако, если вѣрить Плинію Секунду, онъ писалъ не только серьезные сочиненія, но также шуточные и остроумныя ⁴⁾. Кромѣ того Беккаделли полагаетъ, что можно быть непристойнымъ поэтомъ и все таки безукоризненнымъ человѣкомъ ⁵⁾. Онъ ссылается на одного краснорѣчиваго и знаменитаго монаха, проповѣди котораго поэтъ часто слышалъ, вѣроятно,

¹⁾ Беккаделли называетъ его въ письмѣ къ Гварнио (въ изд. Гермафр. Форберга 2) plurimorum iudicio probatum laudatumque magnifice.

²⁾ Самъ А. Геллій, который приводитъ ее (Noct. Attic. XIX, 11), не утверждаетъ, что она подлинная.

³⁾ Какъ извѣстно, въ отношенія между Сенекою и Апостоломъ Павломъ и въ подлинность ихъ переписки вѣрили до самаго послѣдняго времени.

⁴⁾ Plinii epist. V, 3.

⁵⁾ Hermaphr. Epigr. I, 1:

Hac quoque parte sequor doctos veteresque poetas,
Quos etiam lusus composuisse liquet,
Quos et perspicuum est vitam vixisse pudicam etc.

И Epigr. II, 1:

Crede velim nostra vitam distare papyro.
Si mea charta procax, mens sine labe mea est.

Онъ ссылается на Катулла (Carm. XVI):

Nam castum esse decet pium poetam
Ipsam; versiculos nihil necesse est,
Qui tum denique habent salem ac leporem,
Si sunt mollicubi ac param pudici
Et, quod pruriat, incitare possunt.

на св. Бернардино сієнскаго: проповѣдникъ въ своемъ усердіи часто говорилъ неудобныя рѣчи, такъ что казалось, будто находишься не въ церкви, а на площади; изъ за этого не будутъ же считать его человекомъ безстыднымъ. То же значение и ту же цѣль имѣли и его остроумные и шуточные стихи; они тѣмъ почтеннѣе, что откровенны ¹⁾.

Только фацеціи Поджіо могутъ стоять на ряду съ Гермафродитомъ. Эти повѣсти и шутки, большею частію непристойныя, были собраны мало по малу. Они возникли главнымъ образомъ изъ бесѣдъ веселаго общества, въ которомъ одинъ рассказанный анекдотъ вызывалъ другіе; это римское *bugiale*, въ кружкѣ котораго отличались своимъ остроуміемъ папскіе секретари и адвокаты ²⁾. Но многое, вѣроятно, заимствовано также изъ провансальскихъ фавль и другихъ книгъ. Когда Поджіо задумалъ собрать эти рассказы и дать имъ изящную форму, ему было около 58 лѣтъ. Они жадно читались, переходя изъ рукъ въ руки, и списывались, а самъ авторъ дѣлалъ къ нимъ дополненія. Когда имъ дана была окончательная форма, Поджіо было около 70 лѣтъ, но онъ не переставалъ заниматься своею книгою ³⁾. Старый римскій придворный нисколько не боялся выводить въ своихъ повѣстяхъ духовныхъ лицъ и монаховъ. Авторъ не считаетъ нужнымъ оправдывать характеръ подобныхъ сочиненій примѣрами достойныхъ предшественниковъ. «Ригористы, говоритъ онъ, пусть не читаютъ этой книги, потому что онъ писалъ ее для собственнаго развлечения, для читателей гуманныхъ и охотниковъ посмѣяться. Умъ долженъ отдохнуть послѣ трудовъ и заботъ, а изящество латинской рѣчи должно проявляться и въ низшей сферѣ» ⁴⁾. Замѣчательно также, что представители церкви совсѣмъ не напали на Поджіо за его книгу. Произведеніе Беккаделли съ ожесточеніемъ преслѣдовалось еще въ тридцатыхъ годахъ столѣтія и было истреблено такъ что осталось всего нѣсколько экземпляровъ; на послѣдокъ онъ долженъ былъ даже раскаяться въ непристойности ея содержанія. А Фацеціи читались во Франціи, Германіи, Испаніи и Англии. До 1500 года онѣ были напечатаны 26 разъ и явились въ трехъ итальянскихъ

1) Anton. Pannormita Poggio, напечатанное въ извѣстіяхъ изъ Гермафродита у Форберга р. 5.

2) См. выше стр. 13.

3) Въ первый разъ упоминается объ этомъ въ Poggius epist. VIII, 4 ed. Tonelli отъ 26 октября (1438): Est enim aliquid in manibus iocosum, quod et ad facetias spectat et risum excitet legenti. Потомъ epist. VIII, 35. IX, 1. Тогда Поджіо называлъ свою книгу *Libellus confabulationum*, или *Confabulationes*.

4) Praefat. in *Fucet. lib.*

переводахъ ¹⁾). Такъ быстро ослабѣло противодѣйствіе монаховъ, такъ безслѣдно исчезло оно въ свободно мыслящую эпоху Николая V.

Сюда относятся еще нѣкоторыя сочиненія, память о которыхъ изгладилась вслѣдствіе появленія позднѣйшихъ сочиненій въ томъ же родѣ, особенно новеллъ, или не была увѣковѣчена печатью. Порчелло де'Пандони считали по неприличію стиховъ соперникомъ Беккаделли; съ самою личностью и именемъ поэта было связано понятіе о безнравственности и цинизмѣ. И Филельфо не отсталъ отъ другихъ: его сочиненіе *de iocis et seriis* не было издано, но для насъ достаточно отзыва его біографа, который изъ чувства приличія не могъ сообщить выдержекъ изъ находившейся передъ нимъ рукописи ²⁾). Въ обѣихъ книгахъ, изданныхъ Филельфо подъ заглавіемъ *Convivia Mediolanensia* (Миланскія бесѣды), застольная бесѣда тоже приправляется подобными вещами ³⁾, а въ сатирахъ нерѣдко доходитъ до безстыдства своихъ римскихъ предшественниковъ ⁴⁾). И здѣсь мы заканчиваемъ нашъ обзоръ Энеемъ Пикколомини, который подражалъ въ распущенности Филельфо и Поджіо и едва ли не превзошелъ своихъ наставниковъ. Его письма эротическаго содержанія, въ которыхъ то оправдывается любовь, т. е. чувственное наслажденіе, то видно легкое отношеніе къ увѣщаніямъ цѣломудрія, его соблазнительная новелла Эвріалъ и Лукреція имѣли въ Германіи такой же успѣхъ, какъ въ Италіи Фацеціи Поджіо, и онъ самъ радовался распространенію своихъ весьма непристойныхъ писемъ и сочиненій. Авторъ даже пошелъ значительно дальше своихъ итальянскихъ соперниковъ. Онъ безстыда рассказывалъ свои собственные похождения и случаи, рассчитывая на распущенное воображеніе читателей и смѣло защищалъ естественныя влеченія. Въ рукописяхъ часто встрѣчается письмо Энея, въ которомъ онъ убѣждаетъ отца принять его незаконнаго сына. Рассказываетъ ему, какъ прижилъ его въ Страсбургѣ съ одною англичанкою и напоминаетъ старику объ его собственныхъ грѣхахъ. И подобнаго рода произведенія казались еще увлекательнѣе съ тѣхъ поръ, какъ авторъ ихъ, съ высоты папскаго престола, осудилъ литературныя грѣхи своей юности ⁵⁾.

¹⁾ По Lud. Hain Repertor. bibliogr. S. v. Poggius. См. также Shepherd Vita di Poggio trad. Tonelli T. II p. 120.

²⁾ Rosmini Vita di Filelfo T. II p. 154: molto potrebbe nuocere al buon costume per le orribili oscenità che vi sono sparse, e per motti tolti di mezzo ai trivi; e ai postriboli.

³⁾ У меня есть изданіе Spiris 1508 безъ пагинаціи.

⁴⁾ См. напр. Dec. III hec. 2.

⁵⁾ См. G. Voigt Enea Silvio de'Piccolomini Bd. I s. 285 ff. Bd. II s. 296 ff.

Гуманисты занимались не столько изученіемъ поэзіи и стиха, сколько — прозаическихъ формъ, относящихся къ стилистикѣ. Это отличительный признакъ, по которому на первый взглядъ можно узнать сторонниковъ новаго направленія, какъ напр. по платью и приемамъ узнають званіе и состояніе человѣка. Если поэзія дѣйствуетъ раньше, чѣмъ будетъ понято значеніе ея, чаруетъ своимъ ритмомъ и риемою органъ слуха, то и благозвучіе рѣчи Цицерона и Ливія плѣняетъ наши чувства и вызываетъ въ насъ чутье красоты. Благозвучіе языка раньше привлекло Петрарку къ изученію древности, чѣмъ содержаніе классическихъ сочиненій. Формальную сторону произведеній тоже можно изучать, анализировать, усваивать и избирать предметомъ подражанія. Кто хоть разъ насладился ясною, стройною рѣчью лучшихъ древнихъ писателей, тотъ уже не возвращался къ скучному однообразію языка схоластиковъ. Мысли предстояло освободиться отъ школьныхъ и педантскихъ оковъ, а въ то же время языку — подняться на высшую ступень чистоты и красоты. Эту потребность ясно сознавалъ еще Петрарка; онъ не разъ и рѣшительно высказываетъ ее, и ею онъ руководился въ своихъ сочиненіяхъ. Сенека имѣлъ сильное вліяніе на его слогъ, равно какъ и Цицеронъ, хотя ему трудно было подражать въ красотѣ слога подобнымъ образцамъ. Однако древніе научили его избѣгать сухости и вычурности монашеской латыни и писать бойко, разнообразно и изящно, даже въ письмахъ и трактатахъ прибѣгать къ риторическому искусству. Но гениальность, таившаяся въ немъ, и здѣсь перешла границы простаго подражанія, и въ этомъ видно все величіе его личности. Онъ думалъ и писалъ по своему личному вкусу, и слогъ его долженъ былъ служить отраженіемъ его я. Таковъ онъ и былъ дѣйствительно, и поэтъ явился свѣту не новымъ Цицерономъ, а Петраркою. Этимиъ объясняются многія превратныя сужденія о немъ: къ писателю прилагають ту мѣрку, которая къ нему не подходитъ ¹⁾.

Эпигоны всегда преувеличиваютъ то, что создала личность, проложившая новый путь, подражатели постоянно придаютъ особое значеніе тому, что можетъ быть предметомъ изученія и подражанія. Поэтому вскорѣ послѣ Петрарки вошелъ въ моду такъ называемый украшенный слогъ, рѣчь, испещренная цвѣтами краснорѣчія, классическими тонкостями и цитатами. Въ каждой фразѣ видно было стремленіе къ искусному выраженію и слѣды ночныхъ ученыхъ занятій. Цицеронъ сказалъ во введеніи къ своимъ Парадоксамъ, что всего пошлае и противнѣе то, что не можетъ блистать изяществомъ рѣчи. Это изреченіе стало лозунгомъ школы. И обыкновенныя мысли слѣдовало выражать необычайнымъ образомъ, и въ каждой строкѣ должны были про

¹⁾ См. томъ I стр. 35.

такого стремления были излишество украшений и напыщенность. Уже Муссато и Феррето слѣдовали этому направлению, которое вообще свойственно не гуманистамъ, а если я не ошибаюсь, папской канцеляріи при Иннокентіи III. и ведетъ начало отъ самого папы и отъ Петра де Винеа, только безъ примѣси древности. Изъ гуманистовъ самымъ достойнымъ представителемъ его былъ Салютато, потому что возвышенности выраженій и образовъ у него вполне соответствовала глубина мыслей и чувствъ. Большею же частію мы встречаемъ этотъ цвѣтистый слогъ у учениковъ и педантовъ, въ особенности если они хотятъ показать себя наставнику въ самомъ выгодномъ свѣтъ.

Новый способъ изложенія ввелъ Гаспарино да Барзицца. Самъ онъ писалъ и преподавалъ на основаніи теорій, извлеченной изъ сочиненій Цицерона. Поэтому все, что выходило изъ подъ его пера, было ясно и гладко, но въ тоже время вяло и сухо. Въ употребленіи словъ и построеніи предложеній, насколько было возможно, онъ строго слѣдовалъ Цицерону, но не имѣлъ особеннаго успѣха. Цицероніанизмъ достигъ господства уже чрезъ полвѣка послѣ него, когда юношеская пора гуманистическихъ изученій миновала. Тогда новое поколѣніе искало новаго пути. Оно удержало легкость и естественность рѣчи Гаспарино, но не связывало себя его пустымъ формализмомъ. Теперь слѣдовало писать непринужденно, какъ будто выраженіе свободно вытекаетъ изъ полноты духа и свобода есть прямой плодъ внутренней красоты. Самымъ оригинальнымъ и блестящимъ представителемъ этого новаго направленія былъ Поджіо. Правда, онъ признаетъ себя ученикомъ Цицерона и въ молодые годы, очевидно, образовалъ себя на чтеніи его сочиненій¹⁾. А потомъ онъ свободно слѣдовалъ своему живому темпераменту и смѣлымъ порывамъ, не заботясь о правилахъ стилистики, даже о грамматической правильности рѣчи. Всѣ находили его легкій и бойкій слогъ, не чуждый и возвышенности, неподражаемымъ, а изящество и остроуміе особенно увлекательными въ письмахъ. Даже позднѣйшія поколѣнія, предъявлявшія къ латинской рѣчи болѣе строгія требованія, не могли отказать въ сочувствіи его рѣдкому литературному таланту²⁾.

¹⁾ Устремитъ Paulus Cortesius de hom. doctis ed. Galetti p. 227 выражается по этому поводу такъ: Nam haec aetas—онъ говоритъ о времени Леонардо Джустиниани—ponebat eloquentiam in orationis quadam abundantia, nec plane cognovit, quid esset satis; quum magnam se quisque in dicendo laudem adeptum putaret, si multa acervatim complexus fuisset.

²⁾ Epist. XII, 32: Quidquid tamen in me est, hoc totum acceptum riereo Ciceroni, quem elegi ad eloquentiam docendam.

³⁾ Здѣсь приведемъ лишь нѣкоторые вѣсные отзывы. Aeneas Sylvius de vir. clar. XVI: qui licet lingua ignarus fuerit, nulli tamen in dicendo fuit inferior. Cortesius p. 228: In Poggio

Филельфо немногимъ уступалъ Поджіо. Правда, онъ не могъ равняться съ нимъ въ субъективной окраскѣ слога и остроуміи, но былъ равенъ по естественной небрежности изложенія. Онъ не бралъ на себя труда еще разъ просматривать и исправлять свои сочиненія передъ изданіемъ. Ихъ ученикомъ по стилистикѣ былъ Пикколомини: и онъ желаетъ писать легко и естественно, какъ говорить человекъ возбужденный, что и удается ему вполне въ болѣе легкомъ родѣ, именно въ письмахъ; въ рѣчахъ его замѣтно больше обиліе словъ, чѣмъ мыслей, и это часто вовлекаетъ его въ многословіе проповѣдниковъ. Ліонардо Бруни давалъ свободу своему перу лишь въ молодые годы; впоследствии онъ отличался обдуманнѣйшимъ и строгимъ изложеніемъ своихъ сочиненій. Въ школѣ легкаго слога принадлежалъ и Валла, который, какъ извѣстно, въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ далеко не достигалъ той чистоты и изящества латинской рѣчи, которой обыкновенно требовалъ отъ другихъ, также Беккаделли, Кампано и кардиналъ Амманати. Многие другіе готовы бы были слѣдовать этой методѣ, если бы она не требовала нѣкоторыхъ способностей, а усвоивалась простымъ трудолюбіемъ, именно живости и многосторонности ума, находчиваго остроумія и нѣкоторой смѣлости, которая легко продолжается всякаго рода затрудненія. Въ этомъ направленіи продолжали писать потомъ лучшіе стилисты въ концѣ XV и началѣ XVI в. Таковы Кортезе, Бембо, Полиціано и Садолеци, но они вмѣстѣ съ тѣмъ требовали тщательной отдѣлки слога латыни золотого вѣка, и, если можно, Цицероновской. Поэтому они смотрѣли свысока даже на Поджіо и на Филельфо, признавали таланты и извиняли недостатки ничтожнымъ еще образованіемъ того вѣка, подобно тому, какъ такіе же отзывы были въ ходу во время Поджіо относительно Петрарки.

Самое простое прозаическое сочиненіе это—письмо, такъ какъ его назначеніе замѣнять личную бесѣду, и столь же естественно эпистолярная сдѣлалась въ рукахъ стилистовъ по профессіи искусствомъ, которое они тщательно разработывали. Но вмѣстѣ съ этимъ откровенный тонъ переписки отступаетъ на задній планъ. Письмо писалось съ сознаниемъ того, что оно, какъ изящное произведеніе, передастся друзьямъ, будетъ списываться, разбираться и тщательно сохраняться. А самъ авторъ оставлялъ себѣ черновой набросокъ или приказывалъ писцамъ снимать копію раньше отправки, чтобы современемъ письма легче было

Florentino quaedam species eloquentiae apparuit; in quo si tale artificium fuisset, quale ingenium ad scribendum fuit, omnes profecto eius aequalis dicendi gloria vicisset. Erasmus въ разговорѣ Ciceronianus; Naturae satis erat artis, et eruditionis non ita multum.

собирать и издавать. Письмо адресовалось, конечно, одному лицу, но писалось для литературного кружка, для потомства и для всех народов, которымъ только знакомъ былъ языкъ древняго Латіума. Если сообщались такія свѣдѣнія, которыхъ авторъ не желалъ распространять, то онъ прибѣгалъ къ простому средству: писалъ ихъ на народномъ языкѣ. Еще Петрарка не разъ говоритъ, что онъ обыкновенно о домашнихъ и хозяйственныхъ дѣлахъ пишетъ на народномъ нарѣчій, такъ какъ для такихъ вещей не слѣдуетъ унижать языкъ латинскій. И онъ не ошибся: для любопытнаго потомства не сохранилось ни одной подобной строчки. «То, чего не слѣдуетъ распространять, говоритъ и Филельфо, я пишу на «языкъ черни», на тосканскомъ, котораго почти не понимаютъ въ другихъ мѣстностяхъ Италіи ¹⁾».

Въ то же время эпистолографія составляла звено, соединявшее гуманистовъ, которые жили порознь начиная отъ Генуи и Венеціи до Неаполя, а иные и внѣ Италіи, и поддерживавшее въ нихъ представлеіе объ одной общей республикѣ ученыхъ. Этотъ способъ общенія замѣнялъ для нихъ газеты и разныя другія литературныя изданія, явившіяся гораздо позднѣе. Кто изъ своего мирнаго ученаго кабинета едва видѣлъ дневной свѣтъ, тотъ, посылая и получая множество писемъ, находился все таки въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ подобными себѣ и съ окружающимъ міромъ. Не будь нарочныхъ, которые развѣзжали по странѣ по дѣламъ политическимъ и торговымъ и въ то же время замѣняли почту, ученые должны бы были томиться въ одиночествѣ и въ небольшихъ мѣстныхъ кружкахъ, гдѣ болѣею частію шли раздоры.

Для насъ эта литература писемъ служитъ какъ бы зеркаломъ, въ которомъ вѣрно отражаются и образъ мыслей, и жизнь тогдашнихъ литераторовъ. Безъ нея большая часть личностей промелькнули бы передъ нами подобно тѣнямъ и призракамъ безъ крови и индивидуальной жизни, какъ древніе писатели за исключеніемъ Цицерона. Впрочемъ въ этихъ письмахъ не открываются задушевные тайны, какъ это вообще бываетъ въ дружеской перепискѣ. Эти люди состоятъ въ сношеніяхъ между собою цѣлые годы, даже цѣлые десятки лѣтъ, и мы можемъ видѣть, какъ они относятся къ тому или другому лицу, къ

¹⁾ Его письмо къ Чинико Симонетта отъ дек. 1453 г. у Rosmini Vita di Filelfo T. II p. 304: *le cose che non voglio sieno copiate, le scrivo sempre alla grossolana, et Марваурезіо отъ 30 января 1477 г. ibid. p. 282 и 448: Hoc autem scribendi more (lingua Etrusca) utimur iis in rebus, quarum memoriam nolumus transferre ad posterum. Et ethrusca quidem lingua vix toti Italiae nota est at latina oratio longe ac late per universam orbem est diffusa.*

владѣтельному меценату, къ меценату кардиналу, къ товарищу, со-
бутыльнику, наконецъ къ смиренному ученику. Мы подмѣчаемъ и
такія мгновения, въ которыхъ разоблачаетъ себя самый осторожный
человѣкъ. «Кто много пишетъ, тотъ нечремынно обнаружитъ свои
тайные помыслы», сказалъ однажды Пикколомини, а Бруни полагаетъ,
что по письмамъ можно составить такое же сужденіе о человѣкѣ, какъ
по глазамъ говорящаго ¹⁾). Личность писателя въ письмахъ имѣла
возможность высказаться вполне, тогда какъ въ ученыхъ трудахъ,
въ поэтическихъ произведеніяхъ, трактатахъ и переводахъ она необ-
ходимо отступаетъ на задній планъ.

Характеръ общественныхъ отношеній зависитъ отъ развитія общества
и моды; точно такъ же и искусство писать письма. Письма Сенеки и
Цицерона, съ тѣхъ поръ какъ послѣдніе были найдены и распростране-
ны, стали образцами этого литературнаго рода; письма Цилия младшаго
читались рѣже и цѣнились не такъ высоко. Однако изъ нихъ сначала
заимствовали почти только одну эпистолярную форму. Петрарка ставилъ
на адресъ впереди свое имя, римскую пометку, обращался къ мыслен-
ному собесѣднику во второмъ лицѣ единственнаго числа, снова ввелъ
привѣтствія и тому подобное. Онъ гордился тѣмъ, что такъ же обра-
щался къ императорамъ и папамъ, — обычай, отъ котораго рѣдко
отступалъ. Сначала такой пріемъ вызывалъ насмѣшки, однако вскорѣ
государи и папы помирились съ этимъ цицероновскимъ ты, съ ко-
торымъ обращался къ нимъ великій человѣкъ своего времени ²⁾).
Салютато употреблялъ это ты даже въ официальныхъ письмахъ.
Онъ считалъ обращеніе во множественномъ числѣ нелѣпнымъ обыча-
емъ. Не слѣдуетъ обращаться къ отдѣльному лицу такъ, какъ къ
народному собранію ³⁾). Эней Пикколомини, какъ вѣщанный поэтъ,
ставитъ въ укоръ нѣмцамъ тотъ варварскій обычай, что они счита-
ютъ болѣе почетнымъ говорить съ государемъ во множественномъ
числѣ. Въ пользу стариннаго благороднаго обычая онъ приводитъ въ
примѣръ не только Цицерона, но и Сократа, Демосѣена и Мецената
и ссылается на блаженнаго Іеронима и блаженнаго Августина. Но
обыкновенно онъ былъ такъ вѣжливъ и благоразуменъ, что оправ-

¹⁾ Leon. Bruni epist. VII, 3: In bono scriptore (epistolarum) praeter verba et sonum inest profecto aliquid repositum et tacitum indicium animi, quod ut in loquente ex oculorum motu, sic in scribente ex vibratione ipsa orationis deprehendas.

²⁾ Petrarca epist. var. 32. Исключенія, когда Петрарка употребляетъ множественное число, указалъ Фразассетти. Epist. rer. senil. XV, 1: Styli huius per Italiam non auctor quidem, sed instaurator ipse mihi videor, quo cum uti inciperem, adolescens a coetaneis irridebar, qui in hoc ipso certatim me postea sunt secuti.

³⁾ Salutati epist. 14 ed. Mehus. Его письмо къ юному Antonio Loschi у Schio Vita di A. Loschi p. 157.

эпистопомъ, онъ опять ввелъ въ употребленіе торжественное м. ѡ. съ которымъ въ санѣ кардинала обращался даже къ старому другу, но за то и ему позволилъ говорить себѣ въ 1).

Въ письмахъ П е т р а р к и личность его отражается гораздо полнѣе чѣмъ въ его лирическихъ Verse. Къ сожалѣнію, ихъ сохранилось очень мало отъ его юныхъ лѣтъ, такъ что мы не можемъ вполне прослѣдить развитіе его эпистолярнаго слога. Спрашивали, чей примѣръ на него больше вліялъ, Сенеки или Цицерона. Самъ онъ впоследствии, кажется, отдавалъ преимущество Цицерону, потому что послѣдній разсматривалъ философскіе вопросы въ своихъ сочиненіяхъ, а письмамъ ввѣрялъ дѣла личныя, семейныя и касающія обыденной жизни. Нѣкоторые нравственные вопросы, преобладающіе у Сенеки, по его словамъ, встрѣчаются и у Цицерона 2). Но Петрарка никогда не затруднялся въ выборѣ этихъ образцовъ. Когда онъ въ 1345 г. познакомился съ письмами Цицерона, то былъ уже не новичкомъ въ дѣлѣ сочиненія писемъ. Именно въ своихъ раннихъ письмахъ онъ заимствовалъ у Сенеки почти только форму, а философскій тонъ преобладаетъ въ его позднѣйшихъ посланіяхъ. Какъ ни высоко ставилъ онъ обоихъ древнихъ писателей, однако въ сущности, какъ эпистографъ, не былъ ученикомъ ни одного изъ нихъ. И здѣсь онъ слѣдовалъ своему собственному соображенію.

Его письма раннихъ лѣтъ, насколько можно судить по оставшимся, письма человека, еще вполне наслаждающагося жизнію и умѣющаго въ ней осмотрѣться. Онъ еще не кутается въ философскій плащъ, еще не презираетъ своего собственного величія. Петрарка рассказываетъ кардиналу Джіованни Колонна о своихъ поѣздкахъ во Францію, въ Гентъ, Люттихъ и Ахенъ и сообщаетъ ему сказаніе о Карлѣ Великомъ, слышанное въ послѣднемъ городѣ. Или онъ шутливо повѣствуетъ ему о своемъ пребываніи въ Кельнѣ и о томъ, какъ тамъ справлялся праздникъ св. Іоанна 3). Это первые примѣры легкой бесѣды гуманистовъ, которые съ тѣхъ поръ такъ любили рассказывать о событіяхъ своей жизни и путевыхъ приключеніяхъ, большею частію въ веселомъ тонѣ. Они внимательно смотрѣли на чужія страны и на суету народныхъ массъ. Тутъ матеріалъ даетъ сама жизнь, и рассказчикъ хочетъ блеснуть только живымъ изложеніемъ его. Этому Петрарка не научился у Сенеки, да не могъ бы научиться и у Цицерона, если бы ему даже были извѣстны въ то время письма его.

1) См. G. Voigt Enea Silvio de'Piccolomini Bd. II s. 279.

2) Praefatio (in libros epistolarum) ad Socratem suum ed. Fracassetti vol. I p. 21. 23.

3) Epist. rer. famil. I, 3. 4.

Въ Италіи онъ потомъ все болѣе и болѣе углублялся въ свои книги и размышленія, средоточіемъ которыхъ было его собственное Я. (Окружающій міръ все рѣже наводитъ его на мысль о письмѣ; это только отвлекаетъ его отъ главной и ближайшей цѣли. Но, какъ лирика, его часто увлекало желаніе выразить обиліе идей въ разныхъ видахъ и сочетаніяхъ. Поэтому онъ и письмо сталъ считать удобною формою для того, чтобы высказаться не стѣняясь планомъ и расположеніемъ. Каждый считалъ за честь видѣть свое имя на адресѣ письма Петрарки, а послѣдній писалъ столь же охотно и неумолимо. Писаніе писемъ стало для него отдохновеніемъ отъ болѣе серьезнаго труда. «облегченіемъ ума» ¹⁾). Часто онъ писалъ безъ всякой определенной цѣли, подобно тому, какъ человѣкъ упивается разнообразіемъ природы, то сходя съ торнаго пути, то наслаждаясь зеленью въ лѣсу. Онъ то погружался въ серьезные думы о жизни и смерти, то вдавался въ полемику, то жаловался, то шутилъ, разъ являлся наставникомъ, бесѣдующимъ съ ученикомъ, а потомъ опять мечтательнымъ другомъ, большею же частію человѣкомъ, раскрывающимъ свою душу въ бесѣдѣ съ самимъ собою ²⁾). Петрарка постоянно, какъ бы чѣмъ увлекаемый переходитъ отъ предложенія къ предложенію, постоянно какъ бы подавленъ наплывомъ мыслей, чувствъ, нравственныхъ размышленій и историческихъ примѣровъ, которые все просятся на бумагу. Мы видимъ, какъ онъ, сидя на креслѣ, усердно пишетъ до сумерекъ, пока буквы, постоянно тѣнясь, наконецъ не дойдутъ до самаго края, или пока глубокая ночь, отяжелѣвшая вѣки и уставшая рука не заставить подумать о снѣ. То лицо, которому онъ писалъ, уже слабо представлялось ему, и его не занимали даже собственные мысли. Однажды Петрарка признался аббату въ С. Бениньо, что какая-то сила побуждаетъ его писать, хотя онъ не знаетъ, что и кому писать; но онъ чувствуетъ утомленіе, даже боль, если не принимается за письмо: эта работа успокоиваетъ его. «Писанію писемъ, сказалъ онъ въ другой разъ, положить конецъ только моя смерть» ³⁾).

Но чѣмъ болѣе Петрарка влагалъ душу въ свои письма, тѣмъ сильнѣе заботился о томъ, чтобы спасти ихъ отъ гибели. Онъ не

¹⁾ Epist. rer. famil. XII, 5: quidquid tecum loquor, non tui instructio, sed levamen animi mei est.

²⁾ Praefat. in epist. rer. famil. p. 23: Nihil quasi aliud egi (in epistolis), nisi ut animi mei status, vel si quid aliud nossem, notum fieret amicis.

³⁾ Epist. rer. famil. VIII, 5, IX, 12: Scribere soleo colloquendi quadam non parva dulcedine. XIII, 7: Crucior semper et languo, nisi dum scribo. XXIV, 13: Unum est enim hoc ex omnibus, cui supremam sola movet manum. Epist. rer. senil. II, 3. XII, 1 in fin. Во многихъ отношеніяхъ прекрасную характеристику и оцѣнку писемъ Петрарки даетъ Körting Petrarca's Leben und Werke s. 11 ff.

посылалъ ихъ не снявши копій. Поэтъ хвалилъ за этою обычай Колу ди Ренцо ¹⁾) и. очевидно, слѣдовать ему съ авиньонскаго періода своей жизни. Для того времени немыслимо, чтобы онъ диктовалъ свои письма: тогда онъ едва могъ содержать домашнихъ писцовъ; но и въ позднѣйшій періодъ этого не замѣтно, да это и невѣроятно, судя по тому, какъ онъ говоритъ о своихъ трудахъ въ такомъ направленіи. Письма посылались тѣмъ лицамъ, къ кому писались, такъ, какъ выходили изъ подъ его пера. Но съ тѣхъ, которыя онъ считалъ достойными безсмертія, онъ приказывалъ раньше отправки снимать копіи ²⁾). И эти копіи не вносились въ особую книгу, какъ это заведено у дѣловыхъ людей и было въ обычаѣ у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ гуманистовъ, но писались на листкахъ и клочкахъ. Отсюда понятно, почему съ годами многія письма Петрарки пропали ³⁾), чему, безъ сомнѣнія, способствовала и частая перемѣна мѣстопробыванія.

Въ 1359 г. Петрарка изъявилъ намѣреніе собрать свои дружескія письма и, по образцу древнихъ писателей, составить изъ нихъ одну книгу. Имъ руководила та мысль, что въ этомъ сборникѣ будетъ отражаться вся его жизнь, весь ходъ его умственнаго развитія ⁴⁾). Поэтому письма слѣдовало расположить по порядку времени, когда они были написаны. Эта работа была бы очень легка, будь письма написанныя на листкахъ и клочкахъ, аккуратно помѣчены. Но, очевидно, эти помѣтки были такъ же невѣрны, какъ онѣ остались и теперь. Частию ихъ совсѣмъ не было, а еще чаще не было выставлено годовъ, что было весьма важно для приведенія ихъ въ порядокъ. Ихъ пропускалъ и самъ Петрарка, а потомъ и его переписчикъ, потому, что авторъ считалъ достойнымъ передачи только содержаніе письма. Это встрѣчалось и въ письмахъ Цицерона, а въ письмахъ гуманистовъ, къ нашему крайнему сожалѣнію, встрѣчается сотни, даже тысячи разъ. Самъ Петрарка вовсе не расположенъ былъ вдаваться въ критико-хронологическія изысканія на счетъ своихъ писемъ и извиняется «множествомъ занятій» ⁵⁾). Онъ могъ

¹⁾ Epist. var. 38.

²⁾ Такъ, согласно epist. rer. famil. XIV, 2, онъ не хочетъ оставлять копій съ дѣловаго письма, которое къ своей досадѣ долженъ былъ написать въ Талейрану: ut exemplaria non reservem, ne displiceam multis. Потерянные письма онъ можетъ послать еще разъ; см. epist. rer. famil. XVIII, 7.

³⁾ Cf. epist. rer. famil. XVIII, 8.

⁴⁾ Это онъ ясно говоритъ въ посвященіи своему Сопрату epist. rer. famil. XXIV, 13: Ita enim et progressus mei seriem (si la forte cura fuerit) vitaeque cursum lector intelligete.

⁵⁾ Inter confusionem exemplarium, какъ онъ характеризуетъ эту трудность въ epist. rer. famil. XXIII, 19 къ Бонначіо.

рѣшить иногда вопросъ только своимъ воспоминаніемъ и знаніемъ лицъ, но предоставлялъ это дѣло своимъ писцамъ. Первый, кто принялся за послѣдній трудъ, былъ Гаспаро да Верона ¹⁾. за нимъ слѣдовали трое другихъ, но только пятый, извѣстный намъ Джіованни да Равенна, собралъ въ одинъ томъ 350 писемъ къ радости наставника ²⁾. Такимъ путемъ возникъ сборникъ «дружескихъ писемъ», потомъ другой меньшаго объема, заключавшій въ себѣ письма «смѣшанныя», которыя трудно было привести въ порядокъ, а впоследствии еще собраніе «старческихъ писемъ», въ которыхъ, не смотря на опытность собирателя, тоже нельзя было соблюсти особой послѣдовательности.

Рядомъ съ этимъ друзья Петрарки составляли небольшіе сборники по подлиннымъ письмамъ, Мы знаемъ отъ Франческо Нелли, его «Симонида», съ какою радостью и торжествомъ получались его письма, какъ они переходили изъ рукъ въ руки и, собранныя въ одинъ томъ, составляли украшеніе какой-либо бібліотеки ³⁾. И у венеціанскаго канцлера Бенинтеиди было около сотни писемъ, въ собираніи которыхъ ему помогали и друзья, и лица неизвѣстныя, потому что, какъ самъ онъ признается, онъ не стѣсняясь добывалъ ихъ и *furtive* (путемъ присвоенія). Но Бенинтеиди такъ ревниво оберегалъ это сокровище, что никому не позволялъ снимать копій ⁴⁾. Повидимому, эти частныя собранія были потеряны.

Главная суть дѣятельности Салютато заключалась въ сочиненіи безчисленнаго множества политическихъ и дѣловыхъ писемъ. Мы уже говорили о томъ, какое вліяніе они имѣли на характеръ дипломатическихъ сношеній и какъ отъ нихъ ведетъ начало болѣе облагороженный канцелярскій слогъ ⁵⁾. Цицеронъ едва ли имѣлъ вліяніе на его

¹⁾ Я сопоставляю *epist. XX, 7* отъ 11 апрѣля (1350 г.): *epistolas meas quae maxime cuiusdam ingeniosi hominis et amici digitis conseruo* съ *epist. var. 58 Gasparo Veronensi: Tu qui tuo iure nostra omnia familiariter possis, quique his otii nostri curis transcribenda primus animum ac digitum applicasti etc.*

²⁾ *Epist. ger. famil. XXIII, 19.* О болѣе ранней редакціи, которую, конечно, слѣдуетъ допустить, такъ какъ Сократъ, которому былъ посвященъ сборникъ, умеръ въ маѣ 1361 г., а Джіованни да Равенна поступила въ домъ Петрарки только въ 1364 г., см. *Körting s. 22 ff.* Петрарка устанавливалъ заглавіе *Epistolae familiarium rerum, no* онъ употребляетъ также термины *familiares* и *seniles epistolae*.

³⁾ *Meneghelli Opere vol. IV, Padova 1831, p. 179.* О, если бы изданы были письма Нелли, хранящіеся въ національной бібліотекѣ въ Парижѣ! Менегети просилъ снять для себя копію съ нихъ. Быть можетъ, это собраніе то самое, которое по *Indagini s. libreria Visc. Sforz. P. I. p. 36 № 392* въ 1432 г. находилась еще въ Павіи: *Epistole varie at (!) laureatum dominum Franc. pe.*

⁴⁾ Я намеренъ издать его письмо къ Петраркѣ по лейпцигской рукописи.

⁵⁾ См. томъ I стр. 192.

частныя письма; канцлеръ былъ уже пожилымъ человѣкомъ. когда ознакомился съ нимъ ближе. Образцами его скорѣе были Сенека и Петрарка. Главнымъ украшеніемъ письма служили философскія изреченія и классическая ученость; иногда письмо разрастается въ цѣлый трактатъ. Но у Салютато больше, чѣмъ у Петрарки, проглядываетъ его мощная личность: онъ сочувствуетъ друзьямъ и людямъ покровительствуемымъ, которымъ пишетъ, и его мысли принимаютъ личный оттѣнокъ. Однако, по видимому, это серьезное, моралистическое и философское направленіе писемъ все же наскучило.

Гаспаринода Барзицца, Цицеронианецъ, ввелъ болѣе легкій эпистолярный слогъ. Его любимымъ чтеніемъ были вообще сочиненія Цицерона и въ особенности его письма¹⁾. Но ему не доставало живости, а въ письмахъ его не было ни малѣйшей занимательности. Едва ли есть собраніе писемъ ничтожнѣе его; содержаніе ихъ вращается въ узкой сферѣ отношеній университетскихъ ученыхъ и въ тѣсномъ кружкѣ друзей. Кромѣ Забареллы и нѣкоторыхъ венеціанскихъ аристократовъ это все какія-то темныя личности. Только его ученики и ученики Джіованни да Равенна умѣли соединить новую форму съ занимательностью содержанія. Теперь письмо должно было блистать не ученостью автора, а его талантами. Живость изложенія, легкость и изящество слога стали его существенными условіями: лучшія мысли должны были казаться минутнымъ наитіемъ, а слѣды учености и отдаленности исчезнуть. Свѣтскій человѣкъ отличается отъ кабинетнаго ученаго спокойнымъ и свободнымъ обхожденіемъ. Поэтому теперь старались писать просто и непринужденно, какъ бы случайно обмолвиваясь остротами въ пріятной бесѣдѣ. Это называли *familiariter scribere* (писать свободно). Къ этой школѣ принадлежали все лучшіе эпистографы XV в.; мы и теперь вполне чувствуемъ чарующую силу ихъ писемъ.

Поджіо — творецъ и образецъ этого слога. У него онъ, дѣйствительно, является благимъ даромъ природы. Однако онъ развивалъ его изученіемъ и упражненіемъ съ юныхъ лѣтъ, когда списывалъ письма Цицерона для Козьмы Медичи, и богатство ихъ содержанія обогатило и его умъ. Нѣкоторое время онъ для упражненія обмѣнивался письмами съ Бруни, хотя послѣдній былъ на десять лѣтъ старше его, и оба они жили во Флоренціи²⁾. Къ сожалѣнію, отъ этой переписки ничего не осталось; но мы не сомнѣваемся въ томъ, что молодые люди хотѣли перещеголять одинъ другаго въ остроуміи. Поджіо былъ, дѣйствительно, въ разлукѣ съ своими друзьями только

¹⁾ Opp. p. 194 ed. Furiotto: nescio an alium ex libris meis clariorem habbeorem.

²⁾ Poggius epist. II, 8 ed. Tonelli напоминаетъ Бруни о томъ времени.

во время констанцскаго собора и когда потомъ уѣхалъ въ Англію. Оттуда онъ написалъ къ Никколи цѣлый рядъ великолѣпныхъ писемъ, заключавшихъ въ себѣ разныя сообщенія и проблески самаго веселаго юмора. Онъ писалъ ихъ быстро, не долго думая ¹⁾, и не оставлялъ у себя копій; конечно, онъ зналъ, что его другъ, любитель книгъ, тщательно сохраняетъ все подобное. Въ нихъ есть прелестное описаніе жизни въ Баденъ Баденъ и рассказъ о процессѣ, который велся въ Констанцѣ надъ еретикомъ Іеронимомъ Пражскимъ ²⁾. Оба эти письма быстро распространились до невѣроятной степени, какъ мы видимъ это изъ безчисленныхъ копій, хранящихся въ разныхъ библіотекахъ; онѣ однѣ могли бы, пожалуй, доставить громкую извѣстность Поджіо. Но авторъ самъ вполне понималъ свои таланты. Онъ тщательно избѣгалъ всякихъ украшеній слога, чтобы не показаться педантомъ, самъ хвалилъ себя не стѣняясь, тогда какъ, по видимому удивлялся, что въ его письмахъ находили хорошія стороны. Поджіо увѣряетъ, что нимало не придаетъ имъ значенія, пишетъ ихъ легко и быстро и часто среди дѣловыхъ занятій ³⁾. Но какъ могло остаться для него тайною, что именно благодаря этому качеству и прославились его письма ⁴⁾?

Ліонардо Бруни не могъ вполне равняться съ своимъ другомъ въ этой бойкости и живости изложенія. Правда, и онъ не любитъ корчить изъ себя ученаго, но не можетъ отказаться отъ художественной отдѣлки своихъ произведеній. И онъ умѣетъ вѣрно понять природу и чело-вѣка и живо изображать ихъ. Въ тонѣ, нѣкогда указанномъ Петраркою, онъ описываетъ Никколи свою поѣздку въ Констанцъ, грозную красоту Альпъ, Тридентъ, Боденское озеро и самый Констанцъ ⁵⁾. Вообще его письма къ Никколи и Поджіо, относящіяся къ этому времени, самыя увлекательныя, потому что онъ нашелъ въ лицѣ ихъ самыхъ сочувственныхъ читателей. Но и онъ увѣряетъ, что не придаетъ никакого значенія своимъ дружескимъ письмамъ, что онъ долгое время не сохранялъ ихъ, именно до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что подъ его именемъ распространяются подложныя письма. Но потомъ онъ рѣшился собрать свои прежнія посланія, а съ тѣхъ, которыя продолжалъ писать, сохранять копіи ⁶⁾.

¹⁾ *Quidquid in buccam venerat, какиъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Франческо Марескалько въ Epistt. ed. Tonelli vol. I p. X.*

²⁾ *Epist. I, 1. 2 ed. Tonelli.*

³⁾ *Epist. XII, 3.*

⁴⁾ *Vespasiano Poggio § 3: Furono e sono molto accette le sua epistole, per la facilità delle iscrivere, che le faceva senza ignuna fatica.*

⁵⁾ *Epist. IV, 3 ed. Mehus.*

⁶⁾ *Epist. VII, 10.*

увлекательности своих писемъ. «Мои друзья весьма высоко цѣнятъ мои письма. Я по истинѣ удивляюсь этому, потому что пишу ихъ безъ всякаго старанія и тщательности, экспромтомъ, не много думая и не передѣлывая потомъ. Я и говорю такъ, какъ пишу. Поэтому, быть можетъ, справедливо, что если мой слогъ не художественъ и не обработанъ, зато легокъ и пріятенъ» ¹⁾). Ученикъ его и Поджіо, Эней Пикколомини гораздо чаще имѣлъ поводъ щегольнуть передъ нѣмцами своею ученостью и классическою начитанностью. Но характеръ его слога такой же, какъ и ихъ. Если ему сообщаютъ, что какой нибудь незнакомецъ особенно восторгается его письмами, то онъ прикидывается удивленнымъ. Можетъ ли это быть! вѣдь онъ пишетъ такъ просто эти письма, совершенно въ тонѣ разговорной рѣчи, и въ нихъ нѣтъ никакихъ украшеній, ничего важнаго. Въ другой разъ онъ говоритъ по такому же поводу: «Я вовсе не дѣлаю усилій, когда пишу, не касаюсь предметовъ слишкомъ возвышенныхъ и неизвѣстныхъ мнѣ, а сообщаю то, чему учился. Того легко понимаютъ другіе, кто самъ ясно мыслить. Кто темень для самаго себя, разумѣется, не можетъ озарить свѣтомъ и другихъ. Я не люблю сцѣпленія и искусственнаго построенія длинныхъ предложеній. Если у меня есть въ распоряженіи изящныя выраженія, то я не стѣсняюсь употреблять ихъ, а если нѣтъ, то не подыскиваю и пускаю въ дѣло первыя попавшіяся. Я стараюсь только быть понятнымъ» ²⁾). Насколько эта замысловатая небрежность остроумна, или насколько ее можно изучить, она, дѣйствительно, сообщаетъ прелесть въ особенности письмамъ Поджіо и Пикколомини, которой они не достигли бы ни съ помощью учености, ни съ помощью Цицероновской отдѣлки.

И письма Беккаделли тоже принадлежатъ къ школѣ легкаго слога; и онъ не хочетъ вѣрить, чтобы они могли нравиться ученымъ людямъ, такъ-какъ онъ пишетъ ихъ какъ бы съ налету (*gatum cursimque*). Если вѣрить ему, то онъ никогда не издалъ бы этихъ мелкихъ «бездѣлушекъ», если бы друзья не просили его объ этомъ настоятельно ³⁾). Какъ въ жизни, такъ и въ письмахъ онъ любитъ веселыя шутки и остроты. Хотя ему въ этомъ случаѣ и помогаль его легкій темпераментъ, однако у него нѣтъ основательности и изящества художниковъ этого литературнаго рода. Послѣдніе и въ другихъ мѣстахъ находили подражателей, какъ и все то, что въ

¹⁾ Его письмо къ Людовико Педрони у Rosmini T. III p. 72, также письмо къ Траверсари въ его письмахъ XXIV, 31.

²⁾ Письма Энея къ Гансу Шинделю отъ 20 ноября 1445 г. и къ краковскому кардиналу Збигнѣву отъ 27 октября 1453 г.

³⁾ Berratelli epist. Gall. I, 8. Посвященіе Liber I epistt. Campan.

модѣ, по проблесковъ таланта нельзя усвоить подражаніемъ. Валла былъ человекъ даровитый, но, занятый болѣе серьезными трудами, онъ вообще не придавалъ никакого значенія слогу писемъ и не собиралъ ихъ. Гварино былъ въ восторгѣ отъ новаго искусства, но былъ вполне школьный учитель и педантъ, такъ что самъ не могъ усвоить его себѣ; онъ любилъ вставлять въ свои письма греческія слова, что показалось бы неумѣстнымъ Бруни и Филельфо, хотя они были въ состояніи писать цѣлыя письма на греческомъ языкѣ.

По содержанию своему письма гуманистовъ чужды всякаго политическаго и клерикальнаго оттѣнка. Напротивъ подобныхъ вопросовъ тщательно избѣгали не изъ опасенія кого нибудь затронуть, а просто изъ презрѣнія къ прозаичной и жалкой дѣйствительности, не заслуживающей вниманія поклонника древности. Въ этомъ случаѣ исключеніе составляютъ письма государственныхъ людей, какъ напр. Франческо Барбаро и Пикколомини, который занималъ въ Германіи совѣтъ иное положеніе, чѣмъ его сподвижники по литературѣ въ Италіи.—посланія канцлеровъ, которыхъ обыкновенно нѣтъ въ рукописныхъ сборникахъ писемъ, потому что авторы ихъ были въ сторонѣ отъ общественныхъ литературныхъ сношеній, и письма Траверсари, насколько они касаются дѣла его ордена. У другихъ владѣтельные лица, ихъ совѣтники, кардиналы и богатые аристократы берутъ адреса, но только какъ меценаты. Если просмотрѣть адреса писемъ Филельфо, то можно составить себѣ понятіе о томъ, какіе люди въ Италіи интересовались гуманистическою наукою. Письма къ нимъ распадаются на два отдѣла: въ одномъ авторы попрошайничаютъ болѣе или менѣе открыто, въ другомъ благодарятъ, т. е. болѣе или менѣе искусно подготавливаютъ попрошайничество. Искусство льстить и льстить тонко, постоянно съ новыми варіаціями, здѣсь практикуется такъ, что можетъ обмануть и ослѣпить, такъ какъ тщеславные меценаты и писатели взаимно ослѣпляютъ другъ друга. Поджіо поступалъ точно такъ же, и съ лѣтами дѣлался тѣмъ назойливѣе, чѣмъ больше хлопоталъ о приобрѣтеніи денегъ. Наконецъ онъ сталъ писать почти исключительно поздравительныя письма, если напр. кого нибудь изъ лицъ извѣстныхъ ему возводили въ санъ епископа или кардинала. Правда, онъ увѣряетъ, что въ этомъ случаѣ вовсе не имѣетъ въ виду подарка ¹⁾; но мы знаемъ, что онъ въ сущности былъ не глупѣе другихъ.

¹⁾ Epist. IX, 9 въ архиепископу Кентербѣрійскому (Джону Стаффорд): *ne videret velle aliquem ex meis litteris, ut plurimi solent, quaestam facere.*

Эта система попрошайничества была основана на славѣ писателя, приобретенной умомъ и ученостью. Она была возможна лишь при убѣжденіи меценатовъ въ томъ, что если ихъ будутъ хвалить въ письмахъ, то они достигнутъ вѣчной славы въ потомствѣ. Такой прелать, какъ архіепископъ миланскій, велѣлъ тщательно списывать для себя письма Бруни, гдѣ только могъ достать ихъ, и каждое письмо, писанное къ нему, почиталъ за великую честь для себя. Онъ даже старался вызвать на подобныя посланія знаменитаго писателя, чтобы увеличить число ихъ ¹⁾. Филельфо смотрѣлъ на свои письма какъ на хранилище славы, въ которомъ старался собрать имена своихъ милостивцевъ, чтобы даровать имъ безсмертіе ²⁾. Успѣхъ его писемъ, дѣйствительно, часто былъ такой блестящій, что у него должна была закружиться голова. Когда его теща Манфредина Хризолорина попала въ плѣнъ, при взятіи Константинополя, вмѣстѣ съ двумя дочерьми, то онъ тотчасъ же обратился къ султану съ письмомъ на греческомъ языкѣ, объявилъ ему, что онъ такой человекъ, отъ слова котораго зависитъ безсмертіе ³⁾, приложилъ похвальную оду и просилъ о помощи для своихъ родственниковъ. Его просьба была уважена, и даже завоеватель Константинополя оказался чувствительнымъ къ похваламъ и лести, которыя расточалъ ему знаменитый Филельфо.

Вообще не важны по своему содержанію и тѣ письма, которыми гуманисты обмѣнивались другъ съ другомъ. Часто они служили только залогомъ дружескаго воспоминанія, если представлялся удобный случай послать ихъ. Большею частію въ нихъ обсуждаются мелкія дѣла и вопросы, касающіеся республики ученыхъ: напр. кто нибудь просить книгу, напоминаетъ о данной для прочтенія, а тотъ отсылаетъ ее съ благодарностью; иной рекомендуетъ ученика, а другой выражаетъ сочувствіе по поводу какой нибудь семейной радости, или поздравляетъ съ повышеіемъ; сообщается также объ ученыхъ занятіяхъ и литературныхъ открытіяхъ. Иной благодаритъ за оказанную любезность и отплачиваетъ за нее, отражаетъ литературные нападки, самъ нападаетъ на противника, проситъ разъясненія какого нибудь вопроса и т. п. Однако именно эти мелочи рисуютъ намъ яркую картину тѣхъ отношеній, какія господствовали между гуманистами: мы видимъ, что это «хорошее общество» любитъ вѣжливый тонъ и красивыя формы. Валла былъ того мнѣнія, что письма Цицерона такъ похожи на письма его

1) Cf. Leon. Bruni epist. V, 3.

2) См. его письмо къ Нянк. Чеба отъ 15 февраля 1451 г.

3) Οἱ τοῦς κατὰ φύσιν θνητοῦς ἐκποιοῦσι: διὰ τὰς καλὰς πράξεις ἀθανάτους τῇ δοτῆρι πορίζει ὁ λόγος. Письмо отъ 11 марта 1454 г. у Rosmini Vita di Filelfo T. II p. 305.

друзей, какъ будто вышли изъ подъ одного пера ¹⁾. Это можно утверждать съ большимъ правомъ, если сравнить одни съ другими письма самыхъ знаменитыхъ гуманистовъ. Но причины не слѣдуетъ искать далеко. Всѣ они сочинялись по одному и тому же образцу, которымъ служили именно письма Цицерона; они выходили изъ тѣхъ же или родственныхъ школъ, которыя учились одна у другой. И при письменныхъ сношеніяхъ создаются особыя формы сообразно характеру отношеній, какъ формы сношеній личныхъ, и для нихъ между людьми одного сословія и профессіи легко создается извѣстный условный пошибъ, такъ что часто они поражаютъ насъ сходствомъ даже въ образъ мыслей.

Вообще между гуманистами, по примѣру Цицерона, господствовалъ культъ дружбы, обуславливавшій собою мирныя отношенія. Еще Петрарка вѣрилъ въ идеалъ дружбы, однако онъ принадлежалъ у него къ числу тѣхъ кумировъ, которые зиждились на философскихъ теоріяхъ древнихъ. Но мало по малу дружба и любовь, въ которыхъ гуманисты краснорѣчиво увѣряли другъ друга, стали дѣломъ простой вѣжливости, которая имѣла такое же значеніе, какое у насъ напр. обычай снимать шляпу для привѣтствія. Въ письмахъ этихъ повторяется старая тема съ новыми красивыми вариациями. Если желали сказать любезность постороннему человѣку, котораго никогда не видали, то видоизмѣняли то выраженіе Цицерона, что дружба можетъ существовать только между хорошими людьми, такъ, что всѣ добродѣтельные люди уже по этому самому друзья между собою и должны любить другъ друга, а добродѣтель изъ вѣжливости предполагалась у лица неизвѣстнаго. Если при этомъ онъ былъ человѣкъ ученый, то къ нему относились какъ къ любимому брату; если же знали, что онъ писатель, то читали въ немъ даровитаго художника или человѣка начинающаго, подающаго большія надежды ²⁾. Пикколомини, хотя вполне преданный гуманистическимъ занятіямъ, бывалъ однако и въ разсудочномъ состояніи и въ одномъ мѣстѣ приходитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. «Собственно въ настоящее время имѣть значеніе та дружба, съ которою связана существенная польза; той стоической дружбы, которая основана была исключительно на добродѣтели, давно и въ поминѣ нѣтъ. — Дѣло вотъ въ чемъ: мы льстецы,

¹⁾ *Elegant. lib. III in princ.: Ita verba et sententiae characterque ipse dicendi ubi que sui est similis.* Но на сколько невѣрно это замѣчаніе, показавъ напоследокъ Шмальцъ въ берлинской *Zeitschr. für das Gymnasial-Wesen* 1881 s. 87 ff.

²⁾ *Beccatelli epist. Gall. I, 42: Sane quidem epistolae cum plurimarie nos escoruant, tum vero maxime, quod benevolos nobis quotidie comparant. Quamplurimos, quos nunquam vidi, der epistolas amo, ac mutico amari certe scio.*

а не друзья. — но слѣдуетъ лицеизбѣгать, потому что всѣ лицеизбѣгать. Будемъ относиться къ людямъ такъ, какъ они есть ¹⁾». Въ сущности никто никого не обманывалъ: всѣ понимали обманъ и платили того же монетою. Намъ все таки пріятно слышать, что насъ любятъ и хвалятъ. Какъ часто и на какіе разные лады выражаютъ гуманисты ту поговорку, какая была въ ходу въ древнемъ Римѣ, когда кто слышалъ преувеличенныя похвалы: Я знаю, что ты лжешь, но все таки это мнѣ пріятно ²⁾).

Въ обыкновенномъ письмѣ старались обойтись безъ аппарата учености и искусственнаго изложенія, но въ письмахъ ученыхъ имъ снова давалось надлежащее мѣсто, именно въ такихъ, которыя скорѣе приходили на трактаты и адресъ которыхъ былъ собственно посвященіемъ. Если дружескимъ письмомъ оказывали честь тому, къ кому его писали, то тѣмъ болѣе такимъ маловажнымъ даромъ. Подобнымъ образомъ почтилъ Поджіо Козьму Медичи, когда послѣдній, послѣ годичнаго изгнанія, снова возвратился во Флоренцію. Въ своемъ письмѣ онъ тотчасъ же признается, что готовъ бы былъ лично принести это поздравленіе уважаемому человѣку, но предпочитаетъ форму письма, потому что оно удобно для распространенія его славы между друзьями ³⁾. Съ этой же точки зрѣнія мы должны смотрѣть и на тѣ посланія, которыя Филельфо писалъ къ разнымъ государямъ ⁴⁾. Это риторическія декламации, съ которыми онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы обратиться къ изящнымъ придворнымъ.

Не легко составить себѣ точное понятіе объ объемѣ гуманистической литературы писемъ, если помимо печатныхъ собраній не принять во вниманіе и тѣхъ посланій, которыя хранятся еще въ рукописныхъ въ итальянскихъ бібліотекахъ или сдѣлались жертвою времени. Мы уже говорили о томъ, что множество раннихъ писемъ Петрарки затерялись, также многія оставлены безъ вниманія позднѣйшими издателями. У Салютато была украдена часть его книги копій съ дружескими письмами въ прозѣ и стихахъ, и онъ собственно говоря никогда не имѣлъ намѣренія издавать ихъ, а тѣ, которыя напечатаны,

1) Его письма къ канцлеру Шапку отъ 1 ноября и 28 декабря 1443 г.

2) Aliottus epist. IV, 41 передаетъ намъ это въ оригинальной формѣ: Saccio, cho menti per la gola, pur me ne jova.—Janus Paunonius epigr. I 252:

Laudas nimium, priscis et vatibus aequas.

Mentiris, novi; me tamen, Ode, iuvat.

3) Poggius epist. V, 21 ed. Tonelli.

4) Знаменитѣ всѣхъ письмо къ королю французскому Карлу VII отъ 17 февраля 1457 г. Послѣ паденія Константинополя онъ писалъ подобныя письма къ императору Фридриху и королю венгерскому Матвѣю, два къ герцогу Бургундскому, къ Федерико урбинскому, къ дому и др. Rosmini T. III p. 76.

составляют лишь выборъ изъ большихъ собраній, еще уцѣлѣвшихъ ¹⁾. Мы знаемъ только 10 писемъ Пьера Паоло Берджеріо, но въ разныхъ бібліотекахъ есть собранія, и въ одномъ изъ нихъ, какъ говорить, заключается 148 писемъ ²⁾. Въ изданіи писемъ Гаспарини да Барзицци, сдѣланномъ Фуріэтти, ихъ помѣщено всего 108, но мы знаемъ, что въ бібліотекахъ, особенно въ амвросіевской, хранится еще множество ³⁾. Что касается Ліонардо Бруни, то у насъ есть тѣ его письма, которыя онъ самъ привелъ въ порядокъ для изданія. Но множество другихъ, въ томъ числѣ писанныя на греческомъ языкѣ, пропали. Писемъ Поджіо до сихъ поръ извѣстно только около 500, большею частію по тѣмъ сборникамъ, которые онъ самъ составилъ. Ему уже очень поздно пришло на мысль приступить къ изданію всѣхъ своихъ писемъ. Отъ раннихъ лѣтъ были довольно полны только тѣ, какія онъ писалъ изъ Констанца и Лондона Никколи, и которыя послѣдній сохранилъ. Поджіо велѣлъ ихъ списать незадолго до смерти Никколи. Они составили небольшую книгу съ 86 письмами, которая была посвящена одному другу, особенно цѣнившему эти произведенія. Поджіо и въ то время не обращалъ уже вниманія на помѣтки ихъ и на порядокъ. А какое множество писемъ пропало отъ времени его цвѣтущей юности ⁴⁾! Но не были приведены въ строгую систему и тѣ письма, которыя онъ писалъ послѣ своего возвращенія въ Римъ. Правда, онъ обыкновенно оставлялъ съ нихъ копии, но довольно часто и этого не дѣлалось по небрежности, а чаще потому, что онъ спѣшилъ ⁵⁾. Когда ихъ накопилось довольно много, такъ что можно было составить цѣлый томъ, то онъ раздѣлилъ ихъ на 10 книгъ и посвятилъ кардиналу Людовико Скарампо ⁶⁾.

¹⁾ *Salutati epist.* 13 и 14 ed. Mehus. Какъ мало сообщено въ изданіяхъ Меруса и Ригаччи, показываютъ уже каталоги Бандини, особенно *Catal. codd. lat.* T. III.

²⁾ *Morelli Codd. ms. lat. bibl. Nanian.* p. 159. *Colle Storia di Padova* vol. IV p. 47. *Baduber P. P. Vergerio* p. 36.

³⁾ *Mazzuchelli Scritt. d'Italia* Vol. II P. I p. 502. О другомъ собраніи упоминаетъ *Tiraboschi Storia d. lett. Ital. Nuova ediz.* T. VI lib. III cap. 19.

⁴⁾ Посвященіе 68 писемъ феррарскому кардиналу Франческо Марескальо въ 1436 или въ началѣ 1437 г. въ изданіи *Tonelli* vol. I p. X. См. также *epist.* VII, 7. 22.

⁵⁾ *Epist.* VIII, 45. Отъ этого въ существующихъ сборникахъ часто встрѣчаются пропуски въ нѣсколько мѣсяцевъ.

⁶⁾ Посвященіе *patri Loasio archiepiscopo Florentino* можетъ относиться только къ этому собранію. Оно есть въ сборникѣ *Tonelli* vol. I p. XI, къ сожалѣнію безъ всякой помѣтки времени и мѣста. Но въ этой формѣ оно не можетъ быть подлиннымъ, потому что Скарампо оставилъ санъ архіепископа уже въ 1439 г. и былъ сдѣланъ патриархомъ авдлейскимъ. Но письма первыхъ 10 книгъ обнимаютъ время гораздо дальше 1439 г. Поджіо въ первый разъ упоминаетъ о собраніи 10 книгъ въ *epist.* X, 8 3 февраля (1450 г.), потомъ въ XI, 32. Поэтому то мѣсто, въ которомъ не упоминается еще о возведеніи Скарампо въ санъ кардинала (1440 г.), есть только свойственное флорентинцу воспоминаніе о томъ времени, когда онъ былъ архіепископомъ во Флоренціи.

онъ готовился издать и второй томъ въ 10 книгахъ, а въ 1480 г. были готовы три, потомъ прибавились еще четыре, но въ преклонной старости онъ сталъ еще медленнѣе работать и не дожилъ до окончанія этого тома. Такъ какъ письма его пользовались большимъ успѣхомъ, то можно надѣяться, что кромѣ этихъ собраній еще многое сохранилось.

Мы можемъ указать также на множество другихъ пробѣловъ въ печатной литературѣ писемъ. О Карло Марсуппини сообщаютъ какъ странность, что онъ написалъ и оставилъ мало писемъ ¹⁾. А у насъ нѣтъ даже ни одного кромѣ тѣхъ посланій, которыя онъ сочинялъ какъ канцлеръ. Въ числѣ сочиненій Джіаноццо Манетти упоминается и о книгѣ его писемъ; мы знаемъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ ²⁾. 23 книги писемъ Траверсари занимаютъ почти тысячу страницъ въ листъ въ изданіи Канетти и Мегуса, однако самъ Траверсари говорить, что онъ написалъ ихъ «безчисленное множество», но при собираніи ихъ оказалось въ его распоряженіи сравнительно немного ³⁾. Письма Джироламо Альиотти авторъ издалъ самъ по малой мѣрѣ въ 12 книгахъ, даже въ одной рукописи есть 16. Новый издатель напечаталъ ихъ въ 9 книгахъ, которыя, по видимому, составилъ произвольно, впрочемъ говорить, что заимствовалъ изъ рукописей лишь нѣсколько большій выборъ. Въ такомъ случаѣ потеря для насъ не особенно тяжела ⁴⁾. Напротивъ, весьма жалко, что не собраны письма Гварино, который принадлежитъ къ числу весьма почтенныхъ представителей гуманизма, тогда какъ самъ онъ не позаботился объ ихъ сохраненіи. Все таки ихъ есть много во всѣхъ итальянскихъ бібліотекахъ, а также и въ иностранныхъ ⁵⁾. Упоминаютъ о собраніи писемъ Ауриспы, но мы знаемъ только тѣ изъ нихъ, которыя Траверсари присоединилъ къ своимъ ⁶⁾. Изданное кардиналомъ Квирини собраніе писемъ Франческо Барбаро заключаетъ въ себѣ 284 письма этого венеціанца и 94 письма другихъ извѣстныхъ лицъ, къ нему писанныя. Однако тутъ на лицо письма лишь за нѣ-

1) *Facius de vir. illustr.* p. 12.

2) *Negri Istoria d. Scritt. Fiorent.* p. 234: *Liber unus epistolarum.* Въ приложеніи къ *Vespasiano Bisticci Comment. d. vita di G. Manetti* Траверсари p. 163 seq. издалъ письма, писанныя къ нему.

3) *Epist.* IV, 26 rec. *Canneto.* Подобно скромнымъ монахамъ, я онъ былъ будто бы подстрекаемъ друзьями къ изданію своихъ писемъ. Cf. *epist.* XX, 15.

4) Хотя Альиотти самъ *epist.* V, 45 думаетъ, что въ числѣ его писемъ есть такия, *quae nequaquam adspernandae videantur*, которыми не слѣдуетъ пренебрегать. Онъ часто говорить о возрастающемъ собраніи своихъ писемъ, а о 12 книгахъ упоминаетъ въ *epist.* VIII, 38.

5) *Rosmini Vita di Guarino* vol. II p. 5. *Giuliani Della lett.* Veron. p. 286.

6) *Mongitore Bibl. Sicula* T. I p. 322: *Epistolarum opus egregium.* См. томъ I.

сколько лѣтъ, которыя издатель нашелъ совершенно случайно. Оба красивые тома библиотеки св. Марка въ Венеціи содержатъ въ себѣ 170 писемъ, до сихъ поръ не напечатанныхъ, въ томъ числѣ весьма важныя, которыя Барбаро писалъ къ первымъ государственнымъ дѣятелямъ своего времени по дѣламъ политическимъ и военнымъ. Писки его другихъ писемъ могли бы увѣнчаться прекрасными плодами ¹⁾. Письма Филельфо, распространившіяся со времени перваго изданія ихъ въ 1485 г. въ Брешии въ 17 оттискахъ, составляютъ довольно большой томъ. Но въ этихъ изданіяхъ только 16 книгъ, которыя Филельфо предполагалъ напечатать въ одномъ томѣ въ мартѣ 1461 г. Болѣе полное изданіе, вышедшее въ Венеціи въ 1502 г., содержитъ въ себѣ 37 книгъ. Не смотря на это Карло де'Росмини, биографъ Филельфо, нашелъ въ фамильной библиотекѣ Тривульци рукопись, заключающую въ себѣ всѣ письма лучшаго изданія и сверхъ того еще 11 книгъ неизданныхъ, 90 писемъ еще ненапечатанныхъ и 110 новыхъ греческихъ. Съ этимъ ученымъ, конечно, никто не могъ равняться по обширности корреспонденціи, да онъ же единственный изъ гуманистовъ сберегшій свои письма въ строгомъ порядкѣ и съ полными помѣтками ²⁾. Изъ писемъ Энея Пикколомини, писанныя до восшествія его на папскій престолъ, которыхъ напечатано болѣе 500, составили еще цѣлыхъ два тома, изъ которыхъ одинъ находится въ Вѣнѣ, а другой во Флоренціи, ждутъ себѣ издателя ³⁾. Писемъ Беккаделли у насъ есть около 200, но онъ самъ говоритъ, что писанныя изъ Павіи образуютъ только часть, какую онъ могъ собрать въ послѣдствіи въ копіяхъ и оригиналахъ ⁴⁾. Валла, къ сожалѣнію, не собиралъ своихъ писемъ. Немногіе изданные отрывки ихъ, далеко не составляютъ всей корреспонденціи, какую мы можемъ смѣло предполагать и у него ⁵⁾. Письма Пьера Кандидо Дечембрио не считали достойными печати; тѣмъ не менѣе онъ упоминаетъ не меньше какъ о 25 книгахъ, которыя авторъ большими и малыми группами посвятилъ разнымъ благодѣтелямъ ⁶⁾. Есть или было нѣсколько большихъ собраній писемъ Никколо

¹⁾ См. томъ I стр. 388 примѣч. 2.

²⁾ Rosmini T. I Prefaz. p. XV. XVI. T. II p. 226. См. томъ I.

³⁾ О нихъ я говорилъ въ XVI т. Archiv für Kunde österr. Geschichtsquellen. См. также Vandini Catal. codd. lat. T. II p. 658 seq.

⁴⁾ Epist. Gall. I, 1. См. томъ I стр. 444 прим. 3.

⁵⁾ Онъ говоритъ въ Antid. in Poggium IV (Opp. p. 345): ego enim ideo epistolae meas non habeo, quia eas in libros nec referre, nec transcribere soleo. Чтò Тригемий называетъ его Liber epistolarum, я не могъ узнать. Два письма къ Мартино указываетъ Endlicher. Catal. codd. bibl. Palat. Vindob. p. 136.

⁶⁾ Saxius p. 165. 293 говоритъ только о тѣхъ, какія есть въ Ambrosiana, а о другой группѣ, secunda portio, въ 9 книгахъ, см. Mittarelli Bibl. codd. ms. S. Michaelis Venet. p. 675.

Перотти, но изъ всего этого богатства едва ли что нибудь издано ¹⁾. Есть сборники посланій Лаподе Кастильоніо младшаго въ трехъ книгахъ, которыя тоже доселѣ остаются непечатнымъ сокровищемъ ²⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что, даже не принимая во вниманіе менѣе важныхъ дѣятелей, между гуманистами шла обширная, оживленная и разнообразная переписка, которая служила средствомъ общенія для этой республики ученыхъ и по объему своему составляетъ почтенный литературный памятникъ, ихъ достойный.

За оживленною практикой слѣдовала теорія, — руководство къ сочиненію писемъ для приверженцевъ гуманизма и учениковъ. Первый гуманистъ, писавшій образцы писемъ въ античномъ духѣ и съ античными именами, для назиданія учащихся, былъ Гаспарино да Барзизца ³⁾. Впослѣдствіи подобнаго же рода письмовникъ составилъ и Джіаммаріо Филелъфо для употребленія въ школахъ ⁴⁾. Но вмѣсто этихъ сухихъ формъ рекомендовали для подражанія настоящія письма, въ которыхъ, разумѣется, недостатка не было. Впрочемъ въ рукописяхъ нерѣдко встрѣчаются и школьныя письма, которыя сочиняются отъ имени разныхъ героевъ греческой, римской и средней исторіи, Плутарха, Исократы, готскихъ и франкскихъ королей, дѣятелей крестовыхъ походовъ, турецкихъ султановъ и древнихъ и новыхъ восточныхъ государей ⁵⁾. Важнѣе этого книга формъ, составители которой старались преобразовать прежній слогъ въ духъ гуманистической теоріи. Такое руководство написалъ Ліонардо Бруни; для придворнаго официальнаго слога то же самое сдѣлалъ Антоніо Лоски ⁶⁾. Учебники эпистолографіи, конечно, шли немного дальше этого: и въ нихъ говорилось о формѣ адресовъ, объ обращеніяхъ, о привѣтствіяхъ, о римскомъ календарѣ, рекомендаціяхъ, извиненіяхъ и т. п. Нѣчто въ этомъ родѣ приписываютъ еще Салютато ⁷⁾. Къ позднѣйшему времени относятся труды Перотти ⁸⁾ и Агостино Дати. Послѣдній, будучи сіенскимъ канцлеромъ, далъ

¹⁾ Самъ онъ въ своемъ впрочемъ подозрительномъ письмѣ у Endlicher I. c. p. 226 указалъ *Epistolae item plurimas*. По свидѣт. Fabricius T. V p. 122 онъ раздѣлялъ ихъ на *Epistolae Romanae, Perusianae etc.*

²⁾ Wilmannus въ Gött. gelehrf. Anzeigen 1879 Stück 47 s. 1491.

³⁾ Съ 1470 г. они были напечатаны по крайней мѣрѣ три раза, когда Фуриэтти помѣстилъ ихъ въ Barzizii Opp. P. I p. 220 seq.

⁴⁾ Guill. Favre *Mélanges d'hist. litt.* T. I p. 166.

⁵⁾ Цѣлый рядъ ихъ напечатанъ въ *Epistolae principum et illustrium virorum*, Amst. 1644.

⁶⁾ Lamius Catal. bibl. Riccard. p. 262: *Leonardi Aretini Formulae epistolarum et Formule di soprascritte (superscriptiones) per lettere*. О трудѣ Лоски см. выше стр. 18.

⁷⁾ Lamius p. 141: *Ars dictaminis s. de conscribendis epistolis, quae Coluccio tribuitur*.

⁸⁾ Fabricius T. V p. 122: *De conscribendis epistolis*.

подробныя наставленія относительно того, какъ писать письма живо, остроумно и гладко: гладки вѣдь, пожалуй, и его безцвѣтныя посланія ¹⁾).

Краснорѣчіе въ собственномъ смыслѣ лучшій плодъ стилистики. Только звучное слово сообщаетъ жизнь всѣмъ стилистическимъ правиламъ, которыми хотятъ развить чувство изящнаго, тронуть слушателя или польстить ему. Но оратору нужна публика, на которую онъ могъ бы дѣйствовать, нуженъ матеріалъ, служащій связующимъ звеномъ между нимъ и слушателями. Краснорѣчіе древнихъ было республиканское. Когда были вновь открыты ихъ литературные памятники, то въ большей части итальянскихъ государствъ его примѣненію къ общественнымъ дѣламъ помѣшали деспоты, а въ республикахъ замкнувшаяся въ себя аристократія. Мы слышимъ жалобы на то, что гуманистамъ запрещено говорить публичныя рѣчи. Передъ собраніемъ или передъ владѣтельнымъ лицомъ слѣдуетъ говорить на народномъ языкѣ и хлопотать не объ искусствѣ, а о дѣлѣ. Въ судебныхъ же мѣста ораторы не имѣютъ доступа ²⁾). На обоихъ великихъ преобразовательныхъ соборахъ XV вѣка, дѣйствительно, ораторское искусство гуманистовъ имѣло обширное поприще, но вмѣстѣ съ ихъ закрытіемъ оно лишилось доступа въ среду церковной жизни. Гуманисты были всторонѣ отъ духовнаго краснорѣчія. На этомъ поприщѣ подвизались почти исключительно минориты-строгоцерковники, которые своимъ мощнымъ словомъ дѣйствовали на народныя массы, будили совѣсть, потрясали души слушателей и вызывали у нихъ слезы сокрушенія. Не слѣдуетъ думать, что проповѣди, какъ напр. тѣ, которыя приписываются св. Бернардино и Альберто Сартеано, дѣйствительно когда нибудь говорились. Эта сухая мораль, полная схоластическихъ пріемовъ и ученыхъ цитатъ, не могла произвести того впечатлѣнія на народъ, о которомъ намъ говорятъ. Ихъ искусство, какъ и искусство ихъ послѣдователей, состояло въ громоносныхъ возгласахъ, въ изображеніи картинъ страшнаго суда и потѣшныхъ отступленіяхъ. Мы слышали уже отъ самихъ поклонниковъ Цицерона, съ какимъ презрѣніемъ относились они къ этимъ уличнымъ ораторамъ. Послѣдніе не могли пользоваться для своихъ цѣлей классическими украшеніями, хотя и не презирали ихъ за языческое происхождение. Слѣдовательно, повторяемъ, вообще гуманистское краснорѣчіе не находило для себя практическаго примѣненія уже потому, что было неразрывно связано съ латинскимъ языкомъ.

¹⁾ *Ero Isagogicus libellus pro conficiendis epistolis* я видѣлъ въ Cod. Catal. 4393 мюнхенской придвор. библ., а письма есть въ *ero Opp. Senis 1503*.

²⁾ *Facius de vir. illustr.* p. 7.

дѣломъ роскоши. Раньше всего это удалось ему во Флоренціи. Намъ сообщаютъ, что юный Бруно Казини, умершій въ 1348 г., слѣдовательно, бывший современникомъ Петрарки, не только публично преподавалъ реторику въ своемъ отечественномъ городѣ, но и заставлялъ своихъ учениковъ декламировать рѣчи и руководствовалъ ихъ въ искусствѣ держать себя. дѣлать жесты и употреблять умѣстные и сильныя выраженія ¹⁾.

Мы уже выше говорили о рѣчахъ Петрарки ²⁾. Примѣръ чтимаго имъ Цицерона побуждаетъ его говорить рѣчи, и во многихъ его сочиненіяхъ есть ораторскія тирады, только не говоренныя, а писанныя. Его посланіе къ Колѣ ди Ріэнцо скорѣе есть рѣчь о свободѣ въ духѣ Ливія, обращенная къ гражданамъ семихолмнаго города. Тамъ она была дѣйствительно прочитана въ Капитоліи ³⁾. Когда поэтъ приглашалъ Карла IV въ Италію, онъ заставляетъ Римъ, въ образѣ сѣдой матроны въ раздранномъ одѣяніи, держать къ нему рѣчь, въ которой изображаетъ все величіе римской исторіи ⁴⁾. А когда онъ дѣйствительно являлся передъ государемъ или собраніемъ, то отъ всего того пламени, которое бушевало въ его груди, оставался только пепелъ. Онъ вырабатываетъ свои рѣчи по сухимъ правиламъ хріи, вовсе не по античнымъ образцамъ, а скорѣе по образцу схоластической проповѣди. Въ основу рѣчи онъ кладетъ изреченіе св. Писанія, раздѣляетъ его на обычныя три части и принимается объяснять самымъ безвкуснымъ образомъ. Классическія цитаты, которыя онъ въ нее вставляетъ, не могутъ прикрасить собою ничтожества содержанія. Старались спасти его славу, помрачаемую этими жалкими произведеніями, доказывая, что они не принадлежатъ ему ⁵⁾. Такое явленіе объясняется тѣмъ неловкимъ положеніемъ, въ какое попадалъ ораторъ, когда ему собственно нечего было говорить. Когда же Петрарка былъ отправленъ къ королю французскому Іоанну, то съ нимъ были четверо дворянъ—рыцарей и одинъ знатокъ гражданскаго права ⁶⁾. Первые были представителями государства, а послѣдній руководилъ всѣмъ дѣломъ, такъ что на долю Петрарки досталось быть украшеніемъ посольства въ качествѣ великаго мудреца. Но онъ не зналъ французскаго языка, а потому не могъ привѣтствовать короля, который съ своей стороны не понималъ его латыни.

1) Filippo Villani Liber de famos. civibus ed. Galletti p. 30.

2) См. томъ I.

3) Ad Nicolaum Laurentii de capessenda libertate hortatoria y Fracassetti epist. var. 48.

4) Epist. rer. famil. X, 1.

5) Fulin Il Petrarca dinanzi alla signoria di Venetia p. 297 seq. 306. 310.

6) Онъ упоминаетъ объ этомъ самъ въ рѣчи у Barbeau de Recher p. 223.

Салютато оставилъ разныя декламаци и рѣчи, съ которыми впрочемъ можно было познакомиться только по рукописямъ, находившимся во Флоренціи. Это едва ли дѣйствительно говоренныя политическія рѣчи, скорѣе, можетъ быть, простыя упражненія, какихъ послѣ него осталось два. Тутъ мы видимъ, какъ и на этомъ поприщѣ ученые, подобно питомцамъ древнихъ римскихъ школъ, сочиняли рѣчи на вымышленные случаи и на событія изъ римской исторіи. Въ одной изъ нихъ родственники и мужъ стараются отклонить отъ мысли о самоубійствѣ Лукрецію, опозоренную Секстомъ Тарквиніемъ, въ другой она доказываетъ, что ей слѣдуетъ умереть ¹⁾).

Новый толчокъ дали ораторскому искусству многія найденныя и распространенныя рѣчи Цицерона и его риторическія сочиненія, а также возстановленный текстъ Институцій Квинтилиана. Мы уже упоминали о томъ много читавшемся и бывшемъ въ славѣ сочиненіи Антонио Лоски, въ которомъ онъ по восьми рѣчамъ Цицерона разбираетъ его риторическое искусство, чтобы этимъ путемъ вывести правила практической ретирики. Онъ объясняетъ предметъ рѣчей, указывалъ ихъ части и вообще законы составленія и поясняетъ риторическія фигуры. Есть также рѣчи, которыя онъ самъ говорилъ во время своей службы въ Миланѣ ²⁾). Послѣ Гаспарино Барзиццы, кромѣ его учебника, о которомъ мы сейчасъ упомянемъ, осталось тоже 27 рѣчей, которыя онъ частію сочинялъ на придворныя или академическіе случаи, или же по поводу бракосочетаній и похоронъ, но часто сочинялъ для другихъ ³⁾). Хотя всѣ онѣ отличаются утомительною правильностію, однако изъ нихъ ясно видно, какъ примѣнялись къ дѣлу теоріи, заимствованныя изъ Цицерона и Квинтилиана; каждая фраза напоминаетъ школу, и это скорѣе произведенія профессора краснорѣчія. Но эти ученныя занятія и педагогическіе труды принесли обильные результаты. Во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XV вѣка развилась поразительная страсть къ рѣчамъ и захватила всѣ тѣ поприща, гдѣ только можно было кого нибудь прославить. Въ особенности эти рѣчи вошли въ моду при дворахъ государей и владѣтельныхъ особъ. По случаю пріѣзда государя, при заключеніи мира, пріемѣ посольства, во время бракосочетанія и по-

¹⁾ Обѣ рѣчи есть въ рукописяхъ и печатныхъ оттискахъ въ числѣ писемъ Энея Сильвія (въ edit. Basil. namъ epist. 411). Въ рукописяхъ у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 703 и Muciolii Catal. codd. manus. Malatest. Cesen. T. II p. 69. Салютато прямо названъ авторомъ. См. также Mehus Vita Ambr. Travers. p. 302. Салютато нельзя заподозрить въ подлогѣ. Именно недавно Герм. Мюллеръ въ Blätter für das bayerische Gymnasial- und Realschulwesen Bd. XIV s. 471 издалъ обѣ рѣчи за античныя, а Куснеръ тамъ же Bd. XVI s. 9 написалъ къ нимъ ученныя возраженія.

²⁾ См. выше На Orationes указываетъ Tomasinus Bibl. Patav. ms. p. 26.

³⁾ Онѣ есть въ его Opp. ed. Furietto.

придворный ораторъ говорилъ блестящую рѣчь. Въ этомъ случаѣ не отставали и республики, и небольшіе провинціальныя города встречали своихъ высшихъ сановниковъ привѣтственными рѣчами, которыя часто приходилось говорить учителямъ латинскаго языка. Даже въ торжественныя дни для знатныхъ фамилій, особенно во время бракосочетаній и похоронъ, приглашались риторы. Многія рѣчи сочинялись просто на показъ и говорены не были. Само собой понятно, что въ нихъ постоянно господствовалъ панегирическій тонъ. Въ особенности въ надгробныхъ рѣчахъ хвалебный тонъ доходилъ часто до апофеоза.

Во Флоренціи подобнаго рода рѣчи говорилъ и писалъ Лео на рдо Бруни, напр. при приѣмѣ городомъ папы Мартина V, также надгробныя слова ¹⁾. Потомъ всегда готовъ былъ говорить рѣчи даже безъ приготовленія Манетти, хотя говорилъ какъ неистощимый проповѣдникъ ²⁾. Поджіо написалъ семь блестящихъ надгробныхъ словъ въ честь друзей своихъ Никколи, Бруни и Лоренцо де' Медичи, также кардиналовъ Альбергати, Чезарини и Забареллы, наконецъ папы Николая V. Но онъ не говорилъ ни одной изъ нихъ, хотя напр. въ надгробной рѣчи Никколи, написанной въ Болоньѣ, предполагаетъ, что стоитъ подлѣ гроба, окруженный флорентинскими гражданами ³⁾. Первымъ публичнымъ ораторомъ въ Венеціи былъ Леонардо Джустиніани ⁴⁾, потомъ Франческо Барбаро, впослѣдствіи Бернардо Джустиніани. Въ Сіенѣ уже гораздо позднѣе явился публичный ораторъ въ лицѣ Агостино Дати.

При дворахъ владѣтельныхъ особъ, разумѣется, обязанность украшать празднества рѣчами обыкновенно лежала на придворныхъ ораторахъ, историографахъ и школьныхъ учителяхъ. Въ Неаполѣ эту должность исполнялъ Беккаделли, въ Миланѣ Лоски, Барзичца старшій, Дечембрио и Филельфо. Множество рѣчей послѣдняго, говоренныя имъ на разные случаи, вѣроятно, были недоступны для большинства уже по своему ученому аппарату, которымъ онъ любилъ приправлять ихъ какъ на каюдрѣ. Онъ такъ же спекулировалъ

¹⁾ Но онъ гораздо рѣже встрѣчаются въ рукописяхъ, чѣмъ его другія сочиненія. На группу ихъ указываетъ Mitterelli p. 663.

²⁾ Рядъ его посольскихъ рѣчей папамъ и государямъ указываетъ Negri p. 234. См. томъ I и выше.

³⁾ Poggius epist. IX, 3. XII, 21. Если онъ говоритъ здѣсь о своихъ 6 надгробныхъ рѣчахъ, то, вѣроятно, не считаетъ рѣчи въ честь Никколи.

⁴⁾ См. томъ I.

ими для славословій, какъ и своими другими сочиненіями ¹⁾. Гваррино говорилъ много рѣчей на разные случаи уже въ Венеціи и Веронѣ, а еще больше у фамиліи Эсте въ Феррарѣ. Всѣ онѣ составлены на одинъ образецъ: начинаются похвалою городу или владѣтельному дому, потомъ прославляютъ въ духѣ панегирика предковъ извѣстнаго лица и его самого и кончаются изъясненіемъ событія, послужившаго предметомъ праздника ²⁾. Но въ этомъ отношеніи его далеко превзошелъ преемникъ его по должности у герцога феррарскаго, Людовико Карбоне. Въ 1469 г. въ одной рѣчи Карлу Фридриху онъ указалъ на тѣ свои заслуги, во имя которыхъ просилъ поэтическихъ лавровъ. При этомъ Карбоне хвалился, что сочинилъ 200 рѣчей, а при торжественныхъ случаяхъ произнесъ до 10.000 стиховъ. Онъ говорилъ, по его словамъ, надгробныя рѣчи въ честь всѣхъ именитыхъ людей своего роднаго города, которыхъ пережилъ, и знатныя невѣсты рѣдко праздновали свадьбу безъ его пріѣзженныхъ стиховъ ³⁾.

Рѣчи Валлы остались ненапечатанными. Онъ и самъ не придавалъ имъ никакого значенія, по крайней мѣрѣ ни разу не упоминаетъ о нихъ въ своихъ остальныхъ сочиненіяхъ. Когда однажды въ Римѣ въ церкви S. Maria sopra Minerva онъ говорилъ торжественную рѣчь въ честь св. Фомы Аквинскаго, то кардиналъ д'Этутвиль, французъ съ утонченнымъ вкусомъ, сказалъ, что онъ, должно быть, полоумный. Кардиналъ былъ правъ, говоритъ нашъ историкъ, потому что Валла до нещѣпости преувеличилъ свои похвалы, и вся его рѣчь была какъ бы тканью, составленною изъ пестрыхъ лоскутьевъ ⁴⁾.

Между гуманистскими ораторами первое мѣсто занимаетъ Эней Пикколомини. Политическая жизнь, въ сферѣ которой онъ вращался, давала ему поводы и матеріалъ для множества рѣчей, въ которыхъ онъ преслѣдовалъ серьезныя цѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла ему возможность выказать свое искусство. Онъ говорилъ рѣчь въ прославленіе Дѣвы Маріи на базельскомъ соборѣ, въ нѣкоторыхъ посольствахъ велъ переговоры отъ имени короля Фридриха III и про-

¹⁾ У меня онѣ есть въ изданіи, напечатанномъ въ Парижѣ въ 1515 г. Въ спискѣ его сочиненій въ Indagini s. libreria Visc. Sforz. App. alla P. I p. 9 онъ говоритъ: *Orationes quam plurimeet invective tam grece quam latine.*

²⁾ См. томъ I. Списокъ напечатанныхъ и ненапечатанныхъ рѣчей Гваррино см. у Giuliani Della lett. Veron. p. 286. 289—293.

³⁾ Ant. Panormitae Hermaphroditus ed. Forberg p. VIII.

⁴⁾ Gaspar. Veronensis ap. Muratori Scriptt. T. III P. II p. 1032.—Упомяну мимоходомъ, что извѣстны также 28 неизданныхъ рѣчей его врага, Перотти. Fabricius ed. Mansi T. V p. 122.

какъ покинулъ Римъ, направляясь для войны съ Турками въ Анкону, гдѣ и умеръ, сказавъ около 36 рѣчей, которыя счелъ нужнымъ написать. Кампано имѣлъ полное право сказать, что ни одинъ изъ современниковъ не говорилъ такъ часто и по случаю такихъ знаменательныхъ событій. Его рѣчи представляютъ особый интересъ и въ томъ отношеніи, что онъ откровенно выразился объ ихъ разсчитанномъ впечатлѣніи и о риторической теоріи. Искусство Пія II заключалось въ отуманивающимъ потокѣ словъ и въ ихъ потрясающемъ пафосѣ. Ораторъ любитъ упоминать о томъ, что иногда во время его рѣчей нѣкоторые рыдали и проливали слезы, просили сообщить набросокъ сказаннаго или старались записать его слова. Но по отношенію къ практическимъ результатамъ своихъ рѣчей онъ испыталъ много разочарованій, а особенно будучи папою. Успѣхъ, конечно, льстилъ ему, но впечатлѣніе, произведенное сказанною рѣчью, быстро разсѣивалось. Уже въ старости онъ будто бы сказавъ, что искусственная рѣчь дѣйствуетъ только на глупцовъ, а не на разсудительныхъ людей ¹⁾).

Учебники реторики, во многихъ отношеніяхъ сходные съ учебниками стилистики, составляютъ далеко не обширную литературу, потому что гуманисты любили придерживаться непосредственно Цицерона. Его «старая реторика», т. е. книги de inventione (объ изобрѣтеніи), и та реторика, въ которой онъ обращается къ Гереннію, постоянно пользовались уваженіемъ и читались въ средніе вѣка, такъ что уже Алкуинъ составилъ свой учебникъ на ихъ основаніи. Къ этому присоединились другія риторическія сочиненія Цицерона, которыя послѣ находки въ Лоди быстро распространились, равно какъ и вновь отысканный Квинтиліанъ. Притомъ гуманисты часто выражаютъ такое мнѣніе, что ораторскому искусству скорѣе можно научиться по рѣчамъ Цицерона, чѣмъ по его теоріи. Въ лучшихъ учебникахъ авторы ихъ старались собрать плоды всѣхъ этихъ изученій.

Гаспарино да Барзицца первый издалъ учебникъ подобнаго рода. Его главными руководителями были Цицеронъ и Квинтиліанъ; у него правила собственно краснорѣчія шли рука объ руку съ правилами изящной рѣчи (стилистики). Нельзя думать, чтобы его книга особенно изучалась, судя по малому количеству рукописей ²⁾. На-

¹⁾ Platina in vita Pii II. Sp. G. Voigt Enea Silvio de' Piccolomini Bd. II s. 271 ff.

²⁾ Въ рукописи амброзіевской бібліотеки у Mazzuchelli Scritt. d'Italia Vol. II P. I p. 503 носятъ онъ заглавіе: Practica oratoris seu de tribus elocutionis partibus и, вѣроятно, тождественъ съ De praeceptis elocutionis. Въ Opp. ed. Furietto p. 1 seq.—напечатана только часть de compositione, prima elocutionis parte. Elocutio распадается на три части: compositio, elegantia, dignitas (составъ, изящество, достоинство). Compositio опять включаетъ въ себя три фактора: ordo, iunctura, numerus (порядокъ, связь частей, ритмъ).

противъ большое значеніе имѣла реторика Георгія Трапезунтскаго, которую онъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обученія въ школахъ Витторино, издалъ въ Венеціи и посвятилъ тамошней синьоріи. Хотя противъ него многихъ возстановила заносчивая полемика съ Гварино, однако книга его пользовалась успѣхомъ и, вслѣдствіе своего яснаго изложенія, пережила множество изданій, тогда какъ другія сочиненія того же автора были забыты. Онъ не слѣдовалъ пути, указанному Цицерономъ, а строго держался Гермогена тарсскаго, котораго старался дополнить по Аристотелю. Пользовались также сочувствіемъ и мелкія его сочиненія о художественномъ построеніи рѣчи Цицерона за Лигарія и Филиппикъ. О первой рѣчи онъ писалъ еще по желанію Витторино, которому и посвятилъ свой небольшой трудъ ¹⁾. Эней Сильвій положилъ книгу Гаспарино въ основу своихъ «Правиль реторическаго искусства», которыя издалъ въ 1456 г. и посвятилъ архіепископу трирскому. Въ этихъ правилахъ заслуга его ограничивается лишь болѣе удобнымъ расположеніемъ матеріала, зато къ примѣрамъ онъ прибавилъ много новыхъ изъ своего собственнаго собранія. И онъ не могъ уяснить себѣ границы между реторикою и стилистикой ²⁾.

Къ отдѣлу художественныхъ рѣчей гуманисты относятъ и инвективы, тѣ полемическія сочиненія, въ которыхъ они отстаивали себя и нападали на другихъ. Они при этомъ какъ бы разыгрывали роль Цицерона, обрушивающагося на Верреса, Катилину или Антонія. Если бы они сами не смотрѣли на дѣло такимъ образомъ, то по формѣ мы скорѣе причислили бы эти бранныя сочиненія къ посланіямъ. Они издавались въ видѣ разсужденій или сочиненій историческихъ, часто посвящались какому нибудь другу или меценату, но отнюдь не противнику. Характеръ рѣчи формально поддерживается лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдняго осыпаютъ бранью.

И тутъ Петрарка первый воспользовался для этой цѣли искусствомъ слова, и мы уже раньше говорили о томъ, какой случай заставилъ его въ первый разъ взяться за перо и написать инвективу ³⁾, которая была кончена меньше чѣмъ въ сутки. Онъ напалъ въ ней на папскаго врача, который высказывалъ презрѣніе къ поэзіи, и отплатилъ за это презрѣніе сильными нападками на врачебную на-

¹⁾ *Rhetoricorum libri V* въ первый разъ напечатаны въ Венеціи въ 1470 г., разсужденія *De arteificio Ciceronianae orationis, pro Q. Ligario* вмѣстѣ съ *Commentariis in Philippicas Ciceronis Venet. 1472*, также при *Asconius Pedianus Venet. s. a.*

²⁾ *Artis rhetoricae praecepta* въ *Opp. ed. Basil 1551 p. 992 seq. Voigt Enea Silvio Bd. II s. 272.*

³⁾ См. томъ I стр. 73.

лемическихъ сочиненіяхъ Петрарки, вопреки обычаю прежнихъ вѣковъ, преобладалъ вполне личный элементъ. Онъ считаетъ за личное нападеніе на себя все то, что его противникъ говорилъ въ умаленіе достоинства поэзии, даже принимаетъ за личное оскорбленіе рѣзкіе отзывы о Плиніи, потому что признаетъ себя заступникомъ всѣхъ древнихъ писателей. Петрарка въ три похода этой «литературной войны» поразилъ на голову своего врага, хотя послѣдній, по видимому, сражался не безъ искусства. Послѣ этого онъ объявилъ, что «уничтожилъ его на вѣки», и память о немъ сохранилась для потомства только благодаря тому, что поэтъ говоритъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ. Врагъ его, по его мнѣнію, раскаялся, что началъ это дѣло. Но Петрарка не называетъ намъ его имени и обратился съ первою инвективою просто къ *proci et insano medico* (дерзкому и безумному врачу), потому мы и не знаемъ имени этого несчастнаго. Но Петрарку не столько возбуждала ненависть противъ извѣстнаго лица или цѣлаго сословія, сколько желаніе заявить себя искуснымъ въ рѣчахъ Цицерономъ. Онъ напускается на противника не съ монашескимъ фанатизмомъ, не обвиняетъ его ни въ невѣріи, ни въ ереси, ни въ нравственной испорченности, но громить какъ человѣка невѣжественнаго, глупаго и нелѣпаго, исключительно обращаясь къ суду литературной публики. Поэтъ въ сущности столь же мало знаетъ толку въ медицинѣ, какъ его противникъ въ поэзіи: поэтому они борются оружіемъ діалектики и реторики. Грубая брань, высказываемая торжественнымъ тономъ, замѣняла споръ о дѣлѣ. Мы читаемъ поносныя выраженія Петрарки, но и противникъ не щадилъ его, называлъ честолюбивымъ и не въ мѣру надмѣннымъ. По видимому, впоследствии поэтъ отчасти стыдился этого сочиненія и оправдывался въ немъ своею раздражительностью. Однако, не говоря уже о его борьбѣ съ аверроистами, онъ и въ старости нѣсколько разъ велъ подобныя распри. Мы упомянемъ объ его инвективѣ противъ парижскаго магистра, который рѣшился защищать отъ его нападокъ свое отечество, и памфлеты, направленные противъ французскаго кардинала, который при папскомъ дворѣ оспаривалъ у него титулъ феникса ²⁾). Во всѣхъ этихъ случаяхъ нападеніе на литературное величіе и непогрѣшимость побуждало его къ мести. Но мы не можемъ сказать, чтобы кто нибудь находилъ подобныя полемическія

¹⁾ См. выше и томъ I стр. 115, въ примѣчаніи I стр. 116 говорится и о другой инвективѣ, теперь потерянной.

²⁾ И въ сочиненіи *De ordine* Бруни, въ которомъ послѣдній нападаетъ на Петрарку (см. томъ I стр. 353), говорится объ инвективахъ, которыми онъ хотѣлъ отдалиться какъ ораторъ, что именно *ars rhetorica* (риторическаго-то искусства) въ нихъ и нѣтъ.

сочиненія недостойными его ¹⁾. Напротивъ, когда послѣ смерти поэта папа Григорій XI хлопоталъ о копіяхъ съ его сочиненій, то въ числѣ ихъ прямо упомянулъ и объ инвективахъ.

Бо кка чіо, оруженосецъ Петрарки, человекъ самаго мирнаго характера, тоже разъ написалъ инвективу, когда сенешаль Акчіайоли заманилъ его къ своему двору и потомъ обошелся съ нимъ не совсѣмъ благовидно ¹⁾. Гораздо возвышеннѣе былъ взглядъ Салютато. Онъ уважалъ Петрарку какъ образцоваго писателя, но постоянно уклонялся отъ подобныхъ литературныхъ перебранокъ. Поджо слышалъ, какъ онъ однажды сказалъ по этому поводу, что просто сумасшествіе, если укушенный бѣшеною собакой кусаетъ ее въ отместку ²⁾. Но когда молодой Антоніо Лоски напалъ въ одной инвективѣ не на него, съ которымъ былъ друженъ, а на Флоренцію и флорентинцевъ, тогда маститый канцлеръ взялся за перо для отпора ему и отвѣчалъ въ сочиненіи, въ которомъ не пощадилъ и его личности. Онъ угрожалъ Лоски вторымъ памфлетомъ, если послѣдній будетъ продолжать свои нападки ³⁾.

Не такъ возвышенно смотрѣло на вещи младшее поколѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ литераторы стали искать пріюта при дворахъ и во дворцахъ, въ средѣ ихъ возникли самыя возмутительныя сплетни, литературная зависть и соперничество изъ за куска хлѣба. Въ ученой республикѣ неизбѣжно должны были начаться междоусобія, особенно если при одномъ томъ и же дворѣ сталкивались люди разнородныхъ талантовъ. Примемъ также въ соображеніе, что для произведеній этихъ литераторовъ не было другой читающей публики кромѣ ихъ тѣснаго кружка, каждый членъ котораго соперничалъ съ другими, — да кромѣ высокорожденныхъ меценатовъ и нѣсколькихъ дилеттантовъ. Отзывъ кого либо изъ соперниковъ былъ важнымъ событіемъ, сообщался другимъ тайкомъ и наконецъ передавался автору не безъ прибавленій услужливыми друзьями. Послѣдній тотчасъ же вступалъ въ борьбу для защиты своей литературной чести, на его нападенія отвѣчали, и такимъ образомъ возгоралась литературная война. Меценаты и весь гуманистическій кружокъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ ея. Весьма вѣрно сравненіе такихъ бойцовъ съ бойцами арены, и споряція стороны нисколько не стыдятся проводить его. Они воображаютъ себя героями по силѣ и ловкости нападеній, по искусству отражать ихъ, указываютъ съ самохвальствомъ на свои побѣды, чтобы устрашить противника, гордятся тѣмъ, что всѣ обращаютъ на нихъ вниманіе. Они пользуются всякимъ подходящимъ средствомъ.

¹⁾ См. томъ I стр. 173.

²⁾ Poggius epist. XI, 21.

³⁾ См. томъ I стр. 190.

чтобы унизить своего врага: прибѣгаютъ къ самой пошлой брани, къ самымъ наглымъ разоблаченіямъ, къ гнусной клеветѣ; хорошо еще, если дѣло не доходило до драки, какъ напр. между Поджіо и Георгіемъ Трапезунтскимъ, или до кнжаловъ наемныхъ убійць, какъ между Филельфо и его флорентинскими врагами.

Если вѣрить инвективамъ, то люди, на которыхъ нападали, должны казаться намъ чудовищами, а съ другой стороны намъ слѣдовало бы преклоняться передъ королемъ Неаполитанскимъ Альфонсомъ, передъ миланскими Сфорцами и Николаемъ V, если принимать на слово хвалебные гимны ихъ литературныхъ паразитовъ. Всякая критика въ этомъ случаѣ напрасна: тутъ нельзя найти даже правдоподобія. И эти люди еще хвалились своими пѣтушиными боями. Вотъ лозунгъ Валлы: «Сора дѣло позорное, но еще позорнѣе уступать своему противнику» ¹⁾. Когда Филельфо послалъ свои сатиры папѣ Пію II, то онъ считалъ себя ветераномъ, посѣдѣвшимъ въ славныхъ бояхъ ²⁾.

Нельзя сказать, чтобы гуманисты не знали тона приличной полемики, который свойственъ людямъ почтеннымъ въ спорахъ по ученымъ вопросамъ. Мы видимъ это въ одномъ случаѣ, который, правда, представляетъ одинокое явленіе въ литературѣ того времени. Со времени Данта ученые часто занимались вопросомъ о томъ, какъ народный языкъ, живущій въ устахъ необразованныхъ людей, относится исторически къ латинскому языку, сохранившемуся въ сочиненіяхъ классиковъ. Однажды случилось, что въ пріемной папы Евгенія IV заспорили объ этомъ собравшіеся секретари. Тутъ были Бьондо, Лоски, Поджіо, Ченчи, Андреа да Фиренце и Ліонардо Бруни, находившіеся между собою въ дружескихъ отношеніяхъ.—почти всѣ тѣ, которые пересматривали Ливія подъ руководствомъ Бруни по желанію кардинала Колонны ³⁾. Бруни былъ того мнѣнія, что уже у древнихъ римлянъ былъ въ ходу народный языкъ, которымъ и образованные ораторы говорили къ народу, а потомъ уже обработали свои рѣчи «грамматическимъ языкомъ», на которомъ онѣ и дошли до потомства. Съ нимъ были согласны Лоски и Ченчи, но на другихъ основаніяхъ. Наприм. Лоски не могъ допустить того, чтобы сапожники и повара объяснялись когда нибудь на чистомъ латинскомъ языкѣ. Напротивъ, Поджіо

¹⁾ Valla Opp. p. 460.

²⁾ Ecce dedi Satyras ad te, pater optime, centum,
Quis modo non uno proclia Marte tulii.
Intrepidus miles, cui mens sit conscia recti,
Vulnera nulla fugit, invidiasve timet.—Rosmini T. II p. 313.

³⁾ См. выше.

съ большою самоувѣренностью утверждалъ, что въ то время и толпа говорила тѣмъ же языкомъ, на которомъ писали ораторы. Того же мнѣнія были Бьондо и Андреа, а впоследствии къ нимъ присоединились Франческо Барбаро и Марсуппини. Вопросъ не былъ рѣшенъ окончательно, потому что во время этого спора Бруни позвали къ папѣ. Бьондо написалъ къ нему посланіе и объявилъ войну. Но при этомъ онъ былъ изысканно вѣжливъ съ своимъ противникомъ, называлъ его знаменитѣйшимъ воздѣлывателемъ латинскаго языка, сравнивалъ себя съ Терситомъ, который сражается съ Гекторомъ, и тщательно избѣгалъ всякихъ личныхъ нападокъ ¹⁾. Бруни возразилъ ему въ такомъ же сдержанномъ тонѣ, а потомъ и Поджіо серьезно высказалъ свое мнѣніе въ особомъ разсужденіи. Результатъ этого разногласія былъ неваженъ, такъ какъ у всѣхъ троицъ не было достаточнаго матеріала для рѣшенія вопроса. Впоследствии и Бьондо, трудясь надъ *Italia illustrata*, полагалъ, что лучше можетъ прослѣдить переходъ латинскаго языка въ народную рѣчь въ эпоху Лангобардовъ. Но приличный, мирный характеръ спора, въ которомъ нѣтъ и тѣни тона инвективъ, можетъ служить образцомъ ученой полемики ²⁾.

Вообще же личная вражда и зависть высказывалась по всякому малѣйшему поводу въ инвективахъ. Въ этомъ отношеніи мы могли бы сообщить много данныхъ, но коснемся лишь вкратцѣ важнѣйшихъ произведеній подобнаго рода. Когда Бруни писалъ свое ругательное сочиненіе противъ Никколи, то, очевидно, ихъ прежней дружбы давно и въ поминѣ не было; оскорбленіе, нанесенное Бенвенутъ, послужило лишь поводомъ къ окончательному разрыву ³⁾. Георгій Трапезунтскій, нападавшій на Гварино въ своей реторикѣ, смотрѣлъ на него какъ на соперника, хотя послѣдній не вызывалъ его на борьбу, и какъ на любимца фамиліи Эсте. Когда онъ впоследствии жилъ въ Римѣ и не имѣлъ никакихъ отношеній къ Гварино, то пожелалъ примириться

¹⁾ Quod (bellum) ea gerere modestia institui, ut nec te impudenter abs me lacessitum, nec me maiorem sententiae acquiescendo, durum pervicacemque videri velim.—Nihil a me longius abest quam rixosa et contentiosa rusticitas etc.

²⁾ Blondi ad Leonardum Aretinum de romana locutione epistula (этотъ заголовокъ онъ приводитъ и въ *Italia illustr.*) въ Cod. ms. F 66 королевск. публич. библиот. fol. 63 seq. Отвѣтъ Бруни въ epist VI, 10 ed. Mehus. Трактатъ Поджіо въ *Historiae convivales*, который есть въ Opp. Въ дрезденской рукописи посланіе Бьондо помѣчено: изъ Флоренціи Idibus Martiis (18 марта) 1439 г., очевидно, по ошибкѣ. Напротивъ Вельманнсъ см. *Gött. Gel. Anzeigen* 1879 s. 1491 нашелъ въ одномъ ватиканскомъ кодексѣ это письмо съ помѣткою отъ 1 апрѣля 1435 г. и отвѣтъ Бруни отъ 7 мая 1435 г., что, по видимому, вѣрно.

³⁾ См. томъ I стр. 283.

на него, когда писалъ свое сочиненіе ¹⁾).

Гораздо серьезнѣе была подобнаго рода распрѣ между Поджіо и Филельфо, и только смерть положила конецъ ихъ взаимной ненависти. Съ самаго начала Поджіо только заступался за Никколи и за фамилію Медичи, но мотивы ихъ борьбы были постоянно личные. Съ наукою ихъ раздоръ не имѣлъ общаго ничего ²⁾. Поджіо считалъ себя первымъ и самымъ страшнымъ бойцомъ на литературной аренѣ, и онъ, дѣйствительно, былъ такимъ. Кромѣ большихъ войнъ, которыми онъ такъ прославился, онъ велъ множество мелкихъ распръ, поводовъ къ которымъ мы не знаемъ, напр. съ Томмазо да Реате ³⁾, съ Ауриспою ⁴⁾, съ нѣкоторыми неизвѣстными лицами, которыя оказались, по видимому, вѣроломными въ политическомъ отношеніи ⁵⁾. Онъ напустился и на епископа фельтрскаго, который обвинялъ его въ подлогѣ ⁶⁾, на Эноке да Асколи, оклеветавшаго его, ратовалъ противъ лицемѣровъ, противъ базельскаго собора и папы Феликса, по внушенію римскаго двора ⁷⁾. Мы уже достаточно подробно сообщали объ его ожесточенной борьбѣ съ Валлою и Перотти, которая съ обѣихъ сторонъ велась путемъ инвективъ. Поводъ и въ этомъ случаѣ былъ ничтожный, и ей положила конецъ только смерть Валлы. Пытались примирять враждующихъ, но вполнѣ удалось устроить искреннее примиреніе только въ одномъ случаѣ. Это во время спора Поджіо съ Гварино по поводу одного бесплоднаго вопроса о томъ, кто больше заслуживаетъ удивленіе потомства, Циціонъ ли Африканскій, или Юлій Цезарь. Поджіо объявилъ, что первый гораздо выше по своей доблести, но въ этомъ случаѣ онъ не затрогивалъ никого изъ современниковъ. Въ сущности первый напалъ Гварино; и только придворная служба заставила его защищать Цезаря въ угоду Лионелло д'Эсте. При этомъ онъ не пощадилъ своего стариннаго друга. Поджіо не могъ и не хотѣлъ снести этого, но въ сравненіи съ прежнею бранчивостью сдержалъ свой обычный пылъ. Однако помимо другихъ колкостей онъ упрекалъ Гварино въ томъ, будто послѣдній лишь потому сталъ на сторону Цезаря, что заискиваетъ ми-

1) См. выше. Отрывокъ письма Георгія Трапезунтскаго есть у Rosmini Vita di Gurgino vol. II p. 95. 184.

2) См. томъ I стр. 334—335.

3) Poggii Florentini in Thomam Reatinum spurcissimum ganeonem Invectiva, указанная у Bandini Catal. codd. lat. T. II p. 438.

4) Объ этой инвективѣ, равно какъ и о другой противъ Франческо Веллата, упоминаетъ Валла Antid. in Poggium Lib. I Opp. p. 256.

5) Bandini l. c.

6) См. томъ I.

7) См. выше стр. 68. 191—194. 205—206.

лостей у принца. Барбаро удалось помирить ихъ. Съ тѣхъ поръ въ своихъ письмахъ они соперничали другъ съ другомъ въ доказательствахъ дружбы и любви. Упомянувъ объ этой размолвкѣ, Поджіо говорилъ, что считаетъ ее полезнымъ умственнымъ упражненіемъ, которое не могло вести старинныхъ друзей къ разрыву. Онъ часто напоминалъ Гварино о томъ, что они остались одни отъ старой школы гуманистовъ ¹⁾.

И Валла велъ борьбу не съ однимъ Поджіо. Въ то время онъ уже успѣлъ напасть на мнорита Антонио да Ро, который раньше былъ друженъ съ нимъ въ Миланѣ, но осмѣлился писать сочиненія также и по грамматикѣ. Впрочемъ сочиненіе Валлы противъ него было скорѣе ученою рецензіей, въ которой по крайней мѣрѣ не было никакихъ личныхъ оскорбленій. Въ борьбѣ съ Бартоломео Фаціо придворное соперничество повело ко множеству грамматическихъ придиорокъ ²⁾. Споръ съ Бенедетто Морандо изъ Болоньи о родствѣ обоихъ царей Тарквиніевъ былъ какъ бы послѣдствіемъ борьбы съ Поджіо, потому что Морандо былъ его другъ ³⁾.

Вообще всѣ эти раздоры, соединенные съ бранью, не одобрялись никѣмъ, однако за ними слѣдили съ затаеннымъ любопытствомъ, какое всегда возбуждаетъ въ массѣ занимательный скандалъ. Филельфо могъ предложить для прочтенія свои сатиры даже такому папѣ, какъ Николай V, а Валла—свои инвективы противъ Поджіо. Но были и почтенные люди, которые вполне понимали, какъ недостойнъ грубый тонъ такихъ образованныхъ людей. Франческо Барбаро постоянно старался водворить миръ и быть посредникомъ между соперниками, дружными съ нимъ. Валла избралъ его посредникомъ въ своей распрѣ съ Поджіо, но прокураторъ св. Марка отклонилъ отъ себя всякое право судить о тѣхъ клеветахъ, какими они осыпали другъ друга, и не скрылъ своего мнѣнія, что подобная вражда вообще недостойна благоразумныхъ людей ⁴⁾. Манетти не хотѣлъ нападокъ ни на чьи литературныя произведенія. «Возьмите перо, обыкновенно говорилъ онъ, и начните писать; вы увидите, какъ это трудно». Самъ онъ не написалъ ни одного сочиненія, сколько нибудь похожего на полемическое, если не считать такимъ его книгу противъ евреевъ ⁵⁾. И Бруни умѣлъ при-

¹⁾ См. томъ I стр. 334. Полемическое сочиненіе Гварино, посвященное Лионелло д'Эсте, хотя и сохранилось, но не напечатано.

²⁾ См. томъ I стр. 446.

³⁾ Обѣ направленные противъ него *Confutationes* въ *Vallae Opp.* p. 445 seq. Poggius *epist.* XII, 3. 10.

⁴⁾ *Vespasiano Comment. di Manetti* p. 99.

⁵⁾ *Leon. Bruni epist.* IX, 10. 11 *rec. Mehus.*

роль примирителя въ ссорѣ Поджіо съ Валлою. Иногда даже Поджіо говоритъ въ такомъ миролюбивомъ тонѣ, какъ будто никогда не принималъ участія ни въ какой литературной распрѣ. Когда онъ желалъ оставаться нейтральнымъ, какъ напр. въ раздорѣ между Гварино и Георгіемъ Трапезунтскимъ, то признавалъ споръ достойнымъ дѣла, но всякую брань недостойною ¹⁾). Или онъ именно требовалъ отъ тѣхъ, которые посвятили себя изученію гуманистическихъ наукъ, чтобы они доказали собственную гуманность добрыми правами и презирали клеветниковъ и завистниковъ. Поджіо указываетъ самъ на себя какъ на назидательный примѣръ того, какъ онъ никого не оскорбляетъ, а съ другой стороны и не предполагаетъ въ комъ-либо намѣренія оскорбить его. Но если кто нибудь нападаетъ на него по зависти или злобѣ, то онъ умѣетъ мстить подвижничествомъ въ добродѣтели, если только не вполне презираетъ такого человѣка ²⁾). Но какъ въ этомъ случаѣ расходились благородныя намѣренія съ дѣйствительностію!

Самыя оригинальныя произведенія литературы возрожденія относятся къ области поэзіи и ораторскаго искусства. Теперь мы переходимъ къ тѣмъ отраслямъ, которыхъ гуманистамъ не приходилось создавать вновь, такъ что вся заслуга ихъ ограничивалась лишь тѣмъ толчкомъ, который они давали наукѣ съ новой стороны, освѣжая ее животворнымъ духомъ древности. Но и въ простомъ отрицаніи, въ борьбѣ съ преданіемъ не рѣдко виденъ важный шагъ впередъ: борьба обнаруживаетъ недостатки прежнихъ системъ и пролагаетъ пути для новыхъ началъ.

Путеводное начало средневѣковой науки заключалось главнымъ образомъ въ традиціонной философіи, т. е. въ схоластикѣ. Поэтому со временъ Петрарки преимущественно она служила для гуманистовъ предметомъ полемики. Беллетристичный гуманизмъ былъ явленіемъ прогрессив-

3) Poggius epist. VI, 21: sunt omnino reiciendae voces contumeliis refertae, quae et auditoribus sunt ingratae, et causam nostram minime reddunt probabilierem. т. е. слѣдуетъ вовсе остерегаться рѣчей, переполненныхъ бранью, такъ какъ онѣ и для слушателей неприятны и оказываютъ плохую услугу дѣлу.

2) Письмо къ Антонио да Пистойя въ Quirini Diatriba p. 65: Nulli iniuriam facio. Detractores nullos suspicor, nec si essent pertimesco. Verumtamen si qui forsitan vel maligni adversus nos exsibiterint, vel perversitate morum, quos invidia urat, alios bene agendo et virtuti inserviando ulciscar, alios contemnendo.

нымъ, прямо противоположнымъ сухой и педантской кабинетной учености, и художническія стремленія были въ рѣзкомъ противорѣчій со школою и замкнутою системою. Истинное человѣческое образованіе рѣдко выходило изъ монастырской кельи и университетской аудиторіи и двигалось впередъ благодаря лишь усидчивымъ трудамъ. Школьный ученый часто, изслѣдуя оболочки, не можетъ добраться до зерна, но также точно и беллетристъ легко можетъ принять за самое зерно пестрые доскутья оболочки. Первый пожимаетъ плечами при видѣ того, какъ послѣдній выставляетъ на показъ свои наскоро прибрѣтенныя богатства; а послѣдній любитъ смѣяться надъ педантствомъ, которое не знаетъ что дѣлать съ плодами кропотливыхъ трудовъ, кромѣ того, что постоянно накапливаетъ ихъ. Суровая наука всегда стремилась къ тому, чтобы собрать и лежать въ кастообразныхъ кружкахъ достояніе, полученное по наслѣдству и прибрѣтенное вновь. Напротивъ всѣ беллетристы стараются расширить кругъ своей публики и предлагать ей все то, что сами они усвоили именно настолько, чтобы разработанное распространять какъ можно болѣе. Исключительная наука собираетъ массу безплоднаго матеріала и своплетъ множество сухихъ формъ. А ея скороспѣлая соперница вводитъ множество неразработанныхъ отраслей, тѣша себя непонятою истиною и на лету схваченной полустынію.

Въ этомъ смыслѣ юный гуманизмъ началъ борьбу съ университетскою наукою. Мы видѣли, что еще Петрарка началъ ее во всѣхъ сферахъ, но направлялъ главнымъ образомъ противъ ея средоточія, именно противъ схоластической философіи. Онъ видѣлъ передъ собою какъ бы громадную твердыню, которая выдерживала всякаго рода нападенія за своими крѣпкими стѣнами, несмѣтными укрѣпленіями и благодаря большому гарнизону. Тѣмъ болѣе удивленія заслуживаетъ его увѣренность въ побѣдѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что схоластика должна пасть и падеть, а передъ его христіанскимъ гуманизмомъ открывается великое будущее. «Посмотри на тѣхъ людей, которые проводятъ всю жизнь свою въ діалектическихъ ухищреніяхъ и софизмахъ и постоянно мучатся надъ рѣшеніемъ безплодныхъ вопросовъ, и выслушай мое предсказаніе относительно всѣхъ ихъ. Вся слава ихъ исчезнетъ вмѣстѣ съ ними, и для ихъ имени и праха достаточно одной могилы ¹⁾». Потомъ эту борьбу продолжали всѣ послѣдователи Петрарки, опираясь на унаслѣдованныя доказательства и придумывая новыя варіаціи. Мы постоянно слышимъ, что они смѣются надъ авторитетомъ Аристотеля, котораго противники ихъ вовсе не понимали. надъ ихъ варварскими терминами, надъ ихъ грубымъ, испорченнымъ

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. I, 1.

языкомъ, надъ ихъ бесплодною діалектикою, надъ ихъ нелѣпыми софизмами и пустыми диспутами. Они осмѣиваютъ научныя знаменитости съ ихъ англійскими, французскими и нѣмецкими именами. Гуманисты не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на движенія, совершающіяся въ сферѣ схоластической философіи, на великія школы номинализма и реализма, или мистицизма. Даже споръ о томъ, кто выше изъ двухъ философовъ, Аристотель или Платонъ, они предоставляютъ грекамъ и нѣкоторымъ страннымъ чужакамъ, интересовавшимся имъ. Они больше гордились тѣмъ, что могутъ дать читателямъ сочиненія Аристотеля и Платона въ прекрасномъ латинскомъ переводѣ.

Поэтому-то гуманисты удивительно какъ мало оказали успѣховъ на почвѣ систематической философіи. Ліонардо Бруни написалъ небольшое руководство къ нравственности, въ которомъ сравнивалъ ученіе Эпикура съ ученіемъ стоиковъ и отдавалъ преимущество послѣднему, также старался привести его въ связь съ христіанскою этикою. Когда началось книгопечатаніе, то небольшое сочиненіе Бруни, написанное имъ, конечно, въ молодые годы, было уже забыто¹⁾. Гораздо большее вліяніе имѣли Діалектическіе споры Валлы, о которыхъ уже упоминалось раньше²⁾, составлявшіе какъ бы продолженіе его смѣлаго разговора о наслажденіи. И въ первомъ полемическомъ сочиненіи видно стремленіе низвергнуть прежную систему, какъ несостоятельную, и благодаря этому оно имѣло большое значеніе еще для Эразма и его эпохи. Новая система, которую Валла строитъ на основаніи здраваго человѣческаго разсудка и живаго языка, конечно, не отличается ни творчествомъ, ни глубиною мысли. Наконецъ діалектика Георгія Трапезунтскаго, вся построенная на ученіи Аристотеля, имѣла успѣхъ и распространилась благодаря искусному изложенію. Она служила основою его лекцій, читанныхъ во Флоренціи. Но она не отличается плодотворными заслугами и составляетъ еще въ духѣ средневѣковаго направленія³⁾. Этими тремя сочиненіями исчерпывается все, что произвели старшіе гуманисты на почвѣ систематической философіи.

¹⁾ Нѣкоторыя выдержки изъ него въ *Isagogicon moralis philosophiae* у Janitschek Die Gesellschaft der Renaissance и т. д. по двумъ вѣснымъ рукописямъ. Книга упоминается и въ *Laudatio Leonardi* у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 435, у *Vespasiano Lionardo d'Arezzo* § 11, у *Zacharias Bibl. Pistor.* p. 44, гдѣ упоминается и о посвященіи врачу Уго (Бенци).

²⁾ См. томъ I стр. 446.

³⁾ Это сочиненіе иногда называется *Logica*, такъ напр. въ изданіи *Argentorati 1509 г.*, бывшемъ у меня. Это, дѣйствительно, очеркъ логики, но самъ авторъ называетъ его *Dialectica*. О происхожденіи его во Франціи, слѣдовательно около 1440 г., см. *Vespasiano Giorgio Trabisonda* § 1.

Въ противоположность схоластикамъ гуманисты хвалились тѣмъ, что перенесли философію изъ школы въ дѣйствительную жизнь. Но въ сущности они перенесли ее изъ одной школы въ другую. Ихъ фактическая житейская мудрость была тоже не больше, какъ то обычное благо-разуміе, которое съ грѣхомъ пополамъ мирится съ жизнью и требова-ніями приличія, а школьная ихъ мудрость—стоицизмъ съ христіанскимъ оттѣнкомъ и разными прикрасами, заимствованными у всѣхъ древ-нихъ писателей. То, что они называютъ философствованіемъ, есть почти повтореніе и вариация классическихъ общихъ мѣстъ о неизвѣстности и неизбежности смерти, о тлѣнности всего земнаго, о добродѣтели и пороцѣ, о счастіи и вышемъ благѣ, объ юности и старости, о дружбѣ и благодарности, богатствѣ и довольствѣ, гордости и смиреніи, славѣ, скромности и т. п. Часто мы ясно видимъ, что у автора были подъ ру-кою философскія хрестоматіи, и изъ нихъ онъ узнавалъ, что говорили по тому и по другому вопросу Теренцій, Virgilій, Цицеронъ, Бозцій, Гораций и Августинъ. Изъ отдѣльныхъ цвѣтковъ мудрости при помощи нѣкотораго стилистическаго искусства легко было сплести вѣнокъ и украсить его историческими примѣрами. Такъ возникъ философ-скій трактатъ. Цицеронъ оставался образцомъ и по отношенію къ формѣ: къ трактату, какъ у него и у Сенеки, пишется приступъ, потомъ онъ развивается по извѣстному плану расположенія; авторы также любятъ прибѣгать для этого къ разговорной формѣ, принятой еще Петраркою.

Между прочимъ здѣсь мы должны еще разъ отличать трактаты Пе-трарки отъ множества трактатовъ позднѣйшихъ писателей. Только люди незнающіе считали первые пустымъ сбродомъ всякаго рода уче-ности и болтовнею. Правда, нѣкоторые маленькіе можно оставить безъ вниманія, какъ ничтожныя, напр. разсужденіе объ управленіи государ-ствомъ, объ обязанности и достоинствахъ военачальника, о скупости. Но большія сочиненія объ уединеніи, о досугѣ монаховъ, о средствѣхъ противъ горя и радости, объ истинной мудрости, о своемъ собственномъ невѣжествѣ и невѣжествѣ другихъ людей, не говори уже про замѣ-чательную бесѣду-исповѣдь о тайной борьбѣ его душевныхъ тревогъ, это—по своему тлубокому содержанію—опыты жизни чловѣка, рабо-тающаго надъ своею душею, который пишетъ кровью своего сердца. На ряду съ этимъ остается въ тѣни все то, что онъ приводитъ изъ своихъ классиковъ и отцовъ церкви ¹⁾.

Вскорѣ послѣ Петрарки обнаруживается упадокъ и преимущественно въ томъ, что самобытная уметвенная жизнь самихъ писателей, исканіе истины и удовлетворенность ею уходятъ на задній планъ, уступая мѣсто

¹⁾ См. томъ I стр. 126—131.

рутинному направленію. Эти трагаты Саллюста о широкон жизни и монашествѣ, о почитительности и другихъ болѣе практическихъ вопросахъ мало представляли занимательнаго. Поэтому они остались почти неизвѣстными и не были напечатаны. Изъ позднѣйшей литературы мы можемъ указать лишь на небольшой рядъ заглавій, по которымъ можно судить о содержаніи. На первомъ планѣ стоятъ разсужденія Поджіо, такъ какъ они больше всего читались. Онъ умѣлъ придавать имъ особую занимательность, рассказывая шуточные анекдоты, нападая на своихъ литературныхъ враговъ или на монаховъ и юристовъ, или давая полную свободу своей веселости. Такимъ онъ является въ нравоучительныхъ сочиненіяхъ объ обязанностяхъ государя, о печальномъ положеніи владѣтельныхъ лицъ, объ истинномъ благородствѣ, о непостоянствѣ счастья, о человеческихъ дѣйствіяхъ, о скупости, о томъ, слѣдуетъ ли старику жениться, причемъ Поджіо ловко оправдывалъ свой собственный бракъ. Онъ выработалъ себѣ удивительно простую философскую систему: Эпикурейцы, по его словамъ, слишкомъ распущены, стоики слишкомъ суровы, а перипатетики занимаютъ средину, поэтому онъ и присоединяется къ нимъ¹⁾. И въ этомъ отношеніи его ученикомъ былъ Эней Пикколомини, у котораго часто письмо разрослось въ цѣлый философскій трактатъ. Для разсужденій въ собственномъ смыслѣ онъ любитъ сюжеты, взятые прямо изъ жизни. Поэтому первое мѣсто занимаютъ его политическія и церковно-политическія Записки или много читавшійся трактатъ О жалкой жизни придворныхъ. Это была любимая тема гуманистовъ, подобно темамъ о рокѣ и судьбѣ²⁾. Обо многихъ другихъ сочиненіяхъ гуманистовъ или не стоитъ упоминать, или было говорено раньше. Когда мы узнаемъ, наприм., что Манетти написалъ четыре книги о достоинствѣ и благородствѣ человѣка, а Бартоломео Фаціо тоже о достоинствѣ и преимуществахъ человѣка, или о человеческомъ счастьи, то у насъ не является желанія ознакомиться съ этими произведеніями и подобными имъ,—такъ какъ они только варьируютъ избитыя уже темы на новый ладъ.

Самый интересный вопросъ, какой только могъ представиться и разрабатываться для практической философій, это—вѣчно юный вопросъ о воспитаніи. Если міру и въ отношеніи правовъ и образа мыслей предстояло возродиться по образцу Эллады и Рима, то слѣдовало начать съ юншества. Если мѣсто одряхлѣвшей и несостоятельной науки должна была занять юношеская наука гуманизма, то для этого надобно было начать съ элементовъ латинскаго языка. Толчокъ подобному движенію дало не то обстоятельство, что нѣкоторые изъ гуманистовъ должны были

¹⁾ Epist. II, 14 ed. Tonelli.

²⁾ См. G. Voigt Enea Silvio de'Piccolomini Bd. II v. 283 ff.

заработывать средства къ существованію преподаваніемъ латинскаго языка въ качествѣ «грамматиковъ». Мы увидимъ, что именно практическіе дѣятели на почвѣ воспитанія всего менѣе чувствовали желаніе писать о немъ. Но по мѣрѣ того, какъ открывали, что древніе во многихъ отношеніяхъ слѣдовали совсѣмъ инымъ педагогическимъ началамъ, не тѣмъ, какія были въ ходу въ городскихъ школахъ Италіи, пробуждался духъ сравненія и критики, и часто уже напередъ отдавали пальму первенства древности. Такимъ образомъ въ теченіи полувѣка возникла богатая педагогическая литература. Вопросъ о воспитаніи или разсматривали въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, или довольствовались простымъ руководствомъ къ познанію изящныхъ наукъ. Его рѣшали то въ чисто гуманистическомъ духѣ, то въ религіозномъ, то въ свѣтскомъ. Эта литература представляетъ разнообразіе уже потому, что почти каждый воспитатель считалъ идеаломъ или себя самого, или сущность своей духовной жизни. Они согласны только въ одномъ отношеніи: воспитаніе народа, массъ, элементарная школа не вызвали ни у кого мысли. Только воспитаніе будущаго ученаго, да еще знатныхъ сословій и владѣтельныхъ особъ заслуживаетъ ихъ вниманія.

Какъ часто въ этихъ литературно-историческихъ очеркахъ намъ приходится возвращаться въ Петраркѣ! Но здѣсь о немъ слѣдуетъ упомянуть лишь въ отрицательномъ смыслѣ. Подростающее поколѣніе вообще занимаетъ его только въ томъ отношеніи, что представляется ему распространителемъ его славы въ потомствѣ. Ему было чуждо стремленіе руководить и поощрять другихъ въ области тѣхъ знаній, которыя онъ самъ себѣ усвоилъ. Его друзья удивлялись ему, а ученые собесѣдники—вспомнимъ о Джіованни да Равенна—служили у него писцами и при этомъ находили возможнымъ подбирать крупицы его мудрости. Дѣятельность наставника, руководившаго молодежъ въ грамматикѣ и свободныхъ искусствахъ, казалась ему жалкою, совершенно недостойною человѣка съ высшими стремленіями. Лишь съ гордымъ сожалѣніемъ вспоминалъ онъ о двохъ школьныхъ учителяхъ, съ которыми познакомился во Франціи и изъ которыхъ одинъ былъ, безъ сомнѣнія, его прежній наставникъ Конвеневоле да Прато. Люди умные, они однако провели свою жизнь въ незвѣстности и подъ гнетомъ. Онъ неустанно поощрялъ молодого Заноби да Страда покинуть свою флорентинскую школу и сдѣлаться свободнымъ поэтомъ. «Развѣ ты хочешь слѣдовать не Цицерону и Виргилію, говорилъ онъ, а драчливому Орбілію»²⁾? Ему казалось унижительнымъ и

1) Орбілій былъ римскій школьный учитель, у котораго учился и про котораго говорить поэтъ Гораций.

Прим. перевод.

2) Petrarca epist. rer. famil. XII, 3: Pueros doceant, qui maiora non possunt, qui

пошлымъ зарабатывать этимъ пропитаніе, и онъ предпочиталъ жить бенефіціями, придворными милостями и подарками. Большинство его послѣдователей раздѣляло его презрѣніе къ учительству и предпочитало службу при дворѣ или въ канцеляріи даже преподаванію въ университетѣ. Когда Поджіо, живучи въ Англіи, находился въ сомнительномъ положеніи относительно своего будущаго, то ему больше ничего не оставалось какъ возвратиться къ римскому двору, поступить на службу къ какому нибудь владѣтельному лицу, или держать школу. Первые два рода дѣятельности казались ему весьма жалкими, но учить дѣтей онъ не хотѣлъ ни за какія деньги ¹⁾).

Гварино былъ первымъ наставникомъ, который не стыдился своей профессіи. Не смотря на долговременную педагогическую дѣятельность, онъ не написалъ ни одного теоретическаго сочиненія по этому вопросу; развѣ считать такимъ тѣ краткія правила, которыя онъ послалъ своему владѣтельному ученику Ліонелло д'Эсте и которыя ему нѣкогда передалъ Хризолоръ ²⁾). Однако онъ сильно двинулъ впередъ педагогію, переведши на латинскій языкъ, въ числѣ другихъ мелкихъ сочиненій Плутарха, и его трактатъ о воспитаніи дѣтей ³⁾). Это небольшое произведеніе пользовалось необычайнымъ успѣхомъ; на ряду съ Квинтилианомъ, съ которымъ вскорѣ послѣ этого ознакомились, оно впервые пролило свѣтъ на характеръ воспитанія древнихъ и положило первую основу педагогической науки. Мы имѣли бы вообще поверхностныя свѣдѣнія о преподавательской дѣятельности Гварино, если бы намъ не сообщали многого объ его системѣ учения его, сынъ его Баттиста и молодой Янъ Паннонскій ⁴⁾). И тотъ отдѣлъ о воспитаніи, который включилъ въ свое сочиненіе о бракѣ молодой Франческо Барбаро, обязанъ своимъ происхожденіемъ непосредственно образу мыслей Гварино, даже дому его.

Такимъ же образомъ и Витторино да Фельтре, другой великій педагогъ XV столѣтія, никогда не писалъ о теоріи воспитанія. Но мы ясно видимъ вліянія древности въ веселой жизни питомцевъ Веселаго дома, въ ихъ пребываніи на чистомъ воздухѣ, въ ихъ играхъ и тѣлесныхъ упражненіяхъ. А его любимый ученикъ, юный

bus sedulitas oserosa, mens tardior, udum cerebrum, ingenium implume, sanguis gelidus, — animus gloriae contemptor, lucelli appetens etc. — elementario sene nihil turpius.

¹⁾ Poggius epist. I, 12: Nam de docendo in ludo, absit ut id faciam.

²⁾ Его письмо у Rosmini Vita di Guarino vol. I p. 78.

³⁾ Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, какъ напр. у Якобса и Уэкерта Beiträge zur älteren literatur Bd I s. 256 и въ Tabulae codd. ms. bibl. Palat. Vindob. vol. I p. 40 сохранилось посвященіе флорентинцу Анджемо Корбинелли. Въ такомъ случаѣ переводъ относится къ 1410 или 1411 г. См. томъ I.

⁴⁾ См. томъ I стр. 503—506.

Грегорио Корраро, еще въ Мантуѣ на глазахъ учителя написавъ гекзаметромъ дидактическую поэму О воспитаніи, въ которой стараясь связать мудрость, почерпнутую у древнихъ, съ практической дѣятельностью и случайными наставленіями Витторино. Тогда идеаломъ его было призваніе поэта. На этомъ основаніи дѣти должны были главнымъ образомъ затверживать «божественныя произведенія» *Виргилія* и изучать *Цицерона* ¹⁾. Упоминаютъ также о педагогическомъ сочиненіи *Никколо Перотти*, который когда-то былъ ученикомъ *Витторино*. Но оно, по видимому, принадлежитъ къ той порѣ его жизни, когда онъ сталъ епископомъ, и не было издано ²⁾.

Небольшое сочиненіе *Секко Полентоне*, городского писца въ *Падуѣ*, судя по заглавію—которое только намъ и извѣстно—не больше, какъ руководство къ изученію гуманистическихъ наукъ, въ которыхъ самъ онъ впрочемъ былъ не особенно свѣдущъ ³⁾. Изъ *Падуи* же вышло сочиненіе по педагогикѣ, вѣроятно, самое раннее изъ всѣхъ, написанныхъ гуманистами. Оно явилось раньше перевода *Гваринио*, даже раньше смерти *Салютато*, случившейся въ маѣ 1406 г., такъ какъ было еще поднесено канцлеру республики. Авторомъ его былъ *Пьеръ Паоло Верджеріо*. Оно не представляетъ собою систематической педагогики, но лишь нѣкоторыя наставленія касательно физическаго и духовнаго воспитанія. Хотя онъ еще не зналъ *Плутарха*, однако требовалъ, чтобы снова была введена древнегреческая гимнастика. Юношество должно упражняться въ бѣгѣ, прыганьи, верховой ѣздѣ, кулачномъ бою, стрѣльбѣ изъ лука и бросаніи копья, притомъ воспитываться не въ монастырской замкнутости, а въ большихъ городахъ. Честолюбіе и жажду славы слѣдуетъ поощрять какъ благороднѣйшія пружины благородныхъ личностей. Самыми важными учебными предметами, питающими умъ, являются реторика, піитика, нравственная философія и исторія. Мы ви-

1) См. выше. Стихотвореніе *Quomodo educari debeant pueri* изъ *Cod. autogr.* библ. св. Марка въ Венеціи у *Rosmini Vittorino* p. 477 seq. Онъ въ немъ обращается къ своему брату *Андрею*, и оно начинается такъ:

Haec tibi de libris veterum, germane, relegi,
Quaeque super pueris docuit pater optimus olim
Victorinus.

По слову *olim* (нѣкогда) можно только думать, что *Корраро* въ то время уже переросъ школу, а не то, что стихи написаны послѣ смерти *Витторино*. Въ письмѣ къ *Цецилин Гонзага* (у *Martene* p. 840) онъ прямо говоритъ, что когда былъ въ *Мантуѣ* (самое позднее въ 1429 г), то написалъ *stilo satirico libellum de educandis et erudiendis liberis*. Онъ упоминаетъ о ней рядомъ съ *Progne*, какъ относящейся къ его полуязыческому времени.

2) Книга *de puerorum eruditione* упоминается только у *Fabricius Bibl. ed. Mansi* T. v. p. 122.

3) *De ratione studendi* по *Kapp. de Xicco Polentono* p. 50.

диль, что уже и это сочинение проникнуто гуманистическим духомъ. О немъ помнили и тогда, когда авторъ какъ бы исчезъ съ литературнаго поприща и потомъ умеръ. Еще во время Паоло Кортезе и Паоло Джіовіо оно читалось въ школахъ и до самаго XVII вѣка расходилось во множествѣ печатныхъ изданій¹⁾. Но невѣроятно, чтобы въ эпоху своего появления оно произвело переворотъ въ литературѣ предмета или въ практикѣ. Тутъ за педагогикой стоялъ все ужъ не педагогъ.

Во Флоренціи, гдѣ всегда было не мало латинскихъ школъ, гдѣ поклонники древности составляли сильную выдающуюся и связанную со властями группу, гуманизмъ, безъ сомнѣнія, весьма рано оказалъ вліяніе какъ на домашнее воспитаніе, такъ и на общественное въ школахъ. Мы можемъ предполагать это даже въ эпоху Заноби да Страда и Салютато: отъ современника послѣдняго, именно домиканца Джіованни да Доменико, мы слышимъ монашескій протестъ. Джіованни, какъ набожный богословъ, протестовалъ и противъ дидактической поэмы Салютато о судьбѣ. Въ другомъ сочиненіи, трактовавшемъ о семейной дисциплинѣ и при этомъ, конечно, о воспитаніи дѣтей, онъ рѣзко порицалъ то явленіе, что тогдашнее юношество пропитывалось ученіемъ язычниковъ, поэмами Виргилія и трагедіями, посланіями Овидія, его Любовнымъ искусствомъ и другими произведеніями, въ которыхъ проповѣдывалась плотская любовь; что впечатлительнымъ дѣтямъ сообщается также много свѣдѣній о ложныхъ богахъ, что они раньше дѣлаются язычниками, чѣмъ христіанами, раньше слышатъ имена Юпитера, Сатурна и Венеры, чѣмъ Отца, Сына и Св. Духа²⁾. Но такіе протесты давно уже смолкли подобно гласу вопіющаго въ пустынь. Мы знаемъ, какое значеніе придавала городская знать обученію юношества изящнымъ и свободнымъ искусствамъ. И такой человекъ, какъ Леоне Баттиста делли Альберти, посвящаетъ первый отдѣлъ своего сочиненія о семействѣ воспитанію, и отношеніямъ родителей къ дѣтямъ. Мальчиковъ слѣдуетъ воспитывать какъ будущихъ мужчинъ, чтобы они

¹⁾ Заглавіе ббльшую частію такое: *De ingenii moribus et liberalibus studiis ad Ubertinum Carrariensem* (1407). Старые оттиски у Colle Storia d. studio di Padova vol. IV p. 46. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изданіяхъ книга эта ошибочно приписывается Ліонардо Бруни. См. *Mehus Scripta Leon. Bruni* (передъ его изданіемъ писемъ). Обзоръ содержанія сообщилъ Schweminiński P. P. *Vergerius und M. Vegius*—въ *Programm des Marien-Gymnasiums zu Posen 1857. Salutati epist.* 28 ed. Mehus, также съ отвѣтомъ Верджеріо у *Muratori Scriptt.* T. XVI.

²⁾ См. томъ I стр. 194—195. *Regola del governo di cura familiare comp. del b. Gio: vanni Dominici* ed. Salvi p. 134. Трактатъ этотъ относится къ первымъ годамъ XV вѣка.

языческаго, такъ и отъ монашескаго изувѣрства ¹⁾).

Особый и довольно обширный отдѣлъ литературы посвященъ гуманистами воспитанію государей. Этотъ отдѣлъ открытъ Лионардо Бруни. Онъ еще раньше перевелъ бесѣду св. Василія, въ которой этотъ отецъ Церкви защищаетъ чтеніе языческихъ поэтовъ, и это произведеніе, на которое впоследствии такъ любили ссылаться, посвятилъ Салютато. Потомъ онъ написалъ для ученой Баттисты де'Малатести, изъ фамилии герцоговъ урбинскихъ, руководство къ занятіямъ гуманитарными науками, въ которомъ особенно рекомендуетъ изучать римскихъ историковъ и показываетъ, какъ можно выработать изящество слога ²⁾). Эней Пикколомини въ 1443 г. написалъ къ герцогу тирольскому Сигизмунду письмо, въ которомъ указываетъ молодому владѣтелю на Альфонса, короля Неаполитанскаго, и на Лιονелло д'Эсте, какъ на примѣры литературнообразованныхъ государей, а въ 1449 г.—Зеркало государей для десятилѣтняго Владислава, наслѣдника коронъ богемской и венгерской, гдѣ въ первой части говоритъ о воспитаніи государей. Онъ высказываетъ здравый взглядъ, желая, чтобы государь не былъ ученымъ и однако все же могъ обсудить требованія своего званія ³⁾). Наконецъ и Филельфо, по просьбѣ шестилѣтняго принца Джангалеаццо Сфорцы, изложилъ письменно свои педагогическія воззрѣнія ⁴⁾). Подобныя посвященія не остались совершенно безплодными, хотя вначалѣ цѣлью ихъ было только оказать вѣжливость государю.

А какое обиліе уроковъ добродѣтели разсѣяли гуманисты въ своихъ философскихъ и педагогическихъ сочиненіяхъ, въ письмахъ, рѣчахъ и историческихъ трудахъ? Въ своемъ увлеченіи къ этикѣ древнихъ, особенно къ стоической, они считали себя наставниками человечества; людьми, способными вмѣсто ослабѣвшей церкви принять на себя заботу о высшихъ жизненныхъ цѣляхъ. Тутъ мы можемъ спросить, насколько сами они своимъ образомъ жизни соотвѣтствовали тому

¹⁾ См. выше стр. 35. Книга *De educatione liberorum et eorum claris moribus* послѣ перваго миванскаго изданія 1491 г. часто печаталась, также въ *Vegii Opuscula* въ *Magna Bibliotheca veterum patrum*. Т. XV, Colon. 1622 р. 840 seq. Въ изданіяхъ *Parisiis* 1508 и *Tubingae* 1513 она ошибочно приписывается Франческо Филельфо.

²⁾ Mehus перечисляетъ разныя изданія, но пропускаетъ то, которое у меня: *Leonhardi Aretini de studiis et literis ad illustrem dominam Baptistam de Malatesta tractatus*. Liptzik 1496.

³⁾ См. G. Voigt *Eneae Silvii de Piccolomini Rd.* II. v. 290 ff.

⁴⁾ То, что онъ приводитъ подъ заглавіемъ *de educatione liberorum*, — его главное письмо въ Матвѣю Тривіану отъ 1475 г. у *Rosmini Vita di Filelfo* Т. II р. 463, или сочиненіе *Веджіо*.

возвышенному учению, которое проповѣдывали и словесно, и въ литературѣ. Насколько мы успѣли оглянуть ихъ, сами собою обнаружили намъ ихъ слабости и недостатки, даже страсти и низкія побужденія, притомъ не одни такія, которыя обусловливались ихъ дѣятельностью и положеніемъ въ жизни, а потому могли заслуживать снисхожденія. Мы не будемъ повторять здѣсь того, что сказано раньше. Опредѣлить нравственное состояніе извѣстнаго класса людей уже само по себѣ дѣло трудное. Общій выводъ будетъ приблизительно такой, что гуманисты въ этожъ отношеніи были не хуже, но и не лучше своихъ современниковъ, слѣдовавшихъ иному направленію. Высшее образованіе и видное положеніе въ обществѣ обыкновенно развиваетъ понятіе о чести, но нравственная сила зиждется на иныхъ началахъ. Здѣсь можно говорить только объ одной специальной сферѣ, которая тѣсно связана съ жизнью литераторовъ, и въ которой поклонникъ древности вступалъ въ естественное противорѣчіе съ обычаемъ и моралью христіанства.

Разумѣется, нельзя отрицать того, что дѣятельность гуманистовъ открыла просторъ чувственности. Если они допускали многое въ поэзіи, по образцу древнихъ, и это пользовалось одобреніемъ лучшихъ людей, то начала эти были тѣмъ соблазнительнѣе въ жизни, когда рядомъ съ ними шли смѣлая откровенность и утонченное остроуміе. Притомъ распущенность общественныхъ отношеній далеко не соотвѣтствовала посвященію себя обязанностямъ цѣломудрія. Посвященіе себя церкви было такимъ дѣломъ, къ которому каждый гуманистъ относился по своему. Они большею частію были бѣдны, но имѣли хорошихъ друзей при римскомъ дворѣ и надежную протекцію у сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ. Они особенно любили прибѣгать къ церкви, какъ къ благотворительному учрежденію. Но для этого необходимымъ условіямъ было почти всегда поступленіе въ духовное званіе, чему иные безъ труда покорялись. Одни дѣлались священниками, если чаша жизненныхъ наслажденій была выпита до дна и они хотѣли обезпечить себя подъ старость; другіе принимали по крайней мѣрѣ первое посвященіе, не заботясь о тѣхъ обязанностяхъ, какія оно налагало, и удерживая за собою право снова оставить его, если это было нужно. При бѣдности и не обезпеченномъ положеніи въ жизни, бракъ представлялъ неудобства, тѣмъ болѣе, что закрывалъ духовную карьеру. Но конкубинатъ, на-который смотрѣли снисходительно даже среди духовенства, часто велъ къ распущенности и скандаламъ, какихъ не выносило приличное общество. Гуманисты сами учились и учили другихъ, какъ можно обойти эти затрудненія дерзкою откровенностью и легкомысленнымъ остроуміемъ. Они первые стали обсуждать подобные вопросы, не стѣсняясь вкусами общества. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Лионардо Бруни, по тогдашнимъ понятіямъ, поступалъ безукоризненно: пока онъ служилъ при римскомъ дворѣ и надѣялся на повышение, онъ доволенъ былъ посвященіемъ, тѣмъ болѣе, что оно не стѣсняло его. А когда оставилъ это поприще, то исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе и женился. Филельфо женился рано и былъ женатъ три раза. Мы уже знаемъ его помыслы о духовной карьерѣ. посѣщавшіе его каждый разъ послѣ смерти жены и увлекавшіе мечтою о красной камилавкѣ. Однако въ своемъ завѣщаніи онъ упоминаетъ и о двухъ побочныхъ дѣтяхъ, а у него ихъ, вѣроятно, было гораздо больше ¹⁾. Какъ онъ ни любитъ всячески срамить своихъ враговъ, однако не признаетъ въ своей собственной жизни ничего зазорнаго. Поджіо во время борьбы съ Валлою укорялъ послѣдняго въ томъ, что отъ него забеременѣла служанка его зятя. Всего постыднѣе тутъ было то, что онъ имѣлъ связь съ простою служанкою. А фактъ самъ по себѣ представляется не столь позорнымъ и самому Поджіо, такъ какъ онъ вѣдь понимаетъ дѣйствіе ночнаго мрака и вина. Признаніе же Валлы идетъ еще дальше упрека его противника. По его словамъ, онъ не хотѣлъ жениться, какъ часто ему совѣтовали близкіе, потому что всегда намѣренъ былъ поступить въ духовное званіе. Но его зять и другіе родственники дразнили этого дѣвственника, притомъ человека безстрастнаго, и сомнѣвались въ его способности къ браку. Чтобы доказать имъ, что онъ воздерженъ по убѣжденію, а въ то же время чтобы продолжить свой родъ, готовый прекратиться, онъ пригласилъ отъ этой служанки въ два года троихъ дѣтей ²⁾. Впрочемъ упоминается еще о конкубинѣ, отъ которой онъ имѣлъ сына ³⁾.

Поджіо принялъ первое церковное посвященіе, потому что безъ этого трудно было имѣть успѣхъ при римскомъ дворѣ. А священникомъ онъ не хотѣлъ быть, такъ какъ это ему казалось самымъ тяжелымъ рабствомъ; по его словамъ, онъ не такъ легкомысленъ, чтобы принимать на себя такое бремя, которое потомъ придется влачить всю жизнь. Поджіо не скрывалъ того, что всегда былъ героемъ любовныхъ похожденій и что въ Римѣ у него есть трое побочныхъ дѣтей. Кардиналъ Чезарини, относившійся благосклонно къ гуманистамъ, уговаривалъ его или поступить въ священники, или жениться. Поджіо отдѣлывался шутками. Онъ говорилъ, что не желаетъ постриженія, такъ какъ вмѣстѣ съ волосами человекъ теряетъ совесть и добродѣтель. Кромѣ того, онъ сознаетъ, что его слишкомъ

1) Saxius p. 22.

2) Valla Antid. in Pogium lib IV (Opp. p. 362).

3) Vigerini Elogium Vallae y Georgius Vita Nicolai V d. 207.

3) Poggius epist. I, 11. 12.

шаткая нравственность не соответствует достоинству духовнаго сана. Кардиналъ упрекнулъ его существованіемъ троихъ дѣтей, что неприлично для духовной особы, и притомъ даже не отъ жены, что неудобно даже для мірянина. Поджіо оправдывался тѣмъ, что у него есть дѣти, что вовсе не зазорно для мірянина, а живетъ онъ безъ жены согласно завѣтному обычаю духовенства.—Этихъ первыхъ троихъ сыновей Поджіо отдалъ въ солдаты, т. е. почти на вѣрную тогда гибель. Потому онъ былъ до такой степени вѣренъ конкубинѣ по имени Лючія, что прижилъ съ нею двѣнадцать сыновей и двухъ дочерей. Въ живыхъ оставались еще четверо, когда ему въ 1435 г., къ изумленію друзей, вздумалось жениться. Конкубина была отпущена на всѣ четыре стороны и даже узаконеніе остальныхъ дѣтей отмѣнено ¹⁾. Съ торжествомъ объявилъ 55-ти лѣтній грѣшникъ кардиналу Чезарини о своемъ бракосочетаніи съ Ваджіей: «Богъ былъ милосердъ ко мнѣ, когда я уклонился съ истиннаго пути, по этому теперь щедро десницею изіетъ на меня свое милосердіе, когда я снова вступилъ на этотъ путь ²⁾». Онъ самонадѣянно полагался на то, что онъ опытный ветеранъ въ дѣлѣ обхожденія съ женщинами ³⁾. Дѣйствительно, онъ былъ такъ счастливъ въ супружествѣ, что имѣлъ дѣтей. И теперь еще та увлекательность, съ какою Поджіо умѣетъ говорить обо всемъ подобномъ, примиряетъ насъ съ его прежнею распущенностью, но только мы не должны сопоставлять съ этимъ его, какъ глашатая добродѣтели.

Нѣтъ сомнѣнія, что и тотъ противоестественный порокъ, которому греки дали особое названіе, обнаруживался въ Италіи въ теченіи XV в. не только въ отдѣльныхъ случаяхъ, робко ища мрака, но господствовалъ мѣстами какъ нравственная зараза. Церковь и законодательство, возникшее вмѣстѣ съ нимъ и имъ вызванное, грозили жестоко карать его, заклеили позоромъ и почти искоренили. Но онъ снова вкрался въ новѣйшее общество вмѣстѣ съ эллинскими мѣрами, которые изображали его въ привлекательныхъ формахъ, и съ произведеніями римскихъ поэтовъ, которые относились къ нему легкомысленно и съ увлеченіемъ. Намъ указываютъ на Неаполь, Сіэну и Флоренцію, какъ на главные центры всякой распущенности и противоестественныхъ наслажденій ⁴⁾. Именно въ Неаполѣ св. Бернар-

¹⁾ Valla Antid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 349. 363). Хотя эти послѣднія извѣстія падутъ отъ самаго отвѣвленнаго врага Поджіо, однако это такіе факты, которые трудно выдумать.

²⁾ Poggius epist. II, 6.

³⁾ Epist. XI, 41: ego non tiro in mulierum congressu eram, sed veteranus.

⁴⁾ Anton. Panorm. Hermaphr. epigr. I, 13. Filelfi Satyr. dec. V hec. 10.

дино громилъ своими публичными проповѣдями античный порокъ и возвѣстилъ грѣшникамъ гнѣвъ Божій, который истребитъ ихъ съ лица земли огнемъ, какъ города Содомъ и Гоморру ¹⁾. Первое, чѣмъ гуманисты упрекаютъ другъ друга, это именно этимъ порокомъ. Беккадели обвинялъ въ немъ сѣнскаго грамматика Маттіа Лупи, Филельфо—поэта Порчелло ²⁾, Поджіо—Валлу, Валла—Поджіо и т. д. И здѣсь мы далеко не вполнѣ вѣримъ инвективамъ, но люди чистые нравственно не касаются такой грязи. Поклонникамъ древности вообще приписывались и темныя стороны ея. Это показываетъ обвиненіе, взведенное на Помпонію Лето, а послѣдній, какъ мы знаемъ, приводилъ въ свое оправданіе примѣръ Сократа.

Какъ философія находилась въ постоянномъ взаимодействіи съ нравственностью, такъ и церковь съ богословіемъ. Всѣ гуманисты относились къ богословской наукѣ, какъ ее въ то время понимали, не иначе какъ къ схоластическимъ бреднямъ. Напротивъ къ вѣрѣ они стояли кто ближе, кто далѣе. Тутъ все опредѣлялось характеромъ личности. Насколько были разнообразны индивидуальныя качества гуманистовъ, настолько же разнообразно было и ихъ отношеніе къ христіанству. Мы видѣли между ними людей благочестивыхъ, почти монаховъ, каковы напр. Веджіо и Корраро, но также и вольномыслящихъ, далеко не скромныхъ. Большая часть ихъ не были ни вѣрующими, ни невѣрующими, и это всего яснѣе отражается въ письмахъ, которыми они обмѣнивались между собою. Еще разнообразнѣе было ихъ отношеніе къ церкви, какъ учрежденію. Одни или прямо принадлежатъ ей, занимая должности священниковъ, епископовъ, кардиналовъ и папъ, а другіе обязаны быть осторожными вслѣдствіе своихъ отношеній къ благодѣтелямъ-прелатамъ, наконецъ третьи относятся къ церкви такъ, какъ то внушаютъ имъ фамилные расчеты и завѣтныя общественныя приличія. Ни одинъ изъ старшихъ гуманистовъ не становился въ открытую оппозицію этому учрежденію, но у большинства все таки замѣтно скрытое отчужденіе отъ нея. Весьма понятно, что дѣло не доходило до нападокъ на нее, какъ на блюстительницу христіанскаго ученія. И церковь съ своей стороны не возставала противъ новой науки, охотно принимала ея приверженцевъ

1) *Vespasiano S. Bernardino* § 1. 15-я проповѣдь 2-го тома сочиненій Бернардино говоритъ de peccato Gomorrhoeorum. Нищенствующіе монахи называютъ его этимъ именемъ, или содомією.

2) О Лупи см. томъ I стр. 377. Филельфо противъ Порчелло въ сочиненіи *de iocis et seriis* у Rosmini *Vita di Filelfo* T. III p. 161 — 163: онъ-де учить своихъ учениковъ вмѣсто грамматикъ *paedicandi leges—furis in pueros—paedice unicus etc.* Можетъ быть, Порчелло тотъ *Hypocritus*, который выведенъ въ *Filelfi Satyr. dec. II* нсч. 5.

въ свои нѣдра, или на службу: Монахи, вооружавшіеся противъ древнихъ поэтовъ и ихъ поклонниковъ и осуждавшіе ихъ, были осыпаемы за это насмѣшками и презрѣніемъ, а проповѣдники изъ нищенствующей братіи долго еще были любимыми предметами забавныхъ шутокъ.

Но авторитетомъ, сдерживающимъ умы въ границахъ серьезнаго направленія, всегда бываетъ вѣдь одна какая нибудь связь, хотя и состоящая изъ разнородныхъ нитей. Кто ослабляетъ одну изъ этихъ нитей, тотъ вредитъ всѣмъ. Наука и вѣра, церковь и духовная жизнь, іерархія и монашество были прочно скрѣплены между собою, представляли единое зданіе, возведенное въ теченіе вѣковъ. Нападеніе на ту или на другую часть его всегда было направлено въ то же время и противъ цѣлаго.

Богословская наука, какъ ее разрабатывали въ университетѣ, уже не производила возбуждающаго дѣйствія. Тамъ еще пользовались славою великія имена Гуго де С. Виктора, Александра Гальскаго, Θомы Аквинскаго, Николая изъ Лиры. Въ сочиненіяхъ гуманистовъ о нихъ едва ли упоминается хоть разъ, а если упоминается, то какъ о знаменитостяхъ особаго рода. Дальнѣйшая разработка науки въ ихъ направленіи была уже невозможна. Ихъ «суммы» или систематическіе своды разъяснялись вновь, и къ ихъ толкованіямъ прискивались новыя. Разсуждали о Богѣ и о согласимости Его различныхъ свойствъ, о крови Иисуса Христа, о Святой Троицѣ и другихъ подобныхъ предметахъ. Много хлопотали надъ придумываніемъ трудныхъ вопросовъ, чтобы рѣшить ихъ съ помощью школьнаго остроумія. А гуманисты только улыбались и забавлялись надъ всѣмъ этимъ. Далѣе, во время такъ называемыхъ преобразовательныхъ соборовъ, богословіе тѣсно примкнуло къ каноническому праву. Въ полемическихъ сочиненіяхъ той эпохи рѣчь идетъ не о догматахъ, а объ органахъ и строѣ церкви, объ ихъ взаимномъ отношеніи и правахъ. Гуманисты приняли участіе въ борьбѣ церковныхъ партій, писали по порученію своихъ государей политическіе трактаты и инвективы. Но имъ гораздо больше не по душѣ былъ подобный споръ, чѣмъ споръ о Сципіонѣ и Цезарѣ, или о народномъ языкѣ древнихъ римлянъ. Тамъ, гдѣ они стаивались съ богословіемъ, ученіемъ церкви и самою церковью, мотивы столдновеній были постоянно личные.

Въ юные годы Петрарка, правда, выступилъ противъ раскола, или Авиньонскихъ папъ, но тѣ бенефиціи, которыя онъ получалъ отъ нихъ, все болѣе и болѣе умиротворяли его. Онъ боролся съ аверроистами не потому, что они выступали врагами вѣры или церкви, а потому что были его личными врагами. Съ тѣхъ поръ онъ энергически выработывалъ въ себѣ христіанина. Но и помимо этого

рвенею направилъ, на которую привелъ его помысливъ, достигая тельно, онъ лично былъ ближе къ Евангелію, чѣмъ его послѣдователи. Такъ какъ поэтъ хотѣлъ стоять выше толпы не только какъ писатель, но и какъ міровой мудрецъ, то для усовершенствованія его личныхъ достоинствъ ему нуженъ былъ и христіанскій элементъ. Но въ гордомъ сознаніи своего исключительнаго положенія онъ усвоивалъ себѣ тѣ истины христіанства, которыя могъ согласить съ античною мудростью. Между учителями Церкви онъ выбралъ себѣ любимцемъ—блаженнаго Августина. А къ новому богословію, создавшему строгую систему, онъ относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, оставаясь равнодушнѣмъ къ святымъ и чудесамъ, къ вѣрѣ народной и церковной. Онъ не нападалъ на нихъ, потому что предоставлялъ ихъ презираемой толпѣ, но не былъ христіаниномъ въ духѣ своего времени ¹⁾).

Приверженецъ его Боккачіо никогда не посягалъ на достиженіе философской высоты. Онъ смиреннѣе Петрарки превлоняется предъ богословіемъ и церковью. Лишь въ молодые годы, когда онъ какъ бы прикрывался величіемъ наставника, онъ иногда пытался идти по слѣдамъ его. Нѣкоторые богословы презрительно отзывались о чтимой имъ поэзіи, упрекая ее въ язычествѣ и распущенности. За это онъ мстилъ имъ нападкама на ихъ науку. По словамъ Боккачіо, они хотять придать себѣ особое значеніе тѣмъ, что говорятъ возвышенно и темно о возвышенныхъ и темныхъ предметахъ, напр. о томъ, какъ можно приписывать три лица единому Богу, можетъ ли Богъ создать существо, подобное Ему, почему Онъ не сотворилъ міръ нѣсколькими тысячелѣтіями раньше и т. под. Если что либо говоритъ по этому поводу другой, то они только пожимаютъ плечами, надменно улыбаются и отдѣлываются пустыми замѣчаніями. А потомъ сами пускаются въ длинныя и туманныя разглагольствія, и думаютъ, что такимъ страннымъ путемъ достигаютъ высотъ богословія. Или Боккачіо рассказываетъ про одного маститаго богослова, отличавшагося ученостью и святостью жизни, который во Флоренціи съ каедрой объяснялъ массѣ слушателей Евангеліе отъ Іоанна, и при этомъ какъ-то завелъ рѣчь о поэтахъ. Онъ тутъ такъ сильно воодушевился, что лицо его пылало, глаза блистали и голосъ гремѣлъ. Онъ всячески завѣрялъ, что никогда не видалъ, да и не желаетъ видѣть ни одного поэтического произведенія ²⁾).

И Боккачіо, пока не сдѣлался съ лѣтами осторожнѣе, любилъ пошутить съ богами эллиновъ и подвергалъ повѣствованія Ветхаго Завета

¹⁾ См. томъ I стр. 80—86.

²⁾ Boccattius de geneal. deorum lib. XIV cap. 3. 15.

такому же толкованію, какъ и древніе языческіе миѡы. Но при этомъ онъ всегда оставался истиннымъ, хотя не особенно усерднымъ, христіаниномъ, столь же религиознымъ, какъ и другіе флорентинцы, воспитанные въ правилахъ приличія. Поэтъ никогда не отзывался непочтительно о христіанскомъ ученіи и, безъ сомнѣнія, всегда съ благоговѣніемъ исполнялъ церковные обряды, особенно съ тѣхъ поръ, какъ старость и недуги стали удручать его тѣло, а слишкомъ непристойныя сочиненія тяготить душу его. Даже богословіе для Боккаччо теперь—царь наукъ, и онъ старался освоиться съ его трудными вопросами и варварскими терминами, когда объяснялъ Божественную комедію, или скромно предоставлялъ подобныя вещи ученымъ богословамъ, заявляя, что онъ слишкомъ высоки для его ума ¹⁾.

Первый, кто безъ страха вступилъ въ борьбу съ церковью, былъ С а л ю т а т о, человекъ права вовсе не пылкого и не задорного, но открытый и прямой. Не смотря на свою любовь къ классической литературѣ и философіи, онъ не былъ язычникомъ, какъ отзывались о немъ, и не хотѣлъ вступать въ разладъ съ церковнымъ ученіемъ. Но жизненный опытъ и размышленіе развили въ немъ стоическія убѣжденія, и онъ нашелъ, что лучшія ученія древнихъ согласны съ христіанствомъ, которое жило въ немъ, какъ простая вѣра въ Бога и искупленіе. Вполнѣ безупречная жизнь, дѣлавшая честь ученію стоиковъ, прочное положеніе въ жизни, закаленный характеръ, ясный взглядъ, чуждавшійся всего призрачнаго и мелочнаго, обезпечивали его отъ нападокъ, направленныхъ противъ мыслителей и поэтовъ древности и противъ него лично. Именно во Флоренціи подобныя ученія занятія были дѣломъ моднаго образованія и, безъ сомнѣнія, обнаруживали свое вліяніе и на богословской почвѣ. Уже на собраніяхъ въ Санто Спирито примѣняли аллегористическую методу объясненій, испытанную на изученіи римскихъ поэтовъ, и къ толкованію Св. Писанія, и Салютато былъ самымъ виднымъ представителемъ этого направленія ²⁾. Поэтому-то во Флоренціи монашество и вооружилось противъ этихъ языческихъ порывовъ.

Самымъ раннимъ борцомъ былъ доминиканецъ Д ж і о в а н н и д а Д о м е н и к о, человекъ изъ группы строго-церковныхъ новаторовъ, считавшійся въ то же время весьма ученымъ богословомъ. Въ качествѣ народнаго проповѣдника онъ умѣлъ трогать сердца своимъ громовымъ голосомъ. Его дѣятельность признавалась плодотворною и во Флоренціи, гдѣ онъ былъ въ санѣ викарія монастыря S. Maria Novella, и лица,

¹⁾ См. томъ I. Hortis Studj s. opere lat. del Boccaccio p. 475. Küring Boccaccio s. 365 ff.

²⁾ См. томъ I стр. 159.

стоявшія во главѣ университета, поручили ему толкованіе Св. Писанія. Синьорія ходатайствовала объ этомъ у генерала ордена предикантовъ. Салютато тоже принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ, потому что писалъ посланія и расточалъ похвалы замѣчательному проповѣднику ¹⁾. Честолюбіе, таившееся въ душѣ этого монаха, обнаружилось уже впоследствии, съ тѣхъ поръ какъ Григорій XII, въ 1408 г., велъ его въ кардиналы и назначилъ архіепископомъ пагузскимъ. Правда, первую должность онъ принялъ такъ же, «какъ Христосъ терновый вѣнецъ», съ намѣреніемъ, искоренивши расколъ, «снова возвратиться въ скромную обитель Св. Доминика» ²⁾. Но тогдашнее вліяніе его во Флоренціи внушило ему мысль смѣло выступить противъ поклонниковъ древности и Петрарки и ратовать противъ образованія юношества на чтеніи *Virgilia* и *Ovidia* ³⁾. Онъ написал сочиненіе *Lucula postis* противъ тѣхъ, которые съ слѣпою горячностью предавались изученію языческихъ наукъ и чрезъ это впадали въ пренебреженіе религіей. Главнымъ образомъ онъ возставалъ противъ Салютато, который въ своей дидактической поэмѣ *de fato et fortuna* проповѣдывалъ подобныя опасныя теоріи. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни этой поэмы, ни полемическаго сочиненія брата Джованни; намъ даже неизвѣстно, отвѣчалъ ли ему Салютато.

Канцлеръ республики уже и въ старости вынужденъ былъ, въ продолжительной полемикѣ съ однимъ младшимъ раторборцемъ монашества, оправдывать еще свою любовь къ римскимъ поэтамъ и изученію ихъ, которое онъ съ такою готовностью поощрялъ во Флоренціи. То былъ братъ Джованни да Салви Минато, камальдулъ обители *Sancta Maria degli Angioli* во Флоренціи, той самой, изъ которой вскорѣ вышелъ Траверсари. Сначала онъ старался отвлечь отъ языческихъ наукъ самого Салютато, а потомъ молодаго друга его, Аньоло Корбинелли, и навѣвалъ чтеніе поэтовъ идолопоклонствомъ, пагубнымъ для души. Салютато, выступивъ противъ него, не удовольствовался одною защитой, какъ дѣлали Петрарка и Боккаціо. Онъ въ свой чередъ нападалъ на богословіе и монашество. Канцлеръ видѣлъ сущность поэзіи въ томъ, что она прикрываетъ глубокой смыслъ аллегорическою формою; говорилъ, что и св. Писаніе, конечно, божественно по своему содержанию.

¹⁾ Оба посланія синьорія отъ 2 июня 1403 г. у *Giovanni Dominici Regola del governo di cura familiare* ed. Salvi p. 237. 238.

²⁾ Его посланіе отъ апрѣля 1408 г. *ibid.* p. 190. Leon. Bruni. *epist.* II, 19 строчка отъывается о немъ.

³⁾ См. выше Въ письмѣ, сообщенномъ Salvi Prefaz. p. CXLIX, онъ говоритъ: *Nè la tromba di Tullio, nè la vivola di Virgilio col liuto del Petrarca non potrebbono farmi avere altra fama ch'io m'abbi; nè nolla voglio. Jo rifiuto che i tristi linguacciutti dicano bene di me.*

нію, но по языку и способу выраженія—не что иное, какъ поэзія; что таинственный смыслъ древнихъ поэтовъ замѣчательно согласуется съ богословскими истинами Писанія. По его словамъ, и въ св. Писаніи, Богъ бесѣдуетъ съ человѣкомъ, равно какъ и у поэтовъ; но это слѣдуетъ понимать символически. Если нѣкоторыхъ поэтовъ упрекаютъ въ непристойности содержанія, то въ св. Писаніи найдется также много неприличныхъ повѣствованій, какъ напр. о Лотѣ, Вирсавіи и друг. А Пѣснь пѣсней гораздо соблазнительнѣе всего, что можно встрѣтить у языческихъ поэтовъ. Можно правдиво ходить по стезямъ Господа, ища истины и у нихъ или въ другихъ языческихъ сочиненіяхъ. Люди, вступившіе въ орденъ, часто дальше отъ Бога, чѣмъ тѣ, кто вращается среди мірскихъ искушеній. Послѣднихъ нельзя упрекать въ томъ, что они стремятся къ суетной славѣ. Монахъ своею простою жизнью приноситъ пользу только себѣ самому, а онъ, Салютато, своими учеными занятіями хочетъ быть полезенъ не только себѣ, но и другимъ, и даже потомству. Который изъ нихъ ближе къ цѣли, вѣдаетъ одинъ Богъ ¹⁾. Салютато постоянно говоритъ тономъ серьезнаго стремленія къ истинѣ. Повторяемъ, онъ брался за перо для полемики только тогда, когда его вызывали на это фанатики клерикалы. Въ пылу подобной борьбы онъ увѣряетъ, что въ его время водились такіе глупые богословы, которые даже осуждаютъ и сочиненіе блаженнаго Августина «О градѣ Божіемъ» за то, что авторъ ссылается въ немъ на Виргилія и на другихъ поэтовъ ²⁾.

Но подобныя фанатическія нападки монаховъ вскорѣ стали считаться нелѣпыми и устарѣлыми. Поборники ихъ въ той же степени стали рѣже, въ какой гуманисты дѣлались смѣлѣе. Лишь по временамъ слышались возгласы братьевъ-блюстителей ордена св. Франциска въ народныхъ проповѣдяхъ или небольшихъ сочиненіяхъ. Борьба съ ихъ стороны была тѣмъ бесплоднѣе, что лица авторитетныя и занимавшія высокое положеніе въ духовенствѣ не поддерживали ихъ. Университеты совсѣмъ почти не возставали противъ нарождавшагося вездѣ язычества. Глава церкви и прелаты больше вѣка равнодушно смотрѣли на дѣятельность новыхъ поэтовъ. Церковные сановники направили всѣ силы свои противъ ораторовъ базельскаго собора, требо-

1) Письмо Салютато къ брату Джованни *epist.* 26. ed. Mehus. Въ немъ онъ говоритъ, какъ всегда томился *cupiditate sciendi communicandique, sicut alii nobis suisque temporibus profuerunt, sic aliquid et ego prodessem: Tu, quod sanctae rusticitatis est, solum tibi prodes: ego mihi prodesse conor et aliis.* О большомъ полемическомъ сочиненіи см. томъ I стр. 195. Оно написано нѣсколькими годами поздиѣ письма. Здѣсь я соединилъ содержаніе обохъ.

2) Объ этомъ сочиненіи противъ Джуліано Зеннарини, канцлера города Болоньи, упоминаетъ Mehus *Vita Ambros. Travers.* p. 292.

церкви и подобных же стремлений германских сеймовъ, противъ ученія Виклифа и гусситской ереси, а съ поклонниками Цицерона находились въ дружественныхъ отношеніяхъ. Люди равнодушные и невѣрующіе во всѣ времена казались церкви менѣе опасными, чѣмъ дерзкіе еретики, которые утверждали, что лучше понимаютъ извѣстную часть писанія, или колебали основы іерархическаго зданія. Новые поэты и философы не выражали никакихъ закоренѣлыхъ заблужденій. Они вообще не воодушевлялись вѣрою, не интересовались душеспасительнымъ назначеніемъ церкви. Ни одинъ изъ гуманистовъ не желалъ мученическаго вѣнца, ни одинъ зато и не взомелъ на костерь. Если дѣло шло объ ораторскомъ искусствѣ или о лести папамъ, кардиналамъ или государямъ, то языческое краснорѣчіе могло съ восторженною напыщенностью прославлять и вѣру и церковь. Почему же въ такомъ случаѣ не предоставить классической арены этимъ стихотворцамъ и ораторамъ?

Вскорѣ привыкли смотрѣть на увлеченіе язычествомъ, какъ на невинное пристрастіе, котораго не слѣдуетъ строго карать, чтобы не подвергнуться осмѣянію. Кому была охота поднимать шумъ изъ-за того, что восторженный ораторъ употреблялъ римскую форму клятвы? Кто могъ обвинять его въ многобожїи, если онъ вмѣсто призванія единаго Бога говорилъ иной разъ: вы, боги! Кто могъ укорять въ безбожїи поэта, если онъ олицетворялъ плотское вожелѣніе въ формѣ амура или Венеры и вмѣсто Божіей благодати просилъ милости у Аполлона и музъ? Кто рѣшился бы требовать къ допросу философа, если онъ говорилъ о Фатумъ и Фортунѣ вмѣсто Божественнаго Промысла и приводилъ изреченіе Цицерона рядомъ съ словами Апостола Павла? Кто могъ серьезно негодовать на страннаго мечтателя Чириако анконскаго, за то, что онъ выбралъ своимъ патрономъ Меркурїя и при отъѣздѣ съ острова Делоса обратился къ нему съ писанною молитвою ¹⁾?

Правда, это легкомысленное остроуміе часто доходило до той черты, на которой язычество уже не согласуется съ христіанскимъ ученіемъ и гдѣ извиненіемъ можетъ служить лишь поэтическая вольность. Въ кружкѣ Никколи хвалили Варрона за то, что онъ написалъ такъ много книгъ изящнымъ слогомъ объ религіозныхъ идеяхъ язычниковъ, и вовсе не скрывали той мысли, что его можно предпочесть философамъ церкви и учителямъ католической вѣры. Идеи его слыли гораздо вѣрнѣе церковныхъ. На чудеса святыхъ не обращали никакого

¹⁾ Cino Rinuccini *Invectiva* въ *Paradiso degli Alberti* Vol. I P. II p. 303.

вниманія. Во Флоренціи всѣ знали это, однако Никколи не считался язычникомъ. Филельфо въ одномъ стихотвореніи обращался къ папѣ Николаю какъ къ человѣку, который охраняетъ «тронъ Юпитера Олимпійскаго». Когда онъ поздравлялъ одного друга со вступленіемъ въ бракъ, то съ наивною смѣлостью утверждалъ, что всѣ другія таинства основаны на человѣческихъ законахъ и обычаяхъ, только бракъ установленъ самимъ Богомъ въ раю, какъ таинство ¹⁾. Эней Пикколомини былъ уже епископомъ сіенскимъ, когда писалъ назидательно объ одномъ умершемъ: «Онъ осушаетъ чашу нектара и пьетъ сокъ виноградной лозы въ царствѣ Отца не съ тѣмъ Юпитеромъ, котораго ослабленная древность считала высшимъ существомъ, а со Христомъ и Богомъ». Въ томъ же письмѣ онъ называетъ Бога высшимъ цѣлителемъ всѣхъ недуговъ, а «если повѣрить Сенека, то богъ вѣдь каждый самъ для себя ²⁾».

Въ этихъ поэтическихъ украшеніяхъ былъ, пожалуй, и серьезный элементъ. Кто навязъ забавлялся съ греческими богами и съ римскими поэтами и философами, тотъ, конечно, утрачивалъ пониманіе строгихъ формъ вѣры и искренней религіозности. Какими глазами смотрѣлъ Поджіо на мученическую смерть Іеронима Пражскаго! Онъ одинаково чуждъ понятія о страдальцѣ за вѣру и объ еретикѣ. Онъ видитъ въ Іеронимѣ стоика, который равнодушно, даже съ презрѣніемъ, идетъ на смерть, и сравниваетъ его съ Сократомъ, Муціемъ Сцеволю и Катонемъ младшимъ, удивляется его краснорѣчію, когда онъ говоритъ передъ отцами Собора, и находитъ, что оно приближается къ античному. Гуманистъ не хочетъ рѣшать вопроса о томъ, дѣйствительно ли этотъ человѣкъ еретикъ, достойный смерти. Поджіо предоставляетъ это тѣмъ, «кто умнѣе его», именно богословамъ, но не скрываетъ своего сомнѣнія. Такъ онъ писалъ объ этомъ своимъ итальянскимъ друзьямъ, Франческо Барбаро и Бруни, и послѣдніе удивлялись—изящному слогу его письма, хотя Бруни находилъ, что въ немъ замѣтно сильное пристрастіе къ еретику, и желалъ, чтобы на будущее время онъ выражался по этому поводу обдуманнѣе ³⁾. Но такіе люди, какъ Поджіо, уже отвыкли бояться духовныхъ властей. Если стражи правовѣрія были нѣкогда склонны наказывать своихъ надменныхъ враговъ, то легкомысленные гуманисты избѣгали инквизиціи какъ неуязвимые насмѣшники. Валла увѣрялъ въ своей глубокой преданности матери Церкви, а втайнѣ смѣялся.

При такомъ настроеніи умовъ нельзя ожидать, чтобы гуманисты серьезно занялись богословіемъ. Только Антоніо да Ро оказалъ

1) Его письмо къ Федерико Корнеліо отъ 15 октября 1439 г.

2) Письмо къ Пьеро да Ночето отъ 7 мая 1456 г.

3) Poggius epist I, 2 ed. Tonelli. Leon. Bruni epist. IV, 9 rec. Mehus.

указу, увѣдомилъ разговорщикъ о своемъ удивленіи въ Миланѣ: но онъ былъ, действительно, богословъ, а грамматика стояла у него на второмъ планѣ¹⁾. Другихъ прельщала мысль выставить свое знаніе языковъ противъ богослововъ, даже на зло имъ. Для Валлы было истиннымъ наслажденіемъ дать почувствовать свое превосходство богословамъ на ихъ собственной почвѣ, послѣ того какъ они осердились на него за сочиненіе *O дарѣ Константина*. Такъ онъ поступаетъ въ разговорѣ о заслугахъ монашеской жизни и въ сочиненіи *O свободной волѣ*, направленномъ въ сущности противъ авторитета Боэція. Къ работѣ надъ принятымъ Церковью переводомъ Новаго Завѣта его сильно подстрекало то обстоятельство, что его критика трудовъ блаженнаго Иеронима сильно вооружила противъ него рутинныхъ богослововъ²⁾. Полное удовольствіе доставило ему уже доказательство, что списокъ Библии, выдаваемый въ Римѣ за рукопись самого Иеронима и всегда показываемый при свѣчахъ, оказалась переписанною по волѣ короля—Валла предполагаетъ Роберта Неаполитанскаго — человѣкомъ невѣжественнымъ. Только ради роскошныхъ украшеній ее принимали за святыню³⁾.

Но у Валлы была здравая и смѣлая мысль исправить текстъ по греческому подлиннику и отнестись къ нему съ приѣмами филолога, — мысль, всю важность которой понялъ только Эразмъ и воспользовался ею для преобразования богословской экзегезы. Противники Валлы любили упрекать его въ томъ, что онъ хотѣлъ только придаться къ Иерониму и указать его ошибки, но трудъ его пользовался успѣхомъ у современниковъ. Кардиналъ Виссаріонъ принималъ даже участіе въ немъ, безъ сомнѣнія — помогая Валлѣ своимъ совершеннымъ знаніемъ греческаго языка. Кардиналъ Куза считалъ эту книгу ключемъ къ основательному пониманію св. Писанія и желалъ имѣть копию⁴⁾. Отъ него получилъ ее и папа Николай V, и чтеніе рукописи нисколько его не возмутило. Слѣдовательно, были люди, занимавшіе высшее положеніе, которые не оспаривали у знатока языковъ права вступать и на почву богословія.

Мысль о провѣркѣ такъ же и Ветхаго Завѣта по первоначальному тексту, вѣроятно, принадлежитъ Никколи. Онъ уговаривалъ Поджіо для этой цѣли учиться еврейскому языку, и, дѣйствительно, послѣдній подѣ

¹⁾ См. томъ I стр. 465—466.

²⁾ Только изъ шуточного вызова Поджіо, издать ихъ, если онъ не боится кюстра, вывели заключение, что онъ срывалъ обѣ книги *de collatione novi testamenti*. Но Валла прямо указываетъ на нихъ въ *Invectiva in Barth. Facium lib. IV* (Opp. p. 623), Хорошая оцѣнка этого сочиненія у Vahlen Lorenzo Valla s. 208 ff.

³⁾ *Invest. in Facium l. c. p. 786.*

⁴⁾ *Quoniam multum mihi placet et utilis est pro intellectu sacrae scripturae, nescialъ онъ Валлѣ. См. его Antid. in Pogium lib. IV* (Opp. p. 340).

Германи. и онъ исходилъ отъ недоверія къ тексту Иеронима ¹⁾, но не оказалъ большихъ успѣховъ по этой части. Правда, Лионардо Бруни впоследствии признавалъ ознакомленіе съ еврейскимъ языкомъ лишнимъ, такъ какъ все, что есть хорошаго на этомъ языкѣ, давно уже переведено на латинскій, а также потому, что значило бы недоувѣрять блаженному Иерониму, если захочешь понимать Библію лучше его. Онъ говорилъ объ этомъ точно такъ же, какъ Лишица о виноградѣ ²⁾. Но потомъ Манетти вознамѣрился вновь перевести съ подлинниковъ и Ветхій, и Новый Заветы. Онъ, дѣйствительно, былъ вполне подготовленъ къ этой работѣ и вообще знакомъ съ богословіемъ. Онъ находилъ, что при дворѣ Николая V у него достаточно свободнаго времени; но только при дворѣ Короля Альфонса перевелъ Новый Заветъ, а изъ Ветхаго псалмы, да и эти труды, подобно большинству его сочиненій, остались неизвѣстными ³⁾.

Гуманисты сознавали, что они составляютъ рѣзкую противоположность съ правовѣдѣніемъ и съ сословіемъ юристовъ вообще. Быть можетъ, эта противоположность зависѣла отъ противоположности взглядовъ: человеку, идеалы котораго кроются или въ давно минувшей эпохѣ, или въ воображаемомъ будущемъ, трудно примириться съ тѣмъ, чьи мысли и дѣятельность принадлежатъ настоящему и повседневной жизни. Сами гуманисты признавали, что для юридическихъ занятій требуются опытные люди и что только наука создаетъ ихъ. При этомъ основа гражданскаго права, изучавшагося и примѣнявшагося въ Италіи, коренилась въ той же римской древности, изъ которой почерпали свою ученость философы и гуманисты. Последнихъ раздѣляла отъ юристовъ не наука, а положеніе въ жизни, сословные взгляды. Если ораторъ и поэтъ нападаютъ или на профессора права, или на юриста-практика, то въ обоихъ случаяхъ недостаточно объяснять все дѣло завистью. Въ гражданской жизни юристы играли главную роль: большинство ихъ были обеспечены, какъ нотаріусы, адвокаты и чиновники: «они сидѣли рядомъ съ государями и были придворными оракулами». Въ университетахъ они играли первую роль: они часто водворялись въ нихъ пожизненно, или ихъ приглашали съ повышеніемъ жалованья изъ одного университета въ другой. Кромѣ того они обогащались отъ дачи совѣтовъ и веденія процессовъ. Никколо Тудески, знаменитость по каноническому праву, получалъ въ Болоньѣ 800 скуди, а Флоренція и Падуя вели борьбу изъ за него; напоследокъ онъ сталъ

1) Quia morem Hieronymi in transferendo cognovi. Poggius epist. I, 1 ed. Tonelli.

2) Bruni, epist. IX, 12 ed. Mehus.

3) Vespasiano Comment. di Manetti p. 91.

архиепископом падермским¹⁾. Въ Падуѣ въ 1400 г. платили знаменитому Джіованни да Имола, а въ 1430 г. незначительному Паоло да Кастро, тоже по 800 дукатовъ²⁾. Напротивъ, Валла преподавалъ въ Павіи краснорѣчіе за 50 золотыхъ гульденовъ, а Лауро Квирино въ Падуѣ реторику и нравственную философію за 40³⁾. Когда Филельфо назначили во Флоренціи 300, а потомъ 350 дукатовъ, то это было исключеніемъ⁴⁾. Въ образѣ жизни прославленный юристъ стоялъ настолько же выше знаменитаго гуманиста, насколько государь выше школьнаго учителя.

При этомъ животворный духъ настолько же отлетѣлъ отъ изученія права, насколько онъ пробудился у гуманистовъ. Древніе источники римскаго права были больше затемнены, чѣмъ разъяснены глоссами, а къ глоссамъ присоединились еще толкованія знаменитыхъ преподавателей права, и такимъ образомъ постоянно накоплялась масса запутанныхъ ссылокъ и указаній, опредѣленій къ опредѣленіямъ, раздѣленій и различій, исключеній, возраженій и т. п. Это уже не была эпоха Чино, Бартоло и Балдо, но наслѣдіе ихъ легло на науку тяжелымъ бременемъ. Немногіе, съ неутомимымъ трудолюбіемъ овладѣвавшіе этою массою учености и внесшіе въ нее нѣкоторый порядокъ, считались великими юристами того вѣка.

Весьма понятно, что люди, всю жизнь корпѣвшіе надъ разными глоссами и т. п., не производили сильнаго впечатлѣнія на героевъ краснорѣчія и изящества. Ихъ любили избирать мишенью насмѣшекъ. Уже Петрарка считалъ кичливымъ глупцомъ канониста Джіованни д'Андреи, свѣтило Болоньи. О знаменитомъ Бартоло рассказывали, что ему приходилось каждый день взвѣшивать себѣ пищу, чтобы поддержать въ равновѣсіи и свой мыслительный механизмъ. Эней Пикколomini однажды посѣтилъ въ его домѣ въ Имолѣ, Джіованни да Имола, который комментировалъ весь *Congrus iuris* и столько лѣтъ былъ гордостью Болоньи. Это былъ человекъ, которому все на свѣтѣ было чуждо кромѣ того, что онъ писалъ самъ: лучше бы никогда не видать его⁵⁾.

Новое образованіе, почерпаемое изъ древности, большею частію оставалось чуждо юристамъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Чино, потомъ Маріано Содзини изъ Сіэны, Франческо д'Акольти и его братъ Бенедетто, Като Сакко, другъ Филельфо, Силано

1) См. томъ I стр. 328.

2) Savigny Gesch. des röm. Rechts im Mittelalter Bd. VI 2 Ausg. S. 278. 288.

3) Zumpt (см. томъ I стр. 436. примѣч. 4) по Поджіали. Томъ I стр. 436.

4) Aeneas Sylvius de vir. clar. XIX.

5) Aeneas Sylvius de vir. clar. XIX.

Негро, дѣйствительно, любили изящную латынь и философію Цицерона и писали, даже стихи на тосканскомъ нарѣчїи. Но подобныя занятія были для нихъ забавою въ часы отдыха и не имѣли никакого вліянія на ихъ науку. Гуманистика не сливалась у нихъ съ юридическими знаніями. Никому изъ упомянутыхъ нами лицъ не приходило въ голову преобразовать свою науку путемъ прямаго изученія источниковъ или ввести въ изученіе права римскую древность, которая теперь всесторонне изслѣдовалась. Они не замѣчали застоя въ своей отрасли. Бенедетто Аккольти, основательный знатокъ гражданского права, вмѣстѣ съ тѣмъ поклонникъ древности и краснорѣчїя, все таки не сознавалъ, что у нихъ есть одна общая цѣль. Онъ признаетъ, что древніе юристы, по красотѣ рѣчи, стояли выше новыхъ, но находитъ, что новые превосходятъ ихъ ученостью и остроуміемъ; къ тому же новые расширили область юриспруденціи введеніемъ каноническаго права ¹⁾. Если въ этихъ взглядахъ и есть доля истины, то все таки они дѣлали невозможнымъ соглашеніе съ гуманистами.

Нерѣдко случалось, что молодые люди, увлекавшіеся культомъ гуманныхъ наукъ, потомъ однако принимались за изученіе права, какъ за болѣе выгодное ²⁾. Съ другой стороны самые выдающіеся гуманисты въ молодые годы болѣею частію по принужденію занимались юридическими науками. Таковы Петрарка, Боккачіо, Салютато, Бруни, Веджіо, Беккаделли и Пикколомини. Увлеченные чарами поэзїи, они потомъ оставили юридическія занятія и, какъ отступники, сохранили въ большей или меньшей мѣрѣ ненависть къ навязанной имъ наукѣ. Кто разъ былъ увлеченъ свѣжимъ вліяніемъ гуманизма, тому стала противна эта возня съ сухими формами и формулами, связь которыхъ съ жизнью вполнѣ исчезла изъ сознанія. Прежняго учителя или товарища, въ подражаніе Цицерону, называли *leguleius*, такъ какъ не хотѣли признавать за нимъ почетнаго званія юрисконсульта.

Петрарка первый порицалъ юриспруденцію какъ науку, рассчитанную лишь на приобрѣтеніе денегъ, и смотрѣлъ съ презрѣніемъ на ея ученую обработку и на практику юристовъ, съ высоты своего нравственно-философскаго престола ³⁾. Съ тѣхъ поръ какъ онъ положилъ сѣкиру у дерева, едва ли хоть одинъ изъ его послѣдователей не нападалъ на юристовъ. Его примѣру вскорѣ послѣдовалъ Боккачіо, который постоянно наноситъ лишь какъ бы добавочные удары тамъ, гдѣ его наставникъ первый началъ борьбу. По волѣ отца сво-

¹⁾ Ben. Accolti *Dialogus* ed. Galletti p. 123. Объ автор. см. Poggius *epist.* VI, 8 ed. Tonelli.

²⁾ См. политическія письма у Wattenbach *Benedictus de Pileo* s. 114.

³⁾ См. томъ I стр. 75, 76.

его онъ потерялъ шесть лѣтъ на изученіе права, прежде чѣмъ на-
шелъ дорогу на Геликонъ и началъ терпѣть нужду. Поэтому его нена-
висть къ юристамъ была еще глубже, чѣмъ ненависть Петрарки. У древ-
нихъ, по его словамъ, правомъ завѣдывали серьезные люди, посвящен-
ные въ великія тайны философіи. Теперь спозаранку приводятъ
дѣтей на ту арену, гдѣ позорится право, чтобы они поскорѣ усво-
или себѣ страсть къ наживѣ. Юристы много разглагольствуютъ съ
каеэдры и признають бесполезнымъ ученіе философовъ о справедли-
вости, которымъ послѣдніе хотять исправить челоуѣка. Это люди же-
стокосердые, безстыдные, распущенные; они затягивають процессы
своимъ крючкотворствомъ. Онъ особенно сердится на юристовъ за
ихъ шарлатанство, когда они, одѣтые въ пурпурныя мантии и сопро-
вождаемые толпою кліентовъ, смотрять свысока на бѣднаго поэта,
какъ на жалкаго нищаго. Но всѣ они, эти гордые преподаватели
правъ и предсѣдатели судовъ, по словамъ Боккачю, страдаютъ од-
нимъ порокомъ,—низкимъ сребролюбіемъ. Не тяготѣють ли на ихъ ре-
меслѣ слезы бѣдныхъ, которыхъ они губять своими продажными
рѣчами? Однако онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что имена ихъ, не смотря
на роскошное платье, прикрывающее ихъ тѣло, умрутъ вмѣстѣ съ
ними, тогда какъ имя поэта будетъ жить вмѣстѣ съ его произве-
деніями ¹⁾).

О Салютато мы знаемъ только то, что онъ разсматривалъ въ
одномъ трактатѣ старый спорный вопросъ, слѣдуетъ ли отдать пре-
имущество юриспруденціи или медицинѣ ²⁾). Какъ челоуѣкъ, вращав-
шійся въ сферѣ государственной дѣятельности и вообще не любившій
теоретическихъ нападокъ, онъ едва ли затрогивалъ какую либо отрасль
науки или какое либо сословіе, безъ котораго нельзя было обойтись и
которое было не замѣнимо. Насколько сохранились его письма, въ
нихъ нѣтъ слѣда подобной полемики. Онъ, вѣроятно, желалъ одного:
чтобы и юристы знали философію и краснорѣчіе. Напротивъ Ліонар-
до Бруни, питомецъ его, съ презрѣніемъ отзывался объ юридиче-
скихъ наукахъ, которыя когда-то были навязаны и ему. По его
словамъ, гуманныя науки совершенствуютъ и облагораживаютъ че-
лоуѣка. Этому не можетъ содѣйствовать знаніе права. Для образова-
нія все равно, будемъ ли мы, или не будемъ знать, какія были права

¹⁾ Boccacii de casibus illustr. viror. libri novem Parrhis s. a. fol. 29, гдѣ дискурсъ
in leguleos imperitos примыкаетъ къ разсказу о децемврѣхъ Аппіи Клавдіи. De geneal.
deor. lib. XIV cap. 4.

²⁾ De nobilitate legum et medicinae отъ 10 августа 1399 г. у Bandini Catal. codd.
lat. T. III p. 162 и у Mehus при его изданіи писемъ Praef. p. LXXXII. Трактатъ
этотъ будто бы напечатанъ также Venetiis 1542 г.

относительно отвода дождевой воды, принадлежалъ ли сынъ рабыни къ собственности господина, нужны ли были непременно семь свидѣтелей при составленіи завѣщанія. На него наводилъ скуку вся эта премудрость какихъ нибудь Чино и Дино. Совѣтъ иной славы можетъ ожидать тотъ, кто изучаетъ Аристотеля и Цицерона, да онъ можетъ найти себѣ и блестящее положеніе. Таково было мнѣніе разбогатѣвшаго канцлера ¹⁾).

Когда возгоралась подобная литературная война, то и Поджіо выступалъ на сцену съ своимъ легкимъ оружіемъ шутокъ и остротъ. Въ молодые годы онъ сочинилъ для одного докторанта рѣчь въ похвалу праву. Онъ главнымъ образомъ восхвалялъ правовѣдѣніе древнихъ, которому самъ Петрарка никогда не отказывалъ въ своемъ уваженіи. Но и въ этомъ случаѣ онъ не могъ оставить своихъ ироническихъ выходовъ. Какъ не хвалить правовѣдѣніе, по его словамъ, если оно доставляетъ почести и титулы? Или, какъ человѣкъ, желающій жить спокойно и мирно, онъ хочетъ, чтобы изучали право и давали ему силу, потому что тогда прекратятся раздоры и войны ²⁾). Но это было лишь приступомъ къ тѣмъ веселымъ инвективамъ, съ которыми онъ впоследствии выступилъ противъ ученыхъ юристовъ и практиковъ, хотя никогда не занимался правами и зналъ о нихъ не больше того, что и другіе простые люди. Онъ прилагаетъ къ юристамъ то мѣрку своего краснорѣчія, то своей цицероновской добродѣтели. Поджіо вооружается противъ глоссаторовъ, какъ онъ называетъ ученыхъ юристовъ. Надо, говоритъ онъ, состарѣться, чтобы прочесть многочисленные томы ихъ сочиненій съ разными controverсіями; притомъ они лишены всякаго умѣнья владѣть рѣчью и, по видимому, никогда не читали древнихъ римскихъ правовѣдovъ. Они хлопочутъ только о томъ, что содержитъ въ себѣ controverсія. И законовѣды-канонисты заботятся только о деньгахъ и почестяхъ. У нихъ есть одни противные стихи, съ которыми они приступаютъ къ изученію своей науки ³⁾). Римскимъ правомъ занимаются лишь для того, чтобы имѣли пропитаніе сребролюбивые адвокаты. Только въ Италіи,

¹⁾ Lion. Bruni epist. VI, 6. X, 24.

²⁾ Рѣчь in laudem legum, о которой упоминаетъ самъ Поджіо во введеніи ко второму разсужденію Historiae convivalis, часто упоминается напр. у Bandini Catal. codd. lat. T. III p. 499 и у Saxius p. 127. Я знаю ее, какъ pendant къ сочиненію in laudem medicinae, по Cod. ms. Rep. II, 4. 130 лейпцигской Совѣтской бібліотеки fol. 140, 157.

³⁾ Онъ приводитъ ихъ въ epist. II, 16:

Dat Galenus opes, dat sanctio Justiniana:

Ex aliis paleas, ex istis collige grana.

T. e. «Даетъ богатства и Галенъ, даетъ и санкція Юстиніана: изъ другихъ получай мякину, а отъ этихъ чисти зерна».

притомъ лишь въ одной части ея, оно имѣеть значеніе, да и тамъ оно подаетъ столько поводовъ къ раздорамъ, что лучше бы его не было. Для кичливыхъ людей, гордящихся изученіемъ Бартоло и Балдо, важно не то, чтобы добиться истины, а только чтобы запутать ее разными формальностями. Эти адвокаты готовы на все изъ за денегъ: они извращаютъ право и законъ разными мелочными различіями и тонкостями, вводятъ своихъ кліентовъ за носъ цѣлые годы, убаюкивая пустыми надеждами, и часто ради денегъ переходятъ на сторону противника. Для рѣшенія вопроса имъ не нужно никакой проницательности ума, а только память и справки въ запутанныхъ комментаріяхъ, которые сплошь и рядомъ противорѣчатъ другъ другу. Они вовсе не заботятся объ ясности, точности и изяществѣ изложенія древнихъ юристовъ, даже часто не въ состояніи выразаться на латинскомъ языкѣ. Канолисты говорятъ еще напыщеннѣе, чѣмъ цивилисты, и принимаютъ на себя такой видъ, какъ будто хотять открыть великія тайны. Такъ называемыя каноническія изданія какъ будто только пишутся для того, чтобы поселить раздоръ среди духовенства. Вся ихъ наука, которая въ сущности основана на произволѣ папъ, есть «новое изобрѣтеніе», которому немного больше трехъ сотъ лѣтъ, и годна только на то, чтобъ вѣчно спорить о приходахъ ¹⁾).

Поджіо, быть можетъ, никогда не бралъ въ руки сводъ законовъ Юстиніана и, навѣрное, никогда не читалъ ни одного сочиненія средневѣковыхъ юристовъ. Гораздо вліятельнѣе его риторическихъ возгласовъ была та борьба, которую велъ съ ними Валла. Онъ началъ ее еще въ молодыхъ лѣтахъ, когда преподавалъ реторику въ Павіи. И здѣсь, какъ въ Болоньѣ и Падуѣ, юристы играли важную роль. Одинъ изъ нихъ однажды высказалъ такую мысль, что Бартоло стоитъ гораздо выше Цицерона: ни одно сочиненіе послѣдняго не можетъ сравняться даже съ самымъ мелкимъ трактатомъ Бартоло, хоть напр. съ его *de insigniis et armis*. «Вы, искусники рѣчи, сказалъ онъ, хлопчете больше о словахъ, чѣмъ о содержаніи, больше о листьяхъ дерева, чѣмъ о плодахъ его». Цицерона онъ назвалъ невѣжественнымъ пустомелей. Валла тотчасъ же рѣшился отомстить за поношеніе своего искусства. Онъ досталъ помянутое сочиненіе у Като Сакко и въ одну ночь написалъ противъ него полемическую отвѣдь, въ которой хотѣлъ разбить на голову и Бартоло и юристовъ вообще. Самъ онъ впоследствии утверждалъ, что это не ин-

¹⁾ Poggius Hist. conviv. II. Utra artium, medicinae an iuris civilis praestet. Epist. VI, 8. 11. ed Tonelli. Близко подходят въ этому инвективы Энея Лекколонины противъ юристовъ (см. G. Voigt Enea Silvio Bd. II s. 258), а также нѣкоторые отзывы Филельфо напр. въ письмѣ къ Като Сакко отъ 2 іюня 1441 г.

вектива противъ Бартоло, потому что такихъ сочиненій нельзя писать противъ покойниковъ. Однако онъ относится къ нему точно такъ же, какъ относился впоследствии къ другимъ своимъ противникамъ, напр. къ Фаціо и Поджіо, и почему же нельзя нападать на умершихъ, если напр. Петрарка писалъ къ нимъ письма? Притомъ заглавіе не важно для сущности дѣла. Отзывъ Валлы о книгѣ Бартоло былъ уже готовъ заранее: «Безсмертные боги! Какъ все здѣсь ничтожно, мелочно и нелѣпо! Можно подумать, что это говорить оселъ, а не человѣкъ!» Авторъ обзываетъ Бартоло глупцомъ, болваномъ, также его и подобныхъ ему, т. е. Аккурсія, Бальдо и Дино, называетъ гусями, которые говорили не на римскомъ, а на варварскомъ языкѣ или, къ огорченію другихъ, шныряли по всѣмъ указамъ. Онъ даже вооружается противъ императора Юстиніана, что было преступнымъ оскорбленіемъ величества въ глазахъ юристовъ. Новѣйшимъ законовѣдамъ, повторявшимъ только глоссы, нельзя было высказать яснаго своего мнѣнія, чѣмъ это сдѣлано у него въ самомъ началѣ: «Изъ юристовъ едва ли есть одинъ, который бы не казался вполне презрѣннымъ и смѣшнымъ. Они не изучали ни одной отрасли наукъ, знаніе которыхъ нужно для свободнаго человѣка, а особенно краснорѣчіе, которымъ усердно занимались древніе юрисконсульты и безъ котораго сочиненія ихъ непонятны. Они такъ скудоумны, такъ бессмысленны и глупы, что я оплакиваю горькую участь гражданскаго права: у него почти нѣтъ толкователей, или лучше оно не можетъ отдѣлаться отъ тѣхъ, какіе есть теперь» ¹⁾).

Валла энергически старался распространять эту инвективу. На слѣдующій же день онъ послалъ ее Като Сакко, потомъ Гварино въ Феррару, который благодарилъ его и былъ вполне согласенъ съ нимъ. Децембріо, которому Валла посвятилъ свое сочиненіе, читалъ его въ Миланѣ. Юристы были оскорблены не только въ лицѣ своего Бартоло, но и самолично, притомъ всѣ. Въ Павіи еще раньше юридическій факультетъ велъ борьбу съ философскимъ, поэтому Валла смотрѣлъ на членовъ послѣдняго какъ на своихъ союзниковъ. Дѣло дошло до уличнаго скандала, и, если вѣрить одному изъ враговъ Валлы, то безъ заступничества Беккаделли студенты юридическаго факультета публично оскорбили бы его ²⁾. Во всякомъ случаѣ ему нельзя было дольше оставаться въ Павіи.

И при неаполитанскомъ дворѣ Валла хотѣлось потягаться съ юристами на ихъ собственной почвѣ. Въ бытность его въ Гаэтѣ, когда онъ трудился надъ третьей книгою своихъ Красотъ, онъ читалъ

¹⁾ Инвектива съ посвященіемъ Децембріо есть въ Vallae Opp. p. 633 seq. См. томъ I.

²⁾ Валла отрицаетъ этотъ эпизодъ. См. Invest. in Fascium lib. IV. (Opp. p. 629. 630).

какъ языковѣдъ: съ этихъ поръ въ своей книгѣ онъ постоянно ссылается на древнихъ юристовъ, какъ на руководителей въ употребленіи словъ. Онъ весьма гордился своею инвективою. Онъ рассказываетъ про одного юриста, который признаетъ всю его ученость пустяками, а законовѣдніе вѣщомъ наукъ, даже единственною наукою; но потомъ его пристыдило то возраженіе, что Валла недавно перечелъ и весь *Corpus juris*. Онъ вызывается черезъ три года написать болѣе основательныя глоссы къ дигестамъ, чѣмъ Аккурсіи ¹⁾. Какъ ни презрительно относится онъ къ новымъ юристамъ, которые не имѣютъ понятія о гуманистическихъ наукахъ, однако нельзя отрицать того, что и онъ съ своей стороны не имѣлъ понятія о задачѣ изученія права и ограничиваетъ его область грамматическимъ толкованіемъ древнихъ юридическихъ памятниковъ.

Въ то самое время, когда Валла преподавалъ въ Павіи, тамъ изучалъ юридическія науки Маффео Веджіо, по волѣ своего отца. Въ душѣ онъ былъ всецѣло преданъ поэзіи и древности, однако закончилъ курсъ ненавистныхъ наукъ и составилъ юридическій лексиконъ подъ заглавіемъ *de verborum significatione* ²⁾. Подѣйствовало ли на него въ этомъ случаѣ прямое вліяніе Валлы,—нельзя рѣшить; а за позднѣйшее время мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о сношеніи между ними. Поэзія и правовѣдніе были для Веджіо тѣмъ же, что свѣтъ и мракъ. Онъ сознается, что раньше питалъ отвращеніе къ законамъ, говоритъ съ пренебреженіемъ о Роффредѣ, Матареллѣ и Райнеріи Фороливенскомъ (изъ Форли), также о Чино и Бартоло, даже о Требоніанѣ; который, по его словамъ, искажаетъ сочиненія древнихъ юристовъ и тѣмъ наноситъ ужасный вредъ латинскому языку. Теперь онъ читаетъ дигесты, совершенно въ иномъ смыслѣ, не для того, чтобы на основаніи ихъ писать безконечныя трактаты и комментаріи, но чтобы изучать тонкости и красоты языка древнихъ законовѣдовъ. Лексиконъ его, если и полезенъ для юриста, то конечно ужъ не есть что либо очень важное. Онъ только механически привелъ въ алфавитный порядокъ и объяснилъ слова, извлеченныя безъ строгаго выбора изъ Пандектъ. Онъ точно такой же плохой юристъ, какъ и Валла.

Вообще не слѣдуетъ считать мнѣній Поджіо, Веджіо и Валлы «предвѣстіемъ» юридической науки Альціата, Цазія и Куяція. Ихъ заслуга состоитъ лишь въ рѣзкихъ нападкахъ на отжившую методу, паденію

¹⁾ Merentur enim, merentur summi illi viri nancisci aliquem, qui eos vere riteque exponat. Praef. in lib. III Elegantiarum. Antid. in Pogium lib. IV. (Opp. p. 356).

²⁾ См. выше.

пости астрологовъ. Въ кружкѣ Николли и Бруни ихъ прямо называли лжецами и обманщиками ¹⁾). Даже одинъ монахъ, именно Антонио да Ро, въ своемъ разговорѣ о Лактанціи посвятилъ астрологін особый отдѣлъ. Онъ требуетъ, чтобы она занималась только движеніями и измѣненіями небесныхъ тѣлъ, а не предсказаніями и т. п. ²⁾). Хотя поэтъ Базини и писалъ свои *Astronomica* при дворѣ римннйскихъ Малатеста, однако онъ чуждъ астрономическихъ суевѣрій и только смѣется надъ тѣми, которые по затмѣніямъ солнца и луны предсказываютъ гибель вселенной ³⁾). Сторонниковъ алхиміи и другихъ подобныхъ наукъ Филельфо называетъ глупцами ⁴⁾).

Надъ медицинскою наукой и врачами смѣялись, конечно, во все время, но всегда ихъ считали необходимыми. Гнѣвъ на нихъ Петрарки большею частью зависѣлъ отъ личнаго раздраженія и сталъ мало по малу страннымъ капризомъ. Вообще же говоря, гуманисты не любили нападать на науку, которая въ числѣ своихъ знаменитостей считала Гиппократъ и Галена. Но тѣ представители ея, которые по значенію своему въ университетахъ стояли почти наравнѣ съ юристами, и врачи, обогатившіеся отъ своей профессіи, подвергались чистымъ насмѣшкамъ со стороны философовъ и юристовъ. Если поднимался нескончаемый вопросъ о томъ, которая наука выше, юриспруденція или медицина, то сплосъ доставалось обѣимъ ⁵⁾). Однажды Поджіо сочинилъ для одного докторанта медицины краткую рѣчь въ похвалу ей, гдѣ онъ вложилъ въ уста кандидата вѣскія замѣчанія. Напр. послѣдній говорилъ, что медицина стоитъ выше всѣхъ свободныхъ наукъ уже по самой своей пользѣ ⁶⁾). А впослѣдствіи Поджіо любитъ проводить параллель между врачами и адвокатами. «Смѣшно видѣть, какъ эти глупцы, совсѣмъ необразованные, ничего не читавшіе и ничему не выучившіеся, разсчитывая лишь на свою наглость, выдаютъ себя за медиковъ. Глупый народъ вѣрится ихъ словамъ и приглашаетъ ихъ къ больнымъ, а они не только не

1) Cino Rinuccini *Invectiva* въ *Paradiso degli Alberti*. Vol. I P. II p. 30.

2) Beck. *Diss. de Orosii fontibus* etc. p. 25.

3) *Astronomicon* II, 137. См. томъ I.

4) Его письмо къ графу Франческо д'Арка у *Fabronius Laurentii Medicis vita* vol. II p. 22.

5) О сочиненіи Салютато и о трактатѣ Поджіо см. выше. *Iohannes Aretinus de medicinae et legum praestantia* упоминается въ *Archivio stor. Ital.* T. XX p. 78. Есть также трактатъ Салютато *quod medici eloquentiae studeant*. Остроумный разговоръ между Никколи, Бруни и Марсуппини, въ которомъ осмѣиваются невѣжественные врачи, обсуждается въ *Paradiso degli Alberti* Vol. I P. I p. 264.

6) См. выше.

облегчают их страданій, а напротивъ усиливаютъ. Благо было бы намъ, если бы подобные люди не родились на свѣтъ вовсе; потому что они, кажется, родились на гибель народа». — «Вы смотрите на больного, на его мочу и испраженія, прищурясь и наморщивъ лобъ, какъ будто его тяжкій недугъ требуетъ Богъ вѣсть какого врачеванья. Потомъ вы щупаете пульсъ, по которому узнаете силы природы. Потомъ собирается консиліумъ, и послѣ долгаго спора вы приступаете къ лѣченію, какъ выражаетесь. Въ этомъ отношеніи вы часто настолько не согласны между собою, что становится ясно, насколько ничтожна и темна ваша наука. Если ваша микстура помогла, благодаря счастливой случайности, то вы превозносите до небесъ свое искусство, а если принесла вредъ, то вините больного». Эти шарлатаны доставляли Поджіо обильный и желанный матеріалъ и для его Фацецій. Впрочемъ онъ былъ настолько благоразуменъ, что считалъ дѣятельность врачей все таки благотворною, нужною и достойною награды ¹⁾. Слѣдовательно, его нападки объясняются просто желаніемъ острить. О, если бы онъ могъ указать болѣе плодотворный путь для медицины!

Гуманисты съ особою гордостью смотрѣли на свою историографію. И дѣйствительно, на этой почвѣ созрѣлъ одинъ изъ самыхъ вкусныхъ плодовъ ихъ дѣятельности, даже и для потомства. Но наружность и тутъ не вполне соответствуетъ сущности. Историческое искусство, конечно, и раньше не мало разрабатывалось въ Италіи и произвело Джіованни Виллани. Но съ одною латинскою стилистикой оно не могло достигъ высшей степени совершенства. Если гуманисты придавали особое значеніе послѣдней, то легко подвергаясь опасности поставить на второй планъ содержаніе и направленіе. Они не только желали передать потомству событія и ясно указать ту нить, которая связываетъ прошедшее съ настоящимъ, но и имѣть успѣхъ, достигъ славы и увѣковѣчить какъ свое имя, такъ и подвиги тѣхъ дѣятелей, о которыхъ повѣствовали. Они писали большею частію для такой публики, которая желала, чтобы ей угождали, развлекали ее живымъ и украшеннымъ изложеніемъ.

Однажды Цицеронъ высказалъ нѣсколько высокопарныхъ фразъ о значеніи и достоинствѣ исторіи. По его словамъ, исторія есть свѣдѣтельница временъ, свѣтъ истины, возрожденіе минувшаго, наставница жизни, провозвѣстница прекраснаго ²⁾. Его новые ученики, начиная съ Петрарки, съ увлеченіемъ повторяли эти фразы, тѣмъ болѣе, что достоинство исторіи, по видимому, заключало въ

¹⁾ Epist. II, 16 ed. Tonelli.

²⁾ De oratore II, 9. 36.

ную пользу исторіи, и подобныя мысли нерѣдко можно встрѣтить даже въ раннюю эпоху средних вѣковъ. Исторія, по ихъ мнѣнію, имѣетъ своимъ назначеніемъ преимущественно побуждать людей ко всѣмъ добродѣтелямъ, которыя восхваляетъ древность, къ доблести, скромности, любви къ отечеству и великодушію, также къ выполнению всѣхъ требованій, предъявляемыхъ христіанствомъ, а равно и ко всему тому, что украшаетъ личность и казалось древнимъ людямъ самыми полезными качествами, именно къ вѣжливости въ обращеніи къ искусству въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ, а главное — къ краснорѣчію ¹⁾. Далѣе, предполагая, что историкъ въ состояніи и самъ выполнить то, что онъ умѣетъ хвалить и подтверждать примѣрами, взятыми изъ древней жизни, они признали въ себѣ качества политическаго судьи и совѣтника, имѣющаго право занимать почетныя должности и повелѣвать. Уже Петрарка держался этого страннаго заблужденія. Его знакомство съ древнимъ міромъ вызывало удивленіе современниковъ, и его постоянно занимала политическая мудрость древнихъ римлянъ. Поэтому онъ признавалъ за собою право давать совѣты папамъ и императорамъ, указывать на идеалы полководцамъ и мирнымъ государямъ, всюду являться съ своимъ словомъ, гдѣ только шло дѣло о судьбахъ Италіи.

Уже не одинъ историкъ средних вѣковъ искалъ себѣ образца у древнихъ: всегда пользовались большимъ уваженіемъ Саллюстіи, Светоній и Валерій Максимъ. Но съ возникновеніемъ гуманизма первое мѣсто занялъ Ливій. Еще Дантъ извлекалъ изъ его сочиненій духовную пищу, а Петрарка и Боккачіо удивлялись его возвышенности ²⁾. Витторино да Фельтре ввелъ его въ школу, и всюду хвалили возвышенность его ума; онъ былъ прежде всего «обширное море краснорѣчія», и ту же самую похвалу ему находили у Квинтиліана ³⁾. Для гуманистовъ онъ былъ не только самымъ обильнымъ источникомъ ознакомленія съ древнеримскою жизнью, но также руководителемъ и образцомъ историографіи.

Мы отдѣляемъ здѣсь историческое изслѣдованіе отъ изложенія современныхъ историческихъ событій, потому что первое углубляется

¹⁾ Уже Петрарка полагаетъ цѣль исторіи въ нравоученіи *de viris illustr.* ed. Razzolini vol. I p. 6: *Hic enim, nisi fallor, fructuosus historicorum finis est, illa persequi quae vel sectanda legentibus vel fugienda sunt.*

²⁾ Подробности см. у Hortis Cenni di Giovanni Boccacci intorno a Tito Livio. Trieste 1877.

³⁾ Это выраженіе часто встрѣчается напр. въ полемическомъ сочиненіи, напечатанномъ въ *Paradiso degli Alberti* vol. II p. 79. Beccatelli Epistt. Neap. 1746, p. 4: *Nam Livio nihil ferme suavius aut gravius exstat apud Romanos scriptores.*

въ давноминувшія эпохи и освѣщаетъ ихъ, а послѣднее носитъ болѣе или менѣе характеръ записокъ. Тамъ преобладаетъ ученость, а здѣсь тенденція и изящество изложенія. Древняя исторія, разумѣется, была любимую областью гуманистовъ, но и она, особенно древне-римская, оставалась для большей части ихъ отрывочною, пестрымъ собраніемъ извѣстій, мѣткихъ выраженій и анекдотовъ, вынесеннымъ изъ непослѣдовательнаго чтенія того или другаго писателя. Лишь немногимъ посчастливилось тогда имѣть полнаго Ливія, а сколь малому числу ихъ были доступны источники, писанные на греческомъ языкѣ! Самъ Петрарка не рѣшался писать исторію Рима, и даже его біографіи великихъ и знаменитыхъ римскихъ мужей, отъ Ромула до императора Тита, казались ему громадною задачею ¹⁾. Это и на самомъ дѣлѣ было такъ, потому что онъ не могъ собрать всѣхъ свѣдѣній, встрѣчавшихся у писателей, а между тѣмъ желалъ работать прямо по источникамъ и съ критическою провѣркою. Поэтому онъ и не довелъ своей книги до конца, а представилъ въ своихъ «Достопамятныхъ исторіяхъ» вторую книгу, расположенную съ нравоучительной точки зрѣнія, и которая въ то же время могла служить дополненіемъ первой.

Его примѣру слабо подражалъ Боккаччо въ своихъ «Знаменитыхъ женщинахъ» и въ сочиненіи *de casibus*; но никто не смѣлъ приступить къ древней исторіи съ широкимъ взглядомъ Петрарки. Еще страннѣе, что мы не встрѣчаемъ больше ни одного труда на этой почвѣ, который имѣлъ бы хотя какой нибудь успѣхъ. Правда, папскій писецъ Джіованни де' Кривелли, въ первосвященство Мартина V, написалъ компендіумъ римской исторіи, обнимавшій эпоху республики и императоровъ. Онъ также писалъ о междоусобныхъ войнахъ между Цезаремъ и Помпеемъ, между Антоніемъ и Октавіаномъ. Но и эти произведенія до сихъ поръ отысканы только въ одной рукописи и, по видимому, вполне достойны того забвенія, которому были преданы ²⁾. Болѣе распространенъ былъ обзоръ римской исторіи до Августа, посвященный Пьеромъ Кандидо Дечембріо королю Неаполитанскому Альфонсу. Онъ также не былъ напечатанъ, какъ и другія сочиненія этого миланскаго многописца ³⁾. Греческая исторія все еще не выходила изъ того мрака, которымъ была покрыта въ средніе вѣка. Если ея родоначальникомъ считаютъ Ліонардо Бруни,

¹⁾ *De contemptu mundi Dial. III.* (Opp. p. 411): *opus immensum temporisque et laboris sarcissimum (paracissimum?)*. См. томъ I стр. 146 и слѣд.

²⁾ См. выше.

³⁾ Рукописи *Epitome historiae Romanae* у Saxius p. 298, у Mittarelli p. 875, у Desisle *Le cabinet des manuscrits T. I* p. 218.—*U Historia ab adolescentia C. Julii Caesaris* Фіорро см. выше стр. 70.

то знающаго произошла отъ заглавія его записокъ о греческой исторіи. Онѣ, какъ мы знаемъ, не что иное какъ вольная обработка эллинской исторіи Ксенофонта. Правда, общество ознакомилось въ новыхъ переводахъ со многими греческими писателями, но никто не хотѣлъ разработать ихъ реальнаго объясненія и возстановить цѣльность историческаго изложенія. Да не было и поощренія къ подобнымъ трудамъ. Щедро награждавшіе меценаты больше заботились о своей собственной славѣ, чѣмъ о славѣ древнихъ грековъ.

Еще менѣе обращали вниманіе на періодъ со времени паденія римской имперіи. Весьма многіе относились къ нему съ презрѣніемъ, подобно писателямъ среднихъ вѣковъ. Уже Петраркѣ была неизвѣстна исторія христіанскаго міра, даже безынтересна, чужда и непріятна. Одно понятіе о варварствѣ покрывало для него все и внушало ему ту утѣшительную мысль — отстраняться отъ всякаго знакомства съ нимъ, какъ чего-то недостойнаго. И Боккаччо неохотно и поверхностно занимался всѣмъ тѣмъ, что не носило на себѣ античной и классической печати. Въ эпоху Бруни и Поджіо по крайней мѣрѣ стали размышлять о томъ, почему исторія грековъ и римлянъ извѣстна гораздо болѣе, чѣмъ недавняя. Всѣ видѣли причину подобнаго явленія въ томъ одномъ, что первая была писана искусными историками. Ссылались на Саллюстія, который въ 8-й главѣ своихъ войнъ съ Катилиною тоже замѣчаетъ, что дѣянія древнихъ временъ постоянно представляются величественнѣе и возвышеннѣе, но краснорѣчіе писателей возводитъ и обыкновенныя дѣянія въ великія. Поэтому такой писатель, какъ Поджіо, порицаетъ государей, не желающихъ окружать себя учеными и краснорѣчивыми людьми. По его мнѣнію, они стоятъ того, чтобы слава ихъ умерла, вмѣстѣ съ тѣмъ и имя было утрачено для потомства. Вѣдь для новой исторіи нѣтъ, думаетъ онъ, недостатка въ хорошемъ матеріалѣ. Почему бы не читать напр. съ такимъ же интересомъ о подвигахъ Тамерлана, какъ и Александра Македонскаго? только у перваго не было историка. Поджіо также замѣчаетъ, что Ливій часто рассказываетъ весьма ничтожныя вещи про древнихъ римлянъ, которыя только благодаря его изложенію кажутся велики и достойны, что исторія всегда явится, какъ скоро есть налицо хорошіе историки¹⁾. Вслѣдствіе этого недостатка у гуманистовъ и не было исторіи среднихъ вѣковъ. Вѣдь здѣсь

¹⁾ Poggius de variet. fort. lib. I p, 34 seq. 77. Тѣ же мысли, даже съ указаніемъ на Тамерлана, встрѣчаются въ Benedicti Accolti Dialogus de praestantia virorum sui aevi ed. Galletti p. 111. 912. И Ауриспа въ письмѣ къ болонскому претору (см. томъ I) наввно полагаетъ, что если кажется, будто римляне стояли выше всѣхъ другихъ народовъ, то лишь вслѣдствіе краснорѣчивыхъ похвалъ писателей.

нельзя указывать на такіе случаи, когда городской или придворный писатель обращается къ стариннымъ хроникамъ, чтобы, изложивъ ихъ содержаніе хорошимъ слогомъ и украсивъ рѣчами, создать новое художественное произведеніе и поднести его синьорин или правящему главѣ династіи. Еще въ меньшей степени относятся сюда хронологическіе обзоры всемірной исторіи, написанные флорентинскимъ архіепископомъ Антонино и Матео Пальміери, потому что они вообще не имѣютъ ничего общаго съ гуманистическою школою.

При такомъ сплошномъ пренебреженіи къ среднимъ вѣкамъ тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ человекъ, который именно имъ посвящая свою любовязательность и лучшія силы въ теченіи десяти лѣтъ. Около 1440 г. Флавіо Бьондо задумалъ написать исторію 1030 лѣтъ, протекшихъ со времени взятія Рима Готами подъ предводительствомъ Алариха. Онъ началъ съ Рима и Италіи, которыя и должны были оставаться средоточіемъ его обширнаго труда. Упадокъ римскаго всемірнаго владычества онъ предполагалъ изобразить вплоть до своей эпохи, когда Римъ «почти дошелъ до такого порядка вещей, при которомъ былъ основанъ въ ничтожномъ видѣ пастухами». Авторъ увѣряетъ, что ему стоило весьма большаго труда собрать множество источниковъ для подобнаго сочиненія, и изъ его писемъ мы узнаемъ, что онъ доставалъ ихъ во всѣхъ странахъ христіанскихъ. А это облегчалось для него его положеніемъ при римскомъ дворѣ и связями съ ученымъ міромъ. Но потомъ ему предстояла болѣе тяжелая задача, воспользоваться безъ всякаго руководства этими разнообразными и трудными источниками для прагматическаго и яснаго изложенія. Притомъ работа прерывалась множествомъ дѣловыхъ занятій. доходомъ отъ которыхъ онъ содержалъ десятерыхъ сыновей¹⁾. Онъ раздѣлилъ свое сочиненіе на декады, какъ у Ливія, и довелъ его въ 31 книгѣ до войны 1440 г., а въ то же время подвергъ крупныя части его вторичному пересмотру. Окончанію труда помѣшала смерть, однако, еще занимаясь этимъ сочиненіемъ, онъ писалъ и другія крупныя вещи антикварнаго характера. Двѣнадцать книгъ исторіи своего времени онъ окончилъ раньше, боясь, чтобъ смерть не помѣшала

¹⁾ *Historiarum ab inclinatione Romanorum* (Opp. Basil. 1559) Dec. I lib. I p. 4: *Digna profecto causa, cui omnis livor detractiove acquiescat.* Письмо Бьондо къ королю Альфонсу отъ 13 іюня 1443 г. въ Cod. ms F. 66 кор. общ. библ. въ Дрезд. fol. 76: *Est tamen hec ipsa quam polliceor historia maior quam que a me uno et occupatissimo homine decem filios ex manuum laboribus nutriente absolvi possit etc.*— Подробности объ этомъ сочиненіи, въ особенности объ обработкѣ его по частямъ у Alfred Masius Flavio Biondo, Leipzig 1879, стран. 31—47. Paul Buchholz di Quellen der Historiarum Decades des Flavius Blondus. Leipz. Diss. Hamburg 1881.

срѣднихъ вѣковъ, такъ какъ онѣмъ, но въ категоріи современника знаетъ это дѣло лучше другихъ.

Декады Бьондо представляютъ собою первую научную исторію среднихъ вѣковъ, къ которой онъ приступилъ такъ же, какъ Петрарка къ римской, съ намѣреніемъ возсоздать ее по стариннымъ и подлиннымъ источникамъ, отмѣчая средневѣковыя преданія. Его источники, насколько онъ въ двухъ первыхъ декадахъ выводитъ на свѣтъ «похороненную исторію» и пишетъ еще не какъ современникъ. большею частію извѣстны. Впрочемъ, въ числѣ ихъ недавно открыты отрывки исторіи готовъ Аблавія и Гвидона равеннского. Но ни это обстоятельство, ни множество допущенныхъ ошибокъ не могутъ ослабить нашего уваженія къ подобному труду. Книга Бьондо остается памятникомъ рѣдкаго самоотверженія и преданности дѣлу, тѣмъ болѣе, что авторъ, какъ самъ онъ сознавалъ, не могъ рассчитывать на особое благоволеніе какого либо мецената. При этомъ приходилось изучать такихъ авторовъ какъ Прокопій, о переводѣ котораго Бьондо еще нужно было хлопотать, такихъ какъ Орозій, Кассіодоръ, Павелъ Діаконъ, церковныхъ писателей и средневѣковыхъ хронистовъ, для чего въ то время надобно было имѣть больше силы воли, чѣмъ для изученія Цезаря, Ливія и Светонія. Авторъ неутомимо разработывалъ новую почву,—трудъ, не обѣщавшій никакой награды. Тутъ онъ сравнивалъ свои источники одинъ съ другимъ, указывалъ въ нихъ ошибки и противорѣчія, насколько это могъ сдѣлать. Бьондо старался установить достовѣрность событій на основаніи самыхъ лучшихъ свѣдѣній. Конечно, гибкость его ума, если подобная и была у него, терялась въ такой громадной работѣ съ ночною лампою и подъ давленіемъ должностныхъ занятій. Слогъ его простъ и понятенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сухъ и не особенно изященъ; ему не доставало времени для художественной обработки его, да онъ и не чувствовалъ къ этому склонности.

Такъ объясняется явленіе, что современники не оцѣнили по достоинству благихъ стремленій Бьондо, тогда какъ съ восторгомъ славили заслуги такихъ стилистовъ, какъ Поджіо и Филельфо. Папа Евгенийъ IV глубоко уважалъ его лично, но не питалъ никакого сочувствія къ его ученымъ занятіямъ. Мы уже говорили о томъ пренебреженіи, съ какимъ относился къ нему Николай V. Этотъ меценатъ всегда имѣлъ подъ рукою кошелекъ съ золотомъ для своихъ переводчиковъ, но ему не приходило на мыслѣ устроить литературный досугъ для челоуѣка, разработывавшаго исторію среднихъ вѣковъ и римскія древности. Правда, друзья его, какъ напр. Ліонардо Бруни и Франческо Барбаро, умѣли оцѣнить достоинство труда, но ихъ похвалы не облегчали бремя труженика. Впрочемъ Эней Пикколомини

выразилъ удивленіе, какъ папа Николай можетъ такъ забывать объ авторѣ декадъ. Однако мы не слышимъ, чтобы самъ онъ, ставши папою, наградилъ его. Только тогда, когда закрылась крышка гроба надъ тѣломъ Бьондо, онъ назвалъ его превосходнымъ историкомъ, хвалилъ громадное трудолюбіе покойнаго и пользу его книги, хотя указалъ на его ошибки и на тяжелый слогъ, желая, чтобы онъ былъ искусно обработанъ ¹⁾. Этотъ трудъ взялъ на себя самъ краснорѣчивый папа, но, впрочемъ, не исправилъ ошибокъ. Бьондо ставили въ особую честь то, что самъ папа удостоилъ сдѣлать извлеченіе изъ его труда и обработать слогъ. Когда начали прилежно изучать декады, то все болѣе и болѣе оцѣнивали достоинства сочиненія Бьондо. Паоло Кортезе, на отзывы котораго мы тоже часто ссылались, предпочитаетъ автора всѣмъ его современникамъ по серьезности содержанія ²⁾.

Нельзя сказать, чтобы обширное сочиненіе Бьондо дало толчокъ изученію среднихъ вѣковъ. Кромѣ исторіи перваго Крестоваго похода Бенедетто Аккольти, посвященной Пьеро де'Медичи, сыну Козьмы, и жизни папъ Платины, мы не имѣемъ выдающихся трудовъ, если не принимать въ счетъ работъ городскихъ хроникеровъ, продолжателей своихъ предшественниковъ. Но по крайней мѣрѣ знаніе средневѣковой эпохи значительно подвинулось впередъ, благодаря заслугамъ Бьондо, хотя при этомъ все такъ пользовались сочиненіями Викентія де Белле и Мартина изъ Троппау.

Занятія древностью, областью нейтральною, которая не затронувала ни вѣры, ни національностей, ни партій, или же давноинувшими вѣками христіанства, вызвали къ жизни и историческую критику. Последняя есть дитя гуманизма, была вскормлена и выращена классическими изученіями. Она нѣкогда и у замѣчательныхъ писателей карловингской эпохи зародилась подъ тѣмъ же влияніемъ ³⁾. Еще у Петrarки замѣтны первые слѣды ея. По отношенію къ Цицерону и Сенекаѣ онъ уже не безусловный поклонникъ, а отыскиваетъ и понимаетъ ихъ недостатки. Онъ не принимаетъ безъ провѣрки свидѣтельства древнихъ писателей, а по возможности исправляетъ ихъ; для него и легенды о святыхъ не имѣютъ авторитета не подверженнаго никакому сомнѣнію и критикѣ. Императоръ просилъ Петrarку

¹⁾ Pii II Coment. p. 310: opus certe laboriosum et utile, verum expolitore emendatoreque dignum. Procul Blondus ab eloquentia prisca fuit neque satis diligenter quae scripsit examinavit. Non quam vera, sed quam multa scriberet, curam habuit.—Epitome supra Decades Blondi Pii II estъ въ ero Opp. Basil. 1551 p. 144.

²⁾ de hom. doctis ed. Galletti p. 230: In excogitando tamen quid scriberet, omnibus his viris, qui fuerunt fere eius aequales, meo quidem iudicio praestitit. И Paulus Jovius Elogia doctor. viror. 14 говорятъ, что Бьондо написалъ декады magno ausu singulari que industria nec infelici eventu.

³⁾ См. Ebert, Geschichte der Literatur im Mittelalter Bd. II, s. 244.

тайкомъ сообщить ему свой отзывъ о льготахъ, будто бы данныхъ Австріи Юліемъ Цезаремъ и императоромъ Нерономъ и включенныхъ въ привилегію Генриха IV 1058 г. По неклассическимъ выраженіямъ онъ тотчасъ же замѣтилъ подлогъ, относительно котораго пражскій дворъ все таки оставался въ сомнѣніи ¹⁾. Какъ Петрарка пришелъ къ духу скептицизма, изъ котораго вырабатывается критика, это ясно. Кто живетъ лишь въ современномъ ему мірѣ тотъ довѣрчиво принимаетъ господствующія въ немъ мнѣнія и взгляды. Только въ томъ случаѣ, когда происходитъ знакомство съ другимъ міромъ, когда области идей скрещиваются, вырабатывается потребность сравнивать и изощряется способность судить. Петрарка очень хорошо сознавалъ, что въ изученіи древности онъ почерпнулъ такую силу, которой бы не вызвала у него никакая диалектика. Немножко этого скептицизма перешло и на довѣрчиваго впрочемъ Боккаччіо. Когда онъ слышалъ, что развалины стѣны подлѣ Байи отнесутъ ко временамъ Кайя Марія, Юлія Цезаря, Помпея и другихъ великихъ римлянъ, то выражалъ на этотъ разъ сомнѣніе. Вѣдь нѣтъ въ сущности никакихъ указаній на то, кѣмъ сооружены были когда-то эти постройки, и объ этомъ ходило много разныхъ басень ²⁾. Лионардо призналъ подложнымъ одно письмо Данта, хотя нашель его въ Паладжіо среди другихъ рукописей, только сравнивъ почеркъ съ несомнѣнно своеручными письмами творца Божественной Комедіи ³⁾.

Но и на исторической почвѣ главою критики былъ Лоренцо Валла, который грамматическими занятіями выработалъ въ себѣ талантъ изслѣдованія и анализа. Протестъ противъ авторитета и преданія былъ у него какъ бы въ крови. Для него было истиннымъ наслажденіемъ изслѣдовать спорные вопросы, какъ напр. вопросъ о томъ, существовало ли двое Сенекъ. Для Валлы было торжествомъ, когда онъ открылъ, что переписка между Сенекою и Апостоломъ Павломъ, въ которой еще не сомнѣвался Петрарка, чисто выдуманна ⁴⁾. Его нападеніе на даръ Константина было образцомъ гуманистической критики, какъ по системѣ доказательствъ, такъ и по смѣлости. Открытіе Валлы, что Люцій Тарквиній былъ не сынъ, а внукъ Тарквинія Приска, повело къ чисто

¹⁾ Petrarca epist. rer. famil. XXIV, 3, 5. De republ. optim. administr. (Opp. p. 419). Koerting Petrarca s. 505. Alb. Jäger Petrarca's Brief an Kaiser Karl IV über das oesterreichische Privilegium vom Jahre 1058—въ Archiv. f. osterr. gesch. Bd. 38. См. томъ I.

²⁾ Lettere ed. Corazzini p. 158.

³⁾ Bruni vita di Dante ed. Galletti p. 48. 49.

⁴⁾ Vallae in errores Antonii Raudensis Adnotationes (Opp. p. 428).

научной полемики. Ливий, какъ оказалось, самъ колебался въ рѣшеніи этого вопроса, но рѣшилъ его на основаніи большинства свидѣтельствъ въ пользу перваго. Напротивъ, Валла присоединился къ мнѣнію Кальпурнія Пизона, которое онъ прочелъ у Діонисія Галикарнасскаго. Онъ вовсе не говорилъ, что сдѣлалъ какое-либо новое открытіе. Его заслуга состояла въ томъ, что онъ, любя и уважая своего Ливія, не побоялся однако протестовать противъ его авторитета, а противникъ его, Бенедетто Моравдо изъ Болоньи, возражалъ ему въ этомъ именно отношеніи. Онъ считалъ дѣломъ неслыханнымъ нападать на Ливія и упрекалъ Валлу въ томъ, что онъ принялся за свой трудъ изъ зависти. Такимъ образомъ ничтожный вопросъ, касающійся исторіи древняго Рима, повелъ къ плодотворной критической полемикѣ ¹⁾. А какъ легко было выработанное такимъ способомъ оружіе перенести и на другія области преданія, и какіе громадныя успѣхи достигнуты имъ въ дѣлѣ испроверженія старой системы!

Но ученыхъ, разработывавшихъ древнюю исторію, между гуманистами было немного. Гораздо больше было авторовъ Записокъ и такихъ Очерковъ современной исторіи, которые имѣли въ виду славу извѣстнаго города или владѣтельнаго лица. Мы часто уже касались ихъ выше и должны были говорить о нихъ подробнѣе. Здѣсь мы рассмотримъ лишь разные взгляды и отдѣльныя явленія. Подобнаго рода историографію занимались еще Муссато и Феррето, предшественники гуманизма; только они еще не думали о наградѣ со стороны высокаго лица или мецената. Государи, какъ говоритъ Феррето, вовсе не имѣли желанія быть прославленными похвалою. Слѣдовательно, прибавляетъ онъ шутя, для писателя нѣтъ и повода исказить исторію ²⁾. Вскорѣ время этой независимости прошло. Но тѣ немногіе, которые писали свои воспоминанія, обыкновенно не имѣли того положенія, которое открывало бы имъ взглядъ на крупныя событія государствъ и міровыя отношенія.

Небольшой рядъ авторовъ Записокъ открываетъ собою Ліонардо Бруни ³⁾. Онъ начинаетъ съ воспоминаній своего дѣтства, которое

¹⁾ Сочиненія Валлы Duo Tarquinii, Lucius ac Aruns, prisci Tarquinii filive an nepotes fuerint, adversus Livium Disputatio, обращенное къ королю Альфонсу, и двѣ Confulationes in Benedictum Morandum въ его Opp. p. 438 sq. Antid. in Pogium lib. IV (Opp. p. 345). Обѣ инвективы Маранда не напечатаны; кое-что о немъ есть въ Giornale de' letterati d'Italia T. XI p. 325.

²⁾ Ferreti Historia ap. Muratori Scriptt. T. IX p. 1051: Neque enim apud principes nostros tanti est sapientia, ut per virtutis semitam ambulantes fama se decorari velint.

³⁾ Rerum suo tempore gestarum Commentarius ap. Muratori scriptt. T. XIX p. 914 sq. Послѣ p. 936 Бруни началъ это сочиненіе послѣ смерти нѣмецкаго короля Альбрехта (1439), оно обнимаетъ время отъ 1377 по 1440 г.

совпало съ эпохою великаго раскола, и потомъ рассказываетъ, что доводилось слышать чиновнику римскаго двора, а также и то немногое, чему онъ самъ былъ очевидцемъ. Онъ больше заботился о ясности и возвышенности слога, чѣмъ о самыхъ фактахъ ¹⁾. То же слѣдуетъ сказать и объ исторіи Флоренціи Поджіо, которая повѣствована почти исключительно о войнахъ республики, но о борьбѣ партій въ городѣ не говорила ни слова ²⁾. И Бьондо, сообщая о пережитомъ имъ въ своихъ декадахъ, имѣеть въ виду собственно только войны въ Церковной области, о которыхъ получались каждый день извѣстія при дворѣ папы Евгенія IV, и въ которыхъ онъ самъ нѣсколько разъ принималъ участіе въ качествѣ посла. Современные событія, происходившія на базельскомъ соборѣ, которыя, не менѣе войнъ, ставили папу въ затруднительное положеніе, онъ затрогиваетъ лишь въ общихъ фразахъ и однообразныхъ жалобахъ, какія обыкновенно раздавались при папскомъ дворѣ.

Гуманисты большею частію обезпечивались при дворахъ, обязанные только льстить тщеславію государей или династовъ. Этимъ объясняется хвалебный тонъ, стремленіе увѣковѣчить мецената, выражающіеся во всѣхъ ихъ историческихъ сочиненіяхъ, разсчитанныхъ на государя и его дворъ. Мелкія дѣянія вѣка, лишенаго всякаго одушевленія, украшались риторическими фигурами, неважные люди и событія, при классическомъ освѣщеніи, возводились до геройской высоты. Когда Дечембрио прославлялъ подвиги своего повелителя Сфорцы, то писалъ какъ панегиристъ, а когда передавалъ жизнь его предшественника, Филиппа Маріи, то рассказывалъ много про его постыдныя дѣла и жестокіе поступки, какъ Светоній про самыхъ порочныхъ императоровъ. Если же какойнибудь принцъ, напр. Ліонелло д'Эсте, находилъ неприличнымъ, что потомству будутъ переданы такія позорныя извѣстія о владѣтельномъ лицѣ, то историкъ былъ готовъ ограничиться легкимъ намекомъ ³⁾. Биографъ или придворный историкъ обнаруживали при этомъ крайне странную заносчивость, какъ будто обладаютъ ключами отъ храма вѣчной славы, потому что понаучились у древнихъ писать исторію. Но съ другой стороны этой заносчивости соответствовала увѣренность даже самаго мелкаго и благоразумнаго владѣтеля, знатнаго лица и кондотьера, что историкъ дѣйствительно обладаетъ этими ключами. Упо-

1) *Literae quidem, nisi sint illustres atque disertae, claritatem rebus afferre non possunt neque memoriam earum in longum extendere.* Cortesius p. 225: *Consectatur in historia quiddam Livianum, non ausim dicere Ciceronianum.*

2) См. томъ I стр. 477.

3) Извлеченія изъ переписки у Rosmini Vita di Guarino vol. I p. 109.

минемъ здѣсь еще разъ о поэтѣ Порчелло, который описывалъ мелкую наемническую войну 1452—1453 гг., какъ пуническую, и называлъ полководцевъ Сципіономъ и Аннибаломъ ¹⁾. И венеціанскій аристократъ Джакомо Зено изображаетъ своего дѣда Карло, который нѣкогда предводительствовалъ войсками, вполнѣ римскимъ консуломъ и заставлялъ его говорить длинныя рѣчи къ *Commilitones* (соратаямъ) и къ *Patres conscripti* (сенаторамъ), какъ будто передъ нимъ римскіе легіоны и сенатъ ²⁾. Одинъ феррарскій хроникеръ, которому тоже не приходится рассказывать о важныхъ событіяхъ, начинается такъ: «Высокимъ душами самою природою внушено стремиться къ славѣ и безсмертію. Этою стезею шли всѣ благородные римляне, которые всецѣло посвящали себя республикѣ». «Мраморъ и бронза, продолжаетъ онъ, исчезаютъ, а ораторы, поэты и историки дѣлаютъ бессмертными того, кого прославятъ». Понятно, что восторженный авторъ не забываетъ и самого себя; это видно изъ его словъ: «Что значать побѣды Юлія Цезаря въ сравненіи съ изяществомъ его комментаріевъ?» ³⁾.

Хотя Эней Сильвій Пикколомини и не былъ чуждъ нѣкоторыхъ упомянутыхъ недостатковъ, однако онъ стоитъ гораздо выше всѣхъ авторовъ записокъ и историковъ своего времени. Его дѣятельное участіе какъ въ церковной, такъ и въ свѣтской политикѣ было совершенно иное, чѣмъ участіе его гуманистическихъ товарищей. Почти двѣ трети своихъ возмужалыхъ лѣтъ онъ провелъ въ нѣмецкой землѣ, на базельскомъ соборѣ и при дворѣ императора, даже былъ въ Англии и Шотландіи. Въ Италіи Пикколомини поселился на долгое время только тогда уже, когда сдѣлался сначала кардиналомъ, а потомъ папою. Онъ могъ писать въ Германіи и о Германіи все, что только хотѣлъ, потому что его повелитель не читалъ его сочиненій, а впоследствии духовный санъ избавилъ его отъ тѣхъ стѣснительныхъ условій, въ которыя ставило положеніе придворнаго. Ему не приходилось ожидать награды за свои историческіе труды; императоръ Фридрихъ былъ чуждъ той мысли, что благодаря Энею можетъ прославиться въ потомствѣ, и ему не нужно было никакого исторіографа. Быть можетъ, Пикколомини одинъ изъ всѣхъ

1) См. томъ I стр. 452.

2) См. томъ I стр. 382. Въ такомъ духѣ онъ выражается въ *Praefatio* въ *Vita Caroli Zeni* у *Muratori Scriptt.* Т. XIX теоретически о задачѣ историка: *effingit cogitationes hominum, sermones conventionesque; temporum rationes, motus, figuras corporum effert etc.*

3) У *Muratori Scriptt.* Т. XX p. 424. 453.

ученыхъ товарищей питалъ мысль ввѣрить бумагѣ то, что онъ видѣлъ и слышалъ въ окружающемъ его мѣрѣ. Ученыя историческія сочиненія его были очень неважны, но онъ настоящій писатель между-ровъ. Записываніе замѣчательныхъ событій постоянно шло у него рука объ руку съ его разнообразною дѣятельностью. Такъ какъ онъ въ первый разъ увидѣлъ большой свѣтъ въ Базелѣ, то и началъ свои комментаріи съ базельскаго собора и впослѣдствіи написалъ его исторію. Затѣмъ слѣдовала исторія Фридриха III, введеніемъ въ которую служила исторія Австріи. Поѣздка ко двору Альфонса, короля Неаполитанскаго, имѣла слѣдствіемъ тѣ изреченія, которыя онъ во славу короля прибавилъ къ сочиненію Беккаделли, родственному по содержанию. Будучи кардиналомъ, онъ написалъ исторію Богеміи, которая со времени базельскаго собора сильно занимала его, потому описалъ часть Европы. Это была историкогеографическая энциклопедія. А будучи папою, сочинилъ подробныя записки, обнимавшія собою время до его выѣзда изъ Анконы, слѣдовательно почти до конца его жизни. Въ то же время это и автобіографія и отчетъ о тѣхъ великихъ событіяхъ, которыхъ очевидцемъ былъ глава папскаго престола. Какъ историкъ, онъ былъ нѣсколько самохвалъ и часто являлся адвокатомъ своей партіи, но большею частію находился въ томъ именно пунктѣ, откуда исходили нити политическаго движенія, и къ которому снова возвращались. Онъ умѣлъ наблюдать и рассказывать, хотя нерѣдко сообщалъ больше того, чѣмъ слѣдовало, а въ другихъ случаяхъ меньше, или подчасъ и больше того, чѣмъ зналъ. Онъ никогда не былъ простосердечнымъ и вѣрнымъ передатчикомъ ¹⁾).

Древніе историографы имѣли обычай вставлять въ свое сочиненіе рѣчи, и этотъ обычай былъ тщательно усвоенъ гуманистами. Известно, что Фукидидъ пользовался ими для характеристики даннаго положенія вещей и лицъ. Потомъ Саллюстій и Ливій сдѣлали изъ нихъ риторическія упражненія, а рѣчи ихъ подражателей, гуманистовъ, скорѣе ужъ способны бросить совершенно ложный свѣтъ на событія, чѣмъ уяснить ихъ. Это искусственное средство предназначалось для того, чтобы придать нѣкоторое величіе лицамъ, также полноту и оживленіе сухимъ фактамъ, теплоту изложенію. Въ дѣятельности же много говорить не приходилось, такъ какъ дѣлопроизводство и дипломатія вели больше къ составленію документовъ. Но, судя по историческимъ трудамъ, можно было бы думать, что въ каждой небольшой ратушѣ засѣдалъ римскій сенатъ, и ораторъ въ родѣ Цицерона гремѣлъ противъ заговоровъ, престолы же государей

¹⁾ См. G. Voigt. Enea Silvio Bd. II s. 320—341.

и начальство надъ войсками занимають опытные риторы. Сочиненіе безъ рѣчей не могло имѣть притязаній на названіе классическаго и на славу въ потомствѣ.

Любимой формою гуманистическаго бытописанія была біографія. Рѣзкій выступъ на сцену личности, свойственный тому времени, преобладающая мысль о посмертной жизни въ потомствѣ, обращало умы на индивидуальныхъ дѣятелей и на ихъ значеніе во всемирной исторіи и въ исторіи литературы. Если Италия со временъ Данта стала непримѣръ богаче самобытными личностями, нежели въ теченіи темныхъ среднихъ вѣковъ, то въ этой же мѣрѣ и взглядъ на нихъ изощрился, и тѣ выраженія, какими ихъ характеризовали, стали полновѣснѣй и разнообразнѣе. Не только святые, государи и прелаты удостоиваются подобной характеристики, не только герои учености и поэзіи, даже второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятелей старались изобразить съ любовью и передать потомству память о нихъ. Мы еще разъ упомянемъ о томъ, какъ еще Петрарка, въ книгѣ «О знаменитыхъ мужахъ» предпочелъ изложить римскую исторію въ біографическихъ очеркахъ, чѣмъ въ формѣ непрерывнаго разсказа, какъ у Ливія. Боккачіо подражалъ ему въ своихъ Знаменитыхъ женщинахъ и въ сочиненіи О трагическомъ концѣ знаменитыхъ мужей. Тѣ нравоученія, въ которыхъ полагали суть историческаго назиданія, и любимыя анекдотическія подробности находили себѣ здѣсь самое подобающее мѣсто. Не станемъ указывать на множество отдѣльныхъ біографій, посвященныхъ государственнымъ людямъ, ученымъ, поэтамъ и художникамъ, историческимъ личностямъ древняго міра и современникамъ. Видное мѣсто занимають сборники о знаменитыхъ мужахъ и женщинахъ, какими мы обязаны Энею Пикколомини, Филиппо Виллани, Бартоломео Фаціо и книгопродавцу Веспасіано. Общаго между ними одно, что они стараются сохранить и передать другимъ память о такихъ личностяхъ, съ которыми встрѣчались въ жизни, или о которыхъ не замолкалъ говоръ современниковъ. Какъ ярко и пластично выступаютъ передъ нами въ многочисленныхъ біографическихъ очеркахъ Веспасіано все гуманистическое общество, высшіе клерикальные кружки, социальная жизнь флорентинцевъ и флорентинокъ. А вѣдь онъ не былъ человѣкомъ ученымъ, стремившимся къ художественной формѣ изложенія, однако является въ своихъ Воспоминаніяхъ историкомъ, хотя не желалъ и не сознавалъ этого.

Съ историческимъ изслѣдованіемъ близко родственна та область, которую мы теперь обыкновенно называемъ наукою древностей, именно изображеніе античныхъ учрежденій и обычаевъ. Основателемъ этой части былъ трудолюбивый Флавіо Бьондо. Въ своемъ сочиненіи *Roma triumphans* (торжествующій Римъ), поднесенномъ имъ

тельной начинанности въ одно антикварное цѣлое. Онъ говорилъ здѣсь о религіи римлянъ, объ ихъ играхъ и театрахъ, о государственномъ управленіи и правоустройствѣ, о налогахъ, податяхъ, торговлѣ, денежной системѣ, о военныхъ порядкахъ и ихъ приложеніи къ войнѣ, о домашней жизни, земледѣліи, пирахъ, виллахъ, которыя изучилъ съ особою любовью, о платьѣ, экипажахъ, наконецъ, въ заключеніи труда, всего подробнѣе—о триумфахъ. Это было первое произведеніе, задуманное въ широкихъ размѣрахъ по такой части, которой еще никто не касался раньше Бьондо. Мы не рѣшаемся придавать особаго значенія недостаткамъ (какъ напр. нѣсколько сыроватой компиляціи собранныхъ данныхъ) писателя, который только уже въ старости вознамѣрился создать систему новой науки, много обѣщавшей въ будущемъ. Это было его послѣднее крупное произведеніе, однако онъ еще при жизни видѣлъ успѣхъ его. Прелаты и знатные люди хлопотали о копіяхъ съ него, и у него иногда одновременно работало до дюжины писцовъ, чтобы удовлетворить этимъ настойчивымъ требованіямъ. Вскорѣ экземпляры его распространились по разнымъ городамъ Италіи, а также во Франціи, Англіи и Испаніи, и даже такіа владѣтельные лица, какъ маркграфъ мантуанскій Лодовико, должны были ждать очереди ¹⁾. Дополненіемъ къ этому большому труду можно было считать археологическое разсужденіе *de militia et iurisprudencia*, которое Бьондо вскорѣ послѣ этого посвятилъ Борзо д'Эсте ²⁾.

Изъ отдѣльныхъ трудовъ по древностямъ мы назовемъ сочиненіе Андреа Фьокко о жреческихъ коллегіяхъ и сановникахъ древнихъ римлянъ,—ославленнаго Фенестеллу ³⁾. Это вовсе не ничтожная работа, если къ ней не прилагать такого же мѣрила, какъ къ любому древнему классику. Раньше его и Гаспаріно Барзицца писалъ о названіяхъ древнихъ римскихъ сановниковъ, и нѣчто подобное написалъ также Дечембріо младшій, но оба эти сочиненія намъ извѣстны только по заглавіямъ ⁴⁾. Большой трудъ Роберто Валь-

¹⁾ Письмо Бьондо къ нему отъ 26 декабря 1461 г. (1460?) въ часто цитруемомъ дрезденскомъ кодексѣ fol. 120. Кромѣ отдѣльныхъ оттисковъ это сочиненіе есть въ Biondi Opp. Basil. 1559. Masius Flavio Biondo p. 57. Время изданія книги я опредѣляю по тому извѣстію, которое Бьондо сообщаетъ въ концѣ, говоря о папѣ Каликстѣ, qui proximo obiit anno.

²⁾ Съ посвященіемъ въ письмѣ отъ 16 января 1460 г. въ дрезд. код. fol. 97. Masius s. 58.

³⁾ См. выше стр. 34. Книга эта посвящена кардиналу Брандъ, который умеръ 3 февраля 1443 г.

⁴⁾ Сочиненіе Гаспаріно *de nominibus magistratum Romanorum Libellus* упоминаетъ Mazzuchelli *Scrittori d'Italia* vol. II P. I p. 508. Книга Дечембріо *de muneribus romanae republicae*, часть его *Peregrinae historiae*, Saxius p. 298.

туріо о военномъ искусствѣ у древнихъ упоминался уже раньше ¹⁾. Но этимъ и завершился кругъ подобныхъ изученій. Случайно въ разсужденіяхъ и письмахъ мы встрѣчаемъ отрывочные слѣды антикварной начитанности, но у этихъ ученыхъ беллетристовъ вовсе не было охоты, отказавшись отъ наслажденія, сопоставлять въ качествѣ собирателей разныя извѣстія и съ такимъ же наприм. рвеніемъ читать Геллія, какъ Ливія и Валерія Максима. Мы нисколько не удивляемся тому, что политическая и общественная жизнь древнихъ грековъ для ихъ латинскихъ поклонниковъ все еще оставалась книгою за семью печатами, принимая въ соображеніе, что даже болѣе образованные изъ числа ихъ мало были знакомы съ греческой литературою. А природные греки оставались чужды подобныхъ занятій. Кромѣ разсужденія *Θεοδώρα Газскаго* объ аттическихъ мѣсяцахъ, которое иногда печаталось при его греческой грамматикѣ, мы не знаемъ ни одного подобнаго опыта. Еще менѣе заботились о писателяхъ по части христіанской древности. Въ этой области можно указать только на одного *Маффео Веджіо*, котораго его положеніе, какъ каноника храма св. Петра, побуждало къ изслѣдованіямъ исторіи, памятниковъ и надписей достопочтенной базилики, и который пошелъ далѣе и открылъ вообще для науки христіанскій Римъ среднихъ вѣковъ. ²⁾ Но онъ долго не находилъ послѣдователей, именно нашелъ не раньше того, какъ художественный интересъ съ другой стороны привелъ къ изученію памятниковъ.

Гораздо сильнѣе вызывали на антикварныя изслѣдованія развалины и надписи античнаго Рима. При видѣ ихъ бились сердца у такихъ людей, какъ *Поджіо* и *Чиріако*; мимо нихъ не проходилъ ни одинъ любитель древности, посѣщавшій Римъ. Но только *Поджіо* вполнѣ отдался изученію ихъ на многіе годы. Онъ посвятилъ свой перечень римскихъ развалинъ, «Описаніе города Рима», о которомъ мы уже упоминали, какъ законченный трудъ, *Николаю V*. Но нѣтъ сомнѣнія, что онъ началъ уже осенью 1403 г., когда *Поджіо* впервые ступилъ на римскія улицы и площади, быть можетъ, обработанъ еще во время папы *Мартина V*. Вслѣдъ за нимъ издалъ болѣе важное сочиненіе *Бьондо*, который явился ко двору *Евгенія IV* въ 1432 г. и въ первый разъ увидѣлъ городъ императоровъ и

¹⁾ См. томъ I стр. 529.

²⁾ *Vegii de rebus antiquis memorabilibus Basilicae S. Petri Romae*, написанное вѣроятно, при *Калкстаѣ III*, въ *Acta Sanctorum (Bolland.) Junii T. VII seu Pars. I. Supplementi, Antverp. 1717 p. 61 seq.* См. выше стр. 11.

папѣ. Въ послѣдствіи, когда папа съѣзъ изгнанъ изъ Рима, онъ находился почти десять лѣтъ при римскомъ дворѣ во Флоренціи, и дѣлилъ съ нимъ его печальную участь. А когда папа снова воротился въ Римъ въ сентябрѣ 1443, то онъ приложилъ свое громадное трудолюбіе къ задачѣ — возстановить топографію древняго императорскаго Рима по развалинамъ и памятникамъ при сравненіи извѣстій, встрѣчающихся у древнихъ писателей. Въ 1446 г. онъ посвятилъ три книги своего *Roma instaurata* папѣ, съ которымъ вѣрно проводилъ дни бѣдствія и который въ то время усердно хлопоталъ о возстановленіи резиденціи, пришедшей въ упадокъ. ¹⁾ Видя римскихъ развалинъ пробуждалъ въ немъ мысль оживить ихъ, и его огорчало то, что ихъ «оскверняли» ложными и варварскими названіями. Онъ съ большимъ усердіемъ старался отыскать и объяснять остатки древности. Когда его приглашали на большую охоту, которую устроилъ въ 1444 г. кардиналъ Просперо Колонна по случаю пріѣзда молодого Борзо д'Эсте въ окрестностяхъ Рима, то онъ предпочелъ изучать древности тѣхъ мѣстъ, которыя прилежали къ пути охоты, виллы и мраморныя постройки на латинской дорогѣ и дорогѣ Аппія, виллу Цицерона въ Тускулумѣ, погруженный въ озеро Неми древній кипарисовый корабль, Альбу Лонгу и ея развалившійся театръ и мраморную голову Энея, которую тамъ показывали. ²⁾ Съ тѣмъ же пытливымъ взглядомъ изслѣдователя смотрѣлъ онъ на римскіе холмы и ворота, на постройки и храмы, на художественныя произведенія, на площади и мосты, на термы и водопроводы, театры и амфитеатры. А объясненія онъ систематически отыскивалъ у древнихъ писателей, которыхъ читалъ очень много. Это былъ сознательный, самобытный изслѣдователь, хотя многія его мнѣнія отвергнуты, какъ несостоятельныя. Но и новый христіанскій Римъ представлялъ для него достойный предметъ изслѣдованія; вмѣстѣ съ консулами, сенатомъ и великолѣпнымъ Капитоліемъ Римъ для Бьондо не утратилъ своего величія. Поэтому онъ прилагаетъ списокъ церквей, капеллъ и священныя памятниковъ, не обнаруживая впрочемъ особенной охоты изучать ихъ. Книга его, которую еще современники пріѣзжавшіе въ Римъ

¹⁾ Годъ окончанія труда опредѣляется просто, если сопоставить извѣстіе въ *Italia illustr.* р. 313, по которому онъ посвящалъ папѣ сочиненіе *anno ante quarto*, съ другимъ р. 320, по которому онъ написалъ это *praesenti anno* и *praesenti Junio*, когда въ Римѣ праздновался великій юбилей.

²⁾ Его письмо къ маркиграфу Ліонелло д'Эсте отъ 13 ноября 1444 г. въ дрезденскомъ кодексѣ fol. 98.

торгомъ, долго занимала первое мѣсто въ литературѣ по части топографіи древняго Рима ¹⁾.

Географія, вѣдѣніе о странахъ и народахъ, вызывала у всѣхъ гуманистовъ живѣйшій интересъ. Они любятъ слушать и рассказывать о путешествіяхъ, объ отдаленныхъ странахъ и чудныхъ обычаяхъ тамошнихъ жителей. Время великихъ открытій было вѣдь и ихъ временемъ. Въ приморскихъ и торговыхъ городахъ Италіи довольно слышали не только о греческомъ Востокѣ, но также объ Индіи и земляхъ священника Іоанна. Знатоки древности любили сравнивать міръ грековъ и римлянъ съ новымъ и живо представлять себѣ то поприще, на которомъ дѣйствовали великіе люди и совершались великія событія. Судьба не дала возможности ни одному изъ гуманистовъ совершить далекихъ и замѣчательныхъ путешествій кромѣ развѣ Чиріако Анконскаго, но многіе изъ нихъ познакомились съ чужими странами, Франціею, Германіею, Испаніею, Англіею, Византіею, Греціею и островами архипелага. А съ Италіею они почти всѣ были коротко знакомы. Какъ охотно и картинно сообщали о ней, показываютъ намъ многія описанія странъ и городовъ, которыя мы читаемъ у Петрарки, Бруни, Поджіо, Пикколомини и др., и географическіе эпизоды въ трактатахъ и историческихъ повѣствованіяхъ. Разумѣется, болѣе обширныя и цѣльныя сочиненія по географіи и этнографіи требуютъ продолжительнаго и систематическаго изученія предмета, все равно собираются свѣдѣнія путемъ собственнаго наблюденія или почерпаются изъ книгъ. Поэтому мы не удивляемся, что собственно число трудовъ, о которыхъ намъ слѣдуетъ упомянуть, весьма не велико и вовсе не даетъ понятія о томъ интересѣ, какой питали къ этому предмету, сообщавшему значительный запасъ свѣдѣній.

Флорентинскій купецъ Кристофоро де Бондельмонти, подобно многимъ изъ своихъ товарищей по профессіи, съ 1414 до 1422 г. пробылъ на греческомъ Востокѣ, преимущественно на островѣ Родосѣ, а отсюда предпринималъ разныя поѣздки на Критъ и на другіе острова архипелага. Онъ написалъ два сочиненія, изъ которыхъ въ одномъ говорилось объ островѣ Критѣ, а въ другомъ объ архипелагѣ. Онъ получилъ образованіе на половину классическое, но любовь къ нему была вызвана въ немъ литературными кружками Флоренціи, и писалъ по латыни, хотя былъ чуждъ изяществъ классическаго языка и основательнаго знанія грамматики. Однако Бондельмонти чи-

¹⁾ Roma instaurata въ Opp. p. 222 seq. Компететный отзывъ о немъ см. у Jordan Topographie der Stadt Rom im Alterthum Bd. I Abth. I, Berlin 1878, s. 77. Masius Flavio Biondo s. 48—51.

рона и могъ ссылаться на Овидія, Стація и Теренція. Короче говоря, онъ былъ въ состояніи привести въ связь съ своею книжною ученостью все то, что видѣлъ и слышалъ на классической почвѣ. Ученый этотъ зналъ немного по гречески, хотя скорѣе благодаря знакомству съ греками, чѣмъ литературнымъ путемъ. Сочиненіе о Критѣ авторъ посвятилъ Никколо Никколи, а объ архипелажскихъ островахъ — кардиналу Джордано Орсини. Слѣдовательно, у него были близкія отношенія съ свѣтилми гуманистическаго направленія. Онъ былъ истиннымъ представителемъ того города, въ которомъ торговля приходила на помощь наукѣ ¹⁾.

Главнымъ сочиненіемъ на этой антикварно-исторической почвѣ мы опять обязаны неутомимому трудолюбію ученаго Флавіо Бьондо: это — его *Italia illustrata* (Объясненная Италія). Возбуждаемый основною мыслію сочиненія *Roma instaurata*, въ которомъ авторъ искалъ древняго Рима въ новомъ, король Неаполитанскій Альфонсъ выразилъ желаніе видѣть сравненіе всей древней Италіи съ новою. Для подобной широкой задачи не было сдѣлано ровно никакихъ подготовительныхъ работъ. Для этого, кромѣ знакомства съ античнымъ матеріаломъ, нужно было видѣть все самому и собрать самыя разнообразныя свѣдѣнія. Но это не устрашило Бьондо. Однако, на этотъ трудъ онъ употребилъ нѣсколько лѣтъ, тѣмъ болѣе, что приходилось работать въ то же время надъ декадами и надъ сочиненіемъ о Римѣ. Если не ошибаемся, Бьондо уже около 1443 г. составилъ первый планъ сочиненія, въ которомъ впрочемъ еще не было Сициліи и Нижней Италіи и постоянно приходилось дѣлать дополненія и поправки ²⁾. Окон-

1) *Descriptio insulae Cretae*, встрѣчающееся безъ имени автора въ рукописи, приведенной Bandini Catal. codd. lat. Т. II р. 58 и Т. III р. 744, но упоминаемое въ другомъ сочиненіи р. 66, будто бы напечатано также въ *Creta sacra* Фламинія Корнелія Venet. 1755. Другое сочиненіе встрѣчается часто Christoph. Bondelmonti Florentini liber insularum Archipelagi ed. de Sinner. Lips. et Berol. 1824. См. томъ I. Упомянемъ здѣсь и о путевыхъ сообщеніяхъ Венеціанца Никколо де' Конти, который прожилъ 25 лѣтъ въ Индіи и Персіи, проникъ за Гангъ и долго жилъ на островѣ Цейлонѣ. Когда онъ воротился, папа Евгеній IVъ былъ во Флоренціи. Но его свѣдѣнія дошли до насъ не въ оригиналѣ, а обработанныя въ томъ видѣ, какой Поджіо придалъ имъ въ своей *Historiae de varietate fortunae e. Georgio*. Paris. 1723 р. 126 seq. и какомъ Пій II изложилъ ихъ *Asia* cap. 10. 15.

2) Письмо кардиналу Колоннѣ, въ которомъ онъ говоритъ это, см. дрезденскій кодексъ fol. 119, написано въ Феррарѣ; точно также письмо къ Альфонсу отъ 13 іюня 1443 г. *ibid.* fol. 75 помѣчено Феррарою. Въ первомъ онъ говоритъ: *Solus sum hoc in seculo, vel si patienter audis dicam, solus post Octavium Augustum et Plinium fui, qui tante rei tamque necessarie manus apponere et laborem certe immensum assumere volui.*

чательная обработка и переписка этого труда началась послѣ разныхъ передѣлокъ въ июнѣ 1450 г. ¹⁾, и весь онъ былъ поднесенъ папѣ Николаю V въ 1453 г. Названія мѣстностей и городовъ въ восемнадцати провинціяхъ Италіи, по которымъ Бьондо распредѣляетъ свой трудъ, также околотковъ, замковъ, горъ, рѣкъ и источниковъ перечисляются тщательно, и съ ними сравниваются тѣ извѣстія, которыя онъ заимствовалъ у классическихъ авторовъ, изъ надписей и изъ средневѣковыхъ писателей. Многое онъ провѣрялъ какъ очевидецъ, иное узналъ по картѣ Италіи, посланной ему королемъ Альфонсомъ. Онъ приложилъ нѣкоторыя критическія изслѣдованія, которыя, вѣроятно, въ то время считались учеными и остроумными. Однако онъ долгое время не могъ найти общаго историческаго ключа для объясненія названій и ихъ перемѣнъ. Зато онъ всюду присоединялъ историческія и критическія примѣчанія и при каждомъ городѣ и мѣстности указывалъ на тѣхъ ученыхъ людей, которые родились и жили въ нихъ, а въ особенности тѣхъ, которые отличались заслугами на почвѣ гуманизма. И этотъ обширный энциклопедическій трудъ долго служилъ основаніемъ для всѣхъ подобныхъ изслѣдованій и прекраснымъ памятникомъ ученаго трудолюбія ²⁾.

Еще шире былъ задуманъ планъ той энциклопедіи землевѣдѣнія и народовѣдѣнія, которую готовился издать Эней Пикколомини, будучи кардиналомъ, а можетъ быть, еще и епископомъ. Надъ нею, какъ увѣряетъ этотъ писатель, онъ проводилъ безсонныя ночи, уже будучи папою, но не кончилъ ея въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какъ задумалъ раньше. Сочиненіе это, покоясь на географической и этнографической основѣ, должно было въ то же время служить и обзоромъ исторіи, вѣроятно, насколько прожилъ Пикколомини. Поэтому въ ней предполагалось дать мѣсто разнаго рода сборникамъ и личнымъ воспоминаніямъ. По своему характеру престарѣлый папа не могъ строго ограничиться твердо установленными рамками: то онъ пускался въ подробныя характеристики, то дѣлалъ окольные замѣчанія, то довольствовался сухимъ перечнемъ извѣстій. Поэтому онъ имѣлъ въ виду общее заглавіе ³⁾, которое шло бы къ нашему нынѣшнему пониманію о космографіи. Сначала онъ говорить о землѣ вообще, потомъ характеризуетъ страны и народы послѣдовательно

¹⁾ См. выше. Съ этимъ согласно то обстоятельство, что р. 299 Людовико Фрегозо названъ генуэзскимъ дожемъ (1448 - 1450).

²⁾ Напечатанъ и въ Opp. р. 293 seq. Marius l. c. s. 51—56.

³⁾ *Historia regum ubique gestarum locorumque descriptio*, т. е. Исторія событій, гдѣ бы то ни было происшедшихъ, и описаніе мѣстностей.

отъ востока къ западу. Вполнѣ законченною можно считать только первую часть, изданную въ 1461 году подъ заглавіемъ: Азія, хотя въ ней собственно шла рѣчь только о Малой Азіи и преимущественно, съ весьма понятнымъ интересомъ, о туркахъ. Здѣсь свѣдѣнія ученаго по древности, почерпнутыя изъ новыхъ переводовъ Геродота, Птоломея и Страбона, были все еще богаче, чѣмъ свѣдѣнія папы по новѣйшей и современной ему исторіи. Напротивъ при изображеніи Европы большая часть странъ были извѣстны ему поверхностно, а при обработкѣ другихъ его затрудняло именно обиліе матеріала, и послѣ Бьондо онъ не могъ уже описывать Италію. Но тѣмъ разнообразнѣе были извѣстія по исторіи того времени. Вотъ почему эта именно часть сочиненія сплошь оказывается не полною. Но мы все таки должны удивляться возвышенности взглядовъ автора, когда напр. папа умѣетъ изобразить въ общей связи горы трехъ извѣстныхъ частей свѣта, указать противорѣчія, баснословность въ извѣстіяхъ древнихъ писателей и сообразить совсѣмъ этимъ свѣдѣнія о проникновеніи турокъ въ Арменію и въ черноморскіе края, по мѣрѣ полученія ихъ при римской куріи. И мы, разумѣется, не можемъ относиться свысока къ этому труду, который оказался такою возбуждающею силою въ рукахъ Христофора Колумба ¹⁾.

У гуманистовъ, какъ и у крупныхъ купцовъ венеціанскихъ, генуэзскихъ и флорентинскихъ, были карты Италіи и другихъ странъ, хотя мы, навѣрное, не ошибемся, предположивъ, что онѣ были совершенно неудовлетворительныя и дѣтскія. Раньше мы упоминали о той картѣ Италіи, которую приписывали королю Неаполитанскому Роберту и Петраркѣ, конечно, потому, что она шла изъ Неаполя; географическія названія въ ней были, несомнѣнно, новыя ²⁾. У Никколо Никколи была прекрасная карта земнаго шара и особыя карты Италіи и Испаніи. А если этому придаетъ особое значеніе книгопродавецъ Веспасіано ³⁾, то мы можемъ отсюда заключить, что подобнаго рода явленіе было далеко не обычнымъ. И въ бумагахъ, оставшихся послѣ Зомино да Пистойя, оказались карты Италіи и Палестины на пергаментѣ и большое плоскошаріе, на которомъ названія были начертаны греческими буквами: слѣдовательно, онъ полученъ былъ съ грече-

¹⁾ См. G. Voigt Enea Silvio de Piccolomini Bd. II S. 333—336. Alek. von Humboldt Kosmos Bd. II S. 291.

²⁾ См. томъ I, стр. 148.

³⁾ Nic. Niccoli § 9: Aveva uno bellissimo universale (mappamondo), dove erano tutti i siti della terra; aveva Italia et Spagna, tutte di pittura.

скаго востока ¹⁾). И Бартоломео Фаціо нашелъ возможность послать одному другу изображеніе земнаго шара съ современными географическими названіями ²⁾). Ему, конечно, легче было это сдѣлать, потому что онъ былъ геноузецъ. Но мы не можемъ указать ни на одного гуманиста, который бы самъ могъ чертить карты, кромѣ развѣ Леоне Баттисты Альберти. Послѣдній по крайней мѣрѣ составилъ указаніе, какъ слѣдуетъ правильно начертить Римъ съ его стѣнами, улицами, воротами, церквами и теченіемъ рѣки Тибра ³⁾). Потомъ папа Пій II поручилъ венеціанцу Джироламо Беллавистѣ сдѣлать для себя плоскошаріе, которое, можетъ быть, должно было служить иллюстраціею къ его Космосу ⁴⁾).

¹⁾ Zacharias Bibliotheca Pistor. p. 44. О Зомини см. томъ I, стр. 225.

²⁾ Его письмо у Mittarelli p. 382: Hunc tibi libellum, quamquam incultum mitto, quo orbis terrarum situs continetur, qualis nunc est etc.

³⁾ Его Descriptio urbis Romae у Giov. Batt. de Rossi Pianta iconographiche e prospettiche di Roma anteriori al Secolo XVI, Roma 1879, p. 97. 131. Но все такъ сомнительно, то ли самое это сочиненіе, которое Mazzuchelli Scritt. d'Italia Vol. I, p. I, p. 317 называетъ Cosographia urbis Romae antiquae.

⁴⁾ Eug. Müntz въ Revue critique d'hist. et de litt. 1880 No. II p. 212.

Списокъ изданій и книгъ, на которыя особенно часто ссылается авторъ.

(Монографія и тѣ сочиненія, которыми онъ рѣдко пользовался, точнѣе указаны въ надлежащемъ мѣстѣ).

Abel, Eug., см. *Analecta* и пр.

Accolti, Bened., *Dialogus*, см. Villani, Phil., *Liber de civ. Florent. fam. civibus cur. Galetti*.

Adda, Girol. d', см. *Indagini* и пр.

Aeneas Sylvius (Piccolomineus, Pius II papa), *Opera* Basil. 1551.

— *Epistolae*. (При множествѣ изданій я ссылаюсь только на адресъ и число и отсылаю читателя къ моему разсужденію: *Die Briefe des Aeneas Sylvius vor Seiner Erhebung auf den päpstlichen Stuhl, chronologisch geordnet und durch Einfügung von 46 bisher ungedruckten vermehrt*—въ XVI томѣ *Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen*).

— Pii II. P. M. olim Aeneae Sylvii Piccol. Senens. *Orationes politicae et ecclesiasticae* ed. Mansi T. 1. II. Lucae, 1755.

— Pii secundi pontificis max. *Commentarii rerum memorabilium a r. d. Ioanne Gobbellino iamdiu compositi* и пр. Quibus hac editione accedunt Jacobi Piccolominei, cardinalis Papiensis, *Rerum gestarum sui temporis et ad Pii continuationem Commentarii ejusdemque Epistolae*. Francofurti 1614.

— Aeneae Sylvii de viris aetate sua claris opusculum—in *Append. S. T. III. Orationum Pii II* ed. Mansi, и подлѣ, подъ заглавіемъ: *De viris illustribus* въ библиотекѣ литературнаго кружка въ Штутгартѣ, т. I. 1843.

— Aeneae Sylvii episcopi senensis *Historia rerum Friderici III Imperatoris*—въ *Kollarii Analecta monum. Vindob. T. II. Vindob. 1762*.

— Aeneae Sylvii episcopi Tergestini. *De rebus Basileae gestis stante vel dissoluto concilio Commentarius* въ *Car. Fea Pius II pont. max. a calumniis vindicatus* и пр. Romae 1823.

Affo, *Memorie degli scrittori e letterati Parmigiani*. T. II, Parma, 1789.

— *Notizie inf. Basini*, см. *Basinius*.

Agostini, Giov. degli, *Notizie istorico-critiche intorno la vita e le opere degli scrittori Viniziani*, T. 1. II. Venezia, 1752.

Alberti, Leon Batt., *Opere volgari* ed. Bonucci, T. II (*Della famiglia libri IV*). Firenze 1844.

— *Opuscoli morali*, trad. da Bartoli. Venetia, 1568.

— *L'architettura* trad. da Bartoli. Venetia, 1565.

— *Kleinere kunsttheoretische Schriften*. Im Originaltext herausg., übersetzt n. s. w. von Janitschek (*Quellenschriften für Kunstgeschichte herausg. von Eitelberger von Edelberg, Bd. XI*) Wien 1877.

Albertus a Sarthiano (*Sarthianensis*). *Opera omnia illustrata* a F. Haroldo. Romae, 1688

- Beccatellus**, Anton. (Panormita) Opera. Antonii Panhormitae familiarium liber. s. l. et a.
- Antonii Bononiae Beccatelli cognomento Panhormitae Epistolarum Libri V. Ejusdem Orationes II. Carmina etc. Venetiis, 1553.
- Antonii Beccatelli Siculi cognomento Panhormitae Epistolarum Gallicarum libri quatuor. Accedit etiam ejusdem epistolarum Campanarum liber. His praemittuntur Epistolae sex ex cod. mss. nunc primum in lucem erutae. Neapoli 1746. (Объ этихъ трехъ изданiяхъ, изъ которыхъ я постоянно смызлся на послѣднее, см. т. I, стр. 444, прим. 3).
- Antonii Panormitae — De dictis et factis Alphonsi regis Aragonum libri IV ed. stud. Dav. Chytraei. Witeberg. 1585.
- Antonii Panormitae Hermaphroditus. Primus in Germania edidit et Apophoreta adjecit F. C. Forbergius. Coburgi 1824.
- Beck**, G. F. H., Dissertatio inauguralis de Orosii fontibus et auctoritate, et alia de Antonii Raudensis aliquo opere inedito etc. Marburgi. 1832.
- Benvenuto** Imolensis, см. **Rambaldi**.
- Bergomas** см. **Jacobus Philippus**.
- Bernardi** Pierpaolo Vergerio, см. **Archivio stor. Ital.**
- Bessarion** — Opera omnia ed. Migne въ Patrologiae Graecae T. CLXI. Paris. 1866.
- Bisticci** см. **Vespasiano**.
- Blondus**, Flavius, Opera. Basillae 1559.
- Epistolae 25 въ Cod. ms. F. 66 — дрезденской королевской публичной библиотеки.
- Boccaccio**, Giov., Opure vol. IV—VI. Firenze 1723—1724.
- Lettere edite e inedite, tradotte e commentate con nuovi documenti da Corazzini. Firenze 1877.
- Jo. Vocatii περί γενεαλογίας deorum libri XV. Basileae, 1532.
- Johannis Vocatii de Certaldis historiographi prologus in libros de casibus virorum illustrium. s. l. et a. (edit. princ.).
- Johannis Boccaccii Certaldi de casibus illustrium virorum libri novem. Parrhisii s. a.
- Johannis Boccaccii de Certaldo Compendium quod de praeclaris mulieribus ac ad famam perpetuam edidit feliciter. s. l. et a. (edit. princ.).
(О трехъ послѣднихъ изданiяхъ см. т. I, стр. 160, прим. 1. 3).
- Bocchi**, Franc., Elogia, см. **Villani, Phil.**, ed. Galletti.
- Boerner**, De doctis hominibus graecis litterarum graecarum in Italia instauratoribus liber. Lipsiae 1750.
- Bonomicius** — De claris pontificiarum epistolarum scriptoribus. Edit. alt. Romae 1770.
- Borsetti**, Historia almi Ferrariae gymnasii P. I. Ferrariae 1735.
- Brunus** Leonardus (Arretinus) Epistolarum libri VIII rec. Mehus. P. I. II Florentiae 1741.
- Leonardi Aretini Libellus de disputationum exercitationisque studiorum usu, adeoque necessitate in literarum genere quolibet. Basileae apud Henricum Petri primum excusa anno 1536. uti in fronte legitur, vel potius anno 1530. mense Martio quod sub finem indicatur. Ob raritatem et praestantiam denuo editus cum annotationibus Sac. Wilh. Feuerlini. Norimberge 1734.
(Сравни т. I, стр. 353, примѣч. 4).
- Rerum suo tempore in Italia gestarum Commentarius ap. Muratori Scriptt. rer. ital. T. XIX.
- Vite di Dante e di Petrarca, см. **Villani, Phil.**, ed. Galletti.

- Amstelredami (Elzevir) 1644.
- Erhard, H. A., Geschichte des Wiederaufblühens wissenschaftliche Bildung vornehmlich in Deutschland bis zum Anfange der Reformation. Bd. I—III Magdeburg 1827—1832.
- Fabricius Bibliotheca graeca ed. Harless vol. I—XII. Hamburgi 1790—1809.
- Bibliotheca latina mediae et infimae aetatis ed. Mansi T. I—VI. Patavii 1754.
- Fabronius Magni Cosmi Medicei vita, vol. I. II. Pisis 1788. 1789.
- Laurentii Medicis Magnifici vita vol. I. II. Pisis 1784.
- Facciolati Fasti gymnasii Patavini ab a. 1406 ad a. 1509. T. I. II. Patavii (1757).
- Facius, Barthol., De viris illustribus liber ed. Mehus. Florentiae 1745.
- Favre, Guill., Mélanges d'histoire littéraire. T. I. (Зръсь: Vie de Jean-Marius Philelfe 1810), Genève 1856.
- Filelfus, Franc., см. Philelphus.
- Fontius Annales см. Villani, Phil., ed. Galletti.
- Foscarini Della letteratura veneziana, vol. I. Padova 1752.
- Fraknó i, Ed., см. Vitez.
- Friedjung Kaiser Karl IV und sein Antheil am geistigen Leben seiner Zeit. Wien 1876
- Frizzi, Antonio, Memorie per la storia di Ferrara con note del conte Laderchi. 2 ediz vol. III. IV. Ferrara 1850. 1848.
- Fulin см. Petrarca e Venezia.
- Enrico, Di Vespasiano da Bisticci e delle sue biografie. Pisa 1878.
- Gardthausen—Griechische Palaeographie. Leipzig 1879.
- Gaye Carteggio inedito d'artisti dei secoli XIV. XV. XVI. T. I. Firenze 1839.
- Geiger, Ludw., Petrarca. Leipzig 1874.
- Georgius, Domin., Vita Nicolai V. Pont. Max. Acc. ejusd. Disquisitio de Nicolai V erga litteras et litteratos viros patrocinio. Romae 1742.
- Osservazioni intorno a Em. Grisolora, см. Raccolta.
- Giesebrecht, Wilh., De litterarum studiis apud Italos primis medii aevi saeculis. Berolini 1845.
- Ginanni Memorie storico-critiche degli scrittori Ravennati. T. I. Faenza 1769.
- Giorgi, Domen., см. Georgius.
- Giornale de' letterati d'Italia. T. XI. Venezia (1712).
- Storico degli archivi Toscani vol. II. Firenze 1858. VI. 1862. VII. 1863.
- Giovanni Dominici Fiorentino dell' ordine de' frati predicatori Regola del governo di cura familiare, ed. Salvi. Firenze 1860.
- da Prato Il Paradiso degli Alberti. Ritrovi e ragionamenti del 1389 a cura di Aless. Wesselofsky, vol. I P. I. II. Vol. II. III. Bologna 1867.
- Giuliani, Giamb. Carlo Conte, Della letteratura Veronese al cadere del secolo XV e delle sue opere a stampa. Bologna 1876.
- Goethe, Wolfg. von, Studien und Forschungen über das Leben und die Zeit des Cardinals Bessarion 1395—1472. I. Die Zeit des Concils von Florenz. I. Heft 1871.
- Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Bd. VI. Stuttgart 1867.
- Guarinus, Bap., de modo docendi et discendi. Argent. 1514.
- Guasti, см. Commissioni di Rinaldo degli Albizzi.
- см. Macinghi, Aless.
- Gulielmus Pastregicus Veronensis—De originibus rerum libellus. Venetiis 1547.
- Hagen, K., Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im reformationszeitalter. Bd. I—III. Erlangen 1841—44.
- Histoire littéraire de la France. T. XXIV. Paris, 1862.

- 1605 (протавъ позовъ у меня не было подъ рукой).
- Mehus Specimen historiae litterariae—sive Dantis, Petrarchae ac Boccaccii a Iannotio Manetto saeculo XV. scriptae. Florentiae, 1747.
- Vita Ambrosii Traversarii, Florentiae 1759 (перевъ Ambrosii Traversarii—Epistt. rec. Canneto).
- Meiners Lebensbeschreibungen berühmter Männer aus den Zeiten der Wiederherstellung der Wissenschaften. Bd. I—III. Zürich 1795—1797.
- Memorie e documenti per la storia dell'università di Pavia. P. II. Pavia, 1878.
- Meneghelli, Opere. vol. IV. Padova 1831.
- Minciotti Catalogo dei codici manoscritti esistenti nella biblioteca di Sant Antonio di Padova. Padova 1842.
- Miscellanea di varie operette (ed. Lazzaroni) T. II. Venezia 1740. VII. 1743. VIII. 1744.
- Mittarelli Bibliotheca codicum ms. monasterii S. Michaelis Venotiarum prope Murianum. Venetiis, 1779.
- Mongitore Bibliotheca Sicula. T. I. Panormi 1707.
- Monsterolio см. Johannes de Monsterolio.
- Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia T. II. Codex epistolaris saeculi XV, ed. Sokolowski et Szujski. Cracoviae 1876.
- Monzani, см. Archivio stor. Ital.
- Morelli Codices manuscripti latini bibliothecae Nanianae. Venetiis 1776.
- Muccioli Catalogus codicum ms. Malatestinae Caesenatis bibliothecae. T. I. Caesanae 1780.
- Müntz, Adolphe, Nicolas de Clémanges. Sa vie et ses écrits. Thèse etc. Strasbourg 1846.
- Müntz, Eug., Les arts a la cour des papes pendant le XVe et le XVIe siècle. Plie I. II. (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome Fasc. IV. IX) Paris 1878. 1879.
- Negri Istoria degli scrittori Fiorentini. Ferrara 1722.
- Nicolaus de Clémangiis (Catalaunensis) Opera omnia, ed. Lydius. Lugduni Bat. 1613.
- Opuscula. Trium poetarum elegantissimorum, Porcellii, Basinii et Trebani opuscula, nunc primum edita. Parisiis, 1539.
- Osio. Documenti diplomatici tratti dagli archivi Milanesi vol. I. Milano 1864.
- Palermo I. manoscritti Palatini, vol. I. Firenze 1853.
- Palmerius, Matthaeus, De temporibus liber (1294—1448) in Rerum Italicarum Scriptores (ed. Tartinio) T. I. Florentiae 1748.
- Palmerius, Matthias, Opus de temporibus suis (1449—1482) ibid. p. 239 seq.
- Pannonius см. Janus Pannonius.
- Panormita, Antonius, см. Beccatellus.
- Papencord Cola di Rienzo. Hamburg und Gotha. 1841.
- Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, herausgeg. von Höfler. Paderborn 1857.
- Paradiso degli Alberti, см. Giovanni da Prato.
- Paris, Paulin, Les manuscrits françois de la Bibliothèque du roi T. I — VII. Paris 1836—1848.
- Petrarca, Franc., Opera. Venetiis 1503.
- Opera omnia. Basil. 1554 (Этихъ базельскихъ изданіемъ авторъ пользовался преимущественно, а выше названнымъ лишь въ крайнихъ случаяхъ).
- Scritti inediti pubbl. ed. illustr. da Att. Hortis. Trieste 1874.

- *Cm. Opuscula trium poetarum etc.*
Prezziner. Storia del publico studio di Firenze vol. I. Firenze 1810.
Quirinus, Ang. Maria (cardinalis). Diatriba praeliminaris ad Francisci Barbari epistolas. Brixiae 1741.
 — *De optimorum scriptorum editionibus rec. Schelhornius Lindaugiae 1761.*
Raccolta d'opuscoli scientif. e filol. (ed. da Calogierà) T. XXV. Venezia 1741.
 (Giorgi Osservazioni int. a Em. Grisolora).
Rafael (Maffei) Volaterranus — Commentariorum urbanorum libri 38. Apud Claudium Marnium et haeredes Ioannis Aubrii 1603.
Rambaldi, Imolenis — Commentarii in Dantis comoediam ap. Muratori antiquitates Ital. T. I.
 — Benvenuto Rambaldi da Imola illustrato nella vita e nelle opere e di lui Commentario latino sulla Divina Commedia di Dante Allighieri voltato in Italiano da Tamburini vol. I—III. Imola 1855. 1856.
Renazzi — Storia dell' università degli studj di Roma detta comunemente la Sapienza vol. I. Roma 1803.
V. Reumont Lorenzo de' Medici il Magnifico. Bd. I. II. Leipzig 1874.
Richardus de Bury Philobiblion вЪ De bibliothecis nova accessio a J. A. S. D. (Joh. Andr. Schmid) Helmstadii 1703.
Rinuccini, Filippo di Cino, Ricordi storici dal 1282 al 1460 ed. Aiazzi. Firenze 1840.
Ritschl Parerga zu Plautus und Terenz. Bd. I. Leipzig 1845.
 — Ueber die Kritik des Plautus in Opuscula philologica vol. II. Lipsiae 1868.
Ritter, H., Geschichte der Philosophie Th. IX (Geschichte der neueren Philosophie Th. I) Hamburg 1850.
Romanin Storia documentata di Venezia T. IV. Venezia 1855.
Roscoe, Will., The life of Lorenzo de' Medici called the Magnificent vol. I—III. Heidelberg 1825.
Rosmini, Carlo de', Vita di Francesco Filelfo da Tolentino T. I—III. Milano 1808.
 — Vita e disciplina di Guarino Veronese e de' suoi discepoli vol. I—III. Brescia 1805. 1806.
Rosmini, Idea dell' ottimo precettore nella vita e disciplina di Vittorino da Feltre e de' suoi discepoli. Bassano 1801.
Rossetti Petrarca, Giul. Celso e Boccaccio. Trieste 1828.
Rossi, G. B. de, im Bulletino dell' Institutto di corrispondenza archeologica per l'anno 1871. Roma 1871.
Sabellius см. Coccius.
(De Sade) Mémoires pour la vie de François Pétrarque. T. I—III. Amst. 1764—1767.
Salutatius, Linus Colucius Pierius, Epistolae nunc primum in lucem editae a Jos. Rigaccio P. I. II. Florent. 1741. 1742.
 — Epistolae nunc primum ex mss. codd. in lucem erutae. Recensuit, Colucii Vitam edidit. Praefatione Animadversionibusque illustravit Laur. Mehus P. I. Florentinae 1741.
 (О соотношеніи обонхъ этихъ изданій между собою см. Т. I. страница 191, примѣч. 2).
 — **Salutati Epistola al reverendo D. Giovanni Dassaminiato, tradotta di latino da Niccolò Castellani (ed. Stolfi) (Scelta di curiosità letterarie Disp. LXXX). Bologna 1867.**

- Villani, Giovanni, Cronica (ed. Moutier) T. III—VIII. Firenze 1823.
- Villani, Mateo, Istorie ap. Muratori Scriptt. rer Ital. T. XIV.
- Villani, Philippus, Liber de civitatibus Florentiae famosis civibus, ex codice Mediceo Laurentiano nunc primum editus, et de Florentinorum litteratura principes fere synchroni scriptores denuo in lucem prodeunt cura et studio G. C. Galletti. Florentiae 1847. (Примѣхъ: Lionardo Bruni Le vite di Dante e del Petrarca.—Dantis, Petrarchae ac Boccaccii vitae ab Jannotio Manetto scriptae.—Leonardi (Bruni) Aretini de Florentinorum republica interprete Benedicto Moneta.—Benedicti Accolti Aretini Dialogus de praestantia virorum sui aevi.—Vespasiano Comentario della vita di Messer Giannozzo Manetti.—Leonis Baptistae Alberti Vita.—Bartholomaei Fontii Annales suorum temporum ab a. 1448 ad a. 1483.—Pauli Cortesii de hominibus doctis Dialogus.—Franc. Boccii Elogia).
- Le vite d'uomini illustri Fiorentini colle annotazioni del conte Mazzuchelli. Firenze 1847 (Collezione di storici e cronisti Italiani. T. VII).
- Villari Niccolo Machiavelli und seine Zeit, übers. von Mangold. Bd. I. Leipzig 1877.
- Vita Leonis Bapt. Alberti ex Villani, Phil., ed. Galletti.
- Vita di Cola Rienzo ap. Muratori Antiq. Ital. T. III.
- Vita di Cola di Rienzo—scritto da incerto autore nel secolo XIV, ridotta a migliore lezione ed illustrata con notè etc. da Zefrino Re. Firenze 1854.
- Vitéz, Joa., de Zredna episc. Varadiensis in Hungaria Orationes in causa expeditionis contra Turcas habitae, item Aeneae Sylvii Epistolae ad eundem exaratae. 1453—1457. Ed. Fraknó. Budapestini 1878.
- Voigt, Georg, Enea Silvio de' Piccolomini, als Papst Pius II, und sein Zeitalter Bd. I—III. Berlin 1856—1863.
- Volaterranus ex. Rafael.
- Wattenbach Peter Luder, der erste humanistische Lehrer in Heidelberg, Erfurt, Leipzig, Basel. Aus dem XXII. Bande der Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. Nebst einem Anhang zur Geschichte der Universität Leipzig. Karlsruhe 1869.
- Werunsky Geschichte Kaiser Karls IV. und seiner Zeit. Bd. I. Innsbruck 1880.
- Der erste Römerzug Kaiser Karl IV (1354—1355) Innsbruck 1878.
- Wesselofsky ex. Giovanni da Prato.
- Zacharias, Franc. Ant., Bibliotheca Pistoriensis. Augustae Taurin. 1752.
- Iter litterarium per Italiam. Venetiis 1762.
- Zanelli Il pontefice Nicolò V ed il risorgimento delle lettere, delle arti e delle scienze in Italia. Roma 1855.
- Zanetti Graeca D. Marci Bibliotheca Venet. 1740.
- Zeissberg Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters. Leipzig 1873.

образование стр. 51—52. Время его первосвященства стр. 53. Его честолюбивая цѣль стр. 54—55. Роскошь при римскомъ дворѣ стр. 55. Постройки папы и его планы построекъ стр. 56—57. Расхищеніе римскихъ развалинъ стр. 57—58. Стефано де Поркари и его заговоръ стр. 59—62. Папа Николай какъ меценатъ. Его предпочтеніе къ флорентинцамъ стр. 63. Ученые собираются вокругъ папы стр. 63—65. Пьеро де Ночето стр. 65. Поджіо и папа стр. 66—69. Марсуппини. Фьокко. Леонардо Дати стр. 70. Манетти и папа стр. 70—72. Леоне Баттиста Альберти. Ауриспа стр. 73—74. Риччуччи да Кастильоне. Никколо Сагундиано. Флавіо Бьондо 74—77. Лоренцо Валла въ Римѣ стр. 78—81. Его смерть стр. 81. Джіованни Тортелло стр. 81—82. Джузеппе Бриппи стр. 83. Пьеръ Кандидо Дечембрио стр. 83. Филельфо и папа Николай. Воздушные замки Филельфо стр. 84—86. Приѣздъ оказанный Филельфо въ Римѣ стр. 87—89.

Гелленскій (эллинистскій) языкъ и литература въ средніе вѣка стр. 90. Ея судьба въ византийской имперіи стр. 90—91. Невосприимчивость къ ней Запада стр. 91—92. Отдѣльные переводы греческихъ произведеній стр. 92—93. Петрарка и Боккаччо, пробудившіе любовь къ занятію греческимъ языкомъ стр. 93—94. Барлаамъ стр. 95—96. Леонціо Пилато стр. 96—99. Эммануиль Хризолоръ стр. 99—100. Ученики его первые итальянскіе гелленисты. Гварино Веронскій стр. 100. Джіакомо да Скарпарія. Ауриспа. Филельфо стр. 101. Поджіо и Валла какъ гелленисты. Школьное дѣло въ восточной римской имперіи стр. 102. Соборъ по поводу соединенія церквей въ Феррарѣ и во Флоренціи стр. 103—104. Платонизмъ. Георгій Гемистъ Шетонъ стр. 104—106. Споръ по поводу Платона и Аристотеля стр. 107. Марселио Фичино стр. 108. Пренебреженіе къ грекамъ. Виссаріонъ 107—113. Его дѣятельность въ Болоньѣ стр. 113—114. Его сочиненія стр. 114. Его собраніе книгъ стр. 115—117. Его литературный приютъ. Никколо Перотти стр. 118—121.

Греки при дворѣ Николая V. Георгій Трапезунтскій стр. 122—124. Его переводы для папы стр. 125. Его раздоры и смерть стр. 126—127. Феодоръ Газскій и его переводы стр. 127—129. Константинъ Ласкарисъ стр. 130.

Раздоры ученыхъ въ Римѣ стр. 131. Раздоръ между Поджіо и Валлою стр. 131—133. Вмѣшательство Перотти стр. 133—135. Вражда Поджіо съ Георгіемъ Трапезунтскимъ стр. 135—136. Несогласіе грековъ между собою по поводу Платона и Аристотеля стр. 137—138.

Сравненіе римскаго литературнаго приюта съ флорентинскимъ кружкомъ стр. 138—139. Переводная литература. Переводы съ латинскаго языка на народный стр. 140—141. Переводы съ греческаго языка на латинскій стр. 141—143. Флоренція—мать этой литературы стр. 144. Переводы Леонардо Бруни — главнымъ образомъ сочиненій Платона и Аристотеля стр. 145—149. Отзыви о нихъ стр. 150—151. Пособія и стремленія тогдашнихъ переводчиковъ стр. 151—152. Обработка Бруни сочиненій Ксенофонта, Поливія и Прокоція стр. 152—153. Роберто де'Росси и Джіакомо да Скарпарія какъ переводчики стр. 153. Переводы церковныхъ писателей, сдѣланные Траверсари стр. 154. Поджіо и Лано да Кастильонкіо какъ переводчики стр. 154—155. Другіе переводы, сдѣланные до Николая V. Уберто Дечембрио. Агантио Ченчи. Пьеръ Паоло Верджеріо и его Арріанъ стр. 155—156. Переводы Гварино и его учениковъ стр. 157. Онъибене да Лонинго, Ауриспа и Филельфо какъ переводчики стр. 158. Валла стр. 159. Цѣль Николая V и распредѣленіе имъ переводной работы стр. 160. Сочиненія Аристотеля въ переводѣ Георгія Трапезунтскаго, Феодора Газ-

скаго и Грегорио да Чятта да Кастелло стр. 160—161. Дальнѣйшіе переводы сочиненій Аристотеля стр. 162. Платонъ въ пренебреженіи у папы. Греческіе исторіи стр. 162—163. Фукидидъ и Геродотъ, переведенные Валлою, стр. 163—164. Діодоръ въ переводѣ Поджіо и Дечембрио стр. 164—165. Алпіанъ въ переводѣ Дечембрио. Поливій въ переводѣ Перотти стр. 165—167. Страбонъ въ переводѣ Гварино и Грегорио стр. 167—168. Теофрастъ въ переводѣ Теодора Газскаго. Алмагестъ въ переводѣ Георгія Трапезунтскаго стр. 168—169. Небольшіе переводы. Латинскій Гомеръ какъ предметъ послѣдняго желанія папы. Буквальный переводъ Пилато. Хлопоты Салютато стр. 169. Прозаическіе опыты Ліонардо Бруни, Дечембрио и Валлы стр. 170. Провѣрка Пиндара Ояванскаго стр. 171. Базини отказывается отъ перевода Гомера стр. 172. Батрахомиомхія въ переводѣ Марсупини и его попытка перевода изъ Илиады стр. 172—173. Опытъ Ораціо. Переговоры съ Филельфо стр. 173—173. Переводы Франческо д'Ареццо, Никколо делла Валле, Яна Паннонскаго и Анджело Полициано стр. 174. Переводы церковныхъ писателей стр. 175. Николай V какъ собиратель книгъ. Его литературные агенты стр. 175—176. Альберто Эноке да Асколи и его отправка на сѣверъ стр. 176—177. Его находки. Приобрѣтеніе греческихъ книгъ стр. 178—179. Іоаннъ Скутариотъ стр. 179. Папская бібліотека. Николай V основатель ватиканской бібліотеки стр. 180—183. Римскій университетъ при Николаѣ V стр. 184. Преподаватели-гуманисты: Ринуччи, Георгій Трапезунтскій, Пьеръ Оддоне да Монтополи, Эноке, Федоръ Газскій стр. 184—185. Валла какъ университетскій преподаватель стр. 185—186.

Гуманизмъ и перковь стр. 186—187. Нападки гуманистовъ на монашество стр. 187—188. Боккачіо стр. 188. Салютато. Ліонардо Бруни стр. 189—190. Филельфо и Поджіо ведутъ борьбу съ нищенствующими монахами, блюстителями правилъ стр. 190—191. Разговоръ Поджіо, направленный противъ лицемѣровъ стр. 192—194. Валла и Гварино. Монахи-гуманисты стр. 195. Траверсари. Орландини. Тимотео Маффеи стр. 195—196. Джироламо Аліотти стр. 196—202. Альберто да Сартеано стр. 203—206.

Взглядъ на ближайшія десятилѣтія по смерти Николая V. Каликстъ III стр. 206—207. Пій II стр. 207—208. Павелъ II и гуманизмъ стр. 208. Бартоломео Сакки да Піадена (Платина) стр. 209—210. Помпоніо Лего и академія. Преслѣдованіе ея. Филиппо Бонакборси (Каллимахъ Эксперіентъ) стр. 210—213. Личность папы и его характеръ стр. 214. Торжество гуманизма при папскомъ дворѣ стр. 215.

Книга шестая.

Гуманизмъ какъ элементъ космополитскій стр. 216—217. Пропаганда его идетъ изъ Италіи стр. 217—218. Различіе между романскими и германскими народами стр. 219.

Англія и ея образованіе по отзыву итальянца стр. 219—220. Ричардъ д'Анжервиль берійскій стр. 220—221. Его собраніе книгъ стр. 221—222. Первые слѣды вліянія итальянскаго гуманизма на Англію. Чосеръ. Лайдчетъ. Томасъ Арѣндель. Генри Бофоръ стр. 222—223. Поджіо въ Англіи стр. 223—224. Друзья Поджіо въ Англіи. Николай Бильдстонъ. Ричардъ Петуртъ. Джонъ Стаффордъ стр. 225. Эней Сильвій Пинколомини въ Англіи.

Адамъ Молинь. Герцогъ Гумфря Глостеръ стр. 225—226. Его посѣщанія Титъ Ливій изъ Форли и Антонио Беккарія изъ Вероны. Его сношенія съ Лионардо Бруни, Пьеромъ Кандло Дечембріо, Пьеромъ дель Монте и Лаво да Кастильонкіо стр. 227—228. Джонъ Типтофтъ, графъ уорстерскій, въ Италіи стр. 228—229. Томасъ и Андрю Ольсъ въ Италіи. Ученики Гваринно: Уильямъ Грей стр. 230. Робертъ Флеммингъ тамъ-же, Джонъ Фри стр. 231, Джонъ Гонтортъ. Нравственная твердость англичанъ стр. 221.

Германія и гуманизмъ. Враждебныя отношенія между національностями германской и итальянской стр. 232. Братья общей жизни и Николай Кузанскій стр. 233. Карлъ IV и Кола ди Ріенцо стр. 234—235. Карлъ IV и Петрарка стр. 235—236. Архіепископъ пражскій Іоаннъ Арнестъ и епископъ ольмюцскій Іоаннъ Окко стр. 236. Іоаннъ фонъ Неймарктъ, канцлеръ Карла IV, епископъ литомышльскій и ольмюцскій, и Петрарка стр. 237—239. Его писемовникъ и сборникъ формъ стр. 240. Король Венцеславъ стр. 240—241. Маркграфъ моравскій Іобстъ и его канцлеръ Андрей фонъ Виттингау. Король Сигизмундъ стр. 241—242. Пьеръ Паоло Верджеріо при его дворѣ стр. 242. Сношенія Сигизмунда съ гуманистами, особенно въ Италіи. Его вѣячальи поэтовъ стр. 242—245. Фридрихъ III. Эней Сильвій де' Пикколомини въ Германіи стр. 246—247. Его характеристика пѣмцевъ князей и дворянства стр. 248. Отношеніе Энея Сильвія къ университету стр. 248—249. Его приверженцы въ канцелярской средѣ стр. 249—250. Іоаннъ Трестеръ. Пикколомини какъ защитникъ поэзіи и реторники стр. 250—251. Его пѣмецкій антиподъ. Григорій Геймбургъ стр. 252—257. Приверженцы и противники Энея въ Германіи. Гардунгъ фонъ Каппель. Ульрихъ Ридереръ. Ульрихъ Зонненбергеръ. Іоаннъ Гюндербахъ стр. 258. Георгъ Пейсербахъ и Іоаннъ Миллеръ изъ Кёнигсберга (Регіомонтанусъ) въ Вѣнѣ. Конрадъ Зельнеръ противъ гуманистовъ стр. 259—260. Іоаннъ Туссекъ, Проконъ и Іоаннъ фонъ Рабштейнъ въ Чехіи стр. 260. Протасій Черногорскій, епископъ ольмюцскій. Аригинъ въ Пlassenбургъ стр. 260—261. Пфальцграфъ Фридрихъ и его дворъ. Матвѣй фонъ Кемпачъ. Петръ Людсръ стр. 261—262. Его странствованія, дѣятельность въ Гейдельбергѣ стр. 263, въ Эрфуртѣ стр. 265, въ Лейпцигѣ *ibid.* Гуманистическія стремленія въ Лейпцигѣ. Генрихъ Штеркеръ, Гартманъ Шедель стр. 266. Последніе годы Людера. Самуилъ Карохъ фонъ Лихтенбергъ въ Лейпцигѣ стр. 267—269. Сигизмундъ и Ульрихъ Гессембротъ изъ Аугсбурга стр. 270. Петръ фонъ Шаумбургъ, епископъ аугсбургскій. Лауренцій Блауменау стр. 270—271. Германъ Шедель, Гартманъ Шедель и Никласъ фонъ Вейль стр. 271—273. Пѣмецкія школы. Людвигъ фонъ Дрингенбергъ въ Шлеттштадтѣ стр. 274.

Итальянскіе гуманисты и пѣмецкіе варвары стр. 274—276. Пѣмецкіе печатники въ Римѣ. Гуманизмъ и книгопечатаніе стр. 278. Проблескъ гуманизма въ Германіи стр. 279.

Дружественное отношеніе Венгріи къ Италіи и къ гуманизму. Король Владиславъ и Пикколомини стр. 280. Іоаннъ Гуниади. Доннсъ Чеши, архиепископъ гранскій. Іоаннъ Виегедъ изъ Зрединъ, канцлеръ Гуниади стр. 281—282. Іоаннъ Чезмиче (Ивъ Паннонскій) стр. 282—287. Галеотто Марціо въ Венгріи стр. 287. Король Матвѣй стр. 288. Библіотека Корвяновъ стр. 289—290.

Гуманизмъ въ Польшѣ. Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ краковскій, и Пикколомини стр. 291—292. Ивъ Дугошъ стр. 292—293. Григорій Санокъ-Филанъ Бонавкорей стр. 293.

Самостоятельность гуманизма во Франціи. Характеръ эпохи каролинговъ. Серватъ Лупъ стр. 294—295. Петрарка и его друзья во Франціи стр.

296—297. Его ссора съ парижскимъ магистромъ стр. 297. Щегольство книгамъ королей и принцевъ стр. 297—298. Иоаннь Добрый и Петрарка стр. 298. Карль V Мудрый и его библіотека стр. 299. Карль VI и Карль VII стр. 300. Переводы классическихъ сочиненій на національный языкъ. Пьеръ Бершёр стр. 301. Симонъ де Геденъ и Николь де Гоннесъ. Жанъ Данденъ стр. 302. Николь Оремъ *ibid*. Лоранъ де Премьерфэ стр. 303—304. Парижскій университетъ, классики и реторика стр. 304. Вліяніе церковныхъ раздоровъ. Пьеръ д'Альп и Жанъ Шарлье де Жерсонъ стр. 305. Жанъ де Монтрель стр. 306. Его сношенія съ остальными гуманистами стр. 307—310. Николай де Клеманжъ стр. 310—316. Греческій языкъ въ Парижѣ стр. 317. Гуманистическія движенія въ Испаніи. Фернандо дель Диасъ. Король Хуанъ II, кастильскій и леонскій. Король Альфонсъ аррагонскій. Далмацій де Муру. Связь съ гуманизмомъ Португаліи стр. 318—319.

Книга седьмая.

Стремленія, заслуги и труды гуманистовъ.

Национальная гордость итальянскихъ гуманистовъ стр. 320. Ихъ личное самоиѣніе стр. 322. Причины ихъ преувеличеннаго сужденія о себѣ стр. 323. Неправильное пониманіе древности стр. 324. Призракъ и дѣйствительность въ нравственной сферѣ стр. 327. Республика ученыхъ и аристократія таланта стр. 328. Положеніе гуманистовъ въ жизни стр. 330.

Заслуги гуманистовъ стр. 331. Область языковъ и памятники древности. Латинская грамматика стр. 332. Латинская орфографія стр. 333. Орфографія Тортелло. Реформа учебной грамматики стр. 334. *Rudimenta grammatices* Перотти стр. 335. Валла какъ грамматикъ. Его Красоты стр. 336. Латинская метрика. Греческая грамматика стр. 338. Словари. Пересмотръ и исправленіе текстовъ древнихъ классиковъ стр. 339. Комментаріи къ классикамъ стр. 345. Надписи стр. 350.

Произведенія поэтическія и прозаическія. Гуманисты какъ поэты стр. 351. Ихъ стихотворенія на родномъ языкѣ стр. 352. Буколическая эколога стр. 353. Разныя поэтическія произведенія. Гварино Веронскій. Баттиста Гварино стр. 354. Поэма послѣдняго Альда стр. 355. Филельфо какъ поэтъ стр. 355—356. Лоски, Веджіо и Пикколомини стр. 356—57. Ченчи, Корраро, Ауриспа, Марразіо, Марсупинни, Базини, Порчелло и Янъ Паннонскій стр. 358. Эпические опыты стр. 359. Латинская драма стр. 359. Трагедіи стр. 360. Комедіи стр. 361. Литература непристойностей стр. 365. Бруни и Беккаделли стр. 366. Фацеци Поджіо стр. 367. Порчелло, Филельфо и Пикколомини стр. 368. Стилистика прозаическихъ сочиненій стр. 369. Ея развитіе со временъ Петрарки стр. 369. Новая школа легкаго слога со временъ Гаспарино да Барзицци стр. 370. Эпистолагаграфія стр. 371. Письма Петрарки и собраніе ихъ стр. 372. Содержаніе писемъ гуманистовъ стр. 374. Культъ дружбы въ письмахъ стр. 376. Переходъ письма въ трактатъ. Объемъ письменной литературы гуманистовъ стр. 384. Учебники эпистолагаграфіи, образцовыя письма, сборники формъ. Наука о рѣчи стр. 388. Рѣчи гуманистовъ стр. 389. Учебники реторики стр. 394. Инвективы стр. 395.

Гуманизмъ и завѣтныя научныя отрасли стр. 402. Борьба со схоластической философiею стр. 403. Труды въ области систематической философiи стр. 404. Философскiй трактатъ стр. 405. Труды въ области педагогики стр. 406. Сочиненiя о воспитанiи владѣтельныхъ лицъ стр. 412. Нравственная теорiя и мораль гуманистовъ стр. 413. Отношенiе гуманистовъ къ богословiю и церкви стр. 416. Петрарка и Боккаччо стр. 417. Наладки гуманистовъ на церковь со временъ Салюта стр. 419. Заигрыванiе съ язычествомъ стр. 422. Полемика Валлы. Критика вульгаты стр. 423. Отношенiе гуманистовъ къ правовѣдѣнiю и къ словесному юристовъ стр. 325. Ихъ отчужденiе отъ математическихъ и естественныхъ наукъ стр. 433. Просвѣщенiе стр. 433.

Гуманизмъ и историческая наука стр. 435. Изслѣдованiя въ области древней исторiи стр. 436. Пренебреженiе къ среднимъ вѣкамъ стр. 439. Декады Бьондо стр. 439. Историческая критика стр. 442. Очерки современной исторiи стр. 443. Вставка рѣчей. Биографiя стр. 447. Древности стр. 448. Топографiя города Рима стр. 449. Географiя и путешествiя стр. 451. Древняя географiя стр. 452. Космографiя Энея Пикколомини стр. 453. Географическiя карты стр. 454—455.

Указатель

ИМЕНЪ И СОЧИНЕНІЙ КЪ ОБОИМЪ ТОМАМЪ.

(Римскими цифрами обозначены томы, арабскими—страницы).

- ▲.
- Августинъ Аврелій, I, 10, 30, 80, 90; II, 37, 40, 52, 329; Августинъ и Петрарка, I, 71, 82—84, 124—127, 157.
- Августъ, римскій императ.; его эниграмы и письма I, 42 (примѣч.).
- Аверронсты и Петрарка, I, 77 — 78; аверронсты въ Падувъ, I, 400.
- Агаzone Андреа, II, 123.
- Алкетини, см. Джіованни да Прато.
- Алкольти Бенедетто, I, 361—362, II, 426—427, 441.
- Алкольти Франческо, I, 318, II, 428.
- Алчіаиоли Донато, I, 268—269, 340.
- Алчіаиоли Никколо, I, 172—174, 268—269, 414—415, 418.
- Алчіаиоли Пьеро, I, 340.
- Александръ де Вилладен, II, 332.
- Александръ V, папа, II, 15, 17, 19.
- Алгіери, см. Дантъ.
- Алифе Никколо де', I, 414—415.
- Алгеретти Джіакомо дельи, I, 523, II, 354.
- Аллеманъ д', кардиналъ, II, 45.
- Албанцани, Донато дельи (Arreninigena—уроженецъ Аппенннъ), I, 370,—II, 381—328, 498.
- Альбергатти, Никколо д', кардиналъ, I, 220,—II, 26, 48—49.
- Альберти Антонио, дельи, I, 176, 372,—II, 66.
- Альберти Леоне Баттиста, дельи, I, 341—346, 372,—II, 73, 201, 410, 455. Его молодость и ученая подготовка I, 342—343. Его сочиненія, I, 344—346.
- Альберто да Сартеано, I, 439, 498,—II, 192, 203—206, 389.
- Альбици Ринальдо, дельи, I, 270.
- Альбрехтъ II, нѣмецкій король, II, 246.
- Альи, Пьеръ д', кардиналъ, II, 305—306, 310—311.
- Альотти Джироламо, II, 24, 196—202, 386.
- Альфонсо де С. Марія, II, 151.
- Альфонсъ, король аррагонскій и неаполитанскій, I, 309—311, 401, 408, 409—410,—II, 129—143, 155—156, 164, 343.
- Амманнати Николомини Джіакомо, кардиналъ въ Павіи, I, 143,—II, 371.
- Аммианъ Марцеллинъ, I, 226.
- Англія и гуманизмъ, II, 219—232.
- Анджело де Чингуло, II, 93.
- Андрей фонъ Виттингау, соборный деканъ въ Ольмюцѣ, II, 241.
- Анжерваль Ричардъ д', см. Ричардъ бѣрійскій.
- Анонимъ изъ Эйнзидельна, I, 248—250.
- Антонино, архіепископъ флорентинскій, I, 349—350,—II, 439.
- Антонио да Ро, I, 464 — 465, 466,—II,

- Антоніо да Битонто, миворитъ, I, 432.
 Антоніо да Паладміо, I, 271,—II, 271.
 Антоніо Піевано ди Вадо, I, 316, 356.
 Апостолій Михайля, II, 116, 137.
 Аппіанъ,—въ переводъ Дечембріо,—II, 83,
 165,—въ переводъ Филляфо,—II, 166.
 Аргиропуло, Іоаннь, I, 269, 339—340,—
 II, 102, 116, 162, 284.
 Argonautica Аполлонія, I, 246.
 Аригинъ, II, 260.
 Аристада—«Похвала Бахусу» (въ переводъ
 Ченчи), II, 20.
 Аристотель, I, 77, 259, 374,—II, 92, 107,
 115, 137, 143, 148—151, 160—162,
 179. Аристотель и Петрарра, I, 77—79.
 Арист. и Боккаччіо, I, 164. Споръ объ
 Аристотелѣ и Платонѣ, II, 136. Переводы
 его на латинскій языкъ:—древнѣйшіе, II,
 143—149;—переводы Роберта де Росси,
 I, 211—212,—II, 153;—перев. Аргиро-
 пуло, I, 339,—II, 162. «Этика», переведен-
 ная Бартоломео Мессинскимъ, II, 92,—
 переводы Бруни, II, 149—151, 163, объ
 «Этиці» въ переводъ Маннетти, I,—II, 162
 перев. Грегорио да Читта ди Кастелло, II,
 161. «Метафизика» въ переводъ Висса-
 ріона, II, 161—162, «Экономика» въ
 перев. Бруни, II, 149,—«Политика»
 перев. Бруни II, 149,—«Исторія живот-
 ныхъ»—перев. Григорія Трапезунтскаго II,
 128, 162,—Федора Газслаго II, 128, 161—
 162. «Реторика» въ переводъ Григ. Тра-
 пезунтскаго II, 125, 162,—перев. Фи-
 льяфо II, 158; «Проблемы механики»—
 перев. Федора Газслаго II, 128, 161—
 162. Переводы Аристотеля на француз-
 скій языкъ, II, 299, 302, 304. Коммен-
 таріи къ Аристотелю, II, 345, 347.
 Аристофанъ, II, 116.
 Ариестъ, архієпископъ пражскій, II, 236,
 240.
 Аррагацци, см. Бартоломео да Монтепуль-
 чіано.
 Арріанъ, I, 247,—II, 156, 243.
 Арундель, Томасъ, архієпископъ кентерберій-
 скій, II, 222.
 Арцибольди, Николо д', I, 482.
 Асоловій Педіанъ, I, 225, 276 (примѣч. 1),—
 II, 225.
 Астрологія и гуманизмъ, I, 71—72, 165,
 193,—II, 433—435.

- Ассети, шривалъ скоръ (дужеваа болъванъ),
 I, 130—134.
 Ауриспа, Джіовани, I, 320—321, 453,
 508—512,—II, 33, 73—74, 101—102,
 158, 342, 358, 386. Ауриспа въ Болоньѣ,
 I, 321, II, 44,—во Флоренціи—I, 321,
 II, 33,—въ Феррарѣ,—I, 516, II, 33—
 въ Римѣ, II, 73—74. Ауриспа въ каче-
 ствѣ собирателя книгъ, I, 244, 245, 247,
 318, 320—321, 511. Его «Эпитаіа», I,
 250 (примѣч. 2).

В.

- Базель, его университетъ, II, 252.
 Базини Базиніо да Парма, I, 531—534,—
 II, 171, 538.
 Баллистаріо Джіованни, II, 31.
 Бальдо да Перуджіа, юристъ, I, 316.
 Бальтуріо Робертъ, I, 309.
 Баньоло изъ Реджіо, Гвидо де, аверроистъ,
 I, 86.
 Барбавара Франческо, I, 467.
 Барбаро Франческо, I, 207—208, 266,
 284, 385, 388, 462, 465, 505,—II, 31,
 157, 245, 408.
 Барбаро Эрмолао, I, 389, 402,—II, 33.
 Барато Марко, I, 414.
 Барбо Николо, I, 380 (прим. 2).
 Барбо Пьеро, см. Павелъ II, папа.
 Барди Роберто де', I, 121.
 Барзица, см. Гаспаріно и Гвиняфорте Бар-
 зица.
 Барлаамо, I, 48—49, 413; II, 93, 95.
 Барриле Джіованни (другъ Петрарки), I,
 414.
 Бартоло, юристъ, II, 118, 426.
 Бартоломео (Аррагацци) да Монтепульчіано,
 I, 221.—II, 23, 131.
 Бартоломео да Мессина, II, 92.
 Бартоломео де Ренцо, II, 43, 222.
 Battaghiomachia въ переводъ Марсуппини,
 II, 172.
 Баттифолле, Роберто де', графъ I, 141.
 Беккаделли Антоніо (Panormita), I, 309,
 378, 422,—II, 314, 348, 366—367,
 371, 380;—Бекк. въ Павіа I, 467, 471—
 472;—въ Неаполѣ, I, 447. Стояновеніе
 съ Валлою, I, 445. Его «Гермафродитъ»,
 I, 436—440, II, 366. Его письма, II,
 380. De dictis et factis Alphonsi, regis
 Aragoniae, I, 448.

Бенварія Антовіо, II, 227.
 Бенви Гульельмо, II, 349.
 Беллавіста Джироламо, II, 455.
 Бенедетто да Пиліо, I, 222,—II, 19, 242.
 Бенедетто, доминиканець, во Флоренціи, писець и миниатористъ, I, 272.
 Бенедиктъ XIII, папа, II, 180, 312.
 Беннинтенди, см. Равеннани.
 Бенци, Уго, I, 500,—II, 107, 500.
 Бернардино да Сиена, мниоритъ, святой, I, 507, II, 38, 190, 204, 389, 415—416.
 Бершёръ Пьеръ, II, 301.
 Библиотеки:—Петрарки, I, 38—40, 45—47; —въ Монте-Кассино, I, 219;—Никколи, I, 276—277, 370;—Роберта, короля Неаполитанскаго, I, 411;—Медичи, I, 373; —Урбинская, I, 521; библиотека кардиналовъ Колонна, II, 26,—Орсини, II, 26. —Ландриани, II, 27,—Виссаріона II, 115—117,—панскія раньше Николая V и при немъ, II, 180—183,—Ричарда Бёрійскаго, II, 221,—Ювнина Витена, II, 282,—Корвина, II, 289—290,—французскихъ королей (Луврская библиотека), II, 297—298.
 Биліась, Андреа де, I, 462.
 Билдстонъ Николай, II, 225.
 Бистиччи, см. Веспазіано.
 Биографія, составленными гуманистами, II, 447.
 Блюменау, Лауренціусъ, II, 270.
 Богословіе и гуманизмъ, II, 416 и далѣе.
 Боккаччо Джіованни, I, 155—156, 315; его отношеніе къ Петраркѣ, I, 95—96, 156—159, 171. Боккаччо и Дантъ, I, 111, 359. Бок. какъ ученый I, 159—170, 175,—II, 397. Бок. и греческій языкъ и греч. литература I, 162—163. Отношеніе его къ религіи и церкви I, 165—166,—II, 418. Боккаччо—поборникъ поэзій, I, 166—168. Полемика съ юристами, I, 164—165. Его «Фіаметта» I, 168. Боккаччо и забота о славіи и потомствѣ, I, 169—170. Личность его и образъ жизни, I, 172—174. Его асе́діа, I, 17. Бѣдность и опытъ поступленія на службу, I, 172—173. Его смерть, I, 174. Бок. какъ открыватель соч. Тацита, I, 233—234. Оцѣнка его позднѣйшими писателями, I, 351—356. Его сочиненія, I, 157, 159, 161—162,—II, 447. Его Похвала Петраркѣ и апологія его, I, 154. Его сочиненія на народномъ языкѣ, I, 141, 159, 169. De praeclaris mulieribus, I, 160,—

II, 437, 447. De casibus virorum illustrium, I, 161—162,—II, 437. De genealogia deorum, I, 161. De montibus, silvis etc. I, 161. Экологія, I, 169. Чтенія о Дантѣ, I, 356. Переводъ Ливія, II, 141.

Болесь, I, 255.
 Болонья. Болонскій университетъ и гуманизмъ, II, 41—46, 119.
 Бонаттино Падуанскій, I, 19.
 Болифаній IX, папа, II, 7.
 Борлей Вальтеръ, I, 38.
 Борсо, маркиграфъ и герцогъ Феррарскій, см. Эсте.
 Бюфоръ Гейри, епископъ Уинчестерскій, II, 223.
 Бозцій, I, 366,—II, 325.
 Брагадино Доменико, I, 393.
 Браччиоллини, см. Поджіо.
 Бранда, кардиналъ, I, 22,—II, 291.
 Братья общинной жизни (или «доброй воли», или «республики ученыхъ»), II, 233.
 Братцелли Яноно, I, 406.
 Бринни или Бриніо Джузеппе, I, 463,—II, 83.
 Бринни или Бриніо Джунипера, I, 463.
 Броскини Гаспаръ Веронскій, I, 197.
 Бросано, Франческоло де, I, 197. 184.
 Брунеллеско (художникъ) I, 343, 348.—II, 10.
 Брунетто Латини, I, 15, 17, 361,—II, 141.
 Бруни Лионардо изъ Арrezzo, I, 189—190, 279, 281, 283, 326, 329, 349. Бруни какъ секретарь куріи, I, 285—286, 354, 359, 366,—II, 323, 414, 425, 428. Его сочиненія, I, 287—288, 351—352,—II, 404. Его письма, I, 288,—II, 379, 385. Записки, II, 443. Рѣчи, I, 288. Рѣчь contra hypocritas, II, 189. Regum suo tempore gestarum commentarius, II, 443. De laudibus Florentinae urbis, I, 363. Παροιμίαι τῶν φλωρεντινῶν πολιτειῶν, I, 363. Historia Florentina, I, 287—288. Libellus de disputationum usu, I, 352 и л. Isagogicon moralis philosophiae, II, 404. Isagoge de vitiis grammaticorum, II, 333. De studiis et litteris, II, 412. Poluxena, II, 362. Calphurnia et Gargulia, II, 363. Vita di Dante e di Petrarca, I, 358.—II, 442. Переводы съ греческаго языка, I, 363,—II, 145, 148—149, 150, 343. Комментаріи къ греческой исторіи и ко второй пушкинской вождѣ, II, 152.

Гиндерблахъ Іоганнъ, еписк. триентскій, II, 258, 279.

Гипшоратъ I, 259. Его письма въ переводѣ, II, 75, 168.

Герокулъ in versus Pythagorae въ переводѣ, II, 74 (пр. 2), 158.

Historia Papirii, I, 289 (пр. 1).

Глостеръ Гумфри, герцога, II, 226.

Годм, Пьеро де, II, 62 (пр. 1).

Голларды, см. ваганты.

Гомеръ, I, 10, 49, 50, 162, 163, 211, 254, 260, 370, 387 (пр. 3), 495, 511, 531, —II, 97, 98, 129. Переводы на латинскій языкъ II, 97 и д., 143, 170 и д., 187, 288, 318.

Гонзага АLESSANDRO, I, 496.

Гонзага Джіанлучидо, I, 496.

Гонзага Джіанфранческо II, маркграфъ мантуанскій, I, 486, 488, 495.

Гонзага Людовико, маркграфъ мантуанскій, I, 482, 483, 492, 495, 496.

Гонзала Карло, I, 474, 492—496.

Гонзага Цецилія I, 496, —II, 29.

Гоннессъ, Николь де, II, 302.

Гонторнъ Джонъ, II, 281.

Гораций и Дантъ I, 15, 17.

Госсебротъ Сигизмундъ, II, 259, 270.

Госсебротъ Ульрихъ, II, 270.

Грамматика греческая I, 502, — II, 338, — латинская I, 502, 504, —II, 123, 332.

Григоріо да Читта ди Кастелло (Tifernas), II, 161, 167, 317.

Греческій языкъ и литература въ средніе вѣка и reserption, II, 90, 317.

Грей Вильямъ, епископъ Эліскій II, 118, 230.

Гульельмо да Пастренго, I, 99 (пр. 1), 234, 403.

Григорій Великій, папа, I, 10.

Григорій Назіанзинъ I, 10, —II, 154, 175.

Григорій Нацскій II, 175.

Григорій XI, папа, и Петрарка, I, 143.

Григорій XII, папа, II, 15, 17.

Григорій пресвитеръ, II, 154.

Григорій Санокъ, архіепископъ Львовскій, II, 282, 288, 293, 364.

Гульельмо Бекки, генералъ Августинскаго ордена (его комментаріи), II, 349.

Гуниади Іоганнъ, II, 281, 289.

Д.

Далмацій, архіепископъ Саррагосскій, I, 443.

Данденъ Жанъ (переводчикъ Петрарки «о средствѣхъ противъ горя»); II, 302.

Дандоло Андреа, I, 381.

Дандоло Леонардо, I, 86.

Дантъ Аалгіери, какъ поклонникъ древности, I, 14 и д. —Идея славы, I, 16—18. Дантъ и сочиненія Цицерона, I, 14. Дантъ и Петрарка, I, 110—113. Дантъ какъ личность, I, 18. Accidiosi div. Com., I, 133. Опѣнка Данта поздѣйшими критиками и образованными людьми, I, 351—359. Чтенія о Дантѣ, I, 356—357.

Дати Агостино, I, 378, —II, 388, 392.

Дати Горо, I, 362.

Дати Лионардо, I, 222, 271, —II, 70, 361.

Демосеенъ, I, 213, 216. Переводы, II, 33, 158, 325.

Дечембріо Пьеръ Кандидо, I, 215, 468, 470, 476—478, 515, —II, 88, 170, 353, 364. Его сочиненія, I, 478, —II, 83—84, 87—88, 131, 141, 227, 335, 353, 387, 437, 448. Vita Philippae Mariae, I, 477, —II, 444. Vita Franc. Sforciae, ibid.—Переводы съ греческаго, II, 165, 170, 227, 228, 318.

Дечембріо Уберто, I, 458, 463, 477, 214. Эпитафія, I, 478.

Джіакомо д'Анджеоло да Скарпарія, I, 206, 211—212, 268, —II, 19, 101, 144, 153.

Джіованни (Алиетини и Гуаччіалотти) да Прато, I, 177, 356.

Джіованни Анджелино, художникъ, I, 372.

Джіованни ди Андреа изъ Боловья, I, 76.

Джіованни ди Варджіаіо, I, 16, —II, 362.

Джіованни ди Доменико, доминиканецъ, архіеписк. въ Рагузѣ и кардиналъ, I, 180, 193, —II, 410, 419.

Джіованни да Имола, юристъ, I, 401, 499, —II, 44, 426.

Джіованни Понтано, I, 399.

Джіованни да Прато, I, 506, —II, 195.

Джіованни (Мальпагини) да Равенна, I, 201 (пр. 2), 207, 208, 304, 382. Отношеніе его къ Петраркѣ, I, 202 и д., —II, 201, 377. Годы путешествія, I, 203—206. Дж. въ Падуѣ, I, 205—206, 398—399; во Флоренціи, I, 206, 317, 356. Его сочиненія, I, 206—207.

Джіованні да Санъ-Мянато, I, 194, 195, — II, 420.

Джіованні да Страда, I, 153.

Джіованні да Феррара, I, 516.

Джіованні да Андреа, юристъ Болонскій, I, 76, 487 (пр. 1), — II, 426.

Джироламо да Наполи, I, 299.

Джіованні да Черменате, I, 22.

Джіованні Кампизіо, II, 36.

Джульіано Андреа, I, 210 (прим. 1), 218, 389, — II, 34.

Джустиніани Бернардо, I, 384, 393, — II, 392.

Джустиніани Леонардо, I, 230, 262 (пр. 2), 277, 297, 383, 384, 392, — II, 157, 392.

Джустиніани Лоронцо, патриарх Венеціанскій, I, 384.

Діогенъ Лазертскій—въ переводѣ Траверсаріи, I, 297, 327, — II, 154.

Діодоръ, I, 247, 365, — II, 181, 288 (пр. 2); — въ переводѣ Поджіо и Пьера Бандидо Дечембрио, II, 136, 164—165, 181.

Діониджи (де' Робертъ) да Борго Санъ-Сеполькро, I, 120, — II, 345.

Діонисій Ареопажетъ, I, 259, — II, 154.

Другошъ Янъ, I, 292—293.

Дмитрій Критскій, священникъ, I, 365.

Доксигеосъ, архіеп. лоріонскій, II, 110.

Доментио да Прато, I, 355, 271 (прим. 1).

Доментио д' Ареццо, I, 142, 316.

Домяціо Кальдіеріно (Calderinus), II, 118, 349.

Донателло, скульпторъ, I, 256, 307, 348, 376, — II, 10, 24.

Донатъ дельи Альбанцани, другъ Петрарки, I, 201.

Донатъ Элій, *Coment. ad Terentium*, I, 243.

Донатъ, грамматикъ, I, 10.

Донди Джіовани де', врачъ и физикъ, другъ Петрарки, I, 74, 249.

Драма, обработанная гуманистами, II, 359—360.

Дрингенбергъ, см. Людвигъ фонъ Дрингенбергъ.

Дружескіи отношенія между гуманистами (республика ученыхъ), I, 330, 383.

Древности какъ наука, II, 447 и далѣе.

И.

Евангелиарій (Четвероєвангеліе) греческій, I, 376.

Евгеній IV, папа (Condolmiere), I, 283, 292, 305, — II, 8, 12, 14, 20, 24—38, 82, 343, 440.

Евршильдъ, I, 254, 255, — II, 90, 99.

Евсевій.—*De graecar. evang.* въ переводѣ Георгія Трапезунтскаго, II, 125, 126, (пр. 1), 175.

Ефремъ Сиринъ, II, 154.

Ж.

Жанъ, герцогъ беррійскій, II, 299, 304.

Жерсонъ Жанъ Шарль де, — II, 305 и д.

З.

Забарелла Франческо, кардиналъ, еписк. флорент., I, 216, 397, — II, 199, 200, 338.

Замбеллари Пелегрини, I, 525, — II, 43.

Заморео Габриелли, I, 141, 457.

Зангаронуло Георгій, I, 116.

Заноби да Страда; школьный учитель во Флоренціи, I, 153; у Акчіаюли въ Неаполѣ I, 416. Поэтическое вѣнчаніе I, 416, — II, 235; — въ качествѣ папскаго секретаря, II, 5, 141. Сочиненія, II, 141.

Збигнѣвъ, еписк. вравовскій, олесьницскій, II, 291 и д.

Зельднеръ Конрадъ, II, 259.

Зено Джіакомо, епископъ въ Фельтре и Беллуно, I, 311, — II, 445.

Зено Карло, I, 382.

Зено Паоло, I, 318 (пр. 2), — II, 100.

Златоустъ Іоаннъ, — въ переводѣ на латинскій языкъ, I, I, 259, 269, 295, — II, 25, 93, 125.

Зомини да Пистойя, I, 222, 364, — II, 335, 339 (пр. 3), 341, 454.

Зонненбергеръ Ульрихъ, II, 258.

И.

Игры въ честь папы, II, 215.

Ингольштадтъ, его университетъ, II, 296.

Интетивы, II, 395 и д.—Ини. Петрарки, I, 73, 115, — II, 395; — Бовгаччо, I, 173, — II, 397; — Салютато, I, 190, — II, 397; — Поджіо, I, 333, — II, 132, 338.

Иринеи, II, 32.
Инокентій, II, 5.
Исидоръ, митрополитъ Кіевскій, кардиналъ,
II, 112, 183.
Исократъ—въ переводѣ, I, 384, — II, 33,
157.
Испанія и гуманизмъ, II, 317—318.
Историческія сочиненія гуманистовъ, II, 436.
Historia Paparii, I, 239 (пр. 1), 254, 260.

И.

Иоаннъ Добрый, король французскій, II,
298, 301.
Иоаннъ XXIII, папа, II, 7, 15, 16, 17, 19,
308.
Иоаннъ Салисбурійскій, I, 9, 10, 29, 38.
Иеронимъ блаженный, II, 424, 425. Его
письма, 277, 369.
Иеронимъ Прагскій, II, 379, 423.
Иобеть, маркграфъ моравскій, I, 196, —II,
241.

Ис.

Кавальканти Меджинардо де, I, 174, 414.
Каза Джіовоза (casa giocosa, веселый домъ),
I, 489, 495, —II, 29.
Каза Тедадьо да, I, 94, 365, 366.
Казелла Людовико, I, 518.
Казини Бруно, II, 390.
Каллимахъ Эсперіенсъ, см. Буонавкорси.
Каллистъ III, папа, II, 126, 183, 207.
Калорія Томазо да Мессина, I, 121.
Кальдіеро Домиціо да (Calderinus), II, 118,
349.
Камбіаторе Томазо, II, 244.
Кампанеа Джіованни да, I, 501 (прим. 2).
Кампанеа Франческо де, I, 516, 501
(прим. 2).
Кампано Джіантонио, I, 358, 371, 538, —
208, 276.
Кампавано Бенвенуто, I, 21.
Камуліо Ниникола, I, 406.
Каппелли Паскьяно де, I, 198, 458.
Каппель Гартунгъ фонъ, II, 258.
Капра Бартоломео, еписк. Кремонскій, ар-
хіеписк. Миланскій, I, 229, 237, — II,
146.
Каприява Доменико, кардиналъ, II, 62,
207, 352.

П, 110 (примѣч.).
Каррарская династія, см. Падуя.
Карлъ IV, римскій императоръ, I, 416, —
II, 234. Карлъ и Петрарра, I, 64 и сл.
142, —II, 235, 239.
Карбоне Людовико, I, 518, —II, 289, 393.
Карлъ V, мудрый, король французскій, II,
299, 301.
Карлъ VI, король франц. II, 300.
Карлъ VII, король франц. II, 300.
Карохъ Самуель изъ Лихтенберга, II, 268.
Карты географическія, I, 277, II, 454—455.
Кассій Діонъ, I, 247, 326.
Кастеллетто Пьетро де, августинецъ во Фло-
ренціи, I, 178, 359.
Кастильоніо Лано дж, старшій, юристъ,
другъ Петрарры, I, 43, 153, 196, 223,
316.
Кастильоніо Лано дж, младшій, I, 338, II,
32, 46, 103, 155, 228, 388.
Квинтилианъ, institutiones, I, 196, 223,
425, —II, 181, 295, 315, 341, 343,
350 (прим. 3).
Клдовій Дмитрій, I, 210—212.
Киприанъ Цецилій, II, 251.
Кириль, II, 125, 175.
Кириакъ, см. Чиріако Анконскій.
Книги: исправленіе книгъ, переписка, со-
ставленіе, торговля ими и цѣна, —I, 364—
371, —II, 116—117, 160, 183.
Книга образцовъ, II, 388.
Козимо да Кремона, I, 230.
Козьма монахъ, II, 116.
Кола ди Ріенцо—и Петрарра, I, 51—16.
Кола въ Прагѣ, II, 240. Собраніе на-
писей и Descriptio urbis Romae, I, 54,
249, II, 350.
Колленуччіо Пандольфо, I, 457.
Колонна Джіакомо, I, другъ Петрарры, I,
98, 109, 127.
Колонна Джіованни, кардиналъ, I, 26.
Колонна Одонъ, см. Мартинъ V, папа.
Колонна Просперо, кардиналъ, I, 527, —
II, 26.
Колумелла, I, 227, —II, 341.
Коль Гонтъе, II, 306, 311, 315.
Комедія, II, 361—365. Comedia de falso
huroscrita, —II, 364.
Комментаріи къ классическимъ писателямъ,
II, 345 и сл.

Конвеневале (или Конвенноле) да Прато, I, 26—27, 41.
 Контарини Андреа, II, 126.
 Контарини Захарія, I, 86.
 Контарини Франческо, I, 397.
 Конти Николо де, II, 452 (прим. 1).
 Копполи Ивоне, юристъ, II, 39.
 Корбинелли Антонио, I, 269, 319.
 Корбинелли Аньоло де, I, 194.
 Корнелій Непотъ, I, 277.
 Корраро Антонио, кардиналъ, I, 395.
 Корраро Грегорио, I, 144, 244, 380, 389, — II, 28—30, 75, 201, 344, 357, 361, 409.
 Краснорѣчіе и гуманизмъ, II, 389 и далѣе.
 Кривелли Джіованни, II, 24 (примѣч. 6), 437.
 Кривелли Лодризіо, I, 478.
 Ксенофонтъ, I, 246, 247, 309, — II, 90, 116, 144. «Киропедія» въ переводѣ Поджіо, I, 309—310, — II, 136, 155, 164. «Геронъ» въ переводѣ Бруни, II, 146, 152. — «Hellenica», обработанныя Бруни, II, 152. Переводы мелкихъ сочиненій Ксенофонта, II, 155, 158, 169.
 Критика историческая, II, 442.
 Курло Джіакомо, I 456 (прим. 1) — II, 343.
 Курцій Квинтъ, I, 196, 240, 420, 496, — II, 141.

Л.

Лактанцій, I, 295, 465—466, — II, 277, 341, 424. Du utroque homine, I, 243.
 Phoenix, I, 246 и д. De ira Dei и De officio Dei, I, 376 (пр. 1).
 Ламола, I, 472.
 Ландани Франческо il Giero (Francesco degli Organi), I, 177.
 Ландріани, Джерардо, епископъ Лодійскій, кардиналъ, I, 229, 435, — II, 27. Нахожденіе имъ сочиненій Цицерона, I, 229, II, 341.
 Лапаччини Джульано, I, 372.
 Ласварисъ Константинъ, I, 340, 457, 476, — II, 130, 339. ●
 Латини, см. Брунетто Латини.
 Левъ Великій, папа; — проповѣди, II, 52
 Лежень, кард., II, 300.
 Лемано Антонио де, II, 241.
 Леонинскій стихъ, II, 351.
 Лепадь, мнимый античный воишь, II, 363.

Лефевръ Жанъ, II, 303 (пр. 1).
 Лейпцигъ, его университетъ, II, 267 и д., 269.
 Ливій Титъ, I, 13, 16, 45, 147, 369, 442, 494, — II, 294, 313, 447. Написанъ на гробѣ и нахожденіе его останковъ въ Палудъ, I, 400—401. Отыскываніе его утраченныхъ книгъ, I, 196, 232, 400—401, II, 181, 241. Пересмотръ и исправленіе текста его сочиненій, I, 421, 445, II, 340, 342. Переводъ его на народный языкъ, I, 421, — II, 149, 296—298, 301.
 Ливій Титъ изъ Форми, II, 226
 Лизій въ переводѣ, II, 158.
 Лионелло д'Эсте, маркиграфъ Феррарскій, см. Эсте.
 Ловатто падуанскій, I, 19.
 Ломбардо да Серико, I, 147, 157, 396.
 Лоренцо ди Марко Бенвенуто, I, 283 (примѣчаніе 4).
 Лоски Антонио, I, 190 (памфлетъ), 198, 200 (созагнѣніе о Салютато), 459, 460, — II, 169, 347, 356, 360, 391. Лоски при папской канцеляріи, II, 10, 13, 22, 24, 244, 392. Его книга канцелярскихъ образцовъ, II, 18, 388.
 Луджи Марсальи, августинецъ, I, 88—89, 177, 179, 181, 274, 280, 358, 359.
 Лузамъ, I, 17, 21, — II, 299, 302. Комментарій, II, 43, 346, 348.
 Лузіанъ — въ переводѣ, I, 511, — II, 33, 75 (пр. 1), 155, 158.
 Луврецій, I, 226, 276, — II, 341.
 Лула Серватъ, феррерскій аббатъ, II, 295
 Любовь въ роскошнымъ книгамъ (щегольство книгами) у королей и принцевъ во Франціи, II, 297 и д.
 Людвигъ фонъ Дрингенбергъ, II, 274.
 Людеръ Петръ, II, 261 и д.
 Людовикъ, герцогъ Анжуйскій, II, 229.
 Людовикъ, герцогъ Бурбонъ, II, 303.
 Люпа Маттіа, I, 378, 416.

М.

Мадзини Джіованни, II, 360.
 Макіавелли Николо, I, 362—363, II, 326, 329.
 Максимилианъ императоръ, II, 317.
 Малатеста Карло, владѣтель Римани, I, 122, 523 и д.

Малатеста де Малатести, въ Цезарь, I, 525.
Малатеста Новелло, Доменико, владѣтель Чезены, I, 483, 539. Его библіотека въ Чезенѣ, I, 539.
Малатеста Гисмондо ди Пандольфо въ Римини, I, 309, 484, 526,—II, 353.
Малатеста Галеотто, владѣтель Римини, I, 523.
Малатеста Пандольфо старшій, I, 523.
Малатеста Пандольфо младшій, I, 523.
Малетъ Джиль, II, 299.
Малпагини, см. Джіовани да Равенна.
Мананъ Пьеръ, II, 306.
Манельмо Ванджелеста, I, 390.
Манетти Джіанноцо, I, 212, 281, 290—298, 303, 327, 557;—М. въ Неаполѣ I, 454 и д.;—въ Римѣ, II, 71 и д. Его сочиненія, I, 300, 353,—II, 72, 162, 175, 386, 392, 406, 411, 425. Его библіотека, I, 375.
Маннлій, астрономъ, I, 225.
Мантуя и гуманизмъ, I, 486 и д. См. также Гонзага.
Мануэль, ученый еврей, I, 299.
Марескотти Галеаццо, I, 528 (пр. 2).
Маріано да Вольтерра, I, 438—439.
Марянова, Джіов., I, 402, II, 351.
Марко, поэтъ въ Римини, I, 529 (пр. 1).
Марразіо Джіов., I, 453,—II, 358.
Марсиліо ди С.-Софія, I, 89, 177, 180, 396.
Марсилія Лундши, августинецъ,—см. Лундши Марсилія.
Марсуппини Карло (д'Ареццо), I, 88—89, 179, 121 и д., 207, 212, 256, 284, 290—292, 326, 328—330,—II, 35, 66, 172 и д., 358, 386. *Watrachiomachia*, I, 453,
Мартино де Снья, августинецъ, I, 178.
Мартинъ, V, папа, I, 226,—II, 21—23, 180.
Марціалъ, II, 349; комментарий (согписоріае Перотти) къ нему, II, 121, 349.
Марціана, библіотека св. Марла во Флоренціи, I, 372.
Марціо Галеотто изъ Нарини, II, 282, 287, 290.
Матвѣй Гуніади Корвинъ, венгерскій король, II, 288—290. Его библіотека, II, 289.
Матвѣй Камнатъ, II, 261, 263.

шаффеи Гимотео, II, 190.
Медицина какъ наука и гуманизмъ, I, 73 и д., 164,—II, 434—435.
Медичи Джіованни ди Козимо, I, 336.
Медичи Козимо (Козьма) де', I, 223, 236, 238, 250 (пр. 2), 256, 259, 271 и д., 276, 308, 324;—II, 108. Основаніе вмѣ библіотеки, I, 372 и д. Домашняя библіотека Медичи, I, 374.
Медичи Лоренцо Великолепный, I, 337, 346, 376,—II, 148.
Медичи Никколо, I, 285, 303 (пр. 2),—II, 146.
Медичи Пьеро ди Козимо, I, 329, 336, 340, 362,—II, 63.
Мелла Бартоломео, де ла I, 498.
Метрика латинская, II, 119, 338.
Микеллоццо, скульпторъ, I, 312,—II, 24.
Миланъ и гуманизмъ, I, 457 и д. См. Висконти и Сфорца.
Минкуччи Антоніо де, юристъ, I, 318.
Молнъ Адамъ, II, 226.
Монашество и гуманизмъ, II, 187 и далѣе, 389.
Монеты и медали, I, 247 и далѣе, 254, 256,—II, 26, 214 (также примѣч. 2).
Монте, Пьеро дель, II, 34, 228, 300.
Монтеварри Пьеро де, I, 359.
Монтепульчано Бартоломео да, I, 221—222.
Монтефельтро Бонконте ди, I, 522.
Монтефельтро Федерико ди, герцогъ Урбинскій, I, 519—522. Его библіотека, I, 522.
Монтополи Пьеръ Одонъ да, II, 185.
Монтрель Жанъ де, II, 306—311.
Морандо Бенедетто, II, 443.
Морозини, Паоло, II, 117.
Муліо Піетро да, I, 182.
Муро Далмацій де, II, 318.
Муссато Альбертино, I, 19—21, 32, 120,—II, 360, 365 (пр. 1), 370, 443.
Мюллеръ Іоганъ, изъ Кёнигсберга (*Ioh. Regiomontanus*), II, 258.
Мьяно Піетро, I, 245.

III.

Написи, I, 247 и д., 402,—II, 272, 350.
Наставники странствующие, I, 201 и далѣе.
Наука права и гуманизмъ, I, 75 и д., 164.—II, 425 и д.

Наука естественна и гуманизъм, II, 433—434.

Неапол и гуманизъм, I, 151, 411 и д.,—II, 431.

Негро Силано, юрист, I, 473,—II, 426.

Недди Франческо, друг Петрарки, I, 94, 153,—II, 377.

Непрстойное направление въ литературѣ, II, 364 и д.

Неймаркъ Иоганъ, канцлеръ Карла IV, епископъ Литомышльскій и Ольмюцскій, I, 142,—II, 235—239. Его письменная и образцовая канцелярская книга, II, 240 и д.

Николо Николо, I, 275—284, 294, 303, 318, 319, 326—328, 351—352, 359, 370—371;—II, 333, 341, 454. Его библиотека какъ публичная, I, 372.

Ниласъ фонъ-Вейль, II, 272.

Николай де Клеманъ, I, 314, 315.

Николай V, папа (Томазо Парентучелли или Томмазо да Сарцана), I, 269, 325, 369,—II, 47 и д.—О его возвышеніи, I, 243, 269, 325, 373,—II, 47 и д.—Какъ папа, II, 20, 40, 47 и д. Его постройки, II, 55. Николай V какъ меценатъ, II, 66 и д. Его библиотека, II, 153.

Николай Кузанскій, кард., II, 108 (пр. 2), 233.

Николай Трирскій, I, 228, 235 (прим. 3), 240.

Николо ди Фолкьо, I, 396.

Ногароли Изотта, Джиневра и Анджіола де, I, 404—405.

Ноніи Марцелла, I, 231.

Ночето Пьеро да, II, 61, 65.

Нути Маттео изъ Фано, архитекторъ, I, 539.

О.

Обработка (исправление) текста классическихъ писателей, II, 339 и д.

Овидій, I, 8, 15,—II, 181, 296, 299, 345.

Окно Иоганъ, еписк. Ольмюцскій и архіеписк. Пражскій, II, 236, 238.

Олесницкій, см. Збигнѣвъ.

Ольсина, I, 449.

Ольсъ, Андрей, II, 229.

Онъибеле да Виченна (или Лонго), I, 207, 393, 487 (пр. 1),—II, 158, 338, 348.

Ораціо да Рома, II, 62 (пр. 1), 173.

Ормъ Николь, II, 296, 302.

Орестиди—Фабула ея, II, 178 (пр. 3).

Оригена Гоммаи, I, 244.

Орландини Паоло, II, 195.

Орсини Джордано, кард., I, 232, 333, 240,—II, 26, 70, 343.

Ореографія латин., I, 280, 319, 367,—II, 333 и д.

II.

Павелъ II, папа (Пьеро Барбо), II, 25, 183, 208 и д.

Павія, ея университетъ, I, 471.

Падуа, Гуманистическія движенія во времена Муссато, I, 19 и д., 395. Падуа во времена Каррарской династіи, I, 395 и д.—Франческо II Каррара, I, 395. Петрарка при д. Каррара, I, 96, 146, 395. Джіованни да Равенна въ Падуѣ, I, 206. Падуа и ея университетъ подъ венеціанскими господствомъ, I, 398.

Палермецъ (Palermite) Антонио, см. Бенгаледа.

Палладій, II, 154.

Пальміери Маттео, I, 222, 271, 291 (пр. 4), 415 (пр. 2),—II, 411, 439.

Пандекты византскіе, I, 376.

Пандони, см. Порчелло.

Panegyrici veteres (древніе панегирики), I, 243,—II, 227.

Паннартцъ Арнольдъ, II, 277.

Паоло да Кастро, юристъ, II, 426.

Паоло да Перуджіа, I, 162, 413,—II, 96.

Паоло дела Пергола, I, 393, 396.

Парадизо дель Альберти, I, 176, 177 (прим. 4).

Парентучелли Томмазо, I, 373, 376. Также см. Николай V, папа.

Паризъ и его университетъ, II, 294, 304.

Парліоне, см. Перлеоне.

Пасивино де Капелли, миланскій канцлеръ, I, 198.

Патрици Франческо де', I, 377.

Пацци Пьеро де', I, 271.

Пегемъ (Бегамъ?) Лаврентій, II, 350.

Педагогія, см. Воспитаніе.

Педіанъ Асконій, I, 225, 276 (прим. 1).—II, 342, 347.

Пелакани, Бяджіо, I, 177, 487.

Переводы—съ греческаго языка на латинскій,—II, 140 и д.—на итальянскій народный языкъ, I, 456,—II, 140,—на

- французскій, II, 295, 298 и д.
- Перлеоне (или Парліоне) Пьеръ, I, 393—394, 406, 537.
- Перротти Николло, сипонтскій епископъ, II, 118, 119, 133, 153, 179. Его сочиненія, II, 120, 121, 166, 335, 338, 349, 387, 393 (пр. 4), 409.
- Персій, II, 315, 347 (пр. 4).
- Персона Христофоръ, II, 153.
- Петрарка Франческо, I, 23 и д. Биографическая литература о немъ, I, 23 (пр. 1). Автографъ Ресте, I, 111 (пр. 3.). Петрарка какъ гуманецъ, I, 25. Его учитель Конвенеvole, I, 26—27. Вліяніе на него Цицерона и Виргилія, I, 27—29, 123. Его взглядъ на поэзію, I, 30, 31, 34, 167. Его краснорѣчіе и слогу, I 34—37. Приверженность его къ древности, I, 37, II, 437. Изысканія его относительно сочиненій Цицерона, I, 38—45, 196. Его библиотка классиковъ, I, 45—46, 196, — II, 340. Его мысль о публичной библиотекѣ, I, 46—47, 372. Петрарка какъ собиратель монетъ и медалей, I, 47, 49. Петр. и греческій языкъ, I, 48, II, 93—94, 97. Ученикъ Барлаамо, I, 48. Петр. и Гомеръ, I, 49, 94, 97. Петрарка на развалинахъ Рима, I, 51, 248. Петрарка и Колодіи Ріенцо, I, 51—60. Петр. какъ оборонникъ римской свободы, I, 56, 60, — какъ итальянскій патриотъ, I, 60, II, 275, 322. Петрарка и Карлъ IV, I, 64—68, II, 235, 275. Борьба Петрарки со схоластикою, I, 67—70. Петрарка какъ провозвѣстникъ просвѣщенія въ борьбѣ съ астрологами, алхимиками и всѣмъ сверхъестественнымъ, I, 71—72, II, 433. Его борьба съ врачами и ихъ знаніями, I, 63—74, — II, 395, — съ юристами, I, 75—76, II, 427, — со схоластической философіей, I, 76, II, 403. Петрарка и Аристотель, I, 77—79. Петрарка и Платонъ, I, 79—80. Его отношеніе къ религіи и церкви, I, 80—81, II, 417—418. Петрарка и Августинъ, I, 85—88. Петрарка — историческая критика, II, 441—442.
- Петрарка какъ мировой мудрецъ, I, 92—94, — какъ придворный, I, 94—97, — какъ ислатель бенефіцій, I, 98—102, — какъ философъ-отшельникъ, I, 102—106. Его культъ дружбы, I, 107—108, — II, 383—384. Петрарка и Лаура, I, 109—110. Отношеніе его къ Данту, I, 111—113. Высокій міръ и тщеславіе его, I, 113—120. Презрѣніе къ учительству, II, 416. Жажда славы и вліяніе его какъ поэта, I, 121—122. Петрарка какъ личность, I, 122—124. Сцена на Монъ—Венту, I, 124—126. Самопокаяніе, (Selbstbeichte), I, 127—128. Его аседія, I, 130—135. Философское и нравственное обращеніе, I, 136—138. Почитаніе его потомками, I, Его смерть, I, 183. Слава въ потомствѣ, I, 150, 351.
- Петрарка и Боккаччіо, I, 155—158, — II, 141. Петрарка и Салютато, I, 182. Петр. и Аквіаполи, I, 415—416. Петр. и герольд Неаполитанскій Робертъ, I, 411—412. Петр. и Флоренція, I, 140, 351—354. Петрарка и Венеція, I, 380—382. Петр. и Франція, II, 296 и д. Петрарка и должность папскаго секретаря, II, 4.
- Петрарка, — его сочиненія, I, 144—140; письма, I, 23 (прим. 1), 148, 149, — II, 374, 390; рѣчи, I, 143, — II, 390. Инвективы, I, 114—116, 148, — II, 297. Стихи (reime), I, 24—25. II, 352. Триопи, I, 113. Эпиграмы и ихъ объясненіе, I, 32, 144, 382, — II, 43, 238, 354. Пэтитескія посланія, I, 144, — II, 352. Комедія Филология, 146, — II, 365. De casa Medeae, I, 146 (прим. 1), — II, 363 (пр. 1). Africa, I, 144—145, 158. 184. 197, — II, 358. Ars punctuandi, II, 332—333. Философскіе трактаты, II, 405. De contemptu mundi s. de secreto conflictu curarum suarum, I, 126, 127—131. De otio religiosorum, I, 126. De remediis utriusque fortunae, I, 126, 137, 143, — II, 302, 307. De vita solitaria, I, 105, 126, 143. De sui ipsius et multorum (aliorum) ignorantia, I, 78, 89—91. De viris illustribus и выдержки изъ этого сочиненія, I, 146, 147, 137, 382 (прим. 1), 396, 498, — II, 437, 447. — Liber rerum memorandarum, I, 148, 198, — II, 437. Itinerarium Syriacum, I, 148. Карта Италиі (?), I, 148, — II, 454.
- Петрарка (или Петрарко) Джерардо, братъ Франческо, I, 108 (пр. 2), 124, 137.
- Петрони Пьеро, I, 165, 166.
- Петроній Арбитеръ, I, 231.
- Петръ Блауасскій, I, 223.
- Петръ де Винеа, I, 191, — II, 370.
- Петтуортъ Ричардъ, II, 225.
- Пеймербахъ Георгъ, II, 258.
- Пиза, ея университетъ, I, 315, 316, 337.
- Пизанелло, художникъ, I, 349, — II, 354.
- Пизани Уголино да Парма, I, 452, — II, 244—245, 363.
- Пинкломони Эней Сильвій, I, 281, 325, 377. Пинклом. какъ папа Пій II-й: его воз-

- вышеніе, I, 239, 325, 377, 378, 445.— II, 225, 273, 292, 364, 373, 426. Пій II какъ папа, II, 12, 21, 22, 183, 207. Пивколомни какъ апостолъ гуманизма въ Германіи, II, 247 и д., 277 и д. Его письма, II, 387, 371, 380, 387, 406. Его рѣчи, II, 371, 393. Его стихотворенія, II, 352, 357. *Artis rhetoricae praesertim*, II, 395. Его трактаты, II, 406, 412. Его труды по исторіографіи, II, 447. *Épitome Decadum Blondi*, II, 440. Его «Азія» и «Европа», II, 454.
- Плато Леонціо, I, 315,—II, 97 и д. Его переводъ Гомера, I, 144,—II, 97, 169.
- Пиндаръ, II, 116.
- Пиндаръ Оливанскій, II, 169, 171.
- Письма поэтическія, I, 335, — II, 374, 380—381.
- Пиччиолли, см. Чиріако Аннонскій.
- Пиччинно Джіакомо, кондотьеръ, I, 451—452, 484.
- Пій II, папа, см. Пивколомни.
- Плавтъ. 12 новыхъ комедій, I, 241. Исправленіе текста, I, 241 (пр. 5), 276,—II, 343—344. Коментаріи, II, 203, 348. Подражанія Плавту, II, 359.
- Платина Бартоломео (Сакки да Пидена), I, 493 (пр. 1), — II, 109 (пр. 1), 118, 184, 208 и далѣе, 212.
- Платонъ, I, 247, 259, 375, — II, 162. Древніе переводы на латинскій яз., II, 92, 147; переводъ Павла Строцца, II, 144. Переводы «Республики» Хризолоромъ и обонии Дечембріо, I, 214, 458,—II, 144, 163. «О законахъ» въ переводѣ Георгія Трансунтскаго, II, 125, 127, 163. Переводъ Бруни, II, 146—147, 164. Петрарка и Платонъ, I, 79 и д. II, 105. Платонъ и неоплатонизмъ II, 105—106. Споръ о Платонѣ и Аристотелѣ, II, 106, 126.
- Платонъ Георгій Гемистъ, II, 102 — 103, 105, 107, 108.
- Плавині младшій; его письма, I, 236, — II, 180 (примѣч. 2), 315.
- Плоскошарія, II, 454—455.
- Плузіадель Юаннъ, II, 116.
- Поджіо (Браччиолли) Джіанъ Франческо. I, 221, 223, 224, 227, 228, 229, 230, 232, 231—233, 284, 359.—II, 66, 101, 200, 275, 300, 342, 370, 423, 429, 432, 434. Поджіо какъ отыскиватель книгъ. I, II, въ Англіи. I, 231. — II, 225. II, при вавилонъ дворѣ. I, 304.—II, 6—9, 13—14, 15, 66, 414. *Regiae* (несвое общество, собиравшееся въ Латеранѣ), II, 14. Поджіо во Флоренціи, I, 303 и д., 363,—на развалинахъ Рима II, 10—14. Поджіо какъ собиратель надписей I, 249,—II, 12—13, 850. Его собраніе античныхъ рѣдкостей, I, 807. Его бібліотека, I, 808, 873,—II, его литературная полемика I, 809, — II, 400. Споръ съ нищенствующими монахами, II, 14, 191 и д.—съ юристами, II, 429,—съ еписк. Зено фельтринскій, I, 311,—съ Гварно I, 311,—II, 400,—съ Чиріако Аннонскимъ I, 313, — съ Филельфо, I, 329, 331, 333,—II, 400,—съ Базельскимъ соборомъ и папою Феликсомъ, II, 9, 68,—съ Валлою и Перотти, II, 181—185,—съ Георгіемъ Трапезунтскимъ, II, 126, 135 и д. Разногласіе по поводу признанія достоинствъ за народнымъ языкомъ, II, 398—399. *Dial. contra hypocrisim*, II, 68, 191 и д. Его письма, I, II, 378. Его надгробныя рѣчи, II, 392, Его трактаты, II, 406. Фацеціи, II, 13, 194, 367. *Urbis Romae descriptio*, II, 12, 449. Исторія Флоренціи, I, II, 155. Переводы съ греческаго, II, 155.
- Паутархъ, I, 245, 247, 259, 375, 382, 499,—II, 92. Переводы, I, 269, 382—383, 508, 514, 520,—II, 19, 33, 90, 106, 144, 146, 157, 158, 284, 288.
- Подоватеръ, Флиппъ, II, 362.
- Полентоне Чинио, I, 205, 239 (пр.), 398 и д.—II, 367, 409. Его сочиненіе *de scriptoribus latinis*, I, 399.
- Полиній въ переводѣ Перотти, II, 119, 120, 166. «Исторія первой пуначеской войны», передѣланная Бруни, II, 152.
- Полиціано Альоло. I, 341,—II, 174.
- Поллуць, лексикографъ, I, 511.
- Польша и гуманизмъ, II, 291—294.
- Помпоніо Лето, II, 210—212, 350.
- Помпоній Порфирій, I, 239 (пр. 1), — II, 178.
- Поппей Фестъ, I, 286 (пр. 1).
- Понтано Джіованно, I, 239 (пр. 1), 456 (пр. 1), 457,—II, 410, 334 (пр. 2).
- Понтано Людоико, каноникъ, II, 39.
- Понтелло Баччіо, архитекторъ, I, 520.
- Поррари Стефано де', и его заговоръ, II, 59 и д.
- Португалія и гуманизмъ, II, 318—319.
- Поррелло Джіантолио де' Пизонни, II, 449 и д., 534 и д.—II, 83 (пр. 4), 358, 368. Его коментаріи въ войнѣ 1452 и 1453 гг., I, 451.

Позія в ея види, II, 351 и д.
 Премьерфе Лоранъ де, II, 303.
 Прендилампа Франческо, I, 487 (пр. 1).
 Прасціанъ, I, 226.
 Прокопій, I, 246; его сочиненія исправленныя Бруни, II, 153.
 Проперцій, I, 196—197.
 Просвѣщеніе и гуманизмъ, II, 426—455.
 Протасій, еписк. черногорскій, II, 260.
 Птоломей. Рукониси его «Космографія», I, 212, 255,—II, 26. Переводъ его Джіакомо да Скарпарія, 212,—19, 153, 168. Таблицы къ нему, I, 212 (пр.). Переводъ «Альмагеста» Георгіемъ Трапезунтскимъ, II, 126, 127, 168.
 Пьетрамала, Галеотто де, кардиналъ II, 312.
 Пьетро да Музіо, въ Падуѣ и Болоньѣ, I, 182, 396,—II, 42, 346.

P.

Рабштейнъ Іоганнъ, II, 260.
 Рабштейнъ Проволь, II, 260.
 Равенъяни Беннинтенди, де, I, 381, — II, 377.
 Ракаинелли, I, 520.
 Рамбальди Бенвенуто да Имола, I, 234 (пр. 2), 356, 497,—II, 43, 346.
 Рамбальдини, см. Витторино да Фельтре.
 Региомонтанъ Іоганнъ, см. Мюллеръ.
 Реіте гуманизмовъ на народномъ языкѣ, II, 352.
 Реньо Бартоломео де, I, 222.
 Реторика, II, 388—394.
 Ридереръ Ульрихъ, II, 268.
 Римини и гуманизмъ, I, 522; см. также Малатеста.
 Римъ. Его развалины, I, 248 и д., 263,—II, 10, 57. Курія и гуманизмъ, II, 1 и д., 33, 171, 175, 180 — 181. Римскій университетъ, особенно во времена Евгенія IV, II, 36 и д., — во времена Николая V, II, 80, 184 и д.
 Ринуччи ди Кастильоне, I, 422, — II, 40, 74—75, 168, 184.
 Ринуччини Аламанно, I, 289 (пр. 4), 302 (пр. 2), 340, 354.
 Ринуччини Чино, I, 354, 191 (пр.), 354.
 Ричардъ берійскія С. — Эдмундъ (д'Анджер-жервиаль), епископъ Дургамскій, II, 92, 220—221, 296.
 Роббіа Лука, дсала, I, 348.
 Роберти, см. Діониджи да борго Санъ-Сепольеро.
 Роберто да Лечче, миноритъ, I, 440.
 Робертъ, король Неаполитанскій, I, 27, 94, 106, 144, 411, 414 и д.
 Роде или Ротъ Іоганнъ, II, 255.
 Розелли Антоніо, юристъ, II, 39.
 Розеллини Барнардо, скульпторъ, I, 290.
 Ронто Маттео, I, 351.
 Розосъ Іоаннъ, II, 116.
 Росси Роберто де, I, 180, 206, 211, 212, 268,—II, 100, 144, 153.
 Рустичи Агашито, см. Чеччи.

C.

Сагундино Николо, I, 394, 456 (пр. 1),—II, 75, 104, 187, 156.
 Савветта Франко, I, 355.
 Савви Бартоломео, см. Платина.
 Сакко Катонъ, юристъ, I, 487 (пр. 1), II, 426.
 Саллюстій, I, 45, 494, 520, — II, 301 — 302, 348.
 Салютато Болюччіо ди Піеро, I, 179, 180, 181,—II, 169, 428. Сал. какъ секретарь при папскомъ дворѣ, I, 182, II, 6. Отношенія его къ Данту, Петраркѣ и Боккаччіо, I, 182, 183, 184, 190, 351, 355, 357—358, 360. Салютато въ качествѣ канцлера Флорентинской республики, I, 183, 185, 187, 361. Салютато—столикъ, I, 186,—II, 189, 419, 421. Сал. способствуетъ приглашенію Хризолова, I, 211. Салютато какъ собиратель книгъ, I, 195,—197, 276, 371. Онъ находитъ сочиненія Цицерона, I, 198 и д. Смерть и вънчаніе его лавровымъ вѣнкомъ, I, 192—193. Его литературная дѣятельность, I, 193, 348, 351,—II, 333, 350, 353, 359, 370, 377, 384, 388, 391, 406, 421. Политическія письма его, I, 191 и д., II, 308, 377. Его *Ars dictandi* nis I. (пр.). *De fato et fortuna*, I, 193,—II, 434. Стихи — I, 193. *De religione et fuga saeculi*, I, 194. Его полемическое сочиненіе противъ Лоски, I, 190, II, 397. Салютато превѣщаетъ рукописа елассавоъ, I, 199, II, 341. Эпитафія, I, 190 (пр. 2). Сальвианъ *De providentia Dei*, I, 244.
 Санкець де Арсвало Родриго, епископъ Балагорскій, II, 218.

Сассоло да Прато, I, 487 (пр. 1), 493 (пр. 2), 496, — II, 102.
 С.-Галленъ, см. Библиотека.
 С.-Спирито, монастырь во Флоренція, при немъ академія, I, 178, 299, — II, 49.
 Световій, II, 141, 299, 302. De viris illustribus I, 237. De oratoribus ac poetis, I, 239 (пр. 1), 399.
 Сгуропуло Дмитрій, II, 416.
 Сенезъ Руфъ, II, 271.
 Сенена Л. Анней, I, 19, 123, 127, 134, 199 (прим. 1); — II, 299, 302, 345, 346, 359, 360, 373, 442.
 Сенена Томазо, да Камерино, I, 252, 529, 530, 531 (прим. 1), 536; II, 46, 342.
 Серавалле Джіованни, I, 351.
 Сервій, Comment. ad Aeneid., II, 342 (прим. 5), 347.
 Сигерось Николай, I, 49—50.
 Сигизмундъ, герцогъ Тирольскій II, 247, 268, 271 412.
 Сигизмундъ, нѣмецкій король и императоръ, I, 256, 453, 463, 472, 514; II, 17, 21, 156, 242.
 Сикстъ IV, папа, II, 183, 214.
 Силій Италикъ, I, 226.
 Симонетта Джіов., I, 476.
 Симонетта Чиччо, I, 476, 482, 518.
 Синьорини Николю, I, 249.
 Сіена и гуманизмъ, I, 377 и далѣе; II, 414.
 Скала Бартоломео, I, 274 (пр. 2), II, 360.
 Скаламонте Франческо, I, 251 (прим. 1), 261.
 Скарампо Людовико, кардиналь, I, 483, II, 184, 385.
 Скарпарія Джіакомо д'Анджело да, I, 211, 212, 268.
 Справалле Джіов., ди, I, 351.
 Скутариота Іоаннь, II, 179.
 Соззини Маріано, юристъ, I, 318, 377; II, 352, 426.
 Созомень изъ Пистойи, см. Зоминно.
 Сольера Хуанъ, I, 421.
 Сорранцо Раймондо, I, 40—41, 42 (пр.).
 Софокль, I, 246, 495, — II, 116.
 Спинола Джіанджіакомо, II, 300, 301 (пр. 1).
 Статуи, I, 247, 254, 438; II, 214.
 Стаффордъ Джонъ, архіеписк. Кентербѣрійскій, II, 225.

Стационаріи, I, 364 (пр. 1).
 Стаций. Silvae, I, 225.
 Стегла Генрико, Георгій и Джіованни, I, 405—406.
 Сталлиана, I, 209, — II, 369 и далѣе.
 Стихотворенія гуманистовъ, писанныя народнымъ языкомъ, II, 352.
 Страбонъ, I, 90. Переводы его, сдѣланныя Гуарино и Грегорио да Читт ади Кастелло, I, 502, 504, — II, 167.
 Строщи Лоренцо, I, 270.
 Строщи Маттео, I, 270.
 Строщи Нанни, I, 270.
 Строщи Неффи, I, 270.
 Строщи Палла, I, 206, 211, 212, 256, 269, 317, 321, 325, 375, — II, 144, 149.
 Строщи Тито, I, 270.
 Сфорца Александръ, влад. Пезаро, I, 477, 484, 540.
 Сфорца Баттиста, I, 477.
 Сфорца Галеаццо Марія, 476, 522 (пр. 1).
 Сфорца Ипполайт, I, 476.
 Сфорца Франческо, герцогъ миланскій, I, 475, 476, 482, 518, 540.
 Схоларій Георгій (Геннадій), II, 137.

Т.

Таленти Томмазо де' I, 86.
 Тамбени Джіованни де' Бальдо, I, 318 (пр. 1), — II, 433.
 Тацитъ въ средніе вѣка I, 233—235. Лѣтописи и исторія I, 233 и д. Германія, Агрикола, Діалогъ, I, 237, — 178 (пр. 3).
 Тедабальдо да Каза, см. Каза да Тедабальдо.
 Теренцій, I, 494, — II, 311, 363, 364.
 Тертуллианъ, I, 244, — II, 43.
 Терунда Леонардо, II, 241.
 Тибулль, I, 197, — II, 342.
 Тинтофтъ, Джонъ Карль Уорчестерскій, II, 223, 228.
 Тиферна, см. Грегорио да Читта ди Кастелло.
 Томасъ, бриттъ, II, 229.
 Томмазо да Сардана, II, 48; см. также Николай V, папа.
 Томмазо сэръ Риги да Перуджіа, II, 353.
 Тортелло Джіованни, II, 81—82, 182, 201. De orthografia, II, 82, 334.

Траверсарі Амбродіо, I, 276, 282, 284, 292—298, 326, 327, 329,—II, 14, 154, 199, 245, 341, 386.

Трагедія гуманістовъ, I, 19,—II, 360.

Трапезунтскій, см. Георгій Трапезунтскій.

Требаніо, I, 537.

Тревизано Захарія, I, 383, 401.

Трестеръ или Тростъ Іоганнь, II, 250 (и прим. 1).

Тридентоне Антоніо Парискій, II, 364 (пр. 6).

Труды лексическіе, II, 332, 339.

Тудески Николо де', канонистъ, I, 317,—II, 425.

Турко Піетро, I, 528.

Туссець Іоганнь, II, 260.

У.

Удано Николо, да, I, 317.

Урбанъ V, папа, II, 6.

Урбіно и гуманізмъ, см. Монтефельтро.

Уорчестеръ Джонъ Карль, см. Типтофъ.

Ф.

Фаціо Бартоломео, I, 309, 424, 446,—II, 63, 156, 406, 455. «Жизнь Альфонса короля Неаполитанскаго», I, 447—448. De viris illustribus, I, 447—448, — II, 455.

Феликс V, папа, I, 311.

Фенестелла, см. Фіюкно.

Фернандо делла Діазъ, II, 318.

Фернандо, король Неаполитанскій, I, 457.

Феррара и гуманізмъ, I, 497—519. Университетъ въ Феррарѣ, I, 501, 504, 505, 516—517. Стеченіе въ Феррару слушателей курса реторики, I, 506. Феррарскій соборъ (1438), I, 500, — II, 33, 308. Также см. Эсте.

Феррето да Виченца, I, 21, 32,—II, 103, 370.

Филарго Пьетро, епископъ Наваррскій, архієписк. Миланскій, папа Александръ V, I, 458.

Филельфо Джіаммаріо, I, 337, 339, 484, 485, 488,—II, 174 (прим. 1), 412.

Филельфо Франческо, I, 282, 318, 322, 365,—II, 45, 101, 141, 300, 323, 324, 335—356, 359, 368, 371, 380, 381, 382, 387, 412, 434. Филельфо въ Падуѣ и Венеціи, I, 322—323, 392,—въ Константинополѣ, I, 322—323,—II, 101;—

въ Болоньѣ, I, 323, 392,—II, 48;—въ Флоренціи, I, 324,—II, 392;—въ Сіенѣ, I, 378, 383;—въ Неаполѣ, I, 453;—въ Миланѣ при герцогахъ Филиппѣ Маріа, I, 468—470;—во времена республики, I, 473;—при герцогахъ Франческо Сфорца, I, 479, до Николая V, II, 87—89. Его смерть въ Флоренціи, I, 337, 486. Система попрошайничанья, I, 469—481. Пелемня съ ниществующимъ орденомъ II, 190. Полемика съ Николомъ Марсунини, Поджіо и Медичи I, 328—337, 468. Поэтическія произведенія, I, 372, 380. «Сфорциада», II, 359. Комментарій къ геиме Петрарки, I, 470—471. «Жизнь Николая V», II, 49 (прим. 1), 86, 89. Переводы съ греческаго, II, 173—174.

Филиппъ де Витри, епископъ гор. Жо, II, 296.

Филиппъ Марія, герцогъ Миланскій, см. Висконти.

Филиппъ Смѣлый, герцогъ Бургонскій, II, 299.

Филлосъ, софистъ, II, 158.

Философія, заслуги и стремленія гуманістовъ, II, 402. Отношеніе Петрарки къ философіи, I, —II, 402 и д. — Отнош. къ ней Бокаччіо, I, . Философскіе трактаты, II, 405—40.

Финоти Джіованни де, I, 501 (пр. 2).

Фирмикъ Матернъ, Matheos libri, I, 242 (прим. 1).

Фичино Марселио, II, 108, 163.

Фіюкно Андреа, II, 34, 70. Его книга De magistratibus (т. наз. Фенестелла), II, 34, 148.

Флеммингъ Ричардъ, II, 230.

Флеммингъ Робертъ, II, 230.

Флоренція, какъ пристанище музъ, I, 151 и д., 268 и д. Общественыя школы, I, 153. Общественная жизнь и новое направленіе въ образованіи съ 1382 г., I, 175, 268,—II, 420. Флоренція и Петрарка, I, 139. Планъ Пантеона во Данту. Петраркѣ и др., I, 360. Флорентинскій университетъ, I, 314. Канцлеръ республики, I, 360. Историческое описаніе Флоренціи, I, 362. Изданіе книгъ и бібліотеки во Флоренціи, I, 364, 372. Соборъ по поводу воссоединенія церквей, II, 103.

Фортино Паоло, I, 361.

Франки Вивіано де Нери, I, 199 (и пр. 2).

Франція и гуманізмъ, II, 294—317.

Франческо д' Арво, графъ Тирольскій, II, 246.

Франческо да Пистойя, мппоритъ, I, 307.
 Франческо да Рома, I, 516.
 Франческо ди Лалачиано, I, 212 (пр. 3).
 Франческо де Фіана, I, 223 (прим. 1), — II, 19.
 Фреа Джонъ, I, 231.
 Фреджедо Марино де, II, 276.
 Фридрихъ III, нѣмецкій король и императоръ, I, 451,—II, 119, 133.
 Фридрихъ, пфальцграфъ Прирейнскій, II, 261—262.
 Фронтинъ, de aquis urbis Romae, I, 242.
 Фуско Доменико, I, 529 (примѣч. 1).

X.

Халкондиль Дмитрій, I, 403.
 Хризококтъ, II, 101.
 Хризолоръ Іоаннь, I, 101, 485,—II, 91.
 Хризолоръ Эммануаль, I, 210 (примѣч. 1), 275,—II, 99, 101—102. Хриз. читаеъ лекціи во Флоренціи, I, 212—213, 303, 316, — II, 144; — въ Павіи, I, 214—215;—въ Римѣ, I, 215—216,—II, 39, 41. Смерть его въ Констанцѣ, I, 216.
 Хризол. какъ писатель, I, 216,—II, 16, 144, 145, 338. Его греческая грамматика (Erotemata), I, 216,—II, 338.
 Христіанъ фонъ Траунштейнъ, II, 248.
 Хуанъ II, король настильскій и леонскій, II, 318.

II.

Цезарь, см. Юлій Цезарь.
 Цицеронъ Маркъ Туллій, I, 29—30, 425,—II, 326; Судьба его сочиненій въ средвіе вѣка, I, 35—36,—II, 303; отысканіе Петrarкою его сочиненій и нахожденіе ихъ, I, 38, 39, 27,—при томъ же рѣчи и письма I, 40—43. Книги: de consolatione, de laude philosophiae, de gloria, I, 40—43, 231, 232, 227—228, — II, 315; Циц. и Бовначіо, I, 164; Салютато и сочиненія Цицерона, въ особенности письма, I, 197 — 199; de differentis, I, 199; Цицероновы письма, II, 346, 374, 376, 378; рукопись Сервата Луца, аббата Феррерскаго, II, 295; рукопись Бартоломео Копра, I, 237; рукопись Поджіо, I, 304, — II, 378; рѣчи Цицерона, I, 229—230, 232, — II, 346; коротенькія изложенія и поясненія къ рѣчамъ Цицерона, писанныя Полегато и Лосси, I, 399, 460, — II, 347; риторическія сочи-

ненія Цицерона, I, 230,—II, 316, 369—370; переводы Цицерона на итальянскій яз., II, 141,—на англійскій, II, 229,—французскій, II, 305, 309; комментарий, II, 346; подражаніе слогу Цицерона (олатинизированіе Цицерона), I, 209—209,—II, 406.

Ч.

Чезарини Джульиано де, кардиналъ, I, 233, 293,—II, 27, 112, 414.
 Чезена и гуманизмъ, см. Малатеста Новелло.
 Чезмиче Іоаннь, см. Янъ Паннонскій.
 Ченко да Асколи, астрономъ, I, 351, 355.
 Ченчи Агапато де' Рустичи, I, 215, 222—223,—II, 13, 19—22, 100, 156, 245.
 Черменате Джованни да, I, 22.
 Черногорія, см. Протасій.
 Чеша Діонисій, архіеп. Грана и кардиналъ, II, 231.
 Чино, I, 108.
 Чиріано (де' Пиччиолла) Анконскій, I, 250—252. Страсть къ путешествіямъ, I, 252—253. Путешествіе, I, 252—260.
 Чиріано какъ ученый, I, 261—263. Его слабости, I, 264—266. Его 7 наз. itineraium, I, 259 (пр. 1). Его комментаріи, I, 260—261. Стихотворенія и сочиненія, I, 262—263.
 Чосеръ, II, 222.

III.

Шаумбургъ Петръ фонъ, епископъ Аугсбургскій и кардиналъ, II, 270.
 Швейнгеймъ Ковраль, II, 277.
 Шедель-Гартманъ, II, 267, 272.
 Шедель Германъ, II, 271.
 Шлеттштатъ, его школа, II, 274.
 Шлигъ Каспаръ, канцлеръ Сигизмунда, II, 244.
 Штерверъ Гейнрихъ, II, 266.

Э.

Эбендорферъ Томашъ изъ Газельбаха, II, 248.
 Эвопъ въ переводѣ, I, 496, II, 158.
 Эмлоги II, 353—355,—Данта, I, 15, II, 352,—Петрарка, I, 81—82, 37, 382. II, 352,—Боккаччіо. I, 169,—Салютато, I, 193.

Элегія Салютато, I, 193--194.
Элли Пьеръ д', кардиналъ, II, 305.
Эммануиль, еврей, I, 290.
Эней Сильвій, см. Пинколомини.
Эний, I, 196.
Эноке, Альбертъ, да Асколи, I, 287, 240
(пр.), II, 176—178, 185
Эпитетъ, въ переводѣ Перотти, II, 119,
168.
Эпила Мигуель д' I, 241, 421.
Эпистографія, II, 371—388.
Эпось, обработанный гуманистами, I, 193—
194, II, 358.
Эрфуртъ,—его университетъ, II, 265.
Эсте Альберто, маркиграфъ Феррарскій, I,
498.
Эсте Борсо, герцогъ Феррарскій, I, 483,
517.
Эсте Лионелло, маркиграфъ Феррарскій, I,
512—516, II, 128.
Эсте Никколо II, маркиграфъ Феррарскій, I, 497.
Эсте Никколо III, маркиграфъ Феррарскій, I,
498, II, 107.
Эскиль, I, 246, 495.
Эскинь, въ переводѣ, II, 145.

Ю.

Ювеналь, I, 13, II, 293, 348.
Юлій Цезарь, I, 303 (пр. 2), 420, 442,—
II, 300.

Я.

Янь Паннонскій (Иоаннъ Чезмиче), епископъ
Фюлфгирхенскій, I, 368, 499 (пр. 3),—
II, 158, 174, 283 и д., 358, 359.

Ѳ.

Ѳедоръ Газскій, I, 339, 370, 454, 485,
490, 536,—II, 128—130, 161, 162,
186, 338, 449.
Ѳедоръ Критскій (кандіотъ), II, 44, 46.
Ѳеофиль, II, 52.
Ѳеофрасть. «Растенія» въ переводѣ Ѳед.
Газслаго, II, 128, 168. «Метафизика»—
въ переводѣ Грегорія ди Читта ди Кастел-
ло, II, 168.
Ѳома Аквинатъ, II, 52, 417.
Ѳома грекъ, миниаторъ, II, 300.
Ѳундидъ, I, 245, 324, 509, II, 116. Пе-
реводъ Ѳух. Валлою, II, 79, 163, 181.

